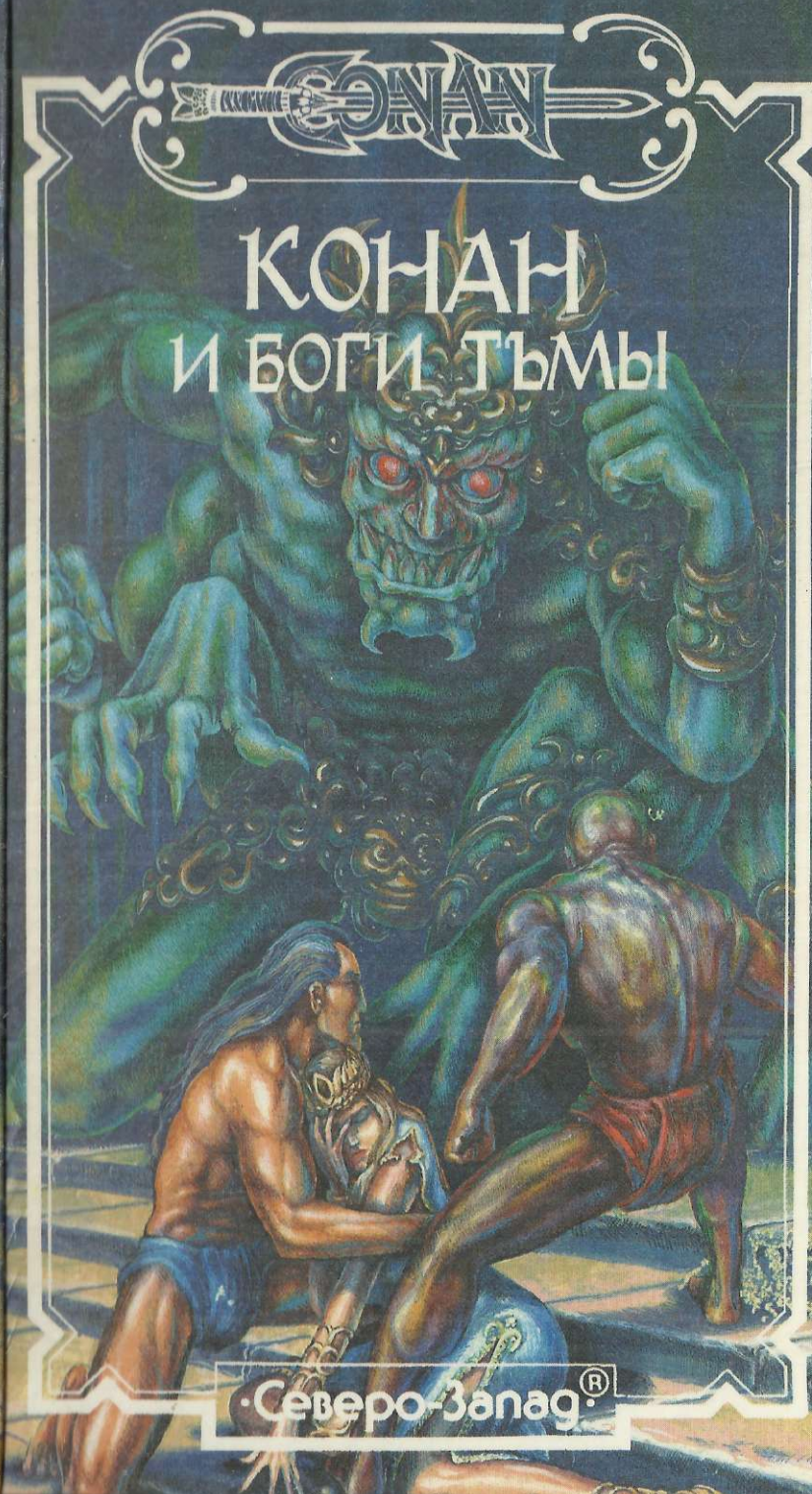

fantasy

2

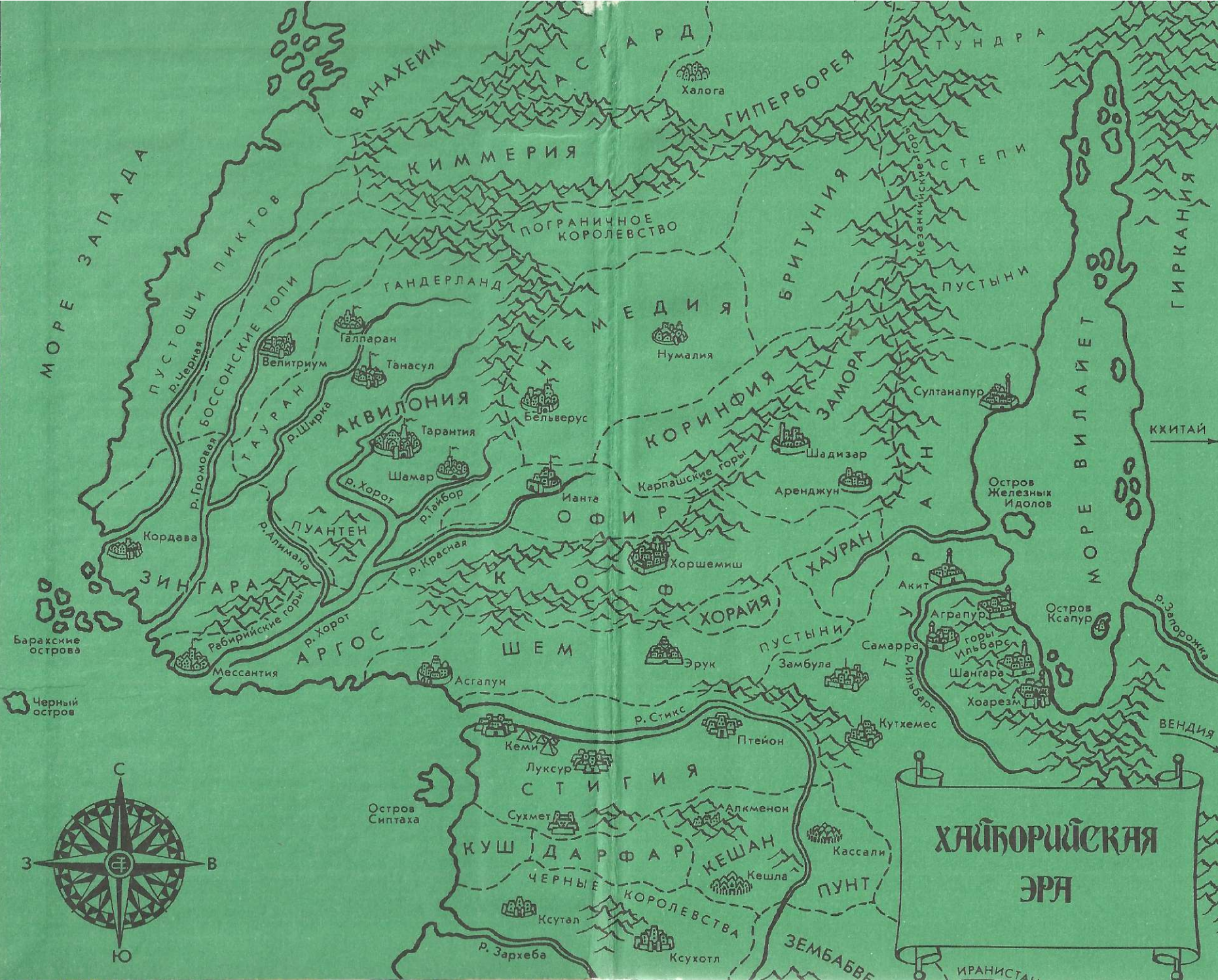
CONAN

CONAN

И БОГИ ТЬМЫ

Северо-Занэг®

КОНАН И БОГИ ТЬМЫ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

К84 **Конан и Боги Тьмы: Романы, новеллы/** Пер. с англ. —
СПб.: Северо-Запад, 1993 — 478 с.
ISBN 5-8352-0096-X

«Конан и Боги Тьмы» — вторая книга из знаменитой саги о Конане-варваре. Отважный киммериец с присущей ему прямоотой и отвагой вступает в бой с силами Тьмы.

Он убивает вырвавшийся на свободу древний ужас Стигии — Бога из чаши; знакомится с пришельцем со звезд — Великим Иагой, существом с головой слона; путешествует по морю с командой бесстрашных контрабандистов. Читатель познакомится не только с невероятными приключениями Конана, но и с географией Хайборийского мира, с народами, населявшими давно уже исчезнувшие страны, с их темными культами, жестокими обрядами и мрачными богами.

*Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.*

- © Хаецкая Е., Чех А., Вейтскин А., перевод, 1993
- © Издательство «Северо-Запад», оформление и подготовка текста, 1993
- ® **СЕВЕРО-ЗАПАД**, Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0096-X

Величайшим героем хайборийской эры был вовсе не Конан-киммериец, имя которого окутано целым сонмом легенд. От древних цивилизаций хайборийской и атлантической эпох дошли до нас лишь фрагментарные, полулегендарные свидетельства. Одно из них — «Немедийская хроника» — содержит большую часть того, что известно о жизни Конана. Отрывок о Конане начинается следующим образом.

Знай же, о принц, что между тем роковым годом, когда океанические воды поглотили Атлантиду и роскошные грады ее, и временем возвышения сынов Ария, существовала эпоха, какую едва может представить себе самое смелое воображение. Великолепные королевства раскинулись на земле точно голубое сияние среди звезд: Немедия, Офир, Бритуния, Гиперборея, Замора, славная темноволосями женищинами и баинями, обвитыми паутиной, окутанными тайной, Зингара, исполненная рыцарственного духа, Коф, чьи границы простирались до благодатных земель шемских, Стигия с ее гробницами, что охраняют тени минувшего, Гиркания, где всадники облачены в сталь, и в шелка, и в золото. Но превыше прочих гордостью было известно королевство Аквилония, владычествовавшее над ведомым людям западом. И оттуда пришел Конан — киммериец, черноволосый, с мрачным взором, с мечом в руке, вор, грабитель и мародер, разбойник, в печали чернее ночи, в веселье не знавший удержу, чтобы взойти на ступени трона ногами в простых сандалиях.

В жилах Конана текла кровь атлантов, чья прародина была поглощена океаном за восемь тысяч лет до его рождения. Он был рожден в клане, который именовал

своей территории к северо-западу от Киммерии. Дед его принадлежал к одному из южных племен. Следствием кровной мести было его бегство и, наконец, после долгих скитаний он нашел себе пристанище у людей севера. Сал Конан впервые увидел свет на поле битвы, во время сражения между его родом и грабительской ордой ваниров.

Не существует точных свидетельств о том, когда юный киммериец впервые соприкоснулся с цивилизацией, но неопровержимо, однако, тот факт, что едва минула ему пятнадцатая зима, как он уже занял место у костров совета. В тот год киммерийские собратья похоронили все свои раздоры и выступили совместно против гундеров, которые вторглись через аквилонские границы, воздвигли пограничный форт Венариум и тем положили начало колонизации киммерийских болот. В той завывающей жаждающей крови орде, что лавиной скатилась с северных гор, огнем и мечом набросилась на крепость и загнала аквилонцев в их изначальные пределы, был и Конан.

Ко времени разграбления Венариума Конан хоть и не достиг еще зрелости и продолжал расти, все же он был уже шести футов в высоту и весил сто восемьдесят фунтов. Ему были присущи чуткость и бесшумная поступь рожденного в лесах, железная крепость человека гор, геркулесова мощь, унаследованная от отца — кузнеца, и безупречное владение ножом, секирой и мечом.

После того, как форпост аквилонцев был сожжен дотла, Конан на какое-то время возвратился назад, к своему роду. Однако соблазны юношеской горячности и недовольство старым образом жизни и древними традициями гнали его прочь. Он примкнул к группе эсиров в их не слишком успешных набегах на ваниров и гиперборейцев. Последняя кампания закончилась для шестнадцатилетнего киммерийца заключением в цепи. Однако они не смогли долго удерживать его в плену...

Роберт Говард

ПОЕДИНОК В ГРОБНИЦЕ

1

КРАСНЫЕ ГЛАЗА

Вот уже два дня волки преследовали его по лесу, и теперь они вновь подошли совсем близко. Юноша бросил взгляд через плечо. Он увидел меж черных стволов неясные, смутные серые тени с глазами, как пылающие угли в наступающих сумерках. На сей раз — и он знал это — ему больше не удастся прогнать их прочь.

Он не мог видеть далеко, поскольку вокруг него стояли, точно молчаливые солдаты зачарованной армии, черные ели — настоящее войско. Снег еще задержался грязно-белыми пятнами на северных склонах гор, но журчание тысячи ручейков тающего снега и льда обещали уже близкую весну. Даже в разгар лета эти земли были темны, безмолвны, мрачны, а теперь, когда слабый свет едва рассеивал сумерки облачного дня, казались еще безотраднее.

Юноша побежал дальше, по склону, густо поросшему лесом. Он бежал так, как уже бежал два дня, после того, как с боем проложил себе дорогу к свободе из невольничьих загон гиперборейцев. Хотя по рождению он был чистокровным киммерийцем, он тем не менее примкнул к одной из тех эсирских орд, что делали небезопасными границы Гипербореи. Мрачные белокурые воины, под стать своей суровой стране, прогнали и уничтожили большую часть северян. Конан был взят в плен и впервые в своей жизни испытал на себе горечь цепей и ударов плети — обычный жребий раба.

Однако недолго терпел он неволю. Ночью, пока остальные спали, он так долго тер одно звено своей цепи о камень, пока оно не истончилось настолько, что при удобном случае его можно было сломать. И тогда, во время сильной бури, он освободился. Порванную цепь длиной в четыре фута он превратил в оружие и убил этим обрывком своего надсмотрщика, а так же солдата, который пытался преградить ему дорогу. После этого он нырнул в заросли олепника. Дождь, скрывший его от глаз преследователей, сбил со следа и охотничьих собак, и они не смогли отыскать беглеца.

Хотя теперь Конан был свободен, между ним и его родной

Киммерией простиралась огромная земля, чужие, враждебные королевства. Так что бежал он на юг, в дикую горную страну, отделявшую южные болота Гипербореи от плодородных бритунских равнин и туранских степей. Где-то на юге, слышал он, находится сказочное королевство Замора, где живут темноволосые женщины и высятся таинственные бапни — обители пауков. Там знаменитые города: столица Шадизар, именуемый Проклятым; город воров Арэнджун и Иезуд, город Паучьего Бога.

Едва год минул с той поры, как Конан в первый раз попробовал на вкус прелести цивилизации — когда он с ордой своих кровожадных киммерийских братьев по клану штурмовал стены Венариума и внес свою лепту в разграбление этого аквилонского форпоста. Эта проба пробудила его аппетит, наполнила рот слюной. У Конана не было ясного представления о том, что он намерен предпринять, только смутные мечты о дерзких приключениях в роскошных странах Юга, видения сверкающего золота, искрящихся самоцветов, яств и питья в избытке и страстные объятия прекрасных женщин благородных кровей — дар за его героическую отвагу. На Юге, думал он, его могучий рост и сила с легкостью помогут ему задавить этих слабаков-горожан и добиться славы и богатства. И потому Конан стремился на юг в поисках своего счастья, имея при себе лишь драную куртку раба и обрывок цепи в руке.

И вот однажды его учуяли волки. В обычной ситуации сильному мужчине можно не слишком страшиться этих животных, но зима, которая близилась уже к концу, была слишком суровой. Волки изголодались, и пустое брюхо заставило их позабыть обычную осторожность.

Когда звери впервые преградили ему путь, Конан с такой дикой яростью раскрутил свою цепь, что один серый волчара с перебитым позвоночником, взыв, заскребав в снегу, а второй остался лежать с разможенным черепом. Их кровь окрасила тающий снег. Изголодавшаяся стая отступила от юноши с дикими глазами и страшной цепью и вместо него принялась рвать зубами своих убитых братьев, а юноша побежал дальше на юг. Но прошло немного времени, и они вновь принялись преследовать его.

Днем раньше, на закате солнца, они выскочили перед Конаном на замерзшей реке у бритунской границы. На скользком льду он бился с ними, и его окровавленная цепь взлетала как молотильный цеп, пока самый яростный волчара не ухватил за железные звенья, не вцепился в них и не вырвал их из замерзших человеческих рук. И тогда под тяжестью стаи и бешенством драки треснул подтаивший лед. Задыхаясь и хрипя, Конан провалился в ледяную воду. Несколько

волков оказались в воде вместе с ним — беглым взглядом он заметил наполовину затянутого под лед волка, отчаянно шарившего передними лапами по краю льда в попытке выбраться — но скольким волкам удалось спастись из воды и сколько их было затянуто течением под ледяной панцирь, этого он никогда не узнал.

Стуча зубами, Конан вылез на лед на противоположном берегу, оставив позади завывающую стаю. Всю ночь и целый день, до теперешней минуты, он бежал в южном направлении по лесистым холмам, полутолый, промерзший. И вот звери вновь настигали его.

Холодный горный воздух разрывал натруженные легкие, и каждый вдох горел в них, точно глоток адского пламени. Онемевшие, налитые свинцом ноги передвигались словно бы без всякого его участия. С каждым шагом сандалии опускались в раскисшую почву и с чавканьем высвобождались.

Конан знал, что с пустыми руками не имеет ни единого шанса уцелеть в борьбе с дюжиной жаждущих крови голодных волков. Несмотря на это, он продолжал бежать. Его мрачная киммерийская натура не позволяла ему сдаваться даже перед лицом верной гибели.

Вновь пошел снег — большие серые хлопья опускались на теплую землю, и звук их падения был слышен, и темная сырая земля и высокие черные ели покрылись мириадами белых пятен. Тут и там сугробы виднелись на ковре опавшей прошлогодней хвои. Местность постепенно становилась скалистой и гористой. И в этом, подумал Конан, быть может, состоит его шанс остаться в живых. Можно прислониться спиной к скале и душить волков по одиночке. Довольно-таки скудный шанс — слишком хорошо знал он теперь стальные капканы зубов, ловкость этих истощенных тварей, которые навалятся на него весом в сотню фунтов — однако все же лучше такой шанс, чем вообще никакого.

Лес редел по мере того, как склон становился круче. Конан бежал вверх по мощной скале, которая выступала точно вход в крепость, поглощенную горой. Вот уже волки выскочили из густого леса и теперь жарко дышали Конану в спину. И вили, точно багровые демоны преисподней, когда те уносят проклятую душу.

2

ДВЕРЬ В СКАЛЕ

Сквозь мутную белизну снегопада юноша разглядел зияющий черный провал меж двух гладких могучих скал. Он бросился туда. Волки уже наступали ему на пятки. Он чувствовал их горячее дыхание на своих голых ногах, когда,

наконец, добежал до расселины. Он успел протиснуться туда как раз в то мгновение, когда передний из волков прыгнул. Истекающая слюной пасть схватила пустой воздух. Конан был в безопасности.

Но надолго ли?

Юноша наклонился и пощупал в темноте шершавую скалу в поисках какого-нибудь камня, которым можно было бы отогнать воющую стаю. Он слышал, как звери бродят вокруг в мягком снегу и скребут лапами камень. Также как и Конан, они хрипло кашляли. Они нюхали воздух и повизгивали, жажда его крови, но ни один не полез следом за Конаном в расселину, серую щелку в черноте скал. И то, что они не пошли за ним туда, было странно.

Конан установил, что он находится в узкой пещере, тьму которой лишь немного рассеивает сумеречный свет, пробивающийся через расселину. Неровный пол был покрыт нечистотами, нанесенными сюда за столетия ветром, птицами и зверьем; тут были перепревшие листья, еловые иглы, ветки, парочка-другая мослов, камешки, острые обломки скальной породы. Но ничего из этого Конан не мог бы использовать в качестве оружия.

Юноша выпрямился во весь рост — он был в свои годы уже на несколько дюймов выше шести футов — и принялся ощупывать стены, вытянув вперед руки. Вскоре он обнаружил вторую расселину. Когда он проник в еще более глубокую черноту второй пещеры, его ищущие руки нащупали странные знаки на стене — загадочные письмена неизвестного языка, неизвестного, по меньшей мере, для мальчишки-неуча из северной варварской страны, который не умел ни читать, ни писать и издевался над грамотой — даром цивилизации — именуя все это «бабскими утками».

Ему пришлось низко наклониться, чтобы протиснуться в следующую щель, но в помещении, открывшемся перед ним, он снова мог стоять во весь рост. Он замер и настороженно прислушался. Хотя здесь царила абсолютная тишина, что-то подсказывало ему, что он был не один в этом скальном зале. Не было ничего такого, что он мог бы увидеть, услышать или унюхать, однако Конан чувствовал нечто, и жутковатое ощущение захлестывало его.

Его уши — острый слух лесного охотника — ловили отзвуки эха. Судя по этим звукам, внутренняя пещера была намного больше, чем внешняя — «прихожая» этого скального дворца. Пахло пылью и пометом летучих мышей. Шаркая ногами, Конан наткнулся на мусор, рассыпанный по полу. Хотя он не мог ничего видеть, на ощупь это было не похоже на нечистоты, занесенные из леса (как во внеш-

ней пещере); скорее, это напоминало творения рук человеческих.

Он быстро шагнул вдоль стены и споткнулся в темноте об один из этих предметов. Когда отнюдь не subtilный киммериец налетел на эту вещь, она с треском разлетелась под его тяжестью. Щепка впилась в кожу и добавила еще одну царапину к тем, что оставили кустарники и волки. Ругаясь, Конан наклонился и ощупал предмет, который раздавил. Это был стул из настолько прогнившей древесины, что он разлетелся бы в труху и под менее массивным человеком, чем Конан.

Немного осторожнее он вновь принялся за исследование. Шаря руками, он коснулся предмета побольше, в котором под конец признал бывшую боевую колесницу; колеса упали, поскольку проржавели оси; сама повозка лежала прямо на полу между обломками ободов и спиц.

Затем руки Конана наткнулись на что-то холодное, металлическое — предположительно, кусок обшивки колесницы. Это навело его на очередную идею. Он повернулся и наощупь нашел старую дорогу к внешнему троту, который был едва различим во всеобъемлющем мраке. С пола передней пещеры Конан собрал горсть сгнивших листьев и несколько камешков. Вернувшись во внутреннюю пещеру он сложил древесину в кучу и начал стучать камешками по железу. После долгих отчаянных усилий он, наконец, нашел камешек, выбивавший искры в достаточном количестве.

Вскоре уже горел маленький коптящий костерок, и Конан подкладывал туда обломки стула и деревянных частей колесницы. Теперь напряжение отпустило его. Он мог немного отдохнуть после долгого бега и согреться — он промерз до костей. Яркий пылающий костер будет также удерживать на расстоянии волков, которые все еще были у расселины. Они не решались преследовать его в темноте пещеры, но не желали тем не менее отказываться от своей добычи.

Пламя распространяло теплый желтый свет, и тени танцевали на грубо высеченных в скале стенах. Конан осмотрелся по сторонам. Помещение было квадратным и еще более просторным, чем он думал. Паутина почти полностью покрывала своды пещеры. Несколько еще целых стульев стояли у стены, кроме того — два тухлых сундука, полных одежды и оружия. В гигантском скальном склепе все еще пахло смертью — запах давно истлевших и непогребенных тварей.

Внезапно волосы у юноши зашевелились на затылке и весь он покрылся гусиной кожей, когда разглядел на каменном троне у противоположной стены пещеры могучую фи-

гуру обнаженного человека. Меч без ножен лежал на его коленях; череп, с которого давно уже облезло мясо, пристально уставился на Конана сквозь коптящее пламя костра.

Вглядевшись пристальнее Конан понял, что голый великан был мертв, мертв уже давно. Кожа трупа стала коричневой, пальцы высохли и стали как тонкие ветки. Мясо слезло с костей, сморщилось и ключьями висело на открытых ребрах.

Однако это открытие отнюдь не уменьшило Конанова ужаса. Хотя юноша, для своих лет чрезвычайно отважный, не страшился битвы с врагом ни в человеческом облики, ни в облике дикого зверя, хотя не пугали его ни боль, ни сама смерть, все же он был варваром с северных киммерийских гор, и как всех варваров его охватывал ужас перед сверхъестественным, что таится в гробницах и ночной тьме — со всеми их мороками и колдунами, и демонами, с чудовищными созданиями глубокого мрака и хаоса, которые, как верят дикари, делают ночь за пределами светового круга лагерных костров весьма небезопасной. Куда милее было бы Конану иметь дело даже с голодной волчьей стаей, нежели оставаться здесь с покойником, неподвижно глазевшим на него сверху-вниз со своего каменного трона. В коптящем пламени его череп, казалось, зримо наполнялся жизнью, и пустые глазницы вспыхивали, точно оживая.

3

ТВАРЬ НА ТРОНЕ

Хотя кровь у Конана застыла и застыла, и волосы на затылке стояли дыбом, юноша напряг всю свою волю и овладел собой. Он проклинал свой несчастный страх перед сверхъестественным и на слегка негнущихся ногах сделал несколько шагов по пещере, чтобы поближе рассмотреть того, кто так давно уже мертв.

Трон представлял собой угловатый блок камня из блестящей черной породы, грубо высеченное сиденье, взгроможденное на пьедестал высотой в фут. Обнаженный либо так и скончался, сидя на троне, либо был усажен на него сразу после смерти. Одежды, в какие он был некогда облачен, ныне уже давным-давно истлели. Бронзовые пряжки и обрывки кожаных ремней от доспеха еще лежали у его ног. Цепь из необработанных золотых самородков висела на шее; неотшлифованные драгоценные камни блестели в золотых перстнях на пальцах, скрюченных, как когти, которые все еще цеплялись за подлокотники трона. Рогатый брон-

зовый шлем, в густой зелени паутины, покрывал череп над жутким иссохшим коричневым ликом.

Железным усилием воли Конан вынудил себя пристальнее рассмотреть эти разрушенные временем черты. Глаза выпали и оставили после себя лишь два черных провала глазниц. С иссохших губ облезла кожа, и теперь рот, казалось, застыл в недружелюбной улыбке, выставив желтые зубы.

Кем был некогда этот мертвец? Воин древних времен, возможно, великий вождь, которого так страшились при жизни, что и после кончины не посмели отказать ему в троне? Кто мог бы поведать об этом теперь? Сотни кланов и племен прошли с той поры по этой гористой пограничной земле и владычествовали над ней после того, как восемь тысяч лет назад изумрудно-зеленые воины Западного Океана поглотили Атлангиду. Судя по рогам на шлеме, мертвец мог быть вождем ваниров или асиров прежних времен, но возможно также, что он был примитивным королем забытого хайборийского племени, давным-давно исчезнувшего в тени Времени и погребенного под пылью эпох.

Лишь слегка подняв взор, Конан впервые заметил, что он лежало поперек костлявых колен мертвеца. Могучим оружием был он: широкий меч с клинком длиной более трех футов. Он был выкован из синеватой стали — не меди или бронзы, как того было бы естественно ожидать, принимая во внимание явную древность погребения. Быть может, то был один из первых железный мечей, когда-либо изготовленных человеческой рукой. Легенды Конанова народа рассказывали о тех днях, когда люди сражались красноватыми бронзовыми клинками, аковка стали была им тогда еще неведома. Много битв, должно быть, повидал на своем веку этот меч, ибо его клинок, хоть и острый до сих пор, нес на себе следы не одной дюжины зарубок, оставленных другими клинками и секирами, чьи удары он отразил. Был он, правда, покрыт пятнами и ржавчиной от старости, но это было все еще устрашающее оружие.

Юноша почувствовал бешеное биение пульса в висках. Кровь прирожденного воина вскипала в его жилах.

Кром, вот это меч!

С таким клинком он сможет куда больше, чем отбиться от голодной шайки волков, все еще топтавшихся, скуля, у входа в пещеру. С громко стучащим сердцем Конан потянулся к рукояти, не замечая предостерегающих всплесков в пустых глазницах высохшего трупа.

Он испытующе взвесил оружие в руке. Оно показалось ему тяжелым, как свинец — это оружие древнейших эпох. Быть может, знаменитый герой носил его, легендарный

полубог, как Кули из Атлантиды, некогда король Валузии — задолго до того, как легендарный континент поглотило не знающее покоя море...

Юноша взмахнул мечом. Его мускулы вздулись, сердце забилося еще сильнее от гордости обладания чудесным оружием. Боги мои, что за меч! С таким мечом в руке воин, стремящийся к славе, ни одну цель не назовет чересчур высокой! С оружием, подобным этому, даже полуголый юный дикарь из варварской Киммерии наверняка сумеет проложить себе дорогу через вселенную и завоевать место среди великих королей земли.

Конан отошел от трона на несколько шагов, чтобы лучше испытать меч. Он рассек им воздух, отразил воображаемое нападение, и оружие становилось ему все привычнее и привычнее. Старый острый меч свистел, когда Конан взмахивал им, и широкий клинок отражал коптящий свет пламени, игравший на нем, бросая искры света на грубые стены скалы, точно расцветшие маленькими золотыми метеорами. С таким ярким маяком он сможет поспорить не то что с голодной ордой, караулившей его у пещеры — с целым миром, полным могучих воинов.

Раздувая грудь, Конан испустил дикий боевой клич своего народа. Отзвуки этого вопля загрели под сводами склепа, разогнали по углам тени, смели древнюю пыль. У юноши и мысли не мелькнуло, что подобный вызов в таком месте, как это, может спугнуть нечто большее, чем просто тени и пыль, быть может, существ, которые по законам природы должны были мирно почитать и дремать в покое, пока на земле сменяются эпоха за эпохой.

Конан замер, точно застыв, когда внезапно уловил звук — непередаваемое сухое шуршание. Оно доносилось с той стороны склепа, где находился трон. Он резко повернулся — и волосы поднялись у него дыбом, и кровь прекратила движение по жилам. Все его суеверные страхи, весь ужас перед сверхъестественными созданиями ночи ожили и охватили его.

Мертвец проснулся к жизни.

4

КОГДА МЕРТВЕЦ ВСТАЕТ

Медленно, судорожно поднялся труп со своего каменного трона и устоялся на Конана черными провалами глазниц, где и теперь, казалось, холодным, злым огнем сверкали живые глаза. Каким-то образом — древними чарами, о кото-

рых мальчишка-варвар не мог даже подозревать — жизнь двигала иссохшую мумию вождя, мертвого бесконечно долгие годы. Рот, застывший в вечной ухмылке, хотел заговорить, челюсть открылась и захлопнулась в жуткой пантомиме ужаса, однако единственным звуком, который Конан мог услышать, был тот треск, что он уловил в самом начале. Точно терлись друг о друга истлевшие остатки мышц и высохших жил. Для Конана эта безмолвная имитация речи была еще хуже, чем то обстоятельство, что мертвец вновь жил и двигался.

С треском мумия спустилась с пьедестала трона и повернула череп в сторону Конана. Когда взор пустых глазниц замер на мече в руке Конана, в них засверкали искры. Мумия неуклюже побрела под сводами склепа и приблизилась к Конану чудовищной фигурой из кошмарного сна, приснившегося одержимому безумцу. Она простерла костлявые пальцы-когти, чтобы вырвать меч из молодых сильных рук киммерийца.

Почти парализованный суеверным ужасом Конан шаг за шагом отступал назад. В свете костра черные, жуткие тени, отбрасываемые мертвецом, метались по стене, и эти тени, словно духи, скользили след в след за мумией. Если не считать потрескивания костра, пожирившего гнилые, древние-преддревние обломки мебели, которыми Конан кормил свой огонек, треска и скрипа иссохших мышц, которые шаг за шагом тяжело приближали труп к юноше, и тяжелого дыхания, с хрипом вырывавшегося из глотки перепуганного молодого варвара, — если не считать всех этих звуков, в гробнице было совершенно тихо.

Теперь мертвец притиснул Конана к стене. Коричневые когти рывками подбирались все ближе и ближе. Реакция юноши была чисто автоматической. Инстинктивно он ударил по ним. Клинок просвистел по воздуху и отрубил протянутую руку, хрустнувшую, как сухая ветка. Хватая пустой воздух, отрубленная рука упала на пол. Из тощего обрубка не брызнуло ни капли крови.

Страшное ранение, которое вывело бы из строя любого живого воина, даже не замедлило поступи двигающегося трупа. Он только отдернул обрубок руки, лишенной кисти, назад и протянул другую.

Конан дико отскочил от стены и занес клинок, описав широкую дугу, для мощного удара. Удар обрушился на бок мумии. Ребра треснули, как гнилые ветви, и живой мертвец с шорохом рухнул на пол. Хрипло переводя дыхание, Конан остался стоять в середине пещерного зала, обхватив покреп-

че рукоять меча рукой, мокрой от пота. Он широко распахнул глаза, когда увидел, что мумия вновь тяжело поднимается и, шаркая и волоча ноги, вновь тянет к нему оставшиеся неповрежденными когти.

5

ПОЕДИНОК

Они кружили друг вокруг друга, медленно-медленно. Конан наносил удары мечом, но шаг за шагом отступал от мумии, неотступно приближающейся к нему.

Один удар по неповрежденной руке пропал втуне, потому что мумия отдернула ее в сторону. Удар был, однако, настолько силен, что Конан совершил резкий поворот вокруг своей оси, и движущийся труп его уже почти настиг, прежде чем он обрел равновесие. Пальцы-когти ухватили клочок его куртки и сорвали лохмотья одежды, так что Конан остался в одних сандалиях и набедренной повязке.

Молодой варвар отскочил назад и, широко размахнувшись, ударил мумию по голове. Чудовищное создание пригнулось, и вновь юноше пришлось поспешно отступить. Наконец, меч со звоном грянул о шлем и отрубил один из рогов. Второй удар сорвал шлем с головы и вонзился в прогнивший коричневый череп. На миг клинок оставался там — один только миг, но его было достаточно, чтобы в Конана вонзился его древний ужас перед сверхъестественным, пока юноша отчаянно пытался освободить свое оружие.

Затем меч ударил мумию по ребрам, и на одно, почти смертельное мгновение, застрял в позвоночнике, прежде чем Конан успел выдернуть клинок. Но ничто, как казалось, не могло остановить этот оживший ужас, и поскольку тот был уже мертв, не мог быть умерщвлен ничем. Вновь и вновь труп, шатаясь, поднимался и, спотыкаясь, брел вперед, не испытывая ни усталости, ни колебаний, к юноше, хотя на его теле уже остались следы таких ран, которых хватило бы, чтобы оставить извиваться в пыли добрую дюжину столь же умелых бойцов.

Как же убить то, что уже мертво? Этот вопрос гремел в голове Конана, пока ему не стало казаться, что череп у него лопнет. В легких кололо, сердце колотилось, как безумное. Колющие, рубящие удары — ничто не могло остановить оживший труп.

Теперь Конан действовал осмотрительнее. Он думал, если мумия больше не сможет держаться на ногах, она

не сможет также и преследовать его. Диким ударом снизу он перебил колени трупа. Хрустнули кости, и мумия рухнула на пол. Но все еще горела жуткая жизнь в иссохшей груди трупа. Он вновь неуклюже поднялся на ноги и заковылял следом за киммерийцем, волоча скорченную ногу.

И вновь Конан остановился и снес нижнюю половину лица мумии. Нижняя челюсть упала на пол и с лязгом пропала в тени. Однако мертвец даже не остановился. Обнаженная верхняя челюсть мерцала белым под чудовищным пыланием в глазницах, в то время как мумия неловко, но неустанно преследовала своего противника. Конан почти желал очутиться снаружи и оказаться среди волков вместо того, чтобы забираться в этот проклятый склеп, где влачат свою потустороннюю жизнь всякие твари, которые уже тысячу лет как должны быть погружены в мирный сон смерти.

Тут что-то схватило его за щиколотку. Он потерял равновесие и растянулся во весь рост на грубом скальном полу. Конан яростно дернул ногой, чтобы освободиться. Тут только он увидел, что в нее вцепилось, и кровь застыла у него в жилах — это была отрубленная кисть мумии. Пальцы с когтями впились в его кожу.

И вот уже отвратительная кошмарная фигура склоняется над ним. Обрубок лица трупа тупо уставился на него сверху вниз, когти сомкнулись на его горле.

Конан реагировал инстинктивно. Со всей силы ударил он обеими ногами навалившееся тело мумии. Оно пролетело по воздуху и с треском приземлилось позади Конана прямо посреди костра.

Теперь юноша схватил отрубленную кисть, которая все еще держала его за щиколотку. Он освободился от костлявых пальцев, вскочил на ноги и бросил отвратительную когтистую лапу мумии вслед за ее владельцем в огонь. Конан поспешно наклонился, схватил меч и повернулся — но битва была уже закончена.

Высохший за бесчисленные столетия, проведенные в дреме склепа, труп горел как сухой кустарник. Неестественная жизнь, теплившаяся в нем, заставляла его еще пытаться выбраться на свободу, в то время как пламя охватывало его, превращая мумию в живой факел. Оставалось совсем немного, и труп выбрался бы из огня, но тут подвела отрубленная нога, и он мешком рухнул обратно в разгоревшийся, трещащий огонь. Горящая рука отвалилась, как сломанная ветка. Череп покатился

по углям. Несколько мгновений — и ничего не осталось больше от этой древней мумии, кроме нескольких тлевших костей.

6

МЕЧ КОНАНА

Конан испустил вздох облегчения и задержал дыхание. После того, как напряжение исчезло, он чувствовал опустошенность в каждой клеточке тела. Он вытер с лица холодный пот ужаса и отбросил назад спутанные черные волосы, проведя по ним пальцами. Мумия мертвого воина была, наконец, воистину мертва, и могучий меч принадлежал теперь Конану. Он вновь взвесил его в руке и порадовался тому, как ловко он лежит в его ладони.

Одно мгновение он подумывал о том, чтобы провести ночь в этом склепе. Он был смертельно уставшим. Снаружи поджидали его только волки и ледяной холод, они караулили, чтобы наброситься на него, и даже его врожденное чувство ориентации, обостренное жизнью в диких краях, не много поможет ему в беззвездную ночь в чужой стране.

Но затем Конана охватило отвращение. Под сводами, полными дыма, воняло теперь не только пылью веков, но и паленым человеческим мясом, пусть даже и мертвым — это был жуткий запах, ничего подобного нос варвара еще не переносил, и желудок у него завязался узлом. Оставленный трон точно устоялся на Конана неподвижно и зло. Неприятное чувство, которое охватило его, когда он только вошел во внутренний пещерный зал, все еще не прошло. Кожу покалывало, и дрожь пробегала у него по спине, когда он думал о том, что придется провести ночь в этой гробнице.

Кроме того, новый меч наполнял его уверенностью. Грудь его вздымалась, и он завертел клинком над головой.

Секундой позже он покинул пещеру, завернувшись в старый мех, найденный в одном из сундуков, с факелом в одной руке и мечом в другой. Волков не было и следа. Он взглянул вверх, на небо. Облака разошлись. Конан внимательно посмотрел на те звезды, что были сейчас видны, затем снова пустился в свой путь на Юг.

Роберт Говард

СЛОНОВАЯ БАШНЯ

1

Коптящие факелы бросали лишь хмурый свет в Глотке, где кутили, справляя свои ночные карнавалы, ворюги востока. В Глотке они могли шуметь и пьянствовать, сколько их душе угодно, ибо почтенные граждане избегали бывать в этом квартале, и ночные сторожа, подкупленные не совсем чистыми деньгами, не перегружали своим вниманием этот район. По узким, мощеным переулкам, мимо дурнопахнущих куч нечистот и вонючих луж бродили, качаясь, орущие, буянящие пьяницы. Сталь вспыхивала в тени, где был слышен пронзительный смех женщин, а кроме того звон оружия и немого более тихий шум стычек. Свет пробивался из разбитых окон и широко распахнутых дверей. Запах перегара и потных тел сочился из этих дверей, звон кружек, стук кулаков по нестроганным доскам столов, и — как удар в лицо — разрозненные отрывки непристойных песен.

В одном из подобных кабаков было особенно оживленно. Сдавленный и пронзительный хохот гремел под низким, черным от копоти потолком. Здесь собирались висельники всех видов и родов в лохмотьях и обносках — но и в роскошнейших богатых одеяниях. Карманники с их ловкими пальцами кутили здесь, бесплощадные похитители людей, искусные скалолазы — покорители фасадов зданий, хвастливые наемные убийцы со своими потаскушками, женщины, ярко раскрашенные дешевой косметикой, с пронзительными голосами. Отпетые жулики чувствовали себя здесь как дома и составляли большую часть публики — темноволосяные, черноглазые заморанцы с кинжалом в рукаве и ложью в сердце. А кроме них — волки из полдюжины чужеземных стран, и среди них огромный гипербореец, молчаливый, опасный, с могучим двуручным мечом на боку — ибо в Глотке мужчины носили свое оружие открыто. Кроме того, был здесь фальшивомонетчик из Шема с горбатым носом и узенькой иссиня-черной бородкой. Косоглазая бритунская девка сидела на коленях гандера с светло-каштано-

выми волосами — он был из бродяжничающих наемников, и сейчас находился в бессрочном отпуске, который взял у разбитой армии. И жирный висельник, чьи сальные шутки вызывали громовой хохот, — по профессии он был похитителем людей. Он явился из далекого Кофа, чтобы принести заморанцам — которые рождались с такой ловкостью в этого рода ремесле, какая ему и не снилась — искусство красть женщин. Этот человек оборвал описание красоты одной из намеченных жертв, чтобы сделать смачный глоток вина. Затем он обтер губы и произнес:

— Клянусь Бэлом, богом всех воров, я покажу вам, как надо красть женщин! Еще до рассвета я перетащу эту юную шутку через заморанскую границу, где ее уже поджидает караван. Три сотни серебряных обещал мне один офицерский князь за прекрасную молодую бритунийку из лучшего дома. Я целые недели потратил переодетым в лохмотья нищего, выглядывая в пограничных городах что-нибудь подходящее. Да, она и впрямь девчушка как с картинки! — Он причмокнул губами, отсылая воздушный поцелуй. — И я знаю высоких господ в Шеме, которые отдали бы за нее даже тайну Слоновой Башни, — пробормотал он напоследок, прежде чем снова обратиться к своему пиву.

Его подергали за рукав, и он повернул голову, мрачно нахмурившись, оттого что ему помешали. Рослый, крепко сложенный молодой парень стоял возле него. В этом месте он казался таким же лишним, как волк среди вшивых крыс в сточной канаве. Дешевая куртка не скрывала крепкого торса, широких плеч, могучей груди, узких бедер и мускулистых рук. Лицо его загорело на солнце до черноты, синие глаза пылали. Густая грива черных, нечесанных волос падала на высокий лоб. В кожаных ножнах на поясе он носил меч.

Кофитянин непроизвольно отшатнулся назад, ибо парень не принадлежал ни к одной из известных ему цивилизованных рас.

— Ты говорил о Слоновой Башне, — сказал чужак на языке Заморы, однако с чужеземным акцентом. — Я много слышал об этой башне. Что за тайна?

Поведение чужака не показалось кофитянину угрожающим, кроме того, мужество похитителя подогревалось обильно потребленным пивом и вниманием его теперешних слушателей. Он весь надулся, дабы придать себе значимости.

— Тайна Слоновой Башни? — вскричал он. — Да ведь каждому болвану известно, что Яра, жрец, владелец могущественного колдовского камня, именуемого Сердцем Слона, живет там. В этом камне — тайна его колдовской силы.

Варвар коротко поразмыслил над этими словами.

— Видал я и башню, — сказал он. — Она стоит в большом саду над городом. Высокие стены окружают его, однако стражников я ни одного не видел. Не так-то трудно будет взобраться на стену. Почему же никто еще не стащил этот таинственный камень?

С открытым ртом кофитянин уставился на этого наивного чужеземца, затем разразился насмешливым хохотом, который подхватили и остальные.

— Послушайте только этого дикаря! — громыхал он. — Он хочет спереть камешек Яры. Слушай ты, парень, — сказал он и повернулся к молодому человеку. — Положим, ты, конечно, варвар, откуда-нибудь там с севера...

— Я киммериец, — заявил чужак не совсем дружески. Ответ и тон мало что сказали кофитянину. Он происходил из королевства, лежащего далеко на юге у шемских границ, и мало что знал о народах севера.

— Тогда навести уши и немножко поучись! — сказал он и указал пивной кружкой на немного смущенного парня. — Знай же, что в Заморе и в первую очередь в этом городе живет больше искусных воров, чем где-либо в этом мире, больше даже, чем в самом Кофе. Если бы смертный человек мог украсть этот драгоценный камень, то можешь быть уверен, он давно бы уже попал в чужие руки. Говоришь, простое дело вскарабкаться на стену, но едва ты успеешь туда забраться, как сразу об этом пожалеешь. Хорошая есть причина, коли сторожа по ночам не обходят этот сад, то есть, сторожа-люди. Однако сторожевая комната внизу в башне всегда полна народу, и даже если тебе и удастся невредимым пройти мимо тех, кто ночью держит под наблюдением сад, не сводя с него глаз — или что там у них вместо глаз, — тебе придется с боем пробиваться через караулку мимо сторожей-людей, чтобы добраться до побрякушки, которая хранится где-то там, в башне, наверху.

— Но если кому-нибудь повезет пройти через сад, почему бы ему не попытаться добраться до камня через верхнюю часть башни, — возразил киммериец. — Этим он бы избежал встречи со стражниками.

И снова кофитянин уставился на него, разинув рот.

— Нет, вы послушайте его! — крикнул он насмешливо. — Варвар у нас орел, который может взлететь над ограждением башни, усаженным драгоценными камнями! — Он снова бросил взгляд на киммерийца. — Да разве ты не знаешь, что эта башня пятьдесят и еще сто футов в высоту и ее круглые стены еще глаже, чем отполированное стекло?

Варвар с пылающим взглядом огляделся вокруг. Грохочущий смех, поднявшийся после издевательского замечания, немного смутил его. Сам он не видел никакого основания

для веселья, и он был еще слишком неопытен для этого цивилизованного мира, чтобы понимать все его ухищрения. Цивилизованные люди скорее могли бы позволить себе быть невежливыми, чем дикарь, ибо им довольно трудно бывает представить себе опасность оказаться с раскроенным черепом за невежливые слова. Он был смущен и раздосадован, и, без сомнения, отступил бы в смутении, не говоря ни слова, не продолжай кофитянин его задира.

— Иди-иди! Расскажи этим беднягам, которые чуть-чуть больше занимались своим воровским ремеслом, чем ты прожил лет, как ты собираешься добыть себе камушек!

— Всегда найдется путь, если мужество равно потребности, — раздраженно возразил киммериец.

Кофитянин принял эти слова как персональное оскорбление. Его лицо залилось краской.

— Что?! — взревел он. — Ты посмел обругать нас в глаза трусами? Убирайся! С глаз моих! — Он наградил Конана сильным тычком.

— Ты берешь на себя слишком много воли насмешничать надо мной. Да еще поднял на меня руку? — процедил варвар сквозь зубы. Он больше не мог обуздывать быстро возрастающую ярость. Он ответил на тычок ударом ладони, который сбросил насмешника на грубо выструганный стол. Пиво плеснуло через край кружки. Кофитянин злобно зарычал и вытащил меч.

— Собака дикарь! — загремел он. — За это я вырежу сердце из твоей груди!

Блеснула сталь. Сидящие вокруг поспешно бросились искать безопасное местечко. В спешке они опрокинули единственную, горевшую в комнате свечу. Кабак погрузился в темноту. Треск опрокидываемых скамеек, топот ног, вопли и проклятия — вот что было слышно, — пыхтение обоих задири, наконец, пронзительный крик боли, пронзивший гвалт и сумятицу. Когда свечу снова запалили, оказалось, что большинство гостей исчезли, сбежав через дверь и разбитое окно, остальные забрались под столы и за винные бочки. Варвар тоже покинул заведение. В центре комнаты лежал окровавленный труп кофитянина. С безошибочным варварским инстинктом киммериец отыскал обидчика в темноте и, воспользовавшись всеобщей суматохой, прикончил.

2

Свет факелов и шумное веселье гуляк остались позади. Киммериец избавился от своей рваной куртки и теперь шагнул сквозь ночь совершенно голый, если не считать набед-

ренной повязки и высоких шнурованных сандалий. Он скользил с гибкостью тигра, его стальные мускулы играли под загорелой кожей.

Конан достиг той части города, что прилежала к храмам. Они поблескивали в свете звезд со своими мраморными снежно-белыми колоннами, золотыми куполами и серебряными арками порталов, эти ларцы бесчисленных чужих божеств Заморы. Конан не слишком ломал себе над ними голову. Он знал, что религия Заморы, как и все прочее у народа, издавна изведавшего блага цивилизации, сложна и понять ее нелегко, и что свое изначальное естество она давно затеряла в лабиринте обрядов и обычаев. Много часов провел он на открытых площадях, внимая увещаниям теологов и учителей, и после этого запутался еще больше, чем прежде. Но в одном отныне он был убежден твердо: ни один из этих философов не пребывал в здравом рассудке.

Его родные боги были просты и понять их было несложно. Кром был верховным среди них. Он жил на высокой горе, откуда насылал испытания и смерть. Бесполезно было молить о чем-либо Крома, ибо он был мрачным, диким богом и презирал трусов. Но мальчика при рождении он наделил мужеством, волей и силой убивать врагов. Это было, по воззрениям варваров, все, чего следовало ожидать от бога.

Сандалии Конана не издавали ни малейшего шума, ступая по блестящим камням мостовой. Ни одного стражника не было видно, ибо даже воры из Глотки избегали храмы, где — как кругом болтают — всякого, кто ступал в них с нечистыми намерениями, ждала ужасная судьба. Впереди Конан видел Слоновую Башню, устремлявшуюся к небу. Он спрашивал себя, откуда она получила свое имя. Никто этого, казалось, не знал. Сам он еще никогда не видел слона, однако знал, если только правильно понял, что это чудовищно огромный зверь с одним хвостом спереди и одним сзади. Во всяком случае, так рассказывал ему путешественник-шемит и при том клялся, что тысячами видел таких зверюг в стране гирканцев. Но нужно, конечно, еще не упускать из виду, что все шемиты большие любители соврать. В Замоге, по крайней мере, никаких слонов не водилось.

Холодно поблескивая, башня, казалось, хотела схватить звезды. В солнечном свете она так ослепляла, что только немногие переносили прямой взгляд на нее. Шептали, что она целиком построена из серебра. Она имела форму цилиндра, была высотой в сто пятьдесят футов, и драгоценные камни мерцали в свете звезд — они были густо утыканы в верхний край или в заграждение, что опоясывало башню. Башня стояла посреди сада, раскинутого высоко над горо-

дом, и легкий ветерок раскачивал ветви чужеземных деревьев. Могучая стена окружала сад, и с внешней стороны стены вокруг находилась низкая, не очень широкая полоска земли, которая также была отгорожена стеной. Ни один луч света не вырывался из башни. Она явно не имела оконных отверстий, по меньшей мере, их не было над внутренней стеной. Только сверкающие камни высоко наверху разбрасывали холодное сияние.

Под нижней внешней стеной рос густой кустарник. Киммериец проскользнул поближе и остановился, чтобы лучше разглядеть всю картину. Хотя стена была довольно высока, одним прыжком он наверняка мог бы уцепиться пальцами за край стены, а дальше оставались детские игрушки — подтянуться и перебраться через нее. Он не сомневался, что и внешнюю стену может одолеть подобным же образом. Но он заколебался при мысли о неизведанных жутких опасностях, которые, как он предполагал, подкарауливают его в саду. Здесьние люди казались ему чужими и полными загадок. Они были совсем другого рода, чем киммериец, они были даже не той крови, что более западные народы — бритунцы, немедийцы, кофитяне и аквилонцы, о тайнах цивилизации которых он уже многократно был наслышан. Люди в Заморе произошли от одной старой, очень старой цивилизации, и, насколько он успел с ними познакомиться, они казались ему до основания испорченными и развращенными.

Он подумал о Яре, верховном жреце, который плел свое темное чародейство в башне из драгоценных камней. Волосы киммерийца поднялись дыбом, когда на ум ему пришла одна история, выболтанная придворным пажом в изрядном подпитии — как Яра засмеялся в лицо одному мирно настроенному принцу и преподнес ему пылающий дьявольский драгоценный камень. Ослепляющие лучи вырвались из этого страшного камня и окутали принца. С криком опустился тот на пол и обуглился, превратившись в черный комок, который, в конце концов, обернулся пауком и принялся торопливо шнырять по покою, пока Яра не раздавил его подошвой.

Не часто покидал Яра свою колдовскую башню, а когда делал это, то явно только для того, чтобы ввергнуть в несчастье какого-нибудь человека или даже целый народ своей черной магией. Король Заморы боялся его пуще смерти. Он был постоянно пьян, ибо не мог смиренно переносить этот чудовищный страх. Яра был очень стар — поговаривали, будто он живет несчетные столетия и будет жить вечно, и все это с помощью магии камня, повсеместно именуемого

Сердцем Слона — по той же причине, по какой высокое строение получило имя Слоновой Башни.

Погруженный в мысли такого рода, киммериец поспешно прижался к стене, когда уловил размеренные шаги в саду. Вместе с шагами он уловил также слабое позвякивание металла. Так что все-таки хотя бы один стражник ходит вокруг сада. Варвар ждал, пока тот не вернется, закончив обход, но опустила ничем не прерываемая тишина.

Наконец, любопытство пересилило. Киммериец подскочил, ухватился за край стены и подтянулся вверх на одной руке. Затем плашмя лег на стену и посмотрел вниз, на полоску земли между обеими стенами. Тут не росло никаких кустов, только непосредственно перед самой внутренней стеной он увидел несколько заботливо подстриженных кустиков. Звездный свет падал на ухоженные газоны. Где-то плескал фонтан.

Конан осторожно спустился. Он вытащил меч из ножен и огляделся. Беспокойство дикаря, который стоит незащищенным под ярким светом звезд, наполняло его, и поэтому он быстро пробрался в тень стены за поворот, пока не оказался рядом с теми кустами, что заметил прежде. Ловкими, быстрыми шагами он пробежал, низко пригнувшись, к ним и почти что споткнулся о нечто, лежавшее, скорчившись, возле кустов.

Быстрый взгляд в обе стороны — по меньшей мере, в пределах видимости не имелось ни одного врага. Конан наклонился над фигурой. Острые глаза разглядели в свете звезд крепко сбитого мужчину в серебристом доспехе и шлеме с гребнем заморанской королевской гвардии. Щит и пика лежали рядом с ним. Конан установил, что солдат был задушен. Варвар беспокойно огляделся по сторонам. Ему стало ясно, что это был тот стражник, шаги которого он слышал с той стороны стены. Прошло всего немного времени, и тем не менее неизвестная рука схватила из темноты солдата за горло и лишила его жизни.

Напряженные глаза Конана внезапно уловили движение в кустах подле стены. Держа ладонь на рукояти меча, он прокрался туда. При этом он издавал шума не больше, чем пантера, скользящая в ночи. Тем не менее человек, на которого Конан хотел напасть внезапно, услышал его. Киммериец увидел на стене могучую тень и почувствовал облегчение — тень имела человеческие очертания. Незнакомец резко развернулся с хриплым выдохом, в котором была паника, и явно хотел наброситься на своего противника. Но когда свет звезд отразился от Конанова клинка, тот вновь отшатнулся. Прошло напряженное мгно-

вание ожидания — каждый выжидал, что будет делать второй, оба готовые немедленно перейти к обороне.

— Ты не солдат, — прошипел, наконец, незнакомец. — Ты вор, как и я.

— А кто ты? — недоверчиво спросил киммериец.

— Таурус из Немедии.

Киммериец опустил меч.

— Я слышан о тебе. Тебя называют королем воров.

Тихий смехок послужил ответом. Таурус был ростом с киммерийца, но тяжелее. Он был довольно-таки толст и обладал большим брюхом, однако каждое его движение выдавало невероятную ловкость и стальную силу. Его острые глаза оживленно блестели в свете звезд. Он был бос и имел при себе свернутую веревку, тонкую, но прочную, с узлами на равных расстояниях.

— А ты кто? — прошептал он.

— Конан из Киммерии, — ответил варвар. — Я хочу отыскать дорогу к драгоценности Яры, которую именуют еще Сердцем Слона.

Конан почувствовал, как толстое брюхо заколыхалось от смеха, но в этом хохоте не было издевки.

— Клянусь Бэлом, богом всех воров! — прошипел Таурус. — Я полагал, что кроме меня ни в ком не достанет мужества отважиться на *такое*. Эти заморанцы называют себя ворами — фу! Конан, мне нравится твоя наглость. Еще никогда я никому не позволял выходить со мной вместе на охоту, но клянусь Бэлом, если тебе хочется, попробуем вместе проделать это приключение.

— Так ты здесь тоже в погоне за камнем?

— А ты что думал? Месяц я потратил на разработку плана. А ты, как я думаю, действуешь под влиянием секундного порыва, я прав?

— Да, — пробурчал Конан. — Это ты убил солдата?

— Разумеется. Я перелез через стену, когда он патрулировал другую сторону сада. Спрятался в кустиках. Он услышал меня, или, по крайней мере, ему почудилось, что он что-то слышит. Когда он пробежал мимо, было совсем не трудно прыгнуть на него со спины и перекрыть ему воздух. Как и большинство людей, он в темноте наполовину слеп. Хороший вор должен иметь глаза как у кошки.

— Ты допустил ошибку, — сказал Конан.

Глаза Тауруса зло блеснули.

— Я? Ошибку? Не может быть!

— Ты должен был оттащить труп в кусты...

— ...сказал подмастерье мастеру. Смена караула только в полночь. Если бы кто-нибудь начал его искать и обнаружил бы труп, он побежал бы прямой дорожкой к Яре, чтобы

поднять тревогу. Между тем у нас было бы довольно времени, чтобы унести отсюда ноги. А вот если бы они его не нашли, они обыскали бы каждый куст и загнали нас в ловушку, как крыс.

— Ты прав, — признал Конан.

— Так что, теперь слушай. Мы только транжирим время с этой проклятой болтовней. Во внутреннем саду нет стражников — я хочу сказать, людей. Но в любом случае там бродят твари, которые куда смертоноснее. Их присутствие заставило меня ломать себе голову долгое время, но под конец я нашел способ устранить их.

— А что солдаты внизу, под башней?

— Старик Яра гнездится наверху. Туда мы попадем и назад тоже вернемся, я надеюсь. Не спрашивай меня сейчас, как! Я предусмотрел и позаботился только об одной возможности. Мы заберемся сверху и оттуда свалимся на колдуна и придушим его, прежде чем он успеет положить нас одним из своих проклятых чародейств. То есть, мы попытаемся это сделать. Либо мы окончим свои дни в обличии пауков и жаб, которых он раздавит сапогом, либо огромная власть и необъятное богатство — наши. Все хорошие воров должны идти на риск.

— Я готов к этому, — заявил Конан и стряхнул с ног сандалии.

— Тогда за мной!

Таурус повернулся, прыгнул, схватился за край стены и подтянулся вверх. Подвижность этого человека была неправдоподобной, если только подумать о его сложении. Со стороны это выглядело так, словно он почти взлетел на вершину стены. Конан последовал за ним и распростерся рядом. Они объяснялись только еле слышным шепотом.

— Я не вижу огня, — пробормотал Конан.

Нижняя часть башни не отличалась по виду от верхней половины, той, что была видна снаружи стены — гладкий, блестящий цилиндр, и никаких отверстий.

— Имеются окна и двери, очень искусно скрытые в стене, — тихо объяснил ему Таурус, — однако они закрыты. Солдаты дышат воздухом, который поступает сверху.

Сад был морем смутных теней, кустарники и низкие деревья с длинными ветвями тихо колебались внизу. Конан ощущал, как снизу исходит подстерегающая их угроза, ловил на себе пылающий взор невидимых глаз, и слабый запах касался его ноздрей, от которого у него тотчас же волосы на затылке поднялись. Он непроизвольно заскрежетал зубами, как охотничья собака, поймавшая запах отвратительного врага.

— За мной! — выдохнул Таурус. — Находишься постоянно за мной, если тебе дорога твоя жизнь!

Прежде чем легко спрыгнуть в траву внутреннего сада, Таурус достал из-за пояса нечто, что выглядело как медная трубка. Конан приземлился рядом с ним, держа меч наготове. Таурус тесно прижал его к стене и не двигался, только сделал шаг вперед. Его поведение выдавало напряженное ожидание, и его взгляд, как и взгляд Конана, был направлен на тонувший в тени кустарник, находившийся на удалении в несколько шагов. Внезапно он заколебался, хотя не было ни дуновения ветерка. И вот уже блеснули между подвижных теней два больших глаза, а за ними в темноте еще и еще.

— Львы! — пробормотал Конан.

— Правильно. Днем их держат в подвальных помещениях под башней. Поэтому-то ни одного человека в этом саду и нет.

Конан быстро пересчитал глаза.

— Я вижу пять, однако, вероятно, в кустах еще несколько. Они могут напасть каждый миг.

— Тихо! — прошипел Таурус. Осторожным движением он отделился от стены, точно ступал по сырым яйцам, и поднял тонкую медную трубку. Конан чувствовал поблизости огромные слюнявые пасти (хотя не мог их видеть) и хвосты с кисточками, беспокойно хлещущие по светлым бокам. В воздухе сгустилось напряжение. Киммериец крепче ухватился за рукоять меча. Каждое мгновение он ожидал атаки огромных сильных тел. Тут Таурус поднял к губам медную трубочку и сильно выдохнул. Желтый порошок дождем брызнул из нижнего отверстия трубки и быстро разделился на густые желто-зеленые облачка, которые опустились на кустарник и скрыли из виду сверкающие глаза.

Поспешно примчался Таурус назад, к стене. Конан, ничего не понимая, воззрился на кусты. Плотное облако полностью окутало их. Ни единого, ни малейшего шороха не доносилось оттуда.

— Что это еще за пыль? — тревожно спросил киммериец.

— Смерть! — шепнул немедиец. — Если поднимется ветер и подует в нашу сторону, нам нужно будет немедленно перепрыгивать через стену. Но нет, еще безветрие, а облако скоро рассеется. Нам нужно всего лишь переждать, пока оно исчезнет окончательно. Вдохнуть его — верная гибель.

Вскоре только несколько желтоватых теней, как призраки, колебались в воздухе. Наконец, рассеялись и они, и Таурус сделал знак своему спутнику следовать за ним. Они

проскользнули к кустам. Конан громко втянул в себя воздух. Пять могучих тел неподвижно лежали в тени, огонь свирепых глаз потух навсегда. Сладковатый, одурманивающий аромат еще висел в воздухе.

— Они погибли, не издав ни малейшего звука! — проговорил киммериец, пораженный. — Таурус, что за порошок такой?

— Это измельченные цветки черного лотоса, произрастающего только в непроходимых джунглях Кхитая, где живут лишь бритоголовые желтолицые жрецы Юуна. Запах этих цветков смертелен.

Киммериец опустился на колени возле сильных животных, чтобы удостовериться, что они в действительности более не в состоянии причинить кому-либо зло. Он потряс головой. Магия чужеземных стран была для варвара с севера жуткой и непонятной.

— Почему бы не убрать солдат из башни точно таким же способом? — спросил он.

— Потому что это был весь порошок, какой я сумел раздобыть. Даже эту малость получить в руки было деянием, достойным для величайшего вора всех времен и народов. Я стянул его из одного каравана, направляющегося в Стигию. Я поднял его, спрятанного в золотом мешочке, — он лежал между колец свернувшейся огромной змеи, которая должна была охранять его, и не разбудил ее. Но идем же, во имя Бэла! Или мы всю ночь будем только языком молот?

Они пробрались сквозь кустарник к блестящему подножию башни, и тут Таурус, сохраняя молчание, развернул свою веревку с узлами, на одном конце которой имелся крепкий железный крюк. Конан сообразил, что тот намеревался предпринять, и не задал ни одного вопроса, когда немедиец взял веревку под крюком и раскрутил его над головой. Киммериец прижался ухом к гладкой стене, чтобы прислушаться, однако ничего не уловил. Солдаты в караулке явно даже не набредали на мысль, что в саду могут находиться взломщики. Немедиец тоже не слышал больше никаких шорохов, кроме ночного ветерка, который легонько поигрывал ветвями деревьев и кустов. Но внутреннее беспокойство охватило варвара. Быть может, вездесущий запах львов был тому виной.

Таурус без всяких видимых усилий зашвырнул веревку в высоту. Крюк взлетел, описав странное вращающееся движение, и исчез за краем башни, усыпанном драгоценностями. Он явно прочно зацепился там, поскольку не подался ни при осторожном, ни при сильном рывке веревки, и держался надежно.

— Повезло с первого раза, — возликовал Таурус, — я...

Варварский инстинкт внезапно подбросил Конана и заставил его вихрем обернуться назад. Он ничего не слышал, ибо смерть приблизилась к ним совершенно беззвучно. Один взгляд — и киммериец бегло заметил огромное желто-коричневое тело, вырисовывающееся на фоне звезд и уже приготовившееся к смертельному броску. Ни один человек, выросший в неге цивилизации, не смог бы отреагировать так быстро, как варвар. Меч сверкнул, как ледяной кристалл в свете звезд, и всю отчаянную силу могучих мышц вложил Конан в удар. И вот уже человек и зверь сплелись на земле.

Яростно, однако почти беззвучно ругаясь, Таурус нагнулся над телами дерущихся и увидел, что его спутник пытается высвободиться из-под чудовищной туши, бессильно навалившейся на него. Второй взгляд — удивленный — и немедиец обнаружил, что лев мертв, голова его рассечена. Он схватил труп и совместными с варваром усилиями ему удалось откатить льва в сторону и освободить киммерийца. Конан поднялся на ноги. Меч, с которого еще стекала кровь, он крепко сжимал в руке.

— Ты ранен? — хрипло спросил Таурус, все еще потрясенный быстротой, с которой разыгралась эта неожиданная битва.

— Нет, клянусь Кромом! — заверил его варвар. — Но я редко бывал так близко к смерти. Почему же проклятая бестия не зарычала, прежде чем напасть?

— В этом саду все необычно, — проворчал Таурус. — Львы наносят удар безмолвно — как и все в этом месте, полным призраков. Ну, идем же теперь! Битва не была совершенно бесшумной. Солдаты могли что-нибудь все-же услышать, если они не дрыхнут или не напились. Эта тварь, должно быть, бродила в другой части сада и таким образом избежала смерти от яда. Но других львов здесь нет, не сомневаюсь. Нам нужно теперь забраться наверх как можно быстрее — и я, разумеется, только зря израсходую дыхание речи, если стану спрашивать киммерийца, умеет ли он лазать по скалам.

— Если веревка выдержит мой вес, — проворчал Конан и вытер меч о траву.

— Выдерживает три моих, — ответил Таурус. — Она сплетена из волос мертвых женщин; чьи косы я выкрадывал из гробниц в час полуночи. А чтобы придать ей еще больше крепости, я окунул ее в смертельное молоко дерева анчар. Я залезу первым, следуй за мной, не отставая.

Немедиец схватился за веревку и обвил ее ногой. Как кошка, вскарабкался он наверх, заставив в очередной раз забыть тучность своего массивного торса. Киммериец последовал за ним. Веревка раскачивалась и крутилась, но это

не мешало двоим вору, оба они уже имели за спиной куда более сложные опыты успешного покорения отвесных скал и стен. Усеянный драгоценностями край башни сверкал высоко над ними. Он немного выдавался в стороны над отвесными стенами, так что веревка свисала с него на расстоянии примерно фута от стены, что значительно облегчало восхождение.

Все выше и выше забирались они, так бесшумно, как это только было возможно. Огни города все шире расстилались перед их взором, и звезды казались тусклыми под блеском драгоценностей на парапете крыши. Таурус уже добрался до них, подтянулся и перелез через парапет. Конан немного задержался, он был захвачен зрелищем огромных драгоценных камней, сверканье которых остро резало ему глаза. То были бриллианты, рубины, смарагды, сапфиры, бирюза, лунные камни, и все они плотно сидели рядом друг с другом в мерцающем серебре. Издалека многоцветные огни сливались в одно пульсирующее белое пылание, но теперь, вблизи, они блистали всеми оттенками и цветами радуги и почти приковали своим блеском.

— Да здесь сказочное богатство, Таурус! — задохнулся Конан, но немедиец подтолкнул его:

— Давай быстрее! Если мы заберем себе Сердце, все остальное тоже будет нашим.

Конан перелез через сверкающее ограждение. Крыша башни находилась на несколько футов под парапетом. Она была плоской и сделанной из темно-синего, выложенного золотом материала. Свет звезд отражался от нее, так что в целом она была похожа на гигантский сапфир, осыпанный золотой пылью. Почти напротив того места, где они забрались через парапет, находилась своего рода будочка или каморка, выстроенная прямо на крыше. Она была сделана из того же серебристого материала, что и стены башни, и вся сплошь усеяна маленькими драгоценными камнями, образующими разнообразные узоры. Дверь была золотая, покрытая орнаментом в виде чешуй и осколками драгоценностей, которые сверкали, как лед.

Конан бросил взгляд на переливающееся море огней далеко внизу, а потом взглянул на Тауруса. Немедиец втянул наверх свою веревку и смотал ее в моток. Он указал варвару место, где зацепился крюк — опору нашло только острие "кошки" — пониже огромного, светящегося драгоценного камня на внутренней стороне ограждения.

— Нам опять повезло, — пробормотал он. — Вполне могло случиться так, что наш общий вес мог вырвать камень из опоры. Ну, за мной, настоящие трудности начинаются

только сейчас. Мы с тобой в логове змеи и еще не знаем, где она сама.

Как тигры на охоте, они двинулись по темному полу и остановились перед сверкающей дверцей. Таурус осторожно попытался ее отворить. Она подалась без сопротивления. Оба вора напряженно всматривались, готовые ко всему. Через плечо немедийца Конан осматривался. Стены, потолок, пол были усыпаны большими белыми драгоценными камнями, которые, казалось, изливали огонь, и освещали весь покой ярким светом. Ни одного живого существа здесь не было.

— Прежде чем мы вторгнемся в логово змеи, нам нужно, вероятно, еще удостовериться, как там дела внизу. Глянь-ка через ограждение во все стороны. Если увидишь в саду солдат или вообще что-нибудь подозрительное, тотчас дай мне знать! Я подожду тебя здесь, в этом покое.

Конан счел эту меру предосторожности излишней и в его настороженной душе проснулось легкое подозрение относительно его спутника, однако он сделал то, что приказал Таурус. Когда он отвернулся, немедиец заскочил в комнатку и притворил за собой дверцу. Конан совершил осторожный обход вокруг ограждения, не заметив в глубине сада под башней в колыхающемся море листьев ни малейшего подозрительного движения. Он возвратился к дверце — и внезапно из глубины комнатки донесся придушенный крик.

Киммериец испуганно сделал большой прыжок к дверце, когда она распахнулась и оттуда, озаренный холодным мерцанием, вывалился Таурус. Он шатался, раскрывал рот, но лишь сухое шипение вырывалось из его горла. Пытаясь найти опору, он хватался за золотую дверцу, зашатался, споткнулся и во весь рост рухнул на пол, прижимая ладони к горлу. Дверца сама собой закрылась за ним.

Конан, пригнувшийся, словно пантера, в тот мимолетный миг, пока дверь была открыта, не увидел в помещении за спиной насмерть пораженного немедийца ничего подозрительного — разве что тень, мелькнувшую по гладкому полу. Но это мог быть просто обман зрения. Ничто не выскакило на крышу из комнатки, преследуя немедийца. Конан склонился над лежащим.

Широко раскрытыми, остекленевшими глазами, которые казались невероятными и смятенными, уставился Таурус в высоту. Его пальцы впились в горло, он издавал невнятные булькающие звуки. И вдруг замер. Пораженный киммериец тут же понял, что Таурус мертв, и у него появилось чувство, что Таурус так и умер, даже не поняв до конца, какая же смерть его постигла, какая гибель дотянулась до него ког-

тями из темноты. Конан растерянно уставился на золотую дверцу, скрывающую столь ужасную тайну. В пустом помещении за ней, среди мерцающих стен, усыпанных самоцветами, смерть так скоро и так загадочно одолела короля воров, как это случилось в саду со львами.

Варвар задумчиво потрогал полуобнаженный труп в поисках ранений. Но единственным следом внешнего воздействия были три крошечные ранки на могучем затылке — они выглядели так, словно три иголки глубоко вонзились в кожу и тут же быстро были выдернуты обратно. Едва заметные края ранок почернели и от них исходил слабый запах тления. Отравленные метательные иглы? — размышлял Конан. Но тогда снаряды остались бы в ране.

Осторожно скользнул Конан к золотой дверце, толкнул ее и заглянул в комнатку. Она была пуста. Единственное, что казалось там живым, были светящиеся драгоценные камни, освещавшие ее. В центре потолка взгляд Конана скользнул по удивительному орнаменту. Он был восьмиугольным, черным и в центре узора четыре самоцвета горели красным огнем, совершенно иначе, чем белое сияние камней вокруг. На противоположной стороне находилась еще одна дверь, похожая на ту, возле которой стоял Конан, но без узора в виде чешуи. Пришла ли смерть оттуда и ушла ли обратно за эту дверь после того, как нанесла удар?

Конан закрыл за собой дверь и вошел в комнату. Его босые ступни не издавали ни единого шороха на хрустальном полу. Здесь не имелось ни стульев, ни столов, только четыре дивана, шелковая обивка которых была заткана золотыми нитями, сплетающимися в странный узор в виде змей. Кроме того, имелись обитые серебром сундуки из красного дерева. Некоторые были снабжены тяжелыми золотыми замками, резные крышки других были откинuty, выставив напоказ хранившиеся в них сокровища — драгоценные камни всех родов, смешанные и наваленные кучей.

Конан беззвучно выругался. В эту ночь его удивленному взору предстало богатств больше, чем он предполагал найти во всем мире. Он был готов вспорхнуть при мысли о том, какой же ценности окажется тот драгоценный камень, за которым он охотился.

Теперь Конан находился в центре комнаты и, пригнувшись, двигался дальше, насторожено вытянув вперед меч, когда второй раз за эту ночь бесшумная смерть набросилась на свою жертву. Пролетевшая тень, скользнувшая над блестящим полом, была единственным предупреждением, и только инстинктивный прыжок в сторону спас Конану жизнь. Он мимоходом увидел волосатое черное создание, словно вышедшее из кош-

марного сна, пролетевшее над ним с лязганьем ядовитых зубов. Что-то капнуло на обнаженные плечи и кожа будто бы вспыхнула адским пламенем. Высоко подняв меч, Конан отскочил назад и увидел, что чудовище приземлилось на пол, повернулось и с пугающей ловкостью приближается к нему. Это был гигантский черный паук, какой мог привидеться только в кошмарном сне.

Он был размером со взрослую свинью, и восемь жирных волосатых ног несли бесформенное туловище над полом с поразительной быстротой. Четыре злобно сверкающих глаза горели чужеродным рассудком, на клыках поблескивали капли — должно быть, смертельный яд — он уже оставил свой след, когда бестия промахнулась и только капнула на плечи киммерийца, горевшие теперь болью. Вот, стало быть, какова смерть, обрушившаяся на немедийца из своего гнездовья на потолке. Какие же они были идиоты, раз не подумали, что верхние помещения будут охраняться так же тщательно, как и нижние!

Эти мысли пронеслись в голове Конана, когда чудовище снова прыгнуло на него. На этот раз он высоко подскочил, и паук пролетел у него под ногами. Но он мгновенно развернулся, готовясь к новой атаке. Конан бросился в сторону и нанес удар, как кошка. Меч перерубил одну из лап, густо поросших волосом, и вновь киммериец лишь на волосок избежал смерти, когда чудовище повернулось и зубы его громко лязгнули. Однако теперь бестия больше не гонялась за киммерийцем. Она пробежала по хрустальному полу и помчалась по стене к потолку, вверх. Там она съежилась, и красные глаза злобно засверкали. Затем без предупреждения она пролетела по воздуху и протянула за собой толстую серую нить. Конан уклонился от неуклюжего тела и успел еще пригнуться как раз вовремя, чтобы не коснуться паутины. Он понял, что собирается делать чудовище, и прыгнул к двери, но паук оказался проворнее. Он метнул липкую нить к двери и отрезал Конану путь к отступлению. Конан не осмеливался разрубить паука мечом, поскольку не сомневался, что клинок застрянет в теле чудовища, и прежде чем человек успеет его освободить, зверюга вонзится ему в кожу свои зубы.

Началась отчаянная игра, где дьявольской ловкости и изворотливости паука противостояли разум и реакция человека. Бестия больше не бегала по полу и не принимала прямых атак, не носилась она больше и по воздуху, нет, она принялась метаться по потолку и

стенам, стараясь поймать свою жертву клейкими серыми нитями, которые паук выбрасывал с чудовищной меткостью. Эти нити были толщиной с корабельные тросы. Конану было ясно, что как только они коснутся его в первый раз, всей его силищи не хватит, чтобы освободиться до того, как чудовище нанесет удар.

Если не считать прерывистого дыхания человека, легкого шуршания босых ног по отполированному полу и непрерывного кланья зубов чудовища, смертельный танец разворачивался в совершенной тишине. Серые нити, свернувшись, валялись на полу, свисали петлями со стен, тянулись над ларцами с сокровищами и шелковыми диванами, болтались гирляндами с утыканного самоцветами потолка. Благодаря острым глазам и врожденной ловкости Конан до сих пор ухитрялся уворачиваться от паутины, хотя липкие нити не раз пролетали совсем близко от него. Он знал, что долго ему не продержаться. Ему приходилось постоянно помнить о тех, что свисали с потолка, и о тех, что лежали букетами на полу. Рано или поздно одна из этих веревок змеей захлестнет его, и он, беспомощный, спеленутый, как мумия, будет преподнесен чудовищу на блюдецке.

Паучина промчалась по полу комнатки и протянул за собой серую нить. Конан перескочил через диван. Нечисть тут же развернулась и понеслась вверх по стене. Нить извивалась за ним и билась, рассекая воздух, точно живое существо, и задела щиколотку Конана. Киммериец схватился за петлю, отчаянно дергая ее, и тут же приклеился ладонями. Веревка держала его эластичными тисками, словно превратившись в пиявку. Волосатое отродье дьявола снова сбегало по стене вниз, готовое обрушиться на пойманную добычу. В своем отчаянии варвар изо всех сил ухватился за ларь с сокровищами и бросил его в паука. Необычный метательный снаряд придавил туловище паука к стене. Послышался отвратительный треск. Брызнули кровь и зеленая слизь, и разможенное тело вместе с разбитым в щепы сундуком повалилось на пол. Сверкающие драгоценности, переливающиеся всеми красками, лежали вместе с раздавленным черным туловом. Волосатые лапы еще судорожно подергивались среди изысканнейшей роскоши, и умирающие глаза ки пытали багрянцем среди блеска рубинов.

Конан огляделся, но никаких кошмарных тварей больше не показывалось. Так что он принялся без помех освобождаться от липких нитей, упорно цеплявшихся за его руки и щиколотки. Наконец, он был свободен. Конан поднял меч и осторожно стал пробираться к двери среди серых петель и свернувшихся паутинных нитей, лежащих на полу. Какие ужасы ожидали его за второй дверцей — об этом он даже

подозревать не мог. Горячая кровь бежала по его жилам. Он зашел так далеко, он столько препятствий преодолел, что теперь и помыслить не хотел об отступлении. Это приключение он доведет до страшного финала и отыщет могущественный драгоценный камень. Он был уверен в том, что среди самоцветов этой комнатки Сердца Слона не было.

Он убрал от внутренней дверцы липкие нити и установил, что и этот вход — куда бы он ни вел — тоже не заперт. Конан задавался вопросом, заметили ли солдаты его вторжение. Ну, теперь он находится высоко над их головами, и если правда то, что рассказывают, так они давно привыкли к жутким звукам, доносящимся сверху.

Теперь его занимали мысли о Яре, и он шкурой ощущал себя не особенно хорошо, когда открывал вторую золотую дверь. Но увидел лишь ведущую вниз серебряную лестницу, освещенную чем-то таким, чего он не мог разглядеть. Крепко сжимая меч, Конан осторожно стал спускаться по ступенькам. Не услышав ни единого звука, он добрался, наконец, до двери из резной слоновой кости, инкрустированной кровавиком. Он прижался ухом, однако оттуда не доносилось ни шороха. Но примечательные тонкие облачка курений тихо струились из-под нижнего края двери. Станный аромат источали они — Конанов нос никогда прежде не вдыхал ничего подобного. Серебряная лестница уводила дальше в глубину и исчезала во мраке. И снизу не доносилось ни малейшего звука. У Конана возникло неприятное чувство — будто в этой башне, где гнездятся привидения и ужасы, он единственный живой человек.

3

Осторожно надавил Конан на дверь из слоновой кости.

Она беззвучно подалась внутрь. Как воин на чужой территории, готовый к немедленному бою или немедленному бегству, стоял Конан на переливающимся пороге. Перед ним расстился огромный золотой покой со сводчатым потолком и стенами из зеленого жада. Пол был выложен слоновой костью и местами укрыт толстыми коврами. Из курильницы, стоящей на золотом треножнике, поднимался пахучий дым, а за ним на своего рода мраморном ложе покоился идол. Широко раскрытыми глазами рассматривал его Конан. Зеленое создание имело туловище обнаженного мужчины, но голова... такая голова могла возникнуть только в поврежденном рассудке художника. Для человеческого тела она была чересчур велика и не имела в себе вообще ничего человеческого. Конан уставился на широкие, морщинистые

уши, изогнутый хобот, длинные белые бивни справа и слева от него, острия которых были упрятаны в золотые шары. Глаза идола были закрыты, точно во сне.

Стало быть, этот идол и был причиной тому, что строение прозывали Слоновой Башней, ибо голова этого... создания выглядела в точности так, как расписывал слоновью внешность Конану бродяга-шемит. Это вот и был божок Яры, и драгоценная побрякушка наверняка находится здесь же, спрятанная на идоле, либо внутри него, иначе почему бы тогда называть его Сердцем Слона?

Но когда Конан, не сводя взора со статуи, осторожно шагнул к ней, она внезапно раскрыла глаза!

Киммериец оцепенел.

Так это не изображение! Это живое существо, и он, Конан, угодил прямехонько к нему в ловушку!

Сковавший его ужас был виной тому, что он не обрушил на эту тварь в тот же миг свой клинок. Человек цивилизованный в его положении начал бы искать сомнительного прибежища в мысли, что он повредился в уме. Однако Конан никогда не набрел бы на такую идею — не доверять своему рассудку. Он знал, что здесь ему предстал демон Древнего Мира, и это осознание наполняло его таким ужасом, что он только и мог, что стоять и неподвижно смотреть на это существо.

Хобот поднялся и пошарил вокруг себя. Топазовые глазки, не видя, уставились в пустоту. Как только Конан сообразил, что существо слепо, оцепенение отпустило его, и он принялся тихонько пятиться к двери. Однако существо со слоновой головой явно обладало отличным слухом. Хобот вытянулся в сторону Конана. И вновь ужас сковал киммерийца. Но тут создание заговорило странно звенящим, лепечущим голосом, на ровной ноте, без единой интонации. Возмущенно, подумал варвар, причиной тому его пасть, не приспособленная для человеческой речи.

— Кто ты? Ты вновь пришел терзать меня, Яра? Неужто не будет предела твоей алчности? О Иаг-коша, неужто нет конца моим мучениям?

Слезы покатались из слепых очей. Конан бросил взгляд на тело, простертое на мраморном ложе. И тут он разглядел, что это ужасное существо совершенно не может встать, чтобы напасть на него. Он увидел шрамы, оставленные, должно быть, пыточными тисками и раскаленным железом. Каким бы черствым человеком ни был варвар, его потрясли эти чудовищные обрубки рук и ног, которые, как подсказывал ему инстинкт, когда-то были такими же совершенными, как его собственные молодые руки и ноги. И внезапно глубоко-

чайшее сострадание подавило и его ужас, и все его прежнее отвращение. Что это было за создание, Конан не знал, однако свидетельства страдания, которое тому пришлось вытерпеть, были столь чудовищны и впечатляющи, что у киммерийца — непостижимо для него самого — сжалось сердце. Он ощутил космическую трагедию и содрогнулся от стыда, точно на его плечи ввалили бремя вины целой расы.

— Не Яра я вовсе, — сказал он. — Я всего лишь вор. Я ничего не сделаю тебе.

— Подойди ко мне, дабы мог я прикоснуться к тебе, — запинаясь, попросило существо. И Конан без всякого страха приблизился, забыв о мече в своей руке. Чуткий хобот вновь простерся к нему и осторожно ощупал лицо и плечи киммерийца, как это делают слепцы, желая составить для себя картину, и прикосновение было нежным, точно у любящей женщины.

— Ты не дьявольской расы, как Яра, — пробормотало существо. — Чистая дикость пустынных земель слепила тебя. В былые века знал я народ твой, но имя иное тогда он носил, нежели ныне, и из забытых древних времен воспоминание это, когда иным был лик мира, и башни, исполненные роскоши, устремлялись в небо. Кровь на руках твоих.

— После сражения с пауком в клетушке наверху и со львом внизу, в саду, — отозвался варвар.

— Но в эту ночь убил ты и человека, — сказала существо с головой слона. — И чую смерть я на вершине башни. Я чую: ведомо мне.

— Да, — прошептал Конан. — Король воров погиб от укуса чудовищного паука!

— Так... так! — Станный нечеловеческий голос перешел к своеобразному, лишённому интонаций речитативу. — Смерть в харчевне, что ворам приют, смерть на крыше — чую я, ведомо мне. И третью смерть чародейство несет, о коем не грезилося Яре — о чары избавления, о зеленые боги Иага!

И вновь покатались слезы из топазовых глаз, а изуродованное тело содрогнулось, раздираемое противоречивыми чувствами. Конан в расстерянности уставился на существо.

Когда оно начало успокаиваться, нежные, невидящие глаза устремились на Конана. Хоботом оно сделало знак подойти ближе.

— Внемли мне, о человек! — сказала необыкновенное существо. — В глазах твоих я отвратителен, я чудовище. Можешь не возражать, то знаю я. Однако, быть может, и ты таковым показался бы мне, если бы мог я тебя увидеть. Есть

множество миров на этом свете, и жизнь принимает многообразные формы. Не бог я и не демон. Я из плоти и крови, как и ты, пусть даже и частично иного рода, и уж наверняка моя плоть облекает иные формы, чем у тебя.

Я очень стар, о человек из диких земель. Много, бесконечно много лет назад явился я на эту планету вместе с другими братьями моими из нашего мира, зеленой планеты Иаг, что вечно ходит по краю этой вселенной. Могучие крылья, что несли нас по космосу быстрее, чем луч света, пронесли нас сквозь вселенную. Мы вели войну против королей Иага, побеждены мы были, и изгнали нас. Никогда мы не сможем возвратиться в отечество наше, даже если и будет нам разрешено, ибо крылья наши погибли и отпали с наших плеч. Так владели мы здесь существование, отделенные от жизни, расцветшей на земле, и приходилось сражаться нам с ужасными тварями, что в ту пору топтали лик земли тяжелой поступью. Со временем столь страшились нас уже, что покой наш не нарушался в мрачных джунглях востока, где мы нашли себе новое жилище.

И видели мы, как люди появились, поднявшись над стадией обезьян, и воздвигли прекрасные города Валузии, Камелии, Киммерии и сестер их. И видели мы, как пали они под натиском диких атлантов, и пиктов, и лемурийцев. И видели мы, как вздулись моря и поглотили их воды Атлантиды и Лемурии, и острова Пиктов, и великолепные грады. И видели мы, как те, с островов Пиктов и Атлантиды, кто пережил катастрофу, вновь основали царства, но уже в каменной эре, и как пали и они в кровавых войнах. И видели мы, как скатились пикты в бездну варварства и как атланты опустились еще ниже и возвратились к стадии обезьян. И видели мы, как новые дикари с ледяного севера волна за волною устремлялись на юг в захватнических походах, как основали они новые цивилизации и заложили новые царства — Немедию, Коф, Аквилонию и прочие. И видели мы, как твой народ, что некогда был атлантами, восстал под новым именем из тех обезьян, что владели дни свои в джунглях. И видели мы, как выходцы из Лемурии, устоявшие перед катаклизмом, поднялись из примитивной стадии и, образовав народ гирканцев, двинулись на запад. И видели мы, как эта дьявольская раса, уцелевшие потомки древнейшей культуры тех еще времен, что были прежде погружения Атлантиды на дно морское, — как вновь устремились они к вершинам цивилизации и власти и основали это проклятое королевство Замора.

Все это видели мы, не помогая космическому бегу времен и событий и не препятствуя ему. Один за другим умирали мои друзья, ибо мы, пришельцы с Иага, не бессмер-

тны, хоть длительность жизни нашей сравнима со сроком жизни планет и созвездий. В конце концов, лишь я один еще оставался. Среди рухнувших храмов поросшего непроходимыми джунглями Кхитая грезил я о древних временах, и старая раса желтокожих чтит меня как бога. И тогда пришел Яра, искушенный в темном знании, что было наследием тех времен, когда Атлантиду еще не поглотили воды, — сквозь годы варварства пронесли это знание, передавая из рук в руки.

Поначалу уселся он у ног моих и испросил мудрости. Но не удовольствовался он тем, чему я учил его, ибо то была Белая Магия, в то время как его интересовала Черная, дабы обратить королей в рабов и удовлетворить свое дьявольское честолюбие. Но не учил я его мрачным тайнам, что без моего желания стали ведомы мне за долгие эпохи моей жизни.

Но умнее был он, чем я предполагал. С помощью листа из рукописи, добытого в старом склепе темной Стигии он вынудил меня открыть ему тайну, что иначе никогда не сошла бы с уст моих. Используя власть, добытую таким образом, он превратил меня в своего раба. Ах, боги Иага, сколь горьким стал мой жребий с того часа!

Из густых джунглей Кхитая, где серые обезьяны танцевали по свистку желтолицых жрецов, где на моем алтаре постоянно лежали подношения вином и фруктами, угнал он меня прочь. И не смог я больше быть богом для добросердечного народа джунглей — нет, с той поры я стал невольником дьявола в человеческом обличии. — И слезы вновь заструились из его слепых глаз. — Он запер меня в этой башне, которую я воздвиг по его приказу за одну ночь. Тисками и раскаленным железом пытал он меня и ослепил неземным мучением, коего тебе не понять. В муке своей давно бы я отнял у себя жизнь, если б только это было возможно. Но он заставляет меня жить — изувеченного, изуродованного, слепого, сломленного, дабы мог я исполнять ужасные его приказы. Три сотни лет вершу я с этого мраморного ложа все, что велит он мне, и черню душу мою космическими преступлениями, и пятнаю мудрость свою чудовищными преступлениями, ибо нет у меня иного выбора. Но не все мои старые тайны сумел он вырвать у меня. Последняя моя дань будет чарами крови и камня.

Я чувствую, что конец мой близок. Ты станешь десницей судьбы. Возьми, прошу тебя, драгоценный камень, что видишь здесь на алтаре!

Конан повернулся к алтарю из золота и слоновой кости, на который указывало существо с головой слона, и поднял огромный драгоценный камень, прозрачный, словно крова-

во-красный хрусталь. Это, должно быть, и было легендарное Сердце Слона.

— Теперь приступим к чарам, самым могущественным чарам, подобные коим не переживала еще прежде земля никогда и не переживет и впредь за миллионы и миллионы тысячелетий. Кровью жизни моей закинаю я, кровью, что с зеленой груди Иага, о Иаг, в голубой бесконечности Вселенной уплываешь ты прочь.

Возьми же меч свой, о человек, и вырежь сердце мое. И сожми его так сильно, чтобы кровь потекла на красный камень. А затем иди тебе вниз по ступеням сим в покой эбенового дерева, где Яра предается греховным мечтаниям желтого лотоса. Позови его по имени, и проснется он. И положи камень этот пред ним и скажи: «Иаг-коша посылает тебе последний дар свой и последнее свое чародейство». После этого ты должен тотчас удалиться из башни. Не страшись, ничто не преградит тебе пути! Жизнь человека — не совсем то, что жизнь тех, кто с Иага, и смерть, какой знают ее люди, — не то, что смерть того, кто с Иага. Освободи меня из этой клетки искалеченного, слепого мяса, и вновь стану я Иогой с Иага, увенчанный утром, сияющий, и будут у меня крылья, чтобы летать, и ноги, чтобы плясать, и глаза, чтобы глядеть, и руки, чтобы брать!

В нерешительности приблизился Конан к чужому существу, и Иаг-коша, или Иога, который, несомненно, ощутил его колебания, показал ему, куда он должен вонзить меч. Конан закусил губы и глубоко вонзил меч в грудь чужеземца.

Кровь хлынула на меч и руки. Иога еще раз содрогнулся, а затем остался лежать неподвижно. Удостоверившись в том, что жизнь — по меньшей мере, то, что варвар понимал под этим словом — покинула странное тело, Конан принял за свое кровавое дело и вынул на свет божий то, что, без сомнения, было сердцем Иаги, хотя оно ни в коей мере не походило на человеческое. Он занес еще пульсирующий орган над сверкающим камнем и сжал его обеими руками, пока кровавый дождь не полился на драгоценность. К удивлению Конана, кровь не стекала вниз, а впитывалась в камень, словно в губку.

Осторожно взял Конан камень в руку и покинул необыкновенный покой. Он не оглядывался назад, ступая на серебряную лестницу. Инстинктивно чувствовал он, что изменения, происходящие с фигурой на мраморном ложе, не предназначены для взора глаз человеческих.

Он закрыл за собой дверь из слоновой кости и не мешкая сбегал вниз по ступенькам. Ни мгновения он не думал о том, не пренебречь ли ему указаниями. У двери из эбенового

дерева, центр которой украшал — или уродовал — серебряный череп, он остановился и толкнул ее. Он заглянул внутрь, в покой, отделанный черным деревом и гагатом*, и увидел, что на черном шелковом диване лежит рослый, тощий человек. Глаза Яры, жреца и чародея, были раскрыты и затуманены курениями желтого лотоса. В бесконечные дали, в бездонные пропасти по ту сторону любого человеческого представления, казалось, глядел он.

— Яра! — крикнул Конан, точно судья, возглашающий приговор. — Проснись!

И тут же глаза прояснились, холодными и жестокими были они, как у грифа. Высокая, закутанная в шелка фигура поднялась и мрачно посмотрела на киммерийца.

— Собака! — зашипел он, как кобра. — Чего ты здесь ищешь?

— Тот, кто посылает тебе этот драгоценный камень, просил меня направить к тебе такие слова: «Иаг-коша шлет тебе свой последний дар и последнее свое чародейство».

Яра отшатнулся. Его смуглое лицо посерело, как зола. Драгоценный камень не был больше кристально прозрачным. Его темная глубина пульсировала, и странные дымные волны, меняя цвет, клубились над его гладкой поверхностью. Точно притягиваемый гипнозом, склонился Яра над столом, взял камень обеими руками и вгляделся в его затуманенную глубину, словно камень был магнитом, вытягивающим его дрожащую душу из тела. Конан разглядывал его и поначалу не верил своим глазам. Ибо когда Яра поднялся с дивана, он предстал человеком огромного роста, но теперь варвар видел, что голова Яры едва достигала ему по плечо. Конан заморгал, недоумевая, и впервые за эту ночь усомнился в своем рассудке. Но затем вместе с шоком пришло осознание, что жрец съживается и становится все меньше прямо на глазах.

С ощущением нереальности воззрелся Конан на происходящее. Он сомневался в себе самом, хотя ему было в высшей степени ясно, что здесь он стал свидетелем драмы могущественных космических сил, которые не мог представить себе ни один смертный.

Теперь Яра был не больше ребенка, затем он, как младенец, лег на стол, но все еще обхватывал руками камень. И внезапно чародей осознал свою участь. Он вскочил, выпустил камень, однако продолжал уменьшаться, и Конан видел, как крошечная фигурка дико мечется по плите стола из черного дерева. Она жестикулировала маленькими руч-

ками и вопила голосом, идущим в сравнение разве что с комариным писком.

Теперь он съжился так сильно, что крупный драгоценный камень казался рядом с ним горой. Конан заметил, что миниатюрное существо прикладывает ладонки к глазам, словно желая защититься от ослепительного света, и шатаясь, пытается укрыться в безопасном месте. Конан ощущал, как чужеродная магнетическая сила притягивает Яру к камню. Трижды обегал он камень по спирали, и все больше сужалась спираль. Трижды пытался он повернуться и бежать прочь по столу, но затем с криком, прозвучавшим для наблюдателя лишь слабым писком, жрец выбросил руки вверх и помчался прямо к огненному шару.

Конан ниже склонился над ним и увидел, что теперь Яра карабкается вверх по гладкой изогнутой поверхности — в нормальных условиях это было бы невозможным делом, ибо кому из людей удалось бы взобраться на круглую хрустальную гору? И вот жрец стоит наверху. Он уронил руки и отчаянно прокричал — что — это слышали только боги. И внезапно он провалился прямо в сердце камня, как человек, тонущий в пучине моря, и Конан видел, как дымные волны сомкнулись над его головой. И внезапно драгоценный камень вновь стал хрустально-прозрачным, и Конан стал свидетелем спектакля, разыгравшегося внутри кроваво-красного каменного сердца, хотя все это выглядело таким крошечным, словно киммериец смотрел из дальней дали. Зеленая светящаяся фигура с могучими крыльями, с телом человека и головой слона — больше не искалеченная и не ослепленная — разом показалась в этом сердце. Яра воздел руки и побежал так быстро, как только мог. Но мститель преследовал его. А потом большой драгоценный камень взорвался радужными струями, как мыльный пузырь, и теперь эбеновая плита стала пуста — так же пуста (в этом Конан был каким-то образом уверен), как мраморное ложе в покоях наверху, где лежал труп странного космического существа, называвшего себя Иаг-коша или Иога.

Киммериец повернулся и побежал из комнаты вниз по серебряной лестнице. Он был так растерян, что даже не подумал покинуть башню таким образом, каким попал в нее. И он, торопясь, мчался по ступенькам винтовой лестницы и пришел в покой, расположенный у подножья башни. Там он резко остановился — ведь это была караулка, полная солдат. Он увидел сверкание их серебряных лат, мерцание рукоятей мечей, украшенных драгоценными камнями. Они сидели, сторбившись, за столом, где находились еще остатки трапезы, и темные перья султанов на их шлемах трепетали. Они лежали среди игральных костей и выскользнув-

* Гагат (по Пыляеву, 1896) — черный янтарь.

ших из рук кубков на запятнанном вином полу из ляпислазури. Все они были мертвы. Иогa сдержал обещание. Чародейство то было, упавшая ли тень могучих зеленых крыльев положила конец пиршеству солдат — этого Конан не мог сказать. Но ничто не преграждало ему дороги. Серебряная дверь была открыта для него, и сквозь проем уже мерцало утро.

Конан вышел в сад. Утренний ветерок принес ему терпкий запах свежей зелени, и он очнулся, словно после сна. Он неуверенно повернулся к таинственной башне, которую только что оставил. Был ли он, Конан, заколдован, или рассудок сыграл с ним злую шутку? Не приснилось ли ему все то, что он, как ему казалось, испытал этой ночью? Пока он задумчиво созерцал башню, она начала шататься. Усыпанная драгоценностями балюстрада еще раз сверкнула в свете юного дня, прежде чем все строение рассыпалось на сверкающие осколки.

Стражник Арус дрожащими руками стиснул свой арбалет. Арус почувствовал, как его прошиб холодный пот, когда он увидел на полированном полу страшно изуродованный труп. Встретить смерть в уединенном месте, в полночь — *это не слишком успокаивает.*

Стражник стоял в бесконечно прямом коридоре, освещенном свечами в нишах на стене. Стены были затянуты черным бархатом, а между бархатными занавесами в нишах их украшали щиты и перекрещенное оружие диковинного вида. Тут и там, неясно отражаясь в черных зеркалах, стояли фигуры странных богов — статуи, вырезанные из камня или редких пород деревьев, отлитые в бронзе, железе или серебре.

Арус содрогнулся. Несмотря на то, что вот уже много месяцев он исполнял здесь роль ночного сторожа, он до сих пор еще не мог привыкнуть к этому невероятному музею, дому редкостей и антиквариата, дому, который называют замком Каллиана Публико, где выставлены на обозрение раритеты со всего мира. И вот, в полуночном одиночестве, стоит он, Арус, в этом огромном безмолвном зале и смотрит на распростертый на полу труп могущественного и богатого человека, которому принадлежал замок.

Даже стражник при всей его ограниченности, отметил, как удивительно отличается это тело от того человека, который, надменный и всевластный, с глазами, полными жизни, выехал отсюда с грохотом в своей позолоченной карете на Паллианову дорогу. Люди, ненавидящие Каллиана Публико, едва ли узнали бы его сейчас, когда он лежал, словно разбитая бочка из-под ворвани. Роскошный плащ почти сорван, пурпурная туника перекручена, лицо потемнело, язык высунут из широко раскрытого рта. Полные руки воздеты, словно в жесте отчаяния. На толстых пальцах сверкают перстни с драгоценными камнями.

— Почему же они не сняли с него перстни? — пробормотал стражник в беспокойстве. Он вздрогнул и замер, и волосы на затылке у него встали дыбом. Сквозь шелковый занавес, скрывающий один из множества дверных проемов, выступила чья-то фигура.

Арус увидел молодого человека сильного телосложения, обнаженного — если не считать набедренной повязки и высоких, до колен, шнурованных сандалий. Кожа его была такой загорелой, что, казалось, солнце пустыни навсегда сожгло ее. Арус с тревогой осмотрел его широкие плечи, крепкую грудь и мускулистые руки. Один взгляд на угрюмое лицо и высокий лоб — и стражнику стало ясно, что этот человек не немедиец. Из-под пышной гривы путанных черных волос горели опасные синие глаза. В кожаных ножнах на поясе висел длинный меч.

Арус почувствовал, как мурашки побежали у него по коже. Он обхватил свой арбалет и задумался о том, не имеет ли смысла без излишних проволочек всадить болт прямо чужаку в грудь, но затем ему пришло на ум — а что будет, если первый выстрел не окажется смертельным?

Чужак рассматривал труп скорее с любопытством, чем с удивлением.

— Почему вы убили его? — нервно спросил Арус.

Незнакомец покачал головой.

— Я его не убивал, — возразил он, выговаривая немецкие слова с варварским акцентом. — А кто он?

— Каллиан Публико, — ответил Арус и слегка отодвинулся.

Искра интереса промелькнула в синих глазах.

— Хозяин этого дома?

— Да. — Осторожно двигаясь назад, Арус добрался до стены. Теперь он схватил шелковый шнур и сильно дернул. На улице пронзительно зазвенел колокол, из тех, что можно увидеть перед всеми магазинами и общественными зданиями. Они служили затем, чтоб поднимать тревогу.

Незнакомец вздрогнул.

— Зачем вы это сделали? На звон сбегутся стражники.

— Я стражник, негодай! — заявил Арус, собрав все свое мужество. — Стойте, где стоите! Если вы только двинетесь, я всажу вам болт прямо в сердце!

Он тронул коловорот арбалета пальцем. Острие болта было направлено прямо на широкую грудь его собеседника. Незнакомец нахмурился, и выражение его лица стало еще более мрачным. Он не выказывал страха, скорее, казалось, он размышлял, последовать ли приказу или лучше все-таки рискнуть и напасть самому. Арус облизал пересохшие губы.

Кровь застыла у него в жилах, когда он увидел, как решение с убийственной жестокостью проступает в холодных глазах незнакомца.

Но вдруг он услышал, как дергают дверь, как галдят голоса. С облегчением он перевел дыхание.словно загнанный зверь, смотрел чужак на людей, числом около полдюжины, которые вошли в помещение. Все они, кроме одного, были одеты в багряные куртки нумалийской стражи. Все без исключения были вооружены короткими мечами и чем-то средним между пикой и боевым топором на длинном древке.

— За каким дьяволом звонили? — спросил тот, что стоял впереди. Холодные серые глаза и тонкие острые черты лица, а также дорогой плащ выделяли его из толпы одетых в униформу солдат.

— Во имя Митры, господин Деметрио! — вскричал Арус. — Сегодня, кажется, удача по-настоящему щедра ко мне. Я даже не смел и надеяться, что поднятая мною тревога так быстро достигнет слуха стражников, и тем более, что среди них окажетесь вы.

— Я делал обход вместе с Дионусом, — сказал Деметрио. — Мы как раз проходили мимо замка, когда зазвонил колокол. Но что это? Иштар! Сам владелец замка!

— Он самый, — подтвердил Арус. — Убит таинственным образом. В мои обязанности входит совершать обход всего дома в течение ночи, потому что, как вам, несомненно, известно, здесь хранятся несметные сокровища. Каллиан Публико имел щедрых меценатов — ученых, принцев, собирателей редкостей. Итак, совсем недавно я проверил ворота и установил, что они только прикрыты, но не заперты. Эти ворота снабжены таким замком, который может быть открыт или закрыт только снаружи. Ключ от него был только у Каллиана Публико — тот самый, что висит у него на поясе.

Я сразу заподозрил, что что-то неладно, потому что Каллиан всегда запирает дверь на ключ, когда уходит из замка, а я не видел его с тех пор, как он вечером уехал на свою загородную виллу. У меня был ключ, я открыл замок, вошел и нашел тело там, где вы его видите. Я его не трогал.

— Так-так. — Острые глаза Деметрио разглядывали мрачного незнакомца. — А это кто?

— Конечно, убийца, — воскликнул Арус. — Это он вошел в ту дверь. Он, несомненно, варвар с севера, наверно, гипербореец или боссоньер.

— Кто вы? — спросил Деметрио.

— Я Конан, киммериец, — ответил варвар.

— Вы убили этого человека?

Киммериец качнул головой.

— Отвечайте! — резко сказал Деметрио.

В ледяных синих глазах полыхнула злость.

— Я же не собака, чтоб так со мной разговаривать!

— А, так он еще и бесстыжий, — заворчал один из спутников Деметрио, высокий человек, носящий знаки префекта стражи. — Какой заносчивый юноша! Я вытрясу из него всю его дерзость! Эй, ты! Почему ты прикончил здесь этого человека?

— Подожди, Дионус, — остановил его Деметрио. — Молодой человек, — обратился он к Конану. — Я инквизитор города Нумалия. Лучше расскажите мне, почему вы здесь, и если вы не убийца, докажите это.

Киммериец колебался. Он не был испуган, но немного смутился, что не удивительно для варвара, столкнувшегося со сложной системой управления, которая была ему непонятна.

— Пока он думает, скажите мне, — обратился Деметрио к Арусу. — лично ли вы видели, что Каллиан Публико покинул дом сегодня вечером?

— Нет. Господин обычно уже уезжает к тому моменту, как начинается мое дежурство. Большие ворота были закрыты и заперты на замок.

— Он мог вернуться назад, в дом, так, чтоб вы этого не заметили?

— Это, конечно, возможно, но маловероятно. Он, несомненно, вернулся бы со своей виллы в карете, потому что дорога длинная, а кто может представить себе Каллиана Публико, идущего пешком? Если бы я даже находился на другом конце замка, я услышал бы стук колес по мостовой, а я его не слышал.

— А раньше дверь запиралась по вечерам?

— В этом я могу присягнуть. Я по многу раз за ночь проверяю все двери. Ворота были заперты снаружи еще час назад — я тогда посмотрел на них в последний раз перед тем, как нашел их открытыми.

— И вы не слышали криков или шума борьбы?

— Нет, господин. Но это и неудивительно, потому что стены замка настолько толстые, что не пропускают ни малейшего звука.

— Зачем тратить столько сил на эти вопросы и рассуждения? — перебил его породный префект. — Вот убийца, он в наших руках, в этом сомнений нет. Доставим его на судебный двор. Я получу от него признание, даже если мне придется переломать ему все кости.

Деметрио обернулся к варвару.

— Теперь вы знаете, что может ожидать вас. Что вы нам скажете?

— Тот, кто осмелится тронуть меня, очень быстро воссоединится со своими праотцами прямо в аду! — Варвар скрипнул зубами, и глаза его блеснули жестоким огнем.

— Зачем же вы пришли сюда, если у вас не было намерения убить его, — продолжал свои расспросы Деметрио.

— Чтобы украсть, — нехотя ответил Конан.

— Что украсть?

Киммериец помедлил.

— Что-нибудь поесть.

— Ложь! — резко сказал Деметрио. — Вам хорошо известно, что здесь нет никакой провизии. Говорите правду или...

Варвар положил ладонь на рукоять меча. Это движение было таким же угрожающим, как рычание тигра.

— Приказывайте этим трусам, которые вас боятся, — проворчал он. — А не мне! Я не изнеженный немедиец, который пресмыкается перед вашими наемными псами. Я убивал людей получше вас за меньшее.

Дионус уже открыл было рот, чтобы яростно рывкнуть на варвара, но почему-то снова закрыл его. Стражники переминались с ноги на ногу и выжидающе поглядывали на Деметрио. Они онемели, услышав, как кто-то осмеливается разговаривать со всемогущей стражей подобным образом, и были уверены, что сейчас Деметрио отдаст приказ арестовать варвара. Но Деметрио такого приказа не отдал. Арус переводил взгляд с одного на другого и спрашивал себя, что же сейчас происходит в многомудрых мозгах благородного господина. Может быть, высокое начальство страшится необузданной дикости киммерийца, или же оно действительно сомневается в его виновности?

— Я не обвиняю вас в смерти Каллиана, — жестко сказал Деметрио. — Но вы сами должны признать, что очевидность говорит против вас. Как вы проникли в замок?

— Я спрятался в тени летнего домика за этим зданием, — неохотно ответил киммериец, — когда этот пес, — он ткнул в Аруса большим пальцем, — прошел мимо и свернул за угол, я добежал до стены и забрался наверх...

— Ложь! — воскликнул Арус. — Ни один человек не может забраться по этой гладкой стене!

— Вы никогда не видели, как киммерийцы лазают по отвесным скалам? — прервал Деметрио ночного сторожа с явным неодобрением. — Этот допрос веду я. Продолжайте, Конан!

— На углу там скульптуры, — снова заговорил киммериец. — Было совсем несложно попасть наверх. Я как раз добрался до крыши, когда этот пес вторично обошел дом.

Я нашел створчатую дверь, такую, с железным засовом, запертую изнутри. Я на нее налег плечом...

Арус, который знал, насколько прочен был засов, глотнул воздуха и отвернулся от варвара, а тот посмотрел на него еще более мрачно и продолжал:

— Я вошел через эту дверь и попал в маленькую комнату. Но там я задерживаться не стал, а двинулся в сторону лестницы.

— Откуда вы знали, где находится лестница? Только домочадцы Каллиана и его богатые меценаты имеют доступ в верхние покои.

Конан угрюмо замолчал.

— Что вы сделали, когда оказались у лестницы? — спросил Деметрио.

— Спустился вниз, — невнятно ответил киммериец. — Она привела меня в покой, который находится за этой занавешенной дверью. На лестнице я слышал, как открывается какая-то другая дверь. Когда я прокрался за занавес, я увидел, что этот пес наклонился над убитым.

— Почему вы вышли к нему из вашего укрытия?

— Потому что сначала я принял его за второго вора, который, может быть, собирается украсть то, что я... — Киммериец поспешно прервал себя.

— То, что вы хотели бы присвоить сами, — закончил вместо него Деметрио. — Вы не стали тратить времени на верхние помещения, где хранятся драгоценнейшие раритеты. Любой, кто хорошо ориентируется в замке, мог направить вас сюда, чтобы вы взяли что-нибудь стоящее!

— И убил Каллиана Публико! — крикнул Дионус. — Во имя Митры! Да он это, он! Взять его! Еще до утра мы получим от него признание.

Диким прыжком Конан отскочил назад и выхватил свой меч из ножен с такой поспешностью, что острый клинок зазвенел.

— Назад, если вы хоть немного дорожите своей ничтожной жизнью! — зарычал он. — Если у вас достает мужества, бедные магазинные охранники, шиковать, хватая девок и устраивая им порку, чтобы заставить их жирные лапы на мужчину с севера! А если ты, пес, — он обернулся к ночному сторожу, — не убережешь свои лапы с коловоротом, ты очень скоро почувствуешь брюхом, крепко ли я бью ногами.

— Остановитесь! — сказал Деметрио. — Дионус, отзовите своих псов! Я еще не убедился в том, что он имеет отношение к этому убийству. — Деметрио склонился к Дионусу и шепнул ему что-то, чего Арус не разобрал. Он только

предположил, что это был какой-то трюк, чтобы заставить Конана отдать свой меч.

— Ладно, — проворчал Дионус. — Назад. Но не спускаться с него глаз!

— Дайте мне ваш меч, — потребовал Деметрио у Конана.

— Возьмите, если сможете! — ответил киммериец.

Инквизитор пожал плечами.

— Хорошо. Но не пытайтесь бежать. Солдаты с арбалетами охраняют дом.

Варвар опустил клинок, не теряя, однако, бдительности. Деметрио осмотрел убитого.

— Задушен, — пробормотал он. — Зачем было душить его, когда удар мечом и быстрее, и вернее? Эти киммерийцы рождаются с мечом в руке. Я никогда еще не слышал, чтоб кто-нибудь из них убил человека таким способом.

— А может быть, он хотел отвести от себя подозрение, — предположил Дионус.

— Возможно, — Деметрио ощупал убитого умелыми пальцами. — Он мертв уже по меньшей мере полчаса. Если Конан проник в дом таким способом, как он говорит, он не мог прийти сюда и убить его до того, как здесь появился Арус. Он, конечно, мог и солгать, он мог появиться здесь и раньше.

— Я взобрался на стену после того, как Арус сделал свой последний выход, — в бешенстве зарычал Конан.

— Это вы уже говорили, — Деметрио изучающе разглядывал шею убитого, которая была неестественно сплюснута и посинела. Голова свисала косо, позвоночник был сломан. Деметрио в недоумении покачал головой. — Зачем убийце понадобился трос толщиной в руку? Что за страшная хватка сломала эту шею?

Он встал и шагнул к ближайшему дверному проему, который вел в маленький покой.

— Здесь сбит бюст с постамента возле двери, — сказал он, — а здесь поцарапан пол и занавес сорван... На Каллиана Публико напали в этой комнате. Вероятно, на короткое время ему удалось вырваться от убийцы, или оторвать его от себя, когда он пытался спастись бегством. В любом случае, он выскочил в коридор, убийца последовал за ним и уже в коридоре прикончил его.

— Но если дикарь невиновен, то где же этот дьявол? — спросил префект.

— Невиновность киммерийца еще не доказана, — сказал инквизитор. — Но для начала обыщем помещение...

Он остановился, прислушиваясь. С улицы донесся грохот колес кареты. Грохот приближался, затем стих, словно обрубленный.

— Дионус! — распорядился Деметрио. — Отправь двух человек к карете! Пусть приведут сюда кучера.

— Судя по звуку, — сказал Арус, который хорошо изучил все уличные шумы, — я бы сказал, что эта карета остановилась перед домом Промеро, это напротив магазина шелковых товаров.

— Кто такой Промеро? — спросил Деметрио.

— Главный секретарь Каллиана Публико.

— Доставьте и его вместе с кучером, — приказал Деметрио.

Двое стражников двинулись прочь. Деметрио все еще изучал труп. Дионус, Арус и оставшиеся в комнате стражники не сводили глаз с Конана, который стоял неподвижно, с мечом в руке, как живое воплощение угрозы. Через некоторое время перед замком прозвучали шаги, и почти сразу же вслед за этим в дом вошли оба стражника и с ними плотный смуглый человек в кожаном шлеме и длинной куртке кучера, который держал в руке кнут, и маленький перепуганный человечек, типичный представитель того рода людей, что выбиваются из среды ремесленников и становятся правой рукой богатого купца или торговца. Обнаружив на полу труп, человечек с криком отшатнулся:

— Ох, я же знал, что все это плохо кончится! — пролепетал он.

— Вы Промеро, главный секретарь, я полагаю, — сказал Деметрио. — А ты?

— Энаро, кучер Каллиана Публико.

— Вид твоего убитого хозяина, кажется, не слишком потряс тебя, — заметил Деметрио.

Темные глаза блеснули.

— А чего вы ждали? Кто-то сделал то, что я давно уже собирался сделать, да никак не мог решиться.

— Так, так! — пробормотал инквизитор. — Ты свободный человек?

В глазах Энаро мелькнула горечь, когда он распахнул свою куртку и показал выжженное на плече клеймо.

— Ты знал, что твой господин вернется сюда ночью?

— Нет. Вечером я пригнал карету, как обычно, к замку. Он сел, и я направил лошадей к его вилле. Но прежде чем мы выехали на Паллианову дорогу, он приказал мне возвращаться назад. Он показался мне очень взволнованным.

— И ты повез его обратно в замок?

— Нет. Он мне велел остановиться возле дома Промеро. Там он меня отпустил и приказал вернуться за ним вскоре после полуночи.

— Сколько времени было тогда?

— Тогда только-только стемнело. Улицы были почти пусты.

— Что ты делал после этого?

— Я вернулся в барак, где живут рабы, и оставался там, пока не пришло время забрать моего господина из дома Промеро. Я поехал прямо туда. Ваши люди схватили меня прежде, чем я успел постучать в дверь Промеро и назвать себя.

— Ты не догадываешься, зачем Каллиан решил навестить Промеро?

— Он не разговаривает с рабами о своих делах.

Деметрио повернулся к Промеро.

— Что вы знаете об этом?

— Ничего.

Зубы секретаря стучали.

— Каллиан Публико входил в ваш дом, как уверяет кучер?

— Да, господин.

— Как долго он у вас оставался?

— Совсем недолго, а потом он собрался уходить.

— От вашего дома он отправился в замок?

— Не знаю! — Голос секретаря сорвался.

— Зачем он приходил к вам?

— Чтобы... чтобы обсудить дела.

— Вы лжете! — резко произнес Деметрио. — *З а ч е м о н к в а м п р и х о д и л?*

— Не знаю! Не знаю! — истерически выкрикнул секретарь. — Я не имею к этому отношения...

— Заставьте его говорить, Дионус! — приказал Деметрио.

Дионус сделал знак одному из своих людей. С жестокой ухмылкой тот подошел к задержанным.

— Вы знаете, кто я такой? — угрожающе спросил он. Он поднял голову и уставился на свою жертву, которая шаркнулась в сторону.

— Вы Постумо, — испуганно ответил секретарь. — Во время допроса вы выдавили глаз одной девушке, которая не хотела выдать своего любовника.

Жилы на шее Постумо вздулись, лицо залила красная краска, когда он схватил жалкого человечка за ворот и так его повернул, что почти задушил беднягу.

— Говори, крыса! — зарывчал он. — Отвечай инквизитору!

— Митра! Пощады... — пролепетал Промеро. — Я клянусь...

Постумо безжалостно ударил его по лицу, сперва слева, потом справа, швырнул его на пол и пнул ногой в пах.

— Пощады... — хрипел разбитый секретарь. — Я все... все скажу...

— Тогда вставай, скотина! — загремел Постумо. — Нечего тут разлеживаться и скулить!

Дионус тайком бросил взгляд на Конана, посмотреть, впечатляет ли его эта сцена.

— Теперь вы видите, что бывает с теми, кто бунтует против власти, — заметил он.

Полный презрения, Конан плюнул ему под ноги.

— Это слабак и дурак, — проворчал он. — Пусть только кто-нибудь из вас попробует схватить меня, и он получит возможность собирать свои кишки прямо с пола.

— Вы готовы говорить? — спросил Дионус секретаря.

— Я знаю только... — хрипло лепетнул Промеро, с трудом поднявшись на ноги и скуля при этом, как побитая собака, — ...что Каллиан вскоре после того, как я вернулся домой (я оставил замок почти одновременно с ним) постучал в мою дверь и отослал карету. Он угрожал мне, говорил, что выгонит с работы, если я расскажу об этом. Я только бедный человек, господин, у меня нет ни друзей, ни связей. Не работай я у него, я умер бы от голода.

— Это ваше дело, — буркнул Деметрио. — Как долго он оставался у вас?

— Примерно за полчаса до полуночи он ушел от меня и упомянул, что направляется в замок, но потом вернется ко мне, когда сделает то, что задумал.

— А что он задумал?

Промеро медлил, но испуганный взгляд на Постумо, который угрожающе сжал кулак, быстро развязал ему язык.

— В замке было нечто, что он хотел исследовать.

— Но почему он делал это один и в такой тайне?

— Потому что эта вещь не была его собственностью. Она прибыла на рассвете вместе с караваном откуда-то с юга. Люди из этого каравана знали не больше, чем другие люди из другого каравана, откуда-то из Стигии — тем тоже поручили попечение над этой вещью. Она предназначена Карантесу из Ханумара, жрецу Ибиса. Те, кому это было поручено, заплатили караванщику за то, чтоб эта вещь была отдана Карантесу из рук в руки, лично, но этот висельник хотел двинуться прямо в Аквилонию, по дороге, которая минует Ханумар. Поэтому он решил, что может оставить ее в замке, пока Карантес за ней не придет.

Каллиан заявил, что он согласен, и обещал ему, что отправит слуг к Карантесу, чтобы передать ему посылку. Но после того, как караван ушел и я заговорил было о посылках, Каллиан запретил мне это делать. Он сидел, размыш-

ляя, перед предметом, который оставили здесь те, кто приходил с караваном.

— И что это был за предмет?

— Нечто вроде саркофага, какие можно найти в старых гробницах Стигии. Только этот был круглый, вроде металлической чаши с крышкой. Он сделан из металла, похожего на медь, но прочнее, на нем выбиты иероглифы, такие встречаются в старых усыпальницах Южной Стигии. Крышка была перевязана коваными медными веревками.

— Что же находилось в этой... чаше?

— Караванщик этого не знал. Сказал только, что тот, кто поручил ему эту вещь для дальнейшей передачи, упомянул, будто речь идет об уникальной реликвии, которую нашли в гробнице глубоко под пирамидой. Отправитель посылает ее жрецу Ибиса в знак глубочайшего почтения. Каллиан Публико полагал, что речь идет о диадеме королей-титанов того народа, который жил в темной стране еще до того, как туда пришли предки стигийцев. Он показал мне один орнамент на крышке, он в точности повторял форму диадемы, такой, как носили, согласно легендам, короли-титаны, в этом он готов был покаяться.

Он твердо решился открыть чашу, чтобы посмотреть, что она содержит. Он был одержим мыслью о легендарной диадеме, которая, как он знал из древних рукописей, украшена невообразимыми драгоценностями — их знала только Древняя Раса, — и один-единственный камень из этих сокровищ дороже, чем все сокровища этого мира.

Я отговаривал его. Однако незадолго до полуночи он один отправился к замку и спрятался в тени, пока стражник не ушел на противоположную сторону здания, затем открыл дверь ключом со своего пояса. Я тайком следил за ним от магазина шелковых товаров, пока он не исчез в замке. Тогда я вернулся домой. Если в чаше обнаружится и в самом деле диадема, либо что-то другое, столь же ценное, он намеревался спрятать это «что-нибудь» в замке и быстро вернуться назад. Наутро он собирался поднять большой шум и кричать на всех углах, что воры вломились в его музей и стащили собственность Карантеса. Никто не будет знать, что он возвращался домой — никто, кроме кучера и меня, а ни он, ни я не отважились бы выдать его.

— А сторож? — бросил Деметрио.

— Каллиан не хотел, чтобы тот его видел. Он планировал представить его сообщником вора и отдать его в руки правосудия, чтоб его распяли, — ответил Промеро.

Арус судорожно глотнул и смертельно побледнел, когда услышал это.

— Где саркофаг? — спросил Деметрио. Промеро указал.

Инквизитор пробормотал: — Ага. Стало быть, прямо в том помещении, где на Каллиана и напали.

Промеро поднял свои тонкие ладони.

— Почему кто-то в Стигии решил послать Карантесу подарок? Статуи богов и редкостные мумии часто можно встретить на караванных путях, но кто может так глубоко почитать жреца Ибиса, чтобы делать ему такой дорогой подарок — и притом как раз из Стигии, где до сих пор поклоняются подземному демону Сэту, который обитает в темных склепах. Бог Ибис победил Сэта с тех пор, как над землей загорелся рассвет, и Карантес всю жизнь числит жреца Сэта среди своих врагов. Здесь что-то странное.

— Покажите нам этот саркофаг, — приказал Деметрио. Промеро, помедлив, двинулся вперед. Все шло за ним, включая Конана, который явно не беспокоился об охране, не спускавшей с него глаз, и которым в настоящий момент владело исключительно любопытство.

Они прошли мимо откинутой в сторону занавески в комнату, которая была освещена слабее, чем коридор. По обе стороны находились двери, ведущие в другие покои. На стенах в ряд стояли легендарные изображения богов из далеких стран.

Промеро громко закричал:

— Смотрите! Чаша! Она открыта — и пуста!

В центре комнаты стоял странный черный цилиндр, высотой почти в четыре фута и в поперечнике достигавший трех футов. Тяжелая, покрытая иероглифами крышка лежала на полу рядом с молотком и зубилом. Деметрио заглянул в чашу и с удивлением принялся рассматривать странные письма. Потом он повернулся к Конану.

— Вы пришли сюда, чтобы украсть это?

Варвар качнул головой.

— Как это может унести один человек?

— Веревки сорваны зубилом, — пробормотал Деметрио. — И в большой спешке. Вот следы молотка, ударившего по металлу рядом с веревкой. Мы можем предположить, что чашу раскрыв Каллиан. Кто-то прятался поблизости — вероятно, в складках занавеса. Когда Каллиан снял крышку, убийца прыгнул на него. А может быть, он убил Каллиана еще до того, и вскрыл чашу сам.

— Она вызывает у меня отвращение, — сказал секретарь, содрогаясь. — Она слишком древняя, чтобы быть священной. Кто видел металл, подобный этому? Он кажется еще прочнее, чем аквилонская сталь. И посмотрите, в некоторых местах он разъеден, видна ржавчина. А здесь — здесь, на крышке! — Промеро указал дрожащим пальцем. — Вы можете сказать, что это?

Деметрио склонился ниже, чтобы лучше разобрать, какой узор выбит на крышке.

— Выглядит как нечто вроде короны, — пробормотал он.

— Нет! — вскричал Промеро. — Я предупреждал Каллиана, но он не хотел меня слушать! Это змея, кусающая себя за хвост. Знак Сэта, Древнего Змея, бога Стигии! Эта чаша чересчур старинная, чтоб быть делом человеческих рук, нет, это реликт тех времен, когда Сэт еще бродил по лику земли в человеческом облике. Может быть, племя, вышедшее из его чресел, хранило кости своих королей в сосудах вроде этого.

— И вы хотите, вероятно, сказать, что эти сгнившие кости поднялись, удушили Каллиана Публико и затем отправились по своим делам?

— Но тот, кто нашел в этой чаше последний приют, мог быть и не человеком, — пугливо прошептал секретарь. — Какой человек поместился бы здесь?

Деметрио выругался.

— Если Конан не имеет на своей совести труп Каллиана, тогда убийца до сих пор находится где-то в этом здании. Дионус и Арус, вы останетесь здесь, со мной, и вы, трое задержанных, тоже. Остальным обыскать дом! Убийца — если он успел уйти прежде, чем Арус обнаружил труп — мог выбраться только тем путем, каким проник сюда Конан, а в этом случае варвар встретил бы его, если, конечно, он говорит правду.

— Я никого здесь не видел, кроме этого пса, — проворчал Конан и ткнул в Аруса.

— Конечно, потому что вы и есть убийца! — сказал Дионус. — Мы зря теряем время, но для соблюдения всех формальностей устроим обыск. И если мы никого не найдем, я обещаю, что сплню вас на медленном огне. Вы хоть знаете законы, дикарь черноволосый? За убийство ремесленник приговаривается к рудникам, купец к смерти через повешение, а знатный человек — к сожжению.

Вместо ответа Конан заскрежетал зубами.

Начался обыск. Те, кто остались в комнате, слышали шаги стражников у себя над головой, по лестнице, грохот передвигаемой мебели, хлопанье дверей, перекликающиеся голоса — стражники кричали друг другу из комнаты в комнату.

— Конан, вы знаете, что вас ждет, если они никого не найдут.

— Я не убивал его, — рявкнул киммериец. — Я проломил бы ему череп, если бы он нашел меня здесь, но я увидел его в первый раз, когда он уже был мертв.

— Но кто-то же направил вас сюда, чтоб вы что-то для него украли именно отсюда, — сказал Деметрио. — Ваше молчание ставит вас под подозрение. Одного факта вашего

присутствия уже достаточно, чтоб отправить вас на рудники, независимо от того, будет доказана ваша вина или нет. Если вы чистосердечно и правдиво расскажете все, что вам известно, это спасет вас, по меньшей мере, от кола.

— Нет, — упрямо сказал варвар. — Я пришел сюда укрывать заморанский бриллиантовый кубок. Один человек дал мне план замка и показал, где я смогу его найти. Он хранится вон там. — Конан показал. — В углублении в полу под медной статуей бога из Шема.

— Верно, — воскликнул Промеро. — Я думал, не более полдюжины человек во всем мире знают об этом тайнике.

— А когда бы вы его достали, — насмешливо заметил Дионус, — вы бы, конечно, не стали нести его тому, кто поручил вам это дело.

Синие глаза засверкали опасным огнем.

— Я же не собака, — проворчал варвар. — Я держу слово.

— Кто прислал вас сюда? — строго спросил Деметрио, но Конан молчал.

Стражники один за другим возвращались после обыска.

— В этом доме не прячется ни один человек, — заявили они. — Мы перерыли все. Мы нашли дверь в потолке, через которую вломился варвар, и засов, согнутый пополам. Если кто-то удрал этим путем, наши стражники увидели бы его перед домом, из которого он бежал, прежде чем пришли мы. Не говоря уж о том, что ему пришлось бы поставить друг на друга несколько столов и стульев, чтобы снизу дотянуться до двери в потолке. Но этого не было видно. Мог ли он уйти из дома не через ворота и еще до того, как Арус обошел здание?

— Нет, — ответил Деметрио. — Дверь была заперта изнутри, а ключей, которыми можно отпереть замок, всего лишь два. Один у Аруса, а второй все еще висит на поясе Каллиана Публико.

Один из стражников неожиданно сказал:

— Мне кажется, я видел веревку, которой воспользовался убийца.

— Где она, идиот? — вспыхнул Деметрио.

— Прямо в соседней комнате, — ответил стражник. — Черная и толстая, обвитая вокруг мраморной колонны. Она висит слишком высоко, чтоб я мог дотянуться.

Он привел остальных в помещение, полное мраморных статуй, и указал на высокую колонну. Затем глаза его распахнулись и челюсть отвисла, прежде чем он смог выдать из себя хотя бы звук.

— Она сбежала! — хрипло сказал он наконец.

— Ее здесь никогда и не было, — заметил Дионус с издевкой.

— Клянусь Митрой, она была здесь! Она была обвита

вокруг колонны прямо под венком из листьев. Она была такая черная, там, наверху, что я не смог ее хорошенько рассмотреть, но она была там!

— Вы пьяны, — проворчал Деметрио и отвернулся. — Это слишком высоко, чтобы дотянуться туда, а по гладкой колонне никто бы не залез.

— А киммериец? — пробормотал кто-то.

— Возможно. Предположим, Конан задушил Каллиана, обмотал веревку вокруг колонны, пересек коридор и спрятался под лестницей. Как же ему удалось убрать ее уже после того, как вы увидели ее наверху? Он же постоянно был с нами с того момента, как Арус обнаружил труп. Нет, скажу я вам, к этой смерти Конан не имеет отношения. Я уверен, что настоящий убийца прикончил Каллиана для того, чтоб забрать нечто из чаши, и он прячется сейчас где-нибудь в укромном уголке зала. Если мы не сумеем его найти, нам снова придется поднять обвинение против варвара... а где Промеро?

Они вернулись в коридор к трупу. Дионус позвал Промеро, который, наконец, явился из комнаты, где находилась пустая чаша. Он дрожал всем телом, и лицо у него стало пепельным.

— В чем дело, милейший? — резко спросил Деметрио.

— Я нашел знак на дне чаши! — ответил секретарь, постукивая зубами. — Не древний иероглиф, а совсем свежую, только что выбитую надпись! Символ Тот-Амона, стигийского чародея, смертельного врага Карантеса. Это он нашел чашу в страшных гробницах под пирамидами, где бродят духи! Боги Древней Эпохи умерли не так, как умирают люди — они лишь погрузились в глубокий сон, и почитатели заключили их в саркофаги, чтоб чужая рука не потревожила их забытья! Тот-Амон посылал Карантесу смерть. Жадность Каллиана освободила этот Ужас — и он скрывается где-то совсем близко, подкрадывается к нам, быть может...

— Идиот, что он лепечет! — выругался Дионус и сильно ударил Промеро по губам тыльной стороной ладони. — Ну что, Деметрио, — он повернулся к инквизитору, — нам ничего не остается, как этого варвара...

Киммериец закричал. Он смотрел на дверь одной из комнат возле зала, где были собраны статуи.

— Смотрите! — кричал он. — Я видел, как что-то двигалось в комнате. Я видел это сквозь шторы. Что-то скользило по полу, словно темная тень.

— Ба! — фыркнул Постумо. — Мы же обыскали комнаты...

— Он видел, видел! — пронзительно завопил Промеро, и его горло перехватило от истерического возбуждения. — Этот дом проклят! Что-то вышло из саркофага и убило Каллиана Публико! Оно пряталось там, где не мог бы спрятать-

ся ни один смертный, а теперь скрывается в той комнате! Митра, защити нас от сил мрака! — Он вцепился в рукав Дионуса. — Общайте это помещение вторично, господин!

Префект в бешенстве отшвырнул от себя секретаря. Постумо сказал:

— Можете смело обыскать его самостоятельно, мой храбрец!

Он схватил Промеро за ворот и за пояс и потащил его, невзирая на вопли, к двери. Там он на мгновение задержался, а затем бросил его в комнату с такой силой, что секретарь остался лежать, наполовину оглушенный.

— Хватит! — рявкнул Дионус и перевел взгляд на молчаливого киммерийца. Префект поднял руку. Воздух, казалось, наполнился электричеством напряженного ожидания, когда опять заговорили голоса. В коридор ворвался стражник, таща за собой еще одно действующее лицо — стройного, роскошно одетого человека.

— Я видел, как он бродит вокруг, — заявил стражник, ожидая, что сейчас его похвалят. Вместо этого его угостили такой бранью, что волосы у него встали дыбом.

— Немедленно отпусти этого господина! — взревел префект. — Несчастный кретин! Ты что, не знаешь Азтриаса Петаниуса, племянника губернатора?

Пораженный стражник отшатнулся, а щеголеватый молодой аристократ жеманно стряхнул пылинку со своего вышитого рукава.

— Поберегите ваши проклятия, мой добрый Дионус, — сказал он. — Стражник лишь выполнял свой долг, и я знаю это. Я возвращался с одного очень непринужденного праздника и шел пешком, чтобы проветриться. Но что это? Митра! Смерть?

— Да, милорд, — ответил префект. — У нас имеется подозреваемый, и хотя его вина кажется Деметрио сомнительной, ему не избежать кола.

— Ярко выраженный висельник, — пробормотал юный аристократ с отвращением. — Как можно сомневаться в его виновности? Я еще никогда не видел такой гнусной физиономии!

— Но ты смотрел на меня весьма охотно, ты, нумедийская собака! — зарычал Конан. — Когда ты нанимал меня, чтоб я украл для тебя заморанский кубок! Праздник? Ха! Ты прятался в тени и ждал, чтоб я передал тебе добычу из рук в руки. Я не выдал бы тебя, если бы ты не почтил меня подобными выражениями. А теперь Расскажи этим псам, как ты видел, что я забираюсь на стену после того, как стражник сделал свой последний обход, чтоб они знали, что

у меня совершенно не было времени убивать эту жирную свинью.

Деметрио наблюдал за Азтриасом, который делал вид что не замечает этого.

— Если то, что он говорит, правда, милорд, то он не может считаться убийцей, а мы можем без дальнейших проволочек перейти к делу о краже. Киммериец заработал десять лет принудительных работ за взлом, но если вы замолвите за него доброе слово, мы найдем возможность для организации побега, и никто, кроме нас, об этом не будет знать. Я хорошо понимаю, вы не первый молодой аристократ, который попытается воспользоваться подобным средством, чтоб облегчить себе бремя карточных долгов или еще чего-то в том же роде, но вы можете рассчитывать на нашу скромность.

Конан выжидающе посмотрел на молодого аристократа, но Азтриас пожал узкими плечами и приложил холеную белую ладонь к губам, скрывая зевок.

— Я не знаю его, — заверил он. — Он рехнулся, утверждая, что я его нанял. Пусть получит на всю катушку. Спина у него крепкая, работа на руднике пойдет ему на пользу.

Конан содрогнулся, словно наступил на гадюку. Глаза его сверкнули. Стражники предусмотрительно схватились за свое оружие и позволили себе расслабиться только тогда, когда киммериец опустил голову, словно в немом разочаровании. Арус не мог понять, наблюдает ли он за ними из-под густых черных бровей.

Варвар ударил без предупреждения, как кобра. Меч его блеснул при свете свечей. Азтриас зашелся в крике, который замер, когда голова его слетела с плеч, разбрызгивая кровь, и лицо застыло, словно белая маска ужаса.

Деметрио вынул кинжал и занес его, собираясь нанести удар. Как кошка, Конан развернулся и размахнулся, собираясь вонзить острие меча в тело инквизитора. Инстинктивное движение, которое сделал Деметрио, пытаясь ответить на удар, только ускорило движение клинка. Он вошел в бедро. С криком боли Деметрио упал на колени.

Конан не собирался останавливаться. Поднятая Дионусом пика спасла голову префекта от удара, который бы ее, несомненно, раздробил. Пика слегка повернулась, когда на нее обрушился клинок, поверхностно задела голову и отрубила ухо. Потрясающая быстрота варвара парализовала стражников. Половина из них осталась бы лежать на полу, если бы дородный Постумо, скорее удачливый, чем ловкий, не схватил бы киммерийца за ту руку, в которой он держал меч. Левая рука Конана с высоты обрушилась на голову стражника, и Постумо выпустил его, прижимая ладони к кровавой дыре, где только что был его глаз.

Конан отскочил и остался стоять вне досягаемости направленной на него пики. Так он вырвался из кольца своих врагов. Арус поспешно склонился над своим арбалетом, заряжая его. Сильный удар в живот опрокинул его на пол, где он скорчился, хрипя, с позеленевшим лицом. Конан ударил его пятой по губам, и ночной сторож снова закричал от новой боли.

Вопль, от которого кровь застыла в жилах, донесся из той комнаты, куда Постумо пхнул секретаря. Через шелковые занавеси входа, шатаясь, выбрался Промеро. Его сотрясали рыдания, и слезы катились по бледному лицу, капая с дрожащих губ.

Все, пораженные, уставились на него — Конан с окровавленным мечом в руке; стражники с поднятыми пиками; Деметрио, который корчился на полу, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из раненого бедра; Дионус с рукой, прижатой к обрубку уха; Арус, который со стоном выплевывал выбитые зубы; даже Постумо прекратил завывать и обратил к нему уцелевший глаз.

Промеро добрался, качаясь на ходу, до коридора и рухнул перед ними на пол. Между пронзительным отрывистым хохотом, совершенно обезумев, он прохрипел:

— У бога длинная рука! Ха! Ха! Ха! Чертовски длинная!

Он коротко, жутко содрогнулся, замер и невидяще уставился в потолок.

— Мертв! — удивленно щепнул Дионус. Он забыл о своей собственной боли и о варваре, который стоял так близко к нему со своим окровавленным мечом, и склонился над трупом. Через некоторое время он снова выпрямился. Глаза его лезли из орбит.

— Ни одного, ни малейшего ранения. Митра! *Чт о т а м, в к о м н а т е?*

Ужас охватил всех, и люди с воплями помчались к воротам. Стражники побросали пики и начали рваться на улицу одновременно, так что при региреде не обошлось без увечий. Арус последовал за ними, а полуослепший Постумоковылял за ним и просил не бросать его одного. Он вцепился в стражников, но они оттолкнули его на пол и в своем страхе пробежались по нему. Он пополз вперед. Последним спасался Деметрио, все еще прижимающий плащ к сильно кровоточащей ране. Стражники, кучер, ночной сторож и инквизитор, раненые и уцелевшие, все они спешили прочь с криками на улицу, где стража, наблюдавшая за замком, была немедленно охвачена паникой и, не задавая лишних вопросов, ударилась в бегство.

Конан стоял в коридоре один, рядом с тремя мертвецами. Он поудобнее взял меч и направился в таинственную комна-

ту. Дорогие шелковые занавеси покрывали стены, шелковые подушки и обтянутые шелком диваны повсюду стояли в изобилии. Из-за тяжелой позолоченной ширмы на киммерийца смотрело лицо.

Конан остоленел, преисполненный удивления перед холодной классической красотой этого лица, подобного которому он никогда еще не видел среди смертных. Ни слабость, ни сострадание, ни жестокость, ни доброта, ни какое-либо иное человеческое чувство не отражалось в этих чертах. Этот лик мог бы быть маской бога, созданной рукой художника, если бы в нем не угадывалась жизнь — ледяная, чужая жизнь, какой Конан никогда не знал и постичь которую был не в состоянии. Он мимоходом подумал, какого скульптурного совершенства должно быть тело, спрятанное за ширмой, если лик блистает такой неземной красотой.

Но он мог разглядеть только изящной формы голову, которая слегка покачивалась из стороны в сторону. Полные губы раскрылись и выговорили одно-единственное слово, звенящее и вибрирующее, как колокольчик скрытого джунглями храма в далеком Кхитае. Оно принадлежало чужому наречию, забытому еще до того, как царства людей поднялись в своем блеске и величии, но Конан знал, что оно означало:

«Подойди»!

И киммериец повиновался — отчаянным прыжком и свистящим ударом меча. Нечеловечески прекрасная голова слетела с плеч, ударилась о край ширмы и откатилась в сторону.

По спине Конана заструился пот, потому что ширма задрожала от содроганий тела, которое находилось за ней. Несчетное количество раз видел киммериец, как умирают люди, но он никогда не слышал о том, что человек способен так агонизировать. Существо, которое должно было быть наверняка мертво, билось и содрогалось с оглушительным скрежетом. Ширма шевелилась, раскачивалась и, наконец, опрокинулась с металлическим скрипом к ногам Конана. И тогда киммериец смог увидеть, что скрывалось за ней.

Теперь и его самого охватил ужас. Он помчался так быстро, как только мог, он не сбавлял скорости и не останавливался ни разу, пока башни Нумалии не исчезли далеко-далеко позади. Мысль о Сэте и детях Сэта, которые когда-то владычествовали на земле, а теперь дремлют в своих темных гробницах под черными пирамидами, была намного страшнее любого кошмара.

За позолоченной ширмой лежало не человеческое тело, а сверкающее, свернувшееся кольцами тело огромной змеи.

Роберт Говард
БАГРЯНЫЙ ЖРЕЦ

1

Во время одного из дворцовых празднеств Набонидус, Багрый Жрец, вежливо коснулся руки молодого аристократа Мурило. Мурило повернулся и встретил загадочный взгляд, подивившись скрытому в нем намеку. Они не обменялись ни единым словом. Набонидус изящно поклонился и всунул ему в руку золотую шкатулку. Молодой человек знал, что Набонидус не делает ничего, не имея на то причин: он извинился и под первым удобным предлогом поспешно вернулся к себе. Он раскрыл шкатулку и обнаружил там человеческое ухо. Быстрый взгляд на необычный шрам, пересекающий его, — и он уже знал, кто был его первоначальным владельцем. Пот выступил у него на лице, и он не сомневался больше в значении того взгляда, с которым Набонидус передал ему шкатулку.

Однако несмотря на свои напояженные черные локоны и щегольскую наружность, Мурило не был безвольным трусом, который без борьбы кладет голову на плаху. Он не знал только, играет ли Набонидус с ним в кошки-мышки или же хочет дать ему шанс добровольно уйти в изгнание. Судя по тому, что он был еще жив и находился на свободе, ему давалось по меньшей мере несколько часов сроку — вероятно, для медитации. Но ему не требовалось никакой медитации для того, чтоб принять решение. Что ему было необходимо, так это орудие. И судьба создала для него такое орудие, которое в тот момент, когда молодой дворянин, сидя в своем доме, в квартале, застроенном мраморными дворцами с пурпурными башнями, дрожал и размышлял, предавалось своей деятельности в нищем районе между низкопробными кабаками и домами терпимости.

Жил-был жрец Анус, храм которого, стоящий на краю нищего квартала, повидал не только смиренное благоговение и молитвы прихожан. Жрец был жирный, откормленный, и был он не только укрывателем краденого, но и шпионом.

Обе эти профессии были невероятно доходны, потому что та часть города, что находилась возле его храма, так называемый Лабиринт, представляла собой смешение извилистых переулков и грязных пивных, где встречались наиболее отчаянные головорезы со всего королевства. Самыми дерзкими и отпетыми из них были некий Гундер, бывший наемник, и один варвар киммериец. Однако жрец Анус коварно позаботился о том, чтоб Гундер был схвачен и публично повешен на рыночной площади. Киммерийцу посчастливилось бежать. По возвращении он узнал о предательстве жреца, явился ночью в храм Ануса и сделал жреца короче ровно на одну голову. Это вызвало в городе серьезные волнения. Поиски убийцы протекали безрезультатно, пока одна женщина не выдала его властям и не привела капитана с его отрядом к той норе, где варвар отсыпался после попойки.

Когда они попытались схватить его, он проснулся. Все еще пьяный, но полный дикой ярости, он повалил капитана и прорвался сквозь ряды нападающих. Он бы ушел от них, если бы выпитые в ту ночь крепкие напитки не затуманили бы ему мозги. Запутавшись и плохо соображая, он в страшной спешке промахнулся и вместо того, чтоб выскочить в раскрытую дверь, врезался в каменную стену так сильно, что потерял сознание. Когда оно к нему вернулось, он уже находился в самой надежной тюрьме города, прикованный к стене цепями, которые даже его варварские мускулы не в состоянии были порвать.

В эту камеру и пришел Мурило, замаскированный, закутанный в просторный черный плащ. Киммериец рассматривал его с большим интересом, поскольку принял его за палача, которого прислали за ним, чтоб повесить. Мурило, однако, быстро разъяснил недоразумение и начал разглядывать его с не меньшим интересом. Даже в полумраке тюрьмы, прикованный к стене, этот человек поражал своей примитивной мощью. Его крепкое тело соединяло в себе силу медведя с ловкостью и гибкостью пантеры. Под путаной черной гривой сверкали синие глаза, полные необузданной дикости.

— Вы хотите жить? — спросил Мурило.

Варвар заворчал, и интерес его к Мурило усилился.

— Если я помогу вам бежать, не сделаете ли вы мне одного одолжения? — спросил аристократ.

Киммериец молчал, но пронзительный взгляд говорил за него.

— Я хочу, чтоб вы убили для меня одного человека.

— Кого?

Мурило понизил голос до шепота:

— Набонидуса, королевского жреца!

Киммериец не выразил ни озабоченности, ни смущения.

Он не знал, что такое трепет перед властями, с которым зачастую рождаются цивилизованные люди. Король или нищий — до этого ему не было никакого дела. Он не спросил даже, почему Мурило пришел именно к нему, когда вне тюрьмы шляется и без того достаточно головорезов, которые с радостью предложили бы свои услуги.

— Когда я должен бежать? — спросил он.

— Через час. Ночью в этой части подземелья останется только один часовой. Он подкуплен. Я его *уже* подкупил. Вот ключи от ваших цепей. Я открою замки, а после того, как я буду уже дома, часовой — его имя Атикус — откроет дверь вашей камеры. Вы свяжете его полосами (разорвите вашу куртку), чтобы стража, когда найдет его, поверила, что вы сбежали, пользуясь помощью извне, и не стала бы его подозревать. Затем вы направитесь прямо к дому Багряного Жреца и убьете его. Оттуда идите к Крысиной Норе, где вас будет ждать человек с лошастью и мешком золота. С этим вам будет легко покинуть город и бежать из страны.

— Тогда снимайте цепи, — потребовал киммериец. — И позаботьтесь о том, чтобы охранник принес мне поесть. Клянусь Кромом, я не получил за целый день ничего, кроме кусочка скверного хлеба и воды. Я близок к истощению.

— Хорошо, сделаю. Но запомните — вы не должны бежать, пока я не успею добраться до дома.

Освобожденный от своих цепей, варвар поднялся и вытянул свои мускулистые руки, которые казались очень могучими в полумраке подземелья. Мурило был убежден: если есть на земле человек, способный сделать то, что ему требуется, то это киммериец. Он повторил еще раз свои указания и покинул тюрьму, не забыв попутно поручить Атикусу принести заключенному кусок холодного мяса и кувшин вина. Он знал, что может доверять стражнику, и не только из-за денег, которыми он оплатил его услуги, но из-за более существенных вещей, которые о нем знал Мурило.

Когда Мурило вернулся в свои покои, он полностью взял себя в руки. Набонидус будет действовать через короля, в этом он был уверен. А поскольку королевские солдаты еще не постучали в его двери, значит жрец еще не успел поговорить с монархом. Это он сделает, без сомнения, утром — если доживет до утра.

Мурило не сомневался в том, что киммериец постарается выполнить его поручение. Удастся ли ему это — вот в чем вопрос. Уже не в первый раз предпринимается попытка убить Багряного Жреца — и до сих пор все покушавшиеся

погибали страшной, не поддающейся описанию смертью. Но все они были людьми, выросшими в городах и не обладавшими волчьими инстинктами варвара. С того момента, как Мурило раскрыл золотую шкатулку с отрезанным ухом, он вспомнил, как несколько часов назад из своих тайных источников узнал об аресте киммерийца и сразу же увидел в этом решение своей проблемы.

Он осушил бокал за здоровье человека по имени Конан и за его удачу, которая должна сопутствовать ему этой ночью. Но в тот момент, когда он вторично наполнял свой кубок, один из его шпионов принес ему известие о том, что Атикус арестован и сам брошен в темницу. Киммериец не бежал.

Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах. В превратностях судьбы он видел могущественную руку Набонидуса, и в нем росло убеждение, что Багряный Жрец не просто человек, он чародей, который читает мысли своих жертв и тянет их за ниточки так, что они начинают плясать, словно марионетки. Он ощутил отчаяние и безнадежность. Он перепоясаясь мечом и спрятал его под просторным плащом. Так он покинул свой дом через потайной ход и торопливо зашагал по пустым улицам. Была как раз полночь, когда он добрался до дома Набонидуса, мрачной громадой высящегося в глубине сада за стеной, которая отгораживала его от соседних участков.

Стена была довольно высокой, но не непреодолимой. Набонидус поручил охрану своей персоны не каменным стражам. Страшиться нужно было не стен, а того, что находилось за этими стенами. Что именно это было, Мурило точно не знал. Он слышал, что по меньшей мере по саду прогуливается огромный, очень опасный пес, который разорвал уже не одного взломщика, словно жалкого кролика. О том, что здесь еще может стоять на страже, Мурило даже подумать не мог. Те, кому удалось ненадолго посетить дом под предлогом деловых вопросов, рассказывали, что несмотря на богатую обстановку дома, Набонидус живет очень просто и обходится минимальным количеством слуг. В самом деле, если Мурило только правильно вспоминает, они все упоминали, что видели только одного — крупного замкнутого человека по имени Джок. Второй, предположительно раб, был слышен где-то в доме, но кем бы он ни был, его никто не видел в лицо. Но самой большой загадкой этого полного тайн дома был сам Набонидус, которого ловкие интриги и хитросплетения политики сделали самым могущественным человеком в королевстве, и народ, канцлер, даже сам монарх плясали под его дудку.

Мурило вскарабкался по стене и прыгнул в сад, покры-

тый тенью деревьев и кустарников, которые тихо качались на ветру. Ни одного огня не светилось в окнах дома, вставшего над садом черной скалой. Молодой аристократ поспешно, стараясь не шуметь, пошел мимо кустов. Каждый миг он ожидал услышать лай огромной собаки и увидеть, как она бросается на него из темноты. Он сомневался, что меч может много помочь ему в битве с таким врагом, однако это не заставило его повернуть назад. Он был уверен в том, что погибнуть под клыками этой твари ничуть не хуже, чем под секирой палача.

Неожиданно Мурило споткнулся обо что-то массивное, мягкое. Когда он наклонился пониже, в свете звезд он увидел лежащее у своих ног неподвижное тело. Это был труп собаки, которая должна была охранять сад, и в нем, несомненно, не теплилась больше жизнь. Шея пса была сломана, и раны указывали на то, что их оставили пальцы, в которых заключена страшная физическая сила. Мурило был убежден, что такое повреждение человек причинить не в состоянии. Вероятно, на пса напал зверь или монстр, который был еще более диким. Мурило бросил нервный взгляд на темные кусты, где могло скрываться неизвестно что, а потом, пожав плечами, тихим шагом направился к дому.

Уже первая дверь, которой Мурило коснулся, не была заперта. Он осторожно вошел, держа в руке меч, и увидел, что находится в длинном коридоре. Помещение было освещено слабым светом, который пробивался сквозь занавеси в другом конце коридора. Тени играли на полу и на стенах. Во всем доме царила абсолютная тишина. Мурило проскользнул по коридору и остановился, чтобы прокрасться к занавеске на двери. Он увидел впереди освещенный покой: тяжелые бархатные шторы на окнах были опущены, так что ни малейшего луча света не вырывалось на улицу. Покой был пуст, но Мурилохватило одного мгновения, чтоб его передернуло от ужаса. Среди разбитой мебели и разорванных занавесей — свидетелей ужасной битвы — лежал труп человека. Он лежал на животе, однако голова его была так вывернута, что подбородок упирался в плечо. Лицо, искаженное жуткой ухмылкой, казалось, издевательски смотрит на оцепеневшего молодого аристократа.

В первый раз за эту ночь решимость покинула Мурило. Он бросил неуверенный взгляд на коридор, по которому пришел сюда, однако затем он подумал о плахе — и отказался от бегства. Он обогнул усмевающийся кошмар, лежавший на полу. Несмотря на то, что он никогда не видел этого человека прежде, он узнал его по описанию других. Это был молчаливый слуга Набонидуса Джока.

И снова он остановился перед занавешенным дверным проемом и испытующе заглянул за занавес. Большой круглый зал открылся ему, опоясанный галереей примерно на середине между отполированным до зеркального блеска полом и высоким потолком. Этот зал был создан для королей. В середине стоял покрытый искусной резьбой махагоновый стол, заставленный сосудами с вином и деликатесами всех видов. Мурило замер. В широком кресле, которое было повернуто к нему спинкой, восседала фигура, одеяние которой было ему хорошо знакомо. Голова, скрытая так часто виденным багряным капюшоном плаща, была опущена в медитации. В королевском дворце Мурило сотни раз видел, как Набонидус сидит в этой позе.

Молодой человек проклял громкий стук своего сердца и с протянутым мечом скользнул в зал. Вся его фигура говорила о твердом намерении убить. Его жертва не двигалась, она еще, казалось, не слышала его приближения. Дремал ли Багряный Жрец или это труп заснул вечным сном? Только один шаг отделял Мурило от врага, когда человек в кресле неожиданно поднялся и встал перед ним.

Кровь отхлынула от лица Мурило. Меч выскользнул из его внезапно ослабевших пальцев и со звоном упал на полированный пол. Страшный крик вырвался из его груди. Глухой стук падающего тела последовал за криком. И снова тишина воцарилась в доме Багряного Жреца.

2

Вскоре после того, как Мурило покинул тюрьму, в которой был заключен Конан, Атикус принес заключенному блюдо с едой, в том числе гигантскую бычью ляжку, и кувшин пива. Конан припал к ним с жадностью изголодавшегося, а Атикус отправился в последний обход по подземелью, желая убедиться в том, что все в порядке и никто не сможет увидеть заключенного во время побега. Пока он был занят всем этим, в тюрьме появился отряд стражников, который арестовал его. Мурило заблуждался, когда полагал, что этот арест стал последствием раскрытия плана побега. Он вообще не имел с побегом Конана никакой связи. Атикус был несколько небрежен в своих связях с «дном» общества, и его невнимательность принесла столь плачевные плоды.

Его место занял другой стражник, немного туповатый, но надежный человек, который никогда бы ни на шаг не отклонился со стези добродетели и выполнения своего

долга. Он не обладал хорошо развитым воображением, зато был глубоко убежден в важности своей работы.

Когда Атикуса увели, новый стражник из чисто рутинных соображений сделал еще один обход подземелья. Когда он проходил мимо камеры Конана, его чувство справедливости было возмущено тем обстоятельством, что заключенный сидит в тюрьме, освобожденный от цепей, и с огромным удовольствием вгрызается в большую, хорошо прожаренную бычью ляжку. Стражник был этим настолько разгневан, что сделал серьезную ошибку, войдя в камеру, не потрудившись сперва позвать с собой солдат из других частей тюрьмы или, по меньшей мере, не поставив их в известность. Это была его первая ошибка в несении служебного долга и вместе с тем, последняя. Конан ударил его обглоданным мослом по голове, забрал у него нож и ключи, и без излишней спешки пустился в путь. Как упоминал Мурило, здесь по ночам на часах стоял только один стражник. Киммериец покинул здание тюрьмы с помощью ключа, похищенного им, и оказался на улице. Все это происходило так, как намеревался устроить Мурило, так, словно его план претворялся в жизнь без всяких помех.

Свои последующие шаги Конан обдумывал в тени тюремных стен. Ему пришло в голову, что он ничем не обязан Мурило, поскольку освободился самостоятельно. С другой стороны, именно юный аристократ самолично снял с него цепи и позаботился о том, чтоб его хорошо накормили. Без этого побег был бы невозможен. Так что в конце концов киммериец пришел к выводу, что он все же обязан Мурило, а поскольку он был человеком, не привыкшим оставаться в долгу, то решил сдержать данное молодому аристократу обещание. Но сначала ему нужно позаботиться об одном личном деле.

Он сбросил драную куртку и в одной лишь набедренной повязке скользнул в ночь. Он нащупал нож, который забрал у стражника. Это было смертоносное оружие с широким, обоюдоострым клинком, примерно в девятнадцать дюймов длиной. По переулкам и темным площадям крался Конан, пока не добрался до той части города, которая и была его целью, — до Лабиринта. По его кривым переулкам он шел с уверенностью сторожика. Это был настоящий клубок темных улиц, грязных задних дворов и жутких лазеек и нор, полных таинственных звуков и разнообразных запахов. Улицы не были замощены, отбросы, нечистоты, жидкая грязь смешались здесь самым тошнотворным образом. Канав здесь также не было. Отходы и грязь просто выбрасывали из окон и дверей, они были свалены в смердящие кучи. Если при ходьбе не соблюдать

осторожность, то очень легко может получиться так, что вы поскользнетесь и по колено увязнете в вонючей куче или утонете в луже жидкого дерьма, которая по своим размерам не уступает небольшому пруду. Не было здесь необычным делом и споткнуться о труп с перерезанной глоткой или разбитым вдребезги черепом. Добропорядочные граждане имели достаточные основания обходить Лабиринт стороной.

Никем не замеченный, Конан добрался до цели своего путешествия как раз в тот момент, когда личность, ради которой он и явился, выходила на улицу. Киммериец быстро спрятался в близлежащем дворе и увидел, как девица — та, что выдала его полиции — выпроваживает нового возлюбленного из своей комнатки в первом этаже. Дверь закрылась. Молодой негодяй ощупью нашел скрипящую лестницу. Он был полностью погружен в свои мысли, которые, как и у большинства обитателей Лабиринта, были заняты вопросами незаконного присвоения чужого добра. Посреди лестницы он резко остановился, и волосы шевельнулись у него на голове. Что-то огромное, со сверкающими глазами, скорчилось в темноте на лестнице немного ниже его. Низкое рычание было последним, что он услышал в своей жизни, когда это чудовище бросилось на него и почти мгновенно острый клинок прикончил его. Он испустил придавленный крик и бессильно скатился вниз по ступенькам.

Варвар поднялся над ним, как призрак. Его глаза горели во мраке. Он знал, что крик и звук падения тела были слышаны, но жители Лабиринта из соображений собственной безопасности, давно уже взяли себе в привычку не проявлять внимания к подобным происшествиям. Позднее кто-нибудь из них наверняка высунет нос, чтобы посмотреть, что случилось, но совершенно ясно, что это произойдет не сейчас.

Конан поднялся по лестнице и остановился перед дверью, которую так хорошо знал. Девица была заперта изнутри, но он просунул клинок между дверью и косяком и сорвал щеколду. Он вошел, прикрыл за собой дверь и встал перед девицей, которая предала его.

Она сидела на разоренной постели, скрестив ноги. На ней была тонкая ночная сорочка. Девица смертельно побледнела и устала на него, как на привидение. Она слышала крик на лестнице и заметила покрытый кровью нож в руке варвара. Но она была слишком перепугана мыслью о своей собственной участи, чтоб найти время оплакивать кровавый жребий своего возлюбленного. Она стала умолять оставить ей жизнь, почти ничего не соображая от страха. Конан молчал. Он стоял перед ней, поглядывая на нее го-

рящими глазами, и водил большим пальцем по острию своего кинжала.

Наконец, когда она прижалась к стене и в отчаянии хрипло попросила пощады, он схватил ее грязной рукой за белокурые локоны и сорвал с кровати. Он сунул кинжал обратно в ножны, зажал свою бьющуюся пленницу под мышкой и высочил в окно. Как в большинстве домов такого рода, на высоте окна каждый этаж был опоясан карнизом. Конан забрался в магазин и вылез на узкий карниз. Если бы кто-нибудь оказался сейчас поблизости, его удивленному взору предстал бы человек, который осторожно пробирается по карнизу первого этажа по наружной стене магазина с отчаянно отбивающейся, полуголой девкой под мышкой. Но даже этот гипотетический наблюдатель был бы ошеломлен не больше, чем сама девица.

Когда они добрались до места, Конан остановился и свободной рукой взялся за стену. В доме неожиданно поднялся крик. Следовательно, труп обнаружен. Пленница Конана ныла, скулила, вертелась и надоела ему еще больше. Киммериец посмотрел вниз, на грязь и нечистоты, прислушался к шуму в доме и к жалобам и мольбам девицы, а затем с большой меткостью уронил ее прямо в выгребную яму, в дерьмо. С довольной ухмылкой Конан наблюдал за ее отчаянными попытками выбраться наружу, и наслаждался ее ядовитой бранью и угрозами. Он расхохотался и смеялся до тех пор, пока возросший шум в доме не напомнил ему о том, что пора уже идти убивать Набонидуса.

3

Мурило очнулся от громкого звона металла. Он застонал и, совершенно растерянный, сел. Вокруг царили теперь совершеннейшая тишина и мрак. В какой-то миг он испугался — ему показалось, что он ослеп. Но потом он вспомнил о том, что произошло, и мороз пошел у него по коже. Он осторожно ощупал вокруг себя руками и установил, что лежит на полу, сложенном ровно подогнанными каменными плитами, а дальнейшие исследования показали, что и стены построены таким же образом. Он поднялся и прислонился к стене. В отчаянии он пытался сообразить, где же он может находиться. В том, что это нечто вроде тюрьмы, не могло быть сомнений, но как долго и где он лежал — этого он не мог даже предположить. Он смутно припоминал лязг металла и спрашивал себя, была ли это в самом деле железная дверь тюрьмы, которая захлопнулась за его спиной, или же это означало, что палач уже пришел.

При этой мысли он содрогнулся всем телом. Он быстро двинулся наощупь вдоль стены. Каждый миг он ждал, что сейчас стена закончится, но через некоторое время пришел к выводу, что, вероятно, он идет по коридору. Он плотно прижался к стене, опасаясь люков в полу или других опасностей. Потом он почувствовал, что совсем близко в полной темноте кто-то стоит. Он абсолютно ничего не мог видеть, но несмотря на то, что ни одного предательского шороха не доносилось из мрака, какое-то шестое чувство предостерегало его. Мурило резко остановился. Волосы на затылке встали дыбом. Он был уверен в том, что нечто живое затаилось перед ним в темноте — так же уверен, как в том, что он дышит.

Он думал, что сердце его остановится, когда голос прошептал с варварским акцентом:

— Мурило, это вы?

— Конан!

Слабей от облегчения, молодой аристократ пошарил в темноте, пока его руки не нащупали обнаженные плечи.

— Хорошо, что я узнал вас, — проворчал киммериец. — Я уже собирался заколоть вас, как свинью.

— Где мы, во имя Митры?

— В подвалах под домом Багряного Жреца, но почему...

— Сколько времени?

— Недавно была полночь.

Мурило потряс головой и постарался взять себя в руки.

— Что вы здесь делаете? — спросил варвар.

— Я пришел убить Набонидуса. Я узнал, что стражника в тюрьме сменили...

— И в самом деле, — буркнул Конан. — Новому я проломил череп и отправился гулять. Я пришел бы сюда пораньше, но мне нужно было уладить сперва одно личное дело. Ну что, приступим к нашему визиту?

Мурило заколебался.

— Конан, мы в замке Сатаны! Я пришел сюда посчитаться с врагом-человеком и нашел здесь волосатого дьявола из преисподней.

Конан глотнул. Он был пуглив не больше, чем раненый тигр, когда видел перед собой противника из простых смертных, но, как и все дикари, становился жертвой необъяснимого страха, когда сталкивался со сверхъестественным.

— Я пробрался в дом, — шептал Мурило, словно темнота могла его услышать. — В саду я споткнулся о зверски убитую собаку Набонидуса. В доме наткнулся на Джоку, слугу

жреца. Кто-то сломал ему шею. А потом я увидел и самого Набонидуса. Он сидел в кресле, одетый в свой обычный плащ. Сначала я даже подумал, что он мертв. Я подкрался к нему, собираясь ударить его мечом. Тогда он встал и повернулся ко мне. Боги мои! — Воспоминания об этом страшном мгновении лишили молодого аристократа дара речи. — Конан, — зашептал он снова, — передо мной стоял не человек! Фигурой, осанкой он походил на человека, но из-под багряного капюшона жреца мне ухмылялось и скалило зубы лицо, которое может возникнуть только в кошмарном сне. Оно было полностью покрыто волосами, из которых выглядывали светящиеся красные поросычьи глазки. Нос у него плоский, с огромными раздувающимися ноздрями. Он втягивал губы и обнажал желтые клыки. Руки, высовывающиеся из красных рукавов, были уродливы и тоже заросли шерстью. Все это я увидел в одно мгновение. Ужас охватил меня, и я потерял сознание.

— А потом? — беспокойно спросил киммериец.

— Я пришел в себя только несколько минут назад. Чуждое, должно быть, бросило меня сюда. Конан, я давно уже подозревал, что Набонидус не совсем человек. Днем он принимает человеческий облик, а по ночам живет в своей истинной сущности.

— Похоже на то, — пробормотал киммериец. — Все знают, что бывают люди, которые по своему желанию могут превращаться в волков. Но зачем он убил свою собаку и своего слугу?

— Кто может знать, что происходит в голове у дьявола? — ответил Мурило. — Мы должны сейчас ограничиться тем, чтоб выбраться отсюда. Земное оружие не в состоянии уничтожить оборотня. Как вы вообще сюда попали?

— По каналу. Мне пришлось считаться с тем, что сад охраняется. Сточные каналы города имеют выход в одной шахте, которая как раз ведет сюда. Я надеялся, что дверь будет не заперта.

— Тогда давайте уйдем той дорогой, по которой вы пришли! — возбужденно воскликнул Мурило. — К дьяволу остальное! Как только эта змеиная нора останется позади, нам предстоит совсем небольшой риск, связанный с королевскими ищейками. Попробуем выбраться из этого города. Пойдемте!

— Безнадежно, — сказал Конан. — Дорога к каналу блокирована. Когда я залез в туннель, с потолка упала решетка. Если бы я не оказался быстрее молнии, ее острия пригвоздили бы меня к полу, как червяка. Она не поддалась ни на волос, когда я попытался ее поднять. Ее даже слон не сдвинет. Разве что заяц протиснется между прутьями.

Мурило выругался. Ему показалось, что железная рука сжала его сердце. Хотел бы он знать, есть ли в доме Набонидуса не охраняемый выход. Если бы Конан не оказался таким ловким, как настоящий хищник, подъемная решетка раздавила бы его. Без сомнения, его появление в туннеле привело в действие какой-то скрытый механизм, который должен был его остановить.

— Мы можем сделать только одно, — сказал Мурило, чувствуя, как холодный пот бежит у него по спине. — То есть искать другой выход. Хотя я убежден, что все они защищены решетками, но ведь у нас все равно нет выбора.

Варвар проворчал что-то в знак согласия, и оба наощупь двинулись по коридору. Неожиданно Мурило, несмотря на то, что все нервы его были напряжены, подумал о совершенно посторонней вещи.

— А как вы все-таки узнали меня в этой крошечной тьме? — спросил он.

— По запаху помады, которой вы мажете волосы. Я запомнил его еще когда вы приходили ко мне в тюрьму, — ответил Конан. — И здесь неожиданно снова запахло ею, когда я сидел тут в темноте. Это меня и остановило, ведь я собирался напасть на вас.

Мурило потянул свой черный локон к носу. Он не уловил почти никакого запаха. У варвара, должно быть, чертовски острое обоняние.

Они пошли дальше, и Мурило инстинктивно протянул руку к мечу, но ему пришлось с сожалением убедиться в том, что ножны пусты. В этот момент они различили слабое свечение и почти сразу же оказались возле крутого поворота, из-за которого и исходил этот приглушенный свет. Они вместе подкрались к углу. Мурило, который прижался к своему спутнику, почувствовал, как тот замер. Но и сам он уже увидел его — полуобнаженного человека, который лежал в коридоре на полу за углом. Он был освещен лучом, падавшим из большого серебряного диска на противоположной стене. Распростертая фигура показалась Мурило на удивление знакомой, хотя лица, повернутого к полу, он видеть не мог. Неужели это возможно... Он сделал киммерийцу знак следовать за ним и проскользнул к лежащему, чтобы наклониться над ним. Прежде чем он перевернул его на спину, ему пришлось подавить приступ тошноты. Не веря своим глазам, смотрел он на него, и с губ его срывались проклятия. Киммериец поглядел на него вопрошающе.

— Это Набонидус! Багряный Жрец! — крикнул Мурило. Его захлестывали мысли. — Но почему же... кто был там?..

Жрец застонал и пошевелился. С кошачьей ловкостью

Конан нагнулся и занес свой нож. Мурило схватил его за руку.

— Подождите! Не убивайте его пока...

— Почему? — спросил варвар. — Он сбросил свою личину и спит. Хотите его разбудить, чтоб он разорвал нас в клочья?

— Нет, подождите! — настаивал Мурило и сделал над собой усилие, пытаясь привести свои мысли в порядок. — Посмотрите же! Он не спит! Разве вы не видите кровоподтеков на его виске? Без сомнений, его оглушили. Он лежит здесь, наверное, несколько часов.

— А мне показалось, будто вы клялись, что видели его наверху в зверином облике, — фыркнул Конан.

— Да, я говорил! Или... а, он пришел в себя. Уберите же нож, Конан! Я хочу докопаться до корней этой тайны, которая, кажется, еще чернее, чем я думал. Я хочу поговорить со жрецом прежде, чем вы его убьете.

Набонидус медленно поднес руку к своему посиневшему от удара виску. Что-то пробормотал. Открыл глаза. Какой-то миг они казались пустыми и бессмысленными, потом в них как будто толчками стало возвращаться сознание.

Он сел и посмотрел на обоих мужчин. Каким бы страшным ни был удар, лишивший его на время рассудка, сейчас этот рассудок заработал со своей привычной остротой. Глаза жреца быстро obeжали всю сцену и остановились на лице Мурило.

— Вы решили почтить мой скромный дом своим посещением, мой молодой господин? — насмешливо произнес он и покосился на могучую фигуру, громоздившуюся за плечами Мурило. — И привели с собой наемного убийцу, как я погляжу. Вам что, не хватило длины ваших кинжалов, чтоб оборвать мою ничтожную жизнь?

— Хватит болтовни! — нетерпеливо сказал Мурило. — Как долго вы лежите здесь?

— Довольно странный вопрос к тому, кто только что пришел в себя, — ответил жрец. — Откуда я знаю, сколько сейчас времени? Я потерял сознание примерно за час до полуночи.

— Но кто же тогда там, наверху, был одет в ваш плащ?

— Это, конечно, Тхак, — пробормотал Набонидус и дернул лицом, прикоснувшись к своему синяку. — Да, это мог быть только Тхак. И в моем плаще? Вот пес!

Конан, который ничего не понимал, нетерпеливо зашаркал ногами и заворчал что-то на своем языке. Набонидус посмотрел на него с легкой усмешкой.

— Вашему человеку не терпится воткнуть мне нож в сердце, Мурило, — сказал он. — Я считал вас умнее и думал, что вы оцените мое предостережение и покинете город.

— Откуда я мог знать, что вы хотите предоставить мне такую возможность? — возразил Мурило. — И кроме того, все, к чему я привязан в жизни, находится здесь, в этом городе.

— Этот подонок — весьма подходящая компания для вас, — буркнул Набонидус. — Я уже давно держал вас под подозрением. Поэтому я и велел похитить этого дохлятика-писца. Но прежде чем умереть, он рассказал мне кое-что, и среди прочего он назвал имя одного молодого аристократа, который заплатил ему за возможность ознакомиться с некоторыми государственными тайнами, которые этот милый юноша продал затем вражеской державе. И вам не стыдно, совсем не стыдно, Мурило, — вор, который не хочет марать своих рук?

— У меня не больше оснований для стыда, чем у вас, вы, ненасытный грабитель! — тут же ответил Мурило. — Вы обираете целое королевство, чтоб потешить свою жадность. Вы надели маску самоотверженного государственного мужа и вынуждаете короля пожаловать вас — разумеется, для блага страны — неограниченной властью, сложить руки и жертвовать ради вашей беспредельной жадности личной властью будущим целого государства. Вы же просто жирная свинья, запустившая свое рыло в корыто со жратвой. Вы куда больший вор, чем я. А этот киммериец из нас троих самый честный, потому что он крадет и убивает, не делая из этого тайны.

— Ну, стало быть, мы трое прекрасно подходим друг другу, — заявил Набонидус с дружеской простотой. — И что теперь? Моя жизнь?

— Когда я увидел ухо исчезнувшего писца, я понял, что моя участь решена, — резко сказал Мурило. — Я решил, что вы настроите против меня короля. Я был прав?

— Совершенно, — ответил жрец. — Убрать с дороги маленького придворного писца очень просто, но попробуй я повторить этот номер с вами — и поднимется очень много пыли. Я намеревался утром рассказать королю небольшую пикантную историю, связанную с вами.

— Небольшую историю, которая стоила бы мне головы, — пробормотал Мурило. — Значит, король еще не в курсе моих дел с другими странами?

— Еще нет, — вздохнул Набонидус. — А теперь, когда я смотрю на вашего спутника с его столь нетерпеливым кинжалом, я вообще начинаю бояться, что я никогда не смогу порадовать короля этой славной историей.

— Вы должны знать, как выбраться из этой крысиной дыры, — сказал Мурило. — Разумеется, я готов заявить, что

жизнь ваша будет сохранена, если вы поможете нам унести отсюда ноги и поклянетесь хранить молчание относительно моих мелких махинаций.

— Когда это жрецы держали слово? — вмешался Конан, который только теперь понял, о чем идет речь. — Давайте я все-таки пережду ему глотку. Я хотел бы поглядеть, какого цвета у него кровь. В Лабиринте болтают, будто сердце у него черное, значит, и кровь должна быть такая же...

— Замолчите! — прошипел Мурило. — Если он не покажет нам дороги из этой дыры, мы сгнием здесь. Ну, Набонидус, что вы думаете?

— Что думает волк, угодивший ногой в капкан? — Жрец рассмеялся. — Я полностью в вашей власти, а если мы хотим отсюда выбраться, один должен помогать другому. Я клянусь: если мы переживем это приключение, я забуду о ваших темных делах. Я клянусь в этом душой Митры!

— Мне этого довольно, — сказал Мурило. — Даже Багряный Жрец не посмеет нарушить эту клятву. Давайте уходить отсюда. Мой добрый друг попал сюда по туннелю, но подъемная решетка упала за его спиной и перегородила дорогу. Вы знаете, как поднять ее?

— Не из этого подземного хода, — ответил жрец. — Рычаг, который приводит в действие механизм, находится в помещении над туннелем. Есть еще одна дорога отсюда, которую я вам покажу. Только скажите мне, как вы сюда попали?

Мурило рассказал ему все в кратких словах. Набонидус кивнул и решительно поднялся. Он захромал по коридору, который расширился, превратившись в просторное помещение, и подошел к серебряному диску. Когда он приблизился к диску, свет стал ярче, хотя огонек горел по-прежнему слабый, затененный. Возле диска они увидели узкую лестницу, которая вела вверх.

— Вот другой выход, — сказал Набонидус. — И я не думаю, чтоб дверь наверху была заперта. Но полагаю, что того, кто захочет войти через нее, ждет смерть куда более верная, чем если бы он сам перерезал себе горло. Посмотрите в этот диск!

То, что внешне выглядело как круглая серебряная пластина, было на самом деле встроенным в стену зеркалом. Сложная система медных труб имела выход в стене и наклонялась под нужным углом. Когда Мурило заглянул в эти трубы, он увидел бесчисленное количество маленьких зеркал. Он сосредоточил свое внимание на самом большом зеркале и удивленно вскрикнул. Конан заглянул ему через плечо и проворчал что-то неразборчивое.

Создавалось впечатление, что они смотрели через окно

в ярко освещенную комнату. На стенах висели широкие зеркала, а между ними — бархатные шторы. Под зеркалами стояли шелковые диваны и стулья, сделанные из эбенового дерева и слоновой кости. Из этого покоя вели двери, также скрытые шторами, а перед одной из дверей, той, что не была занавешена, сидело нечто черное, массивное, уродливо контрастирующее с роскошью этого зала. Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах, когда он увидел страшилище, неподвижно глядящее, как ему чудилось, прямо ему в глаза. Он непроизвольно отшатнулся от зеркала, и Конан тут же всунул голову в трубы, прижимаясь подбородком к самому зеркалу. На своем варварском языке он произнес угрозу или вызов, что-то в этом роде.

— Во имя Митры, Набонидус, — прохрипел потрясенный Мурило, — что это?

— Это Тхак, — ответил жрец и осторожно провел пальцем по раненому виску. — Некоторые, вероятно, приняли бы его за обезьяну, но он отличается от настоящей обезьяны так же сильно, как и от настоящего человека. Подобные ему живут далеко отсюда, на востоке, в горах, проходящих по восточной границе Заморы. Таких, как он, немного, но если они не вымрут, то, я полагаю, за следующие сотни тысячелетий они разовьются в настоящих людей. Это уже не обезьяны, какими были их предки, но еще не люди, которыми в будущем могут, вероятно, стать их потомки. Они обитают на крутых, почти недоступных вершинах гор. Им незнаком огонь, они не умеют шить себе одежду и белье, не используют оружие. Но они имеют нечто вроде связной речи, которая на слух напоминает клокочащие и хрюкающие звуки.

Я взял к себе Тхака, когда он только что родился. Он обучался намного быстрее и был гораздо восприимчивее, чем животное. Я использовал его как слугу и как телохранителя. Но я позабыл, что он все же нечто большее, чем просто зверь, который стал тенью меня самого. Совершенно явно, что он способен ненавидеть и что в конце концов в нем развилось нечто вроде тщеславия.

В любом случае, он нанес мне удар, когда я менее всего ожидал этого. Сегодня ночью он словно с цепи сорвался. То есть, судя по его поведению, его можно было принять за взбесившегося зверя, однако я убежден, что в основе всего лежит долго и тщательно продуманный план.

Я услышал в саду шум драки и вышел посмотреть, потому что подумал, что это моя собака рвет вас на куски. Тут является Тхак. Забрызганный кровью, он вылез из куста. Прежде чем я понял, каковы его намерения, он подскочил ко мне с ужасным воплем и ударил меня так, что я потерял сознание. Больше я ничего не могу вспомнить. Я могу толь-

ко предположить, что он по какому-то непонятному капризу своего получеловеческого разума снял с меня одежду и бросил в туннель еще живого. Из каких соображений — это только богам известно. Очевидно, когда он вышел из сада и ударил меня, собака была уже убита. И вне всяких сомнений, потом он убил Джоку, которого вы видели в доме мертвым. Джока пришел бы ко мне на помощь, несмотря на то, что сила Тхака была ему хорошо известна. Джока всегда его ненавидел.

Мурило смотрел в зеркало на тварь, сидевшую перед дверью с терпением, достойным любого животного. Он ужасался при виде его огромных лап, которые так заросли шерстью, что казались покрытыми мехом. Существо было сильным, широким в кости, слегка сутулым. Багряное одеяние треснуло на его неестественно широких плечах, и таким образом Мурило получил возможность увидеть, что и они покрыты густой черной шерстью. То, что выглядывало из-под красного капюшона, было, несомненно, звериной мордой, но тем не менее Мурило признал, что Набонидус был прав, когда говорил о Тхаке как о звере лишь отчасти. Что-то в красных мрачных глазах, в неуклюжей позе, во всем облике этого создания было такое, что поднимало его над животными. Это жуткое тело обладало разумом и душой, которые так сильно напоминали человеческие. Мурило был потрясен, когда заметил пусть еще слабое, смутное, но все же родство между человеком и этим уродливым монстром, и ему стало по-настоящему дурно при одной только мысли о том, из каких глубин первобытного звериного состояния с трудом поднялось человечество.

— Он же нас видит, — сказал Конан. — Почему он не хватается нас? Он мог бы с легкостью разбить это окно.

Мурило понял, что варвар принял зеркало за окно, в которое они попросту заглянули.

— Он нас не видит, — заверил его жрец. — Мы смотрим через это стекло в комнату, которая находится над нами. Дверь, которую, как мы видим, стережет Тхак, находится на верхнем конце этой лестницы. Благодаря такому расположению зеркал, мы можем заглянуть в комнаты наверху. Вы видите вот это на стене? Маленькие зеркальца направляют изображение комнаты в эти трубы, затем, с помощью других зеркал, оно передается дальше и, наконец, в увеличенном виде отражается в большом зеркале.

Мурило подозревал, что жрец опередил свое время на столетия, когда изобретал и создавал эти механизмы. Конан, напротив, стал рассматривать все это как своеобразное колдовство и решил не ломать больше над этим устройством голову.

— Я проектировал подвал в качестве подземелья и погребца. Я уже не раз прятался здесь и наблюдал в зеркало, как те, кто приходили ко мне со злыми намерениями, встречали свою участь.

— Но почему Тхак следит за этой дверью? — спросил Мурило.

— Он должен был слышать, как закрывалась подъемная решетка. Когда она поднимается, наверху это становится известно благодаря колокольчику. Он знает, что кто-то проник в туннель, и теперь ждет его появления. О, он был прекрасным учеником! Он видел, что случается с теми, кто входит в дверь, если я при этом дергал за шнур на стене. И теперь он хочет проделать это со мной.

— Мы можем что-нибудь предпринять, пока он сидит здесь так терпеливо?

— Боюсь, что только наблюдать за ним. Пока он находится в этой комнате, мы не посмеем подняться по лестнице. Он обладает силой гориллы и ему будет совсем нетрудно разорвать нас на куски. Но ему даже не придется напрягать мускулы. Достаточно просто потянуть за знакомый шнур на стене, чтоб отправить нас всех в вечность, как только мы откроем дверь.

— Каким образом?

— Я обещал помочь вам выбраться отсюда, — ответил жрец, — но отнюдь не раскрывать свои секреты.

Мурило хотел что-то сказать и внезапно замер. Чья-то рука украдкой отодвинула шторы одной из дверей, ведущей в другие покои. В комнату осторожно заглянуло смуглое лицо. Блестящие глаза с угрозой уставились на спину в красном одеянии.

— Петреус! — прошипел Набонидус. — Митра, воистину, собрание всех гарпий!

Из-за плеча первого показались лица других — смуглые, узкие лица, пылающие от возбуждения.

— Что им всем здесь нужно? — пробормотал Мурило и непроизвольно понизил голос, хотя он знал, что его не могут слышать наверху.

— Ну и как вы думаете, чего ищет Петреус со своими пылкими юными националистами в доме Багряного Жреца? — Набонидус рассмеялся. — Посмотрите только, с каким вожделием gazeют они на того, кого принимают за своего заклятого врага. Они стали жертвой того же недоразумения, что и вы. Вот будет потеха поглядеть на их рожи, когда они уразумеют, что к чему.

Мурило молчал. Все происходящее казалось ему нереальным. У него было впечатление, что он смотрит пьесу в

кукольном театре, или что он превратился в бестелесного духа, который, никем не замеченный, наблюдает за людьми.

Он увидел, как Петреус предостерегающе приложил палец к губам и кивнул заговорщикам. Мурило не понял, заметил ли Тхак вторжение. Человек-обезьяна не менял своей позы. Он сидел неподвижно, спиной к той двери, через которую проскользнули заговорщики.

— Они пришли с той же целью, что и вы, — прошептал Набонидус в ухо Мурило. — Только причины, побудившие их к этому, куда более патриотичны, чем просто себялюбие. Ну да, поскольку собака мертва, стало совсем нетрудно шпатель по моему дому. Ох, какая возможность ликвидировать эту угрозу раз и навсегда! Если бы только на месте Тхака был я — один прыжок к стене, один только раз дернуть за шнур...

Петреус уже переступил порог, его спутники следовали за ним вплотную, кинжалы их блестели. Неожиданно Тхак поднялся и с быстротой молнии повернулся к ним. Вместо ненавистного, но знакомого лица Набонидуса они увидели жуткую образину, и это лишило их воли, как и Мурило несколько часов назад. С пронзительным воплем Петреус отшатнулся и это повергло его сообщников в бегство. Они спотыкались, цеплялись друг за друга, а Тхак одним гигантским прыжком подскочил к стене и резко дернул за толстый шнур, который висел перед дверью.

Обе половины занавеса тут же полностью раздвинулись, и что-то просвистело в воздухе, излучая неопределенное серебристое сияние.

— Он вспомнил! — в восторге крикнул Набонидус. — Этот зверь уже наполовину человек! Он видел, как это делаю я, и он не забыл! Смотрите теперь! Смотрите!

Мурило заметил, что теперь дверной проем был закрыт тяжелой стеклянной пластиной. Сквозь нее он различал бледные лица заговорщиков. Петреус протянул руки, словно обороняясь от нападения Тхака, но затем он коснулся прозрачной преграды. Судя по его жесту, он что-то сказал, обращаясь к своим товарищам. Благодаря тому, что занавеси были раздвинуты, те, кто находился в подвале, могли наблюдать все, что происходило в комнате с непрошенными гостями. В паническом страхе они ринулись к двери, через которую, очевидно, вошли сюда, и остановились, как вкопанные, натолкнувшись на другую невидимую преграду.

— По рывку шнура эта комната была заблокирована, — объяснил Набонидус, улыбаясь. — Это все очень просто. Стеклянные пластины двигаются по пазам в дверных косяках. Шнур приводит механизм в действие. Это возможно сделать только находясь во внутреннем помещении. Совер-

шенно исключено сдвинуть пластины, даже на волосок. Стекло абсолютно непробиваемо. Не раз его пытались разбить молотком, топором, причем, с большой силой. А!

От ужаса люди, попавшие в ловушку, впали в истерику. Вслепую носились они от двери к двери, отчаянно молотили по ним кулаками и, казалось, грозили неподвижной, заросшей волосами фигуре, находившейся во внутреннем покое. Неожиданно один из них задрал голову и посмотрел на потолок. Судя по движению его губ, он испустил панический вопль, тыча рукой вверх.

— Когда пластины опускаются, высвобождаются Облака Уничтожения, — сказал Багряный Жрец с диким смешком. — Они состоят из пылицы серого лотоса с болота мертвых из страны Кхитай.

В центре потолка висела гирлянда золотых цветов, которые раскрылись, как лепестки гигантской розы. Перед ними заколыхалось серое облако, которое быстро заполнило собой всю комнату. Сцена тут же стала иной. На смену истерике пришло безумие. Заговорщики шатались и спотыкались, как пьяные, двигаясь по кругу. Пена выступила на их губах, которые кривились в жутких ухмылках. Одержимые безумием, они набросились друг на друга с кинжалами, они кололи, резали, грызли друг друга зубами в кошмарном сумасшествии. У Мурило свело желудок, когда он наблюдал эту сцену. Ему оставалось только благодарить судьбу за то, что он не может слышать воя и рычания, которые, без сомнения, раздавались в комнате ужаса.

А вокруг несчастных торжествующе прыгал Тхак, размахивая руками. Набонидус, который стоял рядом с Мурило, хохотал, как сумасшедший.

— О, славный удар, Петреус! Выпусти ему кишки! А теперь твоя очередь, мой патриотически настроенный друг! Теперь все на пол, и пусть живые рвут мясо мертвых зубами!

Мурило отшатнулся. Киммериец за его спиной вполголоса ругался на своем жестком языке. Теперь одна только смерть царил в стеклянной комнате. С раскрытыми ртами и залитыми кровью лицами, которые безжизненно смотрели в потолок сквозь серые, слегка колеблющиеся облака, лежали заговорщики, безмолвные и совершенно неузнаваемые в одной кровавой куче.

Тхак сгорбился, как титанический гном и бросился к стене, на которой висел шнур. На этот раз он потянул веревку не вверх, а в сторону.

— Открывает внешнюю дверь, — пояснил Набонидус. — Клянусь Митрой, он еще ближе к человеку, чем я предполагал. Смотрите, как вытягивается запах из комнаты и идет

свежий воздух. Он ждет, чтоб опасность не коснулась его самого. Теперь он поднимает остальные пластины. Он предусмотрителен. Он знает об опасных свойствах серого лотоса, который приносит безумие и смерть. *М и т р а!*

Мурило чуть не подпрыгнул, так резко прозвучал этот возглас.

— Наш единственный шанс! — объяснил Набонидус. — Если он оставит этот покой, хотя бы на короткий миг, мы сможем попытаться счастья и подняться по лестнице!

Они напряженно следили за чудищем, которое вышло в раскрытую дверь и исчезло. После того, как стеклянные пластины были подняты, шторы снова задернулись и скрыли покой смерти.

— Нужно рискнуть! — шепнул Набонидус. Мурило увидел капли пота на его лбу. — Вероятно, он избавляется от трупов, как это делал я. Скорей! Идите за мной! По лестнице!

Он побежал к ней и взлетел по ступенькам с легкостью, удивившей Мурило. Юный аристократ и варвар следовали за ним. Они слышали глубокий вздох облегчения, когда он рванул дверь на верхнем конце лестницы. Они вошли в большой покой, который уже видели с помощью зеркала. Тхака нигде не было.

— Он в той комнате, где убитые, — прошептал Мурило. — Закроем его там таким же способом, каким он запер там заговорщиков, — предложил он.

— Нет, нет! — возразил Набонидус, и необычайная бледность покрыла его лицо. — Мы не можем быть уверены, что он и впрямь находится там. И кроме того, он может вернуться, прежде чем мы дотянемся до шнура! Лучше идите за мной в коридор. Мне нужно непременно попасть в мои комнаты, чтобы добраться до оружия, которым я могу уничтожить его. Этот выход — единственный, где нет ловушек, и по нему мы можем пройти через эту часть дома.

Они быстро двинулись за ним через занавешенный дверной проем, расположенный против того, что вел в комнату смерти, и оказались в коридоре, в который выходило множество дверей. Дрожащими от спешки пальцами Набонидус проверял их одну за другой. Все они были заперты.

— Митра! — Жрец прислонился к стене. Лицо его посерело. — Двери закрыты, и Тхак забрал у меня ключи. Вот теперь мы действительно в ловушке.

Мурило был потрясен, потому что он никогда не ожидал увидеть жреца таким подавленным. Набонидусу пришлось собрать всю свою волю, чтоб вновь обрести самообладание.

— Эта bestия меня достанет, — обреченно сказал он. — Если бы вы, как я, видели, что Тхак делает с человеком... Храни

нас Митра! Боюсь, нам придется вести борьбу теми скудными средствами, которые у нас имеются.

Он повел их назад, к занавешенному дверному проему, и заглянул в большой покой как раз в тот момент, когда Тхак выскочил из двери, расположенной напротив. Не было никаких сомнений — человек-зверь почувствовал что-то подозрительное. Его маленькие, плотно прилегающие к голове уши шевельнулись, он злобно осматривался сердито сверкающими глазками. Он бросился к двери и рванул в сторону шторы, чтоб заглянуть внутрь.

Набонидус отшатнулся. Он дрожал, как осиновый лист. В полном отчаянии он схватил Конана за плечо.

— Послушай, парень, ты не отважишься выставить свой нож против его когтей?

Искра, вспыхнувшая в глазах Конана, была единственным ответом.

— Тогда быстро, — шепнул Багряный Жрец и толкнул его к шторам возле стены. — Он все равно скоро нас обнаружит, будет лучше, если мы опередим его. Когда он устремится на нас, ударь его ножом в спину, если сможешь. Мурило, вы покажетесь ему и сразу побежите по коридору. Митра знает, в рукопашной схватке шансов у нас нет, но если он погонится за вами, у нас появится возможность избежать смерти.

Мурило чувствовал, как кровь застывает у него в жилах, но он сцелил зубы и вышел в дверной проем. Тхак тут же резко развернулся на другом конце комнаты, смерил его взглядом и с убийственным ревом бросился на него. Его багряный капюшон упал и открыл бесформенный череп. Черные лапы и красный плащ были забрызганы кровью. Это был черно-красный кошмар, который мчался по комнате, оскалив зубы. Кривые ноги несли мощное тело с удивительной скоростью.

Мурило побежал назад, в коридор. Косматое чудовище гналось за ним по пятам. Но в тот момент, когда они проскочили мимо штор, сильная фигура появилась за их спинами и почти одновременно с тем всадила нож чудовищу между лопаток. Тхак яростно зарычал, когда сильный толчок опрокинул его, и он вместе со своим противником рухнул на пол. И оба они сплелись на каменных плитах в жуткий клубок железа, клыков и когтей.

Мурило видел, что варвар обвил тело человека-обезьяны ногами и пытался таким образом удержаться на его спине. Чудовище со своей стороны старалось стряхнуть с себя врага, чтоб он оказался в пределах досягаемости его огромных клыков. В водовороте ударов и багровых лоскутьев они по-

катились по коридору. Они крутились так быстро, что Мурило не решался пустить в ход стул, который он прихватил в качестве оружия, из опасения ударить варвара. Теперь он заметил, что несмотря на первую рану, которую Конан нанес из укрытия, и несмотря на то, что развевающиеся лохмотья путались в руках и ногах чудовища, силы Тхака не убывали. Он, не переставая, увлакивал киммерийца вперед, и это невзирая на многочисленные колотые раны, которые давно уже убили бы обычного человека. Клинок варвара погружался в тело, в плечи и затылок, и чудовище истекало кровью, но если кинжал Конана не нанесет ему в ближайшие секунды смертельного удара, нечеловеческая сила Тхака покончит с киммерийцем, а потом и с Набонидусом, и с ним, Мурило.

Конан дрался, как дикий зверь, в полном молчании, которое прерывалось только хрипом или рычанием. Черные когти чудовища, его железные пальцы царапали и рвали тело. Распахнутая пасть с острыми клыками неустанно тянулась к его горлу. Неожиданно Мурило улучил момент вступить, наконец, в бой и изо всех сил обрушил стул, так, что череп обыкновенного человека разлетелся бы под этим ударом. Но деревянный предмет сломался, стукнувшись о затылок Тхака. На мгновение чудовище ослабило свою хватку. Этот миг использовал Конан. Хрипя и заливаясь кровью, он бросился вперед и по самую рукоятку вонзил свой нож в сердце человека-обезьяны.

Судорожно вздрогнув, Тхак посмотрел на своего врага сверху вниз, затем рухнул. Его злобные зоркие глазки помутнели, мощные руки и ноги шевельнулись еще раз и застыли навсегда.

Конан, ошеломленный, залитый кровью, запатался и вытер с глаз пот и кровь. Кровь капала с его ножа, с его пальцев, стекала по рукам и ногам, струилась по груди. Мурило схватил его, чтоб поддержать, но варвар недовольно оттолкнул его.

— Если я не могу больше сам держаться на ногах, значит, пришло время умирать, — процедил он сквозь запекшиеся губы. — Но я бы лучше выпил вина.

Набонидус разглядывал затихшую фигуру, словно не веря своим глазам. Черный, волосатый, жуткий человек-зверь, нелепый в лохмотьях багряного плаща, неподвижно лежал на полу. Но было в нем теперь больше человеческого, чем животного, и поэтому в том впечатлении, которое он производил, появилось что-то возвышенное.

Даже киммериец, казалось, заметил это, потому что он прохрипел:

— Я убил человека, не зверя. Я причислил бы

его к храбрейшим из всех, чьи души мне доводилось отправить во мрак, и мои женщины пели бы о нем.

Набонидус поднял с пола связку ключей на золотой цепочке, которую Тхак выронил во время драки. Он сделал знак своим спутникам следовать за ним и направился к одному из покоев, отпер его, провел обоих через дверь. Как и во всех остальных помещениях дома, здесь ярко горел свет. Багряный Жрец взял сосуд с вином со стола и наполнил хрустальные бокалы. Когда его спутники жадно припали к вину, он проговорил:

— Что за ночь! Скоро утро. Что вы намерены предпринять теперь, друзья мои?

— Я хотел бы позаботиться о ранах Конана, если вы будете настолько любезны и дадите мне перевязочный материал, — заявил Мурило.

Набонидус кивнул и шагнул к двери. Что-то в том, как он держался, заставило Мурило присмотреться к нему пристальнее. Возле самой двери Багряный Жрец неожиданно резко повернулся. Лицо его изменилось. Глаза пылали прежним огнем, рот кривился в беззвучном смехе.

— Негодяями можем быть мы все трое! — И голос его прозвучал, как и прежде, насмешливо. — Но идиот вы один, Мурило.

— Что это значит? — пылко спросил молодой аристократ и хотел было двинуться к нему.

— Назад! — предостерег его Набонидус. — Еще шаг — и вам конец!

Мурило похолодел, когда увидел, что Багряный Жрец схватился за толстый шелковый шнур, который висел между штор сразу за дверью.

— Какое гнусное предательство! — крикнул юноша. — Вы же поклялись...

— Я поклялся ничего не говорить королю о ваших мелких махинациях! Но я не клялся не брать в руки этот предмет, раз уж мне представилась такая возможность. А вы что, решили, что я упущу подобный случай? В обычной ситуации я бы не решился убрать вас собственноручно, не получив заранее одобрения от короля. Но об этом же никто не узнает. Вы исчезнете в чане с негашеной известью вместе с Тхаком и этими крестинами-националистами. Что за ночь для меня! Хотя я и потерял нужных мне слуг, но то обстоятельство, что я избавился от очень неприятных врагов, перевешивает все! Так что стойте на месте! Я уже переступил порог, и вы не успеете добраться до меня прежде, чем я дерну за шнур и отправлю вас в преисподнюю — на сей раз не с помощью серого лотоса, но столь же эффективно.

В ЗАЛЕ МЕРТВЕЦОВ

Почти в каждой из моих комнат имеется ловушка. И поэтому, Мурило, как только какой-нибудь идиот, вроде вас...

Движением, слишком быстрым для того, чтоб за ним мог уследить глаз, Конан схватил стул и запустил им в жреца. Набонидус инстинктивно вытянул вперед руки, пытаясь защититься, но было поздно. Снаряд разбил ему голову. Багряный Жрец зашатался и упал на пол лицом вниз. Вокруг него сразу образовалась темная лужа.

— А кровь у него, оказывается, просто красная, — разочарованно буркнул Конан.

Мурило провел дрожащей рукой по волосам, влажным от пота, и, слабая от облегчения, прислонился к столу.

— Светает, — прохрипел он. — Давайте уйдем отсюда, пока мы не попались в какие-нибудь другие ловушки! Если мы сможем перелезть через стену так, что нас не заметят, никто не прилетит нас к событиям, разыгравшимся в этом доме. Пускай власти сами ищут всему объяснение.

Он бросил еще один беглый взгляд на труп Багряного Жреца, лежавшего в луже крови, и пожал плечами.

— Он сам идиот, — пробормотал он. — Если бы не трагил время на то, чтоб издеваться над нами, запросто успел бы захлопнуть ловушку.

— Ну, — равнодушно отозвался киммериец, — он прошел по той дорожке, по которой рано или поздно проходят все подлещы. Я бы с удовольствием пошарил здесь на предмет добычи, но я нахожу, что самое умное для нас — это убраться отсюда как можно быстрее.

Когда сумрак сада остался позади, и небо над ними посветлело, Мурило сказал:

— Багряный Жрец ушел в преисподнюю, так что я могу остаться среди моих прежних друзей и бояться мне больше нечего. Но что будет с вами? Обвинение в убийстве жреца из Лабиринта с вас не снято...

— Я сыт этим городом по горло, — ухмыльнулся киммериец. — Вы не упоминали часом о какой-то лошади, которая якобы ждет меня возле Крысиной Норы? Ужасно любопытно будет узнать, как быстро сумеет доскакать кобылка до другого королевства. На свете много дорог, с которыми я хотел бы познакомиться прежде, чем встану на тот путь, по которому прошел сегодня Набонидус.

Когда Конан пресытился городом воров (а город был сыт по горло Конаном), отправился он на запад в столицу Заморы — Шадизар Проклятый. Здесь он надеялся на более богатую добычу. Одно время он был здесь действительно более удачлив по части краж, чем в Арэнджуне — однако шадизарские женщины быстро освободили его от богатства, взамен обучая искусству любви. Слухи о сокровище заманили его в руины древней Ларши, неподалеку от города, как раз незадолго перед тем, как был отправлен отряд солдат — схватить Конана.

Расселина была темной, хотя заходящее солнце окрасило западный горизонт полосами красного, желтого и зеленого. На этой цветной ленте заката острый глаз мог различить черные силуэты куполов и башен Шадизара Проклятого — города темноволосых женщин и загадочных башен, где вершат бесчинства чудовищные пауки. Шадизар — столица Заморы.

Когда стусился сумрак ночи, на небосклоне показались первые звезды. И словно в ответ вспыхнули огни на далеких куполах и башнях. Но если свет звезд был бледен и слаб, то в окнах Шадизара он горел глубоким янтарным огнем, и невольно при взгляде на него возникали мысли о страшном и отвратительном.

Тихо было в расселине, если не считать стрекотания кузнечиков. Но внезапно тишину прервал строевой шаг. Отряд заморанских солдат — пять человек в простых железных шлемах и куртках с бронзовыми заклепками, предводительствуемые офицером в сверкающих бронзовых доспехах и шлеме, на котором развевался высокий плюмаж из конского волоса, — двигался по расселине. Бронзовые поножи раздвигали высокую густую траву, росшую на дне ущелья. Кожаные доспехи скрипели, оружие звенело. Трое солдат несли луки, двое других — копья. Короткие мечи висели у них на боку, щиты они забросили за спину. Офицер был вооружен длинным мечом и кинжалом.

Один из солдат сказал:

— Ежели мы схватим живым этого типа, Конана этого, что мы с ним будем делать?

— Отправим в Йезуд, чтобы бросить на растерзание богу-науку, я так думаю, — ответил его товарищ. — Куда важнее другой вопрос: останемся ли мы вообще живы, чтобы получить обещанное вознаграждение?

— Да ведь ты вроде не боялся его? — насмешливо вставил третий.

— Я? — Солдат был обезоружен. — Я ничего не боюсь, даже смерти. Вопрос только, какой смерти. Этот вор — не цивилизованный человек, он дикий варвар, а силичи в нем на десятерых. Так что я сходил в магистрат, чтобы заверить там мою последнюю волю...

— Как утешительно, что по крайней мере твои наследники получают частично награду, — сказал другой. — Хотел бы я, чтоб и у меня достало ума об этом подумать.

— Ох, — проворчал тот, который заговорил первым. — Они уж найдут предлог надрать нас с денежками, даже если мы и схватим негодяя.

— Но префект обещал нам лично, — бросил ему другой. — Богатые купцы и дворяне, которых обчистил Конан, собрались вместе и выплатили вознаграждение из своего кармана. Я видел эти кошель. Они полны золота и так тяжелы, что один человек едва ли может поднять их. По всему видно, они пошли на это и не посмеют удержать оплату.

— Но предположим, что нам не удастся схватить его, — сказал второй солдат, выдвигая новый повод для размышлений. — Разве не упоминалось что-то насчет того, что за эту промашку нам придется расплатиться нашими головами? — Говорящий возвысил голос. — Капитан Нестор! Что будет с нашими головами, если...

— Попридержите языки, вы все! — фыркнул офицер. — Вас уже небось слышно даже в Арэнджуне. Если Конан притаился хотя бы в миле от нас, он уже насторожился. Так что заткните глотки и заодно уж попытайтесь двигаться, хотя бы чуть-чуть меньше гремя оружием.

Офицер был широкоплеч, среднего роста. В дневном свете было бы видно, что глаза у него серые, а в светло-каштановых волосах проглядывает седина. Это был гандер из северной аквилонской провинции, на полторы тысячи миль к западу от Шадизара. От поручения доставить Конана живым или мертвым он был отнюдь не в восторге.

Префект предупредил его, что его ожидает суровая кара — быть может, даже плаха, — в том случае, если он вернется назад без преступника. Это был личный приказ короля — схватить поставленного вне закона. А король Заморы

не разводил нежностей с теми государственными служащими, которые предавали его. Прошел слухок, что ранним вечером Конан отправился в сторону ущелья. Так что командование Нестора поспешило дать ему несколько солдат, какие были в это время в казарме, и отправило в погоню.

Нестор не питал особого доверия к людям, сопровождавшим его. Он почитал их за болтливых хвастунов, которые при виде опасности возьмут ноги в руки и бросят его одного сражаться с варваром. Хотя он ни в коем случае не был трусом, но не обманывался в том, что касалось его шансов выстоять против дикого, огромного молодого варвара. Его доспехи вряд ли дадут ему преимущества, о которых стоило бы упоминать.

Когда закат догорел на западе небосклона, стусилилась темнота и стены ущелья стали казаться более крутыми и отвесными, а само ущелье — более тесным. Люди позади Нестора вновь начали переговариваться.

— Мне это вовсе не нравится, — пробормотал один. — Эта дорога ведет к развалинам Ларши Проклятой, где притаились духи старины, чтобы проглотить всякого, кто проходит мимо. И в этом городе, должно быть, находится Зал Мертвецов...

— Заткнись! — рявкнул Нестор и повернул голову. — Если...

В этот момент офицер споткнулся о веревку, свитую из связанных узлами полосок невыделанных шкур, и растянулся в траве во весь рост. Колышек, к которому была привязана веревка, выскочил из почвы, и теперь кожаная полоска свободно лежала в траве.

С треском и грохотом покатила куча камней и земли и загремела вниз по левому склону ущелья. Когда Нестор вновь поднялся на ноги, обломок скалы величиной с человеческую голову с силой ударил в его кирасу и вновь швырнул на землю. Следующий обломок сорвал шлем с головы, и целый ливень маленьких камешков просыпался над ним. Позади него раздался дикий вопль и скрежет камня о металл. Затем все вновь стихло.

Нестор, качаясь, поднялся на ноги, прокашлялся, освободив горло от проглоченной пыли, и повернул голову, чтобы посмотреть, что же произошло. В нескольких шагах позади него огромная лавина закупорила ущелье от стены до стены. Подойдя поближе, он увидел руку и ступню, торчащие из нагромождения обломков скал. Он начал звать своих людей, но ответа не получил. Он коснулся руки, высовывавшейся из кучи, и понял, что в этом теле больше нет жизни. Обвал, вызванный рывком за кожаный ремень, поглотил весь его отряд.

Нестор глубоко вздохнул и осторожно подвигался, желая убедиться, что у него нет каких-либо повреждений. Очевидно, костей переломанных не было, хотя на нагрудном панцире виднелось несколько вмятин. Он отделался довольно счастливо — парой синяков. Пылающая ярость охватила его. Он поискал свой шлем, и когда нашел его, в одиночку пустился в преследование. Не схватить вора — это было бы уже достаточно скверно, однако быть вынужденным еще и докладывать о гибели своего отряда — это, без сомнения, означало мучительную и не столь быструю смерть. Единственным его шансом было доставить Конана — или, по меньшей мере, его голову.

С мечом в руке Нестор ковыллял по бесконечной извилистой дороге на дне ущелья. Сияние на небе сказало ему о том, что луна уже взошла. Он щурил глаза, потому что каждую минуту ожидал, что варвар выскочит на него из-за одного из бесчисленных поворотов ущелья. Стены становились все более отлогими и низкими. Справа и слева зияли расселины, и трава уступила место камням и осколкам скал, что очень затрудняло продвижение вперед. Но наконец ущелье кончилось, и после того, как Нестор взобрался по пологому склону, он оказался на возвышенности, окруженной далекими горами. На расстоянии примерно одного полета стрелы перед ним возвышались белые, как кость, в свете полной луны стены Ларши. Время прогрызло трещины и царапины в стенах, над которыми высились частью разрушенные крыши и башни.

Гандер остановился. Ларша, как рассказывают, невообразимо стара. Согласно легендам, она возникла уже во времена катаклизма, когда предки современных заморанцев, земри, основали свою полукцивилизацию, островок в море всеобщей дикости.

На шадизарских базарах болтали о смерти, что караулит в этих руинах. Насколько знал Нестор, еще ни одного из бесчисленных отважных безумцев, которые до сей поры пытались счастье в желании завладеть сокровищем, предположительно имевшимся там, больше никто никогда не видел. Поэтому также никто не ведал, какого рода опасность ожидает в Ларши непрошенного гостя.

Примерно десяток лет назад король Тиридат отправил в город роту самых отважных своих солдат при свете белого дня, сам же ожидал их возвращения у стен. Он слышал крики и торопливый бег, по-видимому, спасающихся бегством солдат, а после — ничего. Люди, которые ждали вместе с королем у стен, бежали оттуда, и вместе с ними вынужден был бежать и Тиридат. До сих пор это была последняя попытка силой вырвать у Ларши ее тайну.

Хотя Нестор, как почти все наемники, в высшей степени был заинтересован в том, чтобы быстро получить богатство, он не действовал необдуманно. Долгие годы наемной службы в королевствах, расположенных между Заморой и его родиной, научили его предусмотрительности. Пока он перебирал в уме всевозможные опасности, нечто, внезапно мелькнувшее перед его взором, заставило его окаменеть. Тесно прижимаясь к стене, в ворота проскользнул человек. Хотя он был слишком далеко, чтобы в лунном свете можно было разглядеть его лицо, легко было узнать эти гибкие, как у пантеры, движения. Конан!

Ярость охватила Нестора. Больше он не размышлял, и тоже двинулся к воротам. Ножны своего меча он придерживал, чтобы они не бились о поножи и не выдали его звяканьем. Но как бы тихо он ни двигался, острый слух варвара уловил шум. Конан резко повернулся, и меч его выскользнул из ножен. Когда он увидел, что преследует его всего лишь один-единственный человек, он замер в ожидании.

Приблизившись, Нестор разглядел своего противника. Варвар был добрых шести футов ростом, и шнурованная куртка не могла прикрыть его могучие плечи. Кожаный мешок висел у него на плече. Прямо обрезанные черные волосы обрамляли юношеское, однако суровое лицо.

Ни один из двоих не сказал ни слова. Нестор чуть помедлил, чтобы перевести дыхание и сбросить с себя плащ. В это мгновение Конан напал.

Два меча блеснули в лунном свете, и звон клинков нарушил гробовую тишину. Нестор был опытным бойцом, однако более длинные руки и невообразимая ловкость киммерийца сводили на нет это преимущество. Натиск Конана был первобытным и неудержимым, как смерч. Нестор ловко парировал удары, но шаг за шагом отступал назад. Полуприщуренными глазами наблюдал он за своим противником и ждал, пока сила его ударов не утомит Конана, однако варвар, казалось, не ведал усталости.

Обманным ударом Нестор распорол куртку Конана на груди, однако клинок даже не оставил царапины на коже. Быстрый, как молния, ответный выпад киммерийца скользнул по кирасе Нестора, и острое меча оставило глубокую борозду на бронзе.

Когда Нестор отклонился назад под следующим яростным натиском, он запнулся о камень. Конан ударил по шее гандера. Хорошо нацеленный удар, без сомнения, снес бы голову с туловища, однако вследствие того, что Нестор остушился, клинок вместо этого только попал по шлему и глубоко вошел в металл. Гандер упал на землю и растянулся во весь рост.

Конан глубоко вдохнул и с поднятым мечом подошел ближе. Его противник неподвижно лежал у его ног, и кровь струилась из-под разбитого шлема. По-юношески переоценивая себя, Конан был уверен, что удар прикончил его противника. Он сунул меч обратно в ножны и вновь повернулся к городу древних.

Киммериец приблизился к воротам. Они состояли из двух створок из дерева толщиной в фут, одетого бронзой, в высоту же достигали двух человеческих ростов. Тяжело дыша, Конан резко надавил на них изо всех сил, однако они не раскрылись. Наконец он вынул свой меч из ножен и забарабанил по бронзе. Насколько он был наслышан, древесина вся сгнила, однако бронзовый оклад был слишком толстым, чтобы его можно было прорубить мечом, не повредив при этом клинок. Кроме того, имелся более простой вход.

Примерно в тридцати шагах к северу от ворот стена рухнула, и на более низкой стороне возвышалась над землей не более, чем на двадцать футов, и кроме того, развалины снаружи лежали кучей, достигавшей примерно шести или семи футов по высоте рухнувшей стены.

Конан разбежался и взлетел по куче развалин вверх, затем подпрыгнул и вцепился в край стены. Кряхтя и не обращая внимания на ссадины и царапины, которые при этом получил, он подтянулся вверх. И вот он уже уселся на стену и смотрит вниз, на город.

Под ним расстилалась площадь, где буйная растительность бесконечно долгое время вела войну с плитами мостовой. Все эти камни треснули и поднялись над землей, на которой лежали теперь опрокинутые, а между ними произрастала трава, сорняки и скудные кустарники.

За этой площадью начинались руины бедняцкого квартала города. От убогих, низеньких глинобитных домиков не осталось ничего, кроме кучек земли. За ними же Конан заметил мерцающие в лунном свете белым сиянием каменные строения, сохранившиеся получше, — храмы и дворцы, дома знати и зажиточных купцов. И как это случается со многими древними руинами, над покинутым городом висела аура Зла, чего-то таинственного и зловещего.

Конан прислушался, огляделся по сторонам. Никакого движения. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было стрекотание кузнечиков.

Киммериец тоже слышал кошмарные истории о проклятой Ларше. Хотя сверхъестественное будило в сердце варвара почти панический, первобытный ужас, все же ему придавала сил мысль о том, что и сверхъестественное существо,

обрести оно только твердую форму, может быть убито обычным земным оружием, ничуть не хуже человека или животного. Он, Конан, не дошел еще до того, чтоб отказаться от поисков сокровища из-за каких-то там демонов, чудовищ или тем более людей.

Согласно преданиям, легендарное сокровище обязано было обрестись во дворце. Положив левую руку на меч в ножнах, юный взломщик спрыгнул со стены и быстро и бесшумно, как тень, двинулся к центру города, петляя по кривым улочкам.

Со всех сторон его окружали руины. Тут и там обломки очередного дома перекрывали проход по улице, и Конану приходилось перелезать через них или пускаться в обход. Луна теперь стояла высоко в небе и заливала развалины таинственным, призрачным светом. По правую руку от киммерийца высился храм, частью уже рухнувший; однако портик с четырьмя могучими мраморными колоннами сохранился. Выстроившись вдоль края крыши рядом, отвратительные мраморные скульптуры — это были изображения чудовищ — полудемонов, полуживотных, — казалось, вглядывались в глубины давным-давно забытых времен.

Конан попытался припомнить одну легенду, которую он — в отрывках — вынес из кабаков Глотки, а именно — как случилось, что Ларша погибла. Это было нечто вроде проклятия, наложенного на город разгневанным божеством, ибо оно было не в силах более взирать на прегрешения горожан, по сравнению с коими ужасные преступления и грехи людей Шадизара могли бы показаться едва ли не чудом добродетели...

Киммериец постепенно подходил ближе к городскому центру, и вот тут-то нечто примечательное бросилось ему в глаза. С каждым шагом ему было все труднее отрывать сандалии от разбитых плит мостовой. Они прилипали к камню, точно к теплой смоле. Всякий раз, как он отдирал ногу, раздавался чмокающий звук. Конан остановился и пощупал почву. Она была покрыта бесцветным, липким, однако почти сухим слоем непонятно чего.

Не снимая ладони с рукояти меча, он огляделся по сторонам в лунном свете. Ни звука не доносилось до его ушей. Он продолжил свой путь, и вновь ему пришлось с усилием отрывать подошвы от мостовой. Он остановился, повернул голову. Конан мог бы поклясться, что слышит доносящиеся издалека точно такие же чмокающие звуки, которые производил он сам. Одно мгновение он думал, что это, быть может, было эхо его собственных шагов, но полуразрушенный храм он уже оставил позади, и ни справа, ни слева от него не вздымалось стен, способных отражать звук.

Он опять двинулся дальше и вскоре вновь замер. Он снова уловил этот чмокающий звук, и на сей раз он не прекратился, когда киммериец стоял совершенно неподвижно и тихо. Напротив, звук стал громче. Обостренные чувства варвара подсказали ему, что звуки эти зарождаются где-то прямо перед ним. Однако, поскольку на улице ничего подозрительного не наблюдалось, звук, вероятно, имел свой источник на одной из боковых улиц или в руинах.

Звук превратился в неопишимо тягучее, булькающее шипение. Железные нервы Конана были так натянуты, что грозили лопнуть, пока он ожидал, что вот-вот покажется то, что производит это шипение, — чем бы оно ни оказалось.

Наконец из-за ближайшего угла поднялась огромная слизистая масса, бледно-серая в лунном свете. Она скользила по улице и быстро приближалась, издавая этот чмокающий звук, сопровождающий ее передвижение. Передняя часть этой массы была снабжена двумя, похожими на рога наростами, самое малое десяти футов в длину, которые торчали вверх, а под ними находилась вторая пара наростов, похожих на верхние, но покороче. Длинные рога клонились то в одну, то в другую сторону, и тут Конан увидел, что на конце каждого из них имелось по глазу.

Тварь была слизняком, похожим на улитку без раковины, которая оставляет позади себя слизистый след. Этот слизняк был примерно пятидесяти футов в длину, а в объёме «тали» мог сравниться с Конаном. И кроме того, он двигался с такой скоростью, с какой человек бежит. До киммерийца долетел тошнотворный запах твари.

Ошеломленный, одно мгновение Конан стоял, как парализованный, и смотрел, как к нему приближается чудовищная туша резиноподобного мяса. Улитка испустила звук, подобный удовлетворенному чмоканью губами, только во много раз сильнее.

Наконец варвар пришел в себя и отскочил в сторону. В тот же миг сквозь ночную тьму пролетела струя жидкости и плеснула как раз в то место, где только что стоял Конан. Крошечная капелька попала ему на спину и стала жечь, как огнем.

Киммериец повернулся и помчался назад по той же дороге, по которой пришел. Его длинные ноги так и мелькали в лунном свете. И снова ему приходилось перебираться через кучи развалин. Он слышал, как улитка гонится за ним по пятам. Может быть, она уже настигает его. Однако он не осмеливался повернуться, потому что боялся споткнуться среди нагромождения развалин. И тогда чудовище настигнет его еще прежде, чем он снова успеет подняться на ноги.

И вновь раздался звук плевка. Конан стремительно от-

прыгнул в сторону. И на этот раз струя пролетела мимо него. Даже если ему удастся до самой стены сохранять расстояние между собой и слизняком, следующая струя, вероятно, попадет в цель.

Конан торопливо завернул за угол, чтобы между ним и улиткой образовалась парочка-другая препятствий. Он помчался по узкому, петляющему зигзагами переулку, затем свернул за следующий угол. При этом он уже успел угодить в запутанный лабиринт улиц и заблудиться в нем, в чем он несколько не сомневался, но теперь было важно лишь одно — свернуть как можно за большее количество углов, чтобы тем самым отнять у преследователя возможность поливать его ядовитыми струями. Чмокающие звуки и тошнотная вонь лучше всяких слов сказали ему, что зверюга все еще наступает ему на пятки. Быстро обернувшись, он увидел, как чудовище высунулось как раз из-за того угла, который он только что обогнул.

Все дальше и дальше шла эта дикая охота по путанице улиц древнего заброшенного города.

Если он не может бежать быстрее, чем слизняк, то, может быть, ему удастся утомить эту скотину. Человек — и варвар знал это, — обладает большей выносливостью, чем большинство животных, если дело доходит до бега на значительные расстояния. Однако улитка явно не ведала усталости.

Что-то в том строении, мимо которого Конан теперь пробежал, показалось ему знакомым. И тут только ему стало ясно, что он приближается к полуразрушенному храму с сохранившимся портиком, который он заметил еще перед тем, как встретиться с улиткой. Быстрый взгляд — и он понял, что опытный скалолаз в состоянии покорить портик и оказаться на крыше.

Длинными прыжками он взлетел на кучу развалин частично рухнувшей храмовой стены. С камня на камень перепрыгивал он, пока не добрался до еще не тронутого временем участка стены прямо напротив длинного ряда скульптур, украшавших крышу. Он подпрыгнул и наконец осторожно перебрался на крышу. Теперь Конан мог только надеяться, что под его тяжестью она не рухнет окончательно. Дыры, достаточно большие, чтобы туда провалиться, он осторожно обходил. Шорохи и вонь улитки доносились до него с улицы. Она явно потеряла его след и не знала, в каком направлении ей теперь вести преследование. Тем не менее она тоже остановилась прямо перед храмом. Очень осторожно, поскольку он был уверен, что тварь может обнаружить его в лунном свете, Конан присел за одной из мраморных статуй и выглянул из-за плеча скульптуры вниз, на улицу.

Да, там расположилась огромная влажная серая масса, поблескивающая при луне. Глазки-рожки пныряли из стороны в сторону в поисках своей жертвы. Под ними более короткие щупальца качались взад-вперед над землей, словно пытаясь по запаху взять след киммерийца.

Конан был убежден, что она скоро обнаружит его следы. И не сомневался в том, что улитка так же запросто вползет на стены строения, как взобрался на них сам горец.

Он положил ладонь на каменную скульптуру, высившуюся перед ним, — кошмарное чудовище с телом человека, крыльями летучей мыши и змеиной головой, — и толкнул. Статуя закачалась, издавая скрежет.

Когда улитка услышала это, глазки-щупальца тут же устремились кверху, в сторону крыши храма. Голова улитки повернулась, и тело почти свилось в клубок. Затем голова приблизилась к фасаду храма, и улитка начала вползать по огромной мраморной колонне, находившейся как раз под той скульптурой, за которой, сжав зубы, сидел на корточках Конан.

Меча, думал варвар, будет недостаточно для такого монстра. Как все прочие низшие формы жизни, улитка будет жить с такими ранениями, которые означали бы верную смерть для существа более высшего порядка.

Голова улитки поднималась все выше. Глаза на щупальцах-рожках металась из стороны в сторону, как два кнута. При такой скорости голова чудовища достигнет края крыши, в то время, как большая часть туловища все еще будет находиться на улице.

Конан теперь знал, что ему делать. Из всех сил бросился он на скульптуру. Она оторвалась и грохнулась вниз. Вместо треска, сопровождающего при обычных условиях падение такой глыбы мрамора на каменные плиты, Конан услышал только хлопанье, а затем приглушенный удар, когда голова и передняя часть туловища улитки упали вниз, на землю.

Конан осмелился бросить взгляд через край крыши. Он увидел, что статуя глубоко погрузилась в студнеобразное мясо слизняка, почти не высовываясь на поверхность. Огромная серая масса извивалась и сворачивалась, как червяк на крючке рыбака. От ударов мощного хвоста улитки портик задрожал. Где-то в глубине храма срывались в глубину камни. Конан невольно задался вопросом: а не рухнет ли все строение целиком, не погребет ли его под развалинами?

— Ну, я тебе покажу! — проскрежетал он сквозь зубы.

Он ощупывал скульптуры одну за другой подряд, пока не нашел еще одну, которая качалась и находилась при этом непосредственно над головой улитки. И Конан столкнул ее вниз, и она тоже со всплеском погрузилась в тело слизняка.

Третья статуя пролетела мимо цели и разлетелась на куски на расколотых плитах мостовой. Четвертую статую, поменьше, которая стояла дальше, Конан просто поднял, и, хотя мускулы его чуть не лопнули, подтащил ее поближе и сбросил прямо на улитку по голове.

Когда содрогания чудовища постепенно стали слабее, Конан опрокинул вниз для верности еще две скульптуры, прежде чем спускаться. И только когда тело слизняка перестало двигаться, он слез вниз и спустился на улицу. Осторожно приблизился он к огромной, удивительно вонючей массе, держа меч в руке. Наконец он собрал все свое мужество и проткнул желеобразное мясо. Темная жидкость — сок жизни — хлынула из раны, и волнообразные судороги пробежали по влажной серой коже. Однако даже если отдельные части тела и обладали самостоятельной жизнью, слизняк был уже мертв.

Конан еще раз с дикой силой ударил по трупу мечом, когда чей-то голос заставил его резко обернуться. Голос этот произнес:

— На этот раз ты от меня не уйдешь!

Это был Нестор, приближавшийся с мечом в руке. Вместо шлема на голове его была окровавленная повязка. При взгляде на огромного слизняка он остановился, как вкопанный.

— Митра! Что это?

— Чудовище, которое влачило свое жуткое существование в Ларше, — ответил Конан на заморанском языке с варварским акцентом. — Оно гналось за мной через весь город, прежде чем я смог его прикончить. — Когда Нестор недоверчиво уставился на труп улитки, киммериец добавил: — А что тебе вообще тут нужно? И как часто придется мне убивать тебя, прежде чем ты останешься мертвым навеки?

— Скоро увидишь, насколько я мертв! — зарычал Нестор и поднял меч.

— А что с твоими солдатами?

— Они лежат мертвые под тем обвалом, который ты устроил. И ты скоро будешь таким же трупом...

— Идиот! — оборвал его Конан. — Зачем расточать силы на удары мечом, если здесь сокровищ больше, чем мы оба сможем унести, — то есть, конечно, если то, о чем мне толковали, правда. Руки у тебя на месте, так что присоединяйся ко мне, и мы славно разграбим этот город.

— Я должен исполнить свой долг и отомстить за своих людей! Защищайся, собака варвар!

— Клянусь Кромом, я буду сражаться, если ты так настаиваешь! — зарычал киммериец и высоко поднял меч. —

Но подумай еще раз, парень! Если ты вернешься в Шадизар, тебя распнут на кресте, ведь ты потерял свой отряд, — даже если ты принесешь с собой мою голову, что я, однако, полагаю маловероятным. Если даже десятая часть слухов о здешних сокровищах — правда, ты получишь добычу куда большую, чем сумел бы заработать, служи ты капитаном отряда наемников хоть сто лет.

Нестор опустил клинок и отступил назад на несколько шагов. Теперь он стоял безмолвно и раздумывал.

— И кроме того, — добавил Конан, — тебе никогда не сделать настоящих солдат из этих заморанских трусов!

Гандер вздохнул и сунул меч в ножны.

— Проклятье, ты прав! Пока мы с тобой не переживем это приключение, будем сражаться спина к спине и поделим добычу честно, согласен?

Он протянул Конану руку.

— Согласен. — Конан тоже вложил меч в ножны и тряхнул протянутую ему руку. — Если нам придется бежать порознь, встретимся у колодца Нинуса!

Королевский дворец Ларши стоял на большой площади посреди города. Это было единственное строение во всем городе, с которым время ничего не смогло поделать, и на то была весьма простая причина. А именно: весь дворец целиком был высечен из огромной монолитной скалы, что некогда придавало своеобразие облику плоского пустынного плато, где и был заложен город. Столь искусной была обработка этого необычного строения, что нужно было обладать острым зрением и хорошими познаниями в архитектуре, чтобы определить, что оно не было сооружено тем же способом, что и прочие здания, поскольку архитектор велел процарапать глубокие борозды на черной поверхности базальта, дабы стена выглядела так, словно ее сложили из каменных блоков.

На цыпочках подступили Конан и Нестор поближе и взгляделись в темные недра дворца.

— Нам нужен свет, — сказал гандер. — Мне бы не слишком хотелось угодить в щупальца такой улиточки, как ты прикончил.

— Я не чую никаких слизняков, — успокоил его киммерец, — однако запросто может статься, что у сокровища имеется другой сторож.

Он обернулся и срубил молодую елочку, пробившуюся сквозь треснувшие плиты мостовой. Затем он обрубил ветки и разломил тонкий ствол на несколько коротких обломков. Мечом он настругал лучины и выбил сталью о камень искры, запалившие лучину. Затем разлохматил волокнистые стволы двух обрубков и поджег их от лучины. Смолянистая

древесина ярко запылала. Он протянул один из импровизированных факелов Нестору, после чего каждый из кладовщиков сунул по половине оставшихся обрубков ствола себе за пояс. С мечами в руках ступили они во дворец.

Желтое пламя факелов отражалось в блестящих стенах из черного камня, однако под ногами у них лежала пыль слоем толщиной в дюйм. Несколько летучих мышей, свисавших с высеченных на потолке украшений, сердито запищали и, взмахивая крыльями, исчезли в темноте.

Чудовищные статуи стояли в нишах по обеим длинным стенам. Темные коридоры разветвлялись налево и направо. Оба взломщика оказались в тронном зале. Однако сам трон, высеченный из того же черного камня, что и весь остальной дворец, был невредим. Прочая мебель — диваны, деревянные сиденья, — давно рассыпалась в прах. О ней напоминали только оклады, металлические украшения и полудрагоценные камни, которыми она когда-то была усеяна.

— Дворец, должно быть, уже целое тысячелетие как пустует, — прошептал Нестор.

Они прошли несколько помещений — вероятно, личные королевские покои, — однако поскольку и здесь вся мебель сгнила, большего уяснить было нельзя. В конце концов они очутились перед запертой дверью. Конан поднес факел к ней поближе.

Это была толстая дверь в каменном арочном проеме, сделанная когда-то из массивного дерева и обложенная пластинами позеленевшей меди. Конан постучал по ней мечом. Клинок без труда проник внутрь. Древесная труха с шорохом заструилась на пол.

— Полностью истлела, — проворчал Нестор и пнул дверь ногой. Сапог прошел сквозь дерево почти с той же легкостью, что и меч Конана перед тем. Одна медная пластина упала на пол и с глухим дребезгом разбилась.

В несколько мгновений они превратили сгнившие брусья в труху. Пригнувшись, просунули факелы в отверстие, образованное таким способом. Засверкали серебро, золотого, драгоценные камни...

Нестор пролез в дыру, однако тут же шарахнулся назад, так неожиданно, что с силой налетел на Конана.

— Там люди! — прошипел он.

— Дай мне поглядеть! — Конан просунул в отверстие голову, поглядел налево, направо. — Да они мертвы. Идем же!

Оказавшись внутри, они принялись озираясь, широко раскрыв глаза, пока факелы едва не обожгли им руки и не пришлось запалить новые. Семь воинов-гигантов, каждый не менее семи футов ростом, покоились в огромных креслах. Их головы были прислонены к высоким спинкам кре-

сел. На них были доспехи давно позабытых времен. Медные племени с султанами из перьев и медные чешуйки на нагрудных панцирях позеленели от старости. Кожа их была коричневой и восковой, как у мумий, и седые бороды спускались почти до колен. Медные же пики и копья стояли, приклоненные к стене рядом, либо лежали на полу.

Посреди помещения высился алтарь из черного базальта — как и весь дворец. Возле алтаря на полу были выставлены несколько ларцов с сокровищами. Древесина ларцов рассыпалась в пыль, и драгоценности оказались разбросаны по полу.

Конан остановился возле одного из безжизненных воинов и потрогал его ступню острием меча. Тело воина не пошевелилось. Варвар пробормотал:

— Древние, должно быть, мумифицировали их, как это делают со своими мертвецами стигийские жрецы, — я так слышал.

С нехорошим предчувствием Нестор глянул на семь безмолвных фигур. Слабого пламени факелов было недостаточно, чтобы рассеять угнетающую тьму черных стен и нависающего черного потолка.

Блок черного камня в центре комнаты — алтарь — доходил в высоту до бедра стоящему человеку. На его ровной полированной поверхности имелся инкрустированный узкими полосками слоновой кости узор — сплетающиеся круги и треугольники. Все вместе представляло собой семиконечную звезду. Между полосками узора остались символы письменности, Конану не знакомой. Он уже между делом научился читать по-заморански и даже писать, правда, довольно своеобразным слогом, знал он также письменность гирканского и коринфийского языков, однако иероглифов такого рода он никогда еще не видел.

Да и, кроме того, он, без сомнения, куда больше заинтересовался тем, что находилось на алтаре. А именно: на каждом зубце звезды в красноватом свете факелов мерцал большой драгоценный камень, размером больше куриного яйца, а в центре возвышалась зеленая статуэтка змеи с поднятой головой. Она была, судя по всему, вырезана из нефрита.

Конан осветил факелом семь крупных камней.

— Я хочу вот это, — проворчал он. — За эту долю можешь взять себе все остальное.

— О нет! — возразил гандер. — Они куда дороже, чем все прочие сокровища, собранные в этой комнате, вместе взятые. Мне они тоже милее всего прочего.

Внезапно старинный алтарный покой наполнился напряжением, которое почти ощутимо потрескивало между обоими авантюристами. И каждый из двоих схватился сво-

бодной рукой за рукоять меча. Одно мгновение они безмолвно стояли друг против друга, сверкая глазами. Наконец Нестор предложил:

— Ну так давай их поделим, как мы и собирались поступить.

— Семь на два не делится, — поделился с ним Конан своими сомнениями. — Пусть решает жребий. Бросим монету. Победившему достаются семь камней, второй же может набрать из остального столько, сколько ему под силу унести. Согласен с таким дележом?

Конан поднял одну монету с того места, где когда-то стояли сундуки. Хотя, будучи вором, он успел перезнакомиться с золотыми монетами всех родов и видов, такая монета была ему совершенно в диковинку. На одной стороне ее было отчеканено изображение лица — человека ли, демона ли, или, быть может, совы, — этого он не смог бы сказать. Вторая сторона была покрыта иероглифами, вроде тех, что на алтаре.

Конан показал гандеру монету. Когда тот кивнул, он подбросил ее в воздух, поймал и выложил на левое запястье. Руку с монетой, прикрытой правой ладонью, он протянул к Нестору.

— Голова, — сказал гандер.

Конан убрал ладонь. Нестор склонился над монетой и зарычал:

— Проклятые Иштар на эту чертову штуку! Ты выиграл. Подержи секунду мой факел.

Принимая факел, Конан настороженно следил — не будет ли предательского движения. Однако Нестор всего лишь снял свой плащ и расстелил его на полу. Затем высыпал на него горстями золотого и драгоценности, черпая из куч на полу.

— Бери не больше, чем сможешь унести без особого труда, — посоветовал ему Конан. — Мы еще не выбрались из города, и впереди долгая дорога назад, к Шадизару.

— Я так и поступлю, — заверил его гандер. Он связал углы плаща узлом и забросил этот импровизированный мешок за плечи. Затем протянул руку за своим факелом.

Конан отдал ему факел, прежде чем возвратиться к алтарю. Один за другим он выковырял зеленые камни и сунул их в кожаный мешок, висевший у него на плече. Затем принялся задумчиво созерцать зеленую змейку.

— За нее можно выручить хорошую цену, — пробубнил он и сунул ее тоже в свой мешок, оторвав от алтаря.

— Почему ты не берешь еще что-нибудь из остальных камешков и золота? — спросил Нестор. — Я уже взял все, что могу унести.

— Ты выискал себе все лучшее, — сказал Конан. — Да мне и не надо больше. Парень, с такой-то добычей я смогу купить целое королевство и все вино, какое мне только потребуется, и женщин, и...

Раздался шорох... и расхваставшийся варвар резко повернулся с ужасом в глазах. Семь воинов-мумий, сидящих возле стен, внезапно пробудились к жизни. Их головы вздернулись, рты закрылись, и мертвецы со свистом втянули воздух в свои иссохшие легкие. Суставы заскрипели, как ржавые петли, когда они схватили свои пики и копья и поднялись.

— Бежим! — взревел Нестор. Он швырнул в ближайшего гиганта факел и выхватил меч.

Факел ударился о грудь великана, упал на пол и погас. Конан, у которого обе руки были свободны, взял факел в левую руку и тоже извлек меч. Свет оставшегося факела слабо трепетал на патине древних-преддревних медных доспехов, когда великаны окружили обоих мужчин.

Конан пригнулся под ударом пики и отбил в сторону древко одного из копий. Между ним и дверью гандер сражался с гигантом, желавшим отрезать Нестору дорогу к бегству. Нестор парировал удар и ответил на него диким выпадом, нацеленным в бедро противника. Великан зашатался, и Нестор нанес удар следующему. Острые пики скользнуло по его погнутому панцирю.

Гиганты двигались очень медленно, иначе они одолели бы кладбищенских при первом же натиске. Пригибаясь, отпрыгивая в сторону, вертясь, избегал Конан ударов, которые должны были повергнуть его на пол. Снова и снова впивался его клинок в иссохшую плоть нападающих, похожую на ошупь на сгнившее дерево. Удары, которые давно уже убили бы живого человека, лишь заставляли этих тварей из другой эпохи шататься. Один из ударов отрубил противнику кисть руки, так что гигант потерял поднятую пику.

Затем Конан пригнулся под выпадом другой пики и всю свою силу вложил в атаку, направленную на щиколотку великана. Клинок перерубил ее наполовину, и оживший мертвец рухнул на пол.

— Бежим! — заревел Конан и перепрыгнул через упавшего.

Он и Нестор поспешно прорвались через отверстие в двери и пролетели по коридорам и залам. Одно мгновение Конан опасался, что они заблудятся, но затем он увидел впереди мерцание дневного света. Оба взломщика скатились по ступеням парадного входа. Позади себя они слышали торопливые шаги мумий. На небе уже показались первые сероватый отсвет близкого рассвета, и звезды поблекли.

— К стене! — прохрипел Нестор. — Полагаю, мы все же бегаем быстрее, чем они.

Когда они пересекли площадь, раскинувшуюся перед дворцом, Конан бросил взгляд назад.

— Гляди-ка! — крикнул он.

Один за другим выбегали гиганты из дворца и один за другим рассыпались в прах при свете зарождающегося дня. Медные шлемы, чешуйчатые доспехи, оружие и прочие металлические части с лязгом падали на землю.

— Да, здорово было, — сказал Нестор. — Но как нам попасть назад в Шадизар, да еще сделать так, чтобы нас не засадили за решетку? Будет уже ясный день, прежде чем мы прибудем в город.

Конан ухмыльнулся.

— Есть тут одна дорожка в городе, о которой только ворам и известно. Неподалеку от северо-восточного угла стены растет несколько деревьев. Если осторожно пробраться между ними, то в кустах на стене можно отыскать нечто вроде сточной канавы, — полагаю, она служила для того, чтобы при сильных дождях отводить воду из города. Когда-то прежде ее заперли тяжелыми железными решетками, однако они с тех пор здорово проржавели. Если ты не слишком жирный, можно протиснуться. Выбираешься наружу прямехонько на свалке.

— Хорошо, — пробормотал Нестор, — я...

Низкий гул оборвал его слова. Земля поднялась, затряслась, заколебалась. Она бросила Нестора ничком, а киммерийца заставила оступиться.

— Осторожно! — закричал Конан.

Когда Нестор попытался подняться, киммериец схватил его за руку и потащил назад, на середину площади. Почти в тот же миг стены одного из домов обрушились совсем близко и рухнули на площадь как раз там, где только что находились оба приятеля. Однако даже оглушительный треск, с которым рухнуло здание, не мог потягаться с грохотом землетрясения.

— Давай-ка уходить! — закричал Нестор.

Они сориентировались по луне, стоявшей теперь низко на западной стороне небосклона, и, петляя, побежали по улицам. По обе стороны качались стены и колонны и с грохотом падали. Шум стоял оглушительный. Облака пыли вздымались, раздражая ноздри и заставляя беглецов кашлять.

Конан рывком остановился и поспешно отпрыгнул, чтобы его не придавил фасад рушащегося храма. Он зашатался,

новый толчок землетрясения поднял почву под его ногами. Он перебрался через кучу руин, частью древних, частью свежих. Один раз только яростный прыжок позволил ему избежать встречи с падающей капиталью колонны. Каменные и кирпичные обломки сыпались на него дождем. Один разорвал ему кожу на подбородке, другой так больно ударил его в колено, что он выругался, помянув всех богов всех стран, по которым успел пройти.

Наконец он добрался до городских стен, которые, однако, теперь превратились скорее в низкий вал из рассыпавшихся камней.

Чихая, кашляя, хрипя, Конан перебрался через бывшую стену и обернулся. Нестора нигде не было видно. Вероятно, одна из упавших стен погребла-таки его под собой, подумал Конан. Он прислушался, однако не услышал никаких криков о помощи.

Гул и грохот вздымающейся земли и падающих строе- ний постепенно стихали. Последний луч луны блеснул в огромном облаке пыли, окутавшем город. А потом поднялся утренний ветер и сдул эту пыль.

Некоторое время Конан сидел на остатках стены и тупо смотрел на Ларшу, или, по крайней мере, на то, что от нее осталось. Теперь она представляла собой совершенно иное зрелище, чем прежде. Больше там не высилось ни одного здания. Даже дворец-моноклит из черного базальта, где они с Нестором нашли свои сокровища, превратился в кучу скальных обломков. Конан прикинул, нельзя ли будет потом как-нибудь вернуться ко дворцу, чтобы забрать оттуда остатки сокровищ... Но целой армии рабочих придется сперва разобрать развалины, прежде чем можно будет добраться до драгоценностей.

Вся Ларша превратилась в сплошное поле руин. Насколько он мог видеть в разгорающемся свете утра, нигде ничто не шевелилось. Только и можно было время от времени слышать гром там и тут, когда с развалин скатывался еще один камень.

Конан нащупал свой кожаный мешочек, чтобы удостовериться, что добыча еще при нем, а затем направился на запад, в Шадизар. Позади него солнце уже посылало на Землю свои первые лучи.

Следующим вечером Конан уже похвалялся в своем любимейшем кабаке, хозяином которого был некто Абулетес, — в Глотке. В низенькой, прокопченной до черноты комнатке воняло потом и кислым вином. Тесно сгрудившись, сидели у столов воры и убийцы, пили вино и пиво,

наслаждались игрой в кости или беседой, распевали песни, спорили и напропалую хвастались своими злодеяниями. Считалось просто скучным, если за весь вечер хотя бы один посетитель не будет убит во время какого-нибудь спора.

В задней части комнаты Конан отыскал свою теперешнюю возлюбленную, сидящую в одиночестве за маленьким столиком над кувшином вина. Ее звали Семирамис, она была крепко сбитой черноволосой женщиной, на много лет старше киммерийца.

— Эгей, Семирамис! — взревел Конан через все помещение и направился к ней. — А что я тебе покажу! Абулетес, кувшин твоего лучшего, кирианского. Мне дьявольски повезло!

Будь Конан постарше, осмотрительность удержала бы его от того, чтобы так громко хвалиться своей добычей, а тем более — показывать ее всем подряд. Но поскольку он был еще молод и неискушен, он вытряхнул содержимое мешочка с семью огромными зелеными камнями на столик перед Семирамис.

Драгоценные камни выкатились из мешочка, покатились по влажному от разлитого вина столу — и рассыпались в зеленый порошок, заблиставший в свете свечей.

Конан выронил мешочек и с открытым ртом уставился на стол, а кутилы, собравшиеся вокруг, взорвались громовым хохотом.

— Кром и Маннанан! — прошептал, наконец, киммериец. — Боюсь, что на этот раз я сам себя обманул. — Тут ему вспомнилась нефритовая змейка, которую он присовокупил к своей доле добычи. — Но у меня есть еще кое-что, чего мне будет достаточно, чтобы заплатить побольше, чем просто за кувшинчик самого лучшего вина.

Семирамис, терзаемая любопытством, жадно схватила мешочек, но тут же выронила его с воплем.

— Оно... оно движается! — закричала она пронзительно.

— Че-чего-о?.. — протянул Конан, однако крик, раздавшийся от дверей, прервал его.

— Вот он! Хватайте его!

Жирный человек вошел в кабачок в сопровождении отряда ночных стражников, вооруженных алебардами. Прочие посетители кабака Абулетеса с демонстративным равнодушием созерцали воздух, точно они вообще никогда ничего не ведали ни о Конане, ни о прочих жуликах.

Жирный — явно один из городских сановников — протолкался к столу, за которым сидел Конан. Киммериец вырвал из ножен свой меч и прижался спиной к стене, обретая таким образом прикрытие. Его синие глаза опасно сверкнули, и зубы блеснули в мерцании свеч.

— Попробуйте только схватить меня, вы, собаки! — рычал он. — Я ничего не сделал против ваших глупых законов! — Уголкем рта он шепнул Семирамис: — Возьми мешочек и проваливай! Если они меня схватят, он твой.

— Я... я боюсь! — захныкала женщина.

— Ого! — загремел толстяк и подступил ближе. — Ничего не сделал против наших законов, а? А как назвать ограбления наших зажиточных граждан? У нас есть доказательства, которых больше чем достаточно, чтобы приговор сотни раз стоил тебе головы! А потом ты еще вдобавок и уничтожил солдат Нестора, а самого его уговорил разграбить руины Ларши! Как это называется? Мы схватили его, когда он был пьян и напропалую хвалился своими постыдными деяниями, однако он вновь ускользнул от нас. Ты, конечно, ничего подобного не совершал!

Когда ночные стражники образовали около Конана полукруг и направили острия алебард ему в грудь, толстяк заметил на столе мешочек.

— А это что — свеженаграбленное добро? Поглядим, что там такое...

Он сунул в мешочек руку. Несколько секунд шарил там. Затем его глаза расширились, он ужасно закричал и выдернул руку назад. Живая змея нефритового цвета обвилась вокруг его запястья и вонзила ядовитые зубы ему в ладонь.

В кабаке все наперебой закричали от ужаса. Один из ночных стражников отпрыгнул назад и растянулся на столе. Кувшины разбились, пиво и вино разлилось по доскам. Другой стражник попытался подхватить толстяка, когда тот зашатался и упал. Третий выронил алебарду и с воплем помчался к двери.

Паника охватила всех. Часть посетителей попыталась выскочить в дверь — все одновременно. Двое пошли друг на друга с кинжалами, вор сцепился со стражником, и оба покатались по полу. Одну из свечей опрокинули, затем другую, пока наконец не осталась лишь одна маленькая глиняная лампа, заправленная маслом и освещающая кабак слабым светом.

В сумраке Конан поднял на ноги Семирамис. Ударяя мечом планшмя, он расчистил дорогу к выходу. В темноте переулочка они помчались, сворачивая за углы, чтобы сбить со следа возможных преследователей, прежде чем наконец у них не появился момент отдышаться.

— Этот город стал для меня чертовски жарким. Придется исчезать отсюда, — проворчал варвар. — Будь здорова, Семирамис!

— Ты разве не хочешь провести со мной еще одну, последнюю ночь?

— К сожалению, не могу. Мне нужно найти этого болвана Нестора. Если бы этот идиот, напившись, не стал хвастаться, законники не наступили бы мне на пятки так быстро. Он набрал там столько сокровищ, что едва мог их утащить, в то время как у меня не осталось ничего. Может, я смогу его уговорить отдать мне половину, а если нет... — Он выразительно погладил ножны своего меча.

Семирамис вздохнула.

— Пока я жива, ты всегда найдешь в Шадизаре убежище. Подари мне хоть последний поцелуй!

Они коротко обнялись. Затем Конан исчез в ночи, словно тень.

По дороге в Коринфию, ведущей на запад от Шадизара, в трех полетах стрелы от городских стен находится колодец Нинуса. Рассказывают, что Нинус был богатым купцом, страдавшим от неизлечимой хвори. Во сне явилось ему божество и посулило исцеление, если он построит колодец на дороге, что ведет на запад от Шадизара, дабы путники могли утолить жажду и освежиться, прежде чем придут в город. Нинус соорудил колодец, однако никто не знает, исцелился ли он после этого от своей болезни или нет.

Спустя полчаса после бегства из кабака Абулетеса Конан нашел Нестора сидящим на краю знаменитого колодца.

— Ну, как поживают твои семь несравненных изумрудов? — осведомился Нестор.

Конан рассказал ему, что произошло с его частью добычи.

— Теперь, — сказал он, — поскольку я, благодаря твоему языку без костей, вынужден покинуть Шадизар и поскольку у меня не осталось ничего от моей доли, было бы только справедливо, если ты выделишь мне часть от твоей.

Нестор безрадостно рассмеялся.

— Моя доля? Мальчик, вот половина того, что у меня осталось. — Он вынул из пояса два золотых и один из них бросил Конану. — Я задолжал его тебе, ибо ты спас меня от падающей стены.

— Почему же так? Куда ты дел остальное богатство?

— Когда стражники прижали меня в том кабаке, мне удалось опрокинуть стол. Я пришиб этим пару парней. Затем я схватил свои блестящие побрякушки, завязанные в плащ, забросил его за плечи и помчался к двери. Одного из тех, кто хотел меня задержать, я сбил на землю, но другой вспорол мой плащ, и весь этот хлам пролился на пол сверкающим дождем. Тут уже все — стражники, их предводитель, завсегдагаи кабака — накинудились на золото и драгоценные

РУКА НЕРГАЛА

1. Черные тени

камни. — Он поднял свой плащ и указал на разрез длиною в два фута. — Поскольку я решил, что все это богатство будет мне ни к чему, если моя голова украсит копье над западными воротами, я предпочел унести ноги, пока никто меня не хватился. Когда я выбрался из города, то встряхнул плащ, однако все, что там еще оставалось, были эти два золотых, затерявшихся в складке.

Одно мгновение на лице у Конана была мрачная мина, но затем его губы дрогнули и рот растянулся в ухмылке. Из глотки вырвался оглушительный хохот. Когда он наконец снова взял себя в руки, то встряхнул головой.

— Какая чудная парочка кладоискателей — ты да я! — Боги неплохо подшутили над нами! Ах, какая шутка!

Нестор сухо рассмеялся.

— Я рад, что ты рассматриваешь дело с такой стороны. Но боюсь, в Шадизаре нам теперь показываться нельзя, если нам дорога жизнь.

— Что ты намерен предпринять?

— Отправлюсь на Восток, чтобы предложить свои услуги в Туране. Я слышал, что король Илдиз ищет хороших воинов, чтобы выковать настоящую армию из беспорядочной толпы своих солдат. Кто знает? Идем со мной, мальчик! Из тебя получится хороший солдат.

Конан покачал головой.

— Чтобы целый день вышагивать на плацу и слушать, как хорошо упитанный офицер вопит: вперед, марш! Пики наперевес! Нет, это не для меня. Я вот слышал, что на Западе еще есть что взять. Попытаю счастья там.

— Пусть хранят тебя твои варварские боги, — сказал Нестор. — Если ты передумаешь, спроси обо мне в казармах Аграпура. Будь здоров!

— Будь здоров! — ответил Конан. И, не тратя лишних слов, он пустился по дороге в Коринфию и вскоре пропал в темноте.

— **К**ром! Этот вопль слетел с уст молодого воина. Он вскинул голову, отбрасывая назад гриву спутанных черных волос, и взглянул на небо сверкающими синими глазами. От удивления они расширились. Нечто вроде суеверной дрожи пробежало по его до черноты загоревшему под пылающим солнцем пустыни телу, крепко сбитому, с широкими плечами, могучей грудью, узкими бедрами и длинными ногами. Не считая лоскута, которым воин обмотался, используя его в качестве набедренной повязки, и высоких шнурованных сандалий, он был совершенно обнажен.

Конан вступил в битву солдатом особого эскадрона конницы, но его лошадь, полученная еще от благородного Мурило в Коринфии, пала от стрелы при первой же атаке неприятеля, и таким образом юноша сражался пешим. Щит его разбился под ударами противника, поэтому воин отбросил его и бился, держа меч обеими руками.

С окрашенных багрянцем заката небес этой пустынной туранской степи, где жили лишь ветры, внезапно спустился ужас на поле битвы, где две огромные армии схлестнулись в жестокой борьбе. Здесь рубили и кололи лучшие боевые силы короля Туранского Илдиза, в армии которого наемником служил этот молодой человек. Вот уже пять часов, как они сражались с конными legionами Мунтассем-хана, мятежного наместника заморанских болот в северном Туране.

Описывая плавные круги, с неба спускались отвратительные существа, подобных которым варвар еще никогда прежде не видел и никогда не слыхивал во время своих скитаний. Это были черные чудовища, подобные теням, несомые гигантскими кожистыми крыльями, точно некие огромные летучие мыши.

Обе армии, еще ничего не подозревая, продолжали сражаться. И только Конан, окруженный трупами зарубленных врагов, смотрел с низкого холма, как спускаются чудовища.

Одно мгновение он стоял, опершись на свой забрызганный кровью меч и уставившись на призрачные существа — да, они впрямь казались скорее тенями, нежели чем-либо иным, прозрачными были они, подобными клубам черного дыма или духам гигантских летучих мышей-вампинов. Из их туманных фигур злобно посверкивали огненные зеленые глазки-щели.

И пока Конан наблюдал за ними, смятенный, с волосами, встающими на загривке дыбом, как у дикого зверя, чудовища, точно стервятники, опустились на поле битвы и набросились на сражающихся.

Крики боли, вопли ужаса пронзительно зазвучали в рядах боевых сил короля Илдиза, когда их атаковали черные тени. И где бы ни наносил свой удар туманный дьявол, оставались истекающие кровью трупы. Монстры падали с небес сотнями, и уставшие туранские солдаты расстроили ряды, а всадники, охваченные паникой, бросали свое оружие.

— Сражайтесь! Бейтесь же, псы! — яростно ревел высокий офицер, пытавшийся остановить бегство, сидя на огромной вороной кобыле. Конан мельком увидел блеск серебряной кольчуги под развевающимся голубым плащом, горбоносое, чернобородое лицо, величественное и суровое под остроконечным шлемом, на котором играло багровое солнце. Он узнал офицера. Это был генерал короля Илдиза, Багра из Акифа.

С яростными проклятиями выхватил гордый главнокомандующий свою саблю и начал наносить вокруг себя удары плашмя. Быть может, ему бы удалось вновь сомкнуть ряды бегущих, если бы сзади на него не опустилась одна из этих дьявольских теней. Чудовищная тварь распустила свои тончайшие, как дым, крылья, и положила их на полководца в жутком объятии. Конан увидел лицо Бакры. Оно внезапно стало смертельно бледным, глаза застыли от ужаса — все это Конан разглядел сквозь окутывающие генерала крылья. Исказившиеся черты лица казались белой маской под покрывалом из тончайших черных кружев.

Лошадь генерала зашаталась, закатила глаза и рухнула. Но тень подняла Бакру с седла. Мгновение она несла его по воздуху, медленно взмахивая крыльями, а затем выронила исполосованное окровавленное тело в разорванной одежде. Лицо, которое Конан разглядел сквозь прозрачные туманно-черные крылья, превратилось теперь в кровавое месиво. Так завершилась карьера Бакры из Акифа.

И так завершилась эта битва.

Ряды туранцев точно безумие охватило после того, как они увидели, что лишились своего командира. Отважные

ветераны, имеющие за плечами опыт не одной дюжины сражений, с воплями, как зеленые рекруты, помчались прочь с поля боя. Гордые аристократы, уподобляясь боязливым рабам, с воем ударились в бегство. А боевые силы мятежного наместника, оставшиеся невредимыми после атаки летающих теней, использовали свое преимущество, выигранное таким чудовищным образом. Битва проиграна — разве что одному-единственному непоколебимому человеку удастся собрать вокруг себя туранцев, подавая им личный пример.

И вот перед первыми из бегущих солдат внезапно появилась такая свирепая и дикая фигура, что они тут же испуганно остановили свой панический бег.

— Стойте, подонки, не знающие отцов, или, клянусь Кромом, я угощу ваши трусливые утробы футом доброй стали!

Это был киммерийский наемник, с лицом каменной маски, выражающей смертельную угрозу. Дикие глаза под густыми черными бровями сверкали яростью, как вулканы. Почти голый, с головы до ног забрызганный кровью, с огромным двуручным мечом в могучем, покрытом шрамами кулаке, высился он перед ними. Его голос гремел низкими раскатами грома.

— Назад, если ваши ничтожные жизни еще что-нибудь значат для вас, вы, трусливые собаки, — я говорю: *назад*, или я вырву ваши кишки и размажу их у ваших ног! А, только попытайся поднять на меня саблю, гирканская свинья, и я голыми руками вырву сердце из твоей груди и вобью его тебе между зубов, прежде чем ты успеешь испустить дух! Разве вы бабы, чтоб бежать от теней? Еще совсем недавно вы были мужчинами — да, храбрыми, сражающимися туранскими воинами! Вы стояли против врага с обнаженным клинком и бились, не ведая страха. А теперь вы вдруг бежите, как маленькие дети, перед ночной тенью! Ба! Кром, да я горжусь тем, что я варвар, — когда я вижу, как вы, изнеженные домоседы, зарываетесь в землю от роя жалких летучих мышей!

И на минуту он остановил их — но только на одну лишь краткую минуту. Чернокрылая тварь из ночного кошмара со свистом опустилась сверху на него, и он — даже он отшатнулся от ее зловещных крыльев-теней и воня ее гнилостного дыхания.

Солдаты бежали, бросив Конана наедине с бестией. Но киммериец сражался. Он расставил ноги, взмахнул своим могучим мечом, повернулся и всю силу спины, плеч и крепких рук вложил в удар. Меч сверкнул свистящей дугой и разрубил фантастическое чудовище на две части. Но оно

было, как Конан и предполагал, созданием, не имевшим твердого тела, ибо его меч не наткнулся ни на малейшее сопротивление. От рывка он потерял равновесие и упал на каменистую землю.

Над ним в воздухе заколыхалось чудовище. Клинок прорезал в облаке зияющую брешь — так, словно рука прошла сквозь дым и разогнала его. Но пока он еще смотрел на призрачную тень, туманное тело вновь срослось у него на глазах. Над ним пылали глаза — как зеленый мерцающий жар преисподней, исполненные пугающей издевки и нечеловеческие.

— Кром! — прохрипел Конан. Вероятно, это должно было быть проклятием, но прозвучало скорее молитвой.

Он попытался вновь поднять меч, но тот выскользнул из онемевших пальцев. Ибо, когда клинок вторгся в черную тень, он наполнился болезненным холодом, таким, как тот, что, должно быть, царит в бездне среди звезд.

Летучая мышь размахивала над ним широко распростертыми крыльями, словно издевательски потешаясь над своей поверженной жертвой и ее суеверным ужасом.

Бессильными руками Конан пошарил на теле, где полоска невыделанной кожи удерживала на талии импровизированную набедренную повязку. Возле кошель с этого ремешка свисал тонкий кинжал. Его пальцы, все еще непослушные от обморожения, нащупали, однако, не рукоятку кинжала, а кошель, и коснулись при этом какого-то гладкого и теплого предмета, спрятанного внутри мешочка.

Внезапно Конан отдернул пальцы, когда покалывающий жар потек в него. Его пальцы погладили удивительный амулет, который он нашел днем раньше, когда они разбили лагерь у Бахари. Прикосновение к гладкому камню высвободило странные силы.

Тварь, похожая на летучую мышь, разом отшатнулась от него. Еще мгновение назад она подобралась так близко, что его тело содрогалось от неземного холода, излучаемого этим чудовищем. Теперь она, все быстрее взмахивая крыльями, почти в отчаянии улетала от него прочь.

Конан с трудом поднялся на колени. Он сражался со слабостью, сковавшей его тело. Сперва ужасающий холод от прикосновения чудовищной тени, затем покалывающий жар, растекающийся по обнаженному телу, — все это вместе было чересчур даже для его сил. Перед его глазами все расплылось. Рассудок помрачился. Он в ярости потряс головой, чтобы совладать с растерянностью, и осмотрелся.

— Митра! Кром и Митра! Неужто весь мир свихнулся?

Жуткая армия летающего конмара прогнала с поля боя все войско генерала Бакры, а тех, кто не мог бежать доста-

точно быстро, уничтожила. Однако не тронула ухмыляющихся воинов Мунтассем-хана, точно солдаты Яралета и тенеподобные чудища были партнерами в нечестивом союзе черной магии.

Но теперь люди Яралета с криком помчались прочь от вампиров-теней. Обе армии в конце концов были рассеяны.

Неужели и вправду мир обезумел, в тоске спрашивал Конан у багрового неба.

Силы и рассудок теперь оставили киммерийца окончательно. Он погрузился в черное забытие.

2. Поле битвы

Солнце пылало на горизонте горящим углем. Оно бросало мерцающий свет на тихое поле битвы, как красный глаз на безобразном лбу циклопа. Безмолвное, как смерть, усеянное останками бойцов, мрачно простиралось в последних солнечных лучах поле битвы. Тут и там среди мертвецов застыли лужи крови, и солнце отражалось в них.

Темные фигуры, таясь, шныряли в высокой траве и, поизгибая, обнюхивали сваленные в кучи и разбросанные трупы. Угловатые плечи и отвратительные, похожие на собачьи, морды — степные гиены! Для них поле битвы означало богато накрытый стол.

А в небе парили отвратительные чернокрылые стервятники, желая тоже принять участие в трапезе. Мерзкие птицы набрасывались, шурша крыльями, на изуродованные тела. Но за исключением пожирателей падали, ничто не двигалось на кровавом поле. Оно было безмолвно, как сама смерть. Ни скрип колес боевых колесниц, ни звон бронзовой трубы не прерывали этой неземной тишины. Молчание смерти быстро последовало за грохотом битвы. Как призрачные посланцы судьбы, рои мышей медленно пролетели по небу на заросший камышом берег реки Незвая, вздущиеся воды которой тускло светились в последних закатных лучах.

На другой стороне далекого берега высилась огромная черная масса укрепленного города Яралет, как гора эбенового дерева в сумерках.

И все же одна фигура шевелилась на широком поле смерти, как карлик на фоне неверного сияния заходящего солнца. Это был юный киммериец с дикой черной гривой и горящими синими глазами. Черные крылья, сотканые из мертвящего холода межзвездных пространств, лишь слегка заделали его. Жизнь теплилась в нем, и сознание к нему воз-

вратилось. Он бродил по кровавому полю тут и там, немного приволакивая ногу, ибо в пылу схватки получил глубокую рану в бедро, которую заметил только сейчас и, как сумел, перевязал, когда вновь пришел в себя и захотел встать.

Осторожно, хотя и нетерпеливо, он нагибался то к одному, то к другому трупу, какими бы окровавленными они ни были. Он был облит кровью с головы до ног, а могучий длинный меч, который он тащил за собой, был красен почти до самой рукояти. Усталым, как собака, был Конан, и в горле у него пересохло. Все его тело болело от десятков ранений — большей частью это были незначительные ушибы, резанные ранки, царапины, если не считать серьезной раны на бедре, — и он тосковал по фляжке с вином и плитке сухарей.

Рыская среди трупов и приседая то перед одним мертвецом, то перед другим, он рычал, как голодный волк, и при этом ругался. Его втянули в эту туранскую войну наемником. Ничто не принадлежало ему, кроме его лошади, ставшей жертвой этой войны, да могучего меча, что он держал в руке. Теперь, раз битва проиграна, война окончена и он остался один, покинутый среди вражеской страны, он, по крайней мере, надеялся облегчить свою участь, позаимствовав у павших доспехи получше, ибо тем они, без сомнения, не скоро понадобятся вновь. Кинжал, усыпанный драгоценными камнями, золотой браслет, серебряная кираса и тому подобные мелочи были бы для него очень кстати, поскольку с их помощью он купил бы себе путь из царства Мунтассем-хана и мог бы возвратиться в Заморю с достаточным количеством звонких монет, чтобы чуток хорошо пожить.

Но кто-то уже ограбил мертвецов до него, то ли воры, пробравшиеся сюда из города, то ли солдаты, возвращавшиеся на поле, с которого бежали. В любом случае, не осталось больше ничего, что стоило бы взять с собой. Только обломки мечей валялись кругом, разбитые копья, погнутые шлемы и щиты. Конан окинул взором усеянную телами равнину и яростно выругался. Слишком долго он пролежал без сознания, даже мародеры успели за это время скрыться. Он был как одинокий волк, который в своей кровожадности убивает добычу за добычей, а когда для него наступает время вонзить в нее зубы, видит, что шакалы уже уволокли ее от него прочь. В этом случае это были всего лишь люди-шакалы.

Он прекратил свои бесполезные поиски и отказался от них с фатализмом истинного варвара. Теперь настало время изобрести какой-нибудь план. Нахмутив лоб и сдвинув брови, он размышлял, тревожно поглядывая на темнеющую степь. Угловатые башни Яралета с плоскими крышами, массивные и черные, вырисовывались на фоне умирающего заката. Тот, кто сражался под стягом короля Илдиза, не

может надеяться найти там приют. Но поблизости не было никакого другого города, ни друга, ни врага. А столица Илдиза Агропур — в сотнях миль южнее...

Погруженный в свои мысли, он не замечал приближения крупной черной фигуры, пока, наконец, до его ушей не донеслось слабое, почти дрожащее ржание. Он резко повернулся, не забывая при этом о раненой ноге, и угрожающе поднял меч. Усмехаясь, он опустил оружие, когда увидел, кто стоит перед ним.

— Кром! Ты меня здорово напугала! Так я не один тут остался в живых, а?

Конан с облегчением рассмеялся.

Большая вороная кобыла стояла, дрожа, перед варваром и смотрела на него испуганными глазами. Это была лошадь генерала Бакры, который сейчас лежал в луже крови мертвый где-то на этом поле битвы.

Животное снова заржало, услышав приветливый голос. Хотя Конан был невеликий знаток лошадей, но он все же видел, что кобыла была полностью разбита. Дышала она хрипло, шкура блестела от пота, длинные ноги дрожали от усталости. Дьявольские легучие мыши и на нее нагнали ужаса, мрачно подумал Конан. Он заговорил с ней ласковым голосом, попытался успокоить и осторожно подступал к ней все ближе, пока не смог погладить перепуганное животное и прогнать его страх.

На его далекой северной родине лошади были редки. Среди варваров киммерийских кланов, из которых он происходил, только по-настоящему богатые вожди владели лошадьми благородных кровей, либо же отважные воины, добывшие их себе в бою. Но, несмотря на неумение обращаться с этими животными, Конану удалось успокоить кобылу и забраться в седло. Он взял поводья и медленно поехал с поля битвы, ставшего теперь болотом чернильно-черной темноты в ночном мраке. Он сразу же почувствовал себя лучше. В седельных сумках были припасы, а имея сильную лошадь, он получал хороший шанс добраться до заморианских границ по пустынной тундре.

3. Ильдик

Тихий, мучительный стон донесся до его слуха.

Конан дернул поводья и остановился. Он недоверчиво осмотрелся по сторонам в глубокой темноте. По коже побежали мурашки от суеверного страха при этом таинственном звуке. Затем он пожал плечами и испустил проклятье.

Это вовсе не ночной призрак, не охотящийся пустынный гуль, это просто стон боли. И он означал, что на поле битвы был еще кто-то третий живой. А от живого можно ожидать, что он не ограблен.

Конан прыгнул с седла и привязал поводья к ободу разбитого колеса. Стон донесся слева. Здесь, на краю поля битвы, раненый запросто мог укрыться от острых глаз мародеров. Может быть, он, Конан, все же вернется в Замору с кошельком, полным самоцветов.

Киммериец наклонился к источнику стонов, которые действительно доносились с края равнины. Он раздвинул камыши, росшие скоплениями на берегу вяло текущей реки, и посмотрел вниз, на бледную фигуру, слабо шевелившуюся у его ног. Девушка.

Полураздетая, лежала она перед ним, на ее белом теле были видны бесчисленные легкие ранки и синяки. Кровь засохла на влажных прядях ее длинных черных волос, придавая им такой вид, словно с них свисает цепь рубинов. Боль глядела из ее блестящих глаз, неподвижно уставившихся в пустоту, и она стонала в горячем забытье.

Киммериец посмотрел на нее сверху вниз, почти безразлично отметил точеную красоту ее фигуры и полную округлую грудь. Он пребывал в замешательстве. Что делает на поле битвы девушка, почти дитя? Она не была похожа на одну из тех потаскушек, что составляют обоз любой армии. Стройное, грациозное сложение говорило о хорошем, возможно, и благородном происхождении. Он в удивлении затряс головой, мотая черной гривой по тяжелым мускулистым плечам. Девушка у его ног пошевелилась.

— *Сердце... Сердце Таммуза... О господин!* — тихо вскрикнула она, беспокойно ворочая темно-волосой головой из стороны в сторону. Несомненно, она бредила.

Конан пожал плечами. Его глаза на мгновение потемнели, приняв выражение, которое у кого-нибудь другого можно было бы счесть за сочувствие. Смертельно ранена, подумал он мрачно, и поднял меч, желая избавить несчастную от дальнейших мучений.

Когда клинок взлетел над ее белой грудью, она снова заплакала как ребенок. Большой меч остановился в воздухе, и киммериец замер на миг в неподвижности, как бронзовая статуя.

Следуя внезапному порыву, он кинул меч обратно в ножны, наклонился и без труда поднял девушку на руки. Она слегка отбивалась и начинала стонать всякий раз, когда сознание, казалось, вновь возвращалось к ней.

С заботливой нежностью вынес он ее на поросший ка-

мышом берег и ласково уложил на сухой камыш. Затем зачерпнул речной воды и осторожно умыл ее лицо, промыл раны. Даже мать не могла бы заботливее обращаться с ребенком.

Ее ранки оказались поверхностными повреждениями, большей частью кровоподтеками, за исключением резаной раны на лбу. И даже эта, хотя и сильно кровоточила, была какой угодно, только не смертельной. Конан пробурчал что-то с облегчением и окатил личико и лоб девушки чистой холодной водицей. Затем довольно неуклюже прижал ее голову к своей груди и влил немного воды между ее полураскрытых губ. Она закашлялась и немного подавилась, затем пришла в себя и уставилась на него темными звездами глаз, казавшихся все еще испуганными и смятенными.

— Кто... что... *летучие мыши!*

— Они исчезли, девочка, — сказал Конан хриплым голосом. — И тебе нечего бояться. Ты из Яралета?

— Да... да... Но кто вы?

— Конан-киммериец. Что могла забыть на поле битвы девочка вроде тебя? — спросил он.

Но она точно не слышала его — в задумчивости хмурила лоб и тихонько повторяла его имя.

— Конан... Конан... да, это имя! — удивленно устремила она взор на его загорелое, покрытое пирами лицо. — Вы именно тот, кого меня послали разыскать. Как странно, что вам довелось найти меня!

— Да кто же послал тебя отслеживать меня, детка? — пробурчал он недоверчиво.

— Я Ильдик, бритунийка, рабыня в доме Агалиса-Видящего-Далеко, что живет там, в Яралете. Мой господин в великой тайне отправил меня на розыски. Я должна найти среди воинов короля Илдиза одного по имени Конан, киммерийского наемника, и незаметно доставить в город, в дом господина. Вы — тот человек, которого я должна найти!

— Впрямь? И чего же твой господин от меня хочет?

Девушка тряхнула темными волосами.

— Этого я не знаю. Но он велел мне вас заверить, что не замыслил против вас ничего дурного, и что вы получите много золота, если пойдете со мной к нему.

— Золота, говоришь? — пробормотал он в раздумье. Он помог ей подняться на ноги и подхватил своей мускулистой лапой за узкие белые плечи, когда она зашаталась от слабости.

— Да, но я добралась до поля битвы, не успев раньше, чем началось сражение. Так что я спряталась в камышах на берегу реки, чтобы сражающиеся не заметили меня. И тогда... появились летучие мыши! В одно мгновение они ока-

зались повсюду! Они низвергались с небес на бойцов и убивали их чудовищным способом. Один всадник бежал от них в камыш и проехался, сам того не ведая, прямо по мне...

— Что с этим всадником?

— Мертв. — Она содрогнулась. — Одна из летучих мышей сорвала его с седла и бросила его труп в реку. Я потеряла сознание, ибо в своем ужасе лошадь ударила меня... — Она подняла руку и коснулась своего рассеченного лба.

— Тебе повезло, что она не пришибла тебя насмерть, — проворчал варвар. — Так что, детка, навестим твоего господина, чтобы узнать, чего он хочет от Конана — и откуда ему известно мое имя.

— Вы пойдете? — переспросила она еле слышно. Он рассмеялся, вскочил на свою кобылу и крепкой рукой втянул девушку в седло впереди себя.

— А почему бы и нет? Я здесь один, во вражеской стране, а это означает, что у меня нет больше обязательств перед Илдизом с тех пор, как армия Бакры разбита. Так почему же я должен сомневаться, стоит ли мне знакомиться с человеком, который выбрал из десяти тысяч воинов именно меня и предлагает мне золото?

Они поскакали через брод по реке и по сумеречной равнине к Яралегу, цитадели Мунтассем-хана. И сердце Конана, которое никогда не бывало счастливее, чем в преддверии новых приключений, яростно колотилось от ожидания.

4. В доме Аталиса

Необычное совещание состоялось в маленьком, освещенном свечами покое с бархатными драпировками в доме Аталиса, которого одни называли философом, другие — провидцем, а третьи — негодяем.

Эта загадочная личность была стройным человеком среднего роста, с впечатляющей головой ученого и лицом аскета, и все же нечто в его гладком лице и острых глазах выдавало в нем искупленного купца. На нем была простого покроя хламида из дорогой ткани, а череп гладко выбрит, что характеризовало его как человека науки и искусства. Со своим посетителем он говорил тихим голосом. Третьему, оказавшись он здесь, вероятно, бросилась бы в глаза такая странность — во время беседы Аталис жестикулировал только левой рукой. Правая в неестественном положении лежала на коленях, и то и дело его умное, спокойное лицо искажала внезапная ужасная боль, и в тот же миг правая нога, скрытая хламидой, начинала мучительно выворачиваться в суставах.

Его гость был известен в городе Яралет как принц Тан,

отпрыск древней и зажиточной туранской семьи. Принц был рослым, стройным, как тополь, человеком, он был молод и неоспоримо хорош собой. Прямая осанка и жесткое выражение холодных серых глаз не соответствовали его тщательно завитым, напомаженным локонам и чрезмерно роскошной, украшенной драгоценными камнями одежде.

Возле Аталиса — он сидел в кресле из темного дерева с высокой спинкой, на которой с педантичной тщательностью были вырезаны гримасничающие рожи, — стоял маленький эбеновый столик, инкрустированный желтой слоновой костью. На этом столике лежал огромный обломок зеленого кристалла размером с человеческую голову. Он источал таинственное сияние. Через неравные промежутки времени философ прерывал тихую беседу и заглядывал глубоко в недра сверкающего камня.

— Найдет ли она его? И пойдет ли он за ней следом? — в отчаянии вопрошал принц Тан.

— Он придет.

— Но каждое уходящее мгновение увеличивает опасность. Уже сейчас Мунтассем-хан может наблюдать за нами, и для нас опасно, если нас увидят вместе...

— Мунтассем-хан покоится в глубокой дреме сновидений, навеваемых лотосом, ибо тени Нергана поднялись к часу заката, — заверил его Аталис. — И мы должны пойти на риск, чем бы он ни обернулся, худом ли, благом ли, если мы хотим, чтобы город был, наконец, освобожден от этого кровопийцы! — Внезапно его черты исказила гримаса почти непереносимой муки, затем они вновь разгладились. Он яростно продолжал: — Вам слишком хорошо известно, о принц, как мало времени нам еще осталось. Отчаявшиеся люди должны прибегать к отчаянным средствам!

Внезапно и лицо принца Тана исказила паника, и он обрватил на Аталиса глаза, разом ставшие такими же безжизненными, как холодный мрамор. Но с той же быстротой, с какой охватил его приступ, жизнь возвратилась в его взор. Бледный, истекающий потом, он откинулся на спинку кресла.

— Слишком... мало времени! — прохрипел он.

Невидимый гонг тихо ударил где-то в темном, тихом доме Аталиса-Видящего-Далеко. Аталис поднял левую руку, делая знак принцу, испуганно вытянувшемуся в кресле, оставаться на месте.

Мгновением позже одна из бархатных драпировок отодвинулась, и показалась потайная дверца. В дверном проеме стояла, точно кровавый призрак, могучая фигура киммерийца, с девушкой, в полубессознательном состоянии опиравшейся на его руку.

С тихим вскриком радости философ вскочил и бросился навстречу угрюмому варвару.

— Добро пожаловать... трижды добро пожаловать, Конан! Давайте же, входите! Вот вино... немного перекусить...

Он указал на столик у стены и забрал у Конана бессильно падающую девушку. Ноздри киммерийца расширились, как у изголодавшегося волка, когда он почуял запахи съестного. Однако — опять же совершенно как волк, опасаящийся ловушки, — он обвел пылающими синими глазами улыбающегося философа, бледного принца, обшарил взглядом каждый уголок маленького покоя.

— О девушке позаботьтесь. Лошадь побил ее копытами, но она все же передала ваше послание по назначению, — проворчал он. Не чинясь, он тяжелым шагом прошелся по комнате, налил густого красного вина в кубок и опорожнил его. Затем оторвал поджаристую ножку от куропатки и жадно зачавкал. Аталис потянул за шнур звонка и перепоручил девушку немоу рабу, выступившему, как по колдовству, из-за другой драпировки.

— Ну, так в чем дело? — спросил киммериец. Он уселся на низенькую скамейку и вздрогнул, когда боль пронзила его, напомнив о зияющей ране на бедре. — Кто вы такой? Откуда знаете мое имя? И чего от меня хотите?

— Мы еще сможем побеседовать с вами и потом, — ответил Аталис. — Ешьте и пейте, затем передохните. Вы ранены...

— К Кромю все эти проволоочки! Говорить будем сейчас!

— Хорошо, хорошо, как хотите. Но вы должны мне позволить промыть и перевязать ваши раны, пока мы разговариваем.

Киммериец нетерпеливо передернул плечами и нехотя разрешил философу сделать то, чего тот потребовал. Пока Аталис промывал большую рану губкой, посыпал ее толстым слоем пахучего порошка и перевязывал чистыми полосами ткани, киммериец утолял голод, жадно поглощая тонко приправленное холодное жареное мясо и вливая в себя без усталости красное вино.

— Я знаю вас, хотя мы никогда не встречались, — сказал Аталис мягко. — Я видел вас в хрустальном шаре, который вы видите здесь, на столе. В его глубине я могу видеть и слышать за сотни миль.

— Колдовство? — кислым тоном осведомился Конан, как всякий воин, презирая всю эту магическую дребедень.

— Если вам угодно называть это так, — Аталис улыбнулся своей располагающей улыбкой. — Но я не волшебник, а всего лишь искатель истины. Кое-кто называет меня философом...

Его улыбка исказилась, превратившись в жуткий оскал боли, и, чувствуя мурашки на коже, Конан увидел, как зашатался Аталис, когда его ногу свело ужасной судорогой.

— Кром! Вы что, больны, приятель?

Хрипя от боли, Аталис рухнул в свое кресло с высокой спинкой.

— Не болен... проклят. Этим дьяволом, который владеет над нами со своим скипетром адской магии...

— Вы говорите о Мунтассем-хане?

Аталис устало кивнул.

— То, что я не волшебник, спасало мне жизнь до сей поры. Ибо наместник велел перебить всех магов в Яралеге. Меня же, поскольку я только маленький философ, он оставил жить. Однако он подозревает, что я чуть-чуть разбираюсь в Черном Искусстве, и поэтому наградил меня этим смертельным проклятием. Оно пожирает мою плоть, терзает мои нервы и слишком скоро приведет меня к предсмертной агонии! — Он показал на свою неестественно вывернутую руку, неподвижно лежащую у него на коленях.

Принц Тан дикими глазами смотрел на Конана.

— И я тоже проклят этим отродьем преисподней, ибо мое положение — следующее за постом наместника, и он думает, что я алкаю его трона. Меня он мучает иным образом — терзая мозг, и все время меня охватывают приступы, отнимающие зрение у глаз, которые в конце концов лишат меня рассудка и превратят в бездушную, слепую, скулящую тварь!

— Кром! — тихо выругался Конан.

Философ сделал беспомощный жест.

— Вы — наша единственная надежда! Только вы можете спасти наш город от этого не ведающего пощады дьявола, мучающего и терзающего нас.

Конан уставился на него, ничего не понимая.

— Я? Но я-то не волшебник, приятель! Все, чего может добиться воин с обнаженной сталью, я совершить в состоянии, но чего я стою против Черного Искусства?

— Выслушайте меня, Конан из Киммерии! Я расскажу вам странную и ужасную повесть...

5. Рука Нергала

В городе Яралет, как рассказывал Аталис, при наступлении ночной темноты люди запирают на засовы двери и окна и, дрожа, прячутся в своих жилищах. Исполненные ужаса, они возносят молитвы перед изображениями своих домашних божеств, освещенных свечами, пока чистый ясный свет нового дня не польется от огненных лучей встающего солнца на темные городские башни.

Ни один лучник не охраняет ворот. Ни одного стражника нет на пустынных улицах. Воры не крадутся по узким переулкам, размалеванные продажные женщины не заывают из темных дверных проемов. В Яралете равно страдают тени ночи и подонки, и честные люди. Воры, попрошайки, наемные убийцы и разукрашенные девки ищут убежища в вонючих норах греха или в мрачных кабаках. С наступлением сумерек и до рассвета Яралет — город безмолвия, и безлюдны его темные улицы и переулки.

Не всегда было так. Некогда это был зажиточный город, где процветала торговля, где было множество лавок и магазинов всех родов, и базаров, где было все, чего только пожелает сердце. Здешний люд был счастлив, ибо крепкая рука мудрого и добросердечного правителя Мунтассем-хана охраняла их. Он не облагал жителей слишком высокими налогами и правил справедливо и милостиво, и, кроме того, занимался своей личной коллекцией антиквариата и изучал все те древние редкости, которые занимали его острый ум исследователя. Среди купцов в караванах всегда имелись те, кому он давал поручение выискивать различные необычные ценности, которые они затем добывали для приватного собрания своего господина.

Но в одно мгновение он внезапно переменился, и странная тень опустилась над Яралетом. Это было так, словно злые чары овладели наместником. Насколько прежде он был добр, настолько стал теперь жесток, и там, где он был великодушен, стал он алчен, и где был справедлив и милостив, стал ныне тираничен и неукротим.

И тогда его костоломы начали аресты — аристократы, богатые купцы, жрецы, чародеи, — все они были брошены в подземелья дворца наместника, и никто их больше не видел.

Шептали, что один караван с далекого Юга привез кое-что из Стигии, где гнездятся демоны. Лишь немногие видели это «кое-что», и из этих немногих один, дрожа, рассказывал, что эта штука покрыта странными грубыми иероглифами, похожими на те, что можно видеть на пыльных гробницах древней Стигии. Очевидно было воздействие на наместника злых чар, и им овладели неведомые силы Черной Магии. Чудовищные силы спасли его от тех отчаявшихся патриотов, которые, во имя блага города, подготовили покушение на него. Ужасный алый свет пылает в окнах высокой башни его дворца. Поговаривают, что несколько пустых покоев там он превратил в храм мрачного кровожадного бога.

И ныне Ужас подстерегает на улицах ночного Яралета, точно сам дьявол вызвал его страшным заклятием из предела мертвых.

Что это такое — то, чего они боятся в ночи, — испуганные горожане не могут объяснить в точности. Но это не плод пустого воображения — то, из-за чего они закладывают засовы окон и дверей. Шепчут, что рыскающих, похожих на летучих мышей существ видели в щелку ставен. Туманные твари, созданные из тени, — вот что они такое, должно быть, каких человечество не знает, и каких рассудок медлит признать, охотнее ища убежища в безумии. Ходят слухи о разбитых дверях, об ужасных криках и нечеловеческих воплях, исторгаемых человеческим горлом, после чего воцаряется тяжелое, недоброе, полное молчание. И эти разбитые двери болтаются в петлях при свете встающего солнца, и дома, охраняемые ими, внезапно оказываются непостижимым образом опустевшими...

Это чудовищное «нечто» из Стигии была Рука Нергала.

— Она выглядит кистью с когтеобразными пальцами, вырезана из желтоватой слоновой кости и сплошь покрыта странными иероглифами забытого языка. Пальцы-когти охватывают мутный хрустальный шар. Я знаю, что наместник владеет этим шаром, ибо я видел это сам... — он сделал знак рукой, — в моем собственном кристалле. Ибо, хоть я и не маг, я все же немного обучался Искусству.

Конан беспокойно зашаркал ногами.

— И вы знаете еще что-нибудь об этой... штуке?

Аталис слабо улыбнулся.

— О, да. Старые надписи доносят до нас сведения о ней и могут поведать темные легенды ее кровавой истории. Слепой провидец, написавший «Книгу Склоса», знал ее хорошо... «Рука Нергала» — называют ее с дрожью. Полагают, что она упала со звезды прямо на Закатные острова на самом дальнем Западе, много столетий назад, еще до того, как король Кулл объединил под своим стягом Семь Царств. Невообразимо много времени протекло на Земле с тех пор, как первые бородастые рыбаки-пикты выудили ее из глубин и в удивлении уставились в ее пламя, полускрытое тенями.

Они пустили ее в торговый оборот, обменяв с жадным купцом из Атлантиды, и так она пустилась в путь по свету на Восток. Старые, седобородые чародеи Древней Тулы и темного Грондара испытывали ее чары в своих пурпурных и серебряных башнях. Люди-змеи Валузии, где бродят тени, заглядывали в ее пылающую глубину. С ее помощью Ком-Язот одолел Тридцать Королей, однако затем Рука обратилась против него и покончила с ним. «Книга Склоса» сообщает, что поначалу Рука наделяет своего владельца невероятной властью — а затем приносит ему ужаснейшую гибель.

Только ровный голос философа нарушал тишину покоя,

но черноволосому воину чудилось, как во сне, что он слышит далекий отзвук громыхающих боевых колесниц, звон оружия, крики терзаемых владык, теряющих царства, что погибли, взорвавшись, в один миг...

— Когда весь Древний Мир был сотрясен Катаклизмом, и зеленое море захлестнуло разбитые башни погибшей Атлантиды, и царства одно за другим рассыпались в руины, было утеряно и Знание о Руке. Три тысячи лет дремала она, но когда воспряли молодые королевства Коф и Офир и постепенно поднялись из сумерек варварства, Рука вновь была найдена. Темные короли-чародеи мрачного Ахерона изучили ее тайны, и когда отважные хайборийцы растоптали это ужасное царство, она оказалась на Юге, в таинственной Стигии, где кровавые жрецы этой черной страны использовали ее для чудовищных обрядов, о которых я не смею говорить. Она исчезла с лика земли, когда один из темных чародеев был убит, ибо была погребена вместе с ним, и таким образом человеческий глаз не видел ее много-много столетий... Однако теперь, кажется, ее нашли грабители могил, и каким-то образом она оказалась во владении Мунтассем-хана. Искушение абсолютной властью, которое она предлагает всем, кто считает ее своей собственностью, погубило его, как губило оно бесчисленное число других, подпавших под ее страшные чары. Я страшусь за все страны этого мира, киммериец, поскольку теперь рука демона пробудилась, и вновь начали бродить по земле мрачные силы...

Голос Аталиса смолк. Воцарилось молчание. Конан тоскливо пробурчал нечто нечленораздельное, чувствуя, как волосы у него на затылке встают дыбом.

— Ну так что... Кром! Что же мне со всем этим делать?

— Только вы один можете прекратить влияние этого чудовищного талисмана на дух наместника!

Горящие глаза расширились.

— Я? Но как?

— Вы владеете талисманом, противодействующим силе Руки.

— Я? Как вам пришла в голову эта идея? Я не держу никаких амулетов и тому подобного магического хлама...

Подняв руку, Аталис прервал его.

— Перед битвой вам не случалось найти какой-нибудь необычный предмет? — мягко спросил он.

Конан в изумлении глянул на него.

— Да, действительно, вчера вечером, когда мы разбили лагерь у Бахари... — Он сунул руку в мешочек и вынул оттуда гладкий, светящийся камень.

Философ и принц воззрились на него, затаив дыхание.

— *Сердце Таммуза!* Да, воистину, противодействующий талисман!

Камень действительно имел форму сердца и был размером с детский кулачок, это был золотистый янтарь или, может быть, редкий желтый жад. Он пылал мягким огнем в руке варвара, который внезапно с глубоким благоговением вспомнил, как пульсирующее тепло талисмана изгнало из его тела сверхъестественный холод теней.

— Идемте, Конан! Мы будем сопровождать вас. Существует потайной ход из этого покоя в аудиенц-зал наместника — подземный туннель, схожий с тем, по которому моя невольница Ильдико доставила вас сюда, проведя через весь город под улицами. Сердце Таммуза защитит вас. Под его защитой вы убьете Мунтассем-хана или уничтожите Руку Нергала. Нет никакой опасности, поскольку наместник погружен в глубокий магический сон, одолевающий его всякий раз, как он призывает тени Нергала, что он сделал на закате солнца, чтобы разбить туранскую армию короля Илдиза. Так что идемте!

Конан подошел к столу и осушил последний бокал вина. Затем пожал плечами, изрыгнул проклятье, помянув Крома, и последовал за хрым провидцем и стройным принцем в темный дверной проем, открывшийся за настенным ковром.

В несколько секунд они исчезли, и покой остался пустым и тихим, как гробница. Единственное движение исходило из мерцающего светом зеленого хрустального шара возле кресла. В его глубине была видна крошечная фигурка Мунтассем-хана, лежащего в оцепенении сна в своем огромном зале.

6. Сердце Таммуза

Они шли по бесконечной темноте. Вода капала с потолка туннеля, высеченного в скале, и тут и там на полу сверкали красные крысиные глазки, прежде чем крысы с яростным писком разбегались, удирая в безопасное место от странных созданий, вторгшихся в их подземное царство.

Аталис шел впереди. Здоровой рукой он вел вдоль неровной стены туннеля.

— Я не стал бы обременять вас этой просьбой, мой юный друг, — прошептал он. — Но именно в ваши руки попало Сердце Таммуза, и я чувствую определенную причину — смысл — в его выборе. Существует сродство между противоборствующими силами, той темной силой, которую мы называем «Нергал», и силой Света, что для нас «Таммуз». Сердце пробудилось и потребовало — способом, о котором мы даже не имеем представления, — чтобы его нашли: ибо

Рука тоже пробудилась и уже творила чудовищные злодеяния. И поскольку силы, кажется, избрали вас для этого подвига, я отыскал вас... ш-ш!.. Сейчас мы уже находимся под дворцом. Мы почти у цели... — Он провел здоровой рукой по грубой поверхности скальной стены — то был конец туннеля. Огромный камень беззвучно скользнул в сторону. Навстречу им замерцал слабый свет.

Они стояли в конце огромного сумрачного зала, высокий купольный свод терялся в темноте. В середине зала, пустого, если не считать ряда массивных колонн, стоял пьедестал и на нем — тяжелый трон из черного мрамора. Там покоился... Мунтассем-хан.

Он был среднего возраста, однако худ и истощен. Белая, как бумага, нездоровая кожа обтянула кости лица, ставшего почти маской смерти — черепом, и темные круги залегли под запавшими глазами. Он скорее лежал, чем сидел, и прижимал к груди посох из слоновой кости, как скипетр. Навершие посоха было сработано в форме демонской когтистой лапы. Она держала дымчатый кристалл, пульсирующий медленными вспылками пламени, как живое сердце. Из медной чаши возле трона поднимался дым с одурманивающим запахом. Он исходил от наркотического лотоса, испарения которого применяют чародеи, чтобы подчинить себе неграловых демонов из тени. Аталис подергал Конана за руку.

— Смотрите — он еще спит! Сердце Таммуза защитит вас. Заберите у него руку из слоновой кости, и он лишится всей своей власти!

Конан пробурчал под нос согласие, довольно неохотное, и с обнаженным мечом в руке шагнул к трону. Было в этой истории нечто такое, что ему очень не нравилось. Слишком уж просто...

— А, господа мои. Я ждал вас.

С пьедестала Мунтассем-хан бросил им улыбку, в то время, как они застыли, точно парализованные. Его голос прозвучал мягко, однако в нездоровых глазах пылал неистовый гнев. Он поднял скипетр из слоновой кости и сделал им знак...

Свет призрачно заморгал. И внезапно закричал хромой ясновидец, да так, что обоих его спутников дрожь пробрала до мозга костей. Его мышцы свело приступом непереносимой боли. Он упал на мраморные плиты, извиваясь от боли.

— Кром!

Принц Тан схватился за свою саблю, однако жест колдовской руки заставил его остановиться. Теперь глаза его были пусты и безжизненны. Холодный пот выступил на его побледневшем лбу. Он закричал пронзительно и рухнул на колени, отчаянно впиваясь ногтями в виски в попытке утихомирить ужасную боль, терзавшую его мозг.

— А вы, мой юный варвар!

Конан сделал прыжок. Он подскочил к врагу, точно пантера, наносящая удар. Движение сильного тела было таким стремительным, что его почти невозможно было разглядеть. Он был уже на первой ступеньке, прежде чем Мунтассем-Хан успел хотя бы пошевелиться. Меч взлетел вверх, задрожал и выпал из обессилевших пальцев. Волна арктического холода сковала его руки и ноги. Она накатила из затуманенного драгоценного камня в когтях из слоновой кости. Конан хрипло хватал ртом воздух.

Сверкающие глаза Мунтассем-хана жгли его глаза. Лицо, похожее на маску мумии, исказило жуткое подобие улыбки.

— Сердце действительно охраняет, однако лишь того, кто умеет призывать его силу! — торжествовал наместник. Он засмеялся, когда киммериец тщетно пытался возвратить силу своему оледеневшему телу. Конан сжал зубы, яростно сопротивляясь ледяному потоку и смердящей черноте, медленно захлестывающих его из демонического кристалла. Сила истекала по капле из его тела, точно вино из дырявого сосуда. Он опустился на колени и распростерся у подножия пьедестала. Он чувствовал, как его сознание точно съежилось, превратилось в крошечную, заброшенную точку света в бесконечной черноте. Последние вспылки его воли трепетали, как пламя свечи на штормовом ветру. Со всем диким, непоколебимым упорством своей варварской натуры он, несмотря на очевидную безнадежность, продолжал сопротивляться...

7. Сердце и Рука

Пронзительный женский вопль. При этом неожиданном звуке Мунтассем-хан вздрогнул. Его внимание отвлеклось от Конана — чародейский натиск на мгновение оборвался, — и в это короткое мгновение из-за одной из колонн выскочила обнаженная стройная девушка со сверкающими темными глазами и копной темных вьющихся волос и подбежала к беспомощному киммерийцу.

Сквозь пелену гудения и тумана, в полубессознательном состоянии, Конан уставился на нее. Ильдико?

Стремительно упала она на колени возле него. Белая рука торопливо проскользнула в его кожаный кошелек и схватила Сердце Таммуза. Гибким движением вскочила она на ноги и швырнула противодействующий талисман в лицо Мунтассем-хану.

Амулет звучно ударил его между глаз. Взгляд наместника затуманился, он без сил поник на подушках своего черного трона. Рука Нергала выскользнула из обмякших пальцев и покатилась по мраморным ступеням.

В тот же момент — ибо талисман выпал из руки наместника — чары, терзавшие Аталиса и принца Тана непереносимой мукой, прервались. Бледными, изнуренными, потрясенными были они, но свободными и невредимыми. И могучая сила киммерийца возвратилась в его распростертое на полу тело. С проклятием он вскочил на ноги. Одной рукой он ухватился за круглое плечо Ильдики и оттолкнул ее подальше от опасного места, а другой поднял свой меч с мраморных плит. Он изготовился нанести удар.

Однако застыл, от удивления захлопав глазами. С каждой стороны от наместника лежало по талисману. И из обоих поднялись призрачные явления.

Из Руки Нергала высвободились мерцающие темным светом клубы, почти осязаемо источающие Зло — то было сияние тьмы, подобное глянцу полированного эбенового дерева. Смердящая вонь преисподней была его нечестивым дыханием, и его прикосновение несло в себе непереносимый холод межзвездного пространства. Перед его приближением заколебалось оранжевое сияние коптящих факелов. Эта структура, похожая на сеть, разрасталась, ширилась, вытягивая все дальше змеиные щупальца светящейся черноты.

Но вот золотой венец лучей поднялся вокруг Сердца Таммуза. Он тоже разрастался и превратился в облако ослепительного янтарного огня. Жар тысяч гейзеров исходил от него, пожирая арктический холод, а лучи глубокого золотого света разрывали чернильно-черный призрак Нергала.

Обе космические силы набросились друг на друга и вступили в смертельную схватку. Неуверенным шагом Конан отступил перед этой битвой богов и присоединился к двум своим спутникам. Полные благоговейного ужаса, созерцали они сверхчеловеческую борьбу. Дрожа, обожженная Ильдики прижалась к нему, и он обхватил ее рукой..

— Как ты попала сюда, девочка? — спросил он.

Она слабо улыбнулась одними глазами, в которых еще не исчез страх.

— Я пришла в себя после обморока и вошла в покои господина. Там было пусто. Но в его кристалле ясновидения я увидела ваши изображения — как вы прокрадываетесь в зал наместника. А потом наблюдала за тем, как он очнулся и чудовищно играл с вами — и когда я увидела, что вы беспомощны и полностью в его власти, я решила все поставить на Сердце...

— Ну и хорошо, что ты так поступила, — мрачно похвалил ее киммериец. Аталис взял его за руку.

— *С м о т р и т е!*

Золотой туман Таммуза теперь превратился в гигантскую сверкающую фигуру непереносимо ослепительного света, в чем-то похожую на человека, но такую титаническую, как те колоссы, что эпохи назад были изваяны мастерами в скалах Шема.

Но и темный образ Нергала вырос до чудовищной величины. Теперь это было гигантское черное, как эбеновое дерево, Нечто, настолько отвратительное по форме, что напоминало скорее гигантскую обезьяну, чем человека. В туманных ключьях, из которых была слеплена его голова, изумрудно-зеленым огнем горели глаза.

Обе Силы бросились друг на друга с громоподобным, оглушительным треском, точно столкнувшиеся миры. Стены закачались под натиском титанического, космического единоборства. Воздух наполнился едким дымом. Искры, длиною в фут, трещали и вспыхивали, пролетая по сгустившемуся воздуху, когда грянули друг о друга золотой бог и тенеподобный черный демон.

Лучи невыносимо яркого света пронзили клубящиеся ключья тени. Молнии огромной мощи разорвали ее в крошечные клочки темноты, разгоняемые ветром. Краткий миг еще мрачная фигура окутывала и затемняла лучащееся золотое божество — но это длилось лишь последнее летучее мгновение. Затем раздался грохот, сотрясший землю, и чернота развеялась в объятиях непереносимого света — и исчезла. Еще секунду колебалась над пьедесталом светящаяся фигура, и ее пламя поглотило его, как кучу хвороста, — затем больше ничего не было видно.

Тишина царила теперь в аудиенц-зале Мунтассем-хана. Вместе с троном и пьедесталом в огне исчезли оба амулета — рассыпавшись ли на атомы под воздействием сражающихся космических сил, или же вновь возродившись где-то, чтобы ожидать пробуждения созданий, которые они хранили в себе и символами которых служили, — этого никто не мог сказать.

А труп на пьедестале? От него не осталось ничего, кроме горстки золы.

— Сердце всегда сильнее руки, — прошептал Аталис в тишине, такой полной, что замирало дыхание.

Сильной рукой Конан натянул поводья вороной кобылы. Она дрожала в нетерпении пуститься галопом, и копыта беспокойно постукивали по булыжной мостовой. Киммериец улыбнулся от уха до уха, его варварская кровь отзывалась

ГОРОД ЧЕРЕПОВ

на рвение благородного животного. Просторный плащ алого шелка ниспадал с его широких плеч, а там, где не было шелка, серебром сверкала в утреннем солнце новая кольчуга.

— Стало быть, вы полны решимости покинуть нас, Конан? — спросил принц Тан, облаченный в роскошные одежды нового наместника Яралета.

— Да. Ваша гвардия — слишком скучно для меня. Я жажду принять участие в новой войне, которую король Илдиз хочет вести против горских племен. Недели ничегонеделания и горстки мира мне вполне хватило. Живите счастливо, Тан и Аталис!

Он резко дернул поводья, повернул вороную и проехал через внутренний дворик дома ясновидца. Аталис и принц дружески смотрели ему вслед.

— Как необычно, что наемник удовольствовался оплатой, меньшей, чем он мог бы получить, — заметил новый наместник. — Я предложил Конану ларец, полный золота, он мог бы провести с этим остаток своих дней в покое и удобстве. Но он только набил кошелек, выбрал себе оружие и одежду и оставил себе лошадь, которую нашел на поле боя. Слишком много золота, — так он сказал, — будет только мешать ему в дороге.

Аталис пожал плечами, затем с улыбкой показал на противоположную сторону двора. Из двери вышла стройная бритунийская девушка с длинными черными волосами. Она подошла к Конану, остановившему лошадь и склонившемуся в седле, чтобы поговорить с ней. Они обменялись несколькими словами, затем варвар потянулся вниз, обвил рукой ее узкую талию и поднял девушку на седло впереди себя. Она села боком, обеими руками обвила его шею и прижалась головой к его груди.

Конан повернулся к обоим наблюдателям, поднял руку в приветственном жесте и широко улыбнулся им, после чего усккал, увозя с собой хорошенькую девушку.

Аталис рассмеялся.

— Есть все-таки люди, которые сражаются не только ради золота!

Красный снег

В далеких пустынных степях Гиркании, у отрогов гор Талакмы, на туранский караван набросилась, завывая по-волчьи, орда приземистых смуглых воинов. Нападение произошло на закате солнца. Западный горизонт полыхал полосами алого сияния, а невидимое уже солнце окрашивало в розовый цвет снег на самой высокой горной вершине.

Пятнадцать дней двигался караван из Турана по равнине. Он перешел вброд ледяную речку Запорожку и все дальше и дальше углублялся в бесконечные просторы востока. И тогда, без всякого предупреждения, произошла эта битва.

Гормаз склонился в седле с вражеской стрелой в горле, и Конан подхватил на руки тело лейтенанта. Он осторожно опустил убитого на землю, потом с проклятием вырвал из ножен меч и с широким клинком в руке встал против нападающей орды вместе со своими товарищами. Уже больше месяца ходил он по пыльным гирканским степям. Монотонность путешествия давным-давно успела уже наскучить ему, и теперь его варварская душа жаждала боя.

Он отбил мечом удар позолоченной кривой сабли первого же из нападающих с такой яростью, что клинок сабли переломился прямо под рукоятью. Оскалившись, Конан швырнул обломок прямо в живот кривоногого воина. Тот взвыл, как проклятая небом душа в пламени преисподней, и, содрогаясь, упал в снег, который быстро окрасился алым.

Киммериец повернулся в седле, чтобы встретить щитом удар другого нападающего. Выбив клинок из рук своего противника, он ударил острием меча прямо между раскосых глаз желтого лица, которое скалило ему зубы — и вдруг залилось кровью и опустилось безжизненно.

И вот нападающие уже набросились на них всей толпой. Десятки невысоких смуглых людей в фантастических плетеных кожаных доспехах, украшенных золотом и блестящими драгоценностями, накинулись на них с яростью демонов. Звенели тетивы, взлетали копыя, вращались и звонко гремяли мечи.

По другую сторону кольца обступивших его врагов Конан заметил своего товарища Юму, огромного черного парня из государства Куш, который дрался пешим. Его лошадь пала при первой же атаке, пронзенная стрелой. Кушит потерял свою меховую шапку, и золотое кольцо, висевшее в его ухе, отчетливо блестело в лучах рассеянного света. Пика, к счастью, оставалась при нем. С ее помощью он вышвырнул из седла трех противников, одного за другим.

Позади Юмы, во главе отряда отборных солдат короля Илдиза, принц Ардашир, командовавший эскортом, выкрикивал приказы, не слезая со своего могучего жеребца. Он все время втискивался на коне между врагами и паланкином, охраняя его от нападения — в паланкине сидела дочь Илдиза, принцесса Созара. Отряд должен был доставить принцессу в целости и сохранности Куюле, великому хану кочевых племен куйгаров, которому она предназначалась в жены.

Когда Конан снова бросил взгляд в ту сторону, он увидел, что принц Ардашир прижимает руку к своей меховой куртке. словно по велению магии — так, во всяком случае, это выглядело — в основании его шеи внезапно появилась черная стрела. Расширенными глазами принц посмотрел на ее оперение, потом упал с коня, прямой, как статуя. Его остроконечный шлем, усыпанный драгоценными камнями, покатился в забрызганный кровью снег.

После этого у Конана уже не было времени заботиться о чем-либо ином, кроме как о завывающих врагах, обступивших его. Несмотря на то, что киммериец не так давно вышел из подросткового возраста, он был выше шести футов аж на несколько дюймов. Смуглые его противники казались карликами рядом с его рослой мощной фигурой. Когда они, скаля зубы, окружили его, они напоминали собак, сбившихся в стаю и пытающихся разорвать королевского тигра.

Битва бушевала у отрогов гор, и с их вершин, наверное, казалось, что это всего лишь ветер гоняет по снегу листья. Лошади топтались, ржали, падали. Люди наносили удары, ругались, орали. Тут и там лишенные своих коней всадники продолжали сражаться пешими. Тела людей, трупы коней лежали, втоптаные в разрытую грязь, на истоптанном снегу.

Красная пелена застилала глаза Конана, и он обрушивал на врагов свой меч с яростью берсерка. Он предпочел бы один из тех широких прямых мечей западного образца, с которыми был так хорошо знаком, но и кривым клинком солдата туранской армии он сеял вокруг себя смерть и разрушение. В его умелой руке стальная сабля сплеталась в воздухе сверкающую сеть смерти, и уже не менее девяти маленьких смуг-

лых воинов в сверкающих кожаных доспехах попались в эту сеть и были уволочены прочь дрожащими лошадьми — обезглавленные, с пробитым сердцем. С диким боевым кличем своего варварского народа на устах киммериец дрался, как одержимый. Однако вскоре он замолчал, потому что каждый вздох теперь нужен был ему для нападения и обороны. Битва, вместо того, чтобы идти к завершению, становилась все более яростной с каждой минутой.

Всего лишь семь месяцев прошло с тех пор, как Конан — единственный из всех уцелевший — вернулся из экспедиции, которую несчастья преследовали буквально по пятам. Король Илдиз отправил ее с целью покарать взбунтовавшегося сатрапа северного Турана Мунтассем-хана. С помощью черной магии сатрап уничтожил королевский отряд, испепелил абсолютно всех, кто был послан его усмирять, от высокородного генерала Бакры из Акифа до последнего пехотинца. Да, он полагал, что погибли все. Но молодой Конан остался в живых. Одна невольница помогла ему добраться до города Яралет, который страдал под игом одержимого черным чародейством сатрапа, и страшный жребий встретил тогда Мунтассем-хана.

По возвращении в роскошную столицу Турана, город Аграрпур, Конан получил в награду почетный меч из рук короля. Поначалу он терпел немало насмешек от товарищей из-за своей неловкости в верховой езде и обращении с луком. Но они быстро утратили чувство юмора, когда Конан с помощью могучего кулака принялся обучать их уважению к владельцу этого метательного снаряда. А вскоре он выучился управлять и с конем, и с луком.

Однако теперь киммериец вовсе не был уверен, что сумеет получить причитающуюся ему за эту экспедицию награду. Легкий кожаный щит в его левой руке разлетелся в щепы, и он отбросил его. Стрела вонзилась в круп его коня. Заржав, конь опустил голову и взбрыкнул задними ногами. Конан перелетел через голову коня, описав в воздухе дугу. Животное перескочило через него и скрылось.

Полуоглушенный, киммериец поднялся, шатаясь, и продолжал биться пешим. Кривые сабли врагов исполосовали его плащ и разорвали кольчугу. Они пробили его кожаную куртку, и кровь теперь сочилась из десятка небольших ран.

Он сражался, оскалив зубы в злобной усмешке, с глазами, пылающими от ярости, как вулкан, и грива черных прямых волос падала ему на лицо. Один за другим погибали его товарищи, пока, наконец, они не остались вдвоем с черным великаном Юмой, спина к спине. Кушит держал, как шест, сломанное копьё.

Внезапно Конану показалось, что сквозь туман красной

ярости, застилавшей его глаза, опускается молот. Тяжелая булава ударила его по виску. Она раздавила и расколола остроконечный шлем, так что металл сдавил его голову. Колени его подогнулись. Последнее, что он слышал, был пронзительный, отчаянный крик принцессы, когда приземистые кривоногие воины, усмехаясь, вытащили ее из паланкина на окровавленный снег. Потом он упал лицом вниз на землю и потерял сознание.

Чаша богов

Тысячи маленьких дьяволов стучали красными пылающими молоточками в голову у Конана. Ему казалось, что при малейшем движении голова начинает гудеть, как целая кузница. Когда его сознание, наконец, понемногу прояснилось, он установил, что самым жалким образом болтается на могучих плечах титана Юмы, который ухмыльнулся, заметив, что его товарищ пришел в себя, и осторожно отпустил его. Конан был несказанно рад, что у него еще были силы стоять на собственных ногах. Он удивленно осмотрелся по сторонам.

В живых остались только он, Юма и эта девушка, принцесса Созара. Остальные участники похода, в том числе и служанка Созары, убитая шальной стрелой, служили теперь пищей поджарым волкам гирканских степей. Они находились сейчас у северных склонов Талакмы, на много миль южнее от поля битвы. Невысокие смуглые воины в кожаных доспехах, многие — с кровоточащими ранами — окружали их. Конан заметил, что они успели сковать ему руки тяжелыми цепями. Принцесса в шелковом платье и шелковых шароварах тоже была связана, но ее цепи были намного легче и, кажется, были сделаны из чистого серебра.

Закован был и Юма. На него победители обращали особое внимание. Они толкались возле кушита, трогали его кожу, а после рассматривали свои пальцы, удивляясь, что они не окрасились черным. Один из них даже набрал в лоскут ткани снега и сильно потер им плечо Юмы. Юма широко улыбнулся.

— Они еще никогда не видели таких, как я, — сказал он Конану.

Командир отряда прокричал новую команду. Его люди забрались в седла. Принцессу снова посадили в паланкин. На ломаном гирканском офицер заговорил с Конаном и Юмой.

— Вы идти ноги!

И они пошли пешком, а копыта азвэри, как называли себя эти воины, то и дело подкалывали их. Паланкин принцессы качался между двумя лошадьми в середине колонны. Конан заметил, что командир азвэри обращается с Созарой уважительно. Во всяком случае, *пока* ей не причинили никакого вреда. Офицер, или главарь, или кто он там был, казалось, не питал к Конану и Юме никакой злобы, несмотря на большой урон, который эти двое причинили его отряду.

Один раз он даже произнес с широкой улыбкой:

— Вы оба на проклятье хороший боец!

Но он не стал рисковать и не оставил своим пленникам ни малейшей возможности совершить побег. Он не позволял себе невнимательности и не сбавлял темп марша, позаботившись о том, чтобы с восхода до заката они бежали за лошадьми, идущими рысью, и если они хоть немного начинали отставать, их кололи пиками. Конан сжал зубы и решил быть послушным — до поры до времени.

Два дня шла колонна по горной тропе, где запросто можно было сломать себе шею. Они проходили перевалы, где им приходилось пробираться по глубокому снегу, оставшемуся еще с прошлой зимы. На этой высоте было тяжело дышать, а внезапные резкие порывы ветра рвали их ветхую одежду и хлестали острым снегом их лица. Черному Юме холод причинял куда больше страданий, чем Конану, который вырос на севере.

Наконец они добрались до южных склонов гор Талакмы, и перед ними открылся фантастический пейзаж. Создавалось впечатление, что они стоят на краю огромной чаши. Маленькие облачка пробегали над густыми джунглями, тянувшимися на много миль. В середине этой «чаши» сверкало огромное озеро, или внутреннее море, отражающее голубизну неба.

По обе стороны этого моря снова начиналась зелень, которая исчезала вдаль в розовой дымке. И из этой дымки поднимались на сотни миль южнее стройные и белые вершины могучих гималайских гор, уходящих в небесную синеву. Эти горы были вторым краем чаши, замкнутой дугами двух горных хребтов.

— Что это за долина? — обратился к офицеру Конан.

— *Меру*, — ответил тот. — Люди называют ее «Чаша богов».

— Нам нужно туда?

— В великий город Шамбалла.

— А потом?

— Это решит *Римпоче* — великий царствующий бог.

— Кто он такой?

— Джалунг Тхонгла, Ужас Смертных, Тень Неба. Идти дальше, собака с белой кожей! Нет время для разговора!

Конан глухо заворчал, когда уколом копья азвэри погнался его дальше. Он безмолвно поклонился сам себе, что в один прекрасный день растолкует этому царствующему богу, Ужасу Смертных, что такое *настоящий* ужас. Он спрашивал себя, неужели божественность этого владыки простирается настолько, что может защитить его даже от стали... Но эта столь приятная и отрадная картина, увы, терялась в дымке грядущего.

Они спустились в огромную котловину. Воздух стал теплее, растительность гуще. В конце дня они уже тащились по жарким влажным джунглям и болотам, где дорога была заплетена ветвями деревьев, покрытыми пышной зеленью и цветами. Яркие, пестрые птицы свистели и кричали среди ветвей. С крон деревьев глазели на людей любопытные обезьяны. Насекомые назойливо жужжали и больно кусались. С тропы уползали змеи, шмыгали ящерицы.

Для Конана это было первым знакомством с тропическими джунглями. Они совершенно не пришлись ему по вкусу. Насекомые раздражали его не меньше, чем жара. Пот стекал с него ручьями. Зато Юма широко улыбался и дышал полной грудью.

— Здесь прямо как на моей родине, — заявил он.

Конан не ответил. Он лишился дара речи от удивления при виде этого фантастического ландшафта, этих густых джунглей и парящих болот. Ему совсем нетрудно было поверить в то, что эта далекая долина, *Меру*, и в самом деле была родиной богов, местом, где они жили в самом начале времен. Он никогда еще не видел таких деревьев, как эти гигантские пальмы и маммеи, кроны которых терялись в мутном небе. Он спрашивал себя, как это такие тропические заросли могут существовать так близко от утопающих в снегу горных вершин?

Один раз на дорогу перед ними вышел могучий тигр. Он был добрых девять футов в длину и клыки у него были как кинжалы. Принцесса Созара, увидев его из паланкина, испуганно закричала. Азвэри быстро схватились за оружие, но тигр явно посчитал отряд чересчур сильным и исчез между деревьев так же стремительно и бесшумно, как и появился.

Немного спустя земля заколебалась под тяжелой поступью. С громким сопением сквозь рододендроновые заросли прорвался огромный зверь и остановился на дороге перед ними. Он был серым, с округлыми боками, как выветренный валун, и напоминал гигантскую свинью с толстыми складками жира на холке. Из его морды торчал креп-

кий, немного притупленный и слегка загнутый назад рог длиной около фута. Он тупо смотрел на людей своими маленькими пороссячьими глазками, потом снова засопел и исчез в кустах.

— Носорог, — сказал Юма. — У нас в Купе тоже водятся такие твари.

Наконец, джунгли расступились перед огромным озером, которое Конан уже видел со склона горы. Некоторое время они шли по берегу этого неизвестного водоема, который азвэри называли Сумеро Тсо. Возле одной из бухт поднимались стены, купола и шпили города, построенного из розоватого камня, который добывали возле лугов и рисовых полей, между озером и джунглями.

— *Шамбалла!* — крикнул командир азвэри. Его воины тут же слезли с седел, опустились на колени, прижимаясь лбами к влажной земле. Конан и Юма бросали на город удивленные взгляды.

— Здесь жить боги! — сказал командир. — Теперь вам поспешать! Если прийти поздно, вас содрать живьем кожа! Живо! Живо!

Город черепов

Бронзовые городские ворота, покрытые толстым слоем патины, были сделаны в форме гигантского человеческого черепа с рогами. Квадратные окна, забранные над порталом решетками, занимали место глазниц, а зубцы подъемной решетки скалились, словно зубы. Предводитель отряда маленьких воинов поднес к губам изогнутый бронзовый рог, и в ответ на сигнал решетка поднялась. Они вступили в незнакомый город.

Все здесь было построено из розоватого камня. Архитектура казалась вычурной и перегруженной украшениями — скульптурами и фризами, назойливо повторявшимися изображениями демонов, чудовищ и многоруких божеств. Гигантские лица, искаженные гримасами, вырезанные из розового камня, смотрели со стен высоких башен, которые многоступенчатыми уступами поднимались в небо, с каждым уступом становясь все уже и уже.

Куда бы Конан ни бросил взгляд, всюду видел скульптуры и рельефы, выполненные в форме черепов. Они висели над воротами. Они свисали золотой цепью со смуглых шей мерувийцев, единственной одеждой которых — и женщин, и мужчин — были короткие юбки. Они украшали щиты стражников у ворот и их бронзовые шлемы.

Отряд шел по широким улицам этого фантастического города. Полуобнаженные мерувийцы уступали им дорогу и лишь изредка осторожно косились на них, не позволяя себе выказывать откровенного любопытства по отношению к могучим пленникам и паланкину с принцессой. В толпе полуголых горожан, как красные тени, двигались жрецы с выбритыми головами, в просторных одеяниях из полупрозрачного алого шелка.

Среди деревьев, покрытых красными, голубыми и золотыми цветами, возвышался королевский дворец. Он был построен в форме гигантского конуса или шпиля, который становился все тоньше по мере удаления от низкого круглого фундамента. Он был полностью построен из красного камня. Круглые стены башни поднимались ввысь, закрученные в спираль, так что она напоминала удивительную коническую раковину. На каждом камне, из которого была сложена эта спиралевидная башня, было высечено изображение черепа, так что создавалось впечатление, будто вся эта гигантская конструкция сложена из множества человеческих черепов. Созара не сумела подавить дрожь при виде этого жуткого произведения искусства, а Конан сердито стиснул зубы.

Они прошли еще через одни ворота, сделанные в форме черепов, миновали коридор с массивными стенами и огромные залы, пока не очутились в тронном зале царствующего бога. Азвэри, покрытые дорожной пылью и кровью ран, остались снаружи, а троих пленников подвели к трону несколько солдат гвардии в позолоченных доспехах. Каждый из них был вооружен богато украшенной алебардой.

Трон, стоящий на пьедестале из черного мрамора, был высечен из цельного куска большого жадеита и сделан так, словно он состоял из цепей и нитей, на которые были наизаны бесчисленные черепа. На этом зеленоватом троне смерти восседал полубожественный монарх, который и велел доставить троих пленников в этот незнакомый им мир.

Несмотря на всю серьезность своего положения, Конан не смог окончательно подавить ухмылки, потому что Римпоче Джалунг Тхонгпа оказался очень маленьким и очень жирным человечком с тонкими кривыми ножками, которые едва достигали до ступеньки пьедестала. Его мощный живот охватывала широкая лента из золотой ткани, сверкавшей драгоценными камнями. Обнаженные руки, колыхавшиеся от жира, были перетянуты десятками золотых обручей, а золотые кольца с огромными камнями сверкали и переливались на жирных пальцах.

Лысая голова на этом бесформенном теле была невероятно безобразна — с отвисшими щеками, мокрыми губами

и узкими желтыми зубами. Остроконечный плем (или нечто вроде короны) из массивного золота, плотно усаженный светящимися рубинами, вероятно, должен был украшать эту голову, однако символ власти слишком очевидно давил на череп и причинял племоносцу дополнительные муки.

Когда Конан поближе рассмотрел царствующего бога, ему бросились в глаза некоторые особенности облика Джалунга Тхонгпа. Половина его лица казалась безвольной, и глаз на этой стороне был пустым и подернутым дымкой, в то время как второй глаз был ясным, и в нем таился злобный и острый ум.

Здоровый глаз Римпоче уставился на Созару, даже не зацепив по дороге обоих огромных воинов, сопровождавших ее. Возле трона стоял высокий худощавый человек в багряном одеянии мерувийского жреца. Волосы на его голове были выбриты, а холодные зеленые глаза с ледяным презрением взирали на эту сцену. К нему и обратился царствующий бог, заговорив с ним квакающим голосом. Из отдельных обрывков мерувийского языка, которые Конан успел подхватить по дороге от азвэри, он уловил, что рослый жрец был верховным чародеем короля, Великим Шаманом Танзонгом Тенгри.

Все из тех же отрывков беседы Конан сумел понять, что шаман увидел с помощью своей магии отряд, который сопровождал принцессу Созару к ее куйгарскому жениху, и сообщил об этом царствующему богу. Джалунг Тхонгпа воспылал вожделением к стройной туранской девушке и послал всадников-азвэри, чтобы они доставили ее в его гарем.

Большого Конану знать и не потребовалось. Семь дней плена сделали его угрюмым и злобным. Он стоптал ноги до ран, и его нервы были напряжены до предела.

Оба стража с каждой стороны почтительно повернулись к трону, опустив глаза и обратив все свое внимание на Римпоче — ведь царствующий бог в любой момент мог отдать им приказ. Конан схватил свою цепь руками. Она была слишком крепкой, чтобы можно было порвать ее простой грубой силой, он это уже пытался делать в первые дни своего плена — и безуспешно.

Он спокойно свел запястья, так что цепь свесилась с них петлей длиной в фут. Затем внезапно повернулся к левому из стражников и замахнулся цепями, целясь ему в голову. Цепь просвистела, как кнут, и ударила гвардейца в лицо, так что он отшатнулся с разбитым носом, залитый кровью.

При первом же резком движении Конана второй солдат быстро повернулся к нему и опустил острие своей алебарды. Но прежде чем он закончил этот маневр, Конан обрушил петлю на острие алебарды и вырвал ее из рук солдата.

Удар тяжелой цепи отбросил назад и второго солдата с окровавленным ртом и выбитыми зубами. Ноги Конана были скованы чересчур близко, чтобы он мог сделать нормальный шаг. Но это не помешало ему передвигаться, прыгая, как лягушка, обеими ногами одновременно. Два огромных нелепых прыжка — и он стоит возле трона, и его лапищи уже вцепились в жирное горло маленького, пускающего слюни царствующего бога на его троне из черепов. Здоровый глаз Римпоче, полный ужаса, начал вылезать из орбиты, лицо посинело, когда пальцы Конана сдавили его горло.

Стражи и придворные взволнованно забегали вокруг и начали заикаться, охваченные паникой, или же замерли, окаменев от ужаса перед этим чужеземным гигантом, который осмелился поднять руку на их бога.

— Одно лишнее движение, и я раздавлю эту жирную жабу, — предупредил Конан.

Единственным из всех, кто находился в большом зале, не высказав ни паники, ни удивления только Великий Шаман, когда молодой великан так неожиданно взял ситуацию в свои руки. На безупречном гирканском он спросил:

— Твои требования, варвар?

— Освободите девушку и этого черного парня, дайте нам лошадей, и мы покинем вашу проклятую долину навсегда. Если вы нам откажете или попытаетесь нас обмануть, я размажу вашего малютку-короля, как манную кашу.

Шаман кивнул. Его зеленые глаза на неподвижном, словно маска с шафраново-желтой кожей, лице, были холодными как лед. Повелительным жестом он поднял свой резной посох из эбенового дерева.

— Освободите принцессу Созару и чернокожего пленника! — распорядился он спокойно. Слуги с бледными лицами и испуганными глазами поспешили выполнить его приказание. Юма заворчал и потер запястья. Принцесса рядом с ним дрожала. Конан, держа перед собой бесформенную тушу короля, приготовился спускаться по ступенькам.

— Конан! — взревел Юма. — Осторожно!

Киммериец резко повернулся, но было уже поздно. Еще в тот момент, когда он подходил к краю пьедестала, Великий Шаман уже начал действовать. Стремительно, как змея пустыни, просвистел по воздуху посох из эбенового дерева и легонько задел плечо Конана — там, где сквозь дыру в его рваной одежде виднелась обнаженная кожа. Конан хотел прыгнуть на своего противника, но не смог этого сделать. Он был оглушен, отравлен, словно ядом змеи; пелена застилала его глаза, голова внезапно стала чересчур тяжелой и свесилась на грудь. Он бессильно рухнул на пол. Полуза-

душенный царствующий бог освободился из железной хватки его пальцев.

Последнее, что слышал Конан, был яростный рык черного великана, когда множество смуглых тел навалилось на него, и он был брошен на пол.

Кровавый корабль

Прежде всего было жарко и душно. Спертый воздух вполне можно было резать ножом — так он сгустился, перенасыщенный запахами и испарениями тел, плотно набитых в это подполье. Двадцать или даже больше обнаженных людей были засунуты в грязную дыру, выложенную со всех сторон каменными блоками весом в тонну. Большинство заключенных были маленькие смуглые мерувийцы, лежавшие бессильно и равнодушно. Кроме того, была здесь горстка приземистых узкоглазых воинов азвэри, которые охраняли священную долину, два горбоносых гирканца, Конан-киммериец и его огромный черный товарищ Юма. Когда Великий Шаман отправил Конана в царство грез и забвения, бросив в него свой посох, а численное преимущество стражников пересилило мощь Юмы, разгневанный до глубины души Римпоче потребовал для обоих высшей меры.

В Шамбалле, однако, высшей мерой наказания была не смерть, которая, по верованиям мерувийцев, означала всего лишь освобождение души для ее последующего воплощения. Рабство — вот что они считали намного более страшным, потому что оно отнимало у человека его достоинство и волю. Так что они были приговорены провести остаток своего земного бытия в неволе.

Когда Конан думал об этом, он глухо рычал, и глаза его горели, как тлеющие угли, на сожженном солнцем лице сквозь спутанную гриву черных волос. Юма, лежавший рядом с ним в цепях, чувствовал бессильную ярость Конана и только усмехался. Варвар злобно смотрел на своего товарища. Иногда непоколебимо хорошее настроение Юмы пробирало его до костей. Для киммерийца, рожденного на свободе, рабство было действительно непереносимой мукой, в то время как для кушита в этом не было ничего нового. Когда Юма был мальчишкой, охотники за рабами вырвали его из рук матери и пригнали на рынок в Шем сквозь жаркие джунгли. Какое-то время он работал на плантации, но впоследствии, когда он стал сильным, был продан на арены Аргоса уже в качестве гладиатора.

Юма получил свободу за свои многочисленные победы на гладиаторских играх, когда король Мило Аргосский

праздновал триумф по поводу сокрушения короля Фердруги Зингарского. Одно время Юма перебивался кражами и случайным заработком в различных хайборейских странах. Потом его занесло в Туран, где могучее сложение и богатый опыт в битвах быстро привели его в ряды наемников короля Илдиза.

Там он и познакомился с юношей по имени Конан. Они с киммерийцем сразу нашли общий язык. Оба они были выше ростом, чем все остальные, оба были родом из далеких, чужих стран, и оба — единственные из своего народа среди туранцев. Дружба завела их в подвалы Шамбаллы, а скоро выведет на рынок навстречу очередному унижению. Им придется стоять раздетыми под палящим солнцем, любопытствующие покупатели будут их ощупывать, а торговцы — расхваливать их силу.

Дни тянулись так медленно, как искалеченная змея, с трудом волочащая свое тело по раскаленным пескам. Конан, Юма и остальные спали, валялись на камнях, ели рис, который стражники скупно насыпали им в маленькие деревянные миски. Иногда они ругались между собой, но без особого воодушевления.

Конану хотелось бы побольше узнать об этих мерувийцах, потому что, как бы далеко ни заводили его странствия, он никогда еще прежде не встречал людей, подобных им. Они жили в этой необычной долине точно так, как жили здесь их предки еще с начала времен. У них не было никаких сношений с внешним миром, да они и не желали этого.

Конан подружился с одним мерувийцем по имени Ташуданг, от которого и перенял мерувийский язык, как сумел. Когда киммериец стал помогать, почему они называют своего короля богом, Ташуданг ответил, что король живет вот уже десять тысяч лет, и дух его рождается вновь и вновь в темнице смертной оболочки. Конан не стал бы безоговорочно верить подобному объяснению, потому что знал — подобную ложь о себе распространяют короли и других держав. Однако счел за лучшее придержать свое мнение при себе.

Когда Ташуданг заговорил о том, как угнетают народ король и его шаманы — скорее с покорностью судьбе, чем возмущенно, — Конан спросил:

— Так чего ж вы не объединитесь и не сбросите эту шайку в Сумеро Тсо, а потом не установите собственное правление на благо людей? В моей стране мы поступили бы именно так, если бы кто-нибудь взялся бы нас тиранить.

Ташуданг посмотрел на него испуганно.

— Ты не ведаешь, что говоришь, чужеземец! Много лет назад — так рассказывают жрецы — эта страна лежала на-

много выше, чем теперь. Она простиралась от вершин Гималеев к вершинам гор Талакмы, — огромная, покрытая снегом равнина, над которой носился ледяной ветер. «Крыша мира» — называли ее. И тогда Яма, Повелитель Драконов, решил создать эту долину для нас, для избранного им народа. Его могучие чары опустили эту страну. Земля заколебалась под ударами громов, раскаленная лава хлынула из трещин земли. Раскалывались горы, и леса выгорали дотла. Но миновало и это — и вот долина лежит между двух горных цепей, там, где ты видишь ее и сегодня. Когда страна опустилась, изменился ее климат. Здесь стало тепло, появились растения и животные тропиков. Тогда Яма сотворил первых мерувийцев и передал им эту долину, чтобы они могли жить здесь вечно и во все времена. И еще он создал шаманов, чтобы они управляли страной и наставляли народ.

Иногда случается так, что шаманы забывают о своем долге. Они угнетают и обирают нас, словно они — не простые смертные, терзаемые грехом алчности. Но мы, как повелел нам Яма, продолжаем повиноваться им и в этом случае, потому что, если мы не будем этого делать, он снова разбудит великие чары, и наша долина вновь будет поднята вверх и превратится в ледяную пустыню. Так что мы должны терпеть, сносить безропотно все, что с нами происходит. И поэтому мы никогда не отважимся подняться на них.

— Ну, — проворчал Конан, — если эта маленькая грязная жаба воплощает ваши представления о божестве...

— Нет! — отчаянно крикнул Ташуданг. Белки его глаз сверкнули в темноте, и Конан кожей ощутил страх. — Не говори о нем так! Он единокровный сын Ямы! Если он позовет своего отца, тот *п р и д е т*!

Ташуданг спрятал лицо в ладонях, и в этот день Конану не удалось больше вытянуть из него ни слова.

Мерувийцы были своеобразным народом, наделенным необычайным равнодушием — усталый фатализм владел ими, он заставлял их терпеливо принимать все удары судьбы как определенные предначертания воли их жестокого бога. Любое неповиновение своему жребию (в этом они были убеждены) будет сурово наказано — если не сразу же, то в последующем рождении.

Было не так-то просто получать от них нужные сведения, но молодой киммериец не опускал рук. Во-первых, это помогло сделать бесконечные дни в неволе более сносными; во-вторых, он не намеревался оставаться в своем теперешнем положении надолго, а все, что он сможет узнать об этом таинственном королевстве и его странном народе, наверняка

им очень пригодится, когда они с Юмой попытаются вернуть себе свободу. Кроме того, он знал, как важно владеть языком чужой страны, если ты хочешь там ориентироваться. Несмотря на то, что Конан не отличался особой страстью к познаниям, он перенимал чужие языки без особого напряжения. Он знал уже немало их и на некоторых даже умел немного читать.

Наконец, пришел тот решающий день, когда надсмотрщики в черных кожаных плащах появились среди рабов и выгнали их наверх свистящими ударами бичей.

— А сейчас, — с издевкой сказал один из них, — мы и поглядим, сколько отвалит князь Священной Земли за твой бесформенный труп, ты, свинья-инородец!

Его бич опустился на спину Конана и оставил кровавую полосу.

Гораздо хуже, чем удары бичей, Конан переносил пылающее солнце, под лучи которого его внезапно выволокли. После долгих дней, проведенных в темноте, его ослепил бы даже обыкновенный дневной свет, и он почти ничего не соображал. Что-то происходило. Кто-то купил его на аукционе и погнал по широкой доске на палубу большой галеры, стоявшей у каменной набережной Шамбаллы. Он жмурился от ослепительно яркого солнца и тихо ругался про себя. Стало быть, вот на что он теперь обречен — гибнуть над веслом, пока смерть не принесет ему избавления.

— Вниз, вниз, в брюхо корабля! Живо, псы! — рявкнул надсмотрщик и ударил Конана тыльной стороной ладони под подбородок. — Только дети Ямы имеют право находиться на палубе!

Киммериец действовал инстинктивно, по своему обыкновению, долго не раздумывая. Он тут же ударил толстого надсмотрщика в бочкообразный живот своим могучим кулаком. Пока тот глотал воздух, Конан добавил удар в челюсть, так что надсмотрщик растянулся на досках. Юма взвыл от восторга и попытался пробиться вперед, чтобы встать рядом с Конаном.

Офицер охраны корабля уже отдал приказ. Острия дюжины пик в руках маленьких мерувийских моряков уперлись в Конана. Угрожающее рычание вырвалось из глотки киммерийца, окруженного со всех сторон. Немного позже ему все-таки удалось подавить свою ярость, потому что ему стало ясно, что дальнейшее проявление враждебности с его стороны будет означать немедленную смерть.

Ведро воды привело надсмотрщика в чувство. Отфыркиваясь, как морж, он тяжело поднялся. Вода стекала по его разбитому лицу и жидкой бородачке. Полный жгучей нена-

висти, которая превращалась в ледяную, расчетливую злобу, он уставился на Конана.

Офицер обратился к своим людям:

— Уберите этого...

Но надсмотрщик остановил его.

— Нет, не убивайте его. Смерть — слишком милосердное наказание для этой собаки. Прежде чем я с ним покончу, он еще поваляется у меня в ногах, умоляя прекратить его мучения.

— Ладно, Гортангпо, — согласился офицер.

Надсмотрщик обвел взглядом гребную палубу и около сотни обнаженных смуглых людей опустили глаза. Они долго голодали и сейчас были похожи на скелеты. Их согнутые спины были исполосованы шрамами. По каждому борту галера имела лишь один ряд весел. На одних веслах сидели по два гребца, на других по три — в зависимости от их состояния. Надсмотрщик указал на весло примерно в середине ряда, к которому были прикованы три седых человека, исхудавших, как смерть.

— Его — на это весло! А три живых трупа уже отработали свое, от них нет никакой пользы. Убрать их! Этому парню из чужой страны нужно много места, чтобы выпрямлять руки, так что освободите ему банку. А если он не будет держать такт, я поближе познакомлю его со своим бичом!

Пока Конан, сжав зубы, смотрел, моряки сняли железные кандалы с трех стариков, и цепи, которые приковывали их к веслу, упали с лязгом на палубу. Трое гребцов закричали от страха, когда мускулистые руки быстро вышвырнули их за борт. С сильным плеском они упали в воду и исчезли. Только пузыри, поднимавшиеся некоторое время на поверхность воды, еще напоминали о них.

Конан был прикован к веслу — ему предстояло работать за троих. Когда его усаживали на грязную банку, надсмотрщик свирепо сказал:

— А вот теперь поглядим, как тебе понравится это весло, малыш. Будешь грести, грести и грести, пока тебе не покажется, что спина твоя вот-вот треснет — и все-таки ты будешь грести, еще и еще! И каждый раз, когда ты отстанешь или пропустишь удар, я напомню тебе о твоём долге вот чем!

Бич взвился в небо и со свистом опустился на плечи Конана. Боль была так сильна, словно его обожгло раскаленное железо. Но варвар не позволил ни одному мускулу своего лица дрогнуть. Если поглядеть на него, так он вообще ничего не почувствовал, так хорошо он умел владеть собой.

Надсмотрщик заскрежетал зубами от разочарования и снова взмахнул бичом. На этот раз Конан слегка дернул

уголком рта, но глаза его по-прежнему смотрели невозмутимо и холодно. Свистнул третий удар, четвертый. Пот выступил на лбу киммерийца, и жгучие капли потекли на глаза, когда кровь заструилась по его спине. Но он по-прежнему не хотел показывать боль.

Он услышал шепот Юмы:

— Конан, держись!

Капитан приказал отчаливать. Разочарованный надсмотрщик вынужден был отказаться от удовольствия полностью измочалить спину Конана.

Моряки отшвартовались и оттолкнули галеру от набережной длинными шестами. Позади гребных скамей, на возвышении, сидел в тени обнаженный мерувиец с огромным барабаном. Когда корабль отчалил, он поднял деревянную колотушку и принялся стучать. При каждом ударе рабы сгибались над планками весел, поднимали весла и отключались назад, пока их тяжесть не прижимала их к банкам, затем опускали лопасти в воду — и все повторялось сначала. Конан быстро вошел в ритм, как и Юма, который был прикован к веслу позади него.

Конан никогда еще не бывал на корабле. Пока он греб, он осматривался по сторонам, разглядывал гребцов с их неподвижными глазами и исполосованными спинами, сидевших на скользких банках, вымазанных их собственными испражнениями, среди отвратительного запаха. С гребной палубы галера казалась низкой, борта поднимались над водой всего на несколько футов. Нос, где размещались моряки, как и корма, украшенная позолоченной резьбой, где располагались офицерские каюты, были намного выше над уровнем воды. Посреди палубы находилась одна мачта. Рей и свернутый треугольный парус лежали на планке над гребной палубой.

Когда галера вышла из гавани, матросы, распелая, подняли парус. Золотисто-пурпурный, полосатый, он с шумом выпрямился, наполняясь ветром. Вскоре они поймали попутный ветер, и гребцы получили возможность немного отдохнуть.

Конану бросилось в глаза, что галера была построена из дерева, которое не то от природы, не то благодаря обработке имело красный цвет. Он прикрыл глаза, спасаясь от ослепительного света. Корабль выглядел так, словно он был выкрашен кровью. И тут снова просвистел бич над его головой, и надсмотрщик рявкнул:

— Берись за весло, ленивая свинья!

Удар оставил широкую полосу на его спине. «Это и впрямь кровавый корабль», — подумал Конан. Его окрасила кровь рабов.

Семь дней Конан и Юма истекали потом, склоняясь над веслами красной галеры, пока она обходила побережье Су-меро Тсо, по ночам приставая к каждому из семи священных городов Меру — Шондокару, Тхонгаре, Аузакии, Исседону, Палиане, Троане и, наконец, когда круг был завершен, снова к Шамбалле. Несмотря на то, что киммериец и кушит были сильными парнями, немного времени прошло с тех пор, как непрерывное вкалывание привело их почти на грань истощения, и их мускулы больше не могли выносить напряжения. Но неустанный бой барабана и свистящие удары бича не оставляли их в покое.

Один раз в день матросы доставали ведра с холодной, противно пахнущей водой и выливали их на изможденных рабов, и один раз в день, когда солнце стояло в зените, они получали миску риса и ковшик воды. По ночам они спали прямо на своих веслах. Бесконечная изнурительная работа отнимала у гребцов всякую волю, принижала их до уровня бездушных автоматов.

Это сломало бы мужество любого — но не такого человека, как Конан. Молодой киммериец не поддавался уничтожающему бремени судьбы, как это делали апатичные мерувииды. Бесконечная каторжная работа, зверское обращение, необходимость удовлетворять все свои потребности прикованным к склизкой скамье — все это не сломило его волю, как то произошло с другими. Наоборот. Это еще ярче разожгло в нем огонь.

Когда корабль вернулся назад, в Шамбаллу, и бросил якорь в ее большой гавани, терпение Конана было уже на исходе. Было темно и тихо. Узкий серп прибывающей луны низко висел на западном небосклоне, отбрасывая слабый, обманчивый свет. Он скоро должен был зайти. Такую луну в западных странах называли «луной авантюристов», «воровским счастьем», потому что именно такие ночи использовали уличные грабители, воры и наемные убийцы для занятий своими темными делишками. Склонившись над веслами, Конан и Юма притворялись спящими, но на самом деле они с несколькими другими рабами замыслили побег.

Рабы на галере не носили ножных кандалов. С железных обручей на запястьях опускались цепи, соединенные с кольцами, свободно бегающими по древку весла. На том конце весла, который вставлялся в отверстие на борту галеры, это кольцо запиралось на замок, а с внутренней стороны — упором или плоским тяжелым свинцовым диском. Этот диск, закрепленный на конце весла железным штырем, служил

противовесом лопасти весла. Конан сто раз уже пытался порвать цепи, но даже его сверхчеловеческих сил, которые лишь возросли за семь дней гребли, не хватало на то, чтобы их разорвать. Несмотря на неудачу, он пытался расшевелить остальных рабов громким шепотом.

— Если бы нам удалось заманить Гортангпо к нам поближе, — говорил он, — мы разодрали бы его на куски зубами и ногтями. У него ключи от наших цепей. Конечно, матросы убьют некоторых из нас, пока мы будем освобождаться, но как только мы снимем цепи, у них не останется шансов, ведь нас в пять-шесть раз больше...

— Не говори об этом! — прошептал ближайший к нему мерувиец. — Даже не думай!

— Тебе что, неинтересно? — удивился Конан.

— Нет. От одной только мысли о подобных вещах у меня подгибаются колени.

— И у меня, — добавил второй. — Невзгоды, которые мы принуждены сейчас терпеть, посланы нам богами. Это справедливая кара за грехи, совершенные в прошлой жизни. Борьба с этим — не только бессмыслица, но и непростительное кощунство. Я прошу тебя, варвар, прекрати свои нечестивые речи и следуй своему жребию с подобающим смирением!

Такой взгляд на вещи был противен самому существу Конана. Да и Юма не был человеком, который безропотно подчинился бы подобной участи. Но мерувицы не хотели их слушать. Даже Ташуданг, который был для мерувица необыкновенно разговорчив и дружелюбен, умолял Конана ничего не предпринимать такого, что могло бы ввести в гнев надсмотрщика Гортангпо или навлечь на них еще худшее наказание богов.

Отчаянные попытки варвара переспорить их были прерваны хлопками бича. Привлеченный бормотанием, Гортангпо подобрался в темноте к планке, проложенной над гребной палубой над головами гребцов. Из нескольких слов, произнесенных шепотом, он уловил, что здесь планируется бунт. Его бич со свистом опустился на плечи Конана.

Это было больше, чем варвар мог сейчас вынести. Молниеносным движением он вскочил на ноги, схватился за конец бича и вырвал орудие пытки из рук Гортангпо. Надсмотрщик принялся звать матросов.

Конан все никак не мог сорвать с весла железное кольцо. В отчаянии он набрел на одну идею. Конструкция ограничивала движение весла по вертикали на высоту около пяти футов над гребной палубой. Он поднял конец весла так высоко, как только мог, забрался на банку, присел на корточки и подsunул плечи под весло. Потом выпрямился и изо всех

сил надавил на весло. Оно сломалось с громким треском. Конан ловко сорвал кольцо со сломанного края. Теперь у него действительно было оружие — огромный шест в девять футов длиной, с десятифунтовым свинцовым диском на конце.

Первый удар Конана пришелся в висок надсмотрщика, у которого глаза вылезли из орбит. Череп Гортангпо треснул, как перезрелая дыня, и кровь брызнула на скамью. Затем Конан выбрался наверх, готовясь встретить бегущих на него матросов. Толстые смуглые мерувицы испуганно скорчились в трюме и жалобно принялись молиться своим демоническим богам. Юма последовал примеру Конана и тоже сломал свое весло, чтобы снять кольцо.

Матросы тоже были мерувицами, изнеженными, ленивыми и фаталистичными. Им никогда еще не приходилось уберегать свою шкуру от восставших рабов — они вообще не считали, что подобное кощунство возможно. И уж меньше всего предполагали они, что им когда-либо придется иметь дело с юным великаном, покрытым железными мышцами и вооруженным опасным девятифутовым шестом. И тем не менее они отважно приближались, несмотря на то, что ширина планки позволяла им подходить к киммерийцу только по двое.

Конан не стал ждать, пока они подойдут вплотную. Он пошел им навстречу, яростно раскручивая свой шест. Первый удар сбросил с планки в трюм одного из матросов со сломанной правой рукой. Второй раскроил другому матросу череп. Пика уперлась Конану в обнаженную грудь. Он выбил ее из рук воина и следующим ударом шеста смахнул сразу двоих — одному из них он при этом переломал ребра, а второй рухнул, когда первый налетел на него.

И вот уже Юма стоит рядом с киммерийцем. Обнаженная грудь кушита блестела при слабом свете луны, как эбеновое дерево, смазанное маслом. Обломок его весла подкосил наступающих мерувицев, как косой. Матросы, отнюдь не подготовленные к сражениям с двумя такими великанами, показали пятки и удрали на корму, где капитан, вырванный из сладких объятий сна, давал им противоречивые указания.

Конан наклонился над трупом Гортангпо и обыскал его. Он быстро нашел ключи и открыл сперва свои кандалы, а потом кандалы Юмы.

Запела тетива, и стрела просвистела возле головы Конана и вонзилась в мачту. Оба уже освободившихся гребца не видели теперь никакого смысла в том, чтобы продолжать борьбу. Они прыгнули с планки и протолкались мимо перепуганных рабов к борту, перелезли через него и окунулись

в темную воду гавани Шамбаллы. Моряки послали им вслед несколько стрел, но в сумрачном свете заходящей луны они не видели беглецов и могли стрелять, полагаясь только на удачу.

Роковой тоннель

Мокрые с головы до ног, два обнаженных человека выбрались из озера и начали вглядываться в темноту. Они плыли, как им показалось, несколько часов, чтобы попасть в город незамеченными. В конце концов они нашли решетку одного из сточных каналов. Юма все еще не расстался с древком сломанного весла, в то время как Конан бросил свое на корабле. То и дело слабое мерцание света с улицы попадало в тоннель сквозь решетку, но оно ни в малейшей степени не рассеивало темноту. Так что они брели в абсолютном мраке по грязной воде в поисках выхода из этой сети каналов.

Огромные крысы пищали и разбегались при их приближении. То и дело беглецы видели, как их глазки сверкают в темноте. Одна из самых крупных укусила Конана за ногу, но он успел схватить ее, сломать в своей крепкой лапнице и швырнуть тушку в немногих более отважных ее собратьев, которые тут же с писком набросились на нее и принялись драться вокруг изысканного лакомства. Конан и Юма поспешили по каналу, который постепенно поднимался вверх.

Наконец, Юма обнаружил потайной ход. В темноте он вел рукой вдоль стены и при этом случайно надавил на спрятанный там механизм. Он изумленно кашлянул, когда массивный квадрат стены скользнул в сторону. Несмотря на то, что ни он, ни Конан понятия не имели, конечно, куда приведет их этот новый коридор, они решили идти по нему, тем более, что он поднимался наверх, к мостовой.

После длительного восхождения они, в конце концов, оказались у двери. Они ощупывали ее в абсолютной темноте, пока Конан не обнаружил замок, который тотчас сорвал. Дверь раскрылась со скрежетом проржавевших петель. Оба вошли — и остановились, как вкопанные.

Они находились на богато украшенном балконе, среди бесчисленных статуй богов и демонов, в огромном храме. Его стены поднимались ввысь и венчались октагональным куполом. Конан припомнил, что подобный купол он уже видел — тот возвышался над более низкими зданиями города. Однако за время своего плена Конан так и не выяснил, что же скрывается под этим куполом.

Под ними, у стены восьмиугольного пола, находился постамент из черного мрамора. Статуя, стоявшая на нем, была обращена к алтарю в центре храма. Она была больше, чем все прочие в этом огромном зале. Конан прикинул ее высоту — футов тридцать. Бедрa статуи приходились как раз на высоту балкона. Совершенно очевидно, это было изображение божества, изваянное из зеленого камня, который выглядел, как жад — однако трудно было предположить, что вообще может существовать кусок жада таких размеров. У статуи было шесть рук. Глаза, мрачно глядящие с зеленого лица, были сделаны из громадных рубинов.

Напротив статуи, за алтарем, стоял трон из резных чрепов, похожий на тот, что был во дворце царствующего бога, только поменьше. На нем восседал жабоподобный владыка Меру.

Когда Конан перевел взгляд с головы идола на монарха, ему показалось, что между обоими существует отвратительное сходство. Его пробрала дрожь, когда он подумал о том, какие невероятные тайны Вселенной может таить в себе это сходство.

Римпоче был погружен в ритуал. Шаманы в багряных одеждах стояли на коленях вокруг трона и алтаря. Они нараспев читали — вероятно, древние молитвы и заклинания. Вдоль стен рядами сидели мерувицы, скрестив ноги на мраморных плитах. Судя по дорогим камням и роскошным, хотя и не слишком обильным одеждам, это были знатные и богатые люди королевства. Над их головами в настенных держателях коптели и дымили сотни факелов. На полу, в квадрате возле алтаря стояли четыре чаши, наполненные маслом, которое горело золотистым огнем. Пламя колебалось, как от ветра.

На алтаре между тронem и колоссальной статуей лежала стройная белая девушка, прикованная к алтарю золотыми цепями. Это была Созара.

Глухое рычание вырвалось из горла Конана. Его глаза загорелись синим огнем, когда он уставился на ненавистного короля Джалунга Тхонгпа и его Великого Шамана, чародея и жреца Танзона Тенгри.

— Ну что, испортим им бал-маскарад? — прошептал Юма, и его белые зубы сверкнули в темноте. Киммериец пробурчал нечто, означающее согласие.

Это был праздник Новой Луны, и царствующий бог брал себе в жены дочь туранского короля, которая лежала сейчас на алтаре перед многорукой статуей Великого Пса Смерти и Ужаса, божественного демона Ямы. Церемония протекала согласно древним ритуалам, которые были описаны еще в священных текстах бога смерти. Божественный монарх Ме-

ру безвольно покоился на своем троне из черепов и, пока шаманы погружались в свои древние молитвы, ждал, довольный, публичного соединения с длинноногой стройной туранской девушкой.

Внезапно ритуал был прерван самым кощунственным образом. Два голых великана спрыгнули на мраморный пол буквально из Ничего — один — героическая фигура из ожившей бронзы, второй — темная угроза, вырезанная из эбенового дерева. Шаманы замерли посреди молитвы, когда эти два завывающих дьявола приземлились среди них.

Конан схватил одну из огненных чаш и запустил ею в толпу одетых в алое шаманов. Панически визжа и крича от боли, они разбежались во все стороны, в то время как пламя горящего масла охватило их алые одежды и превратило людей в живые факелы. Киммериец поспешно схватил остальные три огненные чаши, так что суматоха стала еще сильнее и огонь распространился еще дальше.

Юма подскочил к пьедесталу, на котором сидел король и смотрел единственным своим здоровым глазом, полным страха и смятения. Великий Шаман попытался повергнуть Юму на мраморные ступени своим магическим посохом, но у черного великана все еще было в руках сломанное весло, и он нанес удар с невероятной силой. Эбеновое дерево разлетелось в мелкие щепки. Второй удар пришелся по самому чародею и отшвырнул его, разбитого и умирающего, в хаос мечущихся, кричащих, горящих шаманов.

Король Джалунг Тхонгпа должен был стать следующим. Ухмыляясь, Юма взбежал по ступенькам. Но маленький бог уже не сидел, скорчившись, на троне. Он стоял на коленях перед статуей и моляще поднимал руки, визжа и выкулывая мольбу.

Почти в тот же миг Конан добрался до алтаря и склонился над дрожащей, растерянной девушкой. Тонких золотых цепей было вполне достаточно, чтобы удерживать ее, но они не были настолько прочными, чтобы устоять против силы варвара. Он уперся ногами в пол и вырвал конец цепочки из кольца в алтаре. Три остальных последовали за первым. Потом Конан взял всхлипывающую принцессу на руки и поднял ее. Он повернулся — и на них упала тень.

Он удивленно взглянул... и вдруг вспомнил, как говорил ему Ташуданг: «Если Он позовет своего отца, тот *p r i d e t!*»

Теперь ему стал ясен весь ужас, скрывающийся в этих словах. Высоко над ними в коптящем свете факелов на стенах двигались руки гигантского идола, изваянного из зеленого камня. Рубины, изображавшие его глаза, сверкали над людьми ясным, рассудочным огнем.

Когда оживает зеленый бог

Волосы встали дыбом у Конана на голове, и кровь застыла в жилах. Вскрикнув, Созара спрятала лицо у него на груди и обхватила руками его шею. На черном пьедестале, возле трона из черепов, застыл Юма. Белки его глаз сверкали. В нем проснулся необъяснимый страх его народа — народа джунглей — перед сверхъестественным. Ибо статуя проснулась к жизни!

Не в силах пошевелиться, они смотрели, как каменный зеленый идол со скрежетом поднял свою огромную ногу. С высоты тридцати футов на них свирепо смотрело мрачное лицо. Шесть рук дергались и выпрямлялись, как лапы огромного паука. Каменная фигура слегка передвинулась в сторону, смещая свой вес. Нога титана наступила на алтарь, на котором прежде лежала Созара. Мраморная глыба треснула и раскололась под многотонным весом ожившего зеленого камня.

— Кром! — выдохнул Конан. — Даже камень живет и двигается в этой стране безумия! Мы можем почитать за счастье, что он не задел нас ногой!

Он попытался вместе с Созарой перебраться в безопасное место, но за ними следом, не останавливаясь, хрустели и ломались камни. Статуя начала двигаться.

— Юма! — взревел Конан и дико посмотрел на кушита. Черный воин неподвижно сидел возле трона, на котором снова восседал маленький царствующий бог, указующий жирной рукой на Конана и девушку.

— Убей их, Яма! Убей их! Убей их! — хрипел он.

Многорукий каменный монстр остановился и начал осматриваться, пока его рубиновые глаза не замерли на Конане. Конана охватил первобытный варварский страх. Но как у многих варваров, как раз этот страх перед сверхъестественным и заставлял его бороться с тем, что его пугало. Он опустил девушку на пол и схватил мраморную скамью. Его мускулы, казалось, вот-вот лопнут от напряжения, но он сцепил зубы и шагнул к колоссу.

Юма закричал:

— Нет, Конан! Беги! Он видит тебя!

Теперь Конан уже добрался до гигантских ступеней шагающего идола. Каменные ноги поднимались перед ним, как колонны. От напряжения лицо киммерийца стало густо-красным. Он высоко занес над головой скамью и швырнул ее в жадеитовую ногу. Чудовищной силой она ударила о щиколотку каменного бога. Мрамор покрылся сетью трещин от одного конца скамьи до другого. Конан еще ближе подошел к каменной ноге, поднял новую скамью и опять

швырнул ее. На этот раз скамья разлетелась на дюжину осколков, но сама нога осталась невредимой, если не считать небольших сколов. Конан отскочил назад, когда статуя сделала к нему еще шаг.

— Конан! Осторожно!

Крик Юмы заставил его оглянуться. Зеленый гигант наклонился. Рубиновые глаза сверкнули, глядя в синие глаза Конана, и странно было ему смотреть в живые глаза бога. Они были бездонными, полными темноты и глубины, в которой взгляд человека терялся и бессильно тонул в красных зонах. И глубоко в этих кристаллических безднах притаилась холодная, нечеловеческая злоба. Взгляд бога поглотил взгляд молодого киммерийца, который почувствовал, как его медленно охватывает оцепенение. Он не мог больше ни двигаться, ни мыслить...

Несмотря на переполнявший его ужас перед необъяснимым, Юма взвыл от ярости. Он видел, как шесть титанических каменных рук опускаются к его другу, который смотрит на них, словно парализованный. Еще один шаг — и Яма доберется до киммерийца. Черный воин был слишком далеко от них обоих, чтобы напасть. В своем гневе он, не думая, схватил царствующего бога, который заверещал и принялся отчаянно отбиваться, и швырнул его в демонического отца мерувийских владык.

Джалунг Тхонгпа перевернулся в воздухе и ударился о мраморный мозаичный пол у ног идола. Дико и растерянно маленький монарх осмотрелся своим единственным глазом. Потом он ужасно закричал, когда одна из титанических ног опустилась на него.

В мраморном храме раздался треск ломающихся костей. Нога бога скользнула по плитам, оставляя за собой широкий кровавый след. Со скрежетом идол снова низко наклонился и потянулся к Конану.

Растопыренные каменные пальцы замерли в нескольких дюймах от киммерийца. Огонь рубиновых глаз потух. Гигантское тело с шестью руками и головой демона, которая еще мгновение назад была полна жизни, застыло и вновь превратилось в неподвижный камень.

Вероятно, смерть короля, который вызвал этого адского духа из темных глубин безымянных измерений, уничтожила чары, которые связывали Яму с этим идолом. А может быть, смерть короля освободила демоническое божество от его обязанностей по отношению к своему земному родичу — кто знает. Однако, что бы ни было причиной, в тот момент, когда Джалунг Тхонгпа испустил дух, статуя вновь стала неподвижным камнем.

Рухнуло и оцепенение, охватившее Конана. Все еще в

растерянности молодой киммериец потряс головой. Потом огляделся. Первое, в чем он удостоверился, было то, что принцесса Созара бросилась к нему, истерически всхлипывая. Его бронзовые от загара руки схватили ее. Он ощущал, как ее шелковистые волосы легонько щекочут ему шею, и новый огонь загорелся в его глазах. Он засмеялся, радуясь тому, что жив.

К нему подбежал Юма.

— Конан! Мы здесь одни. Все остальные либо удрали, либо мертвы. Мы наверняка найдем лошадей в стойле позади храма. Сейчас самое подходящее время исчезнуть из этого проклятого города.

— Клянусь Кромом! Я буду счастлив стряхнуть со своих ног пыль этой чертовой страны, — проворчал киммериец. Он сорвал плащ с мертвого Великого Шамана и завернул в него принцессу. Потом поднял девушку и понес ее из храма, ощущая тепло ее нежного гибкого тела.

Часом позже, когда им уже не нужно было бояться погони, он натянул поводья и внимательно изучил дорогу. Конан поглядел на звезды, подумал немного, потом показал направление:

— Туда!

Юма нахмурил лоб.

— На север?

— Ну да, в Гирканию. — Конан засмеялся. — Ты что, забыл уже, что мы должны доставить принцессу ее жениху?

Юма удивленно поднял брови. Он видел, как прелестные белые ручки Созары сжимались вокруг шеи его друга, с какой радостью она склоняла голову ему на плечо. К ее жениху? Он потряс головой. Ему никогда не понять этого киммерийца. Но он последовал за Конаном, и они направили коней к мощным отрогам гор Талакмы, которые лежали перед несчастной страной Меру, как крепостная стена, и отделяли ее от гирканских степей, по которым гуляют привольные ветры.

Месяцем позже они прибыли в лагерь Куюлы, Великого Хана куйгарских кочевников. Те, кто видели их во время бегства из Шамбаллы, вероятнее всего, сейчас уже не узнали бы их. В маленьком селении на южных склонах Талакмы они поменяли звенья золотой цепи, которые все еще качались на запястьях и щиколотках Созары, на теплую одежду, защитившую их от холода, царящего на перевалах, и жгучего ветра степей. На них теперь были меховые шапки, шерстяные плащи, просторные шаровары и крепкие сапоги.

Когда же они передали Созару ее чернобородому жениху, хан не поскупился на добрые слова и звонкую монету. И после пиршества в их честь, которое длилось несколько

дней, они, осыпанные с ног до головы золотом, двинулись в обратный путь, в Туран.

Оставив лагерь Куюлы далеко позади, Юма, наконец, заговорил со своим другом:

— Такая чудесная девушка. Я все не могу понять, почему ты не оставил ее себе? Она тоже была бы непрочь — ты пришелся ей по сердцу.

Конан усмехнулся.

— Ты не ошибся. Но я хочу еще многое увидеть и многое пережить, прежде чем обзаведусь семьей. Созара будет намного счастливее среди шелковых подушек и драгоценностей, которыми одарит ее Куюла, чем со мной — вечно в седле, мотаясь по степям и пустыням, то среди палящего зноя, то среди ледяного холода. А в пути вечно кто-нибудь встретится — не волки, так люди, которые мечтают вцепиться тебе в глотку. — Он рассмеялся от души. — Да и кроме того, законный наследник Великого Хана уже в пути, если можно так выразиться... хотя сам хан об этом еще не подозревает.

— А ты-то откуда это знаешь?

— Мне Созара признался незадолго до нашего отъезда.

От удивления Юма прищелкнул языком.

— Нет, никогда, никогда в жизни больше не буду дураком настолько, чтобы недооценить какого-нибудь киммерийца...

Пролог
КРОВАВОЕ ВИДЕНИЕ

За два часа до полуночи дочь зингарского короля Фердруго принцесса Хабела проснулась. Прикрытое тончайшей тканью ее тело дрожало как в лихорадке. Взгляд принцессы был устремлен в ночную мглу, сердце терзалось мрачными предчувствиями. За окном по крышам дворца барабанил дождь.

О чем же был этот сон, из страшных объятий которого душа принцессы едва смогла вырваться?

Теперь, когда это мрачное видение оставило ее, она с трудом могла припомнить его детали. Отчетливо помнился только мрак, в котором вдруг засверкали полные злобы глаза и заблистали клинки, и тут — тут все обгагрилось кровью. Кровь была повсюду — на простынях, на каменных плитах пола, она ползла из-под двери, — темная, липкая, густая кровь!

Хабела вздрогнула и стала озиаться по сторонам. Ее внимание привлекла свеча, горевшая на невысоком, богато украшенном домашнем алтаре, что стоял у противоположной стены. Пламя освещало изображение Митры, Владыки Света, главного божества кордавского пантеона. Принцесса замерла — божественный промысел, вот что ей нужно. Закутав свое пышное смуглое тело в кружевное покрывало, она направилась к алтарю. Черные как смоль волосы падали на ее плечи полуночным водопадом.

На алтаре стоял небольшой серебряный сосуд с благовоениями. Раскрыв сосуд, принцесса извлекла из него несколько смолистых крупинок и бросила их в пламя. В комнате запахло миррой и нардом.

Хабела воздела руки и склонилась так, словно собиралась молиться, однако с уст ее не слетело ни слова. Душа ее была охвачена смятением столь сильным, что — как ни пыталась принцесса — молиться она не могла.

Она вдруг поняла, что мрак и ужас поселились во дворце не сегодня и не вчера. Старый король неожиданно стал черствым и странным, его занимали только ему одному ведо-

мые мысли. Он стал стареть так быстро, словно им завладел некий призрачный вампир, сосущий сок жизни. Иные из королевских указов, казалось, были написаны под чужую диктовку — они противоречили всему тому, что делалось королем прежде. Кто-то другой смотрел его выцветшими глазами, говорил его хриплым голосом, скреплял подписью указы. Мысль эта при всей ее дикости то и дело приходила принцессе на ум.

Призрак, что внимательно следил за происходящим, казалось, стал уплотняться, стал обретать реальность — и вот дело дошло до видений.

И тут сознание ее проснулось, морок, наполнявший его, внезапно развеялся. Принцесса вдруг поняла, что же так мучало и ужасало ее. Она ясно увидела, что темная сила, обступавшая ее со всех сторон, теперь пыталась завладеть ее душой.

Ужас овладел ею, она содрогнулась от отвращения. Принцесса пала ниц пред алтарем; по каменным плитам разлетались ее черные блестящие локоны.

— О Митра, защитник дома Рамиро, милосердный и справедливый, враг зла и порока, молю тебя, помоги мне! Заклинаю тебя, о Владыка Света, скажи — что мне делать?

Поднявшись, она открыла золотой ларец, что стоял рядом с сосудом для благовоний, и вынула из него горсть тонких прутиков сандалового дерева. Одни прутики были длиннее, другие — короче; одни были изогнутыми и разветвленными, другие — прямыми.

Она бросила их перед алтарем. Раздался неожиданно громкий стук. Принцесса склонилась над разбросанными прутиками. Глаза ее округлились от изумления.

Перед собой она увидела ясное Т-О-В-А-Р-Р-О.

— Товарро, — произнесла принцесса вслух, — я должна отправиться к Товарро. — Глаза ее загорелись решимостью. — Клянусь, что я отправлюсь туда сегодня же ночью. Я разбуджу капитана Капеллеса.

Бушевала гроза; покои, по которым шла принцесса, то и дело озарялись вспышками молний. В спешке одевшись, она прикрепила к поясу шпагу и накинула на плечи теплый плащ. Движения ее были грациозны и стремительны.

Митра смотрел на нее своими бесстрастными глазами. Но так ли бесстрастен был его взор? Не вплетал ли Митра и свой голос в раскаты грома? Кто знает...

Не прошло и часа, как дочь Фердруго покинула дворец. И это послужило началом целой цепи фантастических событий, в которых странным образом сплелись судьбы могучего воина, страшного колдуна, гордой принцессы и древних богов, что сошлись в смертельной схватке на краю мира.

Глава 1

НОЧНЫЕ ГОСТИ

Дождь лил как из ведра. На мощенных булыжником улочках, что вели к гавани, завывал ветер; он раскачивал вывески гостиниц и таверн. Тощие псы жалась к дверным проемам, пытаясь укрыться от дождя и ветра.

Город был погружен во тьму. Лишь несколько окон горело в домах зингарской столицы Кордавы, стоявшей на берегу Западного моря. Луна скрылась за тяжелыми тучами, по небу неслись призрачные рваные облака. То был самый темный час, — час, когда говорят об измене и разбое, когда убийцы в масках и черных перчатках крадутся по темным комнатам, сжимая отравленные ножи. То было время убийств и заговоров.

Сквозь шум дождя и завыванье ветра слышались звуки шагов и бряцанье оружия. На темных улицах несли дозор ночная стража — шестеро вооруженных пиками и алебардами мужчин в плащах и низко надвинутых шляпах. Они старались идти тихо, лишь изредка тишину нарушала певучая зингарская речь. Дозорные внимательно всматривались и вслушивались, однако мысленно они были уже дома, за бутылкой вина...

Стоило дозорным миновать заброшенное стойло с проваленной крышей, как две темные фигуры, таившиеся внутри, ожили. Движения этих людей были бесшумны; один из них вытащил из-под плаща маленький фонарь и осветил им пол конюшни.

Человек с фонарем нагнулся и стал разметать сор. К одной из каменных плит была прикреплена короткая цепочка, заканчивавшаяся бронзовым кольцом. Взявшись за кольцо, неизвестные потянули цепочку на себя. Раздался скрип ржавых петель — каменная дверца открылась. Неизвестные скрылись в подземелье, и плита с глухим ударом вернулась на старое место.

Узкая винтовая лестница круто уходила вниз, в крошечную мглу. Древние истертые ступени были покрыты плесенью, все дышало гниением и упадком.

Люди в черных плащах не спешили — шаги их были бесшумны и осторожны. Лица были скрыты шелковыми масками. Казалось, что по лестнице крадутся привидения; тайные тоннели соединяли подземный ход с морем, свежий морской ветерок, гулявший по подземелью, развеивал плащи незнакомцев, делая их похожими на огромных летучих мышей.

Над уснувшим городом возвышались башни замка Вилагро, герцога Кордавского. Свет горел только в нескольких узких оконцах — почти все обитатели замка спали.

В нижнем этаже замка горел высокий золотой светильник, напоминавший перевившихся змей; здесь сидел человек, изучавший пергаменты.

Владелец замка не покусился на украшение каменных сводов. Сырые стены были завешены яркими гобеленами. На холодном каменном полу лежал толстый мягкий ковер, узорчатый и многоцветный; его ткали в далекой Вендии.

На низком столике, украшенном искуснейшей резьбой, стоял большой серебряный поднос с вином из Кироса, фруктами и сластями.

И стол, за которым читал человек, был тоже привезен издалека — резьба на нем ясно указывала на школу мастеров Аквилона, страны, лежавшей к северо-востоку от Зингары. Письменный прибор с павлиньим пером был выполнен из хрусталя и золота. Прессом для бумаг служил тонкий клинок.

За столом сидел человек лет пятидесяти, худощавый и изящный. Одет он был необычайно изысканно: бирюзовый вельветовый камзол не скрывал белья тончайшего полотна нежно-абрикосового цвета, пена кружев на запястьях оттеняла громадные бриллианты, сверкавшие на каждом из холеных, длинных пальцев. На ногах, обтянутых черным шелковым трико, красовались искусно отделанные драгоценными камнями мягкие сапожки из кордавской кожи.

Его возраст выдавали обвислые щеки и темные мешки под быстрыми холодными глазами. Поэтому ни окрашенные волосы, ни слой пудры на лице никак не молодили его.

Его рука, сверкавшая изумрудами, небрежно играла с пергаментами, испещренными тонкими письменами и скрепленными алыми печатями. Он нетерпеливо постукивал носком правой ноги и беспрестанно взгладывал на клепсидру — старинные водяные часы, украшавшие стол. Время от времени он оглядывался на тяжелую шпалеру, прикрывавшую угол комнаты.

Здесь же, у стола, неподвижно застыл чернокожий раб со сложенными на груди мускулистыми руками. Огни светильника поблескивали, отражаясь на выпуклых мышцах черного тела и тяжелых золотых серьгах, украшавших вытянутые мочки ушей. Раб был вооружен кривой саблей, взглядывавшей из-под его алого кушака.

Часы пробили два часа пополудни.

Со сдавленным проклятием человек отбросил от себя хрустящий пергамент. И в тот же миг гобелен был откинут в сторону невидимой рукой; за ним открылся потайной ход. Из темноты появились два человека в черных масках и чер-

ных плащах. Один из них держал в руке небольшой фонарь. С промокших насквозь одежд вопевших стекала вода.

Человек, сидевший за столом, положил ладонь на рукоять кинжала, лежавшего на столе: раб, уроженец страны Куш, схватился за саблю. Однако когда гости вошли в комнату и сняли маски, хозяин комнаты успокоился.

— Все в порядке, Гомани, — сказал он негру, и тот, сложив руки на груди, вновь замер.

Сбросив плащи на пол, гости низко поклонились. Голова первого была гладко выбрита. Молитвенно сложив руки, он поклонился вторично.

Второй отвесил изысканный придворный поклон и внятно прошептал:

— О мой герцог!

Выпрямившись, он небрежно положил руку на драгоценный эфес своего длинного меча. Это был высокий темно-волосый человек; хищное лицо его имело болезненный цвет. Его тонкие черные усики казались нарисованными. В движениях чувствовались манерность и вычурность — он походил скорее на пирата, чем на придворного вельможу.

Вилагро, герцог Кордавы, смерил высокого зингарца ледяным взглядом.

— Мастер Зароно, я не привык ждать, — процедил он сквозь зубы.

Вновь последовал вычурный поклон.

— Тысяча извинений, Вапа Милость! Поверьте, я ни за что не стал бы вас тревожить!

— Тогда почему же ты опоздал на целых полчаса, сударь?

— Пустяк, абсолютная глупость.

Человек с выбритым по-монашески черепом вставил:

— У нас вышел скандал в таверне, мой герцог.

— Что? Скандал в питейной лавке?! Бездельники, вы что, с ума посходили? Как это вышло?

Щеки Зароно порозовели, он метнул на монашка взгляд, полный ненависти, тот же смотрел на него совершенно невозмутимо.

— Сущие пустяки, Ваша Светлость! Дело таково, что совершенно не стоит вашего внимания.

— Мне это решать, Зароно, — ответил герцог. — Не исключено, что наш план раскрыт. Ты уверен в том, что эта — эта неприятность — не была подстроена? — Герцог нервно сжал руки, костяшки его пальцев побелели.

Зароно хмыкнул.

— Ну что вы, мой герцог. Вы, наверное, слышали об этом болване по имени Конан — он командует зингарским капелром, похоже, забыв о том, что его родила киммерийская плуток.

— Никогда не слышал об этом мошеннике. Продолжай.
— Я же сказал вам — все это пустяки. Я пришел в гостиницу «Девять Обнаженных Мечей» для того, чтобы встретиться с праведным Менкарой. Заметив отменный кусок мяса, жарившийся на вертеле, я решил убить сразу двух зайцев. Как вы, наверное, знаете, я не привык попусту тратить время и потому тут же подозвал к себе Сабрала, хозяина таверны, и приказал ему подать мне жаркое. И тут этот гнусный киммериец посмел заявить, что это, мол, его ужин. Если в человеке есть хоть капля благородства, он не станет терпеть...

— Говори короче! Что у вас там случилось?

— Сначала мы спорили, ну а затем от слов мы перешли к делу. — Зароно пощупал синяк, вздувшийся под глазом, и довольно хмыкнул: — Этот парень здоров как бык, но, думаю, и ему от меня перепало. Только я хотел преподать этому деревенщине урок фехтования, как хозяин вместе с посетителями разняли нас и растащили по сторонам — каждого из нас держало человек пять. И тут в таверне появился святой отец Менкара — он-то нас и успокоил. Так что, как видите...

— Я все понял. Похоже, это действительно случайность. И все же на твоём месте я бы избегал запаха жареного. Подобного я больше не потерплю! Ну да ладно, теперь к делу. Насколько я понимаю, рядом с тобой...

Зингарец стал теревить усы.

— Простите мне мои дурные манеры, Ваша Светлость. Позвольте представить вам праведного Менкару, жреца Сета, ставшего нашим активным сторонником, — и это, позвольте заметить, всецело моя заслуга.

Человек с выбритой головой вновь поклонился. Вилагро ответил ему легким кивком головы.

— Почему вы так настаивали на личной встрече, святой отец? — спросил герцог. — Я предпочитаю работать через моих агентов, таких как Зароно. Может быть, вас что-то не устраивает? Вы хотите большего вознаграждения?

Взгляд лысого стигийца оставался недвижимым.

— Золото — ничто, хотя в этом низменном плане бытия оно и потребно для поддержания брэнной человеческой оболочек. В согласии с нашей верой этот мир является иллюзией — маской, скрывающей лик хаоса... Впрочем, я зря говорю все это, мой герцог. Теологическими штудиями я мог бы заниматься у себя на родине, здесь же я не для этого, не так ли? — Стигиец изобразил на лице некое подобие улыбки.

Герцог Вилагро испытующе посмотрел на него.

Менкара продолжал:

— Я говорю о вашем намерении склонить старого короля Фердруго к тому, чтобы он отдал свою дочь, принцессу Ха-

белу, за Вашу Светлость. И в этой связи мне на ум приходит речение: «Заговор и предательство в крови у зингарцев».

Шутка эта не показалась Вилагро уместной.

— Да, да, все это я уже слышал. Лучше скажи — как идут наши дела? Как настроены наши жертвы?

Стигиец пожал плечами.

— Хвастаться мне особенно нечем. Управлять Фердруго несложно, ибо он стар и дряхл. Я столкнулся с препятствием совсем иного рода.

— Хотелось бы узнать, каким именно?

— Король полностью подвластен моей воле — стоит мне захотеть, и он отдаст свою дочь за вас; но вот только принцесса, — видимо, памятуя о том, что вы много старше ее, — отказывается от этого.

— Так возьми же под свой контроль и ее разум, скотина лысая! — заорал Вилагро, явно задетый тем, что был упомянут его возраст.

Холодные искры вспыхнули в тусклых глазах стигийца, но он тут же отвел взгляд в сторону.

— Сегодня ночью именно этим я и занимался, — пробормотал он. — Когда принцесса заснула, я вошел в ее сны. Она молода и сильна. Взять ее мозг под контроль было очень непросто. Когда же я наконец смог обратиться к ее спящей душе, неожиданно для самого себя я стал терять контроль над разумом короля. Я тут же оставил девушку и вернулся к ее отцу. Она проснулась в ужасе и — хотя она ничего не помнит — в тревоге.

В этом-то и состоит названное препятствие. Я не могу управлять и королем, и принцессой одновременно.

Жрец внезапно замолчал, заметив гневный взгляд герцога.

— Так это был ты, паршивый пес! — закричал Вилагро. Глаза стигийца наполнились удивлением и тревогой.

— Что вы хотите этим сказать, Ваша Светлость? — пробормотал он. Зароно был удивлен не меньше жреца.

Герцог еле слышно выругался.

— Как могло случиться, что мой коварный агент и мой велемудрый маг не знают того, о чем говорит уже весь город? — Герцог вновь перешел на крик: — Идиоты, — неужели вы не знаете о том, что принцесса исчезла?

План Вилагро был прост. Король Фердруго был уже слишком стар и немощен для того, чтобы править страной. Преемником его должен был стать супруг принцессы Хабелы. Кто же, как не Вилагро, должен был стать им — во всей Зингаре не было равных ему в богатстве и влиянии.

Своим подручным Вилагро сделал капитана капера Зароно, человека благородного происхождения, репутация которого была подпорчена темным прошлым. Он поручил Зароно отыскать колдуна, который смог бы управлять мыслями и поступками стареющего монарха. Коварный Зароно остановил свой выбор на Менкаре, последователе запретного законом стигийского культа Сета. Однако побег Хабелы сорвал все планы герцога. Какой толк управлять королем, если дочери его, с которой Вилагро должен был обручиться, нет?

Собрав всю свою волю, Менкара обратился к герцогу:

— Если Вашей Светлости будет так угодно, я, используя свои скромные познания в оккультных науках, смогу узнать, где сейчас находится принцесса.

— Чего же ты ждешь, действуй, — угрюмо буркнул герцог.

Повинуясь жрецу, Гомани принес из камеры пыток бронзовую треногу и уголь. Ковер был убран. Из-под своей мантии стигиец извлек большую сумку, в которой было множество отделений. Из нее он достал светящийся зеленоватый мелок и стремительными движениями нарисовал на полу змея, кусающего собственный хвост. В это же время раб развел на треноге огонь. Через несколько минут угли, лежавшие на ней, раскалились докрасна.

Жрец достал из сумки хрустальный фиал с ароматной зеленой жидкостью и облил ей раскаленные угли. Угли зашипели, подобно змеям, и резкий пряный запах наполнил комнату. Бледно-зеленые струйки дыма, извиваясь, поползли к потолку.

Скрестив ноги, жрец сел внутри зеленого круга. Раб загасил светильник, и комната погрузилась в полумрак. Видны были только раскаленные угли, светящийся круг и желтые глаза колдуна, походившие на глаза ночного зверя.

Стигиец заговорил, сначала тихо, затем — все громче и громче.

— Яо, Сетеш... Сетеш, Яо! Абратакс кураим мизразт, Сетеш!

Резкие шипящие звуки потонули в неясном бормотании, и наконец все звуки смолкли. Слышно было только дыхание стигийца. Жрец впал в транс, его желтые глаза медленно закрылись.

— Митра! — воскликнул Зароно и тут же замолчал, почувствовав, что герцог схватил его за руку.

Дым висел над комнатой светящимся зеленоватым облаком. Он стал менять яркость — то тут, то там появлялись и гасли светлые и темные пятна. И тут Вилагро и Зароно увидели прямо перед собой ночное море, по которому плы-

ло небольшое суденышко. На палубе корабля стояла юная дева. Ветер развеивал ее длинный плащ...

— Хабела! — воскликнул Вилагро.

Возглас его, похоже, разрушил чары — картина тут же стала блекнуть. Угольки зашипели и погасли. Жрец рухнул на пол.

Глоток вина вернул Менкаре силы.

— Куда же она направляется? — спросил Вилагро.

Стигиец задумался.

— Она думала об Асгалуне. Может быть, вы, Ваша Светлость, понимаете, в чем тут дело?

— Это земля, которой ныне правит брат короля Товарро. Некогда он был королевским посланником и мотался по всему Шему, ну а затем... — Герцог на миг задумался, но тут же продолжил: — Кажется, я понимаю, в чем дело. Она убедит Товарро в том, что ему необходимо вернуться в Кордаву. Если же этот выскочка окажется здесь, всем нашим планам придет конец... Послушай меня, святой отец, — контролировать короля и принцессу ты не в силах, верно? Тогда скажи мне, что же нам делать?

Зароно протянул руку к серебряному подносу.

— Ваша Светлость позволит?

Вилагро кивнул. Взяв с подноса яблоко, Зароно усмехнулся и сказал:

— Я думаю, нам следует найти другого мага.

— Похоже, ты прав, — согласился герцог. — Ты можешь кого-нибудь порекомендовать, жрец?

Стигиец надолго погрузился в молчание. Наконец он поднял глаза и заговорил:

— Глава моего ордена, величайший из всех воплощенных в мире магов, великий Тот-Амон сможет помочь вам.

— Где он находится сейчас?

— Он живет у себя на родине в Стигии, в маленьком местечке, называемом Оазис Хаджар. Но должен предупредить вас, Ваша Светлость, таланты Тот-Амона столь велики, что обычная плата ему не подходит. — Жрец криво улыбнулся. — Людишки, подобные мне, страдают золотом, он же куда выше всех нас — Тот-Амон владеет и своими страстями, и всеми тайнами мира. Тому, кто повелевает духами Земли, богатство ни к чему.

— Что же может соблазнить его?

— Одна-единственная мечта владеет сердцем Тот-Амона, — продолжил жрец вкрадчивым голосом. — Несколько столетий тому назад на этих землях сошлись последователи двух культов — культа презренного Митры и культа вели-

кого Сета. Так уж было угодно судьбе, чтобы наш культ пал, — митраиты восторжествовали над нами. Поклонение Змею было объявлено противозаконным, а людям нашего ордена пришлось отправиться в изгнание...

Если Ваша Светлость поклянется в том, что он повергнет все храмы Митры и выстроит на их месте храмы Сета, так что Сет будет назван величайшим из богов, Тот-Амон станет вашим союзником.

Герцог стал покусывать губы. Боги, храмы и жрецы существовали для него постольку, поскольку храмовые власти должны были платить ему дань.

— Да будет так, — наконец сказал он. — Я могу поклясться в этом именем любых богов и демонов, ведомых твою хозяину. Теперь слушайте меня внимательно.

На рассвете вы отправитесь в плавание. Ваш корабль возьмет курс на юго-восток и догонит корабль принцессы. Ее вы должны будете схватить, корабль же должен быть потоплен вместе с командой — свидетели нам не нужны. Твой «Петрель», Зароно, легко нагонит «Королеву Морей». Захватив принцессу, вы отправитесь в Стигию. Ты, Менкара, отведешь людей в твердыню Тот-Амона и выступишь в роли моего посланника. Посвятив его в наши планы, ты вернешься в Кордаву вместе с ним и принцессой. Вам все понятно? Тогда — за дело!

Глава 2

КЛИНОК ВО ТЬМЕ

Уже начинало светать. Дождь прекратился. По небу неслись рваные облака. Звездочки, еще видневшиеся на западе, отражались в грязных лужах.

Зароно, капитан капера «Петрель» и тайный агент герцога Кордавы, угрюмо брел по темной улочке. Драка с могучим киммерийским пиратом помимо прочего лишила Зароно и ужина. Не улучшила ему настроения и беседа с хозяином, чертыхавшимся через каждое слово. И, наконец, ему просто хотелось спать. Капли, срывавшиеся с крыш, то и дело падали за шиворот. Подняв полы плаща, Зароно обходил бесчисленные лужи, думая о том, на ком бы сорвать свою ярость. Рядом с ним брел безмолвный Менкара.

Тощий человечек, из-под обтрепанной рясы которого виднелись голые ноги, бежал по бесконечным улицам, едва удерживая равновесие на мокрых булыжниках мостовой. Его

сандалии громко шлепали по лужам. Одной рукой он прижимал к тощей груди заплатанный платок, в другой держал горящую просмоленную веревку, заменявшую ему фонарь.

На ходу он читал утреннюю молитву, обращенную к Митре. О смысле ее он не думал — голова его была занята чем-то иным. Нинус, младший служитель храма Митры, спешил по темным улицам навстречу своей судьбе.

Он проснулся задолго до рассвета и, проскользнув мимо наставника, сбежал из храма. Нинус спешил к кордавской гавани, где его ждал иноземный корсар Конан-киммериец.

Нинус выглядел весьма неприятно: ноги были тонкими как спички, нос — непомерно велик. Обтрепанная митраистская мантия, похоже, никогда не стиралась, помимо прочего она была залита и вином, пить которое монахам строго-настрого запрещалось. Когда-то — еще до того, как Нинус узрел свет Митры, — он был одним из самых искусных воров Хайборийских земель, именно тогда он и познакомился с Конаном. Этот гигант, никогда не отличавшийся особенной набожностью, в свое время тоже был вором, и потому Нинус прекрасно ладил с ним. Нинус добровольно принял монашеский сан, однако совладать со своей плотью ему было сложно — уж слишком весела была прежняя жизнь.

Монашек прижимал к груди свиток, который должен был сделать его богатым. Корсар искал сокровища, Нинусу же нужны были деньги. Картой этой Нинус владел издавна. Когда-то, глядя на нее, он мечтал о том, что проследует указанным на карте путем и станет сказочно богатым; однако с той поры много воды утекло, и сам он стал не таким, как прежде, — не к лицу монаху гоняться за сокровищами...

Картины, одна соблазнительней другой, представлялись его сознанию — вино, пиры, женщины, — и все это в обмен на клочок истлевшего пергамента; с этими мыслями он свернул за угол и столкнулся с двумя незнакомцами в черных плащах. Он смущенно извинился перед высоким сухопарым человеком, плащ которого оказался втоптаным в грязь, и перевел глаза на его спутника.

— Менкара, слуга Сета — изумленно воскликнул Нинус, — как посмел ты, змеиное отродье, прийти в этот город?! — Исполнившись праведного гнева, монашек принялся звать стражников.

Зароно выругался и хотел было ускорить шаг, но стигиец остановился как вкопанный.

— Этот выродок узнал меня! — зашипел Менкара. — Убей его, иначе не миновать беды!

Зароно на мгновение замешкался, но тут же вынул кин-

жал. Служку ему жалко не было, отвечать же на вопросы стражей как-то не хотелось.

Клинок блеснул в занимавшемся свете утра. Нинус охнул и повалился на мостовую. Из рта его сочилась кровь.

Стигиец сплюнул.

— Скоро мы с вашим проклятым племенем разделимся!

Дрожащими руками Зароно вытер клинок о мантию монашка.

— Бежим! — прохрипел он.

Но тут стигиец заметил, что ряса монашка странно топорщится. Склонившись над неподвижным телом, он достал из-под рясы пергаментный свиток и развернул его.

— Какая-то карта, — изумился маг. — Похоже, я смог бы разгадать...

— Потом, потом! — зашипел Зароно. — Того и гляди, стражники припрутся!

Менкара кивнул и спрятал свиток. Через минуту их уже и след простыл. Небо начинало розоветь.

Конан чувствовал себя не в своей тарелке — вино было дрянным, драка с Зароно ничем не закончилась, теперь еще и Нинус куда-то запропастился. Он мерил шагами продыmlенную гостиничную комнатку с низкими потолками. С вечера в «Девяти Обнаженных Мечах» былолюдно, теперь же здесь оставалось всего несколько посетителей. В углу сидело трое пьяных матросов — один из них спал, двое же других распевали на удивление нескладную песню.

Свеча догорала. Нинус опаздывал уже на несколько часов. Похоже, с монашком стряслось что-то неладное — к чему к чему, а к деньгам он никогда не опаздывал. Конан разыскал хозяина и проревел ему на ухо:

— Сабрал! Подышу-ка я свежим воздухом. Если меня будут спрашивать, скажи, что я скоро буду.

Дождь закончился, время от времени с крыш срывались крупные капли. Облачный покров, что совсем недавно казался сплошным, уже рассеивался. Показалась луна; лунный диск был уже бледен — начинался рассвет. Над лужами висели облачка пара.

Гневно ругаясь, Конан зашагал по мостовой — он решил обойти квартал, примыкающий к гостинице. Конан честил Нинуса на чем свет стоит. Из-за этого обормота он пропустил утренний бриз, с которым намеревался покинуть на своем «Востреле» кордавскую бухту. Теперь придется выводить корабль на веслах.

Внезапно Конан замер. На мокрой от дождя мостовой он увидел распластанное тело.

Он огляделся по сторонам в надежде увидеть преступников, но улицы были пустынные. Конан раздвинул полы плаща и расстегнул ножны. В этой части старого города убийства были привычным делом. Полуразрушенные лачуги узких улочек были населены ворами, убийцами и прочим сбродом. Если ты видишь труп, значит, рядом может быть и убийца — этому Конана научила жизнь, и потому в подобных случаях он был особенно осторожным.

Крадучись, подобно леопарду, Конан приблизился к неподвижному телу и опустился на колени. Осторожно взяв человека за плечо, киммериец перевернул его на спину. Одежды человека были залиты кровью. Капюшон рясы открылся, и Конан увидел лицо монаха.

— Кром! — воскликнул киммериец.

Да, это был ставший монахом уроженец Мессантии Нинус.

Быстрыми движениями киммериец обыскал распластанное перед ним тело. Карта, которую Нинус собирался продать ему, бесследно исчезла.

Конан сел на корточки и задумался; чело его напряглось. Кому помешал этот жалкий монашек, у которого и взять-то нечего? Вряд ли у него могло быть что-либо, кроме карты. Поскольку карта исчезла, неведомый убийца мог совершить свое преступление именно для того, чтобы овладеть ею.

Солнце вышло из-за горизонта, осветив башни древней Кордавы. Глаза Конана загорелись синевою. Крепко сжав покрытый шрамами кулак, огромный киммериец поклялся отомстить неведомому убийце.

Бережно подняв крохотное тело Нинуса, киммериец взвалил его себе на плечи и огромными скачками понесся к гостинице. Ворвавшись в залу, Конан заорал:

— Сабрал! Комнату и врача! И быстро!!

Хозяин гостиницы знал, что киммериец ждать не любит. Без лишних слов хозяин поспешил вверх по шаткой лестнице, пригласив Конана следовать за ним.

Сидевшие в зале проводили киммерийца изумленными взглядами. Он был настолько огромен, что походил на великана. Длинная грива черных грубых волос оттеняла смуглое, покрытое шрамами лицо. Щеки были гладко выбриты. Из-под выдавшей виды матросской шапки глядели пронзительно-синие глаза. Пират нес тело взрослого человека с такой легкостью, словно тот был младенец.

В таверне не было ни одного матроса с корабля кимме-

рийца. Об этом Конан позаботился заранее — еще тогда, когда договаривался с Нинусом о встрече. Киммерийцу не хотелось, чтобы команда до срока узнала о существовании карты.

Сабрал отвел Конана в комнату, предназначавшуюся для приема знатных гостей. Конан хотел было положить тело Нинуса на кровать, но тут хозяин ойкнул и, извинившись, снял с постели покрывало.

— Ни к чему пачкать кровью мое лучшее покрывало! — сказал он.

— К черту покрывало! — проревел Конан и бережно положил тело на кровать.

Сабрал стал складывать покрывало, киммериец же занялся Нинусом. Монашек едва заметно дышал, сердце его билось неровно.

— Уф, он все-таки жив, — с облегчением вздохнул Конан. — Слушай, хозяин, — слетал бы ты за пиявками! Ну чего ты пилишься на меня, как идиот, — тебе еще раз все объяснить?

Сабрала как ветром сдуло. Конан раздел Нинуса до пояса и, как мог, перевязал рану, из которой все еще сочилась кровь.

Сабрал появился в комнате в сопровождении позевывающего врача, одетого в ночную рубашку; из-под его ночного колпака выбивались вихри седых волос.

— Преискуснейший доктор Кратос! — представил врача Сабрал.

Доктор снял повязку, наложенную Конаном, прочистил рану и вновь перевязал ее чистой тканью.

— К счастью, нож прошел мимо сердца и не задел артерии, повреждено только легкое. При надлежащем уходе больной быстро встанет на ноги, — сказал доктор. — Кто мне заплатит за него, капитан, — я полагаю, вы?

Конан утвердительно хмыкнул. Несколько глотков вина вернули Нинуса в сознание. Он был очень слаб и потому говорил еле слышно:

— Я бежал — и — наткнулся на них. Один из них — Менкара — слугитель бога Сета. Я стал звать стражников, и тогда Менкара сказал тому, другому: убей его, убей...

— Скажи мне, кто был с Менкарой? — спросил Конан.

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что это был капитан Зароно...

Конан нахмурился. Зароно! Это тот самый наглец, с которым пару часов назад они едва не сцепились. Может быть, Зароно знал о его встрече с Нинусом и о том, что монашек принесет с собою карту? Все указывало на коварный заговор, имевший целью выведать тайну клада.

Конан встал, лицо его пылало гневом.

— Ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет! — проревел он. Киммериец достал из кошелька полную горсть монет и высыпал ее в ладони доктору. Другая горсть досталась Сабралу.

— А теперь послушайте меня! — сказал Конан. — Ему нужен настоящий уход, и ухаживать за ним я попрошу именно вас. Все ваши расходы я оплачу по возвращении; если же я узнаю, что вы относились к нему без должного внимания, то пеняйте на себя! Да, если вдруг Нинус умрет, похороните его как подобает — со всеми церемониями и обрядами. Ну а теперь я покидаю вас.

Он бесшумно выскользнул из комнаты, сбежал по лестнице вниз и, легко распахнув тяжелую входную дверь гостиницы «Девять Обнаженных Мечей», вышел на улицу. Шаг его был стремителен; тяжелый черный плащ хлопал на ветру.

Когда солнце позолотило мачты и реи кораблей, гавань уже не спала. Матросы карабкались по такелажу, офицеры орали в свои пергаментные рупоры, скрипучие деревянные подъемники, приводимые в действие мускулистыми руками портовых рабочих, сгрудившихся у ворота, переносили грузы с пирса на палубы.

Конан вышел на берег. В ответ на его вопрос капитан портовой охраны сообщил ему, что корабль Зароно «Петрель» покинул гавань еще до того, как солнце вышло из-за горизонта, — «Петрель» обогнул восточный рог бухты и исчез из виду. Киммериец достаточно неучтиво поблагодарил стражника, резко развернулся и понесся к трапу своего галеона, носившего имя «Вастрель».

— Зельтран! — заорал киммериец.

— Слушаюсь, капитан! — тут же отозвался его помощник, который в это время командовал загрузкой провианта в трюм. Зельтран был невысок и полон; как истинный зингарец, он носил роскошные черные усы. Несмотря на полноту, двигался он с легкостью кошки.

— Построй наших бездельников на палубе и объяви перекличку! — приказал Конан. — Мы отчаливаем!

Вскоре на шкафуте собралась почти вся команда. По большей части это были смуглые зингарцы, иностранцев почти не было. Отсутствовало трое. Конан приказал юнге обойти все близлежащие притоны и во что бы то ни стало привести нарушителей на борт. Все же остальные занялись погрузкой, которая пошла куда живее, ибо руководил ею сам Конан.

Вскоре отсутствовавшие взойшли на палубу; тогда же закончилась и погрузка. Галеон отдал швартовы и отвалил от пристани. Шлюп, в который сели восемь гребцов, повел галеон в открытое море. Стоило парусам наполниться ветром, как шлюп был поднят на борт.

Поймав ветер, паруса «Вастреля» надулись; галеон уверенно набирал скорость. Корабль плавно и ритмично покачивался на морских волнах; крик чаек мешался с плеском волн, скрипом снастей и шумом ветра.

Конан стоял на шканцах, угрюмо созерцая горизонт. Положив галеон на курс, заданный Конаном, и организовав вахту, Зельтран поднялся к киммерийцу.

— Итак, мой капитан, — вымолвил он, — куда лежит наш путь на этот раз?

— Тебе знаком корабль Черного Зароно? — спросил Конан.

— Вы говорите о том корыте, что отчалило еще до рассвета? Ну как же мне его не знать. Говорят, что капитан «Петреля» Зароно — искусный мореход, но подлец, каких поискать. Происхождения он благородного, но об этом люди стараются не вспоминать — уж больно много на его счету грязных дел; что до людей благородных, то те попросту сторонятся его. Вот он и стал пиратом. Скажите, капитан, — вы что, поссорились с ним? С Зароно так просто не сладишь...

— Если ты прикусишь свой язык, пустомеля, я расскажу тебе все.

Конан рассказал Зельтрану о событиях прошедшей ночи — о Нинусе, карте и Зароно.

— Если я смогу нагнать его в открытом море, — продолжил киммериец, — сладко ему не придется. «Петрель» побольше «Вастреля», но и ход у него потяжелее.

— В том, что мы сможем его догнать, я нисколько не сомневаюсь, — сказал Зельтран, молодецки закрутив ус. — Что до меня, то я могу уложить шестерых одним ударом. Но послушайте меня, капитан, не лучше ли будет, если мы будем следить за ними, держась поодаль, — Зароно, сам не зная того, приведет нас к цели, верно?

Конан метнул на своего помощника взгляд, полный гнева. Но тут же сменил гнев на милость и, улыбнувшись, хлопнул Зельтрана по плечу.

— Клянусь Кромом и Мананнаном, крошка, — довольно проревел киммериец, — ты не зря получаешь свое жалование! — Конан посмотрел наверх, туда, где группа матросов застыла в ожидании команды поднять марсель. — Отставить! — кричал киммериец. — Спускайтесь вниз! — Он вновь повернулся к Зельтрану. — Мы нагоним их и без мар-

селя, Зароно же может его заметить. Помнится, ты говорил мне о человеке с орлиным зрением — кто это?

— Риго из Хериды.

— Точно. Пусть он взберется на марс и расскажет нам о том, что увидит.

Вскоре юный зингарский матрос уже стоял на марсе, обратившись лицом на юго-восток.

— Прямо по курсу вижу галеон. Виден только марсель, когда же корабль поднимается на волне, открывается и сам корабль — он выкрашен в черный цвет.

— Это «Петрель», — удовлетворенно заметил Конан. — Так держать, рулевой! — Он повернулся к Зельтрану, продолжавшему крутить свой ус. — Днем мы будем держаться на приличном расстоянии, ночью — подплывем поближе, — так, чтобы были видны бортовые огни «Петреля». Если нам повезет, Зароно нас не заметит.

Конан улыбнулся, в глазах его зажглись веселые искорки. Киммериец облегченно вздохнул. Вот она, жизнь, — под тобою палуба, рядом с тобой полсотни преданных тебе проходивцев, вокруг море, а впереди — враг!

На всех парусах «Вастрель» шел по следу «Петреля» — не был поднят лишь марсель. Солнце стояло уже высоко. Средь бирюзовых волн резвились игривые дельфины.

Глава 3

ГИБЕЛЬ «КОРОЛЕВЫ МОРЕЙ»

К аравелла «Королева Морей», королевское прогулочное судно, вышла из пролива, отделявшего берега Зингары от Барахских островов. Барахский архипелаг был известен своими пиратами — по большей части уроженцев Аргоса; однако на сей раз Западное море было пустынным. Позади осталась и граница, разделявшая земли Зингары и Аргоса.

Они плыли все дальше на восток, стараясь не терять из виду берега Аргоса. Следуя указаниям Хабелы, капитан Капеллес взял курс на порт, но решил не отслеживать береговую линию.

На это было две причины. Во-первых, они должны были как можно быстрее достичь берегов Шема, на которых стоял Асгалун. Во-вторых, так они не подвергали себя риску оказаться замеченными с берегов Аргоса, так же как и Барахские острова, кишевших пиратами.

Ближе к полудню у горизонта появилось темное судно, следовавшее за ними. Через пару часов оно приблизилось

достаточно близко для того, чтобы один из матросов, известный своей зоркостью, смог разглядеть его.

— Бояться нечего, моя госпожа, — сказал капитан Капеллес. — Это капер, состоящий на службе у нашего короля. По всей видимости, это «Петрель» — корабль капитана Зароно.

Хабелу, однако, это не успокоило. Казалось, от этого черного массивного галеона, что становился все ближе и ближе, исходит нечто злое. Впрочем, то, что этот корабль следовал тем же курсом, что и «Королева Морей», могло быть и простым совпадением.

То, что кораблем командовал Зароно, принцессе тоже не понравилось. Она была практически не знакома с этим человеком и видела его лишь во время дворцовых церемоний, однако она не единожды слышала о его злое деяниях. Одна из ее подруг, Эстреллада, говорила принцессе о том, что Зароно безумно влюблен в Хабелу. Тогда Хабела не придавала ее словам никакого значения, ибо в кого же еще, как не в свою принцессу, могут влюбляться придворные? Разве найдется среди них хоть один, кто не желал бы стать королем?

Хабела окончательно укрепилась в своих подозрениях. Шел уже третий день плавания, и ее исчезновение наверняка было известно всем. Можно было представить, какая суматоха стоит сейчас во дворце.

Хабела поплыла на королевском корабле, пропажу которого нельзя было не заметить, и тем выдавала себя с головой. Поскольку она не могла отправиться ни на север, к пустынным диким берегам страны пиктов, ни на запад, где расстилалась безбрежная океанская ширь, она могла поплыть только на юго-восток, к Аргосу, к городам-государствам Шема, к злое Стигийскому царству, за которым начинались земли, населенные людьми с черной кожей.

Паника, вызванная ее исчезновением, могла пробудить от долгого летаргического сна и ее отца, короля Фердрого. Король мог послать Зароно ей вслед, с тем чтобы вернуть свою дочь-беглянку домой.

Хабела пробормотала что-то невнятное и отвернулась от капитана. Какое-то время она расхаживала по палубе, затем, опершись на перила, покрытые изображениями дельфинов и тритонов, потрясающих трезубцами, стала смотреть на преследовавший их корабль. Она боялась оторвать от него взгляд, словно подпав под неведомые чары.

«Петрель» постепенно приближался, рассекая своим тупым носом морские валы. «Если он не замедлит ход, — подумала Хабела, — через полчаса он сравняется с нами и отнимет у „Королевы Морей“ ветер».

Принцесса неплохо разбиралась в морском деле. В отличие от своего отца, который питал к морю отвращение и

никогда не приближался к «Королеве Морей», она провела на ее борту все свое детство. Лишь в последние годы, когда она уже стала девушкой, отец запретил ей одевать матросскую одежду и лазать по такелажу.

Принцесса сперва задрожала, но тут же справилась с собой и успокоилась. Пока намерения капитана были неясны. Вряд ли этот зингарец безумен настолько, чтобы напасть на корабль самого зингарского короля.

И тут на залитую солнцем палубу легла тень. Она имела странный темно-зеленый цвет — все вокруг погрузилось в жутковатую изумрудную дымку.

Принцесса подняла голову, но не увидела над «Королевой Морей» ничего необычного — небо было совершенно ясным и не было в нем ни демонов, ни крылатых чудовищ. И все же туман, окутывавший «Королеву Морей», каждой минутой становился гуще — он был плотен и в то же время странно неосязаем, призрачен. Лица людей побледнели, глаза наполнились ужасом.

И ужас не заставил себя ждать. Зеленоватые щупальца обвили вокруг матроса, стоявшего рядом с Хабелой, — бедняга завопил не своим голосом. Казалось, холодные щупальца глубоководного кракена свивали кольца вдоль его тела. Принцесса изумленно смотрела на его лицо, на его сведенное болью тело. И тут зеленые кольца исчезли, словно погрузившись в тело матроса. Дородный матрос словно окаменел. Его кожа покрылась странным зеленоватым налетом, позеленели и его одежды. Он стал походить на статую, вырезанную из жадеита.

Хабела в ужасе воззвала к Митре. Палубу оглашали крики людей, пытавшихся как-то воспротивиться щупальцам изумрудного тумана, свивавшимся вокруг них и заползавшим им в нутро, от чего люди обращались в камень, в неподвижные зеленые изваяния.

Липкие зеленые щупальца стали обвиваться вокруг принцессы. Леденящий ужас сковал ее члены, когда она почувствовала их холодные прикосновения. Ей казалось, что она обратилась в кусок льда. Щупальца вошли вовнутрь, и сознание принцессы помутилось, утонув в холодных беспросветных пространствах. Хабела лишилась чувств.

Зароно, капитан «Петреля», стоял на шканцах и с нескрываемым изумлением наблюдал за манипуляциями стигийского колдуна. Неподвижный, словно мумия, Менка сидел на корточках перед устройством, собранным им за время плавания. Устройство представляло собой маленький алтарь черного дерева, на верхней плите которого был закреплен небольшой конический кристалл серого цвета.

Алтарь поражал своей древностью. От резьбы, некогда покрывавшей его, сохранилось лишь несколько фрагментов, по которым, однако, можно было восстановить всю картину, изображавшую нагих людей, пытающихся скрыться от гигантского змея. У змея был всего один глаз — второй глаз опал, похоже, был давно потерян.

Менкара прошептал заклинание, и конус осветился изнутри странным призрачным светом. Вершина конуса вспыхнула пульсирующим изумрудным огнем, в свете которого голова Менкары стала казаться облезлым черепом трупа.

Изумрудное пламя разгоралось все ярче и ярче. Стигиец поднес к лицу зеркало, сделанное из неведомого черного металла и вставленное в стальную витую оправу. К изумлению Зароно, изумрудное сияние притянулось к поверхности зеркала и, отразившись от него, озарило «Королеву Морей». В ярком солнечном свете зеленый луч казался бледным — едва заметная изумрудная нить связала собой два корабля. На каравелле происходило что-то непонятное — расстояние до нее было еще немалым, и Зароно, сколько ни вглядывался, так ничего и не увидел.

«Королева Морей» внезапно потеряла управление и тяжело закачалась на волнах, паруса ее опали. Зароно подвел свой галеон к каравелле и встал с ней борт о борт. Стигиец вышел из транса и устало прислонился к поручню. Его безмятежное лицо побледнело и осунулось, на лбу блестели капельки холодного пота.

— Я выдохся, — пробормотал Менкара, — Это заклинание забирает все силы без остатка. И все же оно не всесильно, — тот, кто знает, как с ним бороться, легко уходит из-под его власти... Но, похоже, ни один из этих болванов ничего не смыслит в магии. Можешь отправляться туда — в течение часа они тебе мешать не будут.

— Выходит, они умерли?

— Нет, скорее это похоже на сон. Помоги мне добраться до каюты.

Зароно помог обессилевшему колдуну подняться на ноги и повел его к каюте, боцман шел следом, держа в руках черный алтарь с серым кристаллом.

Закрыв дверь за изнемогшим стигийцем, Зароно вытер кружевным платочком бисеринки пота, выступившие на лбу. Колдовство пугало его. Черный Зароно предпочитал иное оружие — куда милее его сердцу были звон сабель, свист стрел, грохот ядер, выпущенных из катапульты, удары бронзового тарана по борту неприятельского судна. Немало злодейств было на его совести, но все они были грехом обычным, человеческим; теперь же он связал свою жизнь с

темными и, возможно, неуправляемыми силами, принадлежащими другим планам и измерениям.

— Эрнандо! — окликнул он повара. — Пару бутылок вина, да покрепче!

Так была взята и так вскоре погибла «Королева Морей». Матросы «Петреля» перебрались на ее борт. Они быстро отыскали принцессу и отнесли ее застывшее тело на шканцы галеона. Облив основания мачт и палубу маслом, они вернулись на свой корабль и убрали абордажные крюки и багры.

Когда расстояние между двумя кораблями стало достаточно большим, на палубу «Королевы Морей» было пущено несколько стрел с горящими наконечниками. Пламя тут же охватило каравеллу. Огонь с ревом поднимался вверх, переходя с паруса на парус. Матросы «Королевы Морей» стояли все так же неподвижно.

Галеон поднял паруса и взял курс к берегам Шема.

Стоя на марсе своего галеона, Конан с удивлением взирал на черный дым, поднимавшийся над морем; то и дело он поминал вслух имя Крома, мрачного киммерийского бога. «Вострель» держался на приличном расстоянии от «Петреля», разглядеть его оттуда можно было, лишь поднявшись на марс, — но людям Зароно вряд ли могло прийти в голову изучать северо-западную часть горизонта.

Конан наблюдал за тем, как погибает королевский корабль Зингары. Он никак не мог взять в толк, для чего Зароно нужно было уничтожать корабль своей собственной страны. Похоже, решил киммериец, дела обстоят не столь просто, как он полагал прежде. Впрочем, Конан давно приобрел привычку не ломать себе голову зря, не узнав всего относящегося к делу.

Кем бы ни были неведомые жертвы, он отомстит и за них, когда будет сводить с Зароно свои счета, — так решил Конан. Кто знает, быть может, судьба дарует ему такую возможность уже в ближайшие дни.

Глава 4

БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Солнце клонилось к закату. Унылый облачный покров чудесным образом преобразился, запылав всеми оттенками красного. По темным волнам, расцвеченным алыми отблесками, неся злоеший «Петрель». Вслед за ним, держась на приличном расстоянии, крался галеон Конана «Вострель».

Капитан «Петреля» Зароно сидел развалился в своем огромном кресле, в руке он держал серебряный кубок, украшенный изумрудами. В каюте капитана стоял запах крепкого шемского вина. Качающиеся на цепочках лампы освещали своим неверным светом пергаментные свитки, развешенные между пиллерсами. То и дело поблескивали самоцветы на эфесах и ножнах мечей и кинжалов, висевших на стенах.

Зароно был настроен крайне мрачно, взгляд его был устремлен в никуда. Белая шелковая, отделанная кружевами рубаха была перепачкана, густые черные волосы взъерошены. Зароно был сильно пьян.

В дверь постучали. Зароно грязно выругался, но тут же пригласил незваного гостя в каюту. Гостем этим оказался Менкара, в руке он держал свернутый свиток. Чопорный стигиец смотрел на хмельного капитана с явным неодобрением.

— Поколдовать пришел? — усмехнулся Зароно. — Неужели ты не можешь оставить простого смертного, что решил немножко порадовать себя вином, неужели ты так и будешь совать свой вонючий нос в чужие дела? Скажи мне, Менкара, мне важно это знать.

Пропустив слова капитана мимо ушей, Менкара развернул на столе загадочную карту и указал тонким пальцем на непонятные значки, которые, по всей видимости, призваны были раскрыть ее секрет.

— С той самой поры, как эта карта попала нам в руки, я пытаюсь разгадать ее смысл, — сказал стигиец неожиданно живо. — Этой линией обозначено южное побережье Стигии, в этом нет сомнений. И хотя язык, на котором сделана надпись, мне неведом, некоторые из знаков показались мне удивительно знакомыми. Пока ты как последний идиот предавался тоске, я был занят их расшифровкой...

Зароно побагровел и схватился за рукоять своего меча. Менкара жестом руки остановил его.

— Приятель, води себя поспокойнее. То, о чем я говорю, куда значимее, чем тебе это кажется. Обучаясь магии, я изучил несколько языков. Помимо прочего, я знаю и о том, что древний валузский язык, подобно языкам древней Стигии и Ахерона, не был иероглифическим — в письме каждый знак соответствует определенному звуку. Поскольку у меня нет сомнений в том, что эти страны суть Шем и Стигия, а эти города — Асгалун и Кеми, я могу установить значение отдельных знаков в словах, занимающих соответствующее место на карте. Прочие же надписи, как я полагаю, указывают местоположение городов, исчезнувших с

лица земли за то время, какое существует эта карта. Я говорю о таких городах, как Камула или Пифон.

Эти зловещие имена заставили Зароно вздрогнуть. Хмель его тут же прошел. Он нахмурился и уставился на карту. Менкара продолжал:

— Таким образом, благодаря тому, что я знаком с древними языками и знаю, как звучат некоторые названия из числа приведенных на этой карте, я могу прочесть не только их, но и все прочие! Соответственно, мне удалось прочесть и надпись, относящуюся к этому островку, о существовании которого я, честно говоря, прежде не знал.

Менкара ткнул пальцем в маленький черный кружок. Зароно нахмурился.

— Можешь особенно не расстраиваться по этому поводу. Я и сам о нем никогда не слышал.

Стигиец продолжил свой рассказ:

— Надпись, сделанная здесь, гласит: *сайджина-киса*. На древне-стигийском слово *сайджина* означает — «то, что не имеет имени».

Зароно протрезвел окончательно; черные глаза его беспокойно забегали.

— Безымянный остров... — прошептал он.

— Да, — прошипел Менкара и удовлетворенно кивнул. — В том, что слово *киса* переводится как «остров», мы можем быть уверены, ибо слово это фигурирует в названиях ряда островов. — Маг продемонстрировал сканное, ткнув пальцем в несколько точек. — Я полагаю, что это название известно вам, пиратам. Безымянный остров, последняя твердыня древней Валузии, населенной полулюдьми-полузмеями.

— О Безымянном острове мне доводилось слышать только одно — на нем сокрыты сокровища, равных которым в этом мире нет.

— Это действительно так, — кивнул Менкара. — Но я думаю, и здесь ты всего не знаешь. Там действительно полно золота, изумрудов и прочей мишуры. Но, помимо этого, там хранится и подлинное сокровище, сокровище магическое, — копия великой «Книги Скелоса».

— Вот уж что мне не нужно! Только золото — все остальное блажь!

Менкара усмехнулся:

— Прежде чем говорить, лишний раз подумай. Ты, похоже, забыл, что мы направляемся к величайшему чародею мира, который поможет нашему хозяину Вилагро подняться на трон Зингары. Разумеется, низвержение культа Митры и восстановление культа Сета придутся ему по душе. Но, боюсь, этого будет недостаточно. Если же мы одарим его

«столь великим магическим сокровищем, он наверняка станет покровительствовать нам. То, что столь значимый труд исчез из мира, сделало магию вдвое слабее. Считается, что сохранились лишь три копии «Книги Склоса»: одна хранится в Тарантии, в тайнике, находящемся глубоко под землей, где-то близ Королевского книгохранилища Аквилонии; вторая находится в тайном храме, стоящем на землях Вендии; третья же — здесь. — Стигиец постучал пальцем по карте.

Зароно изумился.

— Если эта треклятая книга так драгоценна, то почему же никто не завладел той копией, что хранится на Безымянном острове?»

— Потому, что до той минуты, как я увидел эту карту, ни я, ни все прочие искатели высших истин не знали, где находится этот самый Безымянный остров. Как видишь, он лежит в стороне и от известных людям островов и от земель, населенных чернокожими. Сотни лиг отделяют остров от других земель, ни один из морских путей не проходит рядом с ним. Искать его наугад — все равно что черпать воду решетом; на подобные поиски уйдет слишком много времени — на это не хватит никаких запасов воды и провианта, которые, как, надеюсь, ты понимаешь, пополнять негде.

Помимо прочего, ты должен вспомнить и о том, что моряки — народ крайне суеверный. Они считают, что южные моря кишат чудищами и подводными рифами. Нет, люди неслучайно забыли о Безымянном острове.

— Даже при попутном ветре мы смогли бы добраться туда лишь за несколько дней, — задумчиво произнес Зароно, подперев голову рукой.

— Что это меняет? Девушка уже в наших руках. Какая разница, когда мы прибудем в Кордаву, — неделей раньше или неделей позже? Если мы сможем поднести Тот-Амону «Книгу Склоса», дело можно будет считать сделанным, если же нет — всякое может случиться. К тому же я как-то не верю в то, что ты равнодушен к золоту. — Обычно бесстрашные глаза Менкары истово горели.

Зароно почесал щеку. Магия магией, но Менкара, похоже, прав — они должны сделать все возможное для того, чтобы заручиться поддержкой повелителя магов. К тому же он, Зароно, не просто разбогатеет, но и вернет себе почет и уважение сограждан.

Темные глаза зингарца загорелись решимостью. Он вскочил на ноги и, выбежав из каюты, заорал:

— Ванчо!

— Да, капитан, — отозвался помощник.

— Мы меняем курс. Полярная звезда должна остаться за нашей кормой, мы идем на юг!

— В открытое море, сэр?! — с сомнением в голосе переспросил помощник.

— Тебе что — два раза надо повторять? Я же сказал — мы идем на юг!

Заскрипели блоки, зазвенели снасти, — «Петрель» поворачивал свои реи. Галеон резко менял курс.

Менкара вернулся в свою каюту и вновь принялся изучать карту. Древнее зловещее знание влекло его, как никогда прежде. Получив «Книгу Склоса», Тот-Амон станет всемогущим. При желании великий стигийский маг сможет завладеть всем миром, об исполнении желания какого-то Вилагро можно и не говорить. Если же сыны Сета завладеют всем миром, то разве не вспомнят они о том, что обязаны этим ему, Менкаре?

Конан, неотрывно следивший за огнями «Петреля», понял, что галеон внезапно изменил свой курс, — теперь он шел не на юго-восток, а прямо на юг. Киммериец не знал ни о планах Вилагро, ни о притязаниях Менкары, ни о том, что на борту «Петреля» находилась принцесса Зингары Хабела. Ему было ведомо лишь одно — Зароно, похитивший карту у Нинуса, направлялся к Безымянному острову, с тем чтобы завладеть сокровищами. Причины, побудившие капитана «Петреля» резко изменить курс, Конана интересовали мало.

Огромный киммериец сбежал по вантам на палубу — ловкости его могли позавидовать и обезьяны.

— Зельтран!

— Слушаюсь, капитан!

— Шесть румбов направо! Не отстань от «Петреля»!

— Слушаюсь, сэр. Брасопить реи! Право руля!.. Левый борт — грузите брасы!.. Лево руля... Так, так — теперь не спешите...

Конан стоял на шканцах, размышляя о том, что ждет их впереди. Теперь, когда берег остался позади, единственным ориентиром становилась Полярная звезда, по положению которой можно было судить о том, насколько далеко на юг или на север они продвинулись. Зароно, похоже, пока уверен в избранном курсе. Если же он заблудится в бескрайних просторах океана, та же участь будет ожидать и его, Конана, галеон.

Насколько было известно Конану, пустынные воды простирались на юг до самого края света. О том же, что лежит за ними, он и не думал гадать. В древних легендах говори-

лось о таинственных землях, неведомых материках, загадочных народах и странных чудищах.

Кто знает, быть может многое в этих легендах было правдой. Меньше года прошло с той поры, как «Вастрель», которым тогда командовал угрюмый Запорова, обнаружил в западных морях неведомый остров, где сложили головы и капитан, и добрая половина экипажа «Вастреля». В своей богатой приключениями жизни Конан вряд ли мог припомнить что-либо более зловещее и странное, чем Пруд Черного Владыки и козни его, Владыки, диковинных слуг. Впереди же, похоже, киммерийца ждали опасности куда большие.

Конан вздохнул, но тут же рассмеялся. Кром! Человек умирает только раз — кой толк рассуждать о том, что может случиться с ним в этой жизни? Если на пути твоём возникнет что-то ужасное, ты оголишь клинок и встретишь опасность лицом к лицу. Заранее готовить себя к этой встрече глупо. Там, на краю света, лежит Безымянный остров — ветры судьбы несут к нему галеон.

Глава 5 НА КРАЮ СВЕТА

Галеоны шли все дальше и дальше на юг. На рассвете «Вастрель» стал сбавлять ход, чтобы отойти от «Петреля» на расстояние, позволявшее ему оставаться невидимым для противника. Вот уже пять дней минуло с той поры, как «Петрель» взял курс на юг. С наступлением ночи расстояние между галеонами уменьшалось — «Вастрель» был легче и маневреннее и потому легко нагонял галеон Зароно.

«Вастрель» горделиво рассекал своим форштевнем теплые лазурные воды. То и дело над поверхностью моря появлялись стайки летучих рыб. Море было совершенно пустынно — за все время путешествия матросы не видели ни кораблей, ни лодок.

У горизонта появились облака. «Петрель» взял вправо, и через несколько часов моряки увидели на горизонте землю.

Забравшись на полубак «Петреля», Зароно стал разглядывать неведомый остров. Остров выглядел достаточно безобидно — темно-желтые пляжи, высокие пальмы с изумрудными листьями. О том же, что находилось за пальмами, можно было только гадать.

Вскоре к Зароно присоединился и Менкара. На его узкие плечи была накинута черная ряса.

— Вот мы и приплыли, — сказал он бесстрастно.

Зароно широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами.

— Да, жрец, кажется, ты прав. Нам осталось понять, где находятся сокровища и кто их охраняет — духи, демоны или парочка драконов... Надеюсь, ты сможешь отвести от нас беды, пока мы будем выносить сокровища из гробницы, или из тайника, или еще откуда-нибудь. Ванчо! Иди к тому заливу — там, похоже, достаточно глубоко...

Через четверть часа Зароно скомандовал:

— Бросить якорь! Убрать все паруса! Ванчо, спускай шлюпку за борт и подбери людей покрепче — мы высаживаемся на берег.

Команда засуетилась, и вскоре шлюп уже качался на волнах. дюжина вооруженных до зубов зингарцев спустилась в лодку и заняла места на банках. Шлюпка пошла к берегу. Вскоре нос шлюпки завяз в песке у кромки прибоя. Матросы покинули лодку и потащили ее вглубь берега, подальше от набегающих пенистых волн. Боцман приказал людям рассредоточиться, и те, взяв в руки мечи и арбалеты, разоплились вдоль берега, встав лицом к пальмам. Несколько человек углубилось в заросли, но вскоре послышался крик, извещавший о том, что ничего опасного на берегу нет.

— Спускайте вторую лодку, — приказал Зароно.

В эту лодку сел сам Зароно; кроме Менкары здесь были еще восемь матросов. Ванчо остался на берегу «Петреля».

Вторая лодка достигла берега так же быстро. Зароно позвал людей к себе. Через несколько минут он, Менкара и большая часть матросов скрылись за пальмами. Трое пиратов были оставлены на берегу для охраны шлюпок: смуглый уроженец Шема с орлиным носом, черный великан из Куша и плешистый краснолицый зингарец.

Конан с интересом наблюдал за происходящим с марса «Вастреля». Его корабль так и остался незамеченным, хотя расстояние до «Петреля» было не слишком уж велико.

Какое-то время отряд Зароно молча продирался через густые прибрежные заросли. Слышно было лишь тяжелое дыхание людей, шелест листвы, удары сабель и мечей, перерубавших спутанные лианы.

Было жарко и душно. Пот тек с пиратов рекой. Запах гниющих растений смешивался с экзотическими ароматами диковинных цветов, сиявших белым и алым среди темной зелени джунглей.

Зароно почувствовал и другой запах. Узнал он его не сразу. Волна отвращения обдала его, когда он понял природу

этого запаха — так пахнут змеи. Выругавшись, он поднес к носу позолоченную шкатулку с ароматическими шариками, скатанными из лимонной цедры и корицы. Однако даже этот благоуханный аромат не смог заглушить резкого мускусного запаха. Немного поразмыслив, Зароно немало удивился этому обстоятельству. За время своих плаваний он посетил не один остров, но ни разу он не видел там змей.

Зной стал невероятным — стволы пальм, перевитые цветущими лианами, стояли так плотно, что с моря к ним не долетало ни ветерка. Одежды Зароно потемнели от пота. Глядя на пышную зелень, окружавшую их со всех сторон, капитан обратился к Менкаре:

— Похоже, на твоём Безымянном острове, стигиец, нам ничто не угрожает, вот только запахи здешние мне не нравятся.

Менкара растерянно улыбнулся.

— Ты что, действительно ничего не замечаешь, Зароно?

Зароно пожал плечами.

— Жара здесь стоит несусветная, да пахнет премерзко — вот и все. Признаться, я ожидал встретить здесь что-нибудь эдакое, с когтями и рогами. Ни тебе духов, ни привидений. — Зароно смачно сплюнул.

Менкара посмотрел на него испытующим взглядом.

— Как вы, северяне, глупы! А тебе не кажется, что на острове слишком уж тихо?

— Хм, — задумался Зароно. — Наверное, в твоих словах есть резон...

Зингарца неожиданно бросило в дрожь. Джунгли действительно были подозрительно тихи. На таком маленьком острове вряд ли могли обитать крупные животные, но куда же могли деться птицы, ящерицы и крабы? И почему не слышно шелеста пальм? Нет, все действительно молчало, словно некто незримый, затаившись, наблюдал за ними.

Зароно выругался, но тут же взял себя в руки. Его люди были слишком заняты, для того чтобы обращать внимание на подобные пустяки. Знаком приказав Менкаре держать язык за зубами, Зароно последовал за людьми, торившими путь по непролазным джунглям. Ощущение того, что кто-то следит за ними, не покидало его ни на минуту.

К полудню пираты достигли своей цели. Это казалось им странным — только что они были окружены непроходимыми джунглями, и вот они уже на совершенно открытом месте. Джунгли обрывались разом — казалось, некая незримая граница была поставлена им пределом. Внутри этой незримой границы, имевшей очертания круга, растительности

практически не было — лишь несколько чахлах кустиков засохшей травы возвышалось над песчаной равниной. Менкара и Зароно обменялись многозначительными взглядами.

Посреди этой мертвой пустоши возвышалось таинственное сооружение, которое, судя по всему, и было целью их похода. Сооружение это могло быть чем угодно — могильником, усыпальницей, храмом, сокровищницей. Приземистое тяжелое строение было сложено из черного матового камня, который, казалось, поглощал все падавшие на него лучи, отчего трудно было разглядеть очертания этого сооружения.

Строение походило на огромный куб, стороны которого были образованы пересечением множества плоскостей и искривленных поверхностей. О симметрии говорить не приходилось, казалось, что зодчим этого странного куба был сам хаос — здесь не было ни одного одинакового элемента, более того, все сооружение казалось случайным собранием того, что было присуще разным странам в разные эпохи.

Черный храм — если только это было храмом — стоял перед ними, то и дело меняя свои очертания в колышущемся горячем воздухе. Смертельный леденящий ужас охватил Зароно. Вид черного куба повергал в такое смятение, что с ним не мог совладать и такой выдавший виды разбойник, как Зароно. Пират застыл, пытаясь взять себя в руки, он силился понять: что же так испугало его, от чего сердце стало биться так часто и от чего так трудно дышать?

В черном храме было что-то странное. Никогда прежде Зароно не видел подобных строений. Даже населенные привидениями стигийские могильники не выглядели столь зловеще, как этот чудовищный черный куб. Строители храма создавали его по каким-то своим, отличным от земных канонов правилам, они использовали странные пропорции, достигая ведомых лишь им одним целей.

Лицо Менкары посерело — было видно, что он чрезвычайно озабочен. Жрец еле слышно забормotal:

— Так я и думал. Здесь совершалось страшное З'фаим. — Монах поежился. — Кто бы мог подумать, что это зловещее действо создаст чары, которые сохраняют силу и через три тысячи лет...

— Что ты хочешь этим сказать; пес смердящий?! — Страх сделал Зароно грубым.

Стигиец перевел взгляд на капитана.

— Защитные чары, — прошептал он, — чары по-настоящему грозные. Если человек приблизится к храму, не прибегнув к чарам иного рода, своим присутствием он пробудит ту силу, что до времени спит в этом храме.

— Все понятно. Ну а теперь скажи мне: что это за чары иного рода и, главное, владеешь ли ты ими?

— Благодаренье Отцу Сегу — да, я владею ими. Об обитателях Валузии полулюдях-полужмеях почти ничего не известно. И все же того, что знаю я, достаточно. Но помни, сил моих надолго не хватит.

— Чего-чего, а этого можешь не бояться, за это время мы успеем и эту черную штуковину на корабль утащить, — прорычал Зароно. — Так что можешь приступать к делу.

— Тогда я попрошу вас — тебя и матросов — вернуться в лес и не смотреть в мою сторону, — сказал Менкара.

Зароно повел пиратов обратно в чащу. Войдя в лес, они остановились, став спиной к прогалине. Менкара запел, однако ни один из пиратов не понимал этой странной песни. О том, что происходило на поляне, они могли только догадываться. Свет, проникавший сквозь листву, становился то тусклее, то ярче, — казалось, что над ними кружатся огромные тени. Голосу стигийца стали вторить другие, нечеловеческие голоса, что звучали откуда-то сверху. Существом, которым эти голоса могли принадлежать, человеческая речь была явно чужда. Земля неожиданно сотряслась, и свет померк так, будто тяжелая туча заслонила собою солнце...

Раздался слабый голос Менкары:

— Идите!

Выйдя на прогалину, Зароно вздрогнул — стигиец явно постарел.

— Быстрее, — пробормотал Менкара. — Мои чары будут действовать недолго.

Обливаясь потом, Зароно и Менкара вошли в храм. В огромной зале, открывшейся их взорам, стоял полумрак — единственным источником света были распахнутые настежь храмовые врата.

В дальнем конце залы стоял огромный черный алтарь, над которым возвышался идол, выточенный из цельного серого камня. Идол этот походил одновременно и на человека, и на жабу; он сидел на алтаре подобно жабе, его обрюзгшее тело было покрыто бородавками.

Рот идола был полуоткрыт в безрадостной улыбке. Над двумя ноздрями-ямками был выложен полукруг, состоявший из семи круглых алмазов. Семь алмазных глаз идола слабо светились, отражая свет, проникавший в храм через врата.

Существо это показалось Зароно воплощением космического зла, он с трудом заставил себя отвести от него глаза. Перед алтарем лежало два полуистлевших кожаных мешочка. Сквозь прорехи одного из них что-то слабо мерцало — очевидно, это были драгоценные камни. Присмотрев-

шись, Зароно увидел, что камни просыпались и на каменные плиты пола — они поблескивали чудесным созвездьем.

Под мешками лежала огромная книга, переплет которой был обтянут змеиной кожей; размеры змея, которому эта кожа могла принадлежать, трудно было себе представить.

Люди обменялись взглядами, исполненными торжества. Зароно осторожно поднял надорванный мешок и левой рукой крепко прижал его к груди; в правую руку он взял второй мешок. Менкара, кряхтя, поднял книгу и благоговейно прижал ее к себе. Глаза его засверкали. Стараясь не шуметь, они вышли из храма, едва ли не бегом пересекли прогалину и наконец присоединились к людям, с нетерпением ожидавшим их в лесу.

— Скорее на корабль! — приказал Зароно.

Отряд заспешил к берегу по свежей просеке; людям не терпелось поскорее покинуть эту цитадель древнего зла, чья тень все еще парила над островом, люди спешили к ясному свету и свежему дыханию открытого моря.

Глава 6

ОГНЕННЫЕ ГЛАЗА

Страх и чувство гнева, владевшие душой принцессы Хабелы, сменились покоем. Она не понимала ни того, почему предатель Зароно восстал против своего короля и сжег его каравеллу, ни того, зачем он пленил ее. Ушел не только страх, теперь свободны были и ее руки.

Зароно запер ее в маленькой каюте, предварительно связав ее руки шелковым шарфиком. Казалось, что тонкая полоска алого шелка для этих целей не подходит, — однако Зароно, научившийся искусству вязания узлов у бродячего вендийского фокусника, умудрился связать руки так, что самые искусные пальцы вряд ли смогли бы освободить затянутые узлы; сам же шелк, несмотря на всю свою легкость, был не менее прочен, чем сыромятная кожа. В обеденное время Зароно развязывал шарфик, но стоило принцессе покончить с трапезой, как руки ее вновь связывались. Отвечать на вопросы Хабелы Зароно отказался.

Никто даже не догадывался о том, что широкий пояс принцессы скрывал от посторонних глаз небольшой нож. В обычае знатных дам Зингары было постоянно иметь при себе клинок, с помощью которого в случае угрозы ее чести дама могла умертвить себя.

Находчивая принцесса распорядилась своей судьбой иначе. Превозмогая боль в запястьях, она умудрилась из-

вlechь нож из тайника. Вставив рукоятъ ножа в паз, вырезанный под иллюминатором, она сняла ножны и, сев к ноу спиной, принялась перерезать шелковые путы.

Сделать это оказалось не так-то просто, ибо, подхоя к стене, она переставала видеть нож и потому то и дело резала себе руки. К тому времени, когда путы с ее рук спали, все они были залиты кровью. Но, как бы то ни было, руки наконец были свободны.

Хабела извлекла нож из паза и, вложив в ножны, вновь спрятала его под поясом. Окровавленными шелковыми лентами она перевязала кровоточащие запястья.

Но как же сможет она воспользоваться вновь обретенной свободой? Она знала о том, что Зароно покинул корабль, ибо слышала команды, отдававшиеся им. На корабле оставалось всего несколько человек, но что она могла сделать, если дверь каюты была заперта снаружи, а охранял ее до-родный детина?

Хабела подошла к иллюминатору, за которым плескались лазурные волны; вдаль виднелись песчаный пляж и зеленые опахала пальм.

К счастью для принцессы, она не была избалована настолько, насколько бывают избалованы дети знатных вельмож. То, на что она решилась, вряд ли могло прийти в голову девушкам ее возраста. Открыв оконную створку, принцесса подобрала края своего платья и заткнула их за пояс, обнажив колени. Внизу лениво колыхалось море, от иллюминатора до поверхности воды было никак не меньше четырех метров.

Хабела осторожно выбралась наружу, свесила ноги вниз и наконец разжала руки. В воду она вошла почти бесшумно. После духоты и зноя, стоявших в каюте, вода показалась легкой. Почти тут же заыли раны на запястьях.

Хабеле нельзя было медлить. В любую минуту праздные матросы могли подойти к борту корабля и увидеть ее. Прямо над собою принцесса видела высокую корму галеона, поблескивавшую стеклами иллюминаторов, еще выше виднелись вершины мачт, тихо покачивавшиеся на фоне безмятежно-голубого неба.

У поручней не было ни души. Принцесса поняла, что держаться ей следует за кормой; если же она поплывет к носу, ее тут же заметят со шкафута.

Плыть ей пришлось долго. Хабела поплыла на спине, считая, что так ее труднее будет заметить. Помня о том, что ей следует оставаться за кормой, она поплыла вдоль берега, время от времени отдыхая, лежа на воде.

Отдалившись от «Петреля» на приличное расстояние, она перевернулась на живот и быстро поплыла к берегу.

К тому времени, когда она почувствовала под ногами песчаное дно, ее уже била крупная дрожь. Собрав остаток сил, она вышла на берег и, оставив позади узкую полосу пляжа, рухнула наземь.

Кто знает, думала принцесса, быть может, ей лучше было оставаться на корабле, ведь об острове этом она ничего не знает. В любую минуту Хабела могла вернуться к Зароно, отдав тем самым предпочтение злу более-менее знакомому. Однако поступать так было не в ее правилах. Принцесса решила препоручить свою судьбу Митре, а там — будь что будет.

Восстановив силы, она поднялась на ноги и побрела вдоль берега. Ходить босиком ей почти не доводилось, и потому каждый шаг давался с трудом. С моря дул свежий ветерок; мокрое, тяжелое платье обжигало принцессу холодом. Хабела сняла пояс и сбросила с себя одежды. Хорошенько отжав платье, она разложила его на папоротниках. С помощью ножа она оторвала от платья узкую полосу ткани и, разрезав ее пополам, обмотала ступни.

Платье быстро высохло. Одевшись и взяв в руку нож, принцесса направилась в глубь острова.

Зеленый свод сомкнулся у нее над головой. Приторный запах гниющих листьев и аромат тропических цветов щекотали ей ноздри. Шершавые стволы пальм и колючие лианы больно ранили ее, оставляя на руках и ногах длинные царапины.

Чем дальше в глубь острова шла Хабела, тем реже становились заросли. Ветерок сюда уже не долетал. Не было слышно ни звука, и эта тишина почему-то казалась принцессе злоедей. Сердце забилося чаще.

Споткнувшись о корень, принцесса упала. Она попыталась было подняться на ноги, но тут же поняла, что на это у нее не хватит сил, — тело отказывалось подчиняться. Собрав все силы, Хабела заставила себя встать и тут же увидела прямо перед собой массивную темную фигуру человека, глаза которого горели огнем. Она вскрикнула, попятилась назад и тут же вновь упала наземь. Незнакомец ринулся к ней.

Конан задумчиво смотрел вдаль. Далеко впереди, у самого острова, покачивался на волнах «Петрель», галеон Зароно. Киммериец повернулся к Зельтрану:

— На борту осталась только часть экипажа — мы можем захватить вражеский галеон и тем отрезать Зароно путь к отступлению. Что ты на это скажешь, а? — Киммериец тор-

жественно улыбнулся, словно уже стоял на борту вражеского корабля.

Зельтран покачал головой.

— Нет, капитан, мне ваша идея не очень нравится.

— Но почему?! — недоуменно воскликнул Конан. Его варварская натура жаждала боя, атаки; долгие годы скитаний так и не приучили его к осторожности. Маленький же зингарец был осторожен, расчетлив и прозорлив, — советам его цены не было.

Живые глаза Зельтрана посмотрели на Конана в упор.

— Потому, мой капитан, что мы не знаем, сколько людей Зароно оставил на галеоне. Его команда куда больше нашей.

— Клянусь Кромом, я собственноручно справился бы с половиной этих вояк! — воскликнул Конан.

Помощник принялся пощипывать скудную бородавку.

— Так-то оно так, сэр, вы действительно стоите дюжины воинов. Да вот только все остальные вряд ли станут сражаться с такой же решимостью.

— Да почему же?

— Обе команды занимаются пиратством, верно? Более того, обе команды в основном состоят из зингарцев. Так зачем же наши люди будут проливать кровь своих братьев, если у них нет на то особой причины? «Петрель» куда выше «Вастреля», и потому команда Зароно легко сможет отбить все наши атаки. Вы забываете еще об одном немаловажном моменте — помните ту катапульту, что стоит на полубаке? И еще — насколько я помню, мы отправились в плавание, с тем чтобы завладеть сокровищами, а вовсе не для того, чтобы услаждать себя потасовками, исход которых более чем сомнителен. Я предлагаю обогнуть остров и высадиться на нем с противоположной стороны. Тогда мы сможем опередить Зароно и отыскать сокровища прежде, чем это сделают его люди. Если же они обгонят нас, мы сможем напасть на них и завладеть их добычей...

Конан вздохнул и нехотя согласился со своим помощником:

— Брасопить реи! Мы идем к северной оконечности острова! — мрачно скомандовал он.

В конце концов он был на корабле не один; под его началом были люди, о которых ему надлежало заботиться не меньше, чем о самом себе. О, как хотелось ему вновь стать вольным искателем приключений!

Через несколько часов «Вастрель» бросил якорь у восточного берега Безмяянного острова. На воду были спущены две шлюпки, и вскоре люди Конана были уже на берегу.

Покачивая саблей, огромный киммериец рассматривал пустынные пляжи и встававшую за ними стену деревьев. Остров производил крайне мрачное впечатление — повсюду сверкало солнце, однако, казалось, что остров погружен в тень.

Оставив на берегу двух пиратов, Конан повел свой отряд в глубь острова.

Вскоре отряд уже был на круглой прогалине. Взглядам людей открылась пустошь, кое-где поросшая жухлой травой. Стоя на опушке леса, Конан внимательно осмотрел поляну. Он не заметил никаких признаков жизни; если враг и поджидал их, то таиться он мог только в джунглях или в черном приземистом храме, стоявшем посередине прогалины.

Вид храма Конану сразу же не понравился. От этого странного черного строения исходило нечто настолько злое, что даже ему, Конану, стало не по себе. Он вдруг почувствовал, что волосы на его голове встали дыбом. Теперь он нисколько не сомневался в том, что храм этот строился не людьми, но неведомыми темными силами.

Возможно, его создали легендарные жители Валузии — полулюди-полузмеи, — подумал киммериец. Странные очертания, непонятные украшения, голая земля вокруг храма — все это напомнило храм, виденный им много лет назад в стране Куш. Считалось, что строили тот храм не люди, но те, кто жили на Земле задолго до них.

Ему хотелось поскорее покинуть это страшное место, но он помнил о том, что там, в храме, находится то, ради чего он приплыл сюда. Конан обратился к своим людям:

— Спрячьтесь в лесу и смотрите в оба — в таком месте всякого можно ожидать.

Сжав в руке эфес меча, Конан стремительным шагом пересек прогалину и исчез в храме.

Из врат храма веяло могильным холодом. Конан вынул меч из ножен и осторожно вошел внутрь. Окинув взглядом идола, по-жабы восседавшего на огромном алтаре, Конан перевел глаза на пол и на мгновение замер.

Если сокровища здесь и были, то Зароно уже завладел ими. На пыльных полах храма ясно были видны следы двух людей. Один из людей был обут в матросские ботинки, второй — в сандалии.

«Зароно и его спутник», — подумал Конан.

Часть пола перед алтарем была свободна от пыли, здесь же поблескивало несколько камешков, оброненных Зароно.

Вслух выругавшись, Конан решил подобрать эти камешки. Кто бы мог подумать — Конан, подобно шакалу, подби-

рает объедки, оставленные львом Зароно! Еще раз выругавшись, киммериец уже было наклонился за камешками, но тут что-то заставило его посмотреть наверх.

Каменный идол ожил. Семь алмазных глаз его вспыхнули зеленым пламенем. Повернув голову, чудовище уставилось на Конана.

Глава 7

КАМЕННАЯ ЖАБА

— **К**лянусь Кромом! Он живой! — воскликнул Конан, не в силах скрыть своего изумления.

Казалось, что покрытое бородавками каменное чудовище только что пробудилось ото сна, — потягиваясь, оно двигало своими пухлыми конечностями.

Не отрывая глаз от жертвы, идол подполз к переднему краю алтаря и с грохотом сверзился вниз, туда, где поблескивали оброненные Зароно изумруды.

Приземлившись на четырехпалые лапы, чудовище тут же двинулось на Конана — неуклюжим оно только казалось, движения же его были на удивление проворны. Огромное, словно буйвол, чудовище приближалось; горящие зеленым пламенем глаза его были на одном уровне с глазами Конана.

Киммериец было поднял меч, но тут же одумался. Судя по тяжести шагов идола, он действительно был сложен из камня, пусть камень этот и ожил. Стальной клинок не причинил бы ему никакого вреда; сражаться с этим каменным зверем было бы бессмысленно.

Поняв, что мешкать больше нельзя, Конан отскочил назад и выбежал на прогалину. Уже не таясь, он закричал:

— Бегите! Бегите к кораблю!

Крики, полные изумления и ужаса, огласили поляну, когда люди увидели, что из храма выскочила гигантская каменная жаба, преследовавшая их капитана. Повторять команду Конану не пришлось. Зашуршали листья пальм, затрещали ветви, — пираты помчались назад, к берегу. Каменное чудовище ринулось за ними, ничуть не уступая людям в скорости. Конан приостановился и, завладев вниманием идола, побежал в другую сторону.

— Что я вижу? Откуда здесь эта девица? Клянусь грудью Иштар и брюхом Дагона — на этом треклятом острове не соскучишься!

Незнакомец говорил хриплым, грубым голосом; судя по произношению, он был уроженцем Аргоса. Хабела очну-

лась — как ни странно, человеческий голос подействовал на нее успокаивающе. Затаив дыхание, она приняла руку высокого незнакомца и, как не силен был страх, позволила ему помочь ей подняться на ноги. Незнакомец заговорил вновь:

— Деточка, неужели я тебя испугал? Разрази меня гром, если у меня в мыслях было хоть что-то дурное. А теперь скажи мне: как ты оказалась на этом забытом богом острове?

Когда первый страх поутих, Хабела разглядела незнакомца получше — это был юный рыжеволосый гигант, одетый в видавшее виды матросское платье. Он ничуть не походил на тех головорезов, которыми командовал Зароно, — кожа его была очень светлой, ясные голубые глаза смотрели прямо, волосы и борода отливали золотом. Хабела решила, что перед ней северянин.

— Зароно, — едва выговорила принцесса, не в силах совладать с усталостью. Ее покачивало, — если бы не сильная рука рыжеволосого моряка, Хабела вряд ли устояла на ногах.

— Зароно? Эта грязная свинья? Выходит, он уже девиц стал воровать? Ох и мерзавец же он! Теперь ты можешь его не бояться — клянусь рогом Хеймдала и мечом Митры, я помогу тебе. Тебя защитят мои люди.

Из-за кустов внезапно послышался треск; северянин резко развернулся и схватился за эфес своего огромного меча. Дитина, выскочивший из подлеска, сделал несколько шагов, но, заметив людей, застыл. К изумлению Хабелы, человек этот был ей знаком.

— Капитан Конан! — закричала принцесса.

Конан пригляделся получше. В нескольких шагах от него стояли дюжий рыжеволосый моряк, сжимавший в руке меч, и темноволосая девушка в изодранном платье. Девушку эту он где-то уже видел, но сейчас ему было явно не до нее.

— Бегите! — закричал Конан. — За мной гонится чудовище их храма! Сейчас не до разговоров!

И тут же, словно в подтверждение его слов, из-за кустов вновь послышался треск, но на сей раз он был куда громче.

— Живее! — закричал Конан и, схватив принцессу за руку, побежал по тропке. Северянин поспешил вслед за ними. Вскоре чудовище, преследовавшее их, осталось далеко позади. Когда люди остановились для того, чтобы отдышаться, Конан спросил у северянина:

— Неужели на этом проклятом острове нет ни холмов, ни скал? Каменная жаба вряд ли умеет лазать по горам.

— Клянусь Копьем Одина, капитан, чего-чего, а холмов здесь нет, — ответил раскрасневшийся и запыхавшийся юноша. — Всюду одно и то же. Северо-восточный мыс заканчивается утесом, но он нам вряд ли подходит — со сто-

роны острова склоны у него слишком уж пологие. Туда не то что жаба, туда и младенец подняться сможет... Смотрите, этот истукан уже совсем рядом!

— Веди нас на свой утес, — приказал Конан. — Похоже, я кое-что придумал.

Северянин пожал плечами и побежал первым. Вскоре принцесса ослабла настолько, что не могла уже не то что бежать, но и идти. Конан взвалил ее себе на плечи и, не сбавляя шага, стал догонять северянина. Позади слышался треск ломающихся деревьев.

Примерно через час, когда солнце уже клонилось к горизонту, они почувствовали, что начался подъем. Вскоре стал виден и сам мыс, напоминавший нос корабля. Конан вспомнил о том, что видел этот утес с палубы «Востреля», когда тот огибал северную оконечность острова.

Теперь девушку нес северянин. Он бежал бок о бок с киммерийцем и, похоже, ничуть не уступал ему ни в силе, ни в выносливости. Джунгли остались позади, теперь беглецы поднимались по голому склону утеса. Одолев половину пути до вершины, северянин опустил Хабелу на землю и на минуту остановился, чтобы хоть немного перевести дух. Он и Конан обернулись, пытаясь понять, насколько отстала от них каменная жаба.

Судя по треску и по тому, как неистово раскачивались вершины деревьев, каменный демон был совсем рядом.

— Именем Крома и Митры, скажи мне — в чем состоит твой план? — с трудом выговорил рыжеволосый моряк, который никак не мог отдышаться.

— К вершине! — проревел Конан и заспешил вверх по склону. Он добежал до самого края утеса и посмотрел с его вершины вниз, где ревело и ярилось среди черных остроконечных скал беспокойное море. Меж черными каменными зубьями поблескивала вода.

Хабела обернулась назад и вскрикнула — каменная жаба выбралась из джунглей и, тут же, увидев тройку беглецов, стала быстро взбираться по склону.

— Теперь мы загнаны в угол, — пробормотал северянин. — Похоже, мы свое отплавали.

— Не спеши, — буркнул Конан и изложил суть своего плана.

Тем временем каменная жаба подбиралась все ближе, семь круглых глаз ее ярко сверкали в лучах заходящего солнца. Если раньше чудище ползло, то теперь оно прыгало по-жабьи. От каждого прыжка сотрясалась земля. Жаба была уже совсем близко; в предвкушении добычи рот ее осклабился.

Конан поднял с земли несколько камней.

— Пора! — закричал он.

По этой команде Хабела побежала вдоль обрыва в одну сторону, а рыжеволосый моряк — в другую. Конан же продолжал стоять на вершине утеса.

Жаба замерла и принялась водить своими круглыми зелеными глазами, выбирая жертву.

— Давай! — закричал Конан и метнул камень. Бульжник с сухим треском отскочил от жабьей головы. За первым камнем последовал второй — он угодил прямо в зеленый глаз чудища и отлетел высоко вверх. Зеленое пламя, освещавшее этот глаз изнутри, тут же погасло.

Не успел Конан метнуть третий камень, как чудище ринулось к нему. Один-единственный прыжок отделил каменную жабу от вершины утеса. Каменная жаба раскрыла свою ужасную пасть еще шире.

Как только жаба изготовилась для прыжка, Конан развернулся лицом к морю и головою вперед прыгнул с утеса. Прыжок этот был выполнен безукоризненно — тело киммерийца вошло в прохладные воды крошечной лагуны, окруженной со всех сторон щерящимися зубцами черных скал. Вынырнув, Конан посмотрел наверх.

Чудище тяжело плюхнулось на самый край утеса, в то самое место, где только что стоял Конан. Вниз сорвался град камней. Вершина стала обсыпаться; передние лапы жабы съезжали все ниже и ниже. Какое-то время жаба еще удерживалась на кромке обрыва, пытаясь отползти назад, но тут камни под ней рухнули, и она сорвалась вниз. Со страшным грохотом каменное тело упало к самому подножью утеса.

Конан вышел из воды и, взмахнув головой, отбросил назад мокрые волосы, лезшие в глаза. Из бока и бедра его сочилась кровь — попасть точно в центр лагуны ему все же не удалось, и он содрал кожу о подводные камни. Не обращая внимания на боль, киммериец пытался отыскать взглядом останки каменного чудища.

Камень, даже ожив, остается камнем. Жаба разбилась на сотню кусков, разлетевшихся далеко вокруг. В одном из камней Конан признал ногу чудища, в другом — голову. Прочие же камни были настолько похожи друг на друга, что казалось, они лежат здесь уже вечность.

Прыгая со скалы на скалу, Конан добрался до подножья утеса и полез наверх, выбирая себе путь поудобнее. Наконец он вновь оказался наверху, рядом со своими неожиданными спутниками. Рыжеволосый моряк задумчиво смотрел вниз, на останки чудовищной жабы.

— Клянусь когтями Нергала и нутром Мардука — чисто сработано! Думаю, теперь, когда все опасности позади, настало время и познакомиться. Я — Сигурд из Ванахейма,

честный моряк, оказавшийся на этом острове волею судеб. Наш корабль разбился о прибрежные рифы, команде же моей, благодарение богу, удалось спастись. Теперь говорите — кто вы?

Конан, прищурившись, разглядывал принцессу.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он вдруг. — Неужто ты — Хабела? Дочь Фердруго?

— Да, — ответила принцесса, — и тебя я тоже знаю. Ты — капитан Конан.

Там, в лесной чаще, она уже называла его по имени, теперь же у нее не оставалось никаких сомнений в том, что перед нею именно он, капитан Конан. Только не подумайте, что в Зингаре капитаны пиратских галеонов запросто общались с принцессами, — нет, просто Конан был фигурой слишком уж заметной. Хабелу же киммериец видел разве что во время празднеств, парадов и прочих торжественных церемоний, которые проводились в Кордаве едва ли не каждый день.

Большая часть добытого Конаном за время путешествий попадала в королевскую казну, и потому Фердруго не мог не принимать у себя brave капитана. Длинноногий, широкоплечий, бесстрастный киммериец запомнился принцессе; да и он признал ее едва ли не сразу, несмотря на то, что одежда принцессы была изорвана, волосы растрепаны, а лицо исцарапано.

— Принцесса, бога ради, скажи мне — ты что здесь делаешь? — спросил недоумевающий Конан.

— Принцесса?! — воскликнул изумленно Сигурд. Румянец на его лице стал еще гуще; он потрясенно разглядывал полутолую девушку, с которой он был так неучтив и груб. — Клянусь бородой Имира и огнем Ваала, Ваше Высочество, знал бы, с кем имею дело, я вел бы себя совершенно иначе! Я-то, помнится, «деткой» вас назвал, а вы, оказывается, вон каких кровей будете... — Сигурд опустил перед принцессой на колени и взглянул на Конана, который, улыбаясь, следил за происходящим.

Хабела ответствовала:

— Встань, капитан Сигурд, и больше не упоминай об этом. О каком этикете сейчас можно говорить? Лучше скажи — знаком ли ты с капитаном Конаном, вторым моим спасителем?

— Конан... Конан, — задумался Сигурд, — Конан-киммериец?

— Верно, — пробурчал Конан. — Ты что — слышал обо мне?

— Да. Многие рассказывали о тебе в Тор... — Сигурд замолчал на полуслове.

— Ты хотел сказать — в Тортаге? — спросил Конан. — Я сразу понял, что в тебе есть что-то барахское. Когда-то я тоже входил в Братство, но потом вышел из него — уж слишком сомнительными делами оно стало заниматься. Теперь я капитан «Вастреля», капера, состоящего на службе у короля Зингары. Как ты считаешь, сможем мы сойтись?

— Клянусь рыбьим хвостом Ллира и молотом Тора! Мы будем друзьями! — сказал ванир, пожимая Конану руку. — Куда труднее будет удержать от ссоры наших людей. Большинство моих людей — аргосцы, твои же люди, судя по всему, — зингарцы, — они в один миг перегрызут друг друга глотки. Ни ты, ни я не принадлежим к этим народам, потому и упрекать нам друг друга не в чем.

— Это верно, — согласился Конан. — Но скажи, — как же вас занесло сюда?

— У южного берега этого треклятого острова мы напорились на рифы. Нам удалось спасти почти все имущество и провиант, но капитан наш заболел и вскоре умер. Я был его помощником и потому вот уже месяц выполняю его обязанности. И все это время мы занимались одним-единственным делом — сколачивали такой плот, что мог бы доплыть до большой земли.

— Ты что-нибудь знаешь о черном храме?

— Конечно, знаю — и я, и мои люди видели его не раз. От него веет таким злом, что мы туда и близко не подходим. — Сигурд посмотрел на запад — красный диск солнца уже касался края синих вод. — Можете считать меня кем угодно, но все эти прогулки по джунглям и сражения с чудищами вызывают у меня только одно желание — желание выпить. Позвольте пригласить вас в наш лагерь — надеюсь, там найдется то, чего так страдают наши истомившиеся души, — я говорю о вине. Его осталось немного, но, думаю, сегодня мы его заслужили.

Глава 8

КОРОНА КОБРЫ

Зароно был вне себя от ярости, когда, вернувшись на борт «Петреля», он услышал о том, что Хабела исчезла. Он приказал килевать тех матросов, что несли вахту на юте и у каюты принцессы.

На следующее утро еще до рассвета почти все его люди вновь высадились на берег. Целый день команда Зароно прочесывала остров, пытаясь отыскать принцессу, без которой планы заговорщиков теряли какой-либо смысл. Пи-

ратам удалось обнаружить лишь несколько клочков ткани, свидетельствующих о том, что принцесса побывала на острове, однако ее самой, похоже, здесь уже не было.

Была обнаружена и стоянка людей Сигурда, но, опять-таки, стоянка была, а люди отсутствовали — барахских пиратов и след простыл.

На исходе дня сбитый с толку и злой, как никогда, Зароно вернулся на «Петрель».

— Менкара! — заорал он.

— Слушаю тебя, Зароно.

— Если твое колдовство хоть чего-то стоит, пришло время к нему прибегнуть. Покажи-ка мне, где теперь эта проклятая девчонка!

Вскоре Зароно уже сидел в своей каюте и смотрел на то, как стигиец проделывает уже знакомые ему процедуры. Угли в жаровне зашипели, и колдун запел:

— Яо, Сетеш...

Облако зеленого дыма стало уплотняться, и через несколько мгновений Зароно увидел перед собой морскую ширь. По спокойному морю тихо плыл небольшой изящный галеон. Все паруса его были подняты, но ветер был настолько слаб, что судно почти не двигалось.

— Конановский «Вастрель» попал в штиль, — сказал Зароно, когда видение померкло. — Хотел бы я знать — куда же он направляется?

Менкара развел руками.

— Для этого моего умения недостаточно. Если бы солнце стояло над горизонтом, я мог бы понять хотя бы то, в каком направлении движется галеон. Сейчас же, увы...

— Ты хочешь сказать, — взорвался Зароно, — что мы не сможем узнать даже этого?!

— К сожалению, я не Тот-Амон. Все, что мог, я уже сделал.

— Тогда скажи мне — видел ли ты принцессу?

— Нет. Но я несколько не сомневаюсь в том, что и она на «Вастреле», иначе мы ее не увидели бы. Скорее всего, она спит в одной из кают.

— Знать бы об этом наперед, я бы вел себя с ней иначе, — проворчал Зароно. — И что же мы теперь будем делать?

— «Вастрель» мог пойти к берегам Куша, но, скорее всего, он направился назад, в Кордаву. Этот самый капитан Конан явно захочет доставить ее туда побыстрее — можно себе представить, сколько ему за это отвалит король.

— Если мы пойдем прямо на север, мы успеем перехватить их — или нет? А, Менкара?

— Думаю, что не успеем. Океан слишком велик. Помимо прочего, мы точно так же можем попасть в штиль, верно?

И еще — они могут поплыть и к Шему, ведь Асгалуном правит брат короля Товарро. Мы слишком мало знаем о них. И ты, Зароно, забываешь о главной нашей цели.

— Девка и сокровища — вот и все наши цели!

— Ты забыл о великом Тот-Амоне. Если мы заручимся его поддержкой, нас уже не будет волновать то, вернется принцесса в дом отца или не вернется. Король магов управляет событиями так же легко, как кукольник управляет своими марионетками. Нам следует плыть на северо-восток, к берегам Стигии. Если при этом мы нагоним корабль Конана, будем считать, что нам повезло, если нет — расстраиваться не стоит.

Бросив якорь у берегов Стигии, Зароно отправился в глубь этой пустынной страны. Половина команды была оставлена на «Петреле», вторая половина, вооружившись до зубов, отправилась на берег вместе со своим капитаном. Караванщики заломили такую цену, что у скупого Зароно глаза на лоб полезли, — но что было делать, иначе он не смог бы попасть к Тот-Амону.

Как и большинство моряков, Зароно крайне неуютно чувствовал себя на берегу. Он казался себе беззащитным, ему постоянно чего-то не хватало. Пустыня напоминает море, как ничто другое на земле; но и она была совершенно чужда Зароно. Ему не нравилась ни мерная покачивающаяся походка своенравных верблюдов, ни сухой воздух, от которого пересыхала глотка.

Но что делать, он должен был все это терпеть. На третий день пути на горизонте появился Оазис Хаджар. Вокруг странного черного озера недвижно стояли темные пальмы. За ними угадывались очертания сооружения, имевшего весьма внушительные размеры.

Путники осторожно приблизились к Оазису. Возглавлял процессию Менкара, ряса которого ясно указывала на его принадлежность к храму Сета.

Оазис казался совершенно мертвым. Странников никто не встречал, более того — не было слышно и птичьего пенья. На краю Оазиса путники остановились. Послушные погонщикам верблюды легли на песок. Зароно обратился к боцману:

— Следи за погонщиками. Эти псы, похоже, чем-то напуганы — как бы они от нас не удрали.

Дальше Зароно и Менкара шли уже пешком. Они обогнули мрачное черное озеро и подошли к большому строению. Озеро показалось Зароно зловещим. Его черные, словно уголь, воды поблескивали в лучах полуденного солнца.

Местами поверхность озера была покрыта маслянистой радужной пленкой, постоянно менявшей свой цвет. На берегу стоял большой красноватый камень, формой своей напоминавший алтарь. Верхушка камня была покрыта бурными пятнами. Зароно поблдевел — похоже, из этого черного озера время от времени выходит тот, кому приносятся кровавые жертвы; Зароно был не робкого десятка, но от этой мысли ему стало страшно.

Озеро осталось у них за спиной. Они стояли перед входом в здание, сложенное из массивных блоков красноватого песчаника. Скорее это был не дом, но дворец, — уж слишком велико было здание. Судя по тому, как были источены ветром его стены, можно было понять, что здание это просто-яло уже не одну сотню лет.

Для чего воздвигалось это сооружение, сказать было невозможно. Зароно, объехавший едва ли не весь свет, никогда не видел иероглифов, подобных тем, что украшали арку над воротами. Здание выглядело донельзя просто и строго, если оно на что-то и походило, то разве что на пирамиды близ затерянного в пустыне Кеми. Жилым его назвать было невозможно, скорее оно напоминало усыпальницу.

Раскрытые ворота походили на разверстую пасть угрюмого чудища, затаившегося среди песков. Ни минуты не колеблясь, Менкара шагнул внутрь и рукою начертал в воздухе таинственные знаки. К ужасу Зароно, неосознаваемые линии, проведенные перстами жреца, на мгновение вспыхнули зеленоватым призрачным пламенем.

Тишину, стоявшую в здании, не нарушал ни единый звук — здесь не было ни стражей, ни слуг. Менкара осторожно двинулся вперед, Зароно не оставалось ничего иного, кроме как следовать за ним.

Коридор заканчивался ведущим вниз лестничным маршем, ступени которого были истерты до такой степени, что на них почти невозможно было удержаться. Вскоре спуск закончился; миновав небольшой коридор, путники вошли в просторную залу.

Зловещий зеленоватый свет лился от ламп, поддерживаемых медными змеями. В этом неверном изумрудном свете можно было разглядеть два ряда могучих колонн, украшенных теми же знаками, что были начертаны на надвратной арке. Колоннада вела к трону, выточенному из черного блестящего камня, на котором сидел человек. Вскоре путники уже стояли перед ним.

На троне восседал смуглый широкоплечий великан, надменно смотревший на нежданных гостей. Голова его была обрита наголо. Темные глаза странно поблескивали. Он был одет в простую белую рясу, сшитую из грубой парусины.

Единственным украшением этого человека было кольцо, надетое на один из пальцев правой руки, — медная змейка, трижды обвивавшая палец, кусала себя за хвост.

Строгая простота здания и отсутствие украшений на одеяниях великого мага как нельзя лучше раскрывали натуру Тот-Амона. Для этого человека мирские богатства и красоты были чем-то ничего не значащим. Он желал и искал только одного — власти над людьми.

В нескольких шагах от трона они остановились.

— Приветствую тебя, Менкара! — зычным голосом обратился к жрецу маг.

Менкара стал на колени и поклонился, коснувшись лбом темных каменных плит пола.

— По милости Отца Сета я прибыл сюда, о владыка! — еле слышно пробормотал жрец.

Тот-Амон страшил не только Зароно, жрец тоже трепетал перед ним. От этой мысли пирата бросило в пот.

— Что за зингарец стоит рядом с тобой? — спросил Тот-Амон.

— Это капитан пиратского галеона Зароно, о владыка. Он прибыл сюда как посланник Вилагро, герцога Кордавского.

Холодные змеиные глаза посмотрели на Зароно в упор. Зароно показалось вдруг, что разум этого человека настолько далек от всего земного, что людская суeta может разве что раздражать его.

— И что же нужно Зингаре от меня, а мне от Зингары? — вкрадчивым голосом спросил Тот-Амон.

Менкара открыл уже было рот, но тут Зароно репил, что пришло время брать дело в свои руки. Он сделал шаг вперед и опустился перед тронном на колени. Достав из кармана камзола письмо Вилагро, Зароно передал его Тот-Амону. Маг положил письмо себе на колени, так и не взглянув на него.

— О величайший из магов, — начал Зароно, — я пришел сюда, с тем чтобы от лица герцога Кордавского выразить вам всяческое почтение и нижайше попросить вас о небольшой услуге, за которую герцог готов щедро расплатиться. О том же, в чем именно состоит эта услуга, вы сможете узнать из письма.

Тот-Амон так и не развернул пергаментного свитка — казалось, он уже был знаком с его содержанием. Презрительная улыбка заиграла на его губах.

— Я занимаюсь серьезной магией, — процедил маг сквозь зубы. — Золото Вилагро меня несколько не интересует. Что же касается низвержения культа Митры и восстановления веры Отца нашего Сета, то это мне по душе.

— Это еще не все, о владыка! — сказал Менкара, до-

ставая из-под рясы «Книгу Склоса». — В знак серьезности намерений герцога мы просим вас принять из наших рук сей дар. — Он возложил древний манускрипт к ногам Тот-Амона.

Тот-Амон щелкнул пальцами, и книга, взлетев в воздух, раскрылась и мягко легла ему на колени. Маг лениво перевернул несколько страниц и вновь обратил свой взор на Менкару.

— Подарок действительно редкостный, — сказал он — Я и не думал, что существует третья копия. Впрочем, быть может, вы ограбили Аквилонское книгохранилище?

— Нет, о владыка, — отвечивал Менкара. — Нам посчастливилось найти эту книгу в западных морях, на Безымянном острове...

Менкара неожиданно замолк, почувствовав, что мрачный гигант, восседавший перед ними, внутренне напрягся. Холодное пламя заплескало в его черных змеиных глазах. От трона повеяло лютым холодом. Зароно никак не мог взять в толк, чем же они разгневали великого мага.

— Что еще взяли вы у алтаря Цатогуа, бога-жабы? — спросил Тот-Амон. Слова его были мягки и вкрадчивы, словно меч, вынимаемый из ножен.

Менкара смутился.

— Ничего, о ужасный владыка, — книгу да пару мешочков с камнями...

— Ты говоришь о тех мешочках, что лежали на книге?

Менкара кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Тот-Амон поднялся на ноги; глаза его заблестали адским огнем. Зала озарилась ярким сиянием. Громовым голосом маг произнес:

— Вы, жалкие черви! И эти идиоты служат мне, Тот-Амону! О Сет, дай мне слуг не столь глупых! Аи кан-фог, яаа!

— О великий! О повелитель магов! Чем же мы могли тебя разгневать? — запричитал Менкара, пав ниц перед своим господином.

Могучий стигиец устремил на гостей взор, исполненный гнева. Громоподобный голос сменился змеиным шипением.

— Знайте, глупцы, что под каменным идолом было скрыто то, что куда дороже всех земных богатств, то, в сравнении с чем «Книга Склоса» — жалкий клочок бумаги! Я говорю о Короне Кобры!

Зароно вздрогнул. Ни единожды он слышал истории об этом священном талисмане жителей Валузии, равного

которому не было на всей земле, — эта корона змеиных королей некогда позволила им захватить всю Землю. Они взяли лишь книгу и камня, главное же сокровище осталось на острове!

Глава 9

И СНОВА ВЕТЕР

Штиль, застигший «Вастрель» неподалеку от Безымянного острова, казался нескончаемым. Моряки сидели вдоль борта и от нечего делать ловили рыбу. В полукабельтове от «Вастреля» гребцы шлюпа, связанного с галеоном тросом, потели на веслах, пытаясь вывести корабль из мертвой зоны.

Конан ругался на чем свет стоит и призывал своих свирепых киммерийских богов, однако и это ему не помогало — паруса так и оставались безжизненными. Южная часть горизонта была затянута тучами, по ночам там сверкали молнии; здесь же небо было совершенно ясным, а воздух — недвижимым.

Огромный киммериец уже начинал волноваться. Теперь его мог нагнать корабль Зароно, если только ему больше повезло с ветром. Впрочем, зингарец мог поплыть и совсем в ином направлении — этого тоже нельзя было исключить.

Проблем на «Вастреле» хватало и без Зароно. С одной стороны, подходил к концу запас провианта и пресной воды. С другой — на корабле кроме его команды была и команда Сигурда. Конану нравился отважный рыжебородый юноша из Ванахейма, и потому он позволил барахтам делить каюты с его собственными людьми. Он знал, что это может привести к неприятностям, и в ожиданиях своих не обманулся. Пираты Зингары и пираты Аргоса издавна соперничали друг с другом. Им приходилось сражаться слишком часто, для того чтобы хоть на время установить перемирие.

Но моряки есть моряки, и закон у них один. Конан не мог сняться с якоря, оставив на берегу таких же, как он сам, моряков, пусть поступок его и казался совершенно безрассудным. С Сигурдом они ладили, но этого, к сожалению, нельзя было сказать об их командах. Зингарцы постоянно изводили насмешками злосчастных аргосцев, пока наконец не вспыхнула драка. Тогда Конану и Сигурду удалось разнять потерявших голову морских волков, но было понятно, что вот-вот — и случится новая драка.

Штиль только подливал масла в огонь. Конан выругался и крепко сжал поручень — если бы ветер задул вновь, мо-

ряки были бы слишком заняты, для того чтобы разбираться, кто из них прав, а кто виноват.

Конану не давала покоя и другая проблема. Хабела поведала ему все, что она знала о Зароно и его спутнике — стигийском маге со змеиным взглядом. О чем-то они говорились, что-то она подслушала, к чему-то она пришла сама. Все говорило о том, что маг и Зароно готовили заговор, направленный против короля.

Киммериец оказался перед дилеммой. Для простого пирата придворные интриги не значат ровным счетом ничего, к тому же Фердруго Зингарскому он был обязан немногим. Старый король позволил ему командовать капером, состоящим на службе у Зингары, и пользоваться кордавской гаванью. Но скорее всего, Конану не отказал бы в этом и любой правитель Зингары. Более того, вряд ли кто-то другой запросил бы с него столь высокий процент, как это сделал король Фердруго.

Впрочем, в подобных ситуациях примитивное рыцарство, присущее киммерийцам, всегда брало верх над соображениями выгоды. Конан, этот грубый варвар, не мог бесстрастно наблюдать за тем, как отец прекрасной Хабелы слабеет и хиреет день ото дня, преследуемый коварными заговорщиками и стигийскими магами. Даже не понимая того, во что он вмешивается, Конан решил принять сторону принцессы.

Вряд ли в этом он был совершенно бескорыстен. У пирата тоже были свои амбиции. Киммериец никоим образом не желал заниматься пиратским ремеслом до конца своих дней. Если же он спасет короля и принцессу от тенет, сплетенных предателями и заговорщиками, если он поддержит пошатнувшийся трон, разве он не вправе будет требовать вознаграждения? Разве после этого он не может стать герцогом или адмиралом?

Конан стал подумывать даже о том, чтобы связать свою жизнь с принцессой Хабелой и со временем занять место стареющего монарха. За недолгую, но бурную его жизнь множество женщин оказывало ему знаки внимания. Киммериец неизменно вел себя благородно, но никогда не подумывал о том, чтобы связать себя узами законного брака. Он не мог изменить себе — кровь его жаждала путешествий, приключений и битв; мысль же о том, что он будет привязан к семейному очагу, будет исполнять обязанности главы семьи, его просто пугала.

Ему исполнилось уже тридцать пять. И хотя прожитые годы не оставили на нем и следа, — если не считать бесчисленных шрамов, покрывавших его тело, — он понимал, что его нынешняя бурная жизнь когда-то должна кончиться.

Теперь ему надлежало задуматься о будущем. Хабела была красива и мила, сильна и умна, кроме того, он, Конан, судя по всему, нравился ей. Кто знает, что ему сулит будущее...

Поморщившись, Конан покинул палубу и направился к себе в каюту. Едва он сел в кресло, как вниманием его завладел блеск алмазов. Конан улыбнулся — по крайней мере, сплавали они не зря. На столе в лучах полуденного солнца поблескивали бесчисленные камни, украшавшие собой Корону Кобры.

После того как разбился каменный идол и путники спустились с утеса, дорога вновь привела их к черному храму. Злые чары, окутывавшие его, совершенно рассеялись. Таинственное сооружение поблескивало на солнце. Оно уже не ужасало так, как прежде, и вызывало скорее любопытство, чем страх.

Конан вновь осторожно вступил под своды храма. На том месте, где не одно столетие просидел похожий на жабу идол, зияла черная дыра. Конан заглянул в нее и заметил какое-то поблескивание. Неужели Зароно что-то оставил? Киммериец сунул в дыру руку и достал оттуда Корону Кобры.

Золотая корона была инкрустирована тысячами искрящихся алмазов. Конан понимал, что камни эти разрезаны и огранены, хотя знал и о том, что гранить алмазы люди не могут (в те дни это искусство людям было неизвестно). Ряд сужающихся к вершине колец образовывал конус, из вершины которого изогнутая золотая змейка свешивала свою голову так, что та оказывалась в межбровье того, кто надевал корону. Стоимость украшавших корону алмазов трудно было даже представить. Поход на Безымянный остров увенчался успехом.

От невеселых мыслей Конана отвлек громоподобный рев: «Клянусь грудью Фригги и фаллосом Шайтана!»

Конан заулыбался, узнав голос ванира Сигурда. В следующее мгновение рыжебородый, покрасневший от возбуждения северянин уже стоял у него в дверях. Прежде чем Сигурд успел что-то сказать, Конан понял, что же вызвало у него столь бурный восторг, — ветер вновь запел свою песнь, ветер вновь был с ними.

И что это был за ветер! Два дня и ночь ураган носил «Вастрель» по волнам, грозившим перевернуть его, два дня и ночь матросы не сходили с вахты. Нет, не случайно моряки Хайборийской эры избегали этих губительных вод.

Когда ветер утих, «Вастрель» бросил якорь в неведомой бухточке. Где именно они находились, Конан не знал — и днем и ночью было немногу затянута непроницаемой облачной завесой; ясно было только одно — они вновь подошли к

большой земле. Судя по всему, ветер унес их далеко на восток. Пышные тропические заросли подступали к самому берегу, и это значило, что луга Шема остались где-то на севере. Это могла быть и Стигия, и царство Куш, и неведомые страны, населенные чернокожими людьми.

— Что-то я никак не возьму в толк — куда это нас занесло? — ворчал помощник капитана Зельтран.

— Черт его знает, ведь он нас сюда и занес, — отвечал ему Конан. — Для нас главное — найти воду. В бочках нет ничего, кроме ила. Подбери людей, которые смогут отправиться на берег, и загрузи в шлюп бочки. Да только не мешкай!

Зельтран поспешил на главную палубу. Через несколько минут, когда люди уже сидели в лодке, Сигурд, хмуро посмотрев на берег, смачно выругался. К груди ванир пристегнул широкую кожаную перевязь.

— Что тебе так не понравилось? — спросил Конан.

Сигурд пожал плечами.

— Да это я так, приятель, просто берег этот мне не нравится — похоже, это какой-нибудь Куш.

— Ну и что из этого? Если нас относил на восток, то мы и должны были оказаться в Куше.

— Ну а если это так, то честным морякам здесь делать нечего. Этим черным демонам ничего не стоит съесть нас вместе с потрохами. Ну а чуть подальше — если верить моряцким рассказам, — живет племя, состоящее из одних женщин, столь искусных в ратном деле, что против них не устоит ни один мужчина.

Конан смотрел на шлюп, быстро удалявшийся от корабля.

— Возможно, ты и прав, но без воды нам тоже не обойтись, да и провианта у нас маловато. Вот только загрузимся — и сразу пойдем на север, к Кордаве.

Глава 10 ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ

Гавань, в которую они заплыли, лежала в устье небольшой илистой реки — по берегам вставал лес высоких пальм, стволы которых были скрыты густым подлеском. Шлюпка вышла на мелководье, и пираты, сойдя с нее, потащили ее на берег. По берегу были выставлены лучники, остальные же, взяв пустые бочки, направились к реке. Они шли все дальше и дальше, время от времени пробуя воду на вкус, и вскоре скрылись из виду.

Конан, отправившийся на берег со второй шлюпкой, скрестив руки стоял на корме и хмуро рассматривал берег. Очертания берегов казались ему странно знакомыми, в памяти всплыло и название реки — Зикамба. Возможно, это место было знакомо ему по картам; возможно, он уже и бывал здесь в ту пору, когда они путешествовали вместе с Белит. Он заулыбался, вспомнив о том, как сражались бок о бок он и Белит, о том, как преследовали их орды чернокожих пиратов. Белит — смуглая и томная, словно пантера, чьи глаза казались темными звездами, Белит — его первая и последняя любовь...

С внезапностью тропического урагана из подлеска выскочила банда нагих чернокожих головорезов, с телами, раскрашенными яркими красками, расцвеченными пестрыми бусами и перьями. Их набедренные повязки были сшиты из шкур диких зверей, в руках они сжимали копыя с пышным опереньем.

Вскрикнув от неожиданности, Конан выхватил из ножен свою огромную саблю и закричал:

— Пираты, ко мне! За оружие! За оружие!!!

Предводителем черных воинов был рослый детина, чье тело казалось выточенной из черного мрамора скульптурой гладиатора. Чресла его были прикрыты шкурой леопарда, на щиколотках и запястьях позвякивали браслеты. Голова его была украшена султаном из павлиньих перьев, взгляд умных темных глаз исполнен царского достоинства.

Вождь тоже показался Конану удивительно знакомым. Но сейчас ему было не до воспоминаний. Он отбежал от берега и присоединился к своим товарищам, изготовившимся встретить неприятеля лицом к лицу.

Внезапно вождь дикарей замер и, подняв свои длинные могучие руки, прокричал:

— Симагани, вот!

Услышав окрик вождя, чернокожие воины замерли, лишь один из них — тот, что стоял рядом с вождем, — продолжал раскручивать страшный асsegай, метя им в Конана. Но стоило руке воина пойти вперед, как вождь стремительным движением разможил ему череп страшным ударом своего кирри. Воин упал на желтый песок.

Конан приказал своим людям по временности с атакой. Какое-то время противники стояли друг против друга, держа наготове отравленные копыя и луки. Конан и черный великан, тяжело дыша, стояли лицом к лицу. И тут вождь заулыбался, блеснув белоснежными зубами.

— Конан! — сказал он на гирканском языке. — Как ты мог забыть своего старого товарища?

Только теперь Конан вспомнил, где же он видел этого воина.

— Юма! Клянусь Кромом и Митрой, да это же Юма! — закричал он.

Отбросив саблю в сторону, он подбежал к вождю и заключил его в объятия. Пираты изумленно смотрели на гигантов, дружески похлопывающих друг друга по спине и пожимающих друг другу руки.

Некогда Конану привелось служить в легионе царя Илдиза Туранского, чье царство находилось далеко на востоке. Юма из Куша был в легионе таким же наемником, как и он сам. Во время похода в далекую Гирканию Юма и Конан охраняли одну из дочерей Илдиза, которая должна была обручиться с предводителем степных кочевников.

— Ты помнишь сражение в снегах Талакмаса? — спрашивал Юма. — А помнишь этого страшного маленького то ли царька, то ли божка? Кажется, его звали Джалунг Тхонгпа*.

— Конечно, помню! А помнишь, как ожил тот зеленый идол царя демонов Ямы, что был размером с лошадь? Он раздавил единственного сына Джалунга так, словно тот был клопом! — Конан радовался, как маленький ребенок. — Клянусь Кромом, хорошее это было времечко! Но ответь мне именем девяти алых царств ада, какого черта ты здесь делаешь? И как ты стал вождем этих воинов?

Юма рассмеялся:

— Где же еще, как не на Черном Берегу должен быть черный воин? И если я родился в Куше, разве я не могу жить в Куше? Но я хочу задать тот же вопрос и тебе, Конан. С каких это пор ты стал пиратом?

Конан пожал плечами.

— Я человек, и мне надо на что-то жить. К тому же я занимаюсь не пиратством, а честным каперством и нахожусь на службе у короля Зингары. Это совсем разные вещи, как ты понимаешь. Но расскажи мне о том, что ты делал все это время. И почему же ты оставил Туран?

— Джунгли и саванны мне куда привычней, Конан, — я ведь не северянин, как ты. Мне, в конце концов, надоели постоянные простуды.

После того как ты ушел на запад, нашим приключениям пришел конец. Я мечтал только о том, чтобы еще хоть разок увидеть пальму да переспать с чернокожей красоткой где-нибудь под кустами гибискуса. И тогда я

оставил службу и отправился на юг, к черным королевствам. Теперь же я и сам — царь!

— Царь? — недоверчиво переспросил Конан. — Царь чего? Мне казалось, что здесь нет ничего, кроме банд голозадых дикарей.

Лукавая улыбка заиграла на лице Юмы.

— Ты прав, и так оно и есть, или, точнее, так все и было, пока Юма не пришел и не научил их искусству войны. — Юма повернулся к своим воинам, озадаченным тем, что их вождь говорит с чужим вождем на непонятном им языке. — Рахиси! — сказал Юма.

Негры тут же успокоились и расселись на песке. Пираты сделали то же самое, хотя и продолжали смотреть на негров с недоверием. Юма продолжил свой рассказ:

— Наше племя долгое время враждовало с соседями. Мы завоевали их земли, и тогда это соседнее племя слилось с нашим, я же стал их вождем. Затем мы смогли покорить еще два племени, и тогда я стал правителем. Теперь же я владею всем этим берегом, и владения мои простираются на пятьдесят лиг. У нас больше нет отдельных племен, мы стали народом. Сейчас я мечтаю о столице, которая смогла бы достойно представлять нас.

— Черт возьми, Юма, — поразился Конан, — похоже, у этой самой цивилизации ты смог научиться куда большему, чем я, — только подумать, как ты преуспел в этой жизни. Ну что ж, удачи тебе! Когда твои головорезы полезли из кустов, я уж было решил, что богам наскучило возиться с нами и они решили смахнуть нас с доски, чтобы начать новую партию. Мы высадились на этот берег, с тем чтобы пополнить запасы воды, а принес нас сюда ураган, которому предшествовал затяжной штитель, ну а перед этим нам привелось побывать на острове, по которому шастают духи змей и каменные статуи.

— Водой теперь ты можешь залиться, — пообещал Юма. — После того как вы погрузите на борт все необходимое, вы станете моими гостями. Я устрою такой праздник, с которого уйти вам будет непросто. У меня только что созрело банановое вино, которого хватит даже на то, чтобы утолить вашу жажду!

Эту ночь почти вся команда Конана провела на ратановых матах деревни Кулало; аргосцы остались на борту «Вастреля». Кулало, которое по размерам своим скорее было городом, представляло собой три кольца конических хижин, сложенных из бамбука и пальмовых листьев; сна-

* См. «Город Черепов».

ружи деревня была огорожена высокой изгородью и плотно посаженными кустами колючего кустарника.

В самом центре поселка была вырыта огромная яма, наполненная дровами. На огромных вертелах жарились туши быков, антилоп и свиней. Резные деревянные ведра были доверху наполнены сладковатым, обманчиво легким банановым вином. Ведра стремительно опустошались, но их наполняли вновь и вновь. Черные музыканты выступывали сложные ритмы на своих огромных барабанах, звучали флейты и инструменты, отдаленно напоминавшие лиру. Юные негритянки, напроць лишенные одежды, танцевали у костра, звеня браслетами, хлопая в ладоши и услаждая собравшихся пением. Матросы тем временем пожирали жаркое, лакомились просяными пирогами, политыми сиропом из сорго, и диковинными тропическими фруктами.

Вскоре на берег прибыли и люди Сигурда. Увиденное поразило аргосцев. Обилие еды, питья и развлечений тут же заставило их забыть о недавних срачах с зингарцами. Прелестницы, плясавшие у костра, то и дело оказывались в объятиях матросов где-нибудь за ближайшей хижинкой, чтобы через какое-то время вновь появиться в кругу подруг.

Конан не на шутку испугался — пираты не видели женщин уже несколько недель, и совладать с ними было невозможно. К его изумлению, черные воины царя Юмы ничуть не возражали против того, что их женщины спали с чужеземцами, напротив — похоже, они даже принимали это за известный комплимент им, мужчинам. Вдохнув с облегчением, Конан подумал, что у варварства есть и несомненные преимущества перед тем образом жизни, который принято величать цивилизованным.

Однако принцесса Хабела нашла такое поведение недостойным, о чем не замедлила сказать вслух. Она сидела между Конаном и Юмой. Вождь и капитан вели бесконечную беседу, вспоминая былые подвиги и приключения, выпавшие на их долю в далеком Туране. То и дело Конан изумленно поглядывал на Хабелу, с неприязнью взиравшую на происходящее.

Конан несколько побаивался того, что Юма в обмен на оказанное им гостеприимство, может возжелать объятий Хабелы. Для уроженца Куша подобное желание было бы не просто прихотью, но, скорее, проявлением утливости. Пока Конан ломал себе голову над тем, как же выйти из этого затруднительного положения, Юма сам разрешил все его сомнения, сказав, что понимает, чем

отличаются варвары от людей цивилизованных, и гордо отказался от права обладать Хабелой.

Конан рыгнул.

— Клянусь Кромом, приятель! Вот это жизнь! Мне ни разу не удалось взглянуть на эти треклятые звезды, вот нас и занесло так далеко на юг. Такое ощущение, что мы оказались в легендарной стране Амазонок. — Киммериец вновь приложился к бочонку с вином.

Юма заметно протрезвел.

— Если ты хочешь знать, то — в каком-то смысле — так оно и есть. По крайней мере воительницы из Гамбуру — их столицы — утверждают, что этот берег принадлежит им. Пока у них не хватает сил на то, чтобы доказать это оружием, — ведь между моими землями и землями амазонок живут и другие племена.

— Да? Говорят, что эти девицы здорово сражаются, — верно? Я рад, что мне не пришлось испытать этого на собственной шкуре, — сражаться с женщиной не в моих правилах. У тебя были какие-нибудь проблемы с ними?

— Немного, да и то в самом начале. Я пытаюсь научить своих ребят стрельбе, я хочу, чтобы они делали это не хуже туранцев, — Юма сокрушенно покачал головой. — Но это дело простое. Из того, что здесь растет, луков не сделаешь, мои же красавцы отказываются ставить оперение на стрелы. Они становятся упрямыми как ослы и говорят мне, что с тех самых пор, как Дамбалла сотворил мир, стрелы делаются так-то и так-то, а значит, они и должны так делаться. Иногда мне кажется, что легче научить зебру игре на кифаре. И все же, как бы то ни было, мои люди — лучшие лучники во всем Куше. Когда амазонки предприняли последнее свое наступление, иные из тех, что остались на поле боя, были так истыканы стрелами, что походили на дикобразов.

Конан было засмеялся, но тут же осекся и приложил ладонь к горящему лбу. Сладковатое вино действительно было обманчиво. Смущенно извинившись, Конан пошатываясь побрел за соседнюю хижину. Пора было объявлять отбой. Он вернулся к костру и, усевшись на царские маты, взял в руки мешок, прихваченный им с собой. В мешке лежала завернутая в одеяло Корона Кобы. Он решил не оставлять ее на «Вастреле», ибо вид алмазов мог смутить и самого честного и преданного человека. Он привык гордиться своими людьми и потому старался не вводить их в соблазн.

Пожелав спокойной ночи Сигурду, Зельтрану, Юме и чопорной принцессе, Конан побрел к хижине, отведенной

специально для него. Вскоре из хижины раздался громозвучный храп.

Захмелевший Конан не заметил того угрюмого взгляда, которым проводил его один из воинов Юмы, коварный Бвату. Именно он хотел метнуть в Конана ассегай, именно ему Юма раскроил череп. Сердце Бвату терзалось обидой. Бвату был одним из лучших воинов Юмы и входил в военный совет, с ним же обошлись как с мальчишкой. Пока шел пир, Бвату, не выпивший ни капли вина, то и дело посматривал на сверток, лежавший возле Конана. Внимание, которое белый капитан уделял свертку, ясно указывало на то, что в нем находится нечто в высшей степени ценное.

Бвату запомнил и хижину, в которую вошел Конан. Пиршество все еще было в разгаре, он же, пошатываясь, словно пьяный, отошел от костра и исчез в тени. Как только Бвату скрылся от посторонних взоров, он направился одной из тенистых улочек к той самой хижине, в которой спал Конан. В призрачном лунном свете блеснул кинжал, только что полученный Бвату от пирата, переспавшего с одной из его жен.

Далеко на севере, в стигийском Оазисе Хаджар, Тот-Амон занимался изысканиями в астральном плане в надежде обнаружить хоть какие-то следы древней реликвии народа Валузии. Менкара и Зароно спали в кельях, расположенных за стенами святая святых его дома — его лаборатории. Вскоре всемогущий стигиец понял, что все старания его напрасны, — корона бесследно исчезла. Он сидел совершенно недвижно, глядя в никуда.

В огромной хрустальной сфере, возникшей словно ниоткуда перед его троном всевластия, кружили и сменяли друг друга тени. Бледное изменчивое сияние, исходившее от фигур, двигавшихся по сфере, освещало разные своды залы.

Теперь Тот-Амон знал, что тайник, находившийся под каменным идолом Цатогуа, богом-жабой, был пуст. Корону могли похитить какие-то другие мореплаватели, оказавшиеся на Безымянном острове случайно или, быть может, намеренно. С помощью магической сферы Тот-Амон осмотрел весь остров. Там не было не только Короны, но и ни единого человека. Не было здесь и Хабелы, о бегстве которой поведал ему Зароно. Исчезновение Ко-

роны и Хабелы, а также гибель каменного идола говорили о том, что в дело вмешались неведомые ему силы.

В зале стояла полнейшая тишина. По резным каменным стенам плыли тени; фигура, недвижно сидевшая на троне, тоже казалась изваянной из камня.

Глава 11

ТЕНЕТА СУДЬБЫ

Засть Конана-киммерийца врасплах было почти невозможно, однако на сей раз произошло именно это. Легкий на вкус, но крепко ударявший в голову напиток буквально свалил его с ног. Конан безмятежно спал, пока смутное чувство опасности не заставило его проснуться. Он неспешно поднялся с ложа и тут же почувствовал, что произошло нечто непредвиденное. Он стал оглядывать хижину, так и не понимая, в чем же дело.

И тут его словно громом поразило. В тростниковой стене был сделан длинный разрез, через который можно было проникнуть внутрь хижины. От прорехи в стене веяло холодом.

Конан перевел взгляд на ложе, туда, где должен был лежать сверток. Чертыхнувшись, он выскочил из хижины и стал вглядываться в непроглядную темень, в надежде увидеть вора. Корона Кобры исчезла.

Ярость охватила его. Зарывав, словно зверь, киммериец выхватил саблю из ножен и побежал к центру деревни, извергая на ходу немыслимые проклятья.

Праздник все еще продолжался, хотя практически никто уже не держался на ногах. Гигантский костер, разведенный с вечера, уже догорал. Над кронами пальм ярко блистали звезды. Среди тех, кто все еще бодрствовал, Конан увидел Юму и Сигурда. Его крик заставил их вскочить на ноги.

Стараясь быть кратким, киммериец поведал им о происшедшем. Корона была единственной их добычей, и потому Конан был вне себя от ярости.

Вскоре о происшедшем знали уже все. Через несколько минут люди Кулало обнаружили, что один из их людей бесследно пропал.

— Бвату! Пусть же Дамбалла сожжет его черную душу! — гневно вскричал Юма, пришедший в страшный гнев от того, что его люди посмели ограбить гостя.

— Ты знаешь этого черного пса? — заревел Конан.

Юма угрюмо кивнул и описал внешность преступника.

— Так это тот самый негодяй, которого ты едва не зашиб на берегу? — спросил Конан.

— Да, это он и есть. Тогда-то он на нас обиду и затаил.

— И как это он сообразил? — вступил в разговор Сигурд. — Что же теперь делать? Скажи-ка, царь Юма, куда он мог побежать? Клянусь кишками Ахримана и огненными когтями Шайтана, мы должны отправиться вдогонку за ним, пока этот мерзавец не ушел далеко!

— Скорее всего, он направился к землям наших врагов Матамба. — Юма показал на северо-восток. — Дальше на север он не пойдет — там он может попасть в руки гханата, промысляющих торговлей рабами. На юго-восток идти тоже опасно, — там лежит...

Выслушивать неспешные рассуждения Юмы, в то время как сказочное богатство уходит все дальше и дальше, Конан был не в силах. Он грубо перебил царя:

— Я чувствую, ты будешь рассуждать еще долго! Покажи мне тропу, что ведет в земли Матамба.

— Дорога, идущая от Восточных Ворот, разветвляется, тропа, о которой ты спрашиваешь, идет на северо-восток.

Не слушая дальнейшего, Конан побежал к своей хижине. По пути он схватил кувшин с водой и выплеснул его содержимое себе на голову. Он стал походить на морское чудовище, однако вялость и головная боль тут же оставили его.

Отбросив назад гриву черных волос, Конан увидел перед собой закутавшуюся в одеяло принцессу.

— Капитан Конан! — закричала она. — Что случилось? На нас напали?

Он покачал головой.

— Нет, детка. Пока я храпел, у меня из-под носа увели золотую корону, расцвеченную тысячами алмазов. Ступай-ка ты баиньки, деточка, у меня нет времени на разговоры!

К киммерийцу подбежал запыхавшийся Сигурд.

— Послушай-ка меня, Конан! Юма сейчас поднимет самых быстрых своих воинов. Одному соваться в джунгли нельзя. Бог его знает, что там за звери, — ты уж лучше подожди Юму.

— Да идите вы все к черту! — взревел Конан и свирепо заводил глазами. — Я не стану ждать, пока след Бвату остынет; если же на моем пути и попадется какой-то зверь, что ж, тем хуже для него!

Не вступая в дальнейшие споры, Конан понесся дальше.словно разъяренный буйвол, он пронесся мимо Восточных Ворот и вскоре исчез из виду.

— Ну и характер у киммерийцев! — выругался Сигурд. Северянин посмотрел на принцессу, пожал плечами и пус-

тился вслед за своим товарищем, крича на бегу: — Подожди меня! Один ты ничего не сделаешь!

В деревне поднялась страшная суматоха. Юма вместе со своими военачальниками носился по улочкам, пытаясь привести в чувство воинов.

Хабела вернулась в свою хижину и облачилась в грубое матросское платье, выданное ей Конаном, — брюки, ботинки и куртку. Стараясь держаться в тени, принцесса побежала к Восточным Воротам.

— Если этот пьяный олух думает, что вправе командовать принцессой Дома Рамиро, то он сильно ошибается! — зло бормотала Хабела.

Однако никак не уязвленное самолюбие заставило ее покинуть Кулало и в одиночку последовать вслед за Конаном — нет, на то была причина куда более серьезная. Несмотря на всю видимую грубость киммерийца, он всячески пекся о принцессе и был полон решимости защищать ее. Он пообещал доставить ее к отцу в целости и сохранности, и, похоже, этим словам можно было верить. В киммерийце Хабела была уверена куда больше, чем в его команде; кроме того, здесь кроме пиратов были и чернокожие варвары, которыми командовал Юма. С этими мыслями принцесса вошла в джунгли. Где-то вдали раздался рев леопарда.

Вот уже несколько часов Конан бежал по тропе, ведущей в земли Матамбы; Сигурд остался где-то далеко позади. Киммериец остановился, чтобы перевести дух, и стал подумывать о том, чтобы дождаться северянина. Но тут в его сознании вновь блеснула мысль о том, что, пока он медлит, коварный кушит уходит от него все дальше и дальше; гнев вновь овладел Конаном, и он с удвоенной силой понесся вперед.

Джунгли Куша были хорошо знакомы ему — лет десять тому назад он командовал воинами племени Бамула, что жило несколько севернее. Человек не столь опытный не пойдет в одиночку по джунглям, убоявшись диких зверей, живущих в них. Конану же повадки леопардов были известны, — при всем их коварстве звери эти не отличаются особенной смелостью. На людей они нападают редко, да и то, только на старых или больных, предпочитая им добычу поскромнее. Страшный шум, с которым Конан несся по извилистой тропке, был лучшей защитой от хищников.

Вне всяких сомнений, в джунглях живут не только огромные кошки, но и другие, куда более опасные звери: громадные гориллы, тяжеловесные носороги, огромные буйволы, гигантские слоны. Но все эти животные питаются

травой и на человека нападают лишь тогда, когда он разгневаает их или окажется на их тропе. Конану посчастливилось избежать встречи с ними.

Небо начинало светлеть. Конан остановился у родника, чтобы утолить жажду и омыть холодной водой разгоряченное тело. Вся его рубашка была изорвана колючими лианами, грудь и плечи были покрыты глубокими ссадинами, разедаемыми потом.

Выругавшись, Конан пригладил волосы, смахнул пот со лба и ненадолго застыл, пытаясь собраться с силами. Отдых его был недолгим — киммериец заставил себя подняться и вновь пустился в погоню, чертыхаясь на каждом шагу. Ни единой мысли ему приходило испытывать себя на прочность, и он знал, что не найдет такого человека, которому бы он, Конан, уступал в выносливости.

Над джунглями Куша всходило солнце. Леопарды возвращались с охоты — кто голодный, кто сытый, — чтобы заняться сном и так переждать жару.

Становилось все светлее; теперь Конан видел на тропе следы голых человеческих ног, судя по всему, человек этот пробежал здесь совсем недавно. Вне всяких сомнений, это были следы Бвату. Другой человек давно бы уже лежал бездыханным, Конан же только прибавлял и прибавлял скорость — он несся вперед, словно зверь, учуявший добычу.

Прошло совсем немного времени, а Хабела уже сожалела о том, что решила пойти вслед за Конаном. Ни Конан, ни Сигурд не знали, что она идет за ними; о том же, чтобы догнать их, не могло быть и речи. Тропинка все время петляла. Хабела даже не заметила, когда она сошла с нее, и вскоре окончательно сбилась с пути. Луна уже села, и джунгли погрузились в совершенную мглу. Кроны деревьев сходились, образуя плотный полог, затмевавший собою звезды, и потому принцесса не знала даже того, в каком направлении она движется. Она беспомощно брела по лесу, то и дело натыкаясь на стволы деревьев, спотыкаясь о корни и борясь с густыми зарослями колючего кустарника.

Отовсюду слышались стрекотание и жужжание ночных насекомых. Хабела ужасно боялась лесных зверей и потому озиралась на каждом шагу. Время от времени из джунглей слышались тяжелые шаги и треск сучьев — от этих звуков принцессе становилось не по себе.

Ближе к рассвету дрожащая от страха и усталости девушка вышла на мшистую прогалину. Дальше идти она уже не могла. Как она могла совершить такую глупость, как она могла сойти с тропинки? Хабелу стало клонить в сон.

Она проснулась оттого, что сильные черные руки схватили ее под локти и заставили подняться на ноги. Ее окружали худые чернокожие люди в тюрбанах и изодранных накидках. Принцессе связали руки; крики ее тонули в хохоте дикарей.

Конан несколько не сомневался в том, что он догонит Бвату, и вскоре он действительно догнал его. Однако Бвату не мог вернуть киммерийцу украденную корону. Он был мертв, и руки его были пусты.

Вор лежал на тропе, уткнувшись лицом в землю, обильно политую кровью. Тело его было изрублено в ключья. Склонившись над телом, Конан стал изучать раны. Похоже, Бвату был убит стальным клинком, а не копьем с бронзовым или кремневым наконечником, какие были в ходу в этих землях. Бронзовые лезвия легко тупятся и потому оставляют рваные раны; судя же по тому, что видел перед собой Конан, убийца Бвату орудовал клинком из превосходной стали. Черные племена Куша не знают стали и не умеют плавить железо; те немногие клинки, что оказались в этих землях, попали сюда с севера, населенного народами более цивилизованными — из царства Куш, из Дарфара и Кешана.

Неужели это сделали черные амазонки? Неужели это они убили вора и похитили корону, лишив его как собственности, так и возможности отомстить подлому врагу? Конан поднялся, и в тот же миг с дерева, стоявшего рядом, ему на плечи упала тяжелая сеть. Она тут же спеленала его по рукам и ногам. Конан зарычал и, схватив саблю, хотел уже было разрубить тонкие тенета, но те стягивались все туже и туже, не давая ему произвести замах.

Ему казалось, что он попал в тенета огромного паука; каждое его движение приводило лишь к тому, что он увязал в сети все больше и больше. Из-за кустов появились чернокожие люди в тюрбанах, что привычно натягивали веревки, оплетавшие киммерийца, похожего теперь на кокон огромной бабочки. С дерева слезло еще несколько человек; сильными точными ударами они быстро оглушили свою жертву.

Прежде чем забыться, Конан выругался, назвав себя последним идиотом. Ничего подобного с ним еще не случалось — эти дикари пленили его так легко и просто, словно он был дикой свиньей. Но сетовать уже было поздно...

ГОРОД АМАЗОНОК

О азис Хаджар был погружен во тьму. О положении луны, сокрытой плотным облачным покровом, можно было судить лишь по призрачному, едва заметному пятнышку.

В тронной зале Тот-Амона стояла такая же темень. Зеленые огоньки в настенных светильниках едва теплились, мерцая подобно светлячкам. Стигийский маг сидел на своем резном троне так недвижно, что казалось, он спит. Будь рядом с ним другие люди, они заметили бы и то, что мускулистая грудь мага так же недвижна, как и все его тело. Мрачный лик казался совершенно безжизненным и скорее походил на страшную маску. Можно было решить, что жизнь покинула тело Тот-Амона.

В действительности так оно и было. Так и не сумев отыскать Корону Кобры в астральном плане, Тот-Амон высвободил свою «Ка» из темницы плоти и поднялся в более высокий план — план акаши. В этом бесплотном и зыбком мире законы времени не действуют. Прошлое, настоящее и даже туманное будущее предстают перед магом в виде четырехмерной карты. Здесь Тот-Амон смог «увидеть» прибытие к берегам Безымянного острова «Петреля», высадку команды Кована на берег, пробуждение бога-жабы, его гибель, похищение Короны Кобры и появление Кована на Черном Берегу. Увидев все это, Тот-Амон позволил своей «Ка» вернуться в низкие космические планы. «Ка» необходимо вернуть, прежде чем она потеряет какую-либо связь с материальным телом.

Тот-Амон вновь вошел в свое тело и почувствовал, как инертная плоть вновь наполняется жизнью. Ощущение это походило на колотье в конечностях, возникающее при восстановлении в них нормальной циркуляции крови, разница состояла лишь в том, что охвачено им было все тело. Затем:

— Зароно! Менкара! — Голос Тот-Амона прогреготал, словно гром.

— Что? — Зароно выскочил из своей кельи, на ходу одевая камзол. — Что случилось, мой повелитель? — За ним в комнату беззвучно вошел Менкара.

— Готовьтесь к походу. Вас ждет Черный Берег. Я смог узнать, где сейчас находится Корона Кобры и ваша принцесса. Они в Кулалу — главном городе племен Юмы из Куша.

— Как они могли там оказаться? — поразился Зароно.

— Они оказались там благодаря твоему старому знакомому, Конану-киммерийцу.

— Опять этот проклятый варвар! Да я его...

— Если ты найдешь его, делай с ним что хочешь. Он мне не нравится — своей страстью к приключениям, он мне немало крови попортил. И все же это не главное; главное для вас — захватить принцессу. На таком большом расстоянии управлять ее сознанием не могу даже я.

— А как же Корона?

— Корону предоставьте мне.

— Вы решили отправиться с нами, сэр?

Тот-Амон презрительно улыбнулся.

— Да, но только не во плоти. Немногие маги способны на это, да и от меня это потребует отдачи всех сил. Но, как бы то ни было, я окажусь там куда раньше вас. Ну а теперь к делу — у нас нет времени! Собирайте вещи и отправляйтесь, не дожидаясь рассвета!

Конан чувствовал себя прескверно. Голова раскалывалась и от бананового ликера Юмы, и от тех ударов, которыми его свалили с ног. Он, безоружный и беспомощный, оказался в руках у работоторговцев. Подобное бывало с ним и прежде, но никогда еще он не впадал от этого в такую ярость.

Судя по положению солнца, он не приходил в себя несколько часов. Кожа на руках и ногах его была содрана, видимо тело его тащили прямо по земле. Руки Кована были скованы тяжелыми кандалами. Сквозь разметававшиеся пряди волос он стал осматриваться, обращая особое внимание на количество и расстановку стражей.

К своему изумлению, среди скупаемых печалью чернокожих пленников он заметил и Хабелу. Как ни силился Конан понять, как здесь могла оказаться принцесса, он не мог. Сигурда среди пленников не было. Хорошо это или плохо, Конан пока не знал.

Вскоре на поляне появился высокий негр в серых одеждах работоторговца, он сидел верхом на тощей кобыле. Жилый и тощий, он походил на стражей, охранявших пленников, однако резкие черты лица говорили о том, что он для них чужеземец. Конан вспомнил о том, что говорил ему Юма о гханатах, племени, занимавшемся торговлей рабами. Гханаты были кочевым народом, живущим в пустынях у южных границ Стигии. Жители Шема и стигийцы часто угоняли в рабство гханатов и других людей, живших в Куше и Дарфаре; те же, в свою очередь, занялись тем же промыслом, избрав местом охоты экваториальные джунгли.

Наездник остановил коня и обменялся несколькими

фразами с человеком, возглавлявшим отряд, пленивший Конана. Охранник повернулся к своим людям, щелкнул кнутом и приказал поднять пленников.

Пленников выстроили в колонну по двое. Кандалы каждой пары скреплялись друг с другом так, чтобы никто не пытался бежать. Огромный киммериец, возвышавшийся над другими, глядел на стражей лютым зверем. Наездник обвел взглядом колонну пленных.

— Клянусь Замби, — проворчал он и смачно сплюнул, — за это дерьмо в Гамбуру мы вряд ли много выручим!

Его помощник согласно кивнул.

— Да, владыка Мбонани. Они вырождаются год от года. Видать, скоро совсем вымрут...

В тот же миг работорговец взмахнул плетью и опустил ее на плечо Конана. Стоило хлысту коснуться его кожи, как Конан молниеносным движением скованных кандалами рук схватил его и что было сил потянул на себя.

Потеряв равновесие, работорговец свалился к ногам Конана. Изрыгая проклятия, он вскочил на ноги и схватился за рукоятку острого, как бритва, гханатского кинжала, больше походившего на небольшой меч.

Не успело оружие выйти из ножен, как Конан ударил работорговца в лицо, вновь повалив того наземь. Конан резко нагнулся, свалив с ног прикованного к нему черного пленника, и взял нож в руку. На него тут же набросился другой гханата, размахивавший над головой топором. Прежде чем топор опустился, киммериец вогнал кинжал в живот разбойника, пронзив его насквозь.

Выпучив глаза, охранник рухнул на землю. Поляна внезапно пришла в движение — со всех концов ее к Конану неслись воины в тюрбанах. Соплатить с ними закованный в кандалы Конан уже не мог. Пятеро схватили его за руки, а трое стали лупить его по голове тяжелыми дубинками. Конан вновь потерял сознание.

Мбонани, с трудом сдерживавший обезумевшую от страха кобылу, смотрел на происходящее с нескрываемым интересом.

— Ну и ну! — довольно заметил он. — Такие парни, как этот, на дороге не валяются. И это тоже белый. Хотел бы я знать, какого черта им здесь нужно?

— Я уже говорил вам о нем, — заговорил помощник. — Здесь есть и белая женщина, вон она где стоит — видите?

— Да, эти двое стоят всех остальных, — ответил наездник. — Береги их как зеницу ока, Зуру, не то я с тебя шкуру спущу!

Конан с трудом поднялся на ноги, лицо его превратилось в кровавую маску. Мбонани подвел коня к нему и, дождав-

шись, когда Конан поднимет глаза, изо всех сил хлестнул его по щеке плетью.

— Это тебе за то, что ты убил моих людей, белый человек! — прокричал Мбонани.

От удара на лице остался рубец, но киммериец при этом даже не вздрогнул. Он смотрел на предводителя работорговцев недвижимым, полным ненависти взглядом. Мбонани улыбнулся по-волчьи, оскалив свои белые зубы.

— Да, ты парень что надо! — довольно сказал он. — Если ты и дальше будешь так держаться, амазонки за тебя любые деньги дадут. Ну а теперь в путь!

Позвякивая кандалами, колонна пленников вышла на тропу, ведущую к Гамбуру.

Конан шел вместе со всеми. Железо, раскалившееся на солнце, жгло ему руки, его мучала жажда и донимали комары. «Интересно, куда же исчезла Корона Кобры», — подумал было киммериец, но тут же отогнал эту мысль прочь. Когда твоей жизни что-то угрожает, сокровища отходят на задний план — это он усвоил твердо.

Он заметил, что один из подсумков Зуру странно топорщится. Глаза Конана заблестели. Этот гханата, что так пресмыкался перед Мбонани, оказывается, себе на уме.

Колонна вышла из джунглей и шла теперь по поросшему разнотравьем вельду. К вечеру следующего дня на горизонте показались каменные стены Гамбуру.

Конан с интересом рассматривал город. По сравнению с блистательным Аграпуром, столицей Турана, или, даже, Мероз, столицей царства Куш, Гамбуру выглядел достаточно жалко. Однако в землях, где дома возводятся из глины и соломы, а городская ограда набирается из кольев, где города скорее походят на разросшиеся деревни, а деревни и вовсе неизвестно на что, — Гамбуру казался чем-то выдающимся.

Вокруг города была сложена невысокая — в два человеческих роста — стена. Внутри каменного кольца можно было попасть через одни из четырех ворот, каждые из которых были оснащены сторожевыми башнями с бойницами для лучников. Створки ворот были сколочены из массивных бревен.

Конан обратил внимание на кладку. Некоторые камни совсем не обрабатывались, другие же были искусно обтесаны и покрыты затейливой резьбой, правда выглядели они так, словно тесали их не одну сотню лет назад. Звеня кандалами, колонна прошествовала в город через западные ворота. Дома были сложены так же странно, как и городские

стены. Стрoения по большей части были одно- и двухэтажными, крыты они были соломой. Нижние этажи в большинстве случаев были сложены из старинного резного камня, верхние же — выглядели убого, ибо свидетельствовали о явном упадке строительного искусства. На древних камнях то и дело появлялись схожие изображения — злобно ухмыляющиеся демонические лики, — правда, камни с этими изображениями могли лежать как попало: и на боку, и вверх ногами.

В древних городах Конан бывал не раз, и потому на сей счет у него были свои идеи. Некий народ — возможно, и не люди — некогда отстроил этот город. Через несколько веков городом завладели предки нынешних его обитателей. Он стал расстраиваться и перестраиваться, при этом в дело пошли не только новые, но и старые, уже использовавшиеся камни. Способ же их укладки новые строители пытались позаимствовать у прежних, древних каменщиков.

Из-под копыт кобылы Мбонани поднимались облака пыли — мостовых в городе не было. Колонна вышла на главную улицу Гамбуру, по обе стороны которой стояли толпы народа, с интересом разглядывавшего рабов.

Конан изумленно смотрел то в одну, то в другую сторону. Как женщины, так и мужчины этого города выглядели весьма необычно. Женщины были высоки и хорошо сложены, повадкой своей они походили на пантер; более того, на нагих их бедрах поблескивали бронзовые мечи. Головы их были украшены павлиньими перьями, на ногах и руках сверкали браслеты.

Мужчины являли собой нечто донельзя жалкое — все они были куда ниже женщин и, похоже, занимались исключительно грязной работой: уборкой улиц, переноской тяжестей и тому подобное. Конану, который был высоким даже по киммерийским меркам, они казались детьми.

Колонна миновала базар, пестревший яркими тентами, и по широкой улице вышла на главную площадь. За этим огромным открытым пространством на расстоянии полета стрелы стоял изрядно обветшавший и все же впечатляющий королевский дворец, сложенный из бурого песчаника. По обе стороны от его центральных врат стояли массивные приземистые скульптуры, выполненные из того же материала. Судя по пропорциям, статуи эти изображали не людей, но нечто совершенно иное — они обветшали настолько, что об этом можно было лишь гадать. Это могли быть и совы, и обезьяны, и неведомые доисторические чудища.

Внимание Конана привлекла странная яма, расположен-

ная в самом центре площади. Эта достаточно неглубокая впадина имела в ширину не меньше ста футов. Края ямы были образованы рядом концентрических колец, напоминавших каменные скамьи амфитеатра. Дно ямы было посыпано песком, кое-где поблескивали оставшиеся от недавнего дождя лужи. В самом центре песчаного круга стояла небольшая группа деревьев.

Подобную арену Конану еще не доводилось видеть. Он еще не успел толком рассмотреть ее, как его вместе с остальными пленниками затолкали в загон для рабов. Здесь пленники и провели ночь.

Даже то немногое, что успел увидеть Конан, его изрядно смутило. Песок вокруг странных деревьев был усыпан костями — и не просто костями, а костями людей, — отчего место это походило на лежбище льва-людоеда.

Увиденное настолько поразило Конана, что думать о чем-то ином он уже не мог. Он слышал о том, что жители Аргоса иногда отдают преступников на съедение львам; однако там, в Мессантии, арена устроена таким образом, что хищники не могут перепрыгнуть через стену, отделяющую их от трибун, на которых находятся зрители. Здесь же все устроено совершенно иначе — льву ничего не стоит выбраться из ямы.

Чем дольше Конан думал об этом странном обстоятельстве, тем тяжелее становилось у него на душе.

Глава 13

КОРОЛЕВА АМАЗОНОК

Над приземистыми каменными башнями города амазонок вставало солнце. Торги не заставили себя ждать, ибо в этих тропических широтах солнце поднимается быстро. Едва солнце показалось над горизонтом, Конана, Хабелу и других пленников вывели из загона и погнали на базар. Пленников по очереди раздевали и ставили у стены, возле которой и происходили торги. Затем рабов уводили их хозяева.

Все покупатели были женщинами, ибо, как уже успел заметить Конан, в Гамбуру вся власть принадлежала им. Высокий худой Мбонани бесстрастно наблюдал за тем, как торгуется с покупателями его помощник Зуру. Женщины относились к гханатам с куда большим почтением, нежели к собственным мужчинам, — они уважали их за ту искусность, с которой те излавливали рабов.

Настал черед Хабелы. Несчастливая принцесса пыталась

прикрыть руками свое нагое тело. Зуру попросил присутствующих называть цену.

— Пять квиллов, — раздался голос из-за задернутых занавесок паланкина.

Зуру оглядел присутствующих и провозгласил:

— Продано!

Поскольку и торговцы, и покупатели говорили на общепринятом для южных стран жаргоне, Конан прекрасно понимал их. Его поразило то, что никто не стал повышать столь низкую цену. Квиллами назывались перья из хвоста тропических птиц, которые, казалось, были усыпаны золотой пылью. В стране амазонок деньги были чем-то неведомым. Конан несколько не сомневался в том, что прекрасная принцесса должна была стоять много дороже. Видимо, лицо, скрывавшееся в паланкине, было настолько влиятельным, что никто попросту не осмеливался торговаться с ним или, точнее, с ней, — поправил себя Конан.

Киммериец едва держался на ногах, он был голоден и зол. Вся голова его была покрыта шишками и ссадинами. Целый день его заставляли идти под палящим солнцем; ни еды, ни питья, ни сна толком не было. Конан походил на льва, у которого разнылись зубы, — так он был взвинчен. Когда один из работорговцев дернул его за цепь, предлагая тем самым подняться на помост для всеобщего обозрения, киммериец едва не сорвался.

Еще пару лет назад Конан не стал бы думать о последствиях, он без лишних мыслей свернул бы этому человеку голову. Но со временем жизнь его от этого отучила. Разумеется, он мог убить и этого стража, и тех, кто придет к нему на помощь, но со всеми, конечно, ему было не совладать. Встречаться с непокорным рабом этим мародерам было не впервой. Оружием же они владели так искусно, что почти каждый из них мог с десяти шагов метнуть копье так, чтобы оно пролетело сквозь кольцо, образованное большим и указательным пальцами, даже не оцарапав кожи.

Конан успел бы расправиться с двумя-тремя воинами, на большее же у него попросту не хватило бы времени, он не успел бы издать даже боевой клич. Кто же в таком случае будет заботиться о Хабеле? Ему не хотелось признаваться в этом даже себе, но он чувствовал себя ответственным за нее, и с этим он ничего не мог поделать. Ему не оставалось ничего другого, как только жить.

Киммериец сощурил глаза и плотно сжал губы, пытаясь сдержать себя; в висках у него стучало. Он поднялся на помост, дрожа от ярости. Стоявший неподалеку гханата решил, что дрожь эта вызвана страхом, и что-то зацептал на ухо своему товарищу, улыбаясь все шире и шире. Конан

смерил его таким взглядом, что улыбка тут же слетела с его лица.

— Давай, раздевайся! — скомандовал Зуру.

— Без твоей помощи я не смогу снять свои ботинки, — спокойно произнес Конан. — Мои ноги онемели. — Киммериец сел на край помоста и протянул ногу Зуру.

Зуру злобно заворчал и схватился за ботинок. Тот никак не поддавался. Второй ногой Конан уперся в зад Зуру и, ослабив ту ногу, за которую его держал гханата, неожиданно толкнул его с такой силой, что тот вместе с ботинком плюхнулся в лужу.

Завопив от злости, гханата вскочил на ноги. Вывхватив кнут из рук одного из стражей, он понесся на Конана, сидевшего как ни в чем не бывало на краю помоста.

— Ну, белый пес, и погоди! Сейчас я до тебя доберусь! — закричал Зуру, неистово размахивавший кнутом.

Однако стоило бедняге приблизиться к Конану, как тот тут же поймал кончик кнута и, не вставая с помоста, с силой потянул кнут, а вместе с ним и Зуру, на себя.

— Ты бы, крошка, поумерил свой пыл — того и гляди, товар испортишь!

Вожак работорговцев так же спокойно наблюдал за происходящим. Едва сдерживая улыбку, он обратился к Зуру: — Зуру, белый пес прав. Хорошим манерам его теперь будет учить новый хозяин.

Зуру, совершенно потерявший от ярости голову, не успевал даже своего господина. Издав пронзительный вопль, он выхватил из-за пояса нож. Конан поднялся на ноги и изготавился ко встрече с противником, решив использовать в качестве оружия кандалы.

— Стойте! — раздался властный голос, принадлежавший амазонке, купившей Хабелу. Голос этот был исполнен такой силы, что замер даже совершенно ошалевший Зуру.

Блеснув перстнями, черная рука раздвинула муслиновые занавески, скрывавшие вельможную особу от глаз простолюдинов. Черная женщина сошла с паланкина на землю. Конан замер от восхищения.

Женщина эта была почти такого же роста, как и сам Конан, она вряд ли уступала ему и в силе. Она была черной, как жженая слоновая кость, а кожа ее была нежной, как шелк, и так же нежно, как шелк, отсвечивала она на солнце, ласкавшем ее упругую грудь и гладкие бедра. Украшенная драгоценными камнями шапочка несла на себе плюмаж из страусиных перьев, выкрашенных в персиковый, розовый и изумрудный цвета. Огромные рубины поблескивали у нее в ушах; шея же ее была украшена жемчужными ожерельями. Мягко позванивали золотые браслеты на ее руках

и ногах. Единственным ее одеяньем была короткая юбка, сшитая из шкуры леопарда и едва прикрывавшая ее чресла.

Нзинга, королева амазонок, не отрывала от Конана глаз. Базар затих. Губы королевы раздвинулись в томной улыбке.

— Десять квиллов за белого великана.

Иных ставок сделано не было.

Рабская участь, выпавшая на долю принцессы, была невыносима ей. Достаточно скверным было хотя бы то, что она, избалованная дочь могущественного монарха, теперь должна была исполнять все желания черной королевы. Еще больше ужасало ее то, что рабы не могли носить одежду, — этим правом обладали только свободные люди.

Она спала в комнате для прислуги, на соломенном тюфяке, кишевшем блохами. С первыми лучами солнца грубая женщина-надсмотрщик будила рабынь, и те тут же приступали к трудам — они готовили пищу и убирали комнаты, мели дорожки и мыли полы, стирали и накрывали на стол. Конан, некогда плававший под флагом Зингары, был непременным участником всех пиров, — развываясь на плоских матах, он попивал банановое вино и лакомился пирогами с рыбой и всевозможными сладостями, что чрезвычайно раздражало Хабелу.

От ее бывшего уважения к доблестному киммерийцу не осталось и следа. Слово «джиголо» было ей неизвестно, но она прекрасно понимала, в чем тут дело. Конан согласился принять роль первого любовника королевы и потому вызывал у Хабелы разве что презрение. «Ни один сколь-нибудь достойный мужчина, — говорила она себе, — не падет столь низко, не станет у с л а ж д а т ь себя этой позорной службой». Жизнь пока не научила принцессу тому, что в совершенстве освоил Конан, — в некоторых случаях приходится мириться с тем, что есть, ибо другого не дано.

В этом страшном городе Конан был единственным, кого она могла назвать своим другом; у нее были все основания для того, чтобы относиться к нему иначе, но иногда — в те минуты, когда их никто не видел, — Конан тайно и подмигивал ей и едва заметно кивал головой, словно пытаясь ободрить и как-то поддержать ее. Он словно хотел сказать ей: «Не печалься, девочка. Как только представится случай, мы сбежим отсюда».

Впрочем, даже Хабела не могла не согласиться с тем, что королева Нзинга была женщиной замечательной. Девушка пыталась представить себе, что же делают любовники в постели, но об этой стороне человеческой жизни она пока ничего не знала, и потому встававшие в ее сознании образы

были весьма далеки от реальности. Она не понимала и того, что в спальне властвует не эта блистательная черная львица, но он — Конан-киммериец.

Подобные отношения были внове и для королевы Нзинги. Ее собственный житейский опыт и весь уклад жизни в ее королевстве приучили королеву к тому, что женщины стоят куда выше мужчин. Трон из слоновой кости неизменно принадлежал женщинам — до Нзинги страной правили сто королей. И все они относились к мужчинам с крайним презрением, используя их только как слуг или любовников и избавляясь от них, стоило тем обессилеть или надоесть. Нзинга относилась к мужчинам точно так же.

До того, как во дворце появился этот огромный киммериец, она легко управлялась с мужчинами. С Конаном же совладать было невозможно — воля его была тверда как сталь, сам же он был рослее и сильнее ее. То, что испытывала в его объятьях черная амазонка, сравнить с чем-либо было невозможно — день ото дня страсть ее разгоралась со все новой и новой силой.

Теперь она ревновала его ко всем женщинам, с которыми его могла связывать близость. Киммериец отказывался говорить с королевой на эту тему и только улыбался, выслушивая ее расспросы.

— А эта белая девка, которую гханаты привели сюда вместе с тобой? Наверное, ты и с ней спал? Она ведь такая пышная, такая мягкая! Вряд ли ты прошел бы мимо нее! Ты скорее на меня бы не посмотрел!

Глядя на то, как сверкают глаза и сотрясается тяжелая грудь черной королевы, Конан мысленно согласился с тем, что с тех пор, как ушла его первая любовь Черная Пиратша Белит, он никогда не встречал женщины более замечательной, чем эта. Он знал теперь и о том, что королева ревнует его к Хабеле, — и потому он должен был вести себя крайне осмотрительно. Если ему не удастся развеять подозрения Нзинги, принцесса непременно пострадает. Королеве ничего не стоило уничтожить того, кто — как ей казалось — хоть как-то мешал ей.

С этих пор Конан думал только о судьбе принцессы. Неосторожное слово или необдуманный поступок могли привести к беде.

Когда королева вновь завела речь о принцессе, Конан зевнул и с видимой скукой в голосе сказал:

— Хабела? Я эту девочку почти не знаю. Она из благородных, а у благородных свои понятия о чести. Только пооди я к ней, и ее бы уже не было.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она бы убила себя — их к этой мысли с детства приучают.

— Я тебе не верю. Ты, наверное, хочешь ее защитить!

Конан обнял Нзингу и повалил ее на мягкое ложе. Развеять ее подозрения он мог только так...

Глава 14 ПОД ПЛЕТЬЮ

Прошло еще несколько дней. И затем...

Нзинга восседала на подушках в своем серале. Вот уже два дня белая рабыня Хабела Зингарская исполняла самую тяжелую и грязную работу. Нзинга устроила так, что все это происходило на глазах у киммерийца.

Понимая, что королева внимательно наблюдает за ним, Конан старался казаться безразличным, хотя то и дело его подмывало вступить за несчастную принцессу.

Так и не сумев добиться от киммерийца определенной реакции, черная королева решила прибегнуть к последнему средству, которое должно было открыть его истинные чувства. Она объявила о том, что устраивает пир для амазонок-офицеров — огромных, покрытых шрамами, суровых женщин, в которых, на взгляд Конана, женственности было не больше, чем в боевом топоре.

Во время пира зингарская девушка должна была прислуживать и своей госпоже, и ее избраннику. Хабела стала ходить вокруг стола, разливая вино, и тут одна из амазонок подставила ей подножку.

Вскрикнув, девушка потеряла равновесие — несколько гостей оказались облитыми вином. Одна из них, дородная амазонка по имени Тута, изрыгнув проклятия, вскочила на ноги и что было сил ударила Хабелу в лицо. Девушка упала на земляной пол.

Глаза амазонки загорелись хищным огнем — вид лежащей перед ней нагой белой рабыни привел ее в ярость. В звенящей тишине она, словно пантера, метнулась к своей жертве. Грубая мускулистая рука выхватила из ножен тонкий бронзовый кинжал.

В комнате стояла полная тишина. Тута, лицо которой горело жадной крови, склонилась над рабыней и занесла над ней смертоносный клинок.

Хабела замерла, ожидая удара. Она понимала, что спастись она может только бегством, но на это у нее уже не было сил — страх и беспросветность ее нынешней жизни лишили ее самого желания жить. Она могла лишь беспо-

мощно наблюдать за происходящим. Миг — и клинок вонзится в ее грудь...

Но тут амазонка застыла — кто-то железной хваткой схватил ее за запястье и шею. Сила, с которой чудовищные руки сжимали ее, сковала ее движения так же, как вид клинка сковал белую рабыню. Тихо звякнув, кинжал упал на землю. Легко оторвав амазонку от земли, Конан швырнул ее через всю комнату так, что та распласталась у дальней стены.

Конан прекрасно понимал, чем это может для него закончиться, и тем не менее не мог поступить иначе — расчет Нзинги оказался верным. Он не мог спокойно наблюдать за тем, как убивают дочь короля Фердрого, пусть Нзинга и рассматривала его поступок как доказательство того, что белая рабыня была ее соперницей, и королевский гнев теперь должен был пасть на них обоих. Он заставил себя рассмеяться.

— Вряд ли королева Гамбуру столь расточительна, чтобы расставаться с рабами из-за нескольких капель пролитого вина! — громко сказал киммериец, пытаясь казаться веселым.

Королева Нзинга смерила его ледяным взглядом. Взмахнув рукой, она приказала Хабеле покинуть комнату. Напряжение спало. Конан вернулся на прежнее место. Кувшины с вином вновь пошли по кругу, и вскоре за столом было так же шумно, как и прежде.

Конан надеялся на то, что все самое страшное позади. То и дело он подливал вина в бокал, стараясь как-то отвлечься. Но он не мог не заметить того, что время от времени королева бросала на него взгляды, полные ненависти и презрения.

Стоило Хабеле покинуть королевские покои, как вокруг нее обвилились черные руки. Не успела она вскрикнуть, как рот ее был заткнут кляпом. Тут же ей завязали глаза и накинули на голову мешок, руки завели за спину и туго стянули кожаными ремнями. Чьи-то крепкие мускулы оторвали ее от земли и понесли по извилистым коридорам и крутым лестницам в ту часть дворца, в которой она не бывала ни разу. Здесь ей развязали руки, для того чтобы тут же связать их снова, — на этот раз над головой, — их привязали к медному кольцу, висевшему на тяжелой, спускающейся с потолка цепи. Принцесса осталась одна.

Ремни туго стягивали запястья, и оттого руки ее совершенно онемели. Тело Хабелы легонько покачивалось. Теперь она молила бога об одном — чтобы Конан как-то узнал о ее бедственном положении.

Конан был так же беспомощен, как и принцесса. Он лежал на подушках возле обеденного стола. Глаза его были закрыты, голова откинута назад. Его храп походил на рокот далекого грома. Несмотря на то, что выпил он не так уж много, им вдруг овладела странная усталость. Ему на ум пришла мысль о том, что Нзинга отравила его, и с этой мыслью он забылся таким крепким сном, что его не пробудило бы и землетрясение.

Взглянув на него, Нзинга приказала вынести его из комнаты. Сама же она направилась к той камере, где висела подвешенная к потолку Хабела. Чем дальше она шла, тем сильнее разгоралось в ней пламя гнева, глаза ее сверкали нетерпением и злорадством.

Королева сорвала мешок с головы Хабелы и вынула из ее рта кляп. Принцесса увидела перед собой сверкающие глаза и кровавую улыбку королевы. Хабела завизжала, не в силах совладать со страхом.

Черная амазонка рассмеялась:

— Все белые так кричат, когда меня видят! Зря стараешься — тебе это не поможет.

Нзинга сладострастно посмотрела на нежное тело своей жертвы. На крюках, вбитых в стену, висели разнообразные орудия пыток. Королева остановилась на плетке, вырезанной из упругой кожи бегемота. Округлившимися от ужаса глазами принцесса смотрела на длинную плетть, подобно змее легкой кольцами у ног королевы. Королева вновь засмеялась:

— Губы Конана тебя не коснутся — целовать тебя будет моя плетка. И ласкать тебя будет тоже она, а не его руки!

— Что я вам сделала? За что вы меня так мучаете?

— Прежде чем встретиться со мной, Конан любил тебя! — зарычала Нзинга. — Никогда у меня не было такого мужчины. Но он обнимал и тебя, и твою белую грудь он покрывал поцелуями! В этом я уверена, и знание это не даст мне покоя... Когда тебя не станет, вся его любовь будет принадлежать мне! Я сделаю его королем Гамбуру — этой чести вот уже тысячу лет не удостоивался ни один мужчина! — Нзинга расправила хлыст.

— Но ведь это неправда, — застонала Хабела. — Он никогда даже не касался меня!

— Ты лжешь! Когда тебя поцелует плетть, ты скажешь мне всю правду!

Нзинга взмахнула рукой, и плетть обвилась вокруг талии Хабелы. Девушка закричала, пронзенная болью. На теле ее остался алый рубец, из которого тут же проступила кровь.

Нзинга неспешно завела руку за спину, готовясь нанести следующий удар. Слышно было только хриплое дыхание принцессы.

Вновь запела плетть; истошный крик вырвался из уст девушки, когда кожаная змея обожгла ее чресла. Нзинга сладострастно наблюдала за тем, как корчится перед нею белая рабыня. Она ударила еще раз; на темном ее теле выступили капельки пота. И вновь камера огласилась истошным криком. Королева засмеялась и облизнула свои полные губы.

— Вам бы все визжать да хныкать! Никто тебя не услышит! А если и услышат, то вряд ли осмелятся помочь тебе! Я усыпила Конана, он будет спать еще несколько часов. Так что ты не надейся!

Лицо Нзинги горело дьявольской страстью. Огромная амазонка любовалась кровавыми рубцами, покрывавшими тело рабыни. Она вновь взмахнула плетью, желая излить всю свою извращенную страсть, пока эта белая рабыня не испустит последнего вздоха.

Хабела не могла и вообразить, что тело ее способно вынести такие пытки. Привыкшая к роскоши и праздности принцесса никогда еще не испытывала настоящей боли. Не только боль, но и стыд мучил ее. Единственная дочь гордого старого короля, она привыкла слушать только себя и ни перед кем не склоняла головы. Подобно тому как плетть ее терзала ударами хлыста, душа ее страдала от унижения.

Зингарская знать обычно держала черных рабов, привезенных с юга работоторговцами Стигии и Шема; Хабела знала, что их наказывают так же сурово и зачастую так же несправедливо. Но никогда ей в голову не приходило, что когда-нибудь господу могут поменяться с рабами местами, — эта черная женщина обращалась с ней так, словно принцесса была последней рабыней на какой-нибудь зингарской плантации.

Удар следовал за ударом. Кровавый морок встал перед глазами Хабелы, и тут вдруг она увидела какой-то сверкающий предмет, что лежал на маленьком стульчике, стоявшем у стены. Это была золотая корона, инкрустированная тысячами камней, походившая на свернувшуюся кольцами змеею. Ну конечно! Перед ней была Корона Кобры, которую Конан нашел в черном храме, стоявшем посередине Безымянного острова. Она попыталась сосредоточиться на Короне и тем облегчить страдания...

Она вспомнила о том, что Корона была похищена у Конана в Кулало. Но когда же это было? Ей казалось, что с той поры прошли годы. Непонятно только, как Корона ока-

залась здесь. Работоторговцы, пленившие ее и Конана, должны были забрать ее у вора.

Нзинга прервала экзекуцию, для того чтобы немного передохнуть и выпить вина. Не прошло и минуты, как она снова взялась за плетъ. Хабела приготовилась к новому удару и широко открыла глаза. И тут она увидела нечто в высшей степени странное.

За полуголой Нзингой возникло какое-то свечение. Оно походило на блуждающие огоньки, что порой загораются на пустынных, населенных духами болотах.

Светящееся пятно увеличивалось в размерах и горело все ярче. Через несколько секунд оно приняло форму веретена высотой в человеческий рост.

От изумления Хабела открыла рот. Нзинга, заметив, что рабыня изумленно уставилась на что-то, находящееся у нее за спиной, резко развернулась. В тот же миг веретено вспыхнуло изумрудным пламенем и исчезло. На его месте стоял человек.

Человек этот был высок и статен; лицо его было смуглым и походило на бронзовую маску. Над орлиным носом поблескивали живые темные глаза. Похоже, что недавно он был обрит наголо, из-под коротких черных волос виднелась кожа. Человек был одет в простую белую мантию, сшитую из полотна, что оставляла открытыми его мускулистые руки.

Тот-Амон выглядел куда старше, чем в ту пору, когда Зароно и Менкара появились в его дворце. Смуглый лоб его был покрыт капельками пота — магическая процедура, позволившая ему перенестись из Оазиса Хаджар в Гамбуру, отличалась особой сложностью, она была доступна лишь избранным членам братства магов. Ментальное усилие, необходимое для такого переноса, требовало полной отдачи всех сил даже от такого великого мага, каким был Тот-Амон.

Нзингу поразило то, что незнакомец, принадлежавший к презренному племени мужчин, появился в камере пыток без объявления. Подобная наглость потрясла Нзингу, и она тут же решила казнить непрошеного гостя. Замахнувшись на него плетью, она собралась звать стражу.

Стигиец наблюдал за ней с загадочной улыбкой на устах. Стоило плети взмыть в воздух, как он простер руку в направлении королевы. Яркие изумрудные лучи вырвались из его пальцев, залив своим сиянием черное тело Нзинги Гамбургской.

Королева пронзительно закричала, скорчилась, словно от удара, и повалилась на земляной пол. Лучи тут же поблекли и исчезли.

Хабела сделала вид, что падает в обморок, — голова ее упала на грудь, и густые черные волосы прикрыли ее лицо.

Тот-Амон даже не посмотрел на нее. Он решил, что видит перед собой обычную белую рабыню, которую хозяйка решила наказать за некую провинность, и потому счел излишним интересоваться ею. Он никогда не видел Хабелу во плоти, и потому узнать ее ему было трудно — знал бы он, что перед ним находится та самая принцесса, за которой Менкара и Зароно охотились по всему Черному Берегу! Маги совершают ошибки ничуть не реже, чем самые обычные люди.

Когда Тот-Амон послал свою «Ка» в мир акаши, Конан и Хабела были еще в Кулало, а Бвату еще не похитил Корону Кобры. Будущее же представлялось достаточно неясным, ибо вариантов развития событий было слишком много даже для его, Тот-Амона, пытливого ума.

После того как его добровольные слуги отправились на поиски принцессы, Тот-Амон решил еще раз взглянуть в магический кристалл. Ему необходимо было знать точное местонахождение Короны Кобры еще до начала магического действия, которое позволило бы ему перенестись в пространство. Поскольку в конечной точке он мог пробыть достаточно недолго, он хотел оказаться как можно ближе к столь вожаденной им Короне.

В то же самое время Бвату выкрал Корону и был убит работоторговцами. Зуру спрятал Корону и вместе с ней появился в Гамбуре, где королева Нзинга отвалила ему за нее столько квиллов, что их хватило бы ему до окончания лет. Так — к собственному изумлению — Тот-Амон обнаружил, что Корона находится не в Кулало, но в Гамбуре.

Все это время он не вспоминал ни о Конане, ни о Хабеле. Он несколько не сомневался в том, что принцесса находится в Кулало и поныне и что Зароно и Менкара легко найдут ее. Впрочем, как бы то ни было, чары, перенесшие его в Гамбуру, не позволяли ему прихватить с собой еще одно одушевленное существо.

Что касается Конана, то маг и вовсе не принимал его всерьез — киммериец представлялся ему чем-то вроде назойливого москита. Окажись Конан на его пути, Тот-Амон раздавил бы его, словно насекомое, заниматься же его поисками сознательно магу и в голову не приходило. В его игре были куда большие ставки, чем жизнь какого-то пирата.

Сосредоточь Тот-Амон свое внимание на Хабеле, он тут же признал бы ее в белой рабыне. Но сейчас он думал только о Короне Кобры. Лицо его озарилось радостью, когда он узрел вожаденный предмет на стульчике. Перешагнув че-

рез бесчувственное тело королевы амазонок, маг приблизился к Короне. Осторожно взяв ее в руки, он поднес ее к лицу и стал рассматривать, любуясь тем, как играет на гранях бесчисленных кристаллов свет факела, нежно ощупывая плавно переходящие одно в другое змеинные кольца.

— Ну наконец! — с облегчением выдохнул маг, в глазах его заплясали алчные огоньки. — Теперь весь мир будет у моих ног! Священный завет великого Сета будет единственным законом этого мира!

Зловеще улыбнувшись, Тот-Амон произнес тайное слово и сделал странный жест. Ярко вспыхнул изумрудный огонь, и маг тут же исчез. Свет померк, сменившись едва заметным призрачным свечением, но вскоре погасло и оно.

На земляном полу возле ног Хабелы лежало бездыханное тело черной королевы. Принцесса потихоньку приходила в себя. Оказалось, что она может стоять на цыпочках, при этом боль в запястьях стихала. Ремни были затянуты туго, но покрывшиеся обильным потом запястья теперь могли скользить в них. Хабела попыталась высвободить сначала одну руку, затем — другую, но у нее ничего не получалось. Прошло бесконечно много времени, прежде чем рука выскользнула из пут; освободить вторую руку было уже не сложно.

Обессилевшая Хабела повалилась на пол. Руки ее так затекли, что она не могла пошевелить пальцами. Однако вскоре она почувствовала, как в руки ее вонзились тысячи раскаленных игл. Принцесса стала постанывать от боли, но тут же заставила себя замолчать — ее стоны могли разбудить черную королеву.

Вскоре руки стали слушаться ее. Хабела встала и посмотрела на простершееся у ее ног тело Нзинги. Грудь королевы то вздымалась, то опадала — казалось, что она спит.

Хабела подошла к стене, возле которой стоял кувшин с вином, поставленный сюда Нзингой. Она стало жадно пить сладковатую прохладную жидкость, и каждый глоток придавал ей сил.

Она вновь посмотрела на бесчувственное тело королевы, ища глазами кинжал. Ничего не хотелось ей так сильно, как вонзить клинок в эту роскошную грудь. Принцесса дрожала от ненависти: чувство ее было так сильно, что казалось, одно оно способно лишить жизни это чудовище.

Но тут Хабела задумалась. Во-первых, она не знала, насколько крепок сон Нзинги. Если она попытается достать кинжал из ножен, сильная и ловкая Нзинга, проснувшись,

заколет этим кинжалом ее, принцессу, или же призовет на помощь стражниц. Но даже если Нзинга и не проснется, принцесса сможет нанести ей только один удар, если же он не будет смертельным, на крик своей королевы сюда сбегутся амазонки.

Удерживало ее от убийства не только это. Рыцарский кодекс Зингары, который она впитала с молоком матери, запрещал убивать спящего неприятеля. Разумеется, зингарцы нарушали свой кодекс чести не реже, чем выходцы из других народов, но Хабела тем не менее старалась всегда следовать ему, тем более что она принадлежала к королевскому роду. Если бы попытка убить королеву не была связана с опасностью для ее собственной жизни, принцесса могла бы поддаться чувству и преступить закон, но вот сейчас...

Быстрыми шагами принцесса подошла к шторе, скрывавшей выход из камеры. Собравшись с духом, она ступила в обступавшую ее со всех сторон тьму.

Факелы, освещавшие камеру, догорали. Их красноватый свет освещал пустое кольцо, подвешенное к потолку, окровавленный хлыст и раскинувшееся на полу грузное черное тело.

Глава 15

ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

Стоило Хабеле покинуть камеру пыток, как она в растерянности остановилась. В этой части дворца она никогда не бывала и потому не имела ни малейшего представления, куда же ей следует двигаться, — менее всего она хотела вновь оказаться в руках королевы.

Глядя на пустой, вымощенный камнем коридор, принцесса решила, что она, скорее всего, оказалась в подземном лабиринте, который, по слухам, находился прямо под дворцом королевы амазонок. По всей видимости, вход в эту часть замка усиленно охранялся, и потому принцесса в любую минуту могла наткнуться на стражниц. Выбрав путь, который вроде бы вел вверх, она зашагала по нему скорым шагом.

В подземелье было тихо: где-то далеко капала вода, время от времени под ногами раздавался едва слышимый шорох — это разбегались мыши. Кое-где на стенах были развешены бронзовые светильники, наполнявшие коридор мерцающим желтоватым светом. Светильники эти находились так далеко друг от друга, что подолгу приходилось идти едва ли не в полной темноте. На этих темных пе-

реходах принцессу то и дело встречали красные бусинки мышиных глаз, удивленно взиравших на нее.

В этой зловещей тишине и темени принцесса казалась себе белесым привидением; ей было страшно — нервы ее были напряжены до предела. Хабеле казалось, что незримые глаза постоянно следят за нею; как она ни старалась, это неприятное ощущение не покидало ее ни на минуту.

Коридор то искривлялся, то раздваивался, то резко уходил в сторону. Какое-то время принцесса пыталась осознанно выбирать тот или иной путь, но вскоре она поняла, что уже давно бредет наугад. Разумеется, назад она пока могла вернуться, но встретиться с Нзингой вновь было превыше ее сил. Оставалось одно — идти вперед наудачу, моля Митру о том, чтобы он вывел ее под открытое небо.

Проплутав какое-то время, Хабела вышла к подземным застенкам. По обеим сторонам прохода виднелись медные решетки, за которыми можно было разглядеть пленников. Некоторые из них рыдали, некоторые постанывали, но по большей части они не издавали ни звука.

Девушка заглянула в несколько камер. Увиденное действовало на нее так сильно, что дальше она шла, глядя в землю, и старалась не смотреть по сторонам. Иные пленники исхудали настолько, что стали походить на живые скелеты. Иные смотрели на нее горящими безумными глазами. Грязные их тела были покрыты бесчисленными язвами. Тела умерших обглаживали крысы, жившие здесь во множестве.

Свернув за угол, Хабела замерла от изумления — она стояла перед камерой, в которую был заключен Конан-киммериец. Тело его лежало на ворохе сена. «Одно из двух, — подумала Хабела, — либо я схожу с ума, либо это действительно он, пират-великан».

Да, это действительно был киммериец. Он лежал так тихо, что казался мертвым. Однако, присмотревшись, принцесса увидела, как вздымается его грудь. Похоже, Конан находился в глубоком забытии.

Хабела тихо позвала его по имени, но в ответ услышала только храп. Она дернула на себя решетчатую дверь — та была заперта.

Что же ей теперь делать? В любой момент сюда могут нагрянуть стражники Нзинги, которые тут же заметят ее. Хабела вспомнила, как этот отважный пират спас ее там, на Безымянном острове, и решила попытать счастья еще раз.

Она вновь назвала его по имени. И тут взгляд ее упал на

глиняный кувшин, стоявший у стены. В кувшине была вода, предназначавшаяся, судя по всему, для заключенных.

Хабела приподняла кувшин и подтащила его к камере киммерийца. К счастью, Конан лежал так, что голова его находилась прямо возле решетки.

Зингарская принцесса могла вылить содержимое кувшина прямо на лицо спящего киммерийца, что она не замедлила сделать. Конан стал каплять и, наконец, чертыхнулся. Он застонал и сел, глядя по сторонам ничего не понимающим взглядом.

— Клянусь ледяными адами Имира, — начал было он, но тут заметил бледное испуганное лицо нагой зингарской принцессы. Конан тут же пришел в себя. — Ты? Во имя Крома, скажи мне, — что происходит? — Изумленно посмотрев по сторонам, Конан продолжил: — Как это меня угораздило попасть в этот ад? Где мы? Что происходит? Моя голова раскалывается так, словно все демоны Преисподней пинают ее ногами...

Девушка кратко поведала киммерийцу о всех ее злоключениях. Конан внимательно слушал ее, потирая рукой подбородок и недовольно шурясь.

— Стало быть, Нзинга отравила меня? Как же я об этом не подумал, разрази гром ее черное ревнивое сердце! Она хотела, чтобы я спал все то время, пока она будет разбираться с тобой. Видно, она решила, что королевские покои меня вряд ли смогут удержать, — подземелье, оно как-то надежнее... — Киммериец ткнул пальцем в сено, на котором он только что лежал, и засмеялся: — По здешним меркам это роскошь. Похоже, Нзинга решила так: с тобой она расправится, ну а я останусь с ней в прежней роли, — отсюда и эта трогательная забота.

— Что же нам теперь делать, капитан Конан? — спросила принцесса, едва не плача. Запас ее храбрости уже подходил к концу.

— Что делать? — Конан что-то проворчал себе под нос и сплюнул. — Пора мне отсюда выходить. Отойди-ка от двери.

— Что ты говоришь? У меня ведь нет ключа!

— К черту ключи! — проревел киммериец, схватившись своими ручищами за один из прутьев решетки. — Эти прутья сделаны из мягкого металла, да и лет им немало. За то время, что они здесь простояли, они прогнили наполовину. Так что ключи мне ни к чему. Отойди от решетки!

Уперевшись ногой в решетку, Конан напрягся и потянул на себя прут, изъеденный временем. Страшная сила, дремавшая до времени в его плечах, спине и руках, наконец нашла себе применение. Дыхание его стало хриплым; лицо потемнело. Капельки пота, выступившие у него на лбу, за-

сверкали в свете факелов. Мускулы киммерийца казались отлитыми из бронзы.

Хабела глубоко вздохнула и прикусила губу.

Прут со скрипом вышел из паза дверной рамы и изогнулся. Киммериец потянул его на себя с удвоенной силой, и тут же со страшным треском прут лопнул — звук этот походил на щелчок огромного кнута.

Конан швырнул его в ворох сена и, прислонившись к стене, перевел дух. Он протиснулся боком через образовавшийся пролом и оказался в тюремном коридоре.

Хабела смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ну и силища у тебя! — едва выговорила она.

Конан принялся массировать руки.

— К счастью, такое мне не каждый день приходится делать, — сказал он с усмешкой. Посмотрев в глубь коридора, киммериец недоуменно спросил: — И куда же нам теперь идти? Где здесь выход? Слушай, а кто это тебя так отхлестал? Неужели Нзинга?

Хабела кивнула и стала рассказывать о том, что произошло после того, как она вышла из гостиной. Глаза Конана наполнились блеском.

— Странная история, — сказал он, — и самое странное в ней — появление стигийского мага; в том, что это был именно маг, я нисколько не сомневаюсь. Колдунов этих мне доводилось встречать и прежде. Хотелось бы знать, кто же именно завладел Короной Кобры. Ты уверена, что это был не Менкара? Тот монах, что таскался повсюду вместе с Зауроно?

Хабела покачала головой.

— Нет. Пока я была на «Петреле», я видела его не раз. Менкара невысок и худ, говорит же он словно нехотя. Этот же человек выглядел совсем иначе, хотя, похоже, они оба принадлежат к одному народу, — он был высок и статен, в облике же его чувствовалось что-то очень властное.

Конан делал вид, что внимательно слушает принцессу, сам же в это время разглядывал коридор. Он чувствовал, что медлить больше нельзя. Если им и суждено покинуть город амазонок, то сделать это они могут только сейчас, когда королева Нзинга лишена чувств. Сколь долгим будет ее сон, вызванный чарами стигийца, киммериец не знал.

Извилистый ход вел вниз. Конан снял со стены тяжелый факел и довольно хмыкнул — теперь у него было хоть какое-то оружие. Факел представлял собой здоровенную дубину, к верхнему концу которой был прикреплен кусок промасленной тряпки. Желтоватое пламя нещадно чадило. Кстати говоря, следить за состоянием факелов и вовремя менять на них тряпки было обязанностью Хабелы.

Тоннель неожиданно пошел в сторону. Конан и принцесса повернули за угол и — оказались лицом к лицу с отрядом стражниц. Воительницы эти были одна другой больше, на скуластых некрасивых их лицах поблескивали узенькие глазки. Они были одеты в кожаные юбки и нагрудники, на которых были закреплены бронзовые пластины. В руках амазонки держали копья и короткие бронзовые мечи.

— Поймать их! — раздался хриплый голос Нзинги, стоявшей за спинами амазонок. Красивое лицо королевы исказилось гримасой гнева. Конан холодно улыбнулся — он должен был сражаться, иного выхода у него попросту не было.

Конан был выходцем из Киммерии и потому считался варваром. Южане казались ему изнеженными и ненадежными. Но и у него, варвара, были свои понятия о чести, и потому менее всего ему хотелось сражаться с женщинами, не говоря уже о том, чтобы убивать их. Теперь он должен был забыть об этом.

Не дожидаясь атаки амазонок, он метнулся вперед, размахивая горящим факелом. В одно мгновение он уложил двух стражниц, проломив им черепа. Огромная амазонка зарычала и хотела было нанести ему удар мечом, но он ткнул ей в лицо горящим факелом. Волосы ее вспыхнули, и она, завизжав, стала кататься по полу. Он выхватил ассегай из рук воительницы, метившей ему в живот, и отшвырнул его к стене. Стремительный, словно пантера, он вновь занес факел над головой, но тут же замер.

Проскользнув мимо сражающихся, Нзинга подбежала к принцессе и, схватив ее своей огромной черной ручищей, приставила ей к горлу остро заточенный кинжал.

— Брось факел, белый пес, или твоя сучка захлебнется собственной кровью! — ледяным голосом приказала королева.

Конан ругнулся, поняв, что Нзинга вновь провела его. Факел упал на каменные плиты.

Амазонки тут же окружили киммерийца. Толстой веревкой они связали ему руки так, что Конан не мог и пошевелить ими. Похоже, лить из металла кандалы в стране амазонок еще не умели, решетки же, виденные Конаном в подземелье, скорее всего были поставлены прежними обитателями города.

— Дело сделано, королева, — пробасила огромная стражница. — Почему бы его прямо здесь и не заколоть?

Нзинга оценивающе посмотрела на сверкающий потом торс Конана.

— Нет, — наконец сказала она. — Этому предателю уготована иная судьба. Тот, кто пренебрег моей любовью, не

сможет устоять перед моей ненавистью. Отведите их в загон для рабов, там они пробудут до рассвета. Утром мы отдадим их деревьям *куламту*!

Конану показалось, что, услышав это непонятное слово, амазонки вздрогнули. Он никак не мог взять в толк — чем же могут быть страшны деревья?

Глава 16

АЛЧНОЕ ДЕРЕВО

Конан, прищурившись, посмотрел на солнце, поднимавшееся за далеким лесом. Он стал с интересом осматриваться вокруг.

Его и зингарскую принцессу привели на центральную площадь Гамбуру. С одной стороны площади возвышался древний дворец, у ворот которого стояли две источенные временем загадочные скульптуры. Конан лежал в широкой яме, находившейся в самом центре площади. Дно ямы было песчаным. Оказавшись в Гамбуру, Конан тут же подметил сходство этой ямы с ареной, виденной им в аргосской Мессантии. Правда, там, в Мессантии, арена была оснащена воротами, через которые на нее выходили гладиаторы и дикие звери, здесь же никаких ворот не было.

Станным казалось и то, что в самом центре арены растут деревья. По всей видимости, это и были *куламту*, о которых говорила Нзинга. Внимательно посмотрев на ближайшее дерево, киммериец понял, что ничего подобного он в своей жизни еще не видел, хотя дерево это отдаленно напоминало банан. Ствол его был губчатым и казался мягким; он походил на колонну, заканчивавшуюся на вершине круглой сырой дырой, напоминавшей рот. Под этой дырой располагались кругом огромные, в рост человека, листья — длинные, широкие и толстые. Наружная поверхность листьев была покрыта толстым, в палец толщиной, волосом.

Каменные трибуны медленно заполнялись празднично одетыми амазонками — их бедра были прикрыты леопардовыми шкурами, на головах показывались перья, шеи были украшены пестрыми варварскими ожерельями. Среди пришедших было много знатных персон, знакомых Конану по пирам, устраивавшимся Нзингой.

Конан решил испытать свои пути на прочность. Мышцы на его руках вздулись от напряжения. Веревки ему не поддавались, хотя и были сплетены из растительных волокон. Связаны были и его лодыжки. Ну и дела, — подумал киммериец, — в свое время ему доводилось рвать цепи, а тут он

не может справиться с какой-то жалкой веревкой! Связавшие его стражницы, похоже, хорошо знали свое дело.

Трибуны заполнились. По команде Нзинги, сидевшей в окружении вельмож, стражницы подтащили тела Конана и Хабелы поближе к деревьям. Амазонки поспешно отступили назад, оставив беспомощных людей на песке.

Сидевшие на трибунах амазонки чему-то радовались, весело визжали и то и дело показывали пальцами на что-то находящееся над головами пленников.

Хабела завопила. В тот же миг Конан почувствовал, как нечто коснулось его ноги. Он приподнял голову и изумленно воскликнул:

— Кром!

Один из гигантских листьев дерева куламту пригнулся к земле и теперь медленно обвивался вокруг его лодыжки. Хабела завопила вновь — вокруг ее тела обвивались листья другого дерева.

Конан сжал зубы. Эта часть Куша была неизвестна ему. Правда, в ту пору, когда он и Белит пиратствовали на Черном Берегу, он не раз слышал о страшных деревьях-людоедах, которые растут в глуби континента. Киммериец относился к этим рассказам как к нелепым рассказам, порожденным варварскими суевериями.

Конан побледнел — теперь ему было понятно, почему вокруг деревьев разбросаны человеческие кости. Ворсистые огромные листья обовьются вокруг его тела, поднимут его вверх и сбросят его в смрадную дыру. Это дьявольское дерево проглотит его целиком. Едкие соки, выделяемые волокнами ствола, растворят его плоть, костяк же дерево изрыгнет назад.

Теперь вокруг него обвивалось уже три листа; киммериец попытался откатиться в сторону, но не тут-то было — листья крепко держали его. Они стали поднимать его вверх. Каждое прикосновение ворсинок отзывалось в его теле жгучей болью — листья жалили его, словно шершни. Отвращения и ужас, овладевшие Конаном, придали ему сил.

Трибуны неистовствовали. И тут Конан услышал слабый звук — это лопнуло одно из волокон веревки. Тут же лопнуло еще несколько волокон.

Конан сообразил, что едкую жидкость выделяет не только ствол, — она питала собой и листья. Конан напрягся изо всех сил и вскоре смог высвободить руку. Отодрав лист от лица, он принялся рвать волокна, стягивавшие его вторую руку, и вскоре уже лежал на песке. Тело его было покрыто зудящими красными пятнами.

На трибунах раздался вой, из чего Конан заключил, что подобного прежде не случалось. Судя по всему, обычно ама-

зонки приносили в жертву своим деревьям-людоедам людей, измученных пытками и длительным заключением в подземных застенках. Такие великаны, как он, деревьям были явно не по зубам. Отодрав последний, цеплявшийся за него лист, Конан решил воздать амазонкам сполна.

Хабела, спеленутая, словно мумия, толстыми листьями, была уже над стволом. Подпрыгнув, Конан схватился за листья, тащившие ее вверх. Его веса листья уже не выдержали. Часть листьев оторвалась от ствола, другие разорвались пополам, выпустив из своих хищных объятий несчастную принцессу. Конан вновь стоял на горячем песке, держа девушку в руках. Он тут же сорвал с ее тела обрывки листьев, корчившиеся, словно от боли. Все тело принцессы было усеяно такими же, как у него, красными пятнами. Конан легко разорвал связывавшие принцессу путы, что были наполовину разрезаны соком куламгу.

Амазонки заволоновались. Несколько стражниц спрыгнули на арену и понеслись к белым пленникам. Сорвав остатки зеленой пленки с лица Хабелы, Конан приготовился ко встрече с этими врагами рода человеческого.

Амазонки, однако, не спешили приближаться к нему. Остановившись в нескольких метрах от киммерийца, они принялись всячески угрожать ему, потрясая при этом своим оружием. Неожиданно Конан понял, что они боятся не наглого безоружного человека, но деревьев, стоящих у него за спиной. Похоже, эти адские прожорливые деревья представлялись амазонкам всесильными, как боги. И тут ему в голову пришла замечательная идея.

Повернувшись назад, он уперся плечом в дерево, только что собиравшееся полакомиться им. Дерево корчилось и раскачивало своей изуродованной кроной, совершенно забыв о Конане. Пористый его ствол казался достаточно хрупким.

Надавив на ствол, Конан услышал слабый скрип и почувствовал, что дерево подается вперед. Собравшись с силами, он приложился к стволу еще раз, и дерево, неожиданно для него, упало наземь — в песке оно удерживалось лишь несколькими белыми усиками, служившими этому дереву-каннибалу корнями.

На трибунах раздавались крики, полные негодования. Конан взял ствол так, словно тот был тараном. В длину он имел футов десять, в толщину — не меньше фута. Несмотря на внушительные размеры, ствол был на удивление легким.

С бревном наперевес Конан пошел в атаку. Амазонки стали с визгом разбегаться. Киммериец довольно усмехнулся. Стражницы ужасно боялись своего священного дерева и старались держаться от него подальше. Взмахнув бревном,

Конан уложил сразу двух амазонок. Остальные побежали к трибунам.

На пленников тут же посыпался целый дождь дротиков. Одно из копий вонзилось в бревно рядом с его рукой. Несколько изогнутых метательных ножей просвистели у него над головой.

— Хабела! — приказал Конан, — хватай копье и иди за мной!

Они устремились к трибунам — Конан впереди, принцесса за ним. Стоило киммерийцу взмахнуть исходящим едким соком бревном, как кольцо амазонок распалось. Выскочив из ямы, пленники побежали к улочке, ведущей к Западным Воротам.

Конан полагал, что по крайней мере половина воинства Гамбуру набросится на беглецов, стоит только им выйти из ямы. Но происходило что-то совсем иное. В воздухе мелькли огненные стрелы, крыши многих домов уже были объятые пламенем. На площади в лужах крови лежало с дюжину трупов амазонок, пронзенных копьями. Воздух оглашался неистовыми грозными криками. На город амазонок кто-то напал.

Он увидел, как на площади появилось целое воинство чернокожих мужчин. Двигаясь стройными рядами, они раззили направо и налево мечущихся амазонок.

Среди лучников Конан заметил своего старого приятеля Юму и выкрикнул его имя. Увидев его, Юма заулыбался и что-то скомандовал своим воинам. Ряд воинов расступился, пропустив зингарскую принцессу и Конана, и тут же сомкнулся вновь. Конан отбросил бревно в сторону. Тут же отряд стал отступать к улочке, ведущей к воротам.

Конан захохотал и дружески огрел Юму.

— А я-то думаю, кто это еще на мою голову свалился! Ничего не скажешь — ты поспел вовремя!

Юма засмеялся и выдернул стрелу, пущенную амазонкой, из своего щита, обтянутого кожей носорога.

— Думаю, ты и без меня смог бы с ними справиться!

Пока отряд пробивался к Западным Воротам, Юма рассказал о том, как его людям в конце концов удалось найти след работоторговцев, что вел в Гамбуру. Тогда же, собрав всех своих воинов, Юма и пошел в поход на столицу амазонок.

— Я боялся, что тебя уже нет в живых, — закончил свой рассказ черный царь. — Я совсем забыл о том, что подобные приключения для тебя стали делом привычным и побороть всех амазонок разом тебе ничего не стоит.

Приблизившись к воротам, Конан заметил голубоглазого рыжебородого Сигурда, возглавлявшего отряд пиратов, прикрывавших черных воинов с тыла. Северяне попривет-

ствовали друг друга криками — для разговоров время еще не настало.

Выйдя из ворот города, которым правила Нзинга, Конан с облегчением вздохнул. Да, королева была женщиной незаурядной и страстной, но роль любовника монаршей особы явно не устраивала Конана. К тому же она могла и устать от его объятий — и тогда его кости белели бы рядом с костями его предшественников.

— Теперь я понял, что значит стрелять по-турански, — сказал Конан, обратившись к Юме. Амазонки вышли было из ворот, но люди Юмы сомкнули свои ряды и осыпали их таким градом стрел, что те тут же скрылись за стенами города.

Вскоре отряд въехал под полог леса. Лишь теперь Конан и Сигурд смогли обнять друг друга. Взглянув на Хабелу, Сигурд встал перед ней на колени.

— Принцесса, — сказал он изумленно, — клянусь грудью Иштар и огненным брюхом Молоха, — вам надо что-нибудь одеть на себя! Что о вас подумает ваш батюшка? Возьмите хотя бы это!

Ванир снял с себя рубаху и накинул ее на плечи принцессе. Та надела ее, высоко закатав рукава. Сигурд был рослым малым, рубаха его доходила Хабеле до колен.

— Благодарю вас, Сигурд! — ответствовала принцесса. — Вы конечно же правы. Я столько времени провела среди нагих людей, что даже привыкла к собственной наготе.

— Ну и куда теперь, Конан? — спросил Сигурд. — Не знаю, как ты, но я-то этими самыми джунглями сыт по горло. Если тебя не съедят заживо москиты и пиявки, то, что от тебя останется, с удовольствием доедят львы.

— Мы возвращаемся в Кулало, — ответил Конан, — и сразу же отправляемся на борт «Вастреля». Если наши люди уплыли, не дожидаясь нас, я все равно разыщу их и спущу с них шкуру!

— Но ведь сначала нам нужно отпраздновать победу! — возмутился Юма. — Теперь, когда мои люди превзошли амазонок Гамбуру, они полны решимости сразиться с ними снова и захватить все их земли! Самое время пить вино...

Конан покачал головой.

— Благодарю тебя, но боюсь, дружище, у нас нет на это времени. Нам пора возвращаться в Зингару. Против отца принцессы Хабелы короля Фердруга готовится какой-то заговор — и потому, чем быстрее мы окажемся в Кордаве, тем лучше. Похоже, в заговоре этом участвует добрая половина стигийских магов, так что праздновать победу еще рано. Сначала нам надо победить.

Путь из Гамбуру в столицу царя Юмы Кулало и далее, к устью реки Зикамба, в котором и был оставлен «Вастрель», занял не один день. Хабела слишком ослабла для того, чтобы идти пешком. Черные воины соорудили для нее бамбуковые носилки, и потому путешествие для нее было необременительным.

Что касается Конана, то несколько часов отдыха, полбурдюка бананового вина и гигантский кусок жареного мяса восстановили его силы сполна. Как и прежде, Конан был куда сильнее и выносливее всех тех, с кем ему доводилось встречаться. Особой гордости от этого он не испытывал, считая это качеством то ли доставшимся ему от предков, то ли ниспосланным ему богами, — и в том и в другом случае он был здесь ни при чем.

Солнце уже заходило, когда они вышли на поросший пальмами берег Зикамбы. К тому времени, когда они достигли ее устья, на небосклоне уже появилась луна. В дельте реки вода была грязной — морские волны поднимали с речного дна тучи ила. Пираты вышли к морю и — замерли, потрясенные увиденным.

Сигурд ахнул и разразился градом проклятий. Конан молчал, однако лицо его тут же потемнело от гнева.

«Вастрель» лежал на мелководье, на палубах его играли волны. Вместо мачт торчали головешки, огонь изрядно подпортил и палубу. На берегу, у края леса, виднелось с десяток холмиков земли, которая не успела даже просохнуть.

Все это говорило о том, что недавно здесь произошел бой, в котором «Вастрель» потерпел поражение.

Звук шагов отряда Конана и Юмы пробудил караульных. Послышались крики и топот. Вспыхнувшие факелы осветили небольшой отряд матросов, державших свои сабли наголо. Конан приказал своим спутникам стоять на месте, сам же поспешил вперед.

Это были его люди, но выглядели они так жалко, что их трудно было узнать. У большинства руки и ноги были перебинтованы, некоторые опирались на костыли. Его помощник Зельтран поспешил вперед. Он держал саблю в левой руке, правая рука была перевязана.

— Капитан! — воскликнул он. — А мы уж и не чаяли вас увидеть! Джунгли вас словно заглотили!

— Как видишь, Зельтран, я жив, — спокойно ответил Конан. — Но скажи мне — что здесь произошло? Я понимаю, что на вас напали, но кто мог это сделать?

Зельтран печально кивнул. Только теперь Конан заметил, как осунулось лицо помощника.

— Это сделал грязный пес Зароно! — заговорил Зельтран хриплым голосом. — Три дня тому назад «Петрель» застал нас врасплох...

— Врасплох? — зарычал Конан. — Что это означает? Вы что — не выставили дозорных?

Зельтран чертыхнулся.

— Как же не выставили... Даже если бы все мы стояли в дозоре, ни один из нас не смог бы заметить его! Нас окутал такой туманище, какого я отродясь не видел! Смотреть сквозь него — все равно что смотреть сквозь каменную стену!

— Что верно, то верно, капитан! — поддержал помощника матрос. — Капитан Конан, тут без волшебства не обошлось! Это все магия, провались я на этом самом месте!

— И вы хотите сказать, что «Петрель» смог подойти к вам в таком тумане?! — повысил голос Конан.

Зельтран кивнул.

— Да, сэр. Именно так все и произошло. Сначала мы услышали скрип оттого, что наши галеоны сошлись бортами, и в тот же миг головорезы Зароно появились на нашей палубе. Мы сражались — боги тому свидетели, — вы и сами видите наши раны; но неприятель превосходил нас числом, к тому же появление его было для нас совершенной неожиданностью. В конце концов они отгеснили нас за борт. Я пытался прикрыть своих ребят.

— Послушайте, капитан, — вмешался в разговор матрос, — клянусь вам, он сражался за троих!

— Но тут что-то случилось с моей головой, — продолжал Зельтран. — Когда я пришел в себя, я уже был привязан к мачте, а вокруг скалили зубы эти псы. Потом появился сам Черный Зароно — кружевная рубашка и все такое прочее, — ну а рядом с ним был жрец Менкара — змея змеей.

«Так-так, дружище, — обратился ко мне Зароно, — а где же твой хозяин, этот увалень Конан?»

«Он ушел на берег», — ответил я ему.

Зароно дал мне пощечину и сказал: «Я и сам это вижу, скотина. Куда именно он пошел?»

«Понятия не имею, сэр, — отвечал я ему, понимая, что бесить его не стоит. — Где-то там живут его друзья — к ним он и пошел».

«А была ли с ним эта зингарская девка?» — спросил Зароно.

«Кажется, она ушла вместе с ним», — ответил я.

«Ну а теперь говори — в какую сторону они пошли? Говори же, ну!» — настаивал на своем Зароно.

Я сделал вид, что не имею ни малейшего понятия о том, где живет царь Юма, и тогда они стали жечь мою правую руку раскаленными угольями. Я как-нибудь покажу вам эти раны, капитан, — пусть только они немножко подзаживут. Тогда Зароно и стигийский жрец отошли в сторону и стали о чем-то шептаться. Жрец вытащил на палубу какую-то странную штуковину, сел перед ней и стал что-то такое бормотать, пока от этой самой штуковины не пошел свет. Он сказал Зароно: «Я вижу, как черные воины несут ее на носилках по лесной тропе. Воинов там много. Большого я сказать не могу».

От этих слов Зароно пришел в страшную ярость. Для того чтобы хоть как-то излить свой гнев, он стал бить меня по лицу. «Скажи мне на милость, — закричал он, обращаясь к Менкаре, — как я буду искать ее в этих проклятых джунглях, какими силами я буду воевать с этими варварами? С тем же успехом я мог бы запрыгнуть на луну!»

Посоветовавшись, Зароно и Менкара решили уничтожить «Вастрель» и тут же отправиться в Кордаву. По пути они должны были зайти в Стигию, где их ожидал сообщник. Имя его — если я правильно все услышал — Тот-Амон.

— Тот-Амон? — удивился Конан. — О нем мне уже доводилось слышать. Насколько я знаю, это враг опасный. Но продолжай. Похоже, эти псы от тебя особенно не таились.

— Что вы, капитан! Разве они думали, что я останусь жив. Зароно приказал своим людям спуститься на шлюпку и проломить борт нашего галеона ниже ватерлинии. Другим он приказал облить мачты маслом и поджечь корабль.

— Кажется, к одной из мачт был привязан и ты?

— Совершенно верно, сэр. Если быть точным, меня привязали к грот-мачте. Разумеется, я несколько не хотел быть поджаренным заживо, поэтому, стоило людям Зароно покинуть наш корабль и оттолкнуть «Петрель» от его борта, я помолился Митре, Иштар и Асуре, я помянул всех богов, о которых мне доводилось слышать. Просил же я у них только одно — как-то спасти меня. И что вы думаете, капитан, — стоило «Петрелю» скрыться в тумане, как пошел дождь! «Вастрель» стал тонуть, пока не сел на дно. Я стал крутиться, как уж, и в конце концов освободил руки — они совсем не знают, что такое настоящие морские узлы. Когда наконец я освободился, я принялся тушить огонь, и в этом мне здорово помогал дождь. И все же я не смог спасти ни мачты, ни такелаж. Вот и вся моя история.

Конан проворчал:

— Если бы он был поумнее, он не стал бы одновременно поджигать и топить корабль. Либо одно, либо другое. — Он похлопал помощника по плечу, и тот скорчился от боли в

руке. — Я знаю, что и ты, и ребята вели себя достойно. Теперь же нам надо понять, сколько времени потребуется для того, чтобы привести «Вестрель» в порядок.

Лицо Зельтрана приняло скорбное выражение.

— Боюсь, капитан, что работы займут у нас несколько месяцев. У нас нет ни дока, ни настоящих корабелов — поди-ка сыщи их в джунглях!

Юма выступил вперед.

— Мои люди помогут вам в ремонте корабля, — сказал он. — Если работать вместе, мы сделаем эту работу куда быстрее.

— Возможно, ты и прав, Юма. Спасибо тебе за это, — сказал киммериец. — Но разве твои люди что-нибудь смыслят в корабельном деле?

— Ничего они в этом не смыслят — мои люди привыкли жить на суше. Но нас много, и силы нам не занимать. плотников же мы найдем столько, сколько нужно. Если ваши люди покажут им, что нужно делать, они не уйдут отсюда, пока не закончат работу.

— Прекрасно! — сказал Конан. Повысив голос, он обратился к приунывшим матросам: — Ребята, мы проиграли эту битву, но война еще не закончена! Черный Зароно, одолевший вас с помощью колдовства, спешит к берегам Зингары, в надежде свергнуть нашего господина, старого короля Фердруго! Люди царя Юмы помогут нам исправить корабль. Мы вновь пойдем под парусами на нашем старом добром «Вастреле», мы отомстим этому подлецу и сорвем его коварные замыслы! Что ты сказал?

— Мы потеряли много людей, — печально ответил боцман, кивком головы указав на ряд могил.

— Ты забываешь о том, что вместе с нами плывут аргосцы Сигурда! Если мы сколотим одну команду и забудем обо всех прежних обидах, люди нам не понадобятся. Люди, что вы скажете мне на это? Только отвечайте честно!

Моряки согласно заревели; в свете луны заблистали поднятые сабли.

Никогда еще Конан не видел, чтобы люди работали так дружно. Зацепив тросами обрубки мачт, они выправили корабль. Они вытащили из заполненного водой трюма все инструменты. Из стволов поваленных деревьев они напилили досок и ими залатали прореху в борту. Они выкачали из трюма воду, и «Вастрель» вновь легко закачался на волнах.

Вскоре на корабле появились новые мачты и рангоуты, сделанные из тесаного дерева. В столице Юмы женщины

ткали новые паруса, мужчины же разводили огромные костры из смолистых дров и собирали вытекавший из-под них деготь. Работа не прекращалась ни днем ни ночью. Мальчишки из племени Юмы освещали стапель самодельными факелами.

И вот настал день отплытия. Пираты едва держались на ногах от усталости и неимоверного количества выпитого, но «Вастрель» уже готов был поймать своими парусами утренний бриз.

Всю ночь люди Юмы, выстроившиеся в длинную цепочку, грузили на борт провиант: бочки с водой и просяной мукой, корзины с фруктами, копченую свиную грудинку, горы батата и других овощей. С таким запасом провизии пираты могли смело отправляться и на край света.

Едва стало светать, Конан стал прощаться с Юмой. Некогда они воевали бок о бок в легионах туранского царя Илдиза, преодолевали крутые перевалы Талакмаса, боролись с узкоглазыми низкорослыми всадниками, чьи одежды были сшиты из блестящей кожи, сражались с каменным идолом, напавшим на них в затерянной среди снегов долине Меру. Теперь судьба свела их в знойных джунглях Куша.

Они молча пожали друг другу руки, растерянно улыбаясь и стараясь не смотреть друг другу в глаза. И тот и другой понимали, что в этой жизни они, скорее всего, больше не свидятся.

«Вастрель» поднял паруса. Парусина тотчас же натянулась так, что снасти зазвенели. Черные воины стояли на берегу вместе со своими женами и голыми детьми. «Вастрель» вышел в открытое море и взял курс на Зингару.

Глава 18

КОРОЛЕВСТВО В ОПАСНОСТИ

Солнце уже заходило, когда Конан завел «Вастрель» в гавань Кордавы. Все небо было затянуто облаками.

Немногие заметили этот изящный галеон, когда он бесшумно вошел в гавань и тихо уткнулся носом в дальний причал. Конан решил войти в город как можно незаметнее, ибо не знал ни того, кто сейчас царствует в Зингаре, ни того, сколь давно прибыли в город Зароно и Тот-Амон. В том, что они опередили его, киммериец несколько не сомне-

вался. Зельтран коснулся его руки и указал на один из причалов.

— Это — «Петрель», — прошептал помощник. — Капитан, может, стоит поджечь его, пока здесь никого нет?

Конан заулыбался:

— Что-то ты сегодня больно горяч, Зельтран, не мешало бы взять себя в руки. Ты ведь не любишь спешить, верно? В нашей игре ставки куда как серьезнее. Скорее всего, наши приятели находятся не здесь, они плетут свои тенета где-нибудь в королевском дворце.

Принцесса нетерпеливо схватила Конана за руку.

— Капитан Конан, почему мы не идем во дворец? Ваши люди могут и подождать. Надо предупредить моего отца, что эти предатели Вилагро и Зароно могут...

— Да замолчите вы! — вновь усмехнулся Конан. — Не надо так спешить, девонька, неужели жизнь тебя этому еще не научила? Вполне возможно, что предатель-герцог и колдун Тот-Амон уже захватили власть, и тогда мы попадем в их паутину, словно глупые мухи. Нет, я хочу поступить иначе.

— Иначе? Как же именно? — не унималась принцесса.

Конан мрачно улыбнулся:

— Сначала мы отправимся в то место, где я чувствую себя в безопасности, — я говорю о «Девяти Обнаженных Мечах».

— «Девяти Обнаженных Мечах?» — недоуменно переспросила принцесса.

— О местечках такого рода знатные господа и не слыхивали; но поверь мне, девонька, это как раз то, что нам нужно. Зельтран, я возьму с собой десять человек. Приготовь плащи и фонари, да не забудь об оружии!

Улицы были пустынные; казалось, что они идут по некрополю. Сигурд, суеверный, как и все моряки, то и дело вздрагивал и начинал озиаться по сторонам, не выпуская из рук эфеса своей сабли.

— Дело ясное — или все они умерли, или их кто-то проклял, — бормотал он, глядя в темноту. Конан попросил его попридержаться языка.

Одни только кордавские кошки видели этот небольшой отряд, бесшумно проследовавший к двери таверны «Девять Обнаженных Мечей». Стоило им войти внутрь, как в прихожую выскочил хозяин таверны Сабрал, на ходу вытиравший о халат руки.

— Я очень сожалею, но сегодня ночью наше заведение закрыто, — забормотал хозяин — в согласии с правительственным указом сегодня все таверны города работали только до захода солнца. Соответственно, я попрошу вас...

Конан снял шляпу, сбросил плащ на пол и испытующе посмотрел на хозяина.

— Что это с тобой, приятель? — спросил он тихим голосом.

— Ах, да я же вас просто не узнал! Разумеется, разумеется — для капитана Конана двери моей таверны всегда открыты! Заходите, ребята, — черт с ним, с законом! Пока я зажгу свечи и найду для вас что-нибудь покрепче, пройдет какое-то время, — но вы не волнуйтесь — все будет так, как вы захотите.

— Станный указ — почему это питейные заведения должны быть закрыты именно этой ночью? — спросил Конан, встав так, чтобы видна была дверь.

Полный держатель таверны пожал плечами:

— Наверное, кроме Митры, об этом никто не знает, капитан. Указ этот был подписан вчера вечером... Похоже, здесь начинается происходить что-то странное, знаете ли, что-то такое... Вначале в Кордаве появился капитан Зароно, плававший неведомо где. Вместе с ним приплыли и какие-то стигийцы. Этот самый Зароно тут же направился во дворец короля Фердруто, так, словно этот дворец принадлежит ему. И заметьте — ни один стражник не сказал ему ни слова, — людей короля словно околдовали. Ну а потом начались эти новые указы, — и городские ворота теперь на ночь закрываются, и остальное все изменилось... Герцог Вилагро стал начальником охраны и тут же издал указ о введении в городе военного положения. Станные вещи, капитан, здесь происходят! Ох, странные! Как бы беды какой не случилось!

— Удивительно! — сказал Сигурд.

— Что удивительно? — не понял Конан.

— Неужели не понятно? Клянусь глазом Дагды и пальцем Орванделя! Твой приятель Сабрал говорит тебе о том, что город заперт на замок, а мы вошли в городскую гавань совершенно спокойно! Почему это Вилагро не заставил своих головорезов охранять и пристань?

— Похоже, они считают, что «Вастрель» и поныне находится в устье Зикамбы, — ответил Конан.

— Что верно, то верно! — обрадованно сказал Сигурд. — Как-то я об этом не подумал. Зароно никогда не поверит, что мы смогли починить корабль так быстро — ему-то и в голову не придет, что люди Юмы могли помочь нам.

Конан кивнул:

— Правильно говоришь, рыжая борода. Если все кончится хорошо, король Фердруто окажется в долгу у черного воина, о котором он никогда не слышал и которого он никогда не увидит!

— Раньше к черным я относился иначе, — сказал Си-

гурд. — Они казались мне суеверными примитивными варварами. Но твой друг Юма открыл мне глаза. Наверное, в каждом народе есть свои герои и в каждом — свои подлецы.

Однако не время было вести праздные разговоры. Конан принялся расспрашивать Сабрала о том, что же происходит в городе, и тот смог прояснить для него многое. Вилагро пока не занял трон, но теперь это могло произойти в любой момент. Верные королю гарнизоны были посланы на охрану далеких границ. Офицеров же, преданных Фердрого, либо высылали за границу, либо смещали с должности; иным из них были предъявлены сфабрикованные обвинения, на основании которых они были посажены в тюрьму. Вечером этого дня ворота дворца были наглухо заперты. Ключниками теперь были люди Вилагро. Во дворце должна была состояться какая-то церемония, но что это за церемония, Сабрал не знал.

— Я думаю, речь идет об отречении от престола, — сказал Конан, меряя комнату шагами. — Мы должны попасть во дворец. Но как это сделать? Вилагро и Зароно заперли все его двери. Тот-Амон наверняка держит Фердрого под контролем. Чары могут развеяться, если король увидит свою дочь... Тогда-то мы и займемся предателями. Где этот проклятый Нинус? Он давно должен быть здесь...

Сигурд нахмурил брови. С час тому назад Конан осведомился у Сабрала о здоровье своего товарища, давшего монашеский обет. Хозяин таверны ответил, что Нинус давно поправился и вновь вернулся в монастырь при храме. Тогда Конан послал за ним одного из своих матросов.

— Кто такой этот Нинус? — поинтересовался Сигурд.

Конан передернул плечами.

— Я знаю его еще с тех времен, когда мы промышляли воровством в Заморе. Он вернулся в родную Зингару, когда краснокаменная Замора показалась ему слишком уж неспокойным местом. Здесь он встретился со сладкоречивым миссионером из храма Митры, который смог убедить Нинуса в том, что монахи могут жить припеваючи, играя на страхах и суевериях законопослушных горожан и скучающих домохозяек. Нинус всегда был себе на уме, — так случилось и на сей раз, — он вдруг возьми и действительно стань монахом! Если и существует тайный ход, ведущий в королевский дворец, то о нем наверняка будет знать Нинус. Лучше, чем он, вора не было, перед ним и Таурус Нимедийский, которого люди называли королем воров, кажется мальчишкой. Он всегда знал все ходы-выходы...

Торжественный звук колокола резанул Конана по сердцу. Хабела замерла и крепко сжала его руку.

— Это звонят в храме всех богов! — воскликнула она. — Конан, мы опоздали!

Киммериец посмотрел на ее внезапно побледневшее лицо.

— Что это означает? Говори же, ну!

— Звон этих колоколов возвещает о начале аудиенции! Мы опоздали — она уже началась!

Конан и Сигурд обменялись взглядами и бросились к окну, из которого был виден стоявший на вершине холма дворец.

В тронной зале горели огни. Хабела была права — аудиенция уже началась.

Глава 19

КОРОЛЬ ТОТ-АМОН

То, что происходило в тронной зале короля Фердрого, напоминало спектакль. За изумрудными стеклами ее высоких окон то и дело сверкали молнии, наполнявшие залу мертвенным серо-голубым светом.

Она была огромна. Покатые стены и кольцо мощных тяжеловесных гранитных колонн, отделанных полированным мрамором, поддерживали свод, паривший где-то в вышине. Эта зала была величайшим чудом королевства Фердрого.

Огромные, в руку толщиной свечи горели в массивных золотых светильниках. Их свет и вспышки молний отражались отполированными до зеркального блеска щитами и шлемами стражей, стоявших у стен залы.

На сей раз воинов было куда больше, чем обычно. Это обстоятельство смущало и настораживало придворных вельмож, созданных во дворец королевским глашатаем. Им было приказано собраться в тронной зале, дабы монарх смог обратиться к ним с важной речью.

Ливреи стражников тоже вызывали подозрение. Лишь немногие были одеты в форму Тронного Легиона, призванного охранять Его Величество, все же прочие носили одеяния цветов дома Вилагро, герцога Кордавского.

В центре залы на возвышении, сложенном из зеленого с темными прожилками малахита, стоял трон, вырезанный из розового мрамора. Это был трон династии Рамиро, и сидел на нем сам Фердрого Третий.

Собравшейся в зале знати в последнее время почти не

доводилось видеть своего монарха. Люди изумленно смотрели на короля, ибо он состарился так, словно со времени их последней встречи прошли многие годы. Тело его усохло, щеки ввалились, члены ослабли. Глубокие тени легли на его лицо, глаза же утратили прежний блеск. В свете молний немощный старец походил на скелет.

На голове, что казалась слишком тяжелой для тонкой морщинистой шеи, поблескивала древняя корона основателя династии короля-героя Рамиро. Верхнее кольцо этой безыскусной золотой короны было покрыто вырезами, делавшими его похожим на верх крепостной стены с зубцами и амбразурами.

Своими восковыми ссохшимися руками король развернул огромный свиток, скрепленный множеством печатей. Слабым дрожащим голосом Фердруго стал зачитывать сей странный документ. Вначале шла привычно долгая преамбула, перечислялись всевозможные титулы и звания, звучали тяжеловесные фразы, лишённые какого бы то ни было смысла, но имевшие значение юридическое. Присутствующие стали нервничать — ничего хорошего подобное начало не предвещало.

У возвышения, на котором был установлен трон, стояло двое. Одним из этих людей был герцог Вилагро. В отсутствие принца Товарро, родного брата короля, герцог был вторым лицом в государстве. По выражению его лица можно было сказать, что он с нетерпением чего-то ждет.

Рядом с Вилагро стоял человек, не знакомый ни одному из присутствующих. Голова этого высокого широкоплечего человека была обрита наголо, кожа его была смуглой, а лицо — хищным. Судя по всему, он был уроженцем Стигии. Тело его было покрыто тяжелой длинной мантией, доходившей до пола.

На его выбритую голову был одет странный убор — корона, сделанная в форме золотой змеи, свившейся кольцами вокруг головы; на странной этой короне сверкали тысячи граненых камней. Люди закачали головами и стали перешептываться, говоря исключительно о короне и граненых алмазах, — если это действительно алмазы, то короне этой цены нет. Стоило незнакомцу шевельнуться, как бриллианты тут же начинали сверкать всеми цветами радуги, отражая свет факелов и свечей.

Темнолицый человек казался ушедшим в себя — он едва ли видел стоявших перед ним людей и вряд ли слышал то, что говорилось королем. Казалось, что стигиец сосредоточил все свое внимание и все свои силы на чем-то никому не ведомом.

За спиной герцога Вилагро угадывались темные фигуры

злогокозненного пирата Зароно и жреца храма Сета Менкары, о котором людям было известно лишь одно — так же как Зароно, он был приспешником герцога.

Фердруго продолжал чтение, теперь документ уже близился к концу. И тут собравшиеся замерли от изумления, ибо вот что они услышали:

— «...настоящим Мы, Фердруго Зингарский, оставляем трон в пользу Нашей дочери и наследницы Принцессы Хабелы и тем самым в пользу помолвленного с нею в ее отсутствие великого принца Тот-Амона Стигийского! Да здравствуют Король и Королева! Да здравствуют Хабела и Тот-Амон — новые правители древней зингарской земли!»

У гостей от изумления раскрылись рты. Но более всех был ошарашен Вилагро, герцог Кордавский.

Он выпучил глаза на старого короля Фердруго; лицо герцога стала заливать мертвенная бледность, губы затряслись, сисясь что-то произнести.

Гул голосов был прерван хриплым возгласом короля:

— На колени, сын мой!

Высокий стигиец встал напротив трона и опустил на колени. Сняв с головы Корону Кобры, он бережно положил ее на малахитовую ступень.

Фердруго поднялся с трона и снял древнюю корону короля-героя Рамиро. Трясуцимися руками он возложил ее на обриту голову Тот-Амона.

Только теперь Вилагро смог оценить все коварство своего союзника; рука его непроизвольно схватилась за резную рукоять кинжала, висевшего у него на поясе. Он хотел уже было вонзить кинжал в спину великого мага, но тут взгляд его упал на Корону Кобры, лажавшую подле Тот-Амона. Он знал о ее чудесных свойствах. Вернувшись в Кордаву, Зароно рассказал ему о ней:

— Из того, что говорил мне Менкара, и из того, что я видел собственными глазами во время нашего плавания, Ваша Милость, я понял следующее. Корона позволяет своему носителю управлять сознанием других людей. Менкара, маг средней руки, может управлять только одним человеком. Тот-Амон, величайший из магов, способен владеть сознанием нескольких людей. Тот же, кто наденет Корону, сможет управлять тысячами — для этого достаточно знать, как это делается. Он сможет послать на верную смерть полк неугодных ему солдат. Может приказать змее или льву убить своего врага.

Никто не может противостоять воле надевшего Корону Кобры. Ее хозяйина нельзя заставить врасплох или обмануть, ибо ему ведомы мысли всех. Приблизиться же к нему сможет лишь тот, кому это будет приказано. Смертные, подо-

бные вам и мне, мой господин, часто страдают от того, что их приказы выполняются скверно, — вспомните, как улизнула от нас принцесса. Однако великий Тот-Амон может не опасаться неудач, ему достаточно приказать, и приказ его тут же будет в точности выполнен, пусть даже его слуге для этого придется пожертвовать жизнью.

И вот уже старый Фердруго возлагает древнюю зингарскую корону на лысый череп этого подлого стигийца. Впрочем, для этого Тот-Амону пришлось снять Корону Кобры... Герцог Вилагро решил действовать.

С поразительной для его лет быстротой герцог избежал на малахитовый помост. Ничего не подозревавший Тот-Амон обернулся, когда Корона Кобры была уже на голове у герцога.

Герцог двинулся вперед и тут же услышал сдавленное проклятье — по голосу он узнал Менкару. Вилагро резко обернулся и увидел, что маг несется на него с кинжалом в руке.

Стоило Вилагро надеть Корону Кобры на свою голову, как сознание его наполнилось массой необычных ощущений. Ему казалось, что он слышит мысли всех людей, смотревших на него из залы; мысли эти сливались в неумолчный нечленораздельный гул. Вилагро не был магом и потому не мог от них отвлечься.

Менкара был уже совсем близко. Отчаянным усилием герцог сосредоточил на нем свое внимание и, выставив вперед руку, представил, что Менкара летит со ступеней вниз, словно кто-то могучий нанес ему сокрушительный удар.

Менкара замер, так и не поднявшись на ступени. Он вдруг отшатнулся и выронил кинжал из рук.

За спиной Вилагро раздался лвиный рев, на сей раз голос принадлежал Тот-Амону:

— Пес! За это ты заплатишься жизнью! — закричал стигиец, коверкая слова зингарского языка.

— Умри же сам! — воскликнул Вилагро и простер руку к Тот-Амону.

Однако великого мага не могла одолеть даже Корона Кобры, ибо нынешний ее владелец не умел правильно пользоваться ей и был лишен должной сосредоточенности. На мгновение противники замерли, пытаясь сразить волей один другого. Даже надев Корону, Вилагро вряд ли мог соперничать с великим Тот-Амоном. Слегка покачиваясь от напряжения, они смотрели друг другу в глаза.

Люди, стоявшие внизу, изумленно следили за происходящим. Среди них было немало смелых воинов, готовых с оружием в руках отстоять правое дело, но в этой сумятице никто уже не понимал, что же именно здесь

происходит. Король дошел до полного идиотизма, герцог известен своей беспринципностью, страшный чужеземец и вовсе никому не ведом, — кто здесь прав и кто здесь виноват?

Вилагро услышал бормотание Менкары — тот читал заклинание. Он почувствовал, что его силы слабнут. Тот-Амон грозно надвигался на него...

И тут зала наполнилась шумом. С балкона спускался целый отряд оборванных моряков, возглавляемый бронзоволицым гигантом с гривой нечесаных черных волос и горящим взором. В руке гигант сжимал огромную саблю.

Зароно изумленно воскликнул:

— Конан! Тысяча чертей — откуда только он взялся?!

Желтолицый пират побледнел, ошеломленный появлением огромного варвара. Но тут же глаза его гневно засверкали, а лицо приняло решительное выражение. Он вынул из ножен рапиру.

Внезапное вторжение привлекло и внимание Тот-Амона. Будь на его голове не древняя зингарская корона, а Корона Кобры, он почувствовал бы приближение Конана заранее, но мистический убор давно уже был не у него.

Покосившись на неожиданных гостей, Вилагро вновь устремил свой взор на Тот-Амона. Он понимал, что стигиец — враг куда более опасный. Если он, впервые надев корону, может противостоять самому Тот-Амону, то уж с Конаном-то он легко справится. Если же он отвлечется на Конана сейчас, стигиец раздавит его, словно жука.

Конан замахал руками, прося внимания.

— Слушайте, властители Зингары! — проревел он. — Изменив вашему монарху, эти люди заколдовали его! — Смуглая ручища указала на недвижно стоявшего стигийца. — Это не принц Стигии, но настоящее исчадие ада! Это колдун, пришедший из нечестивой Стигии, с тем чтобы присвоить себе древний трон Зингары. Земля еще не рождала большего злодея, чем Тот-Амон! Околдовав короля, он лишил его разума — король не понимает того, что он делает, — он лишь выполняет то, чего требует от него этот негодяй!

Собравшиеся заволновались — одни тут же поверили Конану, другие были полны сомнений. Какой-то толстяк закричал:

— А разве не безумие то, что происходит сейчас? Орда пиратов врывается во дворец во время священной цере-

монии, а их вожак начинает нести какой-то бред! Стражники, арестуйте этих мошенников!

Шум в зале усилился. Стараясь перекричать толпу, Конан заорал что было сил:

— Глупцы, посмотрите на своего короля, и вы убедитесь в правдивости моих слов!

Побледневший Фердруго в растерянности стоял у трона.

— Господа, господа, что здесь происходит? — бормотал он, глядя в лица собравшимся. Неожиданно для самого себя он обнаружил в своей руке свиток. — Что это? Неужели я это читал? Ведь это какая-то бессмыслица...

Стало понятно, что король Фердруго не узнает указа, только что зачитанного им. Тот-Амон, вынужденный отвлечься на Вилагро, выпустил из-под своего контроля сознание короля. И тут же магу пришлось вновь обратить все свое внимание на герцога.

Стоило Тот-Амону обернуться к Конану, как Вилагро, собрав всю свою волю, тысячекратно усиленную Короной Кобры, устремил на него полный ненависти взгляд. Тот-Амон зашатался и не упал только потому, что успел схватиться за спинку трона. Зингарская корона, что была явно мала ему, слетев с его головы, со звоном покатилась по ступеням.

Овладев собой, маг нанес Вилагро такой мысленный удар, что тот едва смог устоять на ногах.

— Идиот, — отдай мне Корону Кобры! — закричал Тот-Амон.

— Ни за что! — завизжал в ответ Вилагро.

Герцог почувствовал, что теперь ему противостоит куда большая сила. Он чувствовал, что Тот-Амону помогает его верный слуга Менкара. Вилагро стал стремительно терять силы — еще немного, и он должен был погибнуть.

Он перевел взгляд туда, где стоял Конан. Казалось, что сейчас, не выдержав напряжения, рухнут дворцовые своды. В этот миг решалась судьба целого народа — когда одного слова, жеста или взгляда было достаточно для того, чтобы решить исход событий тем или иным образом.

И тут слово это прозвучало. Рядом с Конаном появилась фигурка девушки, черные как смоль волосы которой сбегали на плечи шелковистым водопадом. Глаза девушки блистали. Несмотря на то, что одежда она была в грубое матросское платье, в ней нельзя было не узнать принцессу Зингары.

— Принцесса! — воскликнул барон.

— Что? Хабела? — стал озираться по сторонам Фер-

друго. Да, теперь уже никто не сомневался в том, что это была именно она. Хабела заговорила:

— Граждане Зингары, капитан Конан сказал правду! Этот коварный стигиец смог околдовать моего отца. Конан спас меня, и мы тут же поспешили в Кордаву, чтобы не дать ему взойти на трон! Стража, взять его!

Капитан королевской гвардии выхватил саблю из ножен и приказал воинам следовать за ним. Конан и девять его матросов сбежали с балконной лестницы; в их руках поблескивали клинки. Хабела и жрец храма Митры Нинус оставались наверху. Маленький монашек упал на колени и стал молиться:

— О бог Митра, о Владыка Света! Будь с нами в этот час, когда угрожает нам темная сила Сета! Во имя божественной Сраопи и того, чье имя заповедано, помоги нам, Зурван, Владыка Вечности! Запылай же святым своим пламенем, дабы повергнуть Древнего Змея с трона его!

То ли Тот-Амон стал уставать, то ли Вилагро научился пользоваться Короной Кобры, то ли Митра действительно решил помочь людям, — но Тот-Амон вдруг побледнел и сгорбился. Он сделал шаг назад. Вилагро уже был готов издать победный крик.

Но не успел он и рта открыть, как Тот-Амон прибежал к последнему своему средству. Маг выбросил руку вперед, и зала озарилась изумрудным сиянием. Из указательного пальца мага выходил тонкий зеленый луч.

Корона Кобры засверкала изумрудными огнями, золото же ее неожиданно заалело.

Вилагро издал пронзительный крик. Схватившись за голову, он отступил назад — казалось, он хочет сбросить с себя Корону. В воздухе запахло паленым.

И тут же зала озарилась ослепительным голубым сиянием, словно одна из гневливых молний заглянула в ее высокие окна. Одно из оконных стекол разлетелось вдребезги. Люди, полуослепленные яркой вспышкой и оглушенные следовавшим за ней громовым раскатом, увидели, как ослепительная голубая молния, словно космическая плеть, поразила герцога Кордавского.

Вилагро упал лицом вниз. Корона Кобры слетела с его головы и покатилась по мраморному полу. Волосы на голове герцога сторели, обнажив обожженный скальп с черной полоской на том месте, где Корона касалась головы.

Так бесславно закончил свою жизнь герцог, возжаждавший трона и короны, так он был погублен своими неумными желаниями.

АЛАЯ КРОВЬ И ХЛАДНАЯ СТАЛЬ

На мгновение все замерли. Тот-Амон пришел в себя первым.

— Менкара! Зароно! — закричал он. — Ко мне! — Как только жрец Сета и пират, сжимавший в руках рапиру, приблизились к магу, тот приказал им: — Срочно собирайте людей — и наших, и слуг Вилагро. Бейтесь до последнего! За исход боя вы отвечаете головой! Пока Конан на стороне короля, мы можем надеяться только на силу!

— А как же колдовство? — прорычал Зароно. — Разве вы не можете смести всех наших врагов одним взмахом руки?

— Я сделаю все, что в моих силах, но и у магии есть свои пределы. К оружию!

— Вы правы, — согласился Зароно и тут же повернулся на каблуках лицом к зале. — Люди! — закричал он. — Герцог мертв, но стигийский принц на нашей стороне! Если мы поможем ему взойти на трон, мы будем править этой страной вместе с ним! Ко мне, люди!

— Ко мне, честные люди Зингары! — тут же проревел Конан. — Мы обязаны защитить короля и принцессу и спасти Зингару от стигийского дьявола!

Люди разделились на два лагеря. Большая часть сторонников Вилагро приняла сторону Зароно, дворяне же встали рядом с Конаном и его матросами. Трусливые и колеблющиеся немедленно покинули залу.

Большинство приняло сторону Зароно. Почти все воины, охранявшие дворец и залу, были людьми Вилагро. Они превосходили противника не только числом, но и своим оружием.

— Вы в меньшинстве! — прокричал Тот-Амон с помоста. — Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

Конан грубо послал к черту и Тот-Амона, и его предложение.

— Да здравствует Тот-Амон, правитель Зингары! — закричал Зароно, напав на одного из воинов, принявших сторону Конана.

Засверкали мечи. Противники сошлись, наполнив залу звоном клинков и криком. То здесь, то там падали люди,

сраженные неприятелем. Алая кровь заливала мрамор, отовсюду слышались предсмертные хрипы и стоны.

Конан бесстрашно улыбался; белоснежные зубы сверкали на его смуглом лице. Настало время действовать. Жизнь научила его известной осторожности и осмотрительности, но в такие минуты он, словно мальчишка, забывал обо всем — он был все тем же неистовым варваром, для которого сраженья были единственной услугой. Таких же боев, как этот, он уже и не помнил.

Он набросился на одного из людей Зароно. Сбив его с ног, он ударил его в живот пяткой, одновременно сбив с ног другого противника и поразив клинком третьего, спешившего на подмогу.

Несмотря на свой огромный рост, киммериец двигался стремительно и легко, словно пантера, скакивая неприятеля налево и направо. Низкорослые зингарцы казались рядом с ним детьми. От ударов его огромной сабли ломались их мечи; Конан рубил врага, как капусту. Повсюду шел бой, повсюду лилась кровь.

Зингарцы были прекрасными фехтовальщиками, превратившими фехтование в подлинное искусство. Однако Конан, пусть он и рос среди варваров, так освоил за долгие годы беспрестанных сражений воинские искусства, что равных ему здесь не было. Помимо прочего, он провел не один месяц в школе фехтования, где давал свои уроки великий мастер Валерио, слава о котором шла по всему миру.

Молодые дворяне, ставшие на сторону Вилагро, поначалу относились к Конану как к неуклюжему увальню. Каково же было их изумление, когда они увидели перед собой превосходного фехтовальщика! Несмотря на то, что клинок его был так тяжел, а рост так велик, он легко отражал все их атаки, разгадывая самые хитроумные уловки и отвечая приемом на прием. Киммериец разил врага за врагом, продвигаясь все дальше и дальше вперед.

И тут он увидел перед собой высокого человека в черном вельветовом камзоле. Это был Черный Зароно.

Зароно не был трусом, напротив — выдержке и отваге его многие могли позавидовать. Да, он привык действовать исподтишка, но вызвано это было никак не его трусостью, а скорее его беспринципностью и расчетливостью. Он всегда думал только о цели, оправдывая ею любые средства. Решение сразиться с Конаном казалось безрас-

судством, но уж слишком велика была ненависть Зароно, которому Конан представлялся источником всех его бед — как былых, так и нынешних. Он мечтал о мести с тех самых пор, как они подрались в таверне. Тогда Конан огрел его так, что голова у Зароно едва не слетела с плеч.

Зароно понимал, что ждать за это какой-то благодарности от Тот-Амона не приходится. Если Тот-Амон действительно станет королем, то все посты в государстве тут же отойдут стигийцам, жрецам храма Сета. Впрочем, может статься, Тот-Амон и назначит его на какую-нибудь должность и, уж во всяком случае, не станет казнить его; если же верх одержат сторонники прежней династии, то его, Зароно, вне всяких сомнений ждет плаха.

Рапира Зароно скрестилась с саблей Конана. Зароно сделал стремительный выпад, но киммериец отразил этот удар и тут же нанес ответный, целя Зароно в голову. Зингарец ушел в сторону, и сабля со звоном ударила по его рапире.

Повсюду кипела битва. Повсюду валялись трупы, огчего тронная зала стала походить на бойню. Численное преимущество сторонников Зароно уже начинало сказываться. Противника удалось разделить на две группы: первую группу теснили к лестнице, с которой появился Конан, вторую, тесным кругом обступившую короля, — к дальнему углу залы.

Конан и Зароно продолжали свой поединок. Теперь зингарцу уже казалось, что он погорячился, решив сразиться со своим заклятым врагом. В искусстве фехтования он нисколько не уступал Конану, но тот явно превосходил его и в силе, и в выносливости. Зингарец стал потихоньку сдавать, однако отступать он и не думал. Либо он убьет этого варвара, либо сам погибнет в бою.

Тот-Амон невозмутимо сошел с помоста. Обходя сражающихся воинов, он неспешно направился по залитым кровью плитам к Короне Кобры, что так и лежала на полу залы. Воины Конана легко могли поразить его, но они даже не пытались сделать этого. Казалось, что они не видят мага.

На самом деле они видели его ясно, однако маг волевым усилием смог внушить им, что его, Тот-Амона, они трогать не должны. Это внушение требовало от него такой сосредоточенности, что он и не пытался как-то воздействовать на Конана. Для того чтобы совершать не-

что большее, он нуждался как в покое, так и в своем магическом приборе. Изумрудный луч им был уже использован, вновь воспользоваться им он мог только через несколько часов.

Тот-Амон спокойно перешагнул через тело Менкары, сраженного случайным ударом чьей-то руки. Стигиец нагнулся и поднял Корону с пола. Она все еще была горячей, но он держал ее так, словно не чувствовал боли. Маг принялся осматривать ее и вдруг, негромко выругавшись, отбросил ее в сторону так, словно она была никчемной безделушкой.

В тот же миг из-за стен дворца слышались какие-то крики. Уже через минуту в зале появилась вся команда Конана, возглавляемая Зельтраном и Сигурдом. Матросы были вооружены пиками и саблями. Дождавшись Нинуса и отправившись вместе с ним во дворец, Конан послал Сигурда на корабль за подмогой. Матросы должны были незаметно покинуть галеон и проникнуть во дворец тем же тайным ходом, по которому в него пробрался Конан.

Битва стала принимать совсем иной оборот. Отряд людей, верных королю, пошел в наступление. Ряды мятежников дрогнули, не устояв перед натиском противника. Хлынувшая назад толпа растащила Конана и Зароно в разные стороны.

Полный решимости продолжать поединок, Зароно принялся расталкивать своих людей, но тут чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он хотел было сбросить ее, но тут неожиданно понял, что это — рука Тот-Амона.

— Настало время подсчитывать потери, — угрюмо произнес стигиец. — Короны больше нет — она сгорела...

— Отпустите меня! — неожиданно зло закричал Зароно. — Мы еще можем победить, и я еще не прикончил этого боров!

— Богам угодно, чтобы в этом бою победил Конан.

— Откуда вы это знаете?

Тот-Амон пожал плечами.

— Я знаю не только это. Я уйду; если хочешь — идем вместе.

Стигиец отвернулся и направился к выходу. Зароно как зачарованный шел вслед за ним.

— Стой! — слышался крик Конана. — Эй вы, псы, так легко уйти вам не удастся!

Неистово размахивая своей страшной саблей, Конан стал пробиваться к двери.

Тот-Амон удивленно поднял брови.

— Варвар, ты начинаешь утомлять меня! — Средним пальцем левой руки, на который было надето массивное медное кольцо в форме змеи, кусающей себя за хвост, стигиец указал на гобелен, висевший меж двумя узкими окнами. — Н'гхокх-гха нафаяк фтангуг! Вгох ньекх!

Гобелен внезапно ожил. Он заволновался, изогнулся и с треском оторвался от стены. Словно огромная летучая мышь, он полетел над головами сражающихся воинов. На миг зависнув над головой Конана, гобелен камнем упал на него, укрыв его с головы до ног.

— Иди быстрее, если хочешь сохранить голову! — приказал Тот-Амон Зароно.

На то, чтобы выбраться из-под гобелена, у Конана ушло всего несколько секунд, но к этому времени в зале уже не было ни Тот-Амона, ни Зароно. Их сторонники, покинутые своими предводителями, бросили оружие, сдаваясь на милость победителей.

Держа саблю над головой, Конан выбежал из двери и понесся к парадной лестнице. Он выбежал из дворца и услышал далекий стук копыт, что становился все тише и тише...

Утренний ветерок весело посвистывал в снастях. Поймав ветер, паруса «Востреля» загудели, и он наконец вышел в открытое море.

На шканцах стоял постриженный и гладко выбритый киммериец, с головы до пят одетый во все новое — от шляпы с пером до блестящих ботинок. Конан довольно вздохнул. Хватит с него и заклинаний, и магов, — надоело сражаться с теньями! Все, что ему нужно, — крепкий корабль, надежная команда, меч на боку да цель впереди!

— Приятель, клянусь грудью Иштар и срамным удом Нергала, я уж было решил, что ты совсем сумасшедший! — проревел Сигурд-ванир под самым его ухом.

— Это почему же? Из-за того, что я отверг предложение Хабелы? — заулыбался Конан.

Рыжебородый северянин кивнул.

— Она ведь такая красивая, такая пышная, она нарожала бы тебе крепких сыновей. Мало того, при желании

ты мог бы получить и трон Зингары. После всех этих треволнений король Фердруго вряд ли долго протянет, корона и королевство тут же перейдут к его дочери!

— Нет уж — спасибо. Однажды я уже был наложником королевы. Нзинга была женщиной взрослой и страстной, Хабела же еще сущий ребенок — в голове у нее невесть что. К тому же Фердруго может протянуть куда дольше, чем ты думаешь. Теперь, когда никто его не дурачит, он выглядит лет на десять моложе — ты только вспомни, как он приосанился! Как только Фердруго пришел в себя, он тут же объявил недействительным этот безумный указ, в котором Хабела называет супругом Тот-Амона, — так что, как видишь, и мозги у него еще варят.

Что касается Хабелы, то она мне нравилась. Я ее даже любил по-отцовски. Говоря между нами, я принял бы ее предложение, если бы только не то будущее, которое оно сулит.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока мои раны заживали, я имел честь обедать с королем и принцессой. За это время Хабела мне все уши прожужжала о том, что я должен буду делать. Изменить речь, изменить платье, изменить манеры и все такое прочее. Короче говоря, я должен был стать идеально воспитанным и благонравным зингарцем, который с надушенным платочком в руке и со слезами на глазах смотрит на то, как крутятся балерины из королевской труппы.

Может быть, я и глупее придворного философа Годриго, но я точно знаю — чего я хочу и чего не хочу. Нет, Сигурд, если Крому будет так угодно, когда-нибудь я и окажусь на троне. Но это будет не свадебный подарок — ты понимаешь?

И еще — Фердруго был уж слишком щедр. Он отдал мне Корону Кобры, которую я тут же снес к златокузнецу Хулио. Ты никогда не задумывался — почему это у нас на корабле все новое: и такелаж, и одежда, и прочее? Мне нет еще и сорока, а я уже стал богатеem! Нет, Сигурд, не по мне все это!

Спасать королей не наше дело, — ты уж поверь мне, — у нас и без того забот по горло — кто же станет грабить всех этих купцов из Аргоса и Шема? Оставь ты в покое эту полоумную принцессу — пора бы нам и делом заняться! Идем, взглянем на карту! — Конан повысил голос: — Зельтран! Мы ждем тебя у меня в каюте!

Конан сошел со шканцев. Рыжебородый гигант изумленно посмотрел ему вслед и, всплеснув руками, поспешил за капитаном.

— Клянусь зеленой бородой Ллира и молотом Тора! — проворчал он. — С этими киммерийцами спорить невозможно!

Снасти поскрипывали, над галеоном крича парили чайки. «Вастрель» на всех парусах шел на юг, навстречу новым приключениям.

Пролог

Ночь в Вендии была необычно тихой, а воздух тяжелым и гнетущим. Даже легкий ветерок не освежал столицу Айдохья в ту ночь. Луна висела в небе, как громадный, чудовищный желтый череп, и все те, кто решил взглянуть на нее, содрогались от ужаса и желали только одного — чтобы хоть одно облачко поскорее закрыло этот кошмар. В городе ходили слухи, будто подобная ночь, особенно ночь полнолуния, всегда является черным предзнаменованием чумы или войны, и в любом случае, несомненно, смерти.

Человек, который называл себя Найпал, не обращал внимания на подобные глупые разговоры. Наблюдая с высокого балкона большого дворца с алебастровыми шпилями и позолоченными куполами (дворец принадлежал ему, как царский подарок), он знал, что огромный диск луны не был ни дурным, ни добрым предзнаменованием, что бы ни болтали об этом глупые людишки. Звезды, вот что говорило в эту ночь о грядущих событиях и судьбах. Конфигурации звезд, остававшиеся темными в течение долгих месяцев, наконец стали ясными в эту ночь. Найпал коснулся своими длинными цепкими пальцами узкого золотого сундучка, который стоял перед ним. «Сегодня ночью, — подумал Найпал, — я соприкоснусь лицом к лицу со страшной опасностью, это будет момент, когда все мои планы могут превратиться в пыль. И все-таки не бывает победы без риска, и чем выше цель, тем более велика и опасность».

Найпал... Это имя не было его настоящим именем, так как в стране, славящейся своими интригами, те, кто шел по его стопам, были более скрытными, чем кто бы то ни был. Он был слишком высок для вендийца, а люди этой страны считались высокими среди других народов, населяющих Восток. Рост этот особенно выделял Найпала и подчеркивал его значительность, которую он нарочно принижал, надевая халат мрачного цвета, вроде того темно-серого халата, который был на нем в эту минуту, в отличие от шелков цвета

радуги или цветного сатина, которые предпочитали мужчины Вендии. Цвет тюрбана был цветом угля, головной убор был также скромн, не будучи украшен ни драгоценными камнями, ни плюмажем, подчеркивающим богатство и знатность владельца. Лицо Найпала было по-своему и страшным и красивым, одинаково спокойным и невозмутимым. Казалось, душа этого человека постоянно пребывала далеко от всех потрясений, горя, катастроф. Выпуклые, большие черные глаза говорили одновременно о мудрости и страсти. Однако он очень редко позволял людям видеть себя, поскольку таинственность всегда скрывает за собой власть и могущество, хотя многие знали, что тот, кто называет себя Найпалом, является придворным магом и чародеем при дворе царя Бандаркара, повелителя Вендии. Этот Найпал, как поговаривали в Айдохье, был большим мудрецом, и не только из-за своей долгой и преданной службы царю, начиная с того дня, когда бывший придворный маг странно исчез, но также и из-за того, что практически был лишен жажды власти и амбиций. В столице, где, как и везде в Вендии, каждый мужчина и женщина горели жаждой интриги и власти, отсутствие этих качеств было поистине ценным качеством, хотя и несколько странным. Но, с другой стороны, Найпал делал множество странных вещей. Было известно, например, что он раздавал большие суммы денег бедным, бродягам, бездомным детям. Этот факт служил предметом для пересудов и шуток придворных царя Бандаркара, втайне все они думали, что Найпал делал это, чтобы прикинуться добрым человеком. Но в действительности всякий раз, бросая бедным монетку, Найпал вспоминал, что сам вышел из этих улиц, вспоминал ночи, проведенные у деревьев и под мостами, когда он был слишком голоден, даже чтобы заснуть. Но открыть эту правду — значит показать собственную слабость, поэтому чародей предпочитал выслушивать циничные слухи и сплетни о своих поступках, так как самому себе он не позволял никакой слабости.

Еще раз взглянув на небо, Найпал ушел с балкона, крепко сжимая в руках узкий сундучок. Позолоченные светильники, искусно сделанные в виде птиц и цветов, освещали коридоры с высокими потолками. Мастерски сделанные вазы из фарфора и хрупкого хрусталя стояли на столиках из полированного черного дерева, украшенные резьбой слоновой кости. Толстые, мягкие, пушистые ковры покрывали полы дворца, красота, материя и краски делали их бесценными сокровищами, а любой гобелен, висящий на алебастровых стенах, мог быть обменен на дочь царя. На людях Найпал делал все, что мог, чтобы быть незаметным, но у себя дома он расслаблялся и погружался во все мыслимые и немис-

лимые удовольствия. Однако в эту долгожданную ночь его взор не коснулся даже бегло орнаментов дворца. Колдун не приказал слугам принести изысканного вина, позвать музыкантов или женщин. Найпал спускался все глубже в подвалы дворца и еще глубже, где были камеры, чьи стены мерцали таинственным голубым, как у жемчужин, светом. Эти камеры были созданы магией. Немногим из слуг было позволено появляться в этих глубоких подземных комнатах, а те, кто все же попадал туда, не могли рассказать о том, что они там делали и что видели, по той простой причине, что лишились языка. Никто во всей Вендии не знал о существовании этих камер. Большинство слуг колдуна не бывали там и поэтому сумели сохранить свои языки и из страха и самосохранения даже не смотрели в ту сторону. Когда же они заговаривали об этом, их голоса понижались до тихого шепота. Обычно так рассказывают, лежа в постелях, страшные истории.

Коридор, уходящий резко вниз, расширился, и перед глазами мага открылась большая квадратная комната, примерно тридцать шагов в длину. Стены комнаты сияли мерцающим голубоватым светом, создавалось впечатление, что стены пробиты одним чудовищным ударом, так как не было никакого намека на швы или кладку. В середине камеры возвышался остроконечный у вершины купол, высотой в рост стоящего мужчины. Под куполом, в самом его центре, проходила сводчатая паутина из чистого серебра, почти невидимая у пола и занимающая большую часть комнаты. Серебряная нить была искусной работы, и от нее, так же как и от стен, исходило голубое мерцание, словно от падающих при свете луны снежинок. В девяти симметрично расположенных точках стояли треножники из золота с искусной резьбой и орнаментом. Каждый треножник был не выше колена Найпала и располагался так, что ножки как бы продолжали узор серебряной паутины. Воздух казался тяжелым от дьявольских сил и колдовства, царивших здесь, и чудилось, будто само зло висело в воздухе. Одна шестая часть одной из стен, была отделена толстой железной решеткой, с закрытой на засов дверью, сделанной из толстого железа. Рядом с решеткой и странным куполом стоял маленький стол из полированного красного дерева. На столе лежали все необходимые для сегодняшней ночи предметы. Они покоились на куске черного бархата, подобно драгоценностям, выставленным на продажу ювелиром. Однако самое почетное место на столе занимал маленький, искусной работы, длинный сундучок из черного дерева.

Положив позолоченный сундучок на шелковую подушку, перед которой стоял еще один золотой треножник, Найпал

вернулся к столу. Рука чародея потянулась было к черному сундучку, но, поддаваясь внезапному импульсу, он взял в руки оправленное в рамку из слоновой кости зеркало. Найпал осторожно развернул тонкие, как паутина, шелковые ткани, в которые зеркало было завернуто. Они были мягче на ощупь, чем самая тонкая ночная рубашка. Наконец последний кусок материи был снят, и в руках мага оказалось хорошо отполированное серебряное зеркало... не показывающее на своей блестящей поверхности никакого отражения. Даже сама комната не отражалась в зеркале. Колдун кивнул головой. Он и не ожидал другого, но знал, что не должен позволять самоуверенности взять верх над необходимыми мерами предосторожности. Это зеркало было необычным не только из-за своих странных оптических свойств. Его можно было использовать для передачи донесений другому человеку на расстояние или следить за кем-то. Серебряная поверхность зеркала не показывала ни одного изображения, за исключением только тех, кто хотел или мог нарушить планы чародея. Однажды, вскоре после того, как Найпал стал придворным магом у царя Вендии, Маунит Имша, глава страшных *черных провидцев*, появился в зеркале. Найпал знал, что это было только любопытство могучего колдуна, не больше. Провидцы не чувствовали в Найпале большой для себя опасности. Глупцы. Тем хуже для них. Через день изображение исчезло, и никогда с тех пор ничто не появлялось в зеркале. Даже на секунду. Таково было совершенство его колдовства:

Удовлетворенный, Найпал снова покрыл зеркало куском материи и открыл сундук из черного дерева. Внутри лежало то, что только увеличило чувство удовлетворения. В полированном футляре из сандалового дерева находились десять камней, овальных, гладких и таких глубоких по цвету, что даже само черное дерево казалось менее темным по сравнению с ними. Девять камней были величиной с большой палец мужчины, а последний камень был раза в два больше остальных. Это были *корасани*. В течение многих веков люди гибли в безуспешных попытках найти их, пока, наконец, даже само их существование не стало легендой, сказками для детей. Десять лет потребовалось Найпалу, чтобы отыскать их, и это были поиски, насыщенные испытаниями и приключениями, которых хватило бы на десяток эпических сказаний, если бы они стали известны людям.

Наипал осторожно положил девять *корасани* меньшего размера на каждый из золотых треножников, окружавших загадочный узор на полу. Десятый, самый крупный камень, маг поставил на треножник перед подушкой. Все

было готово. Найпал сел, скрестив ноги, на подушку, и начал нараспев читать заклинания, вызывая невидимые силы:

— *Э'лас злой-хим! Марааф савиндэй! Кора мар! Кора мар!*

Снова и снова он повторял слова заклинания, пока камень, лежавший перед ним в треножнике, не замерцал, как будто внутри него загорелось пламя. От камня не исходило никакого физически ощущаемого света, но он, казалось, был раскален, как в пламени костра. Внезапно с резким шипением, будто горячий металл был опущен в воду, узкие пучки пламени сорвались с яркого, «пылающего» камня, и каждый из этих пучков метнулся к одному из девяти *корасани*, окружающих серебряный узор. Так же внезапно, как и появились, пучки пламени угасли, теперь уже все десять камней пылали тем же яростным огнем. Снова раздался шипящий звук, и горящие камни были окружены полосками огня, в то время, как с каждого треножника сорвалась яркая лента, поднялась вверх и опустилась вниз. Внутри этой огненной клетки не было ни пола, ни купола, а только пятно темноты, уходящей в бесконечность.

Наипал замолчал, изучая результаты своих усилий, и вдруг закричал:

— *Масрок*, я вызываю тебя!

Внезапно в камере загудел ветер, словно все ветры мира сорвались с какой-то привязи. Громовые раскаты потрясли камеру, и внутри огромной клетки появилось чудовище, повисшее между куполом и полом. Это была какая-то жуткая восьмирукая тень, ростом в два раза больше самого высокого человека. Ее кожа была как отполированный обсидиан; единственной одеждой служило серебряное ожерелье, с которого свисали три человеческих черепа; тело было гладким, блестящим и бесполом. Две руки чудовища держали копья, униженные, в виде украшения, человеческими черепами, еще две держали серебряные мечи, с которых лился странный дьявольский свет. Третья пара рук сжимала острые тонкие кинжалы, а четвертая также потрясала длинными копьями. От клинков, наконечников и лезвий исходил неестественный, потусторонний свет. Большие острые уши чудовища дергались на безволосой голове, а остро-раскосые красные глаза, казалось, пронзали своим светом Найпала. Очень осторожно создание коснулось одним из своих серебряных копий огненной клетки. Тысячи огненных вспышек гневно загудели, как разъяренные пчелы, и молнии пробежали по краям клетки, остановившись только тогда, когда демон отвел копы от прутьев.

— Почему ты все еще пытаешься спастись, Масрок? — требовательно спросил Найпал. — Ты не сможешь так легко нарушить нашу сделку. Только безжизненная материя мо-

жет пересечь границы этой клетки, и даже ты не сможешь открыть ее изнутри. Что тебе, впрочем, хорошо известно.

— Если ты сделаешь глупую ошибку, о Человек, тогда уже не будет нужды в сделках. — Громовые слова прозвучали сквозь плотно сжатые зубы-клыки, которые, казалось, были созданы для того, чтобы разрывать плоть. Самоуверенность слышалась в голосе чудовища. — И все же я буду держаться нашей сделки.

— Вне всякого сомнения. Ты будешь это делать. Ты должен это делать, хотя бы из чувства благодарности. Разве я не освободил тебя из тюрьмы, в которой ты находился в течение столетий?

— Свобода, о Человек? Я оставляю эту тюрьму только тогда, когда ты вызываешь меня, и здесь я сижу в клетке, пока ты не отправляешь меня снова в ту же самую тюрьму. За это и за твои обещания я должен служить тебе? Я послал демонов унести прочь твоего бывшего господина, чтобы ты смог возвыситься и обрести жалкую власть придворного мага. Я закрывал глаза Черным Провидцам *и м и и*, чтобы они не обрушили свой гнев на твою голову. Я делаю то, что ты требуешь от меня, о Человек, и ты еще осмеливаешься говорить мне о свободе?

— Продолжай повиноваться мне, — сказал холодно Найпал, — и ты получишь свою свободу окончательно. Откажешься...

Он открыл позолоченный сундучок и выхватил лежащий внутри серебряный кинжал, являющий собой близнеца тех кинжалов, которые были в руках у демона, даже сияние клинка было таким же. Чародей замахнулся им на демона.

— Когда мы заключали сделку, я потребовал от тебя в знак того, что она заключена, вот это. И ты дал мне это оружие, которое опасно даже легким прикосновением к человеческой плоти. Неужели ты думаешь, что с оружием демона в руках я не захочу узнать его секретов? Ты презираешь человеческие знания, Масрок, хотя тот, кто приковал тебя к твоей вечной тюрьме, тоже был человеком. Из старинных колдовских книг я вычитал упоминание об оружии, сотворенном демонами, об оружии из сверкающего серебра, которое не может промахнуться и поражает насмерть всех, в кого оно направлено. Даже демонов, Масрок! Даже тебя!

— Тогда порази меня им! — зарычало чудовище. — Я шел на бой вместе с богами и против богов, в то время когда человек только и мог, что залезть под камень, перевернуть его и съест спящих там улиток. Бей же меня кинжалом!

Криво улыбнувшись, Найпал снова положил кинжал в сундучок.

— Ты мне не нужен мертвым, Масрок. Я просто хочу,

чтобы ты знал: есть вещи и похуже того, что я могу сделать с тобой, кроме того, как просто оставить тебя в тюрьме. Даже для демона время в тюрьме лучше, чем смерть.

Рубиновые глаза чудовища с ненавистью уставились на колдуна.

— Что ты хочешь от меня на этот раз, о Человек? Есть пределы моим возможностям, пока я огражден твоей магией.

— Снять эти барьеры я не могу. — Найпал глубоко вздохнул; момент величайшей опасности был уже совсем рядом. — Ты был заключен навеки охранять гробницу царя Ориссы под затерянным городом *Махарастра*.

— Ты уже спрашивал меня об этом, о Человек, и я отвечу тебе опять — я не открою местоположения города. Я не предаю своего дела, даже если буду оставаться в тюрьме навеки.

— Я прекрасно знаю пределы твоей помощи мне. Слушай же мой приказ. Ты вернешься в свою гробницу, Масрок, и принесешь мне одного из воинов, погребенных с царем Ориссой. Принеси мне одного человека из его армии, охраняющей его покой.

На мгновение Найпал подумал, что демон согласится без всякого протеста, но ошибся. Масрок внезапно вскрикнул и закрутился волчком. Он крутился все быстрее, пока перед взором колдуна не появилось черное пятно, пронизанное блестками серебра. Это пятно не касалось прутьев клетки, оно жужжало, и молнии слетали с его огненных кромок. Комната вибрировала с пронизывающим тело визгом, и голубовато-белое сияние наполнило воздух. Спокойствие не покинуло Найпала, его лицо осталось невозмутимым, хотя пот градом стекал со лба. Маг хорошо знал, какие силы сдерживались этим барьером и какие силы он должен был употребить, чтобы заставить чудовище кричать и беситься. На мгновение огненная клетка была на грани того, чтобы разлететься на кусочки, и Масрок почти вырвался на свободу. Если бы это произошло, колдун умер бы в самых страшных мучениях, но еще большим мучением было бы для него крушение всех грандиозных планов. Так же внезапно, как и началось, буйство огня утихло. Масрок стоял неподвижно, как будто и впрямь был высечен из обсидиана; рубиново-кровявые глаза монстра пылали гневом.

— Ты просишь, чтобы я совершил предательство!

— Очень маленькое предательство, — сказал невозмутимо Найпал, собрав, однако, всю свою волю, чтобы сохранять спокойствие.

— Мне не нужно знать расположение гробницы. Только один-единственный воин из многих тысяч!

— Вырваться из пут после двух тысячелетий оков — это

одно, но предать то, что я был обязан охранять, — это совсем другое!

— Я предлагаю взамен этого свободу, Масрок.

— Свобода, — было все, что сказал демон.

Найпал кивнул.

— Свобода после двух тысяч лет заключения.

— Две тысячи лет, о Человек? Вся человеческая жизнь — не более, чем секунда мысли для меня. Что такое время для меня?

— Две тысячи лет, — повторил колдун.

В течение долгого времени демон и человек молчали.

— Гробницу охраняют еще три таких же демона, как и я, — произнес медленно Масрок. — Такие же, как я, мои двойники. Мы все были созданы из кружащегося куска Хаоса в момент, когда само Время было только что создано богами. Три таких же демона, как я. Это потребует времени, о Человек.

Найпал едва сумел скрыть свое возбуждение.

— Сделай это как можно скорее. И помни, что когда твоя служба будет закончена, ты получишь свою свободу. А теперь ступай, Масрок. Я приказываю тебе!

Еще раз раскаты грома сотрясли комнату, и огненная клетка опустела. Найпал вытер дрожащей рукой пот со лба, быстро смахнул соленые капли на халат, как бы отрицая их существование. Дело было закончено. Еще одна нить вплетена в ковер с необыкновенно сложным узором. Таких нитей было множество, возможно тысячи, многие из них были сделаны людьми, не имевшими ни малейшего понятия, что они сделали и для чего, но узор был в конце концов сплетен...

Легкая улыбка появилась на лице чародея. Когда узор будет окончательно сплетен, весь мир склонится перед Вендией и, сам того не осознавая, мир склонится перед ним, Найпалом.

Глава 1

На расстоянии город казался сделанным из драгоценных камней, слоновой кости и золота на фоне сапфирового моря, вполне оправдывая свое гордое имя — «Золотая Царица Вилайета». Однако более близкое знакомство с городом объясняло также, почему люди дали Султанупу другое, менее изящное название — «Позолоченная Шлюха Вилайета». Защищенный широким и боль-

шим молом и волнорезами, залив был переполнен кораблями, которые давали Султанупу все права называть себя Царицей, но на каждое торговое судно, нагруженное до самых краев шелками из Кхитая, на каждую галеру, которая везла пряную корицу, перец и ваниль из Вендии, приходился один, а то и два корабля из Корафа или Хоарезма, насквозь пропахших отчаянием и потом, и знакомым страшным клеймом работоторговца.

Золотые купола-луковицы поднимались вверх над дворцами из бледного мрамора, алебастровые шпили, казалось, пронзали собой небесно-голубую высь, но улицы были кривыми и грязными, забитыми разношерстным сбродом, даже в самых богатых кварталах, так как Султануп рос во все стороны, быстро и без всякого плана. Городу было много столетий, сколько?.. Этого никто не мог сказать... Не один раз уже за свою долгую историю город погибал, его золотые дворцы и гордые храмы давно уже забытых богов разрушались и рассыпались в прах и пыль. Однако с каждой новой смертью новые дворцы и новые храмы, посвященные новым богам, вырастали, как грибы после дождя, на руинах старых храмов, и точно так же, как грибы, они теснились вместе, так плотно, как только могли, оставляя лишь кривые узкие проходы между улицами. Город был пыльным, поскольку в этих краях дождь выпадал только раз в год, и это тоже имело свой отличительный запах. Без дождя, который мог бы омыть улицы, тяжелый запах годами висел в горячем, душном воздухе, какая-то странная смесь из специй, пота, духов и навоза. Тысячи запахов сливались вместе, и уже невозможно было отличить один аромат от другого. Запахи смешивались в жуткие миазмы, висевшие день и ночь над городом и ставшие такой же неотъемлемой его частью, как и любое его здание. На каждом углу в Султанупе стояла баня; это были украшенные богатым орнаментом мраморные сооружения с бассейнами, покрытыми красивой мозаикой. В них прислуживали чернокожие рабыни и служанки, не прикрытые ничем, кроме своей блестящей кожи. Были бани и победнее, обычные деревянные дома, стоявшие позади таверн, где служанки могли поскрести спину клиенту за стоимость стакана дешевого вина. Но не запах, а постоянная удушающая жара сделала бани традицией. Сморщенный в гримасе нос, надушенные лицо и одежда были отличительными приметами чужеземца в Султанупе, так как для тех, кто жил здесь, запах стал привычным и не столь уже неприятным, да у них и времени не было на то, чтобы его замечать. Здесь всегда было полно чужестранцев, так как Золотая Шлюха Вилайета привлекала людей особого сорта со всех концов мира. В прохладном,

расположенном в усаженном фиговыми деревьями, отбрасывающими приятную тень, квартале можно было встретить чернокожего купца из Пунта, разговаривающего с кхитайцем с глазами миндальной формы и обсуждающего с ним качество вин из Зигнары, или бедного коринфийца, который разговаривал с увенчанным тюрбаном вендийцем о караванных путях, доставляющих слоновую кость в Иранистан. Улицы являли собой смешанный kaleidoscope разноцветных халатов и тюрбанов, из сотен городов разных стран, а на рынках и базарах можно было слышать языки и диалекты стольких стран и княжеств, что их невозможно было перечислить. В одних местах товары покупались и приобретались честно. В других товары были скуплены у пиратов, бороздящих море. Или же монеты переходили из рук в руки бандитов, грабящих караваны, либо доставались контрабандистам с черного побережья. Но каким бы образом ни добывались товары, едва ли половина их проходила через царскую таможену Султанапура. Султанапур был царницей, гордившейся своим непостоянством царю...

Несмотря на то, что ростом он был намного выше и в плечах шире почти всех, кто проходил мимо, мускулистый молодой парень не привлекал к себе слишком большого внимания, шагая по переполненным улицам, по которым катились сотни запряженных буйволами телег, немилосердно скрипевших. «По крайней мере, они могли бы не пожалеть медяка на смазку», — подумал юноша. Почти все телеги спешили к порту.

Туника из белого полотна плотно облегла сильное тело; широкий, длинный меч в простых потертых кожаных ножнах висел на поясе. Но ни меча, ни широких плеч парня явно не хватало для того, чтобы выделиться из толпы в Султанапуре. Большие мужчины, мужчины, которые ходили с мечами на поясе, всегда могли рассчитывать найти работу в городе, где никогда не было недостатка в товарах или жизнях, которые нужно было охранять.

Волосы густой черной шапкой спускались юноше на плечи; на лбу они были перехвачены тоненьким кожаным ремешком. Глаза юноши были такие же голубые, как цвет моря Вилайет, и жесткие, как агаты. И эти глаза привлекали пристальные взгляды тех немногих людей, которые обращали на парня внимание. Некоторые делали знак пальцами, чтобы отогнать дурной взгляд, когда голубоглазый гигант проходил мимо, но те, кто делал это, делали это осторожно и незаметно. Одно дело избежать проклятия этих странных голубых глаз, но рассердить их владельца было делом совсем иным, особенно когда было видно, что кожаные ленты на ру-

коятке меча были отшлифованы от долгого употребления, а походка и лицо показывали, что парень нисколько не возражает против того, чтобы еще раз-другой использовать свое оружие. Юноша видел тех, кто делал пальцами рожки при встрече, отгоняя злых духов, но не обращал внимания. Два месяца жизни в Султанапуре приучили его к таким людям, и он не сердился на них, а скорее игнорировал. Порой он пытался представить, что бы эти люди подумали, если бы вдруг очутились в его родных горах, в Киммерии, где глаза любого цвета, кроме серого и голубого, так же редки, как его собственные в этой южной стране — в Туране. И очень часто с тех пор, как он попал в этот город, он с грустью смотрел на голубое море Вилайет, которое дразнило своей влажностью сухой воздух, и вспоминал с тоской о пронизываемых ветрами снежных горных склонах своей родины. Он тосковал по Киммерии, но тоска его длилась не долго. До того, как судьба привела его в Туран, он был вором, однако понял, что золото, добываемое таким способом, имеет свойство растекаться между пальцами быстрее, чем вновь появляется. Он собирался когда-нибудь возвратиться в Киммерию, но с таким количеством золота, чтобы бросать его горстями, как воду. В Султанапуре он нашел старого друга и новое ремесло.

В каменной таверне, где на вывеске был грубо нарисован желтый серп луны, сидели несколько посетителей. Конан вошел внутрь, закрыв за собой тяжелую дверь, помешав уличному шуму ворваться в тихий сумрак таверны. В «Золотом Полумесце» было прохладно, так как толстые стены таверны предохраняли так же хорошо посетителей от раскаленного солнца, как и от холода. Столы были хаотично, но на привычном расстоянии друг от друга расставлены на каменном полу, так что разговоры было бы нелегко подслушать чужому уху. Внутри царил полумрак, и не случайно, так как здесь был свой закон — тот, с кем разговаривал клиент, и о чем он говорил, было только его личным делом и ничьим иным. Посетителями таверны были, в основном, туранцы, представляющие собой довольно пестрое зрелище — от изношенной в лохмотья, когда-то белой льняной туники, до дорогого шелка и бархата очень безвкусного желтого или ярко-красного цвета. Однако даже самые неряшливые на вид бродяги не имели недостатка в деньгах, ибо это подтверждалось количеством проституток, сидевших у мужчин на коленях или бродивших между столами, выставляя на показ прелесть. Одежда девиц состояла из длинных полос очень тонкого, прозрачного и ярко окрашенного шелка.

Некоторые из посетителей кивали Конану или заговаривали с ним. Он знал их всех по имени — Юнио, Валаш,

Эмилий, — они занимались тем же ремеслом, что и Конан. Однако киммериец просто отвечал на их приветствия, так как в этот день все эти люди его не интересовали. Конан взгляделся в полумрак таверны, выискивая одну интересующую его девушку. Он увидел ее в тот же момент, когда она увидела его.

— Конан! — взвизгнула она, и руки киммерийца тут же наполнились блестящей оливковой плотью. Узкая полоска красного шелка едва прикрывала круглые груди, и еще один кусок ткани, в два раза шире, закрывал округлые бедра. На поясе девушки был кушак из бархата с позолоченной бронзовой пряжкой. Черные волосы спускались волной на спину, прикрывая обнаженные ягодичы, а глаза были темными и матово-далекими, как дымчатое стекло.

— Я так хотела, чтобы ты пришел ко мне. Я так скучала без тебя.

— Скучала без меня? — рассмеялся Конан. — Таша, ведь с тех пор прошло всего четыре дня. Но чтобы ты больше не была одинокой...

Конан сунул руку в кожаный кошель, висевший на поясе, и вытащил чудесный голубой топаз, оправленный в филигранную оправу и висевший на изящной работы золотой цепочке. В течение нескольких минут Конан был занят поцелуями, которыми Таша осыпала его, пока киммериец застегивал цепочку с камнем у нее на шее. А поцелуй от Таши был определенно более весомым, чем ночь в объятиях некоторых женщин. Приподняв голубой камень, который покоился сейчас между ее грудей, девушка снова с восхищением взглянула на драгоценность, а потом лукаво посмотрела на Конана сквозь густые ресницы.

— Тебе, должно быть, очень повезло с рыбной ловлей, — улыбнулась она.

Конан усмехнулся:

— Нам, рыбакам, нужно работать очень упорно, зарабатывая себе на жизнь, забрасывая невод в воду и вытаскивая его с добычей. К счастью, цена на рыбу сейчас очень высока.

Сопровождаемый взрывами смеха тех, кто слышал его слова, Конан повел Ташу к пустому столику.

Все, кто посещал «Золотой Полумесяц», называли себя рыбаками, и вполне возможно, что некоторые из них изредка ловили рыбу, под настроение. Но большинство получали свой «улов» ночью, на пустынном побережье, где не было таможенников и стражников царя Илдиза, которые могли проверить, была ли на прибывающих кораблях рыба или же на берег выгружались рулоны шелка и бочки с вином. Говорили, что если все так называемые «рыбаки» действительно доставили бы рыбу на рынок, то город был бы

завален до самых высоких башен свежей рыбой, а Вилайет был бы опустошен и навеки бы лишился своих подводных обитателей.

В конце комнаты Конан плюхнулся на скамью и посадил Ташу себе на колено. Девушка-служанка с масляными глазами тут же появилась рядом со столом, одетая чуть скромнее, чем девки, хотя ее одежда была из хлопка, а не из шелка. Но служанка была так же доступна, как и другие женщины, для тех, кто не мог или не хотел платить более дорогую цену за девушек из таверны. Улыбка, которой она одарила широкоплечего киммерийца, явственно говорила, что она не задумываясь заняла бы место Таши.

— Вина, — сказал Конан и наблюдал, как покачивались округлые бедра, когда служанка пошла к бочонку, чтобы нацедить кружку вина.

— Ты пришел, чтобы увидеть меня или ее? — спросила едко Таша. — Или именно поэтому ты не пришел ко мне вчера? Может, ты утешал толстобедрую служанку, а?

— Я не думаю, что ее бедра такие уж толстые, — мягко сказал Конан.

И едва успел схватить рукой за запястье Таши, прежде чем девушка успела отвесить пощечину. Таша извернулась на колене киммерийца, как бы собираясь встать, и Конан крепче сжал руку на ее поясе.

— Кто сидит сейчас у меня на колене? — спросил Конан. — По-моему, вполне понятно, кого именно я хочу.

— Возможно, — все еще надув губы, ответила девушка, но перестала вырываться.

Конан осторожно высвободил ее руку. Он знал о горячем, вспыльчивом характере Таши и раньше. Она вполне могла выцарапать глаза своими острыми ногтями. Но страстью, которой она загоралась в эти гневные вспышки, она могла наполнить и другие, более приятные минуты, и поэтому Конан любил встречаться с ней.

Служанка вернулась с глиняным кувшинчиком вина и двумя видавшими виды, помятыми оловянными кружками. На этот раз Таша наблюдала за тем, как она удаляется, с мрачным взглядом, в котором было что-то недоброе. Насколько Конан разбирался в женщинах, чтобы они ни говорили, они предпочитали мужчин, которых нельзя было легко одолеть. Однако сейчас киммериец решил слегка успокоить штормовые воды.

— Послушай, — сказал он. — Мы не вернулись в Султанпур до раннего утра, так как ветер резко переменял направление. Мне потребовалось всего несколько часов, чтобы добыть эту побрякушку для тебя. Если хочешь, я могу разыскать Ордо, который подтвердит это.

— Он солжет для тебя, если захочет.

Она взяла кружку, которую Конан налил для нее, но вместо того, чтобы отпить вина, прикусила нижнюю губу и сказала:

— Он искал тебя. Ордо искал тебя, я хочу сказать. Я забыла сказать об этом раньше. Он хотел увидеть тебя немедленно. Что-то насчет большого улова «рыбы», кажется.

Конан подавил улыбку. Это была почти незамаскированная попытка, чтобы он ушел, как дурень, попавшись на ее маленькую хитрость. Покидая свой корабль, односторонний контрабандист говорил о своих намерениях встретиться тайно с женой одного купца, чей муж был в это время в *акифе*. Однако у киммерийца не было никакой нужды делиться с Ташей этой информацией.

— Ордо может подождать.

— Но...

— Ты, Таша, самая желанная, ценней всех шелков и драгоценностей. Я останусь здесь. С тобой.

Она бросила на Конана косой взгляд и вдруг с нежностью спросила:

— Ты так любишь меня? — Она прижалась к Конану гибким телом и легко укусила его в ухо, прошептав: — Мне очень нравится твой подарок, Конан. Очень.

Шум улицы снова ворвался в таверну, означая, что внутрь зашел еще один посетитель. Широко раскрыв глаза от страха и побледнев, Таша скорчилась, пытаясь использовать Конана как щит. Даже для «Золотого Полумесяца» в таверне вдруг стало необычно тихо. Слишком тихо. Киммериец посмотрел на открытую дверь. В полумраке он мог едва различить фигуру человека, очень высокого для туранца. Судя по тени, отбрасываемой вошедшим, было очевидно одно. На голове явственно поблескивал высокий, острокопечный шлем городского стражника. Человек медленно шел по затихшей таверне, поворачивая голову направо и налево, как бы выискивая глазами кого-то. Его правая рука лежала на рукоятке кривой сабли. Никто из людей, сидящих за столами, не пытался встретиться с вновь вошедшим взглядом, но он, похоже, и не интересовался ими. Это, как понял Конан, был офицер, узколицый мужчина, довольно высокий для туранца, с маленькими усиками и небольшой бородкой, подстриженной клинышком и заощенной у острия. Пальцы офицера перестали барабанить по рукоятке сабли, когда он повернул лицо к столу, где сидел Конан со своей подругой.

— А-а, Таша, — сказал офицер мягко. — Разве ты забыла, что я обещал прийти к тебе сегодня?

Таша низко опустила глаза и ответила почти шепотом:

— Простите меня, капитан Мурад. Вы видите, что я с клиентом. Я не могу... Я... Простите.

— Поищи себе другую женщину, — зарычал Конан.

Лицо офицера окаменело, но он не отрывал глаз от Таши.

— Я не разговаривал с тобой... рыбак, — буркнул он. — Таша, я не хочу снова причинять тебе боль, но ты должна научиться повиноваться.

Конан фыркнул с издевкой:

— Только дураку нужен страх, чтобы обращаться с женщинами. Если ты предпочитаешь скулящих собак, найди себе сучку, которую сможешь бить.

Лицо стражника побелело так, что бледность была видна даже на его смуглом лице. Он быстро схватил за руку Ташу, вырвав девушку из объятий киммерийца.

— Убирайся отсюда, ублюдок, вонючий пес, прежде чем я...

Его угроза осталась незаконченной, когда Конан вскочил на ноги с громким рычанием. Глаза узколицего стражника расширились от изумления, будто он ожидал, что получит девушку без боя. Его рука дернулась к рукояти сабли, но Конан был быстрее в движениях и опередил на долю секунды. Но рука киммерийца метнулась не к мечу. Убийство стражника считалось дурным делом для контрабандистов, если только в этом не было абсолютной необходимости, и даже тогда все старались этого избежать. Солдаты, которым давали несколько золотых и которые в этом случае закрывали глаза на происходящее, могли превратиться в тигров, защищая законы царя, когда один из их товарищей погибал. Кулак киммерийца со страшной силой ударил офицера в подбородок, прежде чем лезвие туранской сабли выскочило из ножен. Офицер опрокинулся на спину и упал, ударившись головой о край стола. Его шлем, звеня, покатился по каменному полу, сам же туранец остался лежать неподвижно, как мешок с тряпьем. Хозяин таверны, толстый кофиец с маленькими золотыми кольцами в мочке уха, наклонился, чтобы взглянуть на поверженного. Он нервно вытер свои толстые руки об испачканный фартук и выпрямился.

— Ты испортил мне, как минимум, десять прибыльных дней, северянин. Это *если* мне повезет. Во имя Митры! Ты убил этого надушенного щеголя! Его шейные позвонки сломаны!

Прежде, чем кто-нибудь смог что-то сказать или двинуться с места, дверь с шумом раскрылась и еще двое стражников быстро вошли внутрь. Они шли по таверне с теми презрительными усмешками, как будто были в бараках, заполненных рекрутами-крестьянами. Непривычная тишина таверны нарушалась только шорохом одежды и торопли-

вым топотом ног покидавших таверну и старавшихся скрыться людей. Конан тихо выругался сквозь зубы. Он все еще стоял, сжимая кулаки, перед телом этого чертова придурка-офицера. Если бы Конан двинулся с места, это движение только привлекло бы внимание к нему. Что касается бегства, то у Конана не было ни малейшего желания получить удар мечом в спину. Легким кивком Конан дал понять Таше, чтобы она уходила. Девушка быстро подчинилась, и у Конана в душе что-то дрогнуло, когда он увидел это.

— Мы ищем капитана Мурада! — заорал в полной тишине один из стражников. Сломанный нос придавал его лицу сходство с буйнами из кабака. Второй дернул за ус, с подозрением помотав вокруг. Кофиец попытался спрятаться в густую тень, но солдат со сломанным носом пронзил его взглядом.

— Эй, ты, трактирщик! Видимо, вшивые жулики и контрабандисты проглотили языки. Где капитан Мурад? Я знаю, что он вошел сюда.

Рот кофийца беззвучно открылся, и он еще более нервно потер руки о фартук.

— Отвечай же, скотина, или мы тебеотрежем твой глупый язык. Если капитан нашел себе девку, он все равно должен услышать донесение, которое я ему доставил, без малейшего промедления. Говори, или я сделаю из твоей шкуры сапоги для парада!

Внезапно усатый солдат схватил говорившего за рукав куртки.

— Это Мурад, Тавик! — воскликнул он, указав рукой на тело капитана.

Взгляды стражников с неподвижной фигуры капитана переместились на Конана. Лица солдат стали жесткими. Киммериец спокойно ждал, даже не дрогнув от этих яростных взглядов. То, что случится, — случится, и будь, что будет.

— Это твоя работа, великан? — спросил холодно Тавик. — Ты получишь бастинаду* за то, что поднял руку на офицера Городской стражи. Абдул, разбуди капитана.

Они слишком долго бездельничали и отдыхали под защитой своей власти и презрительного отношения к контрабандистам, подумал Конан. Тавик обнажил кривую саблю, но держал ее небрежно, опустив лезвие вниз, как бы не веря тому, что кто-то сможет заставить его использовать это оружие. Другой солдат даже не дотронулся до сабли. Абдул

* Бастинада — наказание палками, иногда человеку приходилось до 100 ударов.

склонился над телом капитана Мурада, взял его за руку и выдохнул, напрягшись всем телом:

— Он мертв. — А потом закричал: — Он мертв, Тавик!

Конан бросил скамью, на которой только что сидел, в Абдула, тот пытался встать на ноги и вынуть саблю из ножен. В этот момент его усатый приятель попытался также избежать падения, в то время как лезвие меча Конана уже метнулось к врагу. Услышав крик товарища, Тавик высоко поднял саблю, чтобы рубануть киммерийца сверху, что очень хорошо сработало бы, если его противник был бы безоружен. Но сейчас он жестоко заплатил за свою ошибку, когда меч Конана метнулся к его животу, прочертив быструю дугу. С диким криком Тавик выронил оружие, схватившись за живот в безуспешных попытках удержать вывалившиеся кишки. Застонав, он рухнул на каменный пол. Конан едва успел отпрыгнуть назад, уклонившись от страшного удара Абдула сбоку. Сила удара, рассчитанного на то, чтобы поразить врага, заставила Абдула пошатнуться, и его тулвар* ушел в сторону. Темные глаза стражника наполнились ужасом за секунду до того, как клинок киммерийца пронзил его горло и вышел наружу с обратной стороны шеи. Конан выдернул свой меч из падающего трупa, Тавик дернулся в агонии в последний раз и затих. Киммериец мрачно вытер меч о тунуку Абдула и снова сунул его в ножны. Большой зал таверны был теперь наполовину пуст, и все больше и больше людей исчезало в дверях, ведущих в маленькие улочки позади здания. Ни один мужчина или девка, находящиеся в таверне, не хотели, чтобы их обвинили в том, что они были в «Золотом Полумесяце» в день, когда там были убиты три солдата Городской Стражи. Кофиец-трактирщик слегка приоткрыл дверь на улицу и закрыл ее со стоном.

— Стражники, — пробормотал он. — Не меньше десятка. Они будут здесь через несколько минут, чтобы узнать, что задержало этих двух. Как я объясню им, что случилось в моей таверне? Что я им теперь скажу?

Его рука жадно схватила золотой, который Конан бросил ему. Трактирщик был настолько расстроен, что даже забыл надкусить монету, проверив ее на зуб, прежде чем она исчезла под его фартуком.

— Скажи им, Бонарик, — сказал Конан, — о торговцах рабами из Кофара. Мол, они убили в пьяной драке капитана, а потом убили и его стражников. Дюжина торговцев рабами. Их было слишком много, чтобы их можно было остановить.

Бонарик с сомнением покачал головой:

* Тулвар — кривая восточная сабля.

— Они могут поверить в это. Возможно.

Теперь в таверне оставались только они одни. Даже Таша куда-то исчезла. «И не сказала при этом ни единого слова», — с горечью подумал Конан. В течение нескольких минут весь день оказался испорченным насмарку. Ну что ж, по крайней мере, не нужно будет волноваться о том, что за ним будут гнаться, как собаки за оленем, городские стражники. Не будут гнаться... если только они поверят истории кофийца, за которую Конан заплатил золотой.

— Не забудь, Бонарик, — сказал киммериец, — Дюжина торговцев рабами из Кофара.

Он подождал, пока трактирщик утвердительно кивнет, и вышел черным ходом на боковую улочку.

Глава 2

Конан быстрыми шагами шел от «Золотого Полу-месяца», пробираясь по густой паутине улочек и переулков, многие из улиц были чуть шире его плечей и пропахли мочой и отбросами; эти улицы пересекали весь район около таверны. Конан планировал провести весь день в объятиях Таши, но об этом можно было сегодня забыть. Он поскользнулся на чем-то скользком и чуть было не свалился на землю. Конан выругался. Даже если бы он и нашел сегодня снова девуку, то вряд ли бы ему захотелось провести время с женщиной, которая приняла бы подарок, а потом убежала (даже не поцеловав его на прощание), только потому, что случилась маленькая неприятность. Ну что ж, были и другие женщины, и они тоже годились для того, чтобы весело провести с ними время. Даже после того, как он купил топаз для Таши и бросил золотой Бонарику, его кошелек отнюдь не опустел. «Рыба», которая была разгружена прошлой ночью на уединенном песчаном берегу моря, была хитайским шелком и знаменитыми бакральскими кружевами из Вендии, а цены, уплаченные за них, были весьма щедрыми. Конан мог потратить немного денег и на самого себя. Он шел прямо в сердце большого, раскинувшегося у моря города, и находился теперь далеко от портового квартала, хотя все части Султанапура так или иначе имели торговые центры купцов и ремесленников. Здесь не встречались уже быки, тянущие телеги, но узкие улицы были заполнены людским морем. Лавка кузнеца-медника и облупившийся дом бедняка стояли на расстоянии руки от богатого здания зажиточного купца, а таверна и винная лавка соседствовали с храмом. Покупатели, продавцы, монахи

и верующие составляли густую толпу. Богатые дамы, закутавшие свои лица кружевными вуалями и сопровождаемые слугами, которые несли их покупки, сталкивались в толпе с подмастерьями, тащившими на спинах рулоны материй или ковры. Грязные мальчишки с жадными пальцами срезали кошельки толстых богатых купцов и покупателей в бархатных туниках и с еще более жадными глазами. На маленькой площади жонглер подбрасывал и ловил в воздухе шесть горящих факелов, одновременно выкрикивая ругательства в адрес проституток, чьи одежды составляли только пояса из звенящих монет. Девки прогуливались в толпе в поисках покупателей, и зеваки останавливались, глаза на них.

На каждом перекрестке продавцы фруктов предлагали свои товары: гранаты, апельсины и фиги, некоторые несли подносы, держали их на ремешке, привязанном на шее, другие продавали фрукты из плетеных корзин, висевших на спинах ослов. Время от времени ослы и мулы протяжно кричали, добавляя свой рев к общему шуму в толпе. Гуси и куры в деревянных клетках голосили, а свиньи жалобно хрюкали, привязанные за заднюю ногу к столбикам. Продавцы и разносчики вопили во все горло, что такая цена их разорит, а потом снова сбавляли ее. Конан бросил медную монету продавцу фиг и набрал их целую ладонь. Конан ел фиги, время от времени поглядывая по сторонам, останавливаясь и делая изредка покупку. У кузнеца, обрабатывающего раскаленную добела полоску металла, в покрытой полосатой материей палатке, Конан купил прямой кинжал и ножны и заткнул их за пояс. Красивое ожерелье из янтарных бус было аккуратно уложено в кошель-сумку, с мыслью о том, что они смогут украсить шею другой красивой девки, а не Таши. Если только, конечно, Таша не сумеет по-настоящему извиниться за то, что так быстро оставила его в таверне.

Узкая, укрытая в тени лавка встала на пути киммерийца. В ней сидел хитрого вида тощий торговец с ловкими манерами и масляной улыбкой. Конан торговал у него красивый мягкий плащ из тончайшей шерсти, не потому что было холодно, холода вообще в диковину в Султанапуре, а чтобы защититься от палящего солнца. Конан давно уже искал такой плащ, но большинство мужчин в Султанапуре носили на голове тюрбаны, и плащей с капюшонами здесь практически не продавали, не говоря уже о том, что было нелегко найти плащ, который подходил бы Конану по размеру — его плечи были куда более широкими, чем у большинства покупателей. Мужчина в рваных лохмотьях пробежал мимо Конана, неся на плечах

большой глиняный кувшин, завернутый во влажные тряпки. Длинный ковшик на ручке болтался у основания кувшина, привязанный веревкой, а бронзовые кружки, соединенные цепочкой, звенели, ударяясь друг о друга, их было не меньше десятка. Вид водоноса пробудил в Конане сильную жажду, тем более после того, как он съел так много сладких фиг. В таком жарком и сухом городе, каким был Султанапур, за воду платили деньги так же, как и за вино. Конан поманил водоноса к себе и прислонился к стене, пока тот ставил кувшин с водой на землю. Для туранца кувшин был достаточно близко, чтобы он мог стоять и пить воду, но Конану необходимо было наклониться или сесть. Конан положил медяк в сухую костлявую руку водоноса и взял кружку, наполненную водой. Она, конечно, была не такой холодной, как из горного потока в Киммерии, подумал Конан, вода в горах свежая и чистая от оттаявшего снега и льда весной. Но эти мысли были хуже, чем просто бесполезными, так как, казалось, только еще больше иссушали тело человека. Конан набросил на лицо капюшон, чтобы создать хоть немного тени. Пока он пил воду, обрывки разговора доносились до него сквозь шум улицы. Киммериец все еще думал о Таше; девушка занимала все его мысли, но обрывки фраз острый слух Конана фиксировал независимо от этого.

— ...Сорок монет за кувшин — это уж чересчур...

— ...По крайней мере десять убитых, говорят, и один генерал...

— ...Я слышал, что это был принц...

— ...Если мой муж узнает, Махмуд, тогда...

— ...Интриги Вендии...

— ...В то время, как *вазам* Вендии разговаривает в Агратуре о мире...

— ...Так я соблазнил его дочь, чтобы сравнять сделку...

— ...Убийца был гигантом из северных стран...

Конан замер, поднеся бронзовую кружку ко рту. Он медленно поднял лицо и посмотрел прямо в глаза продавца воды. Человек, уставившись тупо на стену, где стоял, прислонившись, киммериец, казалось, только ожидал возвращения кружки, но пот бисеринками выступил на его смуглом лбу. Он переступил с ноги на ногу, как если бы собирался уйти отсюда как можно скорее.

— Ты что слышал, водонос?

Оборванец-разносчик подпрыгнул от неожиданности, чуть не уронив свой кувшин.

— Господин? Я... Я ничего не слышал. — Нервный смех прервал его слова — В городе всегда бродят слухи, господин.

Всегда бродят слухи, но я слушаю только свою собственную болтовню.

Конан положил серебряную монету в мозолистую руку продавца.

— Что ты слышал только что, минуту назад? — Он спрашивал водоноса мягким тоном. — О северянине.

— Господин, я продаю только воду и ничего больше.

Конан продолжал просто смотреть на него, но продавец моргнул и глотнул воздух, как будто Конан зарывал.

— Господин, говорят... говорят, что несколько солдат убито, городских стражников и, возможно, генерал или даже принц. Говорят, что вендийцы наняли убийцу для этого и что это был один из торговцев рабами...

— Да?

Водонос снова проглотил воздух, и его кадык дрогнул.

— Господин, говорят, что один из убийц был... м-мм... гигантом. Северянином.

Конан кивнул. Эта история явно уходила корнями в события в «Золотом Полумесяце». И если уже столько из этих событий стало известно в городе, то сколько еще наболтают люди? Возможно, его имя? Конан не слишком беспокоился о том, как быстро распространяются слухи. Контрабандисты обычно не выдавали друг друга, но, возможно, один из тех, кто был в таверне в это утро, попался и его хорошенько допросили стражники. Возможно, Бонарик не счел золотую монету достаточной ценой за ложь в лицо разъяренным солдатам, увидевших лежащие в луже крови трупы своих товарищей. В настоящий момент у Конана и без этого голова шла кругом от проблем — он должен был избежать пленения в городе, где выделялся, как верблюд в женской половине дома. Глаза киммерийца внимательно ошупывали улицу. Возможность спастись пока еще не исчезла. По крайней мере, не было видно стражников. Пока еще не было... Конан осушил кружку одним глотком, но задержал ее на минуту.

— Хорошая вещь — продавать воду, — сказал он. — Воду и ничего больше. Людям, которые продают воду, никогда не надо смотреть назад, через плечо, из страха, что там кто-то может оказаться.

— Я все понял, господин, — широко раскрыл рот от страха водонос. — Я продаю воду и ничего больше. Ничего больше, господин.

Конан кивнул и повесил кружку на место. Водонос поднял кувшин с водой, взвалил на спину так быстро, что вода перелилась через край, и поспешил в гудящую, кричащую толпу. Еще до того, как он исчез в толпе, Конан забыл об оборванном водоносе. Скорее всего будет за его

поймку и вознаграждение, такое же раздутое, как и количество стражников, которых он убил, и водонос рано или поздно попытается получить хотя бы часть его, но если повезет, он ничего не скажет, по крайней мере в течение часа. Но говоря по правде, киммериец согласился бы даже, чтобы водонос промолчал в течение десяти минут. Опустив капюшон еще ниже на лицо, Конан быстро пошел по улице, ища торговца, который был ему сейчас нужен. Тут были продавцы бронзовых чаш, кувшинов, плетеных корзин, туник, сандалий, позолоченных ювелирных изделий из меди, серебра и бронзы, но это все было не то, что Конан искал. Однако он заметил подмастерьев, тащивших... ага, вот! Лавка торговца коврами, наполненная всевозможных цветов и размеров коврами со всех частей мира. Ковры лежали грудками на полу или были развешаны по стенам. Когда Конан вошел внутрь, толстый купец поспешил к вошедшему в лавку покупателю, потирая руки от предстоящей сделки и изобразив на лице профессионально-вежливую приветственную улыбку.

— А-а, добро пожаловать, господин. Здесь вы сможете найти самые лучшие ковры во всем Султанапуре. Да нет, что я говорю, во всем Туране! Ковры, которые вполне могут украсить дворец самого царя Илдиша, да благословит каждый его день Митра. У меня есть ковры из Иранистана, из...

— Вот этот, — оборвал его Конан, указав на ковер, который лежал в толстом футляре из ивовой плетенки, толще, чем человеческая голова. Конан был осторожен. Вид голубых глаз северянина мог сейчас принести куда большую опасность, чем пальцы рожками, ограждающие от дурного глаза.

— О да, господин, вы и впрямь настоящий ценитель. Даже не развернув ковер, вы сумели выбрать самый лучший в моей лавке. За какую-то жалкую сумму в один золотой...

На этот раз челюсть торговца коврами буквально отвисла, так как Конан тут же сунул в руки купца золотой. После этой покупки у Конана осталось совсем немного денег в кошельке, но у него не было времени для того, чтобы торговаться, хотя уже одно это поразило торговца, как громом. Губы торговца дрогнули, когда он наконец пришел в себя.

— А-а, господин. Разумеется. Я позову слуг, чтобы они доставили в ваш дом покупку. Двух, должно быть, будет достаточно. Это сильные парни.

— В этом нет необходимости, — сказал Конан. Он быстро воткнул меч и пояс внутрь ковра. — Я сам его понесу.

— Но ведь этот ковер слишком тяжел для одного...

Купец замолк, пораженный, когда Конан легко взвалил свернутый в рулон ковер на левое плечо, а потом привычно

передвинул его в более удобное место. Толстый ковер на плече давал возможность идти, согнув спину и опустив голову, и потому Конан не выглядел таким высоким. Если по-прежнему закрывать лицо капюшоном, то можно сойти за одного из сотен носильщиков и слуг, которые доставляли ковры в мастерские ткачей и лавки купцов. Конан заметил обалделого купца, широко раскрывшего рот от изумления и глядящего на него, не в силах произнести ни слова.

— Пари, — пояснил Конан, и так как ему было бы трудно объяснить условия такого пари, он поспешил уйти из лавки. Выходя, он все еще чувствовал уставившийся в спину взгляд торговца. Как только киммериец вышел на узенькую улочку, его охватило жгучее желание идти как можно быстрее, но он подавил его и заставил себя идти медленнее. Очень немногие слуги и подмастерья в Султанапуре передвигались быстрее, чем легкой трусдой, за исключением тех случаев, когда за ними смотрели пристальные глаза хозяина. Конан стиснул зубы и сравнял свою скорость с настоящими слугами и носильщиками, попадавшимися на пути. Но даже и в этом случае он нетерпеливо использовал свой ковер, чтобы пробиться через поток людей. Большинство из них уходило с дороги, в редких случаях только бормоча сквозь зубы ругательство. Рычание из-под капюшона отвечало тем, кто выкрикивал вслед свои проклятия и грозил кулаком или же хватал Конана за рукав. Взглянув на рослого варвара поближе, каждый из них решал, что им нужно срочно куда-то бежать. Беглые взгляды, которые Конан бросал из-под капюшона, говорили ему, что он прошел уже больше половины пути до порта. Шум на улице вдруг принял несколько другой оттенок и сразу же привлек внимание киммерийца, заставив насторожиться. Связанные на продажу свиньи и стреноженные овцы все еще протяжно блеяли и хрюкали, кудахтанье кур в клетках по-прежнему наполняло улицу. Но женщина, громко торговавшаяся с купцом из-под шали из вендийских кружев, остановилась, затем повернулась спиной к толпе и продолжала торговаться, но уже гораздо тише, чем раньше. Уличный разносчик, продававший иголки, ножницы и разноцветные ленты, оборвал свой призывный крик и отступил ко входу в переулок, прежде чем снова начать зазывать посетителей. Другие останавливались или отшатывались назад, прерывая сделки и бросая вокруг нервные взгляды. Однако явно не Конан привел их в это испуганное состояние. В этом киммериец был абсолютно уверен. Что-то происходило за его спиной, но он не мог обернуться и посмотреть. Конан внимательно прислушался, пытаясь уловить, что же такое произошло там, позади, что остановило привычную уже ко всему суматоху и гул базара.

Да, теперь он уловил кое-что. Среди шороха и стука множества сандалий и сапог Конан услышал характерную солдатскую поступь, вслед за которой разливалась грозная тишина. Киммериец передвинул правую руку к коврику, как бы пытаясь сбалансировать его. Рука его коснулась рукоятки меча, лежавшего на расстоянии пальца внутри рулона.

— Говорю тебе, Гамиль, — раздался позади Конана грубый голос, — этот болван-здоровяк всего лишь носильщик. Слуга ткача. Давай не будем тратить на него зря время.

Собеседник солдата ответил тоном, который был мягче и в котором слышалась насмешка:

— А я говорю, что он будет достаточно высок, если встанет прямо. Это вполне может оказаться тот великан варвар, которого наняли вендийцы. Неужели ты забыл о вознаграждении, Алсан? Неужели ты забыл о тысяче золотых?

— Гамиль, я все-таки не думаю, что...

— Эй ты! — крикнул Гамиль. — Эй ты, дубина! Стой и повернись к нам лицом!

Конан остановился как вкопанный. «Тысяча золотых, — подумал он. — Капитан Мурад конечно же не может стоять так дорого». Но эти люди утверждали, что гигант варвар соответствовал описанию того, за которого должна быть уплачена эта сумма. Конан не мог даже помыслить, что это мог быть кто-то другой. Что-то произошло в Султанапуре, что-то, о чем Конан не имел ни малейшего представления, но, похоже, событие это имело, тем не менее, к Конану самое прямое отношение.

Киммериец медленно повернулся, установив толстый ковер между собой и стражниками, не пытаясь на этот раз отбросить людей со своего пути, размахивая ковром, как он это делал раньше. Солдаты приблизились, явно удовлетворенные тем, что здоровяк повиновался им. Конан находился теперь слева от солдат, когда они поравнялись с ним. Грубая рука схватила Конана за локоть.

— Эй ты, — сказал резкий голос. — Дай-ка нам взглянуть на твое лицо.

Конан дал возможность своей руке крутануться чуть дальше. Затем, вырвав из ковра внезапным, быстрым движением длинный меч, он уронил свою ношу на солдата, все еще сжимающего локоть Конана. Киммериец успел услышать, как солдат с маленькими усиками с диким криком упал. Раздался хруст сломанной ноги. Взгляд Конана сосредоточился на двадцати стражниках, заполнивших улицу и бегущих вдогонку за своими товарищами. На какую-то долю секунды все вокруг замерло; Конан первый рванулся с места. Он отбросил в сторону корзинки и клетки из прутьев, в которых сидели кудахтающие куры, и они полетели пря-

миком в солдат. Куры вывалились из сломанных клеток, дико кудахча. Разносчики товаров и покупатели, крича так же отчаянно, как и птицы, бросились бежать во все стороны, некоторые даже пытались проскочить сквозь ряды солдат, которые, в свою очередь, били их древками копий, чтобы люди не пугались под ногами. Свины дико визжали, а овцы прыгали и дергались, пытаясь оборвать свои путы.

Конан вырвал меч из ножен, когда стражник выскочил из этого хаоса и суматохи, и, ударив человека, стоявшего на пути, рукояткой своего тулвара, атаковал киммерийца. Уклонившись влево, Конан нанес ответный удар. Туранец громко застонал и широко раскрыл от боли рот, когда меч Конана пришелся ему в середину живота. Солдат перегнулся пополам. Прежде чем враг рухнул на землю, Конан вырвал лезвие из тела и одним взмахом перерубил веревки, связывающие ближайших овец. Спасаясь от блестящего меча, животные, дико блея, метнулись к приближающимся солдатам. Стражники, громко крича, пытались прогнать обезумевших животных с дороги. Крики купцов и торговцев, молящих о том, чтобы их не трогали, наполняли улицу сумасшедшим шумом и суматохой. Еще двое солдат пробились сквозь эту сумятицу... только для того, чтобы быть опрокинутыми стадом овец.

Конан больше не выжидал. Он побежал вперед, швырнув назад еще две клетки с курами. На первом же перекрестке Конан повернул направо, потом — налево. Ошеломленные лица провожали глазами его бегство. Однако Конан знал, что выиграл пока всего несколько секунд. Большинство из тех, кто видел его, отрицали бы все на свете, когда их спросят об этом городские стражники, так как это было обычным делом в Султанапуре, но несколько человек обязательно заговорят. И их будет более чем достаточно, чтобы дать возможность солдатам следовать за киммерийцем. Перед ним скрипела запряженная буйволами двухколесная телега, высоко нагруженная перевязанными связками соломы. Телега прошла дальше, повернув налево. Еще одна высокая телега следовала за ней, рядом шел погонщик, подхлестывая время от времени быка плетью. Затем проскрипела еще одна. Конан быстро наклонился над столиком, где разложил свои горшки и кувшины горшечник. Перед лицом ошеломленного ремесленника он спокойно протянул руку с мечом и вытер окровавленное лезвие о желтый навес гончара. Быстро вдев меч в ножны, Конан снова пристегнул оружие к поясу, сделав это, правда, на бегу. На следующем же перекрестке Конан оглянулся. Гончар, уставившись ему вслед и указывая рукой, остановился и перестал кричать, когда увидел грозный взгляд Конана. Этот человек безусловно заго-

ворит даже прежде, чем его спросят стражники. Это конечно был риск, и киммериец хорошо это понимал, но если бы все рухнуло, Конану не стало бы хуже, чем прежде.

«Все будет как нужно, все сработает», — сказал Конан самому себе. У него было то же чувство, какое бывало и прежде, когда кубики катились прямо на него и явно с крупными номерами. Уверенный, что гончар указал рукой в нужном направлении, Конан повернул туда, откуда только что вырулили телеги.

Сбегая вниз по улице, он внезапно выдохнул воздух; Конан даже не заметил, что задержал дыхание. Чувство уверенности было куда более сильным, чем при игре в кости. Еще одна запряженная буйволом телега прогромычала по улице. Прислонившись к стене, чтобы дать возможность телеге пройти мимо, Конан перешел на другую сторону, как только подвода отошла подальше. Поравнявшись в одну линию с буйволом, Конан встал справа от медленно идущего животного и наклонился. Гончар указал, в каком направлении побежал варвар, в то время как сейчас киммериец шел совершенно в противоположную сторону. Он выиграл еще несколько секунд, но этих мгновений было достаточно, чтоб в добавление к другим они смогли бы купить жизнь человека.

Как только телега пересекла перекресток, где стояла лавка гончара, Конан поспешил вперед. Ему нужно было скорее добраться до порта и там, в суматохе и хаосе доков, портовых складов и таверн, он мог бы легко найти безопасное пристанище среди друзей-контрабандистов. Ему также нужно было узнать, почему за его голову было обещано вознаграждение в тысячу золотых монет. Первое дело было более неотложным, хотя и не таким легким, как могло показаться на первый взгляд. Конан был далек от того, чтобы стать неузнаваемым, к тому же белый плащ явно способствовал поимке человека, за голову которого обещано вознаграждение. Однако без капюшона голубые глаза варвара дали бы след, по которому было бы так же легко следовать, как по следу рыси на снегу в горах Киммерии. Вопрос только был в том, как обменять один плащ на другой, одновременно не давая возможности никому разглядеть ледяную голубизну глаз. Конан высматривал плащ, который можно было купить или украсть, но видел несколько плащей с капюшонами, и ни один из них не был достаточно большим, иначе киммериец выглядел бы нелепым и его легко можно было бы заметить. Не было смысла привлекать лишнее внимание любопытных глаз, нарядившись как клоун. Наоборот, надо стараться избежать их — и любой ценой.

Как можно быстрее, но со всей осторожностью, останав-

ливаясь на каждом перекрестке, чтобы посмотреть, нет ли поблизости стражников, Конан постепенно продвигался к порту. Или, правильнее было сказать, он пытался это сделать. Три раза Конан вынужден был повернуть в сторону при виде городской стражи, а один раз едва успел юркнуть в лавку, торгующую дешевой бижутерией, прежде чем два взвода стражников прошли мимо. Конан сообразил, что идет к северу, то есть параллельно портовому кварталу. Копья стражников, высоко возвышаясь над толпой, снова заставили киммерийца свернуть на боковую улицу, битком забитую народом.

«Снова я ушел в сторону от порта», — подумал Конан и выругался от злости и отчаяния, когда громкие голоса, требующие, чтобы им расчистили дорогу, подсказали, что солдаты двигаются теперь по той же самой улице. Они явно не заметили беглеца, но это не могло долго продолжаться, особенно когда Конан стоял на голову выше самого высокого мужчины. Он ускорил шаги и почти сразу же снова замедлил их. Около взвода солдат со сверкающими наконечниками копий, отражавшихся в ярких лучах солнца, вошло в ту же улицу, на этот раз с противоположной стороны. Конан не стал терять время на проклятия. Узкая боковая улочка, резко пахнущая мочой и испражнениями, была единственным спасением. Юркнув в нее, киммериец сообразил, что уже был здесь прежде, вместе с Ордо, в первые дни своей работы с шайкой одноглазого контрабандиста. Ступени улицы, сделанные из коричневого, выщербленного кирпича, вели вниз по улочке, становившейся все уже и уже. Они привели Конана к лотку уличного торговца фруктами. Конан перепрыгивал через две ступени одновременно. Склонившийся над лотком человек, в халате цвета верблюжьей шерсти, подскочил от неожиданности, когда киммериец ворвался без стука через толстую деревянную дверь.

Маленькая комната была практически лишена мебели; исключением служил маленький диван у стены и комод с целой кучей выдвинутых полок. Кроме них на голом деревянном полу стоял маленький стол, скособочившийся на сломанную ножку, и одинокий стул, стоявший рядом. Несколько старых халатов висели на колышках, вбитых в стену. Все в комнате казалось старым и дряхлым, и горбленый человек вполне подходил к своему жилищу. Редкие седые волосы и оливковая кожа, высохшая от старости, сморщенная, как часто сворачиваемый пергамент, делали старика таким, что казалось, будто его возраст приближается к сотне лет, не меньше. Его руки были, как кривые когти, когда они сжимали пергамент, а горящие как огонь

глаза, в складках обвисшей кожи, были единственной частью его, которая показывала признаки жизни.

— Прошу прощения, — быстро проговорил Конан. Он напряг память, пытаясь вспомнить имя старика. — Я не хотел войти так внезапно, Гурран. (Это было имя старого человека.) Я рыбаку вместе с Ордо.

Гурран хмыкнул и склонился задумчиво над пергамен-тами, которыми был завален его скособоченный стол.

— Ордо, а? Его суставы снова болят? Ему надо сменить ремесло. Море не совсем то, что нужно его костям. Или, может быть, ты пришел для того, чтобы купить что-нибудь самому себе? Наверное, любовный напиток?

— Нет.

Конан все еще прислушивался к разговору солдат на улице. Только когда они ушли, он рискнул снова заговорить, предварительно высунув нос наружу.

— Что мне действительно по-настоящему нужно, — пробормотал Конан, — это найти способ сделаться невидимым, пока я не доберусь до порта.

Старик все еще оставался склоненным над столом, но его голова дернулась по направлению к молодому варвару.

— Я составляю травы и настойки и иногда читаю судьбу по звездам, — сказал он сухо. — Тебе нужен колдун. Почему бы тебе не попробовать любовную настойку? Обещаю тебе, что любая женщина испепелит тебя страстью в твоих объятиях всю ночь. Разумеется, вполне возможно, что такому красивому молодому парню, как ты, такой напиток и не нужен.

Конан рассеянно покачал головой. Стражники, вошедшие в узкую улицу с обоих концов, встретились и стали разговаривать друг с другом.

— Вендийский заговор, — услышал Конан слова одного из них.

— Чтоб их сестры были проданы на рынке за медный грош, — пробормотал Конан по-вендийски.

— Катар! — хмыкнул Гурран. Старик резко склонился и сел на колени, ища упавший пергамент. — Мои старые пальцы не удерживают вещи, как когда-то. На каком языке ты говоришь?

— По-вендийски, — ответил Конан, отрываясь мыслями от солдат. — Я немного знаю этот язык, так как мы покупаем много рыбы у вендийцев.

Большинство контрабандистов могли довольно бегло говорить на трех-четырёх языках, а цепкая память и хороший слух помогли киммерийцу хорошо говорить по-вендийски, как, впрочем, и на других языках.

— Что ты знаешь о Вендии? — спросил Конан.

— Вендия? Откуда мне знать о Вендии? Спроси меня лучше о травах. Я знаю кое-что о травах.

— Говорят, что ты покупаешь травы и семена из очень далеких стран. Конечно же ты покупал некоторые травы и из Вендии.

— У всех растений есть полезные свойства, но люди, которые их приносят ко мне, очень редко знают эти свойства. Я должен попытаться вытянуть эту информацию из них, спрашивая о стране, где растут эти травы и семена, чтобы найти одно-два полезных для меня свойства. Я покупаю иногда некоторые безделушки из Вендии, и мне говорили, что это земля, полная интриг, опасная для неосторожного человека, для того, кто слишком легко верит обещаниям мужчин и лести женщин. А почему ты хочешь узнать о Вендии?

— На улицах говорят о принце, который был убит в Султанапуре, или, возможно, генерале, и что вендийцы наняли убийцу для этого.

— А-а, понимаю. Я не был в городе весь день. — Гурран сухо усмехнулся. — Вряд ли это может быть правдой, так как все знают, что *в а з а м* Вендии, главный советник царя Бандаркара, находится в Агруппуре, пытаюсь заключить мирный договор, а многие представители знати при дворе царя Турана находятся в настоящую минуту в Айдохье. И все же помни об интригах. Кто может знать наверняка? Ты все еще не сказал мне, почему ты так интересуешься этим?

Конан поколебался. Старик поставлял информацию и травы половине контрабандистов Султанапуре. И то, что так много людей продолжало доверять ему, говорило в его пользу.

— Слухи ходят, что убийца был северянином, и городские стражники, кажется, думают, будто это я.

Старик с пергаментной кожей сунул руки в рукава своего халата и пристально посмотрел на Конана, склонив голову.

— Так ли это? Ты брал золото у вендийцев?

— Нет, не брал, — ответил Конан. — Я также не убивал принца или генерала.

Было очевидно, что ни один из тех людей, с которыми Конан столкнулся в этот злосчастный день, не являлся ни принцем, ни генералом.

— Ну хорошо, — сказал Гурран. Его губы неохотно сжались. Затем он вздохнул и снял пыльный темно-синий халат со стены. — Держи. Эта одежда поможет тебе стать менее подозрительным, чем тот плащ, в который ты сейчас одет.

Удивленный, Конан тем не менее обменял свой плащ на халат Гуррана. Несмотря на пыль и то, что он был изрядно помят, провисев, вероятно, не один год на колышке, тем-

но-синий халат был сделан из хорошей ткани и, по всей видимости, почти не надевался. Он был чуть-чуть тесноват киммерийцу в плечах, но явно был сделан для мужчины крупнее Гуррана.

— Возраст уменьшает и сушит человека, — сказал гербариус *, как будто прочитав мысли Конана. Конан кивнул:

— Благодарю тебя, я запомню это.

Пока киммериец говорил с гербариусом, голоса солдат затихли. Конан слегка приоткрыл дверь и осторожно выглянул наружу. Узкая улица была переполнена народом, но стражники уже ушли.

— Прощай, Гурран. И еще раз прими мою благодарность.

Не дожидаясь ответа старика, Конан выскользнул за порог, спустился вниз по широким ступеням лестницы и растворился в толпе.

«Портовый квартал, — подумал Конан. — Как только я достигну его, у меня будет время поразмыслить и о других вещах».

Глава 3

Патрули стражников продолжали раздражать юного туранца. Юноша шел из портового квартала в другой район, который был ему больше по вкусу. Этот район был заселен в основном бродягами, проститутками и ворами, срезающими чужие кошельки. Юноша ловко избегал встречи с солдатами, а обитатели квартала не обращали на него большого внимания. Мать юноши была из Коринфа, и молодой человек унаследовал от нее черты, которые нельзя было назвать ни коринфийскими, ни туранскими, он был, скорее, просто темноглазым и не очень красивым. Сейчас юноша был чисто выбрит и вполне мог сойти за коренного жителя как минимум дюжины стран, что он и проделывал уже не раз и не два. Он был чуть выше среднего роста с не очень внушительной на вид грубоватой комплекцией, что часто сбивало с толку и обманывало людей, недооценивающих его силу. Несколько раз это качество спасало ему жизнь. Его одежда была довольно пестрой: покрытый заплатами коринфийский кафтан (который когда-то был красного цвета), широкие заморанские штаны из белой хлопковой ткани и изрядно поношенные иранистанские сапоги. Только тулвар на боку и тюрбан были из Турана.

* Гербариус — специалист по травмам и растениям.

Прошло уже четыре года с тех пор, как юноша покинул свою страну, и теперь, когда он всего на неделю вернулся на родину, ему приходится петлять, как зайцу, избегая встречи с городской стражей. Не в первый раз (с тех пор, как он оставил отчий дом, когда ему едва стукнуло девятнадцать лет) юноша пожалел о своем решении не идти по пути отца, став, как и он, купцом, торгующим пряностями. Однако, как всегда, сожаление длилось до той минуты, когда он напомнил себе, как скучна и непривлекательна жизнь торговца пряностями, хотя в последнее время он все чаще вспоминал о ней.

Свернув на маленькую улицу, юноша остановился, чтобы посмотреть, не следит ли кто-нибудь за ним. Одинокая шлюха бросила было ему призывную улыбку, но, посмотрев на поношенную одежду юноши, передумала и пошла дальше. Остальные люди в толпе проходили, даже не удостоив юношу взглядом. Он обогнул дурно пахнущую улочку, не переставая внимательно смотреть по сторонам, пока не почувствовал крепкую, толстую деревянную дверь под своими пальцами. Удовлетворенный тем, что прошел сюда незамеченным, молодой человек наклонился и вошел в темное помещение. Внезапно нож у горла остановил юношу, и он быстро проговорил:

— Меня зовут Джелал. Я пришел с Запада.

Одно лишнее слово, и кузнец использует свой острый нож по назначению, не говоря уже о двух других людях, которые скорее всего находились в крошечной темноте комнаты. Кресало ударило по кремню, зажглась лампа, пахнущая прогорклым маслом. Кто-то поднес лампу к лицу юноши. Он увидел: позади стоят два человека и каждый держит острый, как бритва, нож. Даже человек с лампой, у которого под правым глазом виднелся толстый полукруглый шрам, сжимал в руке длинный кинжал. Человек со шрамом отступил в сторону и мотнул головой к двери, ведущей вглубь дома.

— Проходи, — сказал он.

Только тогда нож у горла опустился. Джелал не сказал ни слова. Это была уже не первая подобная встреча и даже не двадцатая. Он вошел во вторую дверь. Комната без окон, в которую Джелал вошел, была именно такой, какую он ожидал встретить в этом районе города. Ее стены были сделаны из грубых глиняных кирпичей, пол был просто утоптаным грунтом, а стол в комнате был сбит из плохо отесанных досок и со сломанной ножкой. Единственное, что было трудно ожидать в таком бедном месте, так это толстые дорогие восковые свечи, горящие на столе, чистая полотняная скатерть и хрустальный кувшин с вином, стоявший рядом с двумя бокалами из чистого золота. Человека, который

сидел за столом, Джелал также не ожидал увидеть в подобном месте. Простой темный плащ, по виду и покрою неприметный, однако по качеству своему слишком добротный для этого района Султанапура, закрывал одежды сидящего за столом. Узкое с тонким носом лицо, с усами и маленькой бородкой, изящно и аккуратно подстриженной и завощенной внизу в острый клинышек, казалось, больше подходило ко дворцу, чем к району бродяг и нищих. Человек заговорил, как только Джелал вошел в комнату.

— Как хорошо, что ты пришел именно сегодня, Джелал. Каждый раз, выходя в город, я рискую, что меня увидят и опознают. Ты установил необходимые контакты? — Он махнул пухлой рукой с тяжелым золотым перстнем-печаткой на указательном пальце в сторону хрустального графина. — Сегодня очень жаркий день. Выпей немного вина.

— Я наладил необходимые контакты и связь, — осторожно ответил Джелал, — но...

— Отлично, мой мальчик. Я знал, что ты сумеешь это сделать даже в такое короткое время. Четыре года в Коринфии, Кофе и Хаурани ты работал под маской торговца или разносчика товаров, легального и не совсем легального, и никогда не был схваченным, даже находясь под подозрением. Ты, пожалуй, самый лучший человек из всех людей, которые когда-либо были у меня. Но боюсь, что твоё задание в Султанапуре несколько изменится.

Джелал подался вперед.

— Мой повелитель, я хочу попросить вас, чтобы меня определили к скаутам в Ильбара.

Князь Халид, человек, который контролировал всю шпионскую сеть царя Илдиша, повелителя Турана, уставился с изумлением на него.

— Пусть меня поразит Митра, но почему?..

— Мой повелитель, вы сказали, что меня не подозревали ни разу за четыре года, и это правда. Но это было правдой не только потому, что я играл эту роль, а и потому, что я и был купцом, разносчиком, как требовалось в ту минуту, проводя большинство своего времени, покупая и продавая товары, разговаривая о рынках и ценах. Мой господин, я стал солдатом частично из-за того, что хотел избежать судьбы торговца, как мой отец. Я был неплохим солдатом, и я хотел бы служить Турану и Царю там, где я смогу это делать лучше всего, когда я буду снова солдатом в горах Ильбара.

Начальник шпионов забарабанил пальцами по столу.

— Мой мальчик, ты был выбран именно по тем причинам, которые ты перечислил. Твоя служба проходила в южных горах, так что ни один из чужеземцев с запада не смог бы узнать тебя, если он видел тебя раньше, когда ты служил

солдатом. Твоя юность, проведенная в доме купца, не только подготовила тебя к этому занятию и сумела научить тебя абсолютно естественно играть эту роль и довести ее до совершенства, но также, так как купцу необходимо отделять факты от слухов, чтобы найти нужный рынок и хорошую цену, мы хотели убедиться, что ты смог бы сделать с другими видами слухов и дать нам ценные донесения и факты. Что ты и делал, и весьма успешно. Ты лучше всего служишь Турану именно там, где сейчас находишься.

— Но, мой господин...

— Хватит об этом, Джелал. У нас мало времени. Что ты знаешь о событиях, происшедших в Султанапуре сегодня?

Джелал вздохнул.

— Я слышал много сплетен, — начал он медленно, — которые говорят практически обо всем, за исключением вторжения врагов. Соединив вместе самые вероятные и правдоподобные слухи, я могу сказать, что князь Турег Амал был убит сегодня утром. Кроме этого, я должен добавить, что самые настоящие слухи говорят о том, что в этом деле замешан северный варвар. Но так как это не было тем заданием, из-за которого я прибыл в Султанапур, боюсь, что я пропустил сплетню мимо ушей.

— Мимо ушей? Ты ответил на один из двух вопросов правильно. — Пожилой мужчина одобрительно кивнул головой. — Ты и вправду самый лучший и опытный из моих людей. Я не знаю, где родился слух о северянине. Возможно, кто-то видел такого человека на улице.

— Но стражники, мой господин. Они ищут...

— Да-да. Слухи дошли даже до них, и я не пошевелил пальцем, чтобы изменить ситуацию. Пусть подлинные виновники думают, что они улизнули и теперь в безопасности. Это уже не первый раз, когда солдаты посланы ловить свои собственные тени, да и не последний. Пусть несколько невинных чужеземцев (если любого из них действительно можно назвать невинным) будут допрошены или даже убиты. Вполне скромная цена, если это поможет нам захватить истинных виновников преступления врасплох. Верь мне, когда я скажу тебе, что трон Турана ставится на карту в этом случае.

Джелал неуверенно кивнул. Он отлично знал по собственному опыту, как холоден и практичен мог быть этот человек с мягкими манерами и гладкой речью, даже когда ставки были намного меньше, чем трон Турана.

— А князь, мой господин? Вы сказали, что я был наловину прав.

— Турег Амал, — вздохнул Халид, — пьяница, мот, бабник — и Высший Адмирал Турана — был убит этим утром

отравленной булавкой, воткнутой ему в шею. И убит он был не северным варваром, как утверждают слухи, а женщиной. Судя по рапортам, это был вендийский убийца.

— Убийца, асассин? — спросил Джелал. — Мой господин, всем было хорошо известно, как любил князь хороших женщин. Не могло ли случиться так, что он был убит пьяной девкой и чем-то в этом роде?

— Как бы мне ни хотелось в это поверить, но, увы, это было не так. Слуг из дворца Турега Амала хорошо допросили, и выяснилось следующее. Вендийская женщина была доставлена во дворец утром, предположительно, это был подарок от богатого купца из Вендии, желающего получить дополнительную защиту для своих товаров на судах в Вилайте. Через час после этого князь был убит, слуга, охраняющий его зенанну, усыплен, а женщина бесследно исчезла из усиленно охраняемого дворца.

— Это, безусловно, похоже на работу наемного убийцы, — согласился Джелал, — но...

— Все выглядит гораздо хуже, — оборвал его Халид. — Командир отряда телохранителей князя, некий капитан Мурад, был также убит этим утром, вместе с двумя его солдатами, явно в пьяной драке в таверне. Мне очень не нравятся такие совпадения. Возможно, они и не связаны друг с другом. Но вполне вероятно, что эти люди были убраны, чтобы слухи о женщине не пошли дальше... или же чтобы женщина могла легче спастись. И если люди Высшего Адмирала были подкуплены золотом, чтобы помочь в его убийстве... ну что ж, такой скандал может причинить больше вреда, чем убийство старого дурака.

— Возможно так и было, мой господин, так как другой повод не имеет большого смысла. Я так понимаю, что *в а з а м* Вендии сейчас находится в Аграпуре и ведет переговоры о мире с царем Илдизом. Конечно же царь Вендии не будет планировать убийство, в то время как его главный советник находится в нашей столице, у нас в руках, так сказать. И если он сделал это, то почему жертвой стал Высший Адмирал? Смерть царя может привести к катастрофе и беспорядку, в то время как смерть князя вызовет только ненависть к Вендии.

— Смерть царя от рук вендийского асассина может также привести к войне с Вендией, — сухо сказал Халид, — в то время как гибель Турега Амала... — Он пожал плечами. — Я не знаю всех причин, мой мальчик, но вендийцы несомненно интригу с молоком матери и не делают ничего без необходимости, без причины, как правило, подлой. Что же касается *в а з а м а*, то Карим Сингх отплыл вчера из Аграпу-

ра. А договор... Я относился к нему с подозрением и раньше, а теперь — в особенности. Меньше, чем пять лет назад, они почти начали войну с нами из-за своих притязаний на Секандерам. Теперь же, без всякого сопротивления, *в а з а м* подписывает договор, в котором этот город даже не упоминается. И то, что в договоре есть несколько пунктов, явно выгодных Турану, тоже. Я подумал было, что они хотят пустить нам пыль в глаза и умиротворить, готовясь к какому-то удару. Теперь же я просто не знаю, что и думать.

Он начал накручивать кончик бороды на указательный палец, что было самым явным знаком внутреннего смущения, которое он когда-либо показывал. С явной неохотой Джелал почувствовал, что эта головоломка захватила и его, как это уже часто было и прежде. Желание вернуться к солдатской жизни не исчезло, но он оттолкнул его на задний план. На некоторое время.

— Что я должен делать, мой повелитель? — спросил он наконец. — Вендийский асассин-убийца, скорее всего, уже покинул пределы города.

— Это правда, — ответил начальник шпионов, и его голос стал жестким и суровым. — Но мне нужны ответы, и я их должен получить. Сам царь зависит от них и от меня, который должен будет доставить ему эти ответы. Что собирается сейчас делать Вендия? Должны ли мы ожидать войны? Смерть капитана Мурада может дать нам ответы на некоторые вопросы. Используй контакты и связи с бандитами и контрабандистами в Султанапуре. Найди цепочку, ведущую к ответам, которые мне нужны, с самого начала — и проследи за тем, что в действительности произошло. До самой Вендии — если это необходимо. Но только добудь мне ответы — это главное.

— Я сделаю это, мой господин, — пообещал Джелал. Но самому себе он пообещал, что выполнит эту работу в последний раз. Возвратится ли он к скаутам Ильбара или нет, но после этой последней головоломки он уже больше никогда не будет шпионом.

Глава 4

Несмотря на плащ, который ему дал Гурран, Конан держался ближе к стенам узких, кишевших народом улиц, на самом краю бесконечного потока людей. Конечно, темно-синий плащ не привлекал внимания стражников, ищущих плащ из белого полотна, капюшон прятал лицо и эти проклятые голубые глаза от посторонних взглядов, но сами размеры могучей фигуры и рост кимме-

рийца было почти невозможно не заметить. Очень немногие люди в Султанапуре могли сравняться с ним в росте и обхвате плеч, и разумеется, ни один из них не был в толпе, заполнявшей улицы города в этот день. Высокий киммериец выделялся, как ремайрийский жеребец среди мулов. Несколько раз после того, как он покинул комнату гербариуса, Конан вынужден был повернуть в сторону, чтобы избежать патрулей, завидев блестевшие на солнце наконечники копий, которые как бы предупреждали о приближении опасности, но кажется, на этот раз Конану повезло. Его продвижение к заливу было уверенным, хотя Конан и шел зигзагами. Высокие арбы, запряженные буйволами, снова стали попадаться так же часто, как и пешеходы. Вскоре перед ним выросли длинные тени от каменных портовых складов, высоких белых башен городских складов, где хранилось зерно. Мужчины с мозолистыми руками, в куртках, покрытых пятнами пота, грузчики и носильщики превосходили своей численностью, пожалуй, всех, кроме моряков, которых легко было узнать по качающейся походке и телосложению. Почти половина всех женщин порта были проститутками в узких юбках из звенящих монет и тонкого шелка, в то время как остальные женщины ловили на себе жадные взгляды воров, срезающих кошельки. Цепкие, ловкие руки воров были также всегда готовы стянуть с телег рулон шелка или кружев.

В порту тоже были люди, которые знали Конана в лицо.

— Хочешь развлечься, крепкий парень? — проворковала грудастая девка с волосами, взбитыми высокой прической, и с бронзовыми подвесками в ушах.

Она придвинулась ближе и прижалась почти обнаженной грудью к локтю киммерийца, наклонившись одновременно к уху и зашептав:

— Ты глупец, городская стража уже допрашивала трех грузчиков только из-за их высокого роста. И они также опрашивают чужеземцев, так что ты идешь на двойной риск. А теперь обними меня за пояс рукой, и мы пойдем в мою комнату. Я смогу спрятать тебя у себя, пока все не утихнет. И я попрошу тебя заплатить всего лишь... а-а, Митра, я вообще ничего не возьму с тебя.

Конан невольно улыбнулся.

— Это очень щедрое предложение, Зара. Но я должен найти Ордо.

— Я не видела его, Конан. Тебе лучше не рисковать, занимаясь его поисками. Пойдем со мной.

— В другой раз, — сказал Конан, и девка взвизгнула, когда он ущипнул ее за пухлые ягодицы.

Через несколько минут моряк в покрытой пятнами смо-

лы тунике и бородатый сторож склада повторили предупреждение Зары. Тонкая, худенькая девушка с лицом девственницы и невинными глазами (и маленьким кривым и острым ножом вора, которым она небрежно поигрывала) эхом повторила предложение и предупреждение Зары об опасности. Но никто, увы, не знал, где можно найти Ордо. Конан согласился было на предложение худенькой девицы. Время истекало, и он знал, что долго так не продержится. Он должен был найти Ордо как можно быстрее, иначе ему придет конец. Невысокий сухощавый человек, согнувшийся под тяжестью полотна, которое он тащил на своих плечах, внезапно попался на глаза киммерийцу. Конан схватил за локоть тощего человечка и выдернул его из потока людей.

— Что ты делаешь? — прошептал сквозь зубы пленник, выдавив деревянную улыбку. Его провалившиеся глаза метались испуганно над острым, вздернутым носом, напоминающая в этот момент мышь, которая хочет улизнуть в дырку в стене. — Во имя Митры, киммериец! Я стянул кое-что в двадцати шагах отсюда, и через секунду они увидят, что товар исчез. Отпусти меня!

— Я ищу Ордо, Тарек, — сказал мягко Конан.

— Ордо? Я думаю, что он в складе Кафара.

Тарек чуть не упал, когда Конан освободил его, затем дернул своим плечом в легкой угрозе.

— Ты не должен так хватать людей, киммериец. Это может быть очень опасным делом. И разве ты не знаешь, что Городская Стража...

— Ищет высокого чужеземца, — закончил за него Конан. — Да, я знаю это.

Крик раздался с того места, откуда пришел Тарек, и маленький человечек быстро метнулся в сторону, как мышь, на которую он был так похож. Конан пошел в другую сторону, вскоре пройдя мимо лотка, где разносчик соли в невероятного размера халате, казалось, плясал вместе со своими помощниками, когда они прыгали вокруг, пытаясь увильнуть от работы; в то время как хозяин пощипывал свою бороду, пихал их ногами и кричал, что боги были просто немилостивы к нему, что послали снова к нему слепых неуклюжих слуг и воров к тому же. Пока продавец соли прыгал и выкрикивал ругательства, две девушки, каждой из которых было не больше шестнадцати лет, подхватили один из мешков и исчезли, незамеченные, в толпе. Еще два раза Конан был вынужден повернуть в сторону, чтобы избежать патруля городских стражников, но склад Кафара был недалеко, и Конан быстро добрался до него. Склад не был одним из тех длинных, каменных сооружений, принадлежавших купцам. Неприметное старое двухэтажное здание, покрытое

белой, осыпающейся глиной, наверное, когда-то оно было таверной или магазином лавочника. Теперь же оно служило своеобразным складом. Складом контрабандистов. Золото, услужливо сунутое в нужные руки, держало стражников в стороне от него, по крайней мере, на время. Однако, когда взятки не срабатывали, потому что высокое начальство города решало, что пора показать хороший пример, наказав с десятков самых рьяных контрабандистов, или, что было более вероятным, кто-то решил, что вознаграждение за конфискованную контрабанду перевешивало взятку, это не останавливало ни на мгновение контрабандистов Султанапура. Десятки таких «складов» были разбросаны в районе порта, и если бы Кафар был «прикрыт» властями, то на смену выросли бы, как грибы, два новых склада.

Треснувшая деревянная дверь с улицы вела в комнату без окон, освещенную факелами из камыша, вставленными в грубые железные треножники. Два факела давно потухли, но, похоже, никто этого не заметил. Небольшая группа людей, одетых в пеструю одежду из дюжины стран, сидели на корточках у стены, собравшись в кружок, и играли в кости. Другие сидели на бочках с вином у стола, сделанного из широких, грубо отесанных досок, и о чем-то шептались, попивая из глиняных кружек вино. Кофиец в полосатой красной тунике сидел в одиночестве на трехноглом стуле рядом с дверью, ведущей к черному ходу, меланхолично втыкая свой кинжал в толстые доски шершавого пола. Воздух в помещении был горячим и тяжело спертым, не только потому, что в нем чадили факелы, но и из-за того, что по крайней мере половина из двадцати находящихся в зале людей вряд ли дотрагивались до свежей воды, а большинство считало, что мыло — это только хороший (вроде духов) подарок для женщины, а не та вещь, которую надо использовать по назначению. Только кофиец посмотрел на дверь, увидев входившего Конана.

— Разве ты не знаешь?.. — начал он.

— Я все знаю, Кафар, — сказал коротко Конан. — Ордо здесь?

Кофиец мотнул головой к двери позади него.

— В подвале, — сказал он, и лезвие ножа вновь воткнулось в доску пола.

Это был обычай для таких складов — располагать добро и товары каждого контрабандиста в отдельной комнате, так как ни один из них не доверял тем, кто не принадлежал к его шайке, вплоть до того, что они не знали даже, какого сорта «рыба» была у него и куда он ее доставлял. Обитые железом толстые двери были закрыты тяжелыми и крепкими металлическими засовами-брусками. Двери длинными

рядами располагались в коридоре в задней части здания. В конце коридора, сразу за широкой дверью, ведущей в переулок позади склада, были вырублены каменные ступени. Едва киммериец ступил на лестницу, Ордо открыл настежь дверь.

— Где, во имя Девяти Адов Зандру, ты пропадал? — заторопил одноглазый контрабандист. — И что, во имя Митры, ты натворил?

Ордо был почти таким же высоким и крупным, как Конан, хотя его мышцы уже заплывли жирком и годы избороздили морщинами суровое лицо. Большие золотые подвески-кольца свисали из мочек его ушей, кривой длинный шрам шел от черной толстой повязки на глазнице до густой черной бороды. Шрам оттягивал левую часть рта в вечной усмешке.

— Я передал кое-что Таше, и последнее, что я услышал... Ну ладно, давай, скорее спускайся сюда, пока стражники не сцапали тебя прямо у меня на глазах. Если эта проклятая подлая девка не сказала тебе о том, что ты мне был нужен, я сдеру с нее шкуру.

Конан уныло усмехнулся. Так значит Таша все-таки говорила правду. Если бы Конан не решил, что она лжет из ревности, он ушел бы из «Золотого Полумесяца» еще до того, как капитан появился в таверне, и городская стража не рыскала бы сейчас по городу, разыскивая киммерийца, и голова его не была бы оценена в тысячу золотых... Ну что ж, это был уже далеко не первый случай, когда Конан попадал в беду из-за того, что неверно истолковал мысли женщины. Но в любом случае, мужчина, который причиняет боль женщине, чтобы запугать ее и затащить в постель, вполне заслуживает того, чтобы быть убитым.

— Это была не ее вина, Ордо, — сказал Конан, проходя мимо одноглазого приятеля в подвал и закрывая за собой дверь. — У меня были небольшие неприятности с... — Конан оборвал речь на полуслове при виде незнакомца, стоящего в комнате.

Это был высокий, худощавый человек в тюбане. Незнакомец стоял возле маленьких деревянных сундуков, похожих на выложенные жестью сундуки, в которых отправлялся чай. Они располагались на земляном полу подвала у пыльной каменной стены. Подвал, как и все комнаты склада, освещался камышовыми факелами.

— Кто это? — требовательно спросил Конан.

— Его зовут Хасан, — нетерпеливо ответил одноглазый контрабандист. — Наш новый «рыболов». Так! А теперь ответь мне, есть ли хоть доля правды в этих слухах, киммериец? Мне наплевать, если ты убил Турега Амала. Смерть

этого старого дурака — небольшая потеря для мира. Но если ты это сделал, тебе надо поскорее убраться из Султанапура, а возможно, и из Турана. Если ты никого не убил, тебе лучше всего уйти в подполье и сидеть тихо, как мышь, пока они не поймут настоящего убийцу.

— Высший Адмирал? — воскликнул Конан. — Я слышал, что убитый был генералом, хотя, подожди, кто-то даже говорил, что он был князем. Ордо, подумай сам, зачем мне убивать Высшего Адмирала Турана?

Долговязый мужчина внезапно заговорил:

— Слухи говорят о том, что убийцу наняли. За достаточное количество золота, я полагаю, человек может убить кого угодно.

Лицо Конана окаменело.

— Кажется, ты называешь меня лжецом, — сказал он ледяным и страшным голосом.

— Спокойно, киммериец, — сказал Ордо и добавил незнакомцу: — Ты что, хочешь быстрой смерти, Хасан? Предложи этому человеку монету за убийство, и ты можешь называть себя счастливым, если отделаешься только переломанными костями. Если он говорит, что никого не убивал, значит так оно и есть.

— Я бы этого не сказал, — произнес неловко Конан. — Там был капитан стражи и двое или трое стражников. — Он пронзил яростным взором человека в тюрбане, издавшего горлом какой-то звук. — У тебя есть какие-нибудь замечания и об *этом* тоже?

— Эй вы, драчливые петухи, пригладьте-ка свои перья, — резко бросил Ордо. — Нам нужно погрузить на корабль новый груз «рыбы». Человек, который хочет получить его, требует немедленной доставки, и меньше всего мне нужно кровопролитие или драка в его присутствии. Он найдет других доставщиков, если увидит, что мы перебеим друг друга прежде, чем доставим на место его сундуки. — Его бородастое лицо дернулось, как голова разозленного медведя. — Мне нужна вся моя команда, если мы собираемся доставить эти проклятые ящики к устью реки Зарпаш вовремя. А двое из тех, кто мне так сейчас нужен, вцепились друг другу в глотки, как грузчики с помутившимися от вина башками.

— Ты сказал мне, что мы не отправимся снова в плавание как минимум три-четыре дня, — сказал Конан, подойдя к ящикам, чтобы осмотреть их. Хасан настороженно отодвинулся с его пути, но Конана интересовал не он, а искусно сделанные сундучки. — Команда разбросана по тавернам и борделям, — продолжал киммериец. — И забавляется с девушками, а место их мозгов заняли винные пары, и уже прошло четыре часа. Я мог бы уже спокойно плыть под всеми па-

русами и наслаждаться путешествием, но если мы найдем все двадцать человек к ночи, время будет упущено, чтобы меня поразил Эрлик.

— Мы должны отчалить до наступления темноты, — сказал Ордо. — Нам заплатят больше золота, чем по уговору, если мы придем быстрее, но меньше, если будем идти медленнее.

Украшенный шрамом контрабандист отодвинул Хасана еще дальше от себя своим грозным взглядом, затем подошел совсем близко к киммерийцу и понизил голос.

— Я не сомневаюсь в твоих словах, Конан, но *тебя* ли ищут стражники? Возможно, из-за этого капитана?

Конан пожал плечами, но не остановился и продолжал рассматривать сундучки.

— Я не знаю, — ответил он только для ушей Ордо. — Слухи ничего не говорят о Мураде, и мое имя не упоминается.

Самый большой сундучок был в длину не более локтя мужчины. Их края были из простого дерева и хорошо отполированы, а плотно подогнанный замок на каждом из них удерживался свинцовой печатью-пломбой с изображением птицы, которую Конан никогда не видел прежде.

— На улице говорили о Туре Амале. И все же где-то просочился слух о том, что случилось в «Золотом Полумесяце», иначе в эту историю не вмешался бы гигант северян.

Он взвесил на руке один из сундуков, пытаясь определить его тяжесть. К его удивлению, он был настолько легкий, как будто его содержимое состояло из пуха.

— Люди из северных стран не такие частые гости в Султанапуре, чтобы стать предметом подобных сплетен.

— Да, — согласился с его логикой одноглазый контрабандист. — И еще говорят, что, когда два слуха встречаются, они обмениваются словами. И еще известно то, что слухи меняются во время своего путешествия от рта к уху.

— Ты уже начинаешь сыпать афоризмами? Наверное, стареешь, а, Ордо? — усмехнулся Конан. — Я не знаю, как и почему все это случилось, но уверен, что беда будет сидеть у меня на плечах, пока все это не прояснится.

— Я не настолько стар, чтобы не суметь проломить тебе башку! — заорал Ордо. — И был ли хоть один день, когда беда не сидела у тебя на плечах, киммериец?

Конан не обратил внимания на этот колкий вопрос. Он давно уже решил, что человек может жить вольной жизнью и избегать неприятностей в одно и то же время.

— Что находится в этих ящиках? — спросил Конан.

— Пряности, — донесся до него ответ от двери в подвал.

Рука киммерийца опустилась на рукоять меча. Вошедший в подвал незнакомец был одет в темно-серый плащ с капюшоном невероятных размеров. Как только незнакомец вошел внутрь помещения и закрыл за собой дверь, он тут же отбросил капюшон, открыв узкое смуглое лицо, закрытое тюрбаном, который был в два раза больше, чем это было принято в Туране. Тюрбан украшали белые перья цапли, удерживаемые серебряной застежкой с большим опалом. Пальцы незнакомца унизывали золотые кольца с аместистами и сапфирами.

— Вендиец! — вырвалось у Хасана.

Ордо одним движением руки заставил его замолчать.

— Я боялся, что ты уже не придешь, Патил.

— Не приду? — Тон вендийца был недоуменным, но потом он тонко улыбнулся. — А-а. Ты боялся, что я был вовлечен в события, о которых говорят на улицах. Нет-нет, могу заверить тебя, что я не имел никакого отношения к весьма печальной вести о смерти Высшего Адмирала. Такие дела не для меня. Я всего лишь бедный торговец, который должен избежать уплаты таможенных пошлин вашему царю Илдизу, моему царю Бандаркару и получить свою скромную прибыль.

— Разумеется, Патил, — ответил Ордо. — И ты пришел к нужному человеку, если желаешь, чтобы таможенники Илдиза не отобрали ни одной твоей монеты. Остальная часть моей команды уже готовит корабль к отплытию и быстрому походу. Конан, иди, проверь корабль и убедись, что все в полном порядке и готово к плаванию. — Он наполовину повернулся спиной к вендийцу, сделав несколько быстрых отчаянных движений, которые могли видеть только Конан и Хасан. — Мы должны быть готовы к отплытию, и очень скоро.

Конан отлично знал, что означали эти жесты. Он пошел было наверх, чтобы перехватить всех из команды Ордо, которые, качаясь от избытка вина, уже вваливались на склад. Пятеро или шестеро из них были членами команды Ордо, и это уже само по себе вряд ли смогло бы убедить Патила, что они сумеют быстро выполнить обещание Ордо. Однако Конан вернулся обратно. Он снова взвесил в руке ящик.

— Пряности? — спросил он. — Шафран, перец и другие пряности, которые я могу назвать, приходят через Вилайет с Востока. Но какие пряности могут прийти с Запада?

— Редкие пряности с островов Западного Моря, — без запинки ответил Патил. — Они считаются редким деликатесом в моей стране.

Конан кивнул:

— Ну разумеется. И все же, несмотря на это, я никогда

не слышал о том, что эти пряности везут контрабандой. А ты, Ордо, ты слышал что-нибудь о них?

Бородатый мужчина с сомнением покачал головой; тревога о том, что Конан может разрушить его сделку с вендийским купцом, пробежала по его лицу. Лицо же Патила не дрогнуло, он лишь облизнул свои губы кончиком языка. Конан бросил сундучок на землю, и вендиец вздрогнул, когда деревянный ящик ударился об утрамбованную землю.

— Открой его, — сказал Конан. — Я хочу взглянуть на то, что мы должны будем везти через Вилайет.

Патил издал стон протеста, обращенный к Ордо.

— Это не было частью договора. Кафар сказал мне, что из всех контрабандистов вы самые надежные, иначе я уже нашел бы кого-нибудь еще. Я предлагаю довольно много золота вам за то, чтобы вы доставили мои ящики и меня к устью реки Зарпаш, а не для того, чтобы вы задавали вопросы и ставили мне требования.

— Он действительно обещал нам много золота, — сказал медленно Ордо.

— Достаточно... чтобы перевезти листья канды? — спросил киммериец. — Или красный лотос *? Ты видел изрядное количество безумцев, которые предпочитают свои трубки с дымящимся лотосом вину, женщинам и даже еде. Сколько золота нужно, чтобы перевезти *т а к о е*?

Тяжело дыша, Ордо почесал свою бороду и скорчил гримасу.

— Ну ладно. Открой эти сундуки, Патил. Мне наплевать, что в них находится, если только это не листья канды или красный лотос.

— Я не могу этого сделать! — воскликнул вендиец. Пот градом покатился по его лицу. — Мой повелитель будет разгневан. Я требую, чтобы...

— Твой повелитель? — оборвал его резко Хасан. — У купцов не бывает повелителей, вендиец! Или ты не тот, за кого себя выдаешь?

Лицо Конана стало жестким.

— Откройте ящики.

Глаза Патила забегали, как у затравленного зверя. Внезапно он метнулся к двери. Конан прыгнул к нему, успев схватить его за широкий плащ, и смуглый вендиец извернулся назад, ударив киммерийца кулаком в лицо. Крошечный блеск железа предупредил Конана, и он отскочил назад, чтобы избежать удара. Лезвие ножа, сделанное в виде листа, слегка задело щеку Конана, чуть пониже левого глаза. Нога

* Листья канды — марихуана. «Красный лотос» — наркотик, опиум на Ближнем Востоке, в Азии и Индии.

Конана с силой ударила по груди негодяя, тот пошатнулся и опрокинулся на грязный пол. На мгновение он освободился от железной хватки Конана. Патила вскочил на ноги и бросился к двери и, открыв ее, побежал со всех ног прочь. Он наткнулся сразу же на трех людей, которые поддерживали друг друга, пока шли, или, вернее сказать, спотыкались. Все четверо рухнули кучей на пол. Придя в себя, Конан вздернул за шиворот пошатывающихся пьяниц из кучи людей на полу, отпихнув их в сторону, увидев, что они были из отряда Ордо. Вендиец был в самом низу и лежал без движения. Его большой тюрбан был скособочен, а потом вообще свалился с головы, когда киммериец перевернул торговца на спину. Все случилось так, как и опасался Конан. Темные глаза Патила остекленело уставились на киммерийца, перекошенные от боли, а зубы оскалились в застывшей усмешке. Кулак несостоявшегося улийцы был прижат к сердцу. У Конана не было ни малейшего сомнения, что нож с пружинистым лезвием был достаточно длинным, чтобы дойти до сердца. Конан коснулся рукой своей щеки. Пальцы испачкала кровь, но порез был не больше, чем царапиной. Это было просто везение, подумал Конан, что этот человек не ткнул его сразу же кинжалом. Конан никогда бы не заметил маленького кинжала, пока клинок не вонзился бы в его собственное сердце.

— Это не та развязка, на которую ты рассчитывал, а? — сказал он зло мертвецу. — Но я все же хотел бы, чтобы ты был в живых, чтобы кое-что у тебя спросить.

Подожел Ордо, чтобы схватить вендийца за его длинный, широкий халат и оттащить в сторону.

— Давай, киммериец, уберем это подальше от глаз тех, кто ходит вверх и вниз по лестнице. Нет никакого смысла усложнять вещи, особенно мне не понравилось бы, чтобы кто-нибудь подумал, что я убил этого дурня из-за его товара. Такие вещи могут разрушить все мое ремесло и доверие.

Они вдвоем стащили тело в подвал и захлопнули окованную железом дверь. Трое контрабандистов, которые случайно остановили бегство вендийца, лежали у стены, и двое из них уставились туманным взором на труп, когда его сбросили к их ногам.

— Он еще п-пьянее, чем мы, — пробормотал ираниста-нец, на голове которого была грязная, засаленная повязка.

— Он не пьян, — ответил другой, сидевший у стены рядом с ним. Это был немедиец, который был бы очень недурен собой, если бы ему не отрезали нос за какую-то кражу в прошлом. — Он мертвый.

Третий человек храпел, не обращая внимания на окружающих, и его храп напоминал рвущееся полотно паруса.

— Эй вы оба, заткнитесь! — зарычал Ордо.

Конан снова коснулся своей щеки. Кровь уже стала подсыхать. Конана больше интересовал сундучок, который минута назад он уронил на пол. Конан сел на корточки и склонился над сундучком, внимательно осмотрев свинцовые печати-пломбы. Птица, выдавленная на печатке из серого металла, была совершенно незнакома. Вероятно, работа вендийцев. И печать, похоже, была выдавлена не там, где надо. Наверное, она была просто средством для того, чтобы ящики плотно закрывались, или же служила знаком, который говорил владельцу, что ящики кто-то вскрывал. Конану уже доводилось видеть, как в подобные печати прятали скрытые пружины, приводящие в действие покрытые ядом иглы, которые поражали тех, кто не знал, как правильно открыть сундук с тайным содержимым. Обычно такие сундуки не попадались в вещах и товарах, перевозимых контрабандистами, но с другой стороны, эти ящики явно не были обычной «рыбой».

— Я рискну, — пробормотал Конан. Его сердце стучало, как удары кузнечного молота, когда он просунул лезвие кинжала под одну из печатей.

— Подожди, дурень, — начал было Ордо, но Конан уже разрезал быстрым движением мягкий свинец.

— В один прекрасный день твоя удача изменит тебе, — выдохнул одноглазый.

Не ответив ему, Конан быстро сломал остальные печати. Он приподнял кинжалом крышку первого ящика. Оба контрабандиста недоуменно уставились на содержимое сундучка. Он до самого верха был заполнен маленькими сухими листьями.

— Пряности? — с сомнением в голосе спросил Ордо.

Конан осторожно поворошил листья кончиком кинжала и взял горсть листьев в ладонь. Они легко крошились и ломались в руке, но от них не исходило никакого аромата.

— Человек не пытается убить другого, чтобы утаить пряности, — сказал Конан. — Посмотрим, что находится в остальных ящиках.

Он наполовину поднялся с колен, покачнулся и снова осел на пол. Сердце все так же тяжело стучало в его груди. Конан снова коснулся пореза на лице — он чувствовал, как будто кусок дубленой кожи лежал между его пальцами и щекой.

— Этот кинжал... — язык еле ворочался, произнося слова. — Что-то на нем было...

Кровь отлила от лица Ордо.

— Яд, — выдохнул он. — Не сдавайся, киммериец! Ты

должен бороться с действием яда! Если твои глаза закроются, ты уже никогда не сможешь их снова открыть!

Конан снова попытался подняться, чтобы посмотреть на другие ящики, и опять чуть не упал. Ордо подхватил его за плечи и помог сесть на пол, облокотившись на стену.

— Сундуки, — сказал Конан. — Если я умираю, то я хочу знать, за что.

— Пусть Митра проклянет эти дьявольские сундуки, на что они нам? — рявкнул Ордо. — И ты не умираешь! Во всяком случае, ты не умрешь, если сюда придет Гурран.

— Я побегу за ним, — сказал Хасан, но замер под пронзительно-гневным взором Ордо.

— И как ты, интересно, это сделаешь, если никогда прежде не видел этого человека? Пританис! — Ордо быстро пошел по подвалу и рукой, которая по размерам могла сравняться с хорошим молотом, вздернул на ноги немедийца. Другая его рука хлестнула несколько раз немедийца по лицу. — Приди в себя, Пританис! Ты слышишь меня? Ты слышишь меня, чтоб тебя забрал Эрлик, или я разобью твою дурацкую башку!

— Я слышу, — простонал немедиец. — Во имя всех богов, не бей меня по голове. Она и так разламывается на части от боли.

— Тогда слушай меня внимательно, если не хочешь, чтобы башка окончательно треснула, — зарычал Ордо, но перестал хлестать Пританиса по щекам. — Иди к Гуррану и приведи его сюда. Скажи ему, что это яд, и скажи ему, что он получит сотню золотых монет, если доберется сюда вовремя. Ты понял, что я сказал тебе, вшивое порождение верблюда?

— Я понял, — сказал немедиец неуверенно и пошатываясь пошел к двери, чуть не упав от встряски, которую ему дал Ордо.

— Тогда беги, будь ты проклят! Если ты не сделаешь все, как надо, я распорю тебе брюхо и повешу тебя на твоих же собственных кишках! А ты куда побежал? — добавил одноглазый, когда Хасан попытался было пойти вслед за Пританисом.

— За ним, — ответил Хасан. — Он так пьян, что без хорошего глотка вина не сможет запомнить, что должен делать, и ему нужен кто-то, кто поможет добрести до цели.

— Он запомнит, — проворчал Ордо, — потому что знает: я сделаю так, как ему обещал. Вплоть до последнего слова. Если ты хочешь сделать что-то, то набрось-ка плащ на тело Папила, так что нам не надо будет смотреть на него.

— У тебя нет ста золотых, Ордо, — сказал Конан.

— Тогда ты заплатишь ему, — ответил контрабандист. —

А если ты умрешь на моих руках, я продам твой труп за такую же цену.

Конан засмеялся, но смех быстро оборвался, так как киммериец закашлялся и стал задыхаться. Он чувствовал себя таким же слабым, как ребенок. Даже если другие поставили бы его ноги, он знал, что сможет только просто стоять на ногах, но не больше. Страх и отчаяние в голосе его друга не коснулись, однако, сердца варвара. Он должен был получить ответ на происшедшее, и ответ этот лежал в сундучках у стены. Или, по крайней мере, ключ к ответу. Вопрос был простым, и в то же время поиски ответа удержали бы Конана в живых еще на некоторое время, так как он пока не мог позволить себе умереть. Он не умрет, не узнав всей правды.

Глава 5

Один за другим в подвал Кафара спускались люди из команды Ордо. Большинство из них шли, пошатываясь, пьяные, как и первые трое. Огорченное и рассерженное выражение, а также отвращение появились на их лицах, когда они узнали, что случилось. Но не смерть вендийца, и даже не покушение на жизнь Конана, а скорее средство покушения привело их в такое раздражение. Они были привычны к честному открытому клинку и даже могли понять удар ножа в спину, но яд... яд был чем-то совсем иным, против чего человек не мог себя защитить. Кружки, меняющие свой цвет, когда в них наливали отравленное вино, были миром колдунов и миром князей, которые не могли себе позволить платить колдунам. Испуганные лица контрабандистов мало волновали Конана, но те прощальные взгляды, которые они бросали ему, раздражали киммерийца не на шутку.

— Я еще не мертв, — пробормотал он, задыхаясь.

— Где, во имя Девяти Адов Зандру, Гурран? — заорал Ордо.

Как будто отвечая на его слова, обитая железом дверь настержь распахнулась и Пританис ввел Гуррана в подвал, держа его железной хваткой за костлявую руку. Немедиец с отрезанным носом, казалось, уже изрядно протрезвел, и трудно было сказать, отчего именно это случилось — от того, что он тащил за собой Гуррана, или же от угроз Ордо.

Ремешок из кожи пересекал тяжело вздымавшуюся грудь гербариуса и поддерживал маленький деревянный ящичек

на боку старика. Резко освободив свою руку, он заковывал по комнате, зло ворча на качающихся пьяниц, все еще хряпавшего иранистанца и покрытую плащом неподвижную фигуру, — труп вендийца.

— И из-за этого меня тащили по улицам города, как козла на рынок? — вырвалось у него сквозь пыхтение. Он снова тяжело задыхался. — Чтобы лечить людей, которые были достаточно глупы, чтобы пить испорченное вино?

— Зараженное вино на лезвии ножа, — сумел пробормотать Конан. Он подался вперед, его голова закружилась. — Ты уже сегодня помог мне, Гурран. Сможешь ли ты снова это сделать?

Старик оттолкнул в сторону Ордо и наклонился, чтобы взглянуть в глаза киммерийца.

— Возможно, еще есть время, — пробормотал он, а потом более твердым голосом сказал: — Есть ли у тебя отравленное лезвие? Я хочу взглянуть на него.

Хасан поднял плащ с убитого и выдернул нож из груди трупа. Он обтер нож плащом вендийца, прежде чем отдать его Гуррану. Гербариус пристально посмотрел на страшное оружие, удерживая его своими тонкими, высохшими пальцами. Маленькая рукоять из слоновой кости была вырезана так, чтобы нож было удобно держать в ладони, а лезвие могло проходить между пальцами.

— Оружие асассиана-убийцы из Вендии, — сказал он. — Или, во всяком случае, это оружие, вид которого совпадает с тем, что я слышал.

Конан задержал взгляд на пергаментно-высохшем лице старого человека.

— Ну? — сказал он.

Вместо того, чтобы ответить, Гурран поднес нож к лицу и слегка понюхал. Нахмурившись, он намочил палец слюной и коснулся им лезвия. С еще большей осторожностью, чем раньше, он поднес палец к губам. Он тут же быстро сплюнул, вытерев палец об одежду.

— Делай же что-нибудь! — потребовал Ордо.

— Яды — это то, с чем я редко имею дело, — сказал спокойно Гурран. Он открыл деревянный ящичек, который висел у него на боку, и взял маленький пакетик с каким-то порошком и каменную чашку. — Но возможно, я смогу в этом случае что-нибудь сделать.

Он вынул из ящичка бронзовую ступку величиной не больше, чем половина ладони, и пестик.

— Дай мне бокал вина — и быстро.

Ордо махнул рукой Пританису, который поспешил выполнить приказ. Гербариус начал работать, мешая и толча в ступке крошки различных порошков и перемешивая их

пестиком. Пританис вернулся с грубым керамическим бокалом, наполненным до краев дешевым вином. Гурран взял бокал и вылил вино в чашку с порошками, быстро размешав содержимое указательным пальцем.

— Вот, — сказал старик, поднеся вино ко рту Конана. — Пей.

Конан взглянул на то, что ему предложили. Несколько кусочков сухих листьев плавали на поверхности вина, вперемишку с крошками разноцветных порошков.

— Это избавит меня от яда?

Гурран взглянул ему прямо в лицо.

— На то время, которое тебе потребуется, чтобы дойти до доков и вернуться назад. Ты будешь в состоянии выйти из этой комнаты или умрешь.

— Если он умрет... — начал Ордо угрожающе, но Конан оборвал его.

— Если я умру, это не будет виной Гуррана, верно?

— Пей, — сказал старик, — а то это будет твоей собственной виной.

Конан выпил содержимое чашки. С первым же глотком гримаса отвращения исказила лицо киммерийца, и с каждым новым глотком гримаса становилась все ужаснее. Когда старик отвел чашку от его рта, Конан широко открыл рот, судорожно хватая воздух.

— Кром! Эта штука на вкус такая, будто в ней купался верблюд!

Несколько контрабандистов, из тех, кто был потрезвее, весело рассмеялись.

Гурран хмыкнул:

— Тебе хочется сладенького на язык или все-таки одолеть действие яда? — Взгляд гербариуса упал на открытый сундучок. Лицо старика еще больше сморщилось. Он взял несколько листьев, растер их в ладони костлявыми, тонкими пальцами.

— Ты знаешь, что это за листья? — спросил Конан. Он не был уверен в том, действительно ли ему было легче дышать или это было только игрой воображения. — Человек, который полоснул меня ножом, сказал, что это пряности.

— Пряности? — рассеянно сказал Гурран. — Нет, я не думаю, что это пряности. Хотя, с другой стороны, — добавил он, раскрыв ладони и бросив горсть листьев назад в ящик, — я не знаю всех на свете растений. Мне бы хотелось взглянуть и на другие ящики. Если в них также есть растения, которые неизвестны мне, возможно, я возьму некоторые из них как оплату за лечение.

— Можешь смотреть и брать сколько тебе хочется, — сказал с пылом Ордо. — Пританис, помоги ему открыть

остальные ящики. Немедиец и гербариус подошли к стоявшим рядами ящикам, и Ордо понизил голос до шепота, заговорив Конану на ухо:

— Если он возьмет в уплату листья и травы вместо сотни золотых, то я так скажу: нам это вполне подходит.

Конан глубоко вздохнул; ему действительно стало легче дышать.

— Помоги мне встать на ноги, Ордо, — попросил он. — Гурран сказал, что я должен ходить или умереть. Клянусь костями Митры, я намереваюсь ходить.

Они оба пристально взглянули друг на друга, затем одnogлазый мужчина наклонился. Конан попытался встать, прислонившись рукой к стене, чтобы восстановить равновесие. Однако то, что он прислонился к стене, не слишком ему помогло. Конан сделал первый неверный шаг. Кости, казалось, были готовы согнуться, как мягкие ветви деревьев, но киммериец заставил себя продвинуть ногу вперед.

— Для этого уже все давно кончено, — прозвучал громко голос Пританиса, который стоял рядом с ящиками с кинжалом в руках. На трех из них уже были сорваны пломбы печати.

— В них находятся те же самые листья. — Гурран снова покрыл лицо мертвеца широким плащом. — Мне было любопытно узнать, какой тип людей использует отравленное лезвие. Но я полагаю, что новые травы и растения более интересны, чем мертвецы. Так в остальных сундучках — тоже листья, говоришь?

Конан сделал еще один шаг и еще один. Слабость все еще пробегала волнами по его телу, но он чувствовал себя немного сильнее, и одно это уже было хорошим знаком. Ордо стоял рядом, глядя на него, как озабоченный медведь.

— С тобой все в порядке, киммериец?

— Да, пожалуй, — сказал ему Конан и вдруг засмеялся. — Несколько минут назад я бы даже согласился прожить столько, сколько мне нужно было бы, чтобы узнать, из-за чего все это случилось. Теперь же я начинаю думать, что в конце концов проживу несколько дольше.

— Это тело слишком хрупкое, — сказал вдруг Гурран. — Слишком старое!

Он наклонился и, встав на колени, вгляделся в один из сундучков. Все двадцать сундуков были раскрыты, и содержимое некоторых из них было вынуто. В них было еще больше сухих листьев, точно таких же, как и в первом сундучке, а также красного цвета кристаллы, судя по порошку над ними, но они почти разрушились под тяжестью своего собственного веса, и плотно стянутые

ремешком, кожаные мешки, некоторые из которых Пританис распорол кинжалом, и содержимое их, очень похожее на соль, но только кроваво-красного цвета, высыпалось на пол. В двух ящиках находились бутылки и пробирки с зеленым раствором; стеклянные сосуды с неизвестной жидкостью были хорошо упакованы в плотняные мешочки, проложенные гусиным пухом.

— Что тебя беспокоит? — спросил Конан. — Я могу ходить, как ты и обещал мне, и я прослежу за тем, чтобы ты получил золото, которое обещал тебе Ордо.

Одноглазый контрабандист выдавил приглушенный звук огорчения и протеста.

— Золото! — презрительно фыркнул Гурран.

— Если не золото, то что же тогда? — спросил его Конан. — Если эти растворы, листья и порошки в ящиках тебе нужны, бери их, кроме маленькой порции для меня. Мне кажется, что нам теперь уже не нужно доставлять их к реке Зарпаш, но я все же хочу узнать, почему человек пытался убить меня, чтобы эту траву никто не увидел. Маленькая порция листьев и всего остального поможет мне узнать это.

— Да, — медленно сказал гербариус, — ты хотел бы это узнать, не так ли? — Он колебался, прежде чем продолжать. — Я не знаю, как даже сказать тебе об этом. Если бы мое снадобье было нужным лекарством... в том, что я хочу тебе сказать, вообще не было бы нужды. Я надеялся найти что-нибудь в этих сундучках или, что более вероятно, на теле вендийца. Человек, который носит при себе отравленное оружие, скорее всего имеет и противоядие, на случай, если случайно ранит себя.

— Но зачем нам нужно противоядие? — требовательно спросил Ордо. — Ведь ты уже остановил действие яда.

Гурран снова выдержал паузу, посмотрев в свою очередь очень внимательно на Ордо и Конана.

— То снадобье, которое я тебе дал, чужеземец, только приглушило действие яда на некоторое время.

— Но я чувствую себя совсем неплохо, только вот голова немного болит, — сказал Конан. — Через час я положу на лопатки любого человека в Султанапуре.

— И ты будешь чувствовать себя так же хорошо в течение одного-двух дней, а потом яд снова начнет действовать. Настоящее исцеление требует трав, которые можно найти только в Вендии.

— Вендия? — воскликнул Ордо. — Черный Эрлик!

Конан сделал движение рукой, чтобы Гурран продолжал, и старик продолжил свою речь:

— Тебе надо отправиться в Вендию, северянин, а я должен идти с тобой и давать тебе ежедневную порцию лекарства, чтобы ты остался в живых. Это путешествие не слишком улыбается мне, так как старое тело не предназначено для таких походов. Но ты, однако, сможешь найти ответы, которые так жаждешь получить, в Вендии.

— Может быть, я и получу ответы на свои вопросы, — сказал Конан. — Это не первый раз, когда моя жизнь будет измеряться днями.

— Но... Вендия, — запротестовал Ордо. — Конан, они не любят людей с этой стороны Вилайета. Если ты, с твоими дьявольски-голубыми глазами, кажешься странным здесь, то как ты думаешь, с какими рожами они будут глазеть на тебя там? Мы потеряем свои головы, проклятье Эрлика, и нам повезет, если перед этим нас не исхлещут до крови плетьюми. Гурран, ты уверен, что этих трав нельзя найти в Туране?

— Если он не отправится в Вендию, — сказал Гурран. — Он умрет.

— Все в порядке, мой друг, — сказал Конан одноглазому человеку. — Я найду там противоядие и ответы на все вопросы, мучающие меня. Почему эти ящики стояли того, чтобы за них убить человека? Патил был вендийцем, и я не могу предположить, чтобы они предназначались куда-то еще. Кроме того, я знаю, что все равно должен покинуть Султанapur на некоторое время, если только не собираюсь прятаться в городе, до тех пор, пока городская стража не найдет убийцу Турега Амала.

— Сундуки, — внезапно сказал Хасан. — Их все еще можно доставить к устью Зарпаша. Кем бы ни был тот, кто должен встретить Патила, этот человек не знает, что Патил мертв. Он будет ожидать его там, и у него, я думаю, есть ответы на наши вопросы. У него даже может оказаться противоядие.

— Это лучше, чем Вендия, — сказал быстро Ордо. — Во всяком случае, это гораздо ближе. Не надо будет ехать на край земли, если в этом нет нужды.

— Ну что ж, нам это не повредит, если мы попробуем, — согласился Конан. — Это будет легким путешествием для твоих старых костей, Гурран.

Старик уклончиво пожал плечами.

— Если у друзей Патила не найдется того, что тебе нужно, — добавил Ордо, — тогда подумаем и о Вендии.

— Эй-эй, подождите-ка! — Пританис с разгневанным лицом быстро подошел к ним. Остальные контрабандисты

пьяно слушали их, но несмелец был единственным более-менее трезвым, чтобы по-настоящему понимать, о чем тут говорили. — Доставить сундучки к устью Зарпаша, вы говорите. А каким образом мы найдем людей, которые нам нужны? Устье Зарпаша очень широко, дюны и холмы могут скрыть целую армию на обоих берегах.

— Прежде чем согласиться перевезти товары Патила, — сказал Ордо, — я узнал у него о сигналах, которые будут нам даны людьми на берегу и о тех сигналах, которые мы должны дать в ответ.

— Но какая нам прибыль во всем этом? — настаивал Пританис. — Вендиец не заплатил нам. Неужели вы думаете, что его приятели заплатят нам, когда мы появимся без него? Я так скажу — забудем об этих сундуках и поищем другой улов «рыбы», который наполнит золотом наши кошельки.

— Ах ты, трусливый, глупый пес. — Голос Ордо был глухим и казался еще более опасным от этого. — Конан является одним из нас, и мы должны держаться вместе. Как много в тебе гнили, а? Неужели ты выбросишь товары за борт при одном виде царской морской биремы или бросишь наших раненых на съедение царским стражам?

— Можешь не называть меня трусом, — злобно буркнул немедиец. — Я не раз уже рисковал головой, которую могли бы посадить на пик над Воротами Чужеземцев, как тебе это хорошо известно. Если киммериец хочет идти, отпусти его, пускай идет. Но не спрашивай, чтобы и все остальные из нашей команды пошли бы вслед, чтобы подразнить топор палача только из-за удовольствия поездкой.

Кривой шрам Ордо на его левой щеке стал мертвенно бледным, когда он приготовился обрушить на голову Пританиса свой гнев, но Конан заговорил первым.

— Я не прошу тебя идти в поход из-за одного удовольствия поездкой, Пританис, и даже из-за того, чтобы наслаждаться моим обществом. Но ответь мне на такой вопрос: ты говоришь, что тебе нужно золото, так?

— Как и любому человеку, — осторожно сказал Пританис.

— Эти сундуки стоят золота для людей, ожидающих их у Зарпаша. Это должны быть вендийцы, если Патил является их проводником. Ты уже видел других вендийцев, людей с золотыми кольцами на каждом пальце и драгоценностями на своих тюрбанах. Ты когда-нибудь видел вендийца, у которого бы не было кошелька, набитого золотом?

Глаза Пританиса расширились, когда он внезапно понял, что Конан говорил эти слова не только для него.

— Но...

Великан-киммериец продолжал свою ловкую импровизацию как лавина, которая катится на беспомощного крестьянина:

— Вендийцы, ожидающие сундуки у Зарпаша, имеют при себе много золота, и оно причитается нам, если мы доставим в условленное место сундуки. Ну, а ежели они не заплатят... Он по-волчьему ухмыльнулся и коснулся рукояти своего широкого, длинного меча. — В таком случае они будут не первыми, кто откажется заплатить за свою «рыбу». Мы и раньше не давали никому возможности улизнуть от оплаты, не дадим сделать это и вендийцам.

Пританис выглядел так, словно он собирался спорить и дальше, но один из контрабандистов пьяно крикнул:

— Да! Перережем им глотки и заберем все их добро себе!

— Вендийское золото для всех нас! — крикнул другой. Остальные выкрикивали слова одобрения или со смехом вторили приятелям. Немедиец с обрезанным носом оскалился и, замолчав, мрачно отошел в угол.

— У тебя все еще есть дар заставлять людей следовать за тобой, — сказал Ордо тихо, обращаясь к Конану, — но на этот раз лучше всего было расколоть башку Пританису и покончить с ним. Он еще доставит нам неприятностей, прежде, чем заработает нож в брюхо, а у нас и так достаточно неприятностей. Митра, этот старик будет метать харч на каждой волне. Он выглядит не более счастливым от перспективы короткого путешествия, чем от путешествия в Вендию.

И в самом деле, Гурран сидел, прислонившись к сундукам, уставившись мрачно в пустоту.

— Я сам посчитаюсь с Пританисом, если это будет нужно, — ответил Конан. — А что касается Гуррана, то он несомненно сумеет сделать какую-нибудь настойку для своего желудка. Беда сейчас заключается в том, где найти побольше людей.

Корабль Ордо мог отправиться в поход и с меньшим количеством людей, с теми, кто сейчас находился в подвале, но ветры не всегда были благоприятными и попутными, а для того чтобы грести против течения и волн требовалась как минимум вдвое большая команда. Киммериец оглядел людей, многие из которых лежали, распластавшись на полу, и добавил:

— Не говоря уже о том, что надо отрезвить эту шайку, чтобы они смогли ходить, не падая через каждые пять минут на пол, споткнувшись о собственные сапоги.

— Соленое вино, — сказал мрачно Ордо.

Конан вздрогнул и скорчил гримасу; у него был личный

опыт от метода одноглазого человека, которым тот выгонял винные пары из пьяных.

— И тебе нельзя рисковать появляться на улицах днем, — продолжал Ордо. — Я оставлю пока этот сброд, чтобы ты последил за ними, пока я не соберу остальную часть команды в тавернах. Пританис! Нам впереди предстоит много работы!

Конан бросил беглый взгляд на пьяных контрабандистов и снова сделал гримасу.

— Хасан, скажи Кафару, что нам нужно десять кувшинов вина. И большой мешок соли.

Следующие полчаса будут отнюдь не из приятных.

Глава 6

Портовые причалы становились тихими, как только наступали сумерки, заселенные только тенями, превращающими большие бочки с вином, рулоны материи и кольца канатов и веревок в страшные тени. Рваные ключья облаков закрывали далекую темную луну. Морской ветер, дующий вдоль побережья, был таким же холодным, каким жарким был в течение дня, и стражники, нанятые Купеческой Гильдией, плотнее кутались в свои шерстяные плащи и искали укрытия внутри портовых складов с бутылкой согревающего вина.

Никто не видел, как люди работали на узком, около шестнадцати шагов в длину, судне с одиночной мачтой и парусом, установленным в центре корабля. Судно было привязано к доку, который угрожающе и тревожно покачивался и скрипел при каждом шаге людей, ступающих по его грубо обструганным доскам. Хотя с другой стороны, если вдуматься, док скрипел вне зависимости от того, ступали на него или нет.

Все корабли, пришвартованные здесь, имели на борту сети, но весьма от немногих исходил запах рыбы, да и то не сильный. Настоящие рыбаки продавали небольшие порции своего улова контрабандистам, чтобы от корабля тянуло рыбой, и это было не случайно. Таможенные сборщики царя Илдиза конфисковали бы корабль, который не пахнет рыбой, прежде, чем даже решили бы осмотреть его.

Конан стоял на скрипящем доке, одетый в темно-синий плащ, который на него накинул Гурран, чтобы киммериец слился с ночью. Конан был единственным, если конечно не считать Ордо, кто знал, что одноглазый контрабандист называл корабль «Карела» — именем женщины, которую он не

видел почти пять лет, но которую продолжал безуспешно искать. Конан тоже знал ее и понимал одержимость контрбандиста.

В то время как остальные нагружали корабль провиантом и снастями, киммериец внимательно наблюдал за одиночным сторожем, зарабатывающим себе на жизнь этой работой, или же, скорее всего, выискивающим случайный патруль таможенников Царя. Легкая головная боль в середине лба была единственным напоминанием о яде.

— Настойка старого дурня сработала неплохо, — сказал Конан, когда Ордо прыгнул на док с корабля. — Я мог бы подумать, что яд исчез совершенно.

— Ему можно было сработать лучше, — хмыкнул его старый друг. — Ты пообещал ему сто золотых, когда старик уже согласился взять травы вместо денег.

— Моя жизнь стоит ста золотых — по крайней мере для меня, — сухо сказал Конан.

Приглушенные ругательства и мягкий звук упавшего на палубу тела донесся с корабля.

— Ордо, ты действительно набрал всех слепых идиотов, каких только мог найти, для этого похода?

— Мы можем только мечтать о том, чтобы у нас было вдвое больше сабель, прежде чем дело будет закончено. А если подумать о том, что половина моих людей утонула в кувшине вина, я должен был брать то, что было под руками. Или ты предпочитаешь выждать еще один день? Я слышал, что городской стражник изрубил в лапшу одного альбиноса, в сумерках по ошибке приняв его за северянина. Они прочесывают город, обыскивая каждую таверну и бордель в Султанапуре.

— На это им потребуется не меньше ста лет, — засмеялся Конан.

Легкое воркование донеслось до ушей киммерийца, и он уставился в изумлении на плетеную клетку с голубями, которую поднимали на борт, после чего последовала еще одна клетка с курами и три козы.

— Один из наших посоветовал это сделать, — сказал Ордо, — и я подумал, что это неплохая мысль. Мне уже надоело выбирать между сушеным и соленым мясом, когда мы находимся в открытом море.

— Если только они не принадлежат к команде, Ордо.

— Козлы не лучше некоторых чужеземцев, известных мне н... — Бородатый человек оборвал свою фразу, когда огонек света вспыхнул на корабле. — Во имя Девяти Адов Зандру!..

Конан не терял время на ругательства. Прыгнув на палубу, он вырвал горящую глиняную лампу из рук высокого,

тощего туранца и выбросил ее за борт. Туранец гневно уставился на Конана.

— Как же я должен видеть, куда класть вещи в такой темноте?

Конан не знал этого человека, судя по всему, это был один из новичков-рекрутов Ордо. Он был одет в серые шаровары, тюрбан и кожаную жилетку — постоянную одежду обитателей порта.

— Как тебя зовут? — спросил киммериец.

— Меня зовут Шамил. А ты кто такой?

— Шамил, — сказал Конан. — Я буду считать, что ты слишком глуп, чтобы понять, что горящую лампу могут также увидеть далеко отсюда те, кому это совершенно ни к чему. — Его голос стал жестче. — Я даже не подумаю о том, что ты мог быть шпионом, работающим на таможенников, пытаюсь привлечь их внимание. Но если ты сделаешь это опять, я заставлю тебя съесть эту лампу.

Ордо появился позади него, пробуя острие своего кинжала на толстом ногте.

— А после этого я пережду тебе глотку. Тебе все понятно?

Худой туранец настороженно кивнул.

— Слепые скоты, Ордо, — сказал Конан и повернулся, чтобы уйти, прежде чем его друг успел заговорить. Веселье киммерийца, охватившее его до этого, поугасло. Такие люди, как Шамил, могли вполне потерять голову еще до того, как вообще увидят Зарпаш. И кто знает, как много таких людей было среди новичков? Даже если они не погибли бы по глупости, вроде того, чтобы использовать горящую лампу там, где необходима была невидимость и полная темнота, многим ли из них Конан мог доверять, когда дело дойдет до боя на другом берегу Вилайета?

Бормоча что-то про себя и спотыкаясь, вниз по темной палубе сошел Гурран и сунул оловянную кружку в руки Конана.

— Выпей это. Я не могу быть уверенным в эффекте, который даст морское путешествие. Лучше всего перестраховаться, приняв двойную дозу, и быть в безопасности.

Конан глубоко вздохнул и, зажав пальцами ноздри, осушил кружку одним глотком.

— Эта штука больше не напоминает по вкусу верблюда, — сказал он с гримасой.

— Ингридиенты немного другие, — ответил ему герба-риус.

— Теперь это питье похоже на то, что в него всего лишь верблюда окунули, — Конан бросил пустую кружку Гуррану, когда Ордо присоединился к ним.

— Ящики лежат в трюме, — сказал он тихо, — и мы готовы, как всегда, хоть сейчас выступай. Прими руль, киммериец, пока я расставляю людей у весла.

— Пригляди за ними, чтобы они не вышибли друг у друга мозги, — сказал Конан, но Ордо уже исчез в темноте, шепотом отдавая команды.

Киммериец передвигался быстро и ловко, хмурясь при стуке весел, когда их укладывали в уключины. Когда судно стало выходить из залива, Конан всем своим весом навалился на руль, направляя корабль к полосе открытой воды. Слова Ордо, командующего тихо «раз-два», «раз-два», чтобы гребцы налегали на весла в такт, донеслись до Конана сквозь скрип снастей и плеск воды. Фосфоресценция освещала воду при каждом плёске весел и на волне, разрезаемой носом корабля. Около двадцати кораблей всех размеров стояли в это время на якоре в заливе; галеры и купеческие широкобортные корабли из каждого порта Вилайета. Конан вел судно зигзагообразным курсом, огибая стороной эти корабли. Военные царские биремы стояли в северной части порта, по несколько часовых, нанятых купцами, обязательно будут здесь, следя по сторонам, чтобы ничего не случилось. Никто, однако, не собирался поднимать тревоги, если конечно корабль контрабандистов не подошел бы слишком близко. Часовых нанимали, чтобы охранять корабли от воров и пиратов, некоторые из которых были достаточно дерзкими, чтобы входить в порт Султанапура или даже Аграпура, а не для того, чтобы привлекать ненужное внимание к кораблям, чьи капитаны часто везли товары, не указанные в таможенной декларации.

Прибрежный ветер нес не только запахи города, но и вонь самого залива. Аромат специй, пряностей, запах пота от галер работоторговцев смешивался с запахом воды. Отходы и испражнения выбрасывались прямо за борт, когда корабль был в море или порту, и залив Султанапура давно уже превратился в сточную канаву. Наконец судно прошло мимо последнего из стоящих на якоре кораблей, но вместо того, чтобы расслабиться, Конан напрягся и пробормотал проклятие.

— Ордо! — хрипло позвал он. — Ордо, погляди на мол!

Длинный каменный мол-волнолом защищал залив от резких, порывистых, внезапных штормов на Вилайете. Шторм мог бросить такие обычно спокойные волны на корабли и разбить суда о причалы. Две широкие барки для перевозки овец закрывали проход в открытое море, оставляя свободной лишь узкую полосу воды. На каждой стороне барки стояла высокая гранитная башня. Башни не были еще видны из-за сгустившейся темноты, и обычно в них раз-

мещалась стража только в случае войны. Но зато было хорошо видно, что свет от факелов просачивался сквозь бойницы для лучников. Ударив со злости кулаком по колену, Ордо медленно пошел по палубе, уставившись на полоски света. На мгновение свет факелов стал менее отдаленным и приближался теперь с каждой минутой. Ордо спокойно заговорил, когда рядом был только Конан и никто другой не мог его услышать:

— Это, должно быть, из-за этого проклятого Митрой убийства адмирала, киммериец. Но если они поставили на башни стражу...

— Цепи? — спросил Конан, и бородатый человек мрачно кивнул.

Цепи были еще одной предосторожностью во время войны, как и стража на башнях. Цепи были сделаны из массивных железных звеньев и были способны удержать, не разорвавшись, самый сильный удар тарана самой большой триремы. Их могли растянуть почти над самой поверхностью воды, чтобы надежно закрыть вход в порт даже самым маленьким судам, вроде того, на котором плыли контрабандисты. Конан медленно заговорил:

— Нет никакой причины ставить на башню стражу, если только цепи не подняты. Ночью они не слишком-то полезны. Но войны нет, только убийство. — Конан кивнул самому себе. — Ордо, цепи поставлены не для того чтобы удерживать корабли от проникновения внутрь порта, а для того чтобы удержать их *внутри*.

— Удержать их внутри?

— Попытаться удержать убийцу Высшего Адмирала, — нетерпеливо сказал киммериец. — Здесь нет городских ворот, которые нужно закрывать и охранять. Только цепи.

— Ну, а если ты прав, то что это нам дает? — хмыкнул кисло Ордо. — Цепи или ворота, мы заперты здесь, как зайцы в клетке.

— Во время войны в каждой башне сидит не меньше сотни солдат. Но сейчас... Они не ожидают атаки, Ордо. И сколько людей нужно, чтобы наблюдать за цепью? Столько же, сколько и для охраны ворот?

Ордо свистнул беззвучно сквозь зубы.

— Это игра, киммериец, — сказал он наконец. — Ты предлагаешь смертельно опасную игру.

— У меня нет другого выбора. Кубики брошены, так или иначе, а моя жизнь уже поставлена на кон и оценена.

— Да, это верно. Но разрази меня гром, если все это мне нравится. Нам надо попробовать ту башню, которая стоит ближе к берегу. Иначе придется иметь дело с тремя десятками стражников, прежде чем дело будет сделано.

— Нет, не ты, — сказал Конан. — Если мы пойдем вдвоем, как ты думаешь, долго ли нас будет ждать корабль? Новые люди в команде не пойдут против старых, а старые тоже не слишком-то рвутся в это путешествие.

— Они все знают, что я достану хоть из-под земли любого, кто бросит меня и мой корабль, — проворчал Ордо. — Последую за ним на край света, если это будет нужно, и разорву ему глотку голыми руками. — Однако одноглазый взял руль из рук киммерийца. — Тебе нужны помощники. Ты не можешь идти на это дело в одиночку.

Конан подошел к мачте и встал на середине палубы, где лежал свернутый парус. Скорость гребцов, которая стала сбивчивой без команды Ордо, замедлилась еще больше. Даже в темноте Конан чувствовал, что вся команда пристально смотрит на него.

— Беда, случившаяся в городе, причинила нам большую неприятность, — сказал Конан спокойно. — Сторожевые цепи подняты. Я собираюсь опустить одну из них и дать нашему кораблю возможность выйти из порта. Если это не удастся, то мы дошли до этого места впустую. У нас есть ящики с пряностями, или во всяком случае, мне сказали, что это пряности, которые нужны только вендийцам, и вендийцы оставят при себе свое золото, если мы не доставим им эти ящики.

Он выдержал паузу и ждал. Золото всегда хорошо звучало в конце речи, отпечатываясь, как от удара каленым железом, в мозгах слушающих. К удивлению Конана, Хасан поднял свое весло и молча встал. Гурран зашевелился и еще плотнее закутался в плащ. Больше никто не двинулся с места. Конан внимательно посмотрел на две темные линии гребцов — люди неловко зашевелились на скамьях. Убедить их было бы очень нелегким делом. Явные трусы недолго числились в рядах Берегового Братства, но те, кто слишком рвался в бой, также не задерживались в контрабандистах. Ну что ж, вполне можно начать с самых крепких орешков.

— Ты, Пританис?

Немедиец с обрезанным носом оскалил белые зубы — это могло быть и усмешкой, и рычанием.

— Ты хочешь идти в этот поход, северянин? Тогда ты и опусти цепь. А я... я предпочел бы быть сейчас на берегу с доброй кружкой пива в руке и девочкой, сидящей у меня на колене.

— Куда более безопасное место, это верно, — сказал сухо Конан, и в рядах гребцов раздался тихий смех. Пританис сердито сжал руками весло. Шамил, вытащив весло почти что рядом с Конаном, не сделал движения, чтобы подняться,

но в воздухе, казалось, колыхалось ожидание, и десятки глаз смотрели на него; Конан чувствовал это даже в почти абсолютной темноте.

— Ну, а что скажешь ты, зажигающий лампы? — спросил киммериец.

— Я просто ожидал, чтобы ты спросил меня, — тихо ответил худой туранец. Его весло заскрипело в уключине, когда он положил его в сторону. Внезапно сразу двое встали в середине ряда. Конан узнал их — это были те, кто был в отряде Ордо еще до того, как Конан прибыл в Султанапур.

— Я не хочу, чтоб ты подумал, будто только зеленые новички идут с тобой, — сказал один из них, кофит по имени Балис. Толстые старые шрамы покрывали его голову — в прошлом кто-то не очень умело отрезал ему уши за какую-то провинность. Другой контрабандист, худой, с провалившимися щеками шемит, который называл себя Энам, ничего не сказал, а просто вытащил свой тулвар и проверил острие лезвия.

— Глупцы, — фыркнул Пританис, но он сказал эти слова очень тихо.

Конан махнул рукой, подав сигнал Ордо. Он почти не видел его в темноте, и капитан казался серым сгустком, стоящим на борту корабля. Судно повернуло к молу. Поднялся шорох волн, ударяющихся о гранитную стену, неожиданно выросшую из темной воды. Стена была высотой больше, чем человеческий рост, выше, чем палуба корабля. Даже новички знали достаточно о кораблях, чтобы понять, что им нужно делать. Они тихо взмахивали веслами. Затем те, кто греб на той стороне, где находился мол, подняли вверх весла, чтобы держать судно на небольшом расстоянии от камней. Высокий киммериец не терял времени на слова. Встав на фальшборт, он высоко прыгнул, ухватился за верхнюю часть стены мола и, подтянувшись на руках, сел на грубую гранитную поверхность. Кряхтение и приглушенные ругательства подсказали ему, что друзья также перепрыгнули на стену, карабкаясь наверх. У них более чем достаточно пространства для движения, так как стена была около двадцати шагов в ширину.

— Нам нужно их убить? — спросил глухо Хасан.

— Возможно, в этом не будет необходимости, — ответил Конан. — Пошли.

Квадратная каменная башня занимала весь последний кусок мола, уходящий клином в воду, за исключением узкой каменной дорожки для часовых вокруг нее. Острая, увенчанная зубцами и бойницами вершина уходила вверх на расстоянии двадцати метров, и только тяжелая, крепкая гранитная дверь вела внутрь башни у ее подножия.

В бойницах для лучников на втором этаже горел желтоватый свет факелов, больше свет не шел ниоткуда. Жестом приказав остальным уйти в тень у основания башни, Конан вытащил из ножен кинжал и плотно прижался к каменной стене у двери. Осторожно прикинув расстояние, он бросил кинжал на камни, примерно в двух шагах от себя. На мгновение он подумал, что звон металла не проник внутрь башни. Но через несколько секунд послышался лязг засова и дверь широко распахнулась. Струя света упала на полосу камней, и стражник без шлема высунул голову наружу. Конан затаил дыхание, но кинжал, лежащий на краю полосы света, привлек внимание туранца. Он нахмурился и вышел наружу. Конан метнулся к нему с быстротой и ловкостью атакующего сокола. Одной рукой он сжал рот стражника. Другой схватил его за пояс для меча и поднял вверх, после чего бросил солдата вниз. Раздался громкий плеск и жалобные крики: «Помогите! Помогите!»

— Этот душенька свалился в воду! — крикнул кто-то внутри башни, и стук сапог донесся до Конана и его товарищей. Четверо стражников поспешили на помощь своему неудачливому приятелю. На их головах также не было шлемов; в руке одного из них была деревянная кружка — было очевидно, что никто из них не ожидал опасности. Они резко остановились, когда увидели, что перед ними стоит молодой гигант, их руки метнулись к рукояткам сабель, но было уже слишком поздно. Кулак Конана расплющил ближайший нос, и пока этот человек падал, обрушил сильный, как удар молота, «крюк» в челюсть другого. Двое стражников упали один на другого. Остальные, как заметил Конан, тоже свалились очень быстро, и никто не обнажил оружие.

— Бросьте их оружие в воду, — приказал киммериец, поднимая свой кинжал, — и свяжите солдат.

Крики о помощи донеслись до него с поверхности воды, на этот раз они были более громкими и отчаянными.

— Потом сделайте вервку из их туник и поясов и вытаскивайте этого болвана из воды, прежде чем он разбудит и поднимет на ноги весь город.

С мечом в руке Конан осторожно вошел в башню. Самый нижний этаж башни был одной большой комнатой, освещенной факелами, с каменными ступенями лестницы, ведущими вверх. Почти все помещение было заполнено массивным, громадным воротом, соединенным со сложным устройством из огромных бронзовых шестерен, на которых блестела свежая смазка — жир. Длинная металлическая «рука» шла от самой маленькой шестерни до бронзового колеса, которое было привинчено к стене. Толстая железная цепь была уложена рядами на ворот и барабан. Металл на каждом

звене цепи был толщиной в руку взрослого мужчины, и на нем не было и пятнышка ржавчины. Говорили, что давным-давно, много веков назад, один из туранских царей, приказавший сделать эту цепь, предложил столько рубинов, сколько он будет весить сам, тому кузнецу, который сможет сработать такую цепь из железа, чтобы она не ржавела вечно. Говорили также, что царь честно заплатил этими рубинами кузнецу, включая вес рук и языка, которые он отрубил кузнецу, чтобы секрет цепи не смог перейти к другим. От ворота цепь шла в узкое круглое отверстие в каменном полу. Конан игнорировал его, сконцентрировав свое внимание на том, как ослабить цепь. Похоже, что только один бронзовый клин удерживал шестерни на месте.

— Конан, сзади!

Услышав предупреждающий крик, Конан резко повернулся, и меч сверкнул в его руке. Покатившись по лестнице, мертвый стражник тяжело рухнул прямо под ноги киммерийцу. Кинжал торчал у него в груди, вошедший по самую рукоятку, заряженный арбалет лежал рядом.

— Он целился тебе в спину, — сказал Хасан, стоя у двери.

— Я — твой должник теперь и когда-нибудь отплатю тебе, — проговорил Конан, сунув меч в ножны.

Конан быстро освободил клин и, отбросив его в сторону, налег всем телом на бронзовую перекладину. Но это было все равно, что пытаться сдвинуть с места скалу. Судя по длине перекладки-рычага, для того чтобы сдвинуть ворот с места, нужно было как минимум пять человек. Мышцы киммерийца вздулись буграми от напряжения, и перекладина сдвинулась с места, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Но сам ворот двигался гораздо медленнее, и громадные звенья цепи звякали в отверстиях в каменном полу. Конан напряг все свои силы, чтобы ворот стал двигаться быстрее. Внезапно за его спиной появился Хасан и налег на рычаг, добавив больше силы и энергии, чем предполагало его сухое, худощавое тело. Балис просунул голову внутрь помещения.

— Цепь уже опустилась под воду, насколько я могу видеть, киммериец. И еще. На дальней стороне канала какое-то движение и шум. Они, должно быть, услышали крики тонущего стражника.

Конан неохотно отпустил рычаг. Очень скоро сюда будет отправлена лодка с солдатами, чтобы узнать, что случилось, и хотя на ней вряд ли будет много людей, задача Конана и Ордо была в том, чтобы спастись, а не вступать в бой.

— У нашего судна небольшая осадка, — сказал он. — Я думаю, что оно пройдет без труда.

Когда трое людей поспешили выбежать из башни, Шамил и Энам подняли на ноги пятого стражника, связали его и заткнули ему рот кляпом из его собственной, мокрой от вынужденного купания туники, после чего положили его в ряд с четырьмя его товарищами, все еще лежащими без сознания. После этого они молча последовали за Конаном по узкой дорожке у подножия башни. Единственный глаз Ордо (как хорошо было известно Конану) был острее, чем оба глаза Балиса. И кроме того, здоровяк Ордо не стал бы терять драгоценных секунд. Прежде чем они дошли до края стены волнолома, мягкий, тихий скрип весел и плеск воды послышались рядом с ними. Корабль появился перед ними в тот момент, когда они стояли у стены.

— Прыгайте! — скомандовал Конан.

Подождав только несколько секунд, чтобы убедиться, что каждый из его людей благополучно приземлился на палубе, киммериец быстро прыгнул вслед за ними. Он приземлился на корточки, пружинисто, как кошка, и все-таки покачнулся и вынужден был ухватиться за мачту, чтобы не упасть на палубу. Голова закружилась, как если бы корабль швыряло во время шторма. Конан стиснул зубы, пытаясь одолеть головокружение. Гурран вышел из темноты и внимательно посмотрел на киммерийца.

— Слишком много движений может снова вызвать действие яда, — сказал он. — Тебе надо отдохнуть, так как есть пределы тому, сколько лекарства я могу дать тебе в один день.

— Я найду того подлеца, кто мне ответит за все это, — сказал Конан сквозь стиснутые зубы. — Даже если у него нет противоядия, я найду эту мразь — и убью.

С кормы донеслась хрипая команда Ордо:

— Гребите! Чтоб вас поглотил Эрлик, гребите!

Гребцы налегли на весла, и узкий, стройный корабль поплыл прочь от Султанапура, как водомерка, бегущая по черной воде.

Разъяренный Найпал с рычанием поднялся на своей большой круглой постели, уставившись неподвижно в темноту. Лунный свет струился в комнату сквозь легкие прозрачные шелковые занавески, закрывавшие узорчатые арочные окна, и бросал вокруг неясные, расплывчатые тени. Две женщины, делившие с Найпалом постель (од-

на — вендийка, другая — кхитайка, обе они изящно сложенные, в данный момент — обнаженные), съежились и отпрянули в сторону, прижавшись к шелковым занавесям. Эти две девушки-наложницы были любимицами из *пардаханы** Найпала. Они были опытны, горячи и страстны и всегда были готовы доставить своему господину удовольствие, но сейчас он даже не посмотрел на них. Кончиками пальцев Найпал осторожно стал массировать виски, стараясь припомнить, что же разбудило его. На шее Найпала, на узкой золотой цепи висел большой черный опал. Колдун никогда не вынимал его, так как опал был единственным средством, через которое Масрок мог показать свою покорность или попросить о том, чтобы его вызвали. Однако сейчас темный и холодный камень спокойно висел на цепочке, слегка покалывая кожу. Это был только сон, решил Найпал. Сон, предвещающий... Знамение? Это чувствовалось, как если бы это было какое-то предупреждение...

Предупреждение!

— Проклятье Катар! — выругался колдун, и женщины еще дальше отшатнулись от него. Если позвать слуг, это займет слишком много времени. Найпал кое-как слез с кровати, все еще не обращая внимания на всхлипывающих, испуганных женщин. У них было много чудесных талантов, но только не в ту минуту, только не сейчас... Найпал быстро запахнул халат, то, что он уже не делал много лет, предпочитая, чтобы слуги выполняли это за него. Узкий позолоченный сундучок стоял на столе, инкрустированный лазурью, нефритом и бирюзой. Колдун потянулся к нему немного неуверенно, ведь ему сейчас нет нужды вызывать Масрока, нет нужды угрожать ему; затем он повернулся и побежал, оставив сундучок на столе. Отчаянные мысли крутились у него в голове в эту минуту. Какая опасность может ему сейчас угрожать? Масрок закрыл глаза Темным Провидцам Имши. Заил Бал, бывший придворный маг и единственный человек, которого Найпал по-настоящему боялся, был уже мертв и унесен демонами. И если Бандаркар, подзревая его в темных намерениях, вызвал других магов, чтобы противостоять ему, то он, Найпал, также имел своих людей, стоящих близко к трону, людей, о которых Царь ничего не знал. Колдун знал даже, какую женщину выбрал Бандаркар, прежде чем она достигла царских покоев. Что же это могло быть? Что?

Темнота помещения с высоким куполом глубоко вни-

* Пардахана (вендийск.) — гарем.

зу, под дворцом, смягчалась неземным, потусторонним мерцанием, исходящим от серебряной паутины узора на полу. Найпал метнулся к столу, где лежали колдовские принадлежности — хрустальные флаконы, пробирки и реторты, от которых исходило жуткое сияние, и другие, которые были как бы ступком абсолютной темноты. Его пальцы прямо-таки чесались, желая коснуться сундука из черного дерева, так как в нем лежала сила *Корасани*, однако колдун взял себя в руки и приподнял вместо этого крышку богато украшенной резьбой и орнаментом коробки из слоновой кости. Дрожащими руками Найпал отбросил в сторону шелковую материю. Воздух вырвался из груди колдуна, как предсмертное хрипение. Смутное изображение дрожало на полированной поверхности, уже не такой блестящей и гладкой, как всегда. Отражение являло собой небольшое судно на покрытом ночной завесой море, корабль с одинокой мачтой, продвигающийся вперед ритмичными ударами равномерно поднимающихся и опускающихся весел.

Странные приспособления из хрусталя и кости задрожали, когда колдун ударил кулаком по столу. Как и полагается, зеркало показало ему источник опасности, но и у него были свои пределы. Где же опасность? С какого моря она шла? Моря были на юге, и далеко на востоке лежал Безбрежный океан, который, по словам некоторых людей, оканчивался только у края мира. На Западе находился Вилайет, а еще дальше — громадное Западное Море. М-да... По крайней мере, провидцев Имши было легче узнать в зеркале. Найпал закрипел зубами, потом стиснул их, зная, что иначе они просто раскрошатся от гнева. Как густое облако чернил, ужас проник во все поры души. Колдун всегда считал себя выше этого, но теперь понял, что годы, проведенные с зеркалом, так долго стоявшим на страже, размягчили его. Он интриговал, планировал заговоры и действовал без всякого страха, думая, что победил страх, потому что пустота зеркала говорила о том, что планам ничего не угрожает. И сейчас, сейчас он увидел этот проклятый корабль! Маленькая, крошечная точка на воде, во имя всех богов! С колоссальным усилием Найпал заставил свое лицо снова принять обычное, внешне спокойное выражение. Он напомнил себе, что паника ничего не дает. Хуже, чем ничего, так как она подавляла всякое действие. У него есть агенты во многих местах и средства связаться с ними быстрее, чем полет орла. Его глаза отметили про себя, какой это был корабль, и он хорошо запомнил его форму. Пальцы колдуна теперь едва заметно дрожали, двигаясь вдоль странных колдовских предметов на столе. Откуда бы ни пришло это судно, к ка-

кому бы берегу оно ни пристало, там будут люди и сразу же опознают его. И задолго до того, как они достигнут цели, опасность будет залита водой, как огонь во время пожара.

Глава 7

Конан стоял на палубе, широко расставив ноги и правой рукой опираясь на мачту, чтобы удерживать равновесие. Он пристально вглядывался в темноту, которая была восточным берегом Вилайета. Корабль подошел так близко к побережью, как это позволяла его осадка. Недалеко к западу лежали острова. Самой «приятной» вещью, которую говорили о них люди, были слова — логово пиратов. Говорили о них и, еще кое-что, правда, эти слова уже произносили в темных углах и шепотом. Но что бы ни обитало там, никто не хотел привлекать к себе излишнего внимания.

Киммериец ел из общего котла, как и все. Он спал у кормы, рядом с двумя оставшимися козами и плетеной клеткой с голубями. Куры последовали вслед за первой козой — в желудки контрабандистов.

Большинство команды растянулось на палубе, используя вместо подушек грязную ветошь или мотки веревок и канатов. Облака заслонили луну, и только изредка ее легкий луч прорезал темноту. Треугольный парус был надут сильным ветром, и плеск воды за бортом как бы отвечал резкому храпу людей.

«Но с другой стороны, — подумал Конан, — мало кто из команды рвался поскорее высадиться на берег в поисках людей, которым принадлежали сундучки».

Хотя глаза киммерийца и были острыми, он не мог уловить очертаний берега. И, что еще хуже, нигде не было видно сигналов, о которых говорил Ордо.

— Они должны быть там, — пробормотал Конан самому себе.

— Но будет ли у них противоядие? — спросил Гурран, передавая Конану бокал с лекарством, ставший уже привычным каждодневным ритуалом для киммерийца. Конан старался не смотреть на мутную жидкость в помятом оловянном бокале. Ему не слишком-то улыбалось смотреть на питье, уже здорово осточертевшее.

— Оно будет у них, иначе... — Задержав свое дыхание, Конан осушил бокал одним глотком, пытаясь сделать так, чтобы пойло попало прямо в глотку, не опалив своим жутким огнем язык.

— Ну, а если нет? — настаивал старик. — Похоже, что на берегу никого нет.

Гримаса киммерийца, только что хлебнувшего снадобье, превратилась в улыбку.

— Они там, я знаю. — Он указал на три лучика света, которые только что вспыхнули в полной темноте на побережье южного изгиба устья реки. — И у них *будет* это противоядие.

Гербариус заковылял вслед за Конаном, когда тот двинулся вниз по палубе. Ордо склонился позади большого открытого дубового, окованного железом сундука, который был привязан к мате.

— Я увидел огни, — пробормотал он, когда киммериец подошел к нему. — Теперь нам надо убедиться в том, что они те, кто нам нужен.

Он очень быстро соорудил какой-то странный аппарат, состоящий из трех покрытых колпаками бронзовых ламп, привязанных к длинному шесту. На шесте было также несколько крюков, на которые можно было повесить еще парочку ламп, если в этом возникла бы необходимость. Как только лампы были зажжены, Ордо высоко поднял свой шест. Те из команды, кто уже проснулся, встали, чтобы посмотреть, что он делает. Метод Ордо был, кстати, не таким уж необычным и часто использовался контрабандистами. На берегу центральный из трех огней исчез, как будто кто-то его внезапно затушил. Три раза бородатый контрабандист поднял и опустил шест с лампами. Оставшиеся огоньки на берегу потухли, и Ордо, облегченно крикнув, окончательно опустил шест и потушил все лампы. Лампы едва успели потухнуть, как он уже громко орал:

— Поднимайтесь, ленивые псы! На ноги, порождения вшивого верблюда! Пусть Эрлик заберет ваши подлые души, вставайте же!

Судно превратилось в муравьиную кучу, по мере того как люди поднимались спросонья, некоторые были подняты ударом сапога одноглазого бородача. Конан подошел быстрыми шагами к рулю и увидел Шамила, который уже поворачивал его.

Конан жестом показал новичку, чтобы тот отошел, и встал на его место. Нижняя часть паруса висела достаточно высоко, и киммериец мог видеть впереди береговую линию.

— Что случилось? — требовательно спросил Гурран. — Сигналы были неправильными? Мы высаживаемся на берег или нет?

— Это вопрос доверия, — объяснил Конан, не оборачиваясь и глядя на берег. — Люди на берегу видят корабль, но тот ли это контрабандист, которого они ждут? Сигналами

мы обменялись, но не местом высадки. Если корабль таможенников, солдат или пиратов высадится там, где горели сигнальные огни, то они обнаружат только одного человека, да и то только в том случае, если он разиня или медлительный глупец.

Еще один тонкий луч света появился на берегу, отделенный от остальных почти на полкилометра.

— И если бы мы не дали им в ответ правильного сигнала, — продолжал киммериец, — они не показали бы нам, где можно высадиться на берег.

Гурран внимательно смотрел на суматоху, поднявшуюся среди контрабандистов. Некоторые из них ощупывали тулвары и кинжалы в ножнах. Другие развязывали свои мешки, чтобы проверить тетиву луков и острия стрел.

— И ты доверяешь им ровно настолько, насколько они доверяют тебе, — сказал он.

— Даже меньше, — усмехнулся Конан. — Если те, кто находится на берегу, не вырвали пытками тайну сигналов у людей, которых мы действительно должны были здесь встретить, то они все равно вполне могут захотеть получить то, что у нас есть для них, — без оплаты.

— Я не имел ни малейшего понятия о том, что это могло быть таким опасным делом. — Голос гербариуса был очень тихим, почти неслышным.

— Тот, кто живет, не рискуя и не подвергаясь опасности, вообще не живет, — заметил Конан, вспомнив старую киммерийскую пословицу. — Ты что, думал, что наше путешествие до Вендии будет легким, как при помощи колдовства? Я не вижу другого пути, чтобы добраться сюда, не подвергаясь при этом опасности.

Гурран ничего ему не ответил на эти слова, и Конан переключил свое внимание на дела более неотложные. Ветер быстро нес корабль к ожидающему их свегу факела или лампы, но высадка на ночное побережье была сделана иначе. Блоки и тросы закрипели, длинный парус был опущен и уложен на палубу. Несколько канатов было обмотано вокруг паруса, бьющегося на палубе под порывами ветра и задерживающего движения матросов. Контрабандисты двинулись к скамьям гребцов. Скрип и стук весел в уключинах, медленный, тихий плеск, когда весла погружались в черную воду. И совершенно дико в эту минуту прозвучало воркование голубей в клетке, которых взяли с собой. Конан резко повернул руль, и корабль контрабандистов повернуло к берегу, прямо к указывающим на место высадки огонькам лампы. Судно стало подбрасывать на волнах прибор, которые были сильнее у берега. До Конана донесся легкий шум волн, ударяющихся слева и справа о скалы. Он не сомне-

вался, что впереди их ожидает безопасный песчаный берег. Даже таможенники всегда хотели, чтобы груз контрабандистов был в целостности и сохранности, так как часть его была их вознаграждением. Однако все, что случится после того, как корабль достигнет берега, всегда связано с опасностью и риском. Песок зашуршал под килями корабля, и без всякого приказа гребцы несколькими взмахами отвели судно чуть дальше от берега. Если они слишком плотно причалят к берегу, это вполне может быть смертью для них. С носовой части раздался плеск. Это Ордо бросил в воду каменный якорь. Он поможет удержать судно против прибойной волны, но веревка могла быть перерезана в любой момент. Когда судно дрожа коснулось песчаного дна, Конан встал рядом с другом у носа корабля. Огонек света, который указывал им путь на берег, исчез. Скорее всего, его закрыли высокие дюны и деревья, растущие на берегу. Внезапно странный звук, как если бы камень ударился о металл, донесся с берега. Прямо перед удивленными матросами вспыхнуло пламя, большое пламя, которое загорелось примерно в тридцати шагах от воды. Одинокая фигура мужчины стояла у костра. Он широко развел руки, показывая, что у него нет оружия. Его лицо не освещал свет костра, но тюрбан на голове был большим, как и те, что носили вендийцы.

— Ну что ж, мы ничего не узнаем, если будем только смотреть, — сказал Конан и прыгнул за борт. Он почти по пояс окунулся в воду. Тут же Конана окатило водопадом брызг, когда рядом плюхнулся Ордо. Бородатый контрабандист схватил Конана за локоть.

— Дай мне вести разговор, киммериец. Ты никогда не умел красиво и правильно врать, за исключением, пожалуй, женщин. Правда может нам сослужить вернее здесь, но ее надо использовать правильно.

Конан кивнул, и они двинулись к песчаному берегу вместе. Ожидающий их незнакомец был действительно вендийцем, со смуглой кожей и узким, тонким носом. Большой сапфир и плюмаж из белых перьев украшали его тюрбан, и кольца с драгоценными камнями блестели на каждом пальце обеих рук. Богатая одежда из украшенного орнаментом и золотым шитьем шелка дополняла богатый вид незнакомца, хотя на ногах, как бы в контраст одежде и драгоценностям, были надеты обычные, очень поношенные сапоги для верховой езды. Взгляд темных, глубоко посаженных глаз скользнул по Конану, Ордо и перешел на корабль.

— Где Патил? — спросил незнакомец с жестким акцентом гирканца. Интонация его голоса была ровной, бесцветной и неузнаваемой; казалось, что он спрашивает о погоде или ценах на хлеб.

— Патил покинул Султанапур еще до нашего отплытия, — ответил Ордо, — и сделал это другим путем. Он, конечно, не сообщил нам свой маршрут, как ты, должно быть, понимаешь.

— Он должен был прийти с вами.

Ордо пожал плечами:

— Высший Адмирал Турана убит, и говорят, что это убийство — дело рук вендийца. Улицы в Султанапуре, скорее всего, не очень безопасны сейчас для ваших соотечественников.

Это было правдой, подумал Конан. Каждое слово было правдой, но сказано оно было, как заметил Ордо, *правильно* и в нужный момент. Вендиец слегка нахмурился, и морщинка прорезала его бровь. Он медленно кивнул.

— Ну хорошо. Ты можешь называть меня господин Сах-Ба.

— А ты можешь величать меня царь Илдиш, если тебе нужны имена, — фыркнул Ордо.

Лицо вендийца окаменело.

— Разумеется. У тебя есть с собой... товары, Илдиш?

— А у тебя есть золото? Патил говорил о большом мешке золота.

— Золото здесь, на месте, — нетерпеливо сказал Сах-Ба. — Так как же насчет сундуков, о царь Турана?

Ордо поднял высоко над головой правую руку, и от корабля отошла маленькая шлюпка с ящиками.

— Пусть твои люди пешими идут за ним, — предупредил он, — и не больше, чем четыре человека одновременно. И я хочу видеть золото, прежде чем вы заберете ящики.

Шестеро контрабандистов появились в круге света, отбрасываемого костром. У всех шестерых в руках были готовые луки, стрелы были наложены на тетиву. Вендиец невозмутимо посмотрел на них, затем поклонился Ордо, и на губах его появилась сухая усмешка.

— Ну что ж, пусть будет так, как тебе угодно.

Отступив от огня, он исчез в темноте ночи.

— Я ему не доверяю, — сказал Конан, как только вендиец ушел.

— Почему? — спросил Ордо.

— Он принял сказку о Патиле слишком легко. Разве ты на его месте не задал бы по меньшей мере несколько вопросов?

Одноглазый покачал головой.

— Возможно, — сказал он. — Смотри в оба, и мы еще сумеем выбраться из этого переплета с целой шкурой, чтобы ни случилось.

В мокрой одежде, Гурран пыхтя шел по песчаному берегу.

— Такого рода путешествие очень неудобно, — пробормотал он, протягивая свои костлявые руки к костру. — Ты говорил с этим вендийцем о противоядии, киммериец?

— Еще нет.

— И не нужно. Послушай меня, — продолжал он, увидев, что Конан раскрыл было рот, чтобы возразить. — Они могут нервничать, увидев такого силача, как ты, да еще с мечом на боку. Каким образом ты сможешь спросить их об этом, а? Знаешь, у меня есть одна идея. — К удивлению Конана, он вынул кинжал Патила из своего длинного рукава. — Я «купил» оружие у Патила, но он сказал, что у него нет противоядия. Если бы ты сам рассказал такую историю, они решили бы, что ты снял кинжал с его трупа. Если же расскажу я, они скорее поверят в то, что я переспал с одной из их дочерей, чем в то, что эти старые руки убили человека. — Он быстро спрятал в рукав кинжал, когда Сах-Ба снова вошел в круг света.

Два человека, по одежде и движениям — явно слуги, следовали за вендийцем. Эти были в тюрбанах из бледно-серого хлопка, у них не было ни колец, ни драгоценностей. Один из них нес свернутое в рулон темное шерстяное одеяло, которое он расстелил в кружке света перед костром по жесту Сах-Ба. Второй слуга нес кожаный мешок. Он наклонил мешок над одеялом. Каскад золотых монет обрушился вниз, подпрыгивая и звеня, пока целых сто золотых сверкающих кружочков не легли горкой на ковре. Конан уставился на них в изумлении. Это было, конечно, далеко не в первый раз, когда он видел такое большое количество золота сразу, но он никогда еще не видел, чтобы его предлагали с такой легкостью. Даже если эти сундуки были наполнены шафраном, они не стоили бы столько.

— Что в этих сундуках? — спросил Конан.

Улыбка тронула губы вендийца:

— Пряности.

Напряженный момент был прерван Ордо, который наклонился над кучей золота и проверил на выбор пять или шесть монет. Он внимательно осмотрел их и, попробовав на зуб, бросил обратно на одеяло.

— Я также возьму и мешок, — сказал он и крикнул через плечо: — Принесите сундуки!

Появилось с десятков контрабандистов, каждый из них нес один из маленьких сундучков. Ордо махнул рукой, и они положили свой груз на другой стороне у костра, после чего побежали обратно к кораблю. Не говоря ни слова, Сах-Ба поспешил к сундукам; слуги следовали за ним по пятам,

и еще двое людей бежали по берегу, чтобы присоединиться к нему. Конан также увидел там и Гуррана, но он не мог сказать наверняка, говорил ли старик с кем-нибудь. Встав на колени, Ордо бросал кучки монет в кожаный мешок, делая это как можно скорее. Внезапно гневный крик послышался от группы людей, стоявших вокруг сундуков. Контрабандисты, которые уже подходили к ним с остальными сундуками, замерли на месте. Рука Конана скользнула по рукоятке меча, когда Сах-Ба ворвался в освещенный круг.

— Печати! — завыл вендиец. — Они были сломаны и снова соединены!

Рука Ордо дернулась, как будто он собирался бросить последние монеты и потянуться за оружием.

— Патил сделал это в тот день, когда ушел в обратный путь, — сказал он быстро. — Я не знаю, почему он это сделал. Проверь сундуки, и ты увидишь, что мы ничего не взяли.

Кулаки вендийца сжимались и разжимались, а взгляд кипел бессильной яростью.

— Хорошо, — наконец резко бросил он. — Хорошо. Но я проверю *каждый* сундук лично. — Его пальцы еще конвульсивно дрожали, когда он быстро отошел в сторону.

— Ты был прав, киммериец, — сказал Ордо. — Он не должен был так легко примириться с этим.

— Я рад, что ты согласился, — сказал сухо Конан. — А теперь вот что — ты не считаешь, что этот огонь делает нас такой мишенью, в какую может попасть и ребенок?

— Да, я тоже об этом подумал. — Одноглазый резко затянул завязки мешка и привязал его к поясу. — Давай вернемся со всеми на борт корабля — и как можно скорее.

Сах-Ба уже исчез, заметил Конан, так же, как и первые десять сундуков. Люди в тюрбанах настороженно ожидали остальные сундуки. Это были десять сундуков, а не четыре, как было оговорено, но киммериец не собирался сейчас спорить из-за этого.

Гурран был среди вендийцев, разговаривал и махал руками. Конан надеялся, что гербариус нашел то, что им было нужно. Но для наблюдений у него не было слишком много времени. С нарочитым спокойствием Конан подошел к контрабандистам, которые поджидали недалеко от корабля. Позади них некоторые из лучников уже наполовину натянули свои луки, хотя все еще держали оружие, опустив его вниз.

— Что это был за крик? — требовательно спросил Пританис.

— Неприятность... — ответил Конан. — Но я не думаю, что они атакуют прежде, чем получат свои сундуки и доста-

вят их в безопасное место. Разумеется, если только они не решат, что мы что-то затеваем. Поэтому возьмите сундуки, а потом идите к кораблю как можно скорее, но не бегите. И захватите с собой Гуррана.

— Ты пойдешь на судно сейчас, а? — ядовито усмехнулся Пританис. Волна тревоги пробежала по контрабандистам, стоящим рядом. Конан с усилием подавил гнев и сказал невозмутимо:

— Я останусь здесь, пока вы не вернетесь, как если бы мы доверяем вендийцам как братьям. Они уже теряют терпение, Пританис. Разве ты не хочешь получить шанс покинуть этот берег без схватки?

Немедиец все еще колебался, но другой матрос пробежал мимо него, затем еще один и еще. Бросив злобный взгляд на гиганта киммерийца, Пританис присоединился к остальным. Обхватив руками сундук, Конан пытался создать впечатление безмятежного человека, одновременно пристально глядя вокруг, ожидая атаки, которая, как он чувствовал, последует очень скоро. Отряд контрабандистов встретил стоящих в смятении вендийцев, сундуки поменяли владельцев, перешли из рук в руки, и обе группы разошлись в противоположных направлениях. У контрабандистов был куда более короткий путь до корабля. Как раз в эту минуту один из вендийцев оглянулся назад, сказав что-то своим войнам, и они бросились врассыпную, неловко придерживая свою ношу.

— Бегите! — крикнул Конан контрабандистам, и в этот момент они повиновались ему без споров; двое из них помогали бежать Гуррану. Ритмичный топот донесся до Конана, когда он уже вынимал меч из ножен. Киммериец подавил желание выругаться, крикнув вместо этого своим людям:

— Берегитесь всадников!

У лучников едва хватило времени, чтобы поднять луки, прежде чем с десятков всадников в тюрбанах, шлемах, кольчугах и с опущенными тяжелыми копьями галопом вынеслись из-за дюн. Тетивы луков хлестнули по кожаным перчаткам лучников, и пятеро врагов свалились с седел. Остальные, один из которых был ранен, резко дернули свои поводья и умчались в темноту. У вендийцев были также и свои лучники, но их мишенями были не люди. Горящие стрелы, освещая все вокруг, неслись к кораблю. Одни с шипением падали в море, другие впились в деревянный борт судна. У Конана не было времени тревожиться о корабле или о чем бы то ни было другом. Двое всадников галопом выскочили из темноты, низко пригнувшись в седлах, и казалось, что они скачут плечом к плечу, как бы соревнуясь

друг с другом — кто первый сумеет насадить киммерийца на копье. Зарычав, Конан прыгнул в сторону, ускользнув от копий с длинными железными наконечниками. Двое всадников попытались одновременно взять Конана в кольцо, но он вырвался из него, подскочив сбоку к одному из нападавших. Меч ударил по металлической бляхе на позолоченной кольчуге и, скользя вниз, впился между кольчужными звеньями. Одновременно с тем, как лезвие пробило ребра и сердце всадника, Конан уже пытался вскочить на лошадь, бросая мертвое тело воина и самого себя против второго противника. Глаза второго вендийца выпучились от изумления под шлемом, прикрывающим голову и лицо; он швырнул на землю копье и схватился было за тулвар. Конан обхватил его одной рукой, одновременно пытаясь вытащить свой меч из тела мертвеца, и двое лошадей, соединенных тремя звеньями — телами, рухнули в дикой пляске на песок. В одно и то же мгновение лезвие меча Конана и тулвара вендийца освободились. В темных глазах врага появился страх, вендиец отчаянно схватился за саблю и нанес рубящий удар. Конан увернулся, а затем, изловчившись, погрузил меч в смуглую шею противника, как если бы он закалял кинжал в крови врага.

Схватка с вендийцами-всадниками отнесла Конана довольно далеко от места, где началось сражение. Когда киммериец оглянулся назад, то, что он увидел, не было приятным зрелищем. Тела людей усеивали песчаный берег, и нельзя было точно сказать, сколько трупов принадлежали контрабандистам, а сколько — врагам. Кроме того, Конан не видел ни одного конника или стоящего пешим человека. Хуже всего, однако, было то, что корма корабля уже пылала. Конан увидел, что мужчина с ведром воды отражался силуэтом на фоне языков пламени. Как только Конан заметил его, человек бросил ведро, схватился за борт обеими руками и рухнул в огонь.

«Это не Ордо», — подумал Конан.

Одноглазый был слишком умным человеком, чтобы делать подобные вещи, когда вокруг шныряют вражеские лучники. Конан вдруг понял, что огонь на корабле также дал значительно больше света на песчаном берегу, чем было до этого. Киммериец не был так же хорошо освещен пожаром, как человек на судне, но и он не мог считать себя полностью защищенным ночной темнотой от вендийских лучников. Всегда лучше быть охотником, чем дичью. Похоже, что и враги не остались на том месте, где находился сейчас Конан. Согнувшись почти пополам, он побежал к дюнам... и бросился лицом в песок на крутом склоне, чтобы его не обна-

ружили, когда почти два десятка всадников появились перед ним.

«На этот раз, — подумал он горько, — мне попалось несколько больше врагов, чем я надеялся увидеть».

Он было подумал о том, чтобы незаметно отползти в сторону, когда вдруг услышал разговор вендийцев.

— Все ли сундуки погружены на вьючных животных? — требовательно спросил хриплый, жесткий голос.

— Да.

— А где Сах-Ба?

— Мертв. Он хотел захватить одноглазого живым, чтобы узнать, что тот скажет под пыткой горячим железом. Но контрабандист утопил его в волнах прибоя и спасся.

Конан улыбнулся обоим фразам.

— Ну и пес с ним, туда ему и дорога, — сказал жесткий голос. — Я говорил с самого начала, что мы должны были броситься на них, как только сундуки появились у них в руках. Сах-Ба всегда все усложнял, чтоб его душу съела Катар. Я думаю, что он начал верить в то, что он действительно повелитель, со всеми своими секретами, заговорами и интригами.

— Это уже не имеет значения. Сах-Ба мертв, и скоро мы переловим всех этих змей.

— Ты предлагаешь нам ждать *так* долго? — спросил жесткий голос. — Как ты думаешь, как долго будет нас ждать караван?

— Но Сах-Ба сказал, что мы должны убить их, всех до одного. И кроме того, у них осталось золото.

— Ты думаешь, что приказы мертвеца и сотня золотых стоят усилий и времени? — усмехнулся человек с жестким голосом. — Подумай вместо этого о том, какой прием нам окажут, если эти сундуки не достигнут Айодхьи в целости и сохранности. А тогда нам лучше присоединиться к Сах-Ба.

Гробовое молчание было ответом на эти слова. Конан почувствовал согласие, которое исходило от тех, кто слушал этот разговор. Как бы подчеркивая, что дальнейшие слова лишни, вендийцы дернули за узду своих лошадей, повернув в обратную сторону, и поскакали галопом назад. Через несколько секунд Конан услышал, как другие всадники присоединились к ним и они все поскакали на юг. В том, что услышал от вендийцев киммериец, было много нового, и это нужно было серьезно обдумать. Во-первых, эти проклятые сундуки, казалось, были очень важными по своему значению каждый раз, когда кто-то говорил о них. Но в эту минуту, решил Конан, у него были куда более неотложные дела, о которых нужно было

позаботиться. Половина корабля уже пылала к тому времени, когда Конан достиг берега. В свете огня Ордо и еще трое контрабандистов были отчетливо видны, они отчаянно бросали воду из ведер и бадей в пламя. С таким же отчаянием они смотрели на берег.

— Вендийцы ушли! — крикнул Конан. Схватившись за канат, он прыгнул на палубу. Языки пламени уже лизали парус.

— Чтоб Эрлик испепелил тебя! — завыл одноглазый. — Это мой корабль!

Одна из коз была мертва — стрела пронзила ей горло. У нас будет не слишком много еды, подумал Конан и бросил козу на берег. Вторая коза, живая, последовала за первой, чуть не свалившись на голову Ордо.

— Мой корабль! — простонал он. — Карела!

— У тебя будет другой корабль. — Конан опустил клетку с живыми голубями и встретил глазами гневный взгляд Ордо. — У тебя будет другой корабль, мой друг, но с этим уже все кончено.

Ордо со стоном взял плетеную сетку.

— Уходи с корабля, киммериец, иначе и ты сгоришь.

Но вместо этого Конан начал хватать все, что еще не горело, — связки канатов и веревок, бурдюки с водой, мешки с личными вещами — и бросать их на берег. Они очутились в чужой стране, что означало, скорее всего, враждебную землю, и любой провиант и вещи, которые у них были, могли быть получены из горящего корабля. Жар становился нестерпимым, когда пламя подходило совсем близко. Смола из пазов корабля растопилась и стала гореть, наполняя воздух удушливым черным дымом. Только когда уже стало невозможно еще что-нибудь спасти, Конан оставил пылающий корабль, спрыгнув на берег. Разбрызгивая воду, он сел на колени, отчаянно кашляя. Через некоторое время он вдруг понял, что рядом стоит Гурран. Сухие, пергаментные руки гербариста сжимали кожаную сумку с длинным ремешком.

— Я очень сожалею, — сказал Гурран, — что ни у кого из вендийцев не оказалось противоядия, которое тебе нужно. Хотя, так как они явно собирались убить нас, вполне возможно, что они лгали. В любом случае, я проверю и обыщу их тела. На всякий случай. Но я могу заверить тебя, что у меня есть все, что надо, чтобы держать тебя в живых до того момента, когда мы достигнем Вендии.

Конан пробежал глазами по берегу. Мертвые и раненые люди усеивали песок. Горстка контрабандистов неуверенно выходила из темноты. Позади, как громадный костер, пылал корабль.

— До того момента, когда мы достигнем Вендии, — сказал Конан мрачно.

Пока последние языки пламени потухали на останках корабля контрабандистов, Джелал тихонько отошел в дюны, держа под мышкой сумку из грубой шерстяной материи. Остальные были слишком утомлены, чтобы заметить его, да и кроме того, он сделал это очень быстро и ловко. Он нашел на ощупь поваленные деревья и кусты, разбросанные в низких песчаных холмах и маленькой ложбине, хорошо укрытой от пляжа, развел небольшой костер. Кремень и кресало снова вернулись в его сумку, а вместо них в его руке оказались маленькая, плотно закупоренная бронзовая чернильница, короткое, остро оцинное гусиное перо и тонкие полосы пергамента.

Так быстро, как это было возможно, без того, чтобы не порвать пергамент, Джелал стал писать: «Мой господин, кажется, я случайно попал на след. Если бы я думал, что это не так, то это было бы слишком большим совпадением во всех случившихся событиях. Пока у меня нет еще ответов, а только больше новых вопросов. Как вы и опасались, следы ведут в Вендию, и я последую туда, чтобы окончательно разрешить все вопросы».

Что-то зашуршало в темноте, и Джелал быстро бросил горсть песка на крошечный костер, потушив его и погрузив все вокруг в темноту. Легкий запах дыма и горящего дерева в воздухе легко было спутать с запахом обугленных останков корабля. На мгновение Джелал затаил дыхание, прислушиваясь к тому, что было вокруг. Сейчас у него не было никакой нужды рисковать. Подписав письмо на ощупь, он снова сложил письменные принадлежности в мешок и скатал в тонкую трубочку клочок пергамента. Затем вытащил из шерстяной сумки голубя. Это была просто удача — взять с собой голубей на корабль, и еще большей удачей было то, что их всех еще не успели съесть. Он быстро привязал пергаментную трубочку к ноге голубя и подбросил его в воздух. Птица захлопала крыльями, набирая высоту, и исчезла, неся первое донесение к господину Халиду в Султанапур. Джелал знал, что это донесение говорило об очень немногом. Но если те события и вещи, которые он пока видел, прояснились бы

более отчетливо, он поклялся, что проследит за тем, чтобы Конан и Ордо были возвращены в Туран и их головы украсили бы пики у Ворот Чужеземцев.

Глава 8

Виз, к югу, течение Зарпапа становилось серым, медленным и унылым, так как тяжелые свинцовые облака заслоняли солнце и пропускали только несколько лучей, которые почти не оживляли безжизненную местность. Притаившись, сидя на корточках, Конан наблюдал, как *бхалканийский* жеребец щипал редкие кустики жесткой травы возле маленького дубка. Конан прикидывал в уме, насколько спокойна лошадь и можно ли сделать новую попытку. Высокое седло черного жеребца было украшено серебряными пластинками, и ленты из красного шелка свисали с уздечки. Очень осторожно и медленно киммериец выпрямился. Лошадь насторожилась, повела ушами, но продолжала щипать траву, не придав большого значения шуму. Песок захрустел под ногами Конана, когда он стал медленно приближаться к коню. Его рука коснулась поводьев... и жеребец, казалось, взорвался. Конана подбросило в воздух от диких прыжков коня, но киммериец не выпустил из рук уздечки. Он извернулся, как кошка, и прыгнул коню на спину, схватив правой рукой гриву животного. Жеребец склонил голову, и добавочный вес человека пригнул его колени. Снова поднявшись на ноги, лошадь яростно стала трясти головой. Дико ржа и храпя, животное прыгнуло в воздух, пытаясь сбросить седока, но Конан вцепился яростно и крепко. Он знал, что должен это делать, так как рано или поздно животное начнет уставать.

Прыжки вскоре стали короче, да и на дыбы лошадь поднималась через гораздо большие промежутки времени. Внезапно жеребец замер, раздвывая ноздри и тяжело дыша, бока его ходили ходуном. Животное еще не покорилось до конца, и Конан это знал. Конь уставился на Конана горящими глазами, и в этих глазах горела сила воли и непокорность. Вопрос был не в том, решил жеребец или нет подчиниться седоку. Конан не доверял коню ни на секунду и не отпускал поводья, зная, что видимость спокойствия вполне могла быть уловкой. С невероятной осторожностью киммериец прыгнул коню на спину, а потом уселся в седле. Жеребец только вздрогнул и переступил ногами, когда Конан взял в руки уздцы, украшенные красными лентами. Конан наконец позволил себе расслабиться и погладить шелковистую, выгнутую ду-

гой шею и мягко направил коня легкой рысью по направлению к берегу моря.

Обгорелые шпангоуты корабля, омываемые пенистым прибоем, торчали как громадные ребра какого-то неведомого животного. Легкий дымок еще поднимался над остовом судна, напоминая о страшной ночной атаке. Примерно в трехстах шагах к северу черные вороны описывали круги над дюнами. Видимо, воронье намеревалось оспаривать добычу у больших грифов, которые уже спускались к телам, лежащим неподвижно на песчаном берегу. Никто из контрабандистов не собирался копать могилы для убитых вендийцев, после того как были выкопаны три могилы для своих товарищей. Ситуация на песчаном пляже изменилась с тех пор, как Конан ушел искать лошадь. Тогда контрабандисты сидели вокруг костра, где на вертеле жарилась последняя из убитых стрелами коз. Теперь же люди стояли тремя отделенными друг от друга группами. Семеро уцелевших, тех, кто еще раньше плывал с Ордо, образовали первую группу, сгрудившись вместе и что-то шепча друг другу. Те же, кто присоединился к Ордо в ночь, когда корабль покинул Султанапур, образовали вторую группу. Все они выглядели усталыми, а их лица были покрыты сажей, у многих белели свежие повязки на ранах. Третья группа состояла из Ордо и Гуррана. Они стояли у восьми вендийских лошадей, которых контрабандисты ловили все утро. Ордо зло смотрел на новичков и старых испытанных товарищей без различия, в то время как по выражению лица гербариуса можно было подумать, что все, что ему было нужно, это теплая мягкая постель.

Когда Конан соскочил с седла и подошел к Ордо, Пританис выскочил из круга ветеранов.

— Девять лошадей, — провозгласил немедиец. Его голос был громким и повелительным, но направлен был только к его шести приятелям. — Девять лошадей для трех и двадцать человек.

Новички недовольно зашевелились, так как цифры явно говорили о том, как решил считать Пританис. Если их оставили вне счета, то рядом можно было поймать еще других лошадей.

— Что случилось с твоей ногой? — мягко спросил Конан.

Ордо фыркнул:

— Он попытался схватить лошадь, и она наступила на него. Лошадь после этого ускакала.

— Посмотрите на нас! — кричал Пританис, резко повернувшись и бросив злобный взгляд на Конана и Ордо. — Мы пришли сюда за золотом, как вы нас и уговаривали, и вот мы стоим здесь, наш корабль — груда пепла, трое из

наших людей мертвы, и между нами и Султанапуром находится Вилайет.

— Мы пришли за золотом, и оно есть у нас! — громко кричал в ответ Ордо. Он хлопнул по туго набитому мешку, привязанному к поясу; тяжелый мешок оттянул кожаный пояс ниже бедра. — Что касается мертвых, то человек, который присоединяется к Береговому Братству, ожидает не большей опасности, чем стать *настоящим* рыбаком. Или ты уже забыл другие случаи, когда мы хоронили наших товарищей?

Немедиец, казалось, был слегка растерян тем, что золото все еще было у них. Ему теперь было бы намного труднее противостоять и спорить с Ордо, чтобы поднять против него людей, так как золото было у одноглазого, а это само по себе было веским доводом. Губы немедийца дрожали, и Пританис гневно огляделся по сторонам, пока его глаза не остановились на Гурране.

— Это старик во всем виноват! — злобно кричал Пританис. — Я видел его среди вендийцев, он разговаривал с ними. Что он такого сказал, чтобы поднять их против нас?

— Глупец! — сплюнул Гурран, и холод, отразившийся на его костлявом худом лице был ошеломляющим. — С какой стати мне нужно было натравлять их на вас? Меч может разрубить мою голову так же хорошо, как и твою, а мое желание жить так же велико, как и твое. Ты глупец, немедиец, и ты напыщенно декламируешь свою глупость, потому что обвинять других за свои беды куда легче, чем найти решение, как их исправить.

Все стоявшие вокруг усталились в изумлении на эту вспышку, и Пританис был поражен больше всех. Поблудневший от гнева, немедиец протянул свою когтистую руку к тщедушному старику, который с презрением взирал на него. Конан обнажил меч, никому не угрожая, а только держа оружие в руках. Рука Пританиса остановилась, не коснувшись коричневого халата Гуррана.

— Если ты хочешь что-то сказать, тогда говори, — сказал спокойно Конан. — Но только попробуй коснуться Гуррана, и я отрублю твою дурную башку.

Немедиец резко отдернул руку и что-то пробормотал сквозь зубы.

— Громче, — приказал Конан. — Пусть все услышат.

Пританис глубоко вздохнул:

— Каким образом девять лошадей смогут перевезти двадцать человек в Султанапур?

— Они не смогут это сделать, — ответил Конан. — Одна лошадь направляется в Вендию со мной, а другая — для Гуррана.

— По лошади для каждого из вас, в то время как мы... — Немедиец отступил на шаг назад, когда Конан поднял свой меч.

— Если ты так хочешь этих коней, — мрачно проговорил Конан, — тогда попробуй их сперва получить. Что касается меня, то мне они действительно очень нужны.

Рука Пританиса очень медленно скользнула к рукояти сабли, но глаза метнулись в сторону, как бы желая найти поддержку у тех, кто был позади него, но не желая быть настолько очевидным в своих мыслях и действиях, чтобы смотреть через плечо.

— В Вендию пойдут четыре лошади, — быстро бросил Ордо. — По меньшей мере четыре. Я поеду на одной из них, и нам нужна еще одна для припасов. Любой, кто пойдет с нами, тоже получит лошадь, так как наш путь куда более дальний и трудный. Те лошади, что останутся, перейдут к тем, кто хочет вернуться в Султанапур. Я дам каждому человеку его долю вендийского золота, прежде чем мы расстанемся. Это должно помочь вам купить лошадей, которые необходимы, прежде чем вы достигнете Хоарезма...

— Хоарезм! — воскликнул Пританис.

— ...возможно раньше, — продолжал Ордо, как если бы никто не прерывал его. — На больших дорогах можно встретить караваны из Колкианских гор.

Немедиец, казалось, собирался спорить и дальше, но Балис подошел к ним, оттолкнув плечом Пританиса.

— Это вполне честно, Ордо, — сказал безликий контрабандист. — Я говорю так и за других. По крайней мере от лица тех, кто был с тобой и раньше. Это только Пританис всегда кричит, жалуется и затевает свару. Что касается Энама и меня, то мы решили, что пойдём с тобой.

— Да, — согласился суровый и мрачный шемит. Его голос вполне подходил к его внешности. — Пританис может идти один, если он хочет, и пусть забирает свое скуление и жалобы вместе с собой. Он может идти прямо в Девять Адов Зандру, мне на него наплевать.

Другая группа, в которой были новички, давно уже гудела и шепталась между собой все это время. Теперь же Хасан зарычал своим приятелям «Хватит!» и отодвинулся от них.

— Я тоже хочу пойти с тобой, — сказал он Ордо. — Скорее всего у меня не будет второго шанса увидеть Вендию.

Шамил следовал за ним почти по пятам, стоя у него за спиной.

— И я тоже хотел бы увидеть Вендию. Я присоединился к тебе из-за золота и жажды приключений, а похоже, что ни то ни другое не ожидает нас по пути в Султанапур. Что касается Вендии... ну что ж, мы слышали, что даже у бродяг

там есть золотые кольца. Возможно, — добавил он со смехом, — кое-что из этого золота прилипнет к моим рукам.

Что касается остальных новичков, то их, похоже, не слишком привлекало богатство Вендии, и когда до них дошло, что только одна лошадь останется для тех, кто возвращается назад, они упали духом и погрузились в мрачное молчание, осев на песок, как полупустые мешки. Опытные, испытанные ветераны-контрабандисты уже видели перед своими глазами их стоптанные сапоги и сандалии, когда им предстоит долгая дорога вокруг Вилайета. Пританис, казалось, был ошеломлен таким внезапным поворотом событий. Он зло смотрел по сторонам, глядя на людей вокруг, на сгоревший корабль, на лошадей и наконец тяжело вздохнул:

— Ну хорошо. Тогда и я пойду с тобой, Ордо.

Конан открыл было рот, чтобы отказать ему, но Ордо вмешался и опередил его:

— Ну что ж, я только могу приветствовать это, Пританис. Ты неплохо действуешь в опасной обстановке. Остальные пусть разделят припасы. Чем раньше мы выступим в путь, тем быстрее мы достигнем своей цели. Ты пойдешь со мной, киммериец. Нам нужно составить какой-то план действий.

Конан позволил ему оторвать себя от остальных, но как только они отошли на достаточное расстояние, киммериец заговорил:

— Ты был прав, говоря о Пританисе еще в Султанапуре. Я должен был уже тогда разбить ему голову или перерезать горло. Все, что он хочет, — это последнюю лошадь для самого себя, вместо того чтобы поделиться ими. И возможно, также стянуть остаток золота.

— Я не сомневаюсь в том, что ты говоришь истинную правду, — ответил Ордо. — По крайней мере, что касается лошади. Но поверь мне, хотя у меня только один глаз. Пока ты и Пританис смотрели друг на друга, я наблюдал за новичками.

— Какое они имеют отношение к немедийцу? Сомневаюсь, что они доверяют ему больше, чем я ему.

— Даже меньше, без сомнения. Но они не слишком уверены в том, что хотят отправиться в путь пешком. И тут не потребуется большой искры, чтобы зажечь пламя. Скажем, если ты и Пританис решите зарубить друг друга, половина из них тут же бросится за лошадьми. И тогда, вместо того чтобы отправиться в Вендию, мы станем убивать друг друга на этом проклятом Митрой берегу.

Конан мрачно кивнул:

— Ты видишь гораздо больше своим единственным гла-

зом, чем многие — двумя, мой друг. Карела могла бы гордиться тобой.

Бородач почесал нос и фыркнул:

— Возможно. Пошли. Они будут ждать свое золото и, вероятно, думать, что должны получить в два раза больше.

Золото — три монеты, положенные в мозолистую ладонь каждого человека, не вызвало никаких споров, хотя несколько человек бросили острые взгляды на кожаный мешок, который был привязан к поясу Ордо рядом с мечом. Судя по тому, что мешок уже не так оттягивал пояс, было ясно, что Ордо поделился со всеми честно, отдав большинство из содержимого мешка. Однако разделение припасов вызвало куда большую неразбериху. Конан был удивлен, как много шума может возникнуть из-за сушеного яблока, испорченного жарой и соленой водой, или мотка веревки, которую в настоящий момент явно нельзя было использовать. В конце концов бурдюки с водой, одеяла и прочее были распределены пропорционально количеству людей. Оставшаяся живая коза и то мясо, что осталось от поджаренной козы, убитой стрелой, перешли к тем, кто тешил вернуться в Султанапур и должен был идти пешком. Клетка с голубями была припорочена к запасной лошади, вместе с торбой зерна.

— Лучше дать зерно лошадям, — проворчал Конан, — и питаться тем, что мы сможем поймать.

Он повесил кожаные стремяна на серую в яблоках лошадь, которую поймал в этот день, и наклонился, чтобы подтянуть подпругу.

Две группы теперь уже разделились окончательно. Те, кто собирался идти в Вендию, проверяли своих лошадей, в то время как люди, возвращающиеся в Султанапур, упаковывали в вещевые мешки их долю провизии и вещей, шепчась неуверенно о чем-то друг с другом.

— Милосердие Митры, киммериец, — сказал Ордо. — Иногда бывают минуты, когда я думаю, что ты делаешь все, что можешь, чтобы избежать даже минимального комфорта и удобств. Я думаю, как о высшем благе, об ошипанном голубе, поджаренном на костре сегодня вечером.

Конан хмыкнул:

— Если мы будем меньше обращать внимание на наши животы и больше на то, чтобы побыстрее скакать, тогда мы сможем нагнать этот караван к наступлению ночи. Вендийцы говорили, что он не слишком далеко отсюда.

— Это, — сказал Гурран, неловко взяв в обе руки поводья и направив свою лошадь вперед, — был бы неплохой способ добраться до Вендии. Мы могли бы путешествовать в безопасности и комфорте.

Как бы сообразив, что он вторгся в чужой разговор, Гурран виновато улыбнулся и снова ушел вперед.

— Этот старик, — пробормотал Ордо, — начинает испытывать мое терпение и действует мне на нервы. Вендийцы перебили моих людей, мое судно сгорело, и несмотря на все это, для него, кажется, ничего не имеет значения, кроме того, чтобы достичь Вендии.

— Его эгоизм меня мало волнует, — сказал Конан, — хотя я был бы очень рад, если бы смог обходиться без его лекарств.

Одноглазый почесал бороду.

— А знаешь, наверно, лучше всего было бы просто забыть об этом караване. Если люди, с которыми мы сражались прошлой ночью, вернулись, чтобы присоединиться к нему, это наверняка принесет нам беду. Мы будем чужеземцами для них, а они уже стали спутниками каравана.

— Да, наверное, это так, — ответил Конан. — Но ты прекрасно знаешь, что одного противоядия недостаточно для меня. Меня пытались убить из-за каких-то сундуков, которые явно стоят больше, чем их содержимое. Я хочу узнать, почему это сделали, и ответ на это связан с этими сундуками.

— Будь поосторожнее, Конан. Ты немногого достигнешь, если тебя насадят на вендийское копьё.

— Мы пытались быть осторожными вчера ночью. С этого момента пусть они поостерегутся меня.

Конан прыгнул в седло и ухватился за высокую луку седла, когда внезапно голова у него закружилась. Он мрачно заставил себя выпрямиться.

— Пусть теперь они поостерегутся меня, — повторил киммериец и ударил сапогами в бока бхалканийского жеребца, направив его вперед.

Глава 9

Песчаные дюны вскоре уступили место степи с жесткой редкой травой и низкими безлюдными холмами. Небольшие кусты с колючками и островки чертополоха усеивали местность, на востоке можно было разглядеть высокие деревья, растущие вдоль берегов Зарпаша. На юге виднелись серые вершины Колкианских гор, длинной темной цепью очерчивающие горизонт. Солнце быстро поднималось на небосклоне — пылающий золотой шар в безоблачном небе, который нес испепеляющий зной, иссушающий, вытягивающий влагу из людей и почвы. В

течение всего дня Конан вел отряд, не замедляя шага, той скоростью, какую могли выдержать лошади до наступления темноты. И он собирался идти такой скоростью, если это было бы необходимо, сколь угодно долго, несмотря на жару. Цепкие, острые глаза киммерийца легко подмечали следы, оставленные вендийцами и их выючными мулами. Караванщики не сделали ни малейшей попытки скрыть их. Человек с грубым, жестким голосом, видимо, беспокоился только о скорости, а не маловероятной возможности того, что кто-то пойдет по следу каравана.

Энам и Шамил оказались очень умелыми лучниками, делая быстрые вылазки по пути следования отряда и охотясь на животных. Очень скоро с десяток длинных коричневых зайцев свисало с их седел. Киммериец не обращал внимания на предложения остановиться в полдень и изжарить зайцев. Он еще терпел остановки, чтобы напоить лошадей из сложенных пригоршней рук, но, как только он затыкал затычку бурдюка с водой, отряд снова двигался в путь. Как всегда, они шли к югу, немного отклоняясь к востоку, чтобы далеко не уйти от Зарпаша. Они шли и шли по следам двадцати всадников и нескольких выючных мулов.

Солнце уже передвинулось к западу, окрасив горы в золотые и пурпурные тона, а Конан безостановочно вел отряд вперед. Небо стало быстро темнеть, и легкое мерцание звездочки появилось в сгущающихся сумерках. Пританис был теперь не одним, кто что-то бормотал. Ордо и даже Гурран присоединились к нему.

— Мы не достигнем Вендии, если будем ехать, пока не свалимся мертвыми с седел, — простонал старый гербариус. Он зашевелился в седле и нахмурился. — И тебе, Конан, это тоже не принесет пользы, если мои мышцы одеременеют и мои кости будут так болеть, что я не смогу смешивать порошок, который сохраняет твою жизнь.

— Послушай его, киммериец, — сказал Ордо. — Мы не можем проделать все путешествие за один день.

— Неужели один день похода так утомил тебя? — засмеялся Конан. — Тебя, который когда-то был грозой и бичом заморанских степей?

— Я привык к палубе больше, чем к седлу, — уныло признался одноглазый. — Но пусть Эрлик испепелит всех нас, даже ты не сможешь увидеть следы, которые по твоим уверениям ты видишь. Я верю, что ты многое замечаешь своими проклятыми северными глазами, но только не сейчас.

— Мне совсем не нужно видеть следы, — ответил Конан, — когда я могу видеть вот это. — Он указал рукой вперед. Маленькие огоньки света едва виднелись в сгущающейся

темноте. — Или ты стал уже так стар, что больше не можешь отличить звезды от походных костров?

Ордо усталился на них, подергав себя за бороду, и наконец хмыкнул:

— Лига *, может, чуть больше. Сейчас уже почти совсем стемнело. Стражники каравана не очень обрадуются незнакомцам, приближающимся из темноты.

— По крайней мере я буду уверен в том, что это тот караван, который нам нужен, — ответил Конан.

— Из-за тебя мы все погибнем, — громко проворчал Пританис. — Я говорил это с самого начала. Это дурацкая затея, и мы все погибнем.

Конан игнорировал его слова, однако замедлил бег своего коня до легкой трусцы, когда отряд стал подходить ближе к кострам. Костры были разбросаны как огни маленького города. Конан видел в своей жизни немало городов, занимающих куда более меньшее пространство. У такого большого каравана должна быть большая охрана. Конан начал петь; правда, не совсем в лад, пьяную песню из таверны в Султанапуре, которая говорила о невероятных приключениях девки и еще более невероятных обстоятельствах, сопутствующих этому.

— Во имя Митры, что ты делаешь?.. — зарычал недоуменно Ордо.

— Пой, — сказал Конан, останавливаясь. — Люди с дурными намерениями не станут заявлять о себе за пол-лиги от каравана. Ты ведь не хочешь, чтобы часовой пустил тебе в лоб стрелу только потому, что ты внезапно появился перед ним из ночи, верно? Пой.

Конан снова начал петь, и через несколько секунд все остальные тоже нестройным хором присоединились к голосу киммерийца, за исключением Гуррана, который с явным неодобрением фыркнул при сальных словечках кабацкой песни. Непристойная песня звенела в темноте ночи, когда вдруг около двадцати всадников, звеня кольчугами, выскочили из темноты и окружили отряд Конана, нацелив луки и копья. На большинстве солдат были туранские одежды, хотя и очень пестрые. Конан заметил коринфийскую нагрудную бляху и шлемы из других стран. Он прервал пение и скрестил руки на луке седла. Остальные члены отряда также замерли на полуслове.

— Интересная песня, — зарычал один из копеечников, — но кто вы, во имя Девяти Адов Зандру, и почему поете здесь?

* Лига — мера длины, около 4 километров.

Это был высокий человек, черты его лица были скрыты за высоким заморанским шлемом с носовой накладкой. Но по крайней мере, его голос не был тем жестким, грубым голосом, который уже однажды слышал Конан.

— Путешественники, — ответил Конан, — идущие в Вендию. Если вы также идете в этом направлении, возможно, вам понадобятся несколько лишних мечей.

Высокий копейщик засмеялся:

— У нас есть больше мечей, чем нужно, незнакомец. Несколько дней назад сам Карим Сингх, *вазам* Вендии, присоединился к этому каравану с пятьюстами всадников вендийской кавалерии, посланной эскортировать его на побережье Вилайета.

— Довольно много солдат, — сказал Конан, — когда вы находитесь так близко от Турана. Я думал, что они остались за Секандерамом.

— Я скажу об этом Илдизу, когда встречу с ним в следующий раз, — сухо ответил копейщик. Несколько солдат засмеялись, однако оружие не опустили.

— У вас есть другие вновь прибывшие в караване? — спросил Конан.

— Станный вопрос. Ты ищешь кого-нибудь?

Конан покачал головой, будто не заметив звона кольчуг на внезапно напрягшихся воинах. На длинных и часто очень опасных дорогах между городами, где действовало только одно право — право сильного, караваны всегда защищали себя от чужаков, независимо от того, что бы они ни говорили и каких богов ни поминали.

— Я хочу добраться до Вендии, — пояснил Конан. — Но если в караване есть и другие, прибывшие недавно, возможно, им нужны охранники. Может быть, некоторые из ваших купцов чувствуют себя не совсем уютно из-за присутствия пятиста вооруженных вендийцев. У солдат всегда были свои собственные идеи о том, какие нужно собирать налоги.

Копейщик выдохнул воздух, что говорило о том, что эта идея не была новой для него. Караваны платили один налог таможенникам и еще один — солдатам, которые казалось бы должны охранять их.

— Восемь мечей, — пробормотал он, покачивая головой. — Сорок человек и три группы купцов в этом караване, незнакомец, включая семерых, которые присоединились к нам с того момента, как мы обогнули южную оконечность Вилайета. И всегда есть такие, не примите это за оскорбление, которые хотят предпринять путешествие в одиночку, пока не увидят голые дюны у Зарпаша перед собой и не поймут, что впереди лежат Гимелеи, до которых надо еще дойти. И тогда они рвутся присоединиться к первому же появивше-

муся каравану, если конечно повезет и караван действительно появится. Я передам кому надо о вашем присутствии, но вы должны понять, что я не могу позволить вам приблизиться к каравану ночью. Как мне называть тебя, незнакомец?

— Скажи им, что меня зовут Патил, — ответил Конан. Ордо тихо застонал, стиснув зубы.

— Меня зовут Горио, — сказал копейщик, — капитан и командир охранников каравана. Запомни, Патил: держи своих людей подальше от каравана до первых лучей солнца. — Резко подняв свое копые, он повернул своего коня и повел стражников галопом к караванным огням.

— Ну что ж, это место не хуже любого другого, — заметил Конан, соскочив с коня. — Балис, поищи что-нибудь, что может гореть, и тогда мы сможем сделать себе неплохой ужин из подстреленных зайцев. Жаль, что нам совсем не удалось спасти вина из корабля.

— Он сошел с ума, — объявил Пританис, глядя в черное ночное небо. — Он дал им имя, которое бросит на нас людей с мечами в руках, а теперь мечтает о вине и жареном зайце.

— Хотя мне очень неприятно соглашаться с Пританисом, — проворчал Ордо, — но на этот раз он прав. Если ты решил дать чужое имя, а не свое (хотя, клянусь костями Митры, я не могу понять почему), мог бы по крайней мере выбрать другое имя?

— Киммериец умен, — засмеялся Балис. — Когда ты охотишься на крыс, ты насаживаешь приманку из сыра. Это тот сыр, который вендийские крысы не могут не учуять.

Конан кивнул:

— Он прав, Ордо. В этом караване не меньше тысячи человек. Теперь же мне не нужно будет искать людей, которые мне нужны. Они сами будут нас искать.

— А если они найдут тебя с кинжалом в спине? Или с пятьюдесятью воинами, обрушившимися на нас ночью? — Одноглазый в раздражении выбросил вверх руки.

— Ты все еще не понимаешь, — отвечал Конан. — Они захотят узнать, кто я такой и что я здесь делаю, особенно, когда я использую имя Патила. Подумай, сколько им пришлось претерпеть бед, чтобы об этих сундуках никто не пронюхал. Что я знаю об этом и кто мне об этом сказал? Если я буду мертв, они ничего не узнают.

— Ты становишься таким же темным и непонятным, как стигийцы, — пробормотал сквозь зубы Ордо.

— Что касается меня, — сказал Гурран, неуклюже слезая с коня, — то мне в этот момент наплевать, даже если сами львиные Гвардейцы Бандаркара обрушатся на нас. — Он поскреб рукой спину и кряхтя растянулся. — После того как

я поем немного жареной зайчатины, я почувствую себя иначе, но только не сейчас.

— Ну? — сказал Конан, пристально посмотрев на остальных. — Даже если первый человек, с которым заговорит Торио, будет тем, кого я ищу, у вас все еще есть время, чтобы уйти, прежде чем они придут сюда.

Один за другим контрабандисты слезали с коней. Пританис был последним, кто это сделал, и он все еще что-то бормотал. К тому времени, когда кони были расседланы и их накормили, Балис уже зажег весело потрескивающий костер, а Шамил и Энам уже сдирали шкурки и разделявали зайцев. Вода, как обнаружил Конан, пошла очень недурно с жареными зайцами, когда ничего другого не было под рукой. Огонь костра уже угасал, чисто обглоданные кости были отброшены в сторону, и молчание сменило разговор, который продолжался, пока путники ели. Конан предложил первым встать на караул, по похоже, что ни у кого не было желания завернуться в одеяло. Один за другим все, кроме Конана и Гуррана, вынули бутылочки с маслом, точильные камни и принялись точить лезвия сабель. Каждый делал вид, что это не имеет никакого отношения к возможной атаке, однако каждый повернулся спиной к догоравшему костру, работая над оружием, подправляя зазубрины, заточивая лезвия сабель и кинжалов. Сидеть спиной к свету было удобней — глазам не пришлось бы снова привыкать к темноте.

Гурран возился со своим кожаным мешком и наконец сунул уже слишком знакомый оловянный бокал в руки киммерийца. Grimаса от предстоящего гадкого питья перекосила лицо Конана, когда он взял бокал в руки. Пока он пытался сосредоточиться, чтобы одним глотком осушить пойло, в темноте прозвучал стук копыт. Конан вскочил на ноги, пролив немного дьявольски отвратительного напитка, и его правая рука легла на рукоять меча.

— Я думал, что ты был уверен, будто атаки не будет, — сказал Ордо, тоже держа меч наготове.

Каждый человек у костра уже стоял на ногах, даже Гурран, который поворачивал голову во все стороны, как бы ища место, где можно было бы спрятаться.

— Если бы я был всегда прав, — сказал Конан, — я был бы самым богатым человеком в Заморре, вместо того чтобы болтаться здесь.

Кто-то (Конан не разобрал, кто именно) печально вздохнул.

Семь лошадей остановились метров за сто от костра, и трое всадников, спрыгнув с седел, двинулись вперед. Двое из них остановились на самом краю светового круга, в то

время как третий подошел прямо к огню. Темные глаза, слегка раскосые, внимательно смотрели на контрабандистов.

— Я надеюсь, что ваши мечи направлены не на меня, — сказал человек мелодичным голосом на очень чистом гирканском языке.

Человек прятал свои руки в длинных, широких рукавах светло-голубой бархатной туники, украшенной на груди серебряным шитьем-орнаментом и вышитым золотом изображением цапли. На бритой голове была круглая шапочка из красного шелка, увенчанная золотой пуговицей.

— Я всего лишь бедный купец их Кхитая и не причиню никому вреда.

— Клинки предназначены не для вас, — сказал Конан и жестом приказал опустить оружие. — Просто человек должен всегда быть настороже, когда незнакомцы появляются ночью.

— Мудрая предосторожность, — согласился кхитаец. — Меня зовут Канг-Хоу, и я ищу того, кто называет себя Патилом.

— Меня зовут Патил, — сказал Конан.

Торговец приподнял тонкую бровь:

— Странное имя для ченг-ли. О, прошу прощения. Это только означает человека с бледной кожей, человека из стран, лежащих далеко на Западе. Такие люди считаются мифическими в моей стране.

— Я не похож на миф, — фыркнул Конан. — И это имя подходит мне.

— Как вам угодно, — мягко сказал Канг-Хоу.

Конан не заметил, чтобы кхитаец дал какой-нибудь сигнал, но две другие фигуры пошли вперед.

— Мои племянницы, — сказал купец. — Чин-Коу и Кай-Ше. Они везде и всегда сопровождают меня, заботясь о стареющем человеке, ум которого уже не так остер, каким был раньше.

Конан поймал себя на том, что, раскрыв рот, пялится на двух самых утонченных, самых прекрасных женщин, которых он когда-либо видел. У них были маленькие овальные лица, и их деликатные черты напоминали изящные фигурки из слоновой кости, вырезанные искусным резчиком, который хотел показать красоту восточных женщин. Ни одна из девушек не была похожа на своего дядю, чему Конан был очень рад и благодарен. Чин-Коу, с раскосыми миндалевидными коричневыми глазами и застенчивой улыбкой, напоминала цветок, вырезанный из старой слоновой кости. Темные глаза Кай-Ше были тоже опущены, но она наблюдала за всем про-

исходящим с хитринкой сквозь свои густые ресницы. Ее кожа была как покрытое атласом сандаловое дерево.

«По-моему, я не единственный, кто поражен красотой этих женщин», — подумал Конан. Балис и Энам, казалось, уже мысленно раздвигали их, освобождая от шелковых халатов, в то время как Пританис чуть ли не пускал слюну от вожделения. Хасан и Шамил просто вытаращили зенки, как будто их оглушили чем-то по голове. Даже у Ордо появился блеск в глазах, который говорил о мысли, что неплохо бы отделить одну или обеих девушек от компании их дядюшки. И как всегда, один Гурран остался невозмутимым.

— Мы рады видеть вас здесь, — громко сказал киммериец. — Вас и обеих ваших племянниц. Тот, кто обидит *любого* из вас, нанесет тем самым оскорбление и мне.

Это дошло до всех, отметил Конан с удовлетворением. Погасло несколько горящих огоньков, судя по кислым взглядам, которые Конан увидел на лицах.

— Ваше гостеприимство оказывает мне большую честь, — сказал купец, отвесив небольшой поклон.

Конан отвесил ответный поклон и пробормотал ругательство, когда еще больше лекарства пролилось ему на руку. Осушив бокал одним длинным глотком, он бросил его Гуррану, чуть не попав гербариусу в голову.

— Какая гадость, — сказал киммериец и сплюнул.

— Люди сомневаются в действенности лекарства, если у него нет неприятного вкуса, — сказал Гурран, и Канг-Хоу повернул свое бесстрастное лицо к гербариусу.

— Это старая кхитайская поговорка. Ты бывал когда-то в нашей земле?

Гурран отрицательно покачал головой:

— Нет. Я слышал ее от одного человека, который учил меня свойствам различных растений и трав. Возможно, он побывал там, хотя никогда об этом и не говорил. Ты знаешь что-нибудь о травах? Я всегда интересуюсь травами и растениями, неизвестными мне, и о том, как их можно использовать.

— К сожалению, нет, — ответил купец. — А сейчас, Патил, если мне будет позволено, я хотел бы поговорить о деле.

— Говорите о том, что вам нужно, — сказал Конан, когда понял, что купец ожидал его разрешения.

— Благодарю вас. Я всего-навсего бедный торговец, продаю то, что есть под рукой. В этом походе у меня товары из разных стран — бархат из Коринфии, ковры из Иранистана и гобелены из Турана. Я присоединился к каравану всего два дня назад и не сделал бы этого, если бы в этом не было необходимости. Капитан корабля, который доставил меня через Вилайет сюда, жулик по имени Валаш, обещал мне

десять человек охранников. Однако после того, как он доставил меня, моих выючных животных и товары на берег, он отказался соблюдать наш договор. Мои племянницы и я сам вынуждены были ехать на десятках верблюдов и с помощью всего троих слуг, которые, как я опасаюсь, не слишком большая защита от бандитов.

— Я знаю Валаша, — сказал Ордо, сплюнув при этом имени. — Это удача самого Ханнумана, что он не перерезал тебе горло и не продал твои товары и твоих племянниц в Хоарезме.

— Он даже не пытался этого сделать, — сказал кхитаец. — Я не знал, что вы были моряками.

— Мы все в прошлом занимались разнообразными вещами, — вставил Конан. — В настоящий момент мы — люди с мечами, которых можно нанять как охранников, если нам будет предложено достаточно денег за службу.

Канг-Хоу наклонил голову, как бы обдумывая эти слова.

— Я думаю, — сказал он, — что две серебряные монеты на каждого будут вполне достаточно. И золотой — каждому из вас, если я и мои товары достигнут Айодхьи в целости и сохранности.

Конан обменялся взглядом с Ордо и сказал:

— Договорились.

— Отлично. До того момента, пока вы не будете готовы ехать с караваном, я обойдусь теми стражниками, которых мне милостиво одолжат. Нам пора идти, племянницы.

Как только кхитайцы ушли, Балис тихо засмеялся:

— Золотой и две серебряные монеты за путешествие, которое мы сделали бы и бесплатно. У кхитайца, должно быть, царская казна в кармане, чтобы так платить. Удача светит тебе, киммериец. Эй, Пританис, сотри со своего лица это кислое выражение.

— Это, — объявил Хасан, — была самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел.

— Кай-Ше? — с ревностью в голосе спросил Шамил.

— Нет, другая. Чин-Коу.

— Это как раз то, что мне надо, — ворчал Ордо, сворачивая одеяла, — чтобы эти двое потеряли головы из-за кхитайских племянниц. Ты, киммериец, конечно, понимаешь, что он лгал нам, а? Если только не существует двух людей, которых зовут Валаш и которые являются капитанами судна на Вилайете. Он никогда бы не сумел сгрузить этих двух девок с судна так легко, как он это утверждает.

— Да, я знаю, — сказал Конан. — Однако я не слышал, что отказал ему из-за этого.

Одноглазый пробормотал что-то себе под нос.

— Что, Ордо?

— Я сказал, что по крайней мере на этот раз ты не впутал нас в дело с колдунами и магией. У тебя есть дурная привычка раздражать колдунов.

Повесив на плечо свое седло, Конан засмеялся:

— На этот раз я не подойду к колдуну даже на расстояние лиги.

Глава 10

Музыка цитр, флейт и тамбурина негромко играла в зале, украшенном алебастровыми колоннами; музыканты были скрыты за кружевными узорчатыми шпалерами, сделанными из слоновой кости. Золотые лампы, свешивающиеся на серебряных цепях сводчатого потолка, бросали отблеск на оливковую кожу шести гибких, изящных танцовщиц. На девушках не было никакой одежды, если не считать звенящих золотых колокольчиков, которые висели у них на щиколотках и вуали на лице. В руках у всех девушек были маленькие кастаньеты и крошечные бронзовые тарелки, издававшие тонкий мелодичный звон. Запах розового масла и благовоний стоял в зале. Другие девушки, такие же красивые, как и танцовщицы, и подобным же образом одетые, изящно и неслышно передвигались по зале, предлагая серебряные блюда со сладостями, фигами, засахаренными фруктами и другими деликатесами. Найпалу, который небрежно развалился на подушках из покрытого золотым шитьем шелка. Еще две девушки держали над ним опахало из перьев страуса, освежая легким ветерком. Чародей лениво взял с блюда фигу и небрежно глотнул из золотого бокала ширакманское вино. Он почти не обращал внимания в эту минуту на женщин, так как его мысли были очень далеко отсюда. У изголовья ложа Найпала склонился круглолицый с мягкой кожей мужчина в ярко-красной тунике из шелка и золотого цвета тюбане с голубыми полосами. Его одежда казалась безвкусной и кричащей по сравнению с серыми и черными тканями одежды колдуна. Он также не обращал внимания на женщин, докладывая мягким, бархатистым голосом о том, как были исполнены приказания и желания его господина.

— Тысяча *пайсов* были переданы от вашего имени, мой господин, нищим, просящим милостыню в Айодхье. Дополнительно еще одна тысяча *пайсов* была...

Найпал уставился в бокал с изысканным вином таким же небрежным взглядом, с каким он слушал голос евнуха.

Пять мучительных дней прошло, и пять раз он заходил в потайную комнату. Два раза он даже коснулся рукой резного ларца из слоновой кости. Но каждый раз он убеждал себя в том, что лучше подождать, и каждый раз выдумывал новую причину. Но боль в груди говорила о том, что он отлично знал истинную причину своего колебания. Открыть ларец, увидеть зеркало внутри и, возможно, увидеть в нем опасность для всех его планов, — это больше, чем он мог вытерпеть. Страх, с которым чародей боролся в эту сумасшедшую ночь, вернулся тысячекратно усиленным, чтобы парализовать его. В самом дальнем уголке мозга что-то тихо прошептало: *обожди*. Подожди еще немного, и тогда конечно же зеркало снова станет чистым, а опасность будет устранена руками подручных. Найпал знал, что этот шепот был фальшивым, но заставил себя слушать его. Слушать и ждать.

Чтобы отвлечься от сомнений и самобичевания, чародей попытался слушать евнуха. Толстяк теперь уже шептал о событиях сегодняшнего дня в Айодхье — таких, какие, как он считал, могут быть интересны господину.

— ...И найдя любимую жену в объятиях двоих любовников, каждый из которых был конюхом из его собственной конюшни, Джхарим Кар зарубил мужчин, а жену отстегал плетью. Он также приказал казнить трех слуг, которые были свидетелями этого события, но слухи уже побежали по городу, и над ним уже смеются на базарах, господин. В полночь Шабал Амир был убит в пригороде Айодхьи, говорят, что это сделали бандиты, но две его жены...

Вздохнув, Найпал как бы отключил свой слух, пропуская мимо ушей болтовню слуги. В другое время то, что случилось с Джхаримом Каром, было бы приятно послушать, но это не слишком важное событие. Целая ниточка хитрых манипуляций, чтобы расставить эту ловушку, безумие женщины и мужа, чтобы обнаружить эту глупость, давало в результате то, что человек, который собирал когда-то вокруг себя знать, был теперь предметом насмешек. Человек не мог быть одновременно вождем и мишенью для острот. Не то чтобы Найпал ненавидел Джхарима Кара. Просто этот князь притягивал слишком много других на свою сторону, создавая некое подобие острова спокойствия в бушующем море изменчивой преданности и интриг. Колдун просто не мог этого допустить. Большие интриги и беспорядки были необходимой частью его планов. Бандаркар, разумеется, хорошо защищал себя от своего же чародея; цари, которые доверяли слишком многим, не слишком долго правили, а этот царь сжигал даже ножницы для ногтей, как только заканчивал стрижку. Но Бандаркар все равно умрет, пусть и

не теми необычными путями, которых опасался. А без его крепкой руки беспорядки легко превратятся в хаос, и вот тогда Найпал сможет установить *свою* власть. Разумеется, он не будет царствовать сам, о нет, он не настолько глуп. Он будет дергать за ниточки, и царь, которого он посадит на трон, даже не узнает, что пляшет под чужую дудку.

Погруженный в мечты о будущем, Найпал чуть не подскочил от неожиданности. Теплая пульсация застучала под сердцем. Еще не вполне веря этому, он судорожно схватился за черный опал, висевший у него на груди под одеждой. Сквозь шелковую материю драгоценный камень стучал снова и снова, перекрывая удары сердца. Масрок подает ему сигнал!

— Замолчи! — заорал Найпал, бросив золотой бокал в голову евнуха, чтобы подкрепить свои слова. — Беги за Ашоком, — приказал чародей. — Скажи ему, чтобы он был готов сейчас же. Сейчас же!

— Бегу и повинуюсь, господин. — Евнух стал отступать на коленях, ударяя головой о пол.

— Тогда беги, чтоб тебя взяла Катар! — закричал Найпал. — Или ты узнаешь, что от мужчины может быть взято больше, чем ты уже потерял!

Бормоча извинения, евнух поднялся на ноги, все еще кланяясь, и убежал. Гневный взор Найпала скользнул по обнаженным телам танцовщиц и решетке из слоновой кости, скрывающей музыкантов. По его команде все замерли, едва осмеливаясь даже дышать.

— Играйте! — зарычал он. — Танцуйте! Иначе вас всех отхлестают за нерадивость!

Музыка зазвучала вновь, танцовщицы, отчаянно извинялись, пытаясь угодить своему господину, но Найпал уже забыл о них и махнул рукой служанкам, чтобы они уходили. Удары сердца, казалось, совпадали с пульсацией опала в руке. Его мысли были без остатка заняты этим камнем; это был знак того, что Масрок вызывает его, но чародей не знал, что это значит. Ашок, главный слуга среди тех, кого лишили в свое время языка, быстро приготовит тайную подземную комнату глубоко под подвалом. Колдун держал своих слуг, прислуживающих ему в серых комнатах в подземелье, в таком страхе, что, если надо, они буквально побегут, пока не упадут замертво, чтобы повиноваться самому малейшему желанию колдуна, не говоря уже о команде. Однако в эту минуту приказания не были выполнены достаточно быстро, чтобы удовлетворить его. Нетерпение бурлило в нем, как поворачивание гейзера перед всплеском. Не в состоянии больше выжидать, Найпал вскочил на ноги и выбежал из комна-

ты. Позади него музыканты и танцовщицы продолжали тяжело трудиться, опасаясь остановиться без повелительного приказа.

Сначала Найпал зашел в свою спальню, захватив золотой ларец с кинжалом демона. Масрок должен был его видеть; это было бы просто напоминанием, что демон тоже может погибнуть. Когда колдун добрался до комнаты с серым куполом, находящейся глубоко под дворцом, то удовлетворенно кивнул, причем сделал это так машинально, что даже не заметил этого движения. Большая, плотно сплетенная корзина была поставлена на своем месте, около рабочего стола. Бронзовый гонг с колотушкой свисал с рамы из тикового дерева и был поставлен рядом с узорной и толстой металлической решеткой, вделанной в стену. Найпал остановился у решетки от двери, которая была частью железной клетки и вела к круглой глубокой яме, освещенной только тусклыми факелами, горящими на подставках, вделанных высоко в стене. На покрытом песком дне круглой ямы стояли два десятка мечей различных стилей.

Ради небольшой пробы Найпал использовал огни *корасани*, чтобы выжечь яму в почве, стены комнаты и коридора, соединяющиеся за ней. Это был единственный опыт, однако самый необходимый, так как колдун должен был проверить истинность старинных рукописей, в которых писалось о подобных вещах. Он не сомневался, что манускрипты говорили неправду, но никто, даже сам Найпал, не знал пределов этой правды, а ему нужно было знать абсолютно точно эти пределы. Но должна быть сделана еще масса других вещей...

Черный опал все еще пульсировал у чародея на груди. Стараясь не поддаваться горячему желанию поспешить, Найпал принял более действенные меры предосторожности, чем он когда-либо предпринимал прежде, даже когда устанавливал девять *корасани* на золотых треножниках. Найпал положил перед треножником подушки, уселся на них, и снова старинные заклинания огласили воздух, отражаясь от мерцающих стен:

— *Э'лас элойхим! Марааф савиндай! Кора мар! Кора мар!*

И снова вспыхнули огненные полосы клетки. Камни пылали, будто охваченные и заключенные в плен солнца, маленькая тропинка перед ними была открыта в миры и измерения, недоступные и неизвестные обычному смертному.

— Масрок! — крикнул Найпал. — Я вызываю тебя!

Ветры, идущие из бесконечности, снова закружились в бешеном вихре. Гром потряс комнату, и громадный обсидиановый демон появился в огненной клетке, кружась в вихре и не касаясь ногами пола. Рядом с ним появилась другая фигура, фигура человека в доспехах из толстой кожи и

в украшенном острым шпилем шлеме, каких не было в Вендии вот уже более тысячи лет. Два меча, невероятно древних: один — длинный и прямой, другой — короткий и с кривым, изогнутым лезвием — висели у человека в доспехах с каждого бока. Найпал почти засмеялся от радости. Удача! Он не сообразил, что громко произнес эти слова, и демон услышал их и ответил тоном, похожим на раскаты грома:

— Ты называешь это удачей, о Человек? Я называю это предательством! Предательством, нагроможденным на другое предательство!

— Но конечно же это маленькая измена, — ответил Найпал. — И свобода будет твоим окончательным вознаграждением!

Дрожь прошла по телу демона, его восемь рук дрожали так, что колдун испугался, — демон бросит в него одно из своих копий или даже попытается пробиться сквозь огненный барьер. Найпал положил нервно свою ладонь на золотой ларец.

— Ты говоришь о том, чего не ведаешь, о Человек! Маленькая измена? Чтобы выполнить твою просьбу, я был вынужден убить одного из моих братьев! В первый раз с тех пор, как появилось само Время, один из Сивани убит. И он погиб от моей руки!

— Ты боишься мести остальных двух демонов? Но они конечно же не знают об этом, иначе ты не был бы здесь.

— Сколько пройдет времени, пока они наконец не обнаружат случившееся, о Человек?

— Не бойся, — сказал чародей. — Я найду способ защитить тебя.

И прежде, чем демон успел заговорить снова, Найпал закричал:

— Уходи, Масрок! Я приказываю тебе!

Демон издал оглушающий рев и исчез. Только старый воин висел в воздухе внутри клетки. Только теперь Найпал позволил себе засмеяться. Демонами, похоже, можно было повелевать так же легко, как и людьми. Чародей быстро стал опускать колдовской барьер, это было иногда задачей более трудной, чем воздвигнуть его. Наконец дело было закончено, и Найпал поспешил осмотреть фигуру, которая теперь стояла в самом центре серебряной паутины. Дыхание не поднимало грудь старого воина, и свет не оживлял его темные неподвижные глаза, однако смуглая кожа, казалось, горела живым огнем и жизнью. Удивленный этим, Найпал коснулся рукой щеки воина и хмыкнул. Несмотря на то, что он казался живым, гибким существом на первый взгляд, прикосновение к нему было похоже на то, как если бы колдун коснулся кожи, плотно натянутой на дерево.

— Сейчас, — прошептал самому себе Найпал.

Из сотен бутылочек, пробирок и реторт, которые стояли на его рабочем столе, он выбрал пять, налив точно отмеренное количество жидкости и порошков в ступку, сделанную из черепа девушки-девственницы, убитой ее матерью. Четыре компонента из пяти были настолько редки, что Найпал жалел использовать их даже, когда ему нужно было ничтожное количество этих ингредиентов. Используя кость матери-детоубийцы, которая была отшлифована и служила пестиком, он истолок и размешал компоненты, пока не получилась густая черная паста. Колдун заколебался, прежде чем вернуться к большой плетеной корзине. Затем, придя в себя, он разорвал ремни, закрывающие крышку. Жалость поднялась было в нем, когда он увидел лежащего в ней съжившегося, испуганного оборванного мальчика. Он был связан, а рот его заткнут кляпом. Мальчик оцепенел от страха. Найпал заставил себя встряхнуться и, подавив все эмоции, поднял мальчика из корзины. Ребенок задрожал, когда колдун положил его перед неподвижной фигурой воина. Найпал почти физически чувствовал глаза мальчика, смотревшие на него с ужасом, но пытался не обращать на это внимания. Теперь уже в спешке, как бы желая поскорее со всем покончить, Найпал взял в руки страшное зелье в ступке. Окунув палец левой руки в черную пасту, он начертил символ на лбу связанного мальчика, затем точно такой же символ — на лбу воина. Остатки пасты он аккуратно счистил с пальца куском материи. Воин, ребенок и самый большой из *корасани* лежали в одной прямой линии. Найпал опустил на подушки и стал читать заклинания, которые он еще никогда не произносил:

— *Мон-драал ун'тар, мараан во'ндар!*

Слова произносились очень тихо и мягко, но стены комнаты звенели от их резонанса. Три раза Найпал повторил напевное заклинание, и после третьего раза лучи света, холодные и бледные, как снег в горах, метнулись от черного камня. Один из лучей ударил в темный символ на лбу мертвого воина, другой коснулся лба ребенка. Найпал продолжал произносить заклинание снова и снова. Третий ледяной пучок света метнулся в существо, соединив теперь оба символа в одном прямом потоке света. Мальчик выгнулся дугой и застонал, не в силах отвернуть голову от острого яркого луча этого колдовского треугольника. Найпал громко выкрикивал слова заклинания, чтобы заглушать крик ребенка. Стон зазвенел на секунду долгой нотой и прервался, как струна лиры, натянутой слишком сильно. Внезапно наступила полная тишина, лучи света полностью исчезли. Найпал глубоко вздохнул. Дело было закончено. Поднявшись

на ноги, он приблизился к безжизненному телу ребенка. Его глаза смотрели только на это маленькое тело.

— Тебя освободили от жизни, полной страданий, голода и боли, — сказал колдун. — Твоя душа ушла в другую, более чистую сферу. Только жизнь взята у тебя. Так должно было случиться, мне нужна была юная жизнь, еще не окончательно сформировавшаяся. — Он выдержал паузу и добавил: — Я использовал бы для этой цели детей богачей и знати, если бы я только мог.

Это будут похоронные костры, достойные повелителя, решил Найпал. Но сейчас эти костры откроет этот никому неизвестный сирота. Очень медленно взор чародея перешел на покрытого кожаными доспехами воина. По-прежнему его грудь оставалась неподвижной и с губ не срывалось дыхание. Был ли огонь в его глазах?

— Ты слышишь меня? — требовательно спросил Найпал.

Воин ничего не ответил.

— Сделай шаг вперед!

Воин покорно сделал один шаг и снова замер, неподвижный, как статуя.

— Ах да, конечно, — задумчиво пробормотал Найпал. — У тебя нет своей собственной воли. Ты подчиняешься мне, тому, кто тебе вновь дал жизнь, и только мне, пока я не прикажу тебе склониться перед другим. Отлично. Именно так и говорилось в рукописях. Пока все сходится. Следуй за мной!

Соблюдая все то же расстояние и дистанцию между собой и колдуном, воин повиновался. Найпал открыл дверь из тяжелых железных прутьев и поманил его рукой. Воин прошел внутрь, и колдун снова закрыл на замок и засов крепкую дверь. Хорошо, подумал Найпал, что можно было давать команды не только голосом, но и жестами. Письмена очень туманно изъяснялись на этот счет. Гулкий звук зазвенел в зале, когда Найпал ударил в гонг обмотанной веревками колотушкой. В яме железная толстая дверь резко открылась. Осторожно передвигаясь, в яме появились двадцать человек, которые тут же посмотрели на Найпала и неподвижно фигуру перед ними. Дверь позади них внезапно бесшумно закрылась. Увидев кучу мечей, сваленных на песке, они только на секунду заколебались, прежде чем броситься к оружию. Отряд был таким же пестрым, как и оружие, которое люди схватили. Они были одеты в одежды, варьирующиеся от грязных лохмотьев до потрепанных шелковых халатов, возможно, принадлежащих когда-то богачу или князю. Но выбраны эти люди были не наобум; если бы это было так, проверка не была бы абсолютно вер-

ной и окончательной. В этой большой широкой яме были бандиты, бродяги, воры, дезертиры из царской армии, каждый из которых был знаком с определенным видом сабли или меча. Им была обещана свобода и пятьдесят золотых... всем, кто останется в живых. Найпал подумал, что он, вполне возможно, выполнит свое обещание.

— Убей их, — приказал колдун.

Еще до того, как слова сорвались с его губ, шесть бандитов бросились, дико вой, на воина, размахивая своими саблями и мечами. Покрытый кожаными доспехами воин, с лицом, на котором не дрогнула ни одна черточка, как будто это была каменная маска, вытащил из ножен свои старинные мечи и встал в боевую позицию, приготовившись к атаке врагов. Шестеро негодяев атаковали его в безумной ярости, подогреваемой обещанием свободы; воин же сражался с молниеносной и точно отмеренной быстротой. Когда воин сделал наконец несколько шагов вперед, к остальным бандитам, шесть трупов лежали перед ним, а отрубленная голова одного из них катилась по направлению к его товарищам, в ужасе смотревшим на воина. Два дезертира быстро и несколько неуверенно пытались организовать оставшихся в живых в два ряда, как если бы они были пехотинцами на поле боя. Воин не ускорил и не замедлил свое приближение. Два ряда стоявших в отчаянии людей напряглись, ожидая его приближения. Но в двух шагах от строя воин внезапно высоко подпрыгнул вправо, атаковав их. Бандиты Найпала, которых он собрал отовсюду, думали, что они создали пехотный строй, но у них не было щитов для защиты. Двое упали, обливаясь кровью, и задержались в предсмертной агонии, прежде чем строй бандитов сумел повернуться, выполняя выкрики-команды дезертиров. Воин, однако, не стал ждать. Пока ряды перестраивались, он прыгнул влево и ударил с левого фланга. Неуверенный, слабый порядок дрогнул, и строй бандитов рассыпался в вихре звенящей стали, льющейся крови, диких криков и стонов умирающих. Каждый теперь сражался поодиночке, сам по себе, и каждый умирал, когда сверкающее лезвие меча воина пронзало его. Когда фигура в кожанных доспехах перерезала горло последнего дергающегося несчастного, Найпал глубоко и удовлетворенно вздохнул. Двадцать трупов лежали на залитом кровью песке, а вновь оживший воин стоял без малейшей царапины. Вообще-то, если говорить по правде, в его кожанных доспехах были пробоины и порезы, а на его лице были видны следы от удара саблей, разрубившей ему щеку, но ни одна капля крови не упала на камни. Воин молча двигался между телами, желая убедиться, что каждый

из них был действительно мертв, и казалось, что сталь мечей и сабель вообще не коснулась его тела. Повернувшись спиной к этой страшной бойне, колдун прислонился к железной решетке и засмеялся, пока не стал сипеть и задыхаться. Все, о чем говорили старые письма, оказалось правдой. Раны бойца заживут очень быстро. Ничто не могло убить воина, которого Найпал оживил. Больше двух тысяч лет назад завоеватель по имени Орисса захватил около двадцати небольших княжеств и городов-государств и создал из них царство Вендию, а сам стал ее первым царем. И когда царь Орисса умер, его армия в двадцать тысяч воинов была убита и похоронена в склепе вместе с ним, чтобы быть царскими телохранителями и после его смерти. Их тела были сохранены так хорошо, что хотя они уже и не были живыми, они также и не были мертвыми, как это случалось с обычными людьми. Если соблюдать правильные заклинания и ритуал, армия, которая не умирала, снова могла выступить в поход. Все, что нужно было Найпалу, — это найти затерянную в веках гробницу.

— И это, — засмеялся Найпал громко и издевательски, — почти сделано, не так ли, Масрок, мой преданный слуга?

Удача всего предприятия так наполнила его гордостью и счастьем, что парализующий страх, который терзал его все эти дни, был смыт радостной волной. Конечно же с тех пор уже прошло достаточно времени. В каких бы водах ни очутился корабль (если он был достаточно близко, чтобы угрожать Найпалу, когда колдун был так близко к своей цели), он должен был уже причалить к берегу. И если это случилось, конечно же любая опасность, которая угрожала чародею этим судном, уже была ликвидирована его подручными. Найпал не мог себе позволить других мыслей, только не сейчас, когда сегодня он одержал уже столько побед. Уверенной рукой он поднял резную крышку ларца из слоновой кости и отбросил мягкую шелковую материю. Черная поверхность зеркала была украшена десятками ярких точек света. Найпалу потребовалось только одно мгновение, чтобы сообразить, что то, что он увидел, было огромное количество походных костров, наблюдаемое с большой высоты. Если крошечная группа людей испугала его прежде, то на этот раз он увидел целую армию. Несколько дней страха «вознаградили» его за эти мучения еще большим страхом. Была ли опасность корабля устранена этими огоньками, или же, наоборот, огоньки стали опасностью, «слившись» с кораблем? Была ли это новая угроза, которая превзошла старую? Долго-долго в эту ночь дикий гневный вой Найпала звучал в высоком купольном зале.

Когда первые бледные лучи рассвета показались на горизонте, Конан уже встал и оседлал своего жеребца. Гулкие удары топора, рубящего дрова, донеслись до него с берега Зарпаша, примерно в половине лиги отсюда. Конан взглянул в том направлении, где берег реки зарос большими, высокими деревьями. Он покачал головой, взглянув на верблюдов кхитайского торговца, которые делились водой с лошадьми контрабандистов. По мнению киммерийца, верблюды были очень грязными животными в своих привычках и запахе, и к тому же им нельзя было доверять. Конан в любом случае предпочел бы вместо верблюдов лошадей или даже мулов.

— Вонючая скотина, — проворчал Ордо, ударив верблюда по боку, чтобы он отошел в сторону. Закашлявшись от облака пыли, которую поднял верблюд, одноглазый отошел к своему коню. — И грязный тоже.

— Ты видел товары, которые они везут с собой? — спросил его тихо Конан.

— Я не видел никаких сундуков, если это то, что ты имеешь в виду. Но мы будем пересекать реку этим утром, знаешь?

— Обрати внимание, Ордо. Его товары — всего лишь ковры, и бархат, и гобелены, как сказал кхитаец. Но их стоимость немала, Ордо. — Киммериец был в юности вором, и его цепкие глаза все еще могли моментально оценить почти все, что стоило того, чтобы его украсть. — Это в основном третьесортного качества товары, возможно, второго сорта. Я даже не посчитал бы их стоящими того, чтобы доставить даже до Аренджуна, не говоря уже о Вендии.

— Расстояние и редкость товара увеличивают его стоимость, — сказал Канг-Хоу, приблизившись бесшумно на своих подбитых шелком туфлях. Его руки были спрятаны в рукавах бледно-голубой бархатной туники, на этот раз эта туника была украшена воробьями в полете. — Совершенно ясно, что ты не купец, Патил. Иранистанский ковер, который едва дает прибыль в Туране, даст в Вендии цену в пятьдесят раз большую. Ты думаешь, что самые лучшие вендийские ковры идут в Туран? Эти ковры украшают полы дворцов вендийской знати, и в то же время гораздо большую цену платят за второсортный ковер из Агранура, чем за лучшего качества ковер в Айодхье.

— Я не купец, — согласился Конан, отступив со своим бхалканийским жеребцом от линии пикета, — да и не желаю им быть. И в то же время я так же стремлюсь попасть в Вендию, как и вы. Если вы извините меня, Канг-Хоу, мне

нужно проверить, когда караван выступает в путь. И что еще я могу узнать о нем, — добавил он для ушей Ордо.

Конан медленно ехал по лагерю. Хотя киммериец действительно спешил вперед, он также хотел осмотреться вокруг, чтобы, возможно, снова встретить те сундуки, которые были использованы для транспортировки чая. В действительности караван был разбит не на один, а на три лагеря, стоящих рядом, и они были даже больше, чем предполагал Конан. Сорок три купца со своими слугами, конюхами, помощниками и стражниками составляли почти тысячу человек каравана. Среди них были вендийцы и кхитайцы, заморанцы и туранцы, кофиты и иранистанцы. Люди спешили свернуть и разобрать палатки, нагружая тюки, плетеные корзины и рулоны материи на верблюдов и выючных мулов под пристальным наблюдением богато одетых купцов, которые также смотрели и друг за другом с неослабевающим подозрением, думая о том, что его сосед купил по дешевке товары или что он собирается продать его на тех же рынках. Конан также получил свою долю внимательных подозрительных взглядов, и не один купец нервно позвал своих охранников, когда высокий киммериец проезжал мимо. У вендийской знати, сопровождающей *вазама* в Аграпур, был свой собственный лагерь, настолько пестрый и странный, что даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что тут было бесполезно искать сундуки со «специями». Первой мыслью Конана было то, что он натолкнулся на бродячую ярмарку, так как больше, чем пятьсот человек окружали разноцветные, полосатые павильоны, сворачиваемые теперь украшенными тюрбанами слугами. И здесь тоже можно было встретить людей из многих земель и стран, но на этот раз это были особого рода путешественники. Здесь были жонглеры, бросающие в воздух горящие факелы и кегли, и акробаты, балансирующие на вершине длинного шеста. Медведь танцевал под звуки флейты, эквилибристы и гимнасты сгибались и разгибались, как будто их тела были сделаны из резины, музыканты играли на своих лютнях, унтарях и арфах. Несколько людей в длинных богатых одеждах и с густыми длинными бородами бродили по карнавальной, пестрой толпе, как если бы она для них не существовала. Они шли группами по двое и трое. Двое из них, выкрикивающие в лицо друг другу оскорбления и готовые уже вцепиться соседу в глотку, не сумели осуществить это милое намерение — сильный, обнаженный до пояса и намазанный на буграх мышц маслом борец удерживал их от драки.

Третий лагерь был уже свернут и начал медленно идти к реке, где дровосеки уже рубили деревья для плотов, чтобы

пересечь на них реку, но Конан в любом случае не собирался даже приближаться к ним. Не то чтобы он не мог подумать, будто сундуки оказались в багаже Карима Сингха, *вазама* Вендии, но пятьсот суровых, вооруженных до зубов вендийских кавалеристов стояли на пути, и с ними лучше было не шутить. Их крепкие кольчуги и шлемы с тюрбанами, с которых также свисала кольчуга, закрывающая лицо и шею, были похожи на те, что были у вендийцев, атаковавших контрабандистов на берегу Зарпаша. Эти люди явно осознавали, как глубоко они находятся на спорной территории. Они ехали на своих лошадях, как гибкие настороженные пантеры, готовые прыгнуть при каждом звуке, а их длинные острые копья угрожающе опускались на каждого, кто приближался к ним на расстояние ста шагов.

Внезапно что-то свистнуло у самого лица Конана, настолько близко, что киммериец почувствовал дуновение ветра. «Стрела арбалета», — тут же отреагировал Конан. Он инстинктивно пригнулся так низко в своем седле, как позволяла ему высокая лука седла, и ударил каблуками сапог в бока черного жеребца. Конь бросился как бешеный и быстро ушел вперед, опередив убийцу, стрелявшего в Конана. Конан скорее почувствовал, чем увидел, как другие стрелы проносились рядом, и один раз его седло сильно трянуло от впившейся в него стрелы. Когда наконец река стала уже совсем близко, киммериец поднял голову и посмотрел назад. В лагере, который постепенно сворачивали и готовили к походу, все выглядело по-прежнему. Конан не заметил ни одного арбалетчика, никто даже не смотрел в его направлении. Соскочив с коня, Конан внимательно осмотрел своего жеребца. Животное не было ранено и даже не испугалось, готовое снова скакать куда угодно, но в самой верхушке луки седла торчала стрела толщиной в палец. По спине Конана пробежал холодок. Еще на волосок выше — и стрела бы впилась ему в спину. Ну что ж, по крайней мере у него теперь не было ни малейших сомнений, что сундуки были в караване.

— Эй ты! — раздался крик со стороны реки. — Ты, Патил!

Конан глянул в направлении голоса и увидел Торио, командира отряда стражников каравана, который скакал к нему. Конан быстрым движением вырвал стрелу из седла и бросил ее на землю, после чего сел в седло и подъехал к стражнику, который тут же заговорил:

— Дважды в год, в течение десяти лет, я путешествую из Аграпура в Айдохью и обратно и каждый раз вижу что-то новое. Теперь же это «что-то» — такая необычная вещь, с которой я еще никогда раньше не встречался.

— И что же за странная вещь?

— Его Высочество, Карим Сингх, *вазам* Вендии, Советник Слона желает тебя видеть, Патил. Я не хочу оскорбить тебя, но ты явно не принадлежишь к знати, а Карим Сингх очень редко принимает у себя тех, кто стоит ниже него. Почему же он вдруг пожелал увидеть тебя, о котором он, скорее всего, никогда прежде и не слышал?

— Советник Слона? — спросил Конан, частично потому, что у него не было толкового ответа на это, а частично из-за того, что это название удивило его. Он уже слышал об этих больших серых животных, чьи бивни так ценились в Туране, и очень надеялся увидеть хотя бы одного из них во время своего путешествия.

— Один из титулов царя Вендии — Слон, — ответил Торио. — Я думаю, это не более глупо, чем то, что Илдиза называют Золотым Орлом или любым другим именем, которые так любят давать себе цари.

— И где же находится этот Советник Слона?

— Он уже перебрался на другой берег реки, и я придержал бы свой язык, находясь рядом с ним, если бы не хотел потерять его. Вон его павильон. — Торио указал рукой на большой шатер из золотистого шелка, расположенный на другом берегу и окруженный сотней вендийских копеечников, которые наставили свои копья, охраняя его. — Ему наплевать на то, что мы должны ждать своей очереди потому, что ему вдруг захотелось поговорить с тобой, но *его* отряд и знать в его посольстве должны быть первыми на марше. Карим Сингх плюет на жалких червей у себя под ногами и не собирается дышать пылью от каравана. — Командир стражников выдержал паузу, нахмурившись своим мыслям и бросая время от времени внимательные взгляды на Конана. — Мое положение очень нелегкое, Патил. Я отвечаю за безопасность всех в караване, но не должен никого обидеть. Тех, кто несет всякую чушь, и тех, кто хочет получить преимущества и льготы. Далеко не всегда опасность приходит снаружи, от кайгаров или зуагиров. Человек может заработать немного серебра, и хотя сумма эта будет не так велика, как может быть предложена другим, зато только молчание о том, что сказано и кому, требуется в этом случае, а не полная преданность. Ты понял, что я тебе сказал?

— Нет, — честно ответил Конан, и стражник напрягся, как будто его ударили по лицу.

— Ну что ж, ладно, Патил. Играй в свою игру в одиночку, если тебе это угодно, но помни, что только очень могущественные люди могут, играя в одиночку, выжить.

Резко дернув за поводья, Торио поскакал в сторону. Этот человек принадлежал вендийской знати и жонглерам, подумал Конан. Он молотом языком непонятную чепуху и обидел-

ся, когда его не поняли. На берегу реки, где росла большая роща деревьев, Конан увидел вспотевших, возбужденных людей, что-то кричавших и ругавшихся. С громким треском еще одно толстое дерево рухнуло на землю, и дровосеки подскочили со своими топорами обрубить ветки и сучья, чтобы бревно можно было подкатить к большому, наполовину законченному плоту, стоявшему у самого берега. Отряд вендийских копеечников вел лошадей на другой плот, который был примерно пятнадцать метров в длину, в то время как третий плот-паром уже был на середине реки, постепенно продвигаясь к другому берегу, вдоль двух толстых, длинных канатов, которые колыхались, дрожа на медленном течении Зарпаша. Еще один тяжелый канат был протянут с берега на берег для плота, который не был пока закончен. Веревки, соединенные с плотами, двигал один «двигатель» — их с каждого берега тянули на плечах оборванные рабы — по сорок человек на каждый плот.

Вендийские кавалеристы устали на Конана, их черные глаза почти не мигали и были лишены всякого выражения, когда киммериец вместе со всадниками погрузился на плот. Это были высокие люди, но Конан был на полголовы выше самого высокого из них. Некоторые при виде киммерийца пытались встать более прямо. Единственным звуком на плоту был стук копыт, когда лошади переминались с ноги на ногу. Конан чувствовал напряжение солдат. Любой из них принял бы прямой взгляд как вызов, а то, что он явно не обращал на них внимания, могло сойти за оскорбление. Так как Конан не собирался лезть в драку до того, как пересечет реку, киммериец сделал вид, что проверяет седельную подпруту. Плот дрожал и уходил то влево, то вправо, по мере того как веревки натягивались и он медленно шел вперед, слегка сползая вниз по течению. Только тогда Конан обнаружил, что кто-то внимательно высматривает что-то на берегу. Далеко от воды Торио ехал медленно на лошади, вглядываясь в песок. Взглянув на то, что он выбросил, Конан понял, в чем дело. Он смотрел на офицера стражников, пока плот не коснулся дальнего берега.

Глава 12

С близкого расстояния громадный шатер из золотого шелка производил весьма внушительное впечатление. Его поддерживало двадцать больших кольев, вбитых в землю. Внутри шатра вполне могли разместиться около ста вендийских копеечников, да и их лошади тоже.

Круг всадников-копейщиков расступился перед Конаном, явно без всякой команды. Когда киммериец въехал внутрь круга, тот снова сомкнулся позади него. Конан мог только пожелать, чтобы эти длинные копья не напоминали ему железные прутья клетки. Слуги в тюрбанах поспешили встретить киммерийца. Один из них взял за поводья жеребца, в то время как другой придерживал стремя. У входа в шатер стоял еще один слуга с влажными, прохладными полотенцами на серебряном подносе, которые он предложил Конану, чтобы тот мог обтереть руки и лицо. Еще один слуга встал на колени и попытался опрыскать благовониями Конану ноги.

— Ну хватит! — зарычал Конан, отбросив в сторону смятое полотенце. — Где ваш господин?

Толстый мужчина появился у входа. На его голове был дорогой тюрбан из золотого и зеленого шелка, украшенный рубином и страусовыми перьями. Его туника была синего цвета и расшита золотыми нитями, а шелковые туфли были с загнутыми острыми носками. Конан подумал было, что это и есть сам *вазам*, но человек вдруг низко поклонился и сказал:

— Прошу следовать за мной, господин.

Внутри шатра было большое помещение, созданное из занавесей, сделанных из шелка и золотых нитей, а пол покрывали роскошные вендийские ковры, достойные украшать и дворец царя. Воздух был пропитан густым запахом благовоний. Невидимые музыканты начали играть на лютнях и цитрах, как только Конан вошел в шатер, и пять женщин, так сильно покрытых вуалями и закутанных в шелк, что Конан видел только их темные глаза, принялись танцевать. Облокотившись на целый ворох разноцветных подушек, высокий мужчина с узким оливковым лицом полулежал, лениво поглядывая по сторонам. На голове его был большой тюрбан из фиолетового шелка. Так же, как и у слуг, тюрбан увенчивал белоснежный плюмаж перьев, но тюрбан был также украшен большими жемчужинами и алмазами. На его шее висела тяжелая золотая цепь с громадными, с голубинное яйцо, изумрудами, а каждый палец украшал перстень с рубинами и сапфирами. Его глубоко посаженные глаза были темными, и они были крепче и жестче, чем любой из алмазов и рубинов, которые он носил.

— Вы Карим Сингх? — спросил Конан.

— Я. — В глубоком голосе мужчины прозвучала нотка шока, но он сказал: — Ты не употребляешь правильной формы приветствия, и это странно. Однако это даже забавляет меня. Ты можешь продолжать. Ты тот, кто называет себя

Патилом. Это имя, привычное в моей стране, и оно кажется странным для того, кто явно прибыл из далеких стран.

— Есть много стран, — сказал Конан, — и много имен. Имя Патил вполне мне подходит.

Вазам улыбнулся, как если бы киммериец сказал что-то очень умное.

— Садись. Каждый должен терпеть неудобства путешествия, но вино, по крайней мере, смягчает их.

Усевшись по-турецки на подушках, Конан не обратил внимания на предложенные ему маринованные яйца куропаток и сладости: засахаренные орешки и халву, предложенные ему слугами, которые, казалось, появлялись и исчезали по волшебству, так тихо они это делали. Конан взял с подноса бокал из тяжелого золота, оправленный в широкое кольцо из аметистов. Вино пахло духами и напоминало на вкус мед.

— Слухи быстро распространяются здесь, — продолжал Карим Сингх. — Я вскоре услышал о тебе, бледнокожий великан с глазами, как у... Эти глаза приводят всех в большое смущение. — Однако в голосе *вазам* не прозвучало и нотки этого смущения. — Я знаю довольно много о западном мире, хотя он закрыт от глаз многих моих соотечественников и это загадочная земля для них. Прежде чем отправиться в Аграпур, чтобы заключить договор с царем Илдизом, я изучил многое из того, что было написано о ней. А когда я побывал там, я внимательно слушал. Я знаю кое-что о бледнокожих варварах северных стран, о том, что они отважные, страшные воины, беспощадные к врагам. Такие люди могут быть очень полезны.

Впервые за время этого путешествия Конан почувствовал, что он находится на понятной ему территории, но ему эта тема отнюдь не нравилась.

— Я поступил на службу до того, как попаду в Айдохью, — сказал он. — После этого у меня нет определенных планов.

— Ах да. Кхитаец. Он, конечно, шпион.

Конан чуть не поперхнулся вином.

— Купец?

— В Вендии всех чужеземцев считают шпионами. Так безопаснее. — Внимательный, напряженный взгляд Карима Сингха заставил киммерийца думать, что, возможно, он и его считает шпионом. — Однако шпион шпиону рознь. Например, шпион, который наблюдает за шпионом. Далеко не все в нашей стране с теплом думают о Вендии и держат змею в своем сердце. Меня, например, может очень заинтересовать следующее — с кем разговаривает в Вендии кхи-

таец и что именно он говорит. Это может заинтересовать меня настолько, что я заплачу золотом.

— Я не шпион, — сказал резко и сурово Конан. — Ни для кого на свете.

Лицо его собеседника на секунду дрогнуло, после чего *вазам* довольно улыбнулся:

— Отлично, Патил. Редко можно довериться человеку, который продается первому же покупателю.

В его голосе был покровительственный тон, который сделал глаза Конана холодными как лед. Он подумал было, что ему надо объясниться, но решил, что этот человек не понял бы саму идею чести и честности, даже если бы ее бросили ему прямо в лицо. Пока он пытался найти выход из этого положения и сменить тему разговора, взгляд киммерийца упал на танцовщиц, и его челюсть отвисла. Темные шали и вуали все еще покрывали лица пяти девушек — до самых глаз, но остальные их шелковые одеяния уже усеивали ковры под их ногами. Все их одежды, без остатка. Гибкие, нежные формы оливковых тел мелькали в танце по залу, подпрыгивая как газели и делая шпагат в воздухе, или извиваясь, словно их кости были подвижными, как у змей.

— А-а, тебе нравятся мои игрушки? — спросил Карим Сингх. — Это мои трофеи, как и полагается. Некоторые могущественные властители давно уже сопротивлялись мне. Но вскоре каждый из них обнаружил, что он был не столь уж могущественным, как думал, и что даже для властелина жизнь имеет свою цену. Например, любимая дочь. Каждый из этих владык положил свою плату к моим стопам. Они очень милы, ты не находишь?

— Очень милы, — хрипло согласился Конан. Он пытался заговорить более мягким, ровным голосом, чтобы не выдать свою неискренность и наивность. — И я не сомневаюсь, что их лица будут такими же красивыми, когда последняя вуаль упадет с них.

Карим Сингх моментально напрягся.

— Я забываю, что ты — чужеземец. Эти женщины принадлежат моему *пардхана*. Для них снять покрывающую лицо вуаль перед любым человеком, за исключением меня, является большим позором, да и для меня тоже.

Подумав о безупречных гибких телах, извивающихся в танце перед ним, Конан кивнул.

— Понимаю, — сказал киммериец медленно. Но он совсем ничего не понимал. Это была другая страна и другие обычаи, но этот обычай, похоже, напоминал сумасшествие. Глубоко вздохнув, он отложил в сторону бокал и поднялся на ноги. — Мне пора идти. Канг-Хоу скоро будет переправляться на другой берег.

— Да, конечно. И когда ты доберешься до Айдохьи и уже не будешь служить ему, я пошлю за тобой. Люди, которые преданы господину, всегда нужны, так как безжалостный воин обычно не сдерживает себя цивилизованными целями.

На это Конан даже не знал, что ответить. Он дернул головой, надеясь, что этот жест может сойти за поклон, и быстро вышел из шатра. У входа в шатер толстый человек с белым плюмажем на тюрбане ожидал его с серебряным подносом в руках.

— Подарок от моего повелителя, — сказал он, поклонившись. На подносе лежал красный кошелек из мягкой замши. Он был мягким и тяжелым, таким, что Конан мог почувствовать монеты внутри. Но киммериец не открыл его, чтобы пересчитать их или посмотреть, было ли это золото или серебро.

— Поблагодари своего господина за щедрость, — сказал он и внезапно бросил кошелек в руки ошеломленного слуги. — Подарок от меня. Раздели деньги среди слуг.

Он почувствовал глаза толстого слуги за своей спиной, когда шел к своей лошади, — двое слуг все еще стояли у коня; один удерживал уздечку, другой — стремя, пока киммериец взбирался в седло. Но ему было на это наплевать. Если Карим Сингх будет оскорблен поступком киммерийца, то так тому и быть. Конану уже по горло хватило общения с Его Высочеством, Советником Слона, или как там его называют. Кольцо из копий снова открылось, и Конан поспешил по направлению к реке. Ругающиеся погонщики верблюдов использовали длинные шесты, чтобы перевести своих тяжело нагруженных животных на плот, который плотно удерживали у берега рабы.

Все три плота были уже готовы. Один из них, на котором стояла вендийская знать, находился уже на середине реки, а последний, нагруженный верблюдами и торговцами, шел в десятке метров от него. Две группы людей — купцы на одном плоту и знать со своими странными карнавальными слугами на другом — говорили о том, что переправа началась вскоре после того, как Конан достиг этого берега. Дальний, противоположный берег, был переполнен стоящими в ожидании людьми. Киммериец не видел Канг-Хоу и других. Если он пересек бы реку в обратном направлении, у него были равные шансы, чтобы встретиться с купцом на середине реки.

Конан натянул поводья и подъехал к месту, откуда можно было бы видеть все три места высадки плотов. Пока черный жеребец стоял, обмахивая себя по бокам хвостом, отгоняя мух и переступая копытами, дрожа от нетерпения, чтобы пуститься вскачь, вендийский всадник подъехал и встал по-

зади него. Шелк и бархат вендийского костюма говорили о том, что всадник был офицером, а украшенные драгоценными камнями ножны сабли и позолота на шлеме с тюрбаном показывали, что он не просто офицер, но и принадлежит к знати. Презрительная усмешка была на его лице, а его глаза были подернуты дымкой жестокости. Всадник не говорил, а только пронзал великана киммерийца взглядом в злом молчании. Он уже пытался избежать стычки сегодня утром, напомнил себе Конан. Он легко мог сделать это снова. В конце концов, офицер только смотрел на него. Просто смотрел. Наклонившись, Конан тоже внимательно смотрел, но только не на этого дурня офицера, а на медленно приближающиеся плоты. Вендиец был один, поэтому его присутствие не имело ничего общего с отданным слуге кошельком *вазама*. По жизненному опыту Конан знал, что такие люди, как *вазам*, не отвечают на оскорбления подобными мелочами. Но, с другой стороны, это начинало казаться киммерийцу уже не такой уж и мелочью. Челюсти Конана плотно сжались от напряжения.

— Ты — человек, которого зовут Патил, — пролаял неожиданно вендиец. — Ты не из Вендии.

— Я хорошо знаю, кто я и откуда, — зарычал Конан. — А кто ты такой и откуда явился?

— Меня зовут князь Кандар, и я начальник телохранителей *вазама* Вендии. А ты следи за своим языком, если не хочешь потерять его!

— Я уже слышал сегодня эту угрозу, — сказал сурово Конан, — но мой язык все еще при мне, и я не отдам его так легко.

— Дерзкие и хвастливые слова, — ядовито усмехнулся Кандар, — для чужеземца с глазами *пан-кора*.

— С глазами... кого?

— *Пан-кор*. Порождение женщины и демона. Даже самые отъявленные невежды среди моих людей верят, что это может принести неудачу, несчастье и дурное предвестие всем, кого такой взгляд коснется. Они уже убили бы тебя, если бы я разрешил им это.

В глазах вендийца мелькнуло какое-то движение. Самые отчаянные невежды из его отряда? Конан улыбнулся и подался вперед.

— Как я уже сказал, я хорошо знаю, кто я и откуда.

Кандар отшатнулся и вздрогнул, а его лошадь сделала шаг влево, но он быстро пришел в себя, и его лицо снова стало каменным. Он дернул за поводья, и его лошадь успокоилась.

— Вендия — опасное место для чужеземца, кто бы он ни был и откуда бы ни появился. Чужеземцу, который не же-

лает опасаться того, что может ждать его за следующим поворотом или что может прийти в темноте ночи, лучше всего поискать защищающую его руку и иметь патрона-защитника в высоких кругах.

— И что требуется для того, чтобы найти такую руку и патрона? — спросил сухо Конан.

— Например, определенного рода информация, отрывки из некоторых разговоров и бесед, переданная этому патрону.

— Я сказал уже Кариму Сингху, — ответил Конан, отчеканивая каждое слово, — и я скажу тебе то же самое, что я не буду шпионить за Канг-Хоу.

— Кхитаец? О чем ты говоришь? *Вазам* интересуется им? Ба! Какое мне дело до купцов?

Конан почувствовал, что замешательство его собеседника перешло к нему, как болезнь.

— Если не Канг-Хоу, то кто же, во имя Девяти Адов Зандру?..

Внезапно сумасшедшая мысль озарила его как факелом.

— Карим Сингх?

— А-аа, — сказал Кандар, став внезапно самой вежливостью. — Это было бы весьма приятно.

— Я могу в это поверить, — пробормотал Конан, хотя в действительности он с трудом верил услышанному. — Я начинаю верить в то, что вы, вендийцы, действительно могли подписать договор с Илдизом в один день и убить Высшего Адмирала Турана на другой.

Мягкость, которая так внезапно овладела вендийцем, так же внезапно была смыта гримасой ярости, перекосившей его лицо. Он схватил руку Конана железной хваткой воина, владевшего мечом, и его зубы оскалились в рычании волка.

— Кто это говорит? Кто говорит эту ложь?

— Все в Султанапуре, — ответил негромко Конан. — Я полагаю, что все в Туране говорят это. А теперь отпусти мою руку, или, клянусь Кромом, я отрублю твою лапу.

Позади Кандара плот, нагруженный знатью, уже достиг берега, и люди быстро спрыгивали на полосу песка. Две вендийские женщины, сидящие боком на лошадях, проехали мимо Конана и князя. Одна из них была одета просто и покрыта вуалью, так что можно было видеть только ее глаза. Другая, чья лошадь шла впереди, была покрыта большим красным шелковым шарфом, закрывающим ее густые волосы цвета крыла ворона. В ее локоны были вплетены жемчужины, а на лице не было вуали. Цепочки и кулоны с камнями украшали шею, на руках женщина носила золотые браслеты с изумрудами, на пальцах сверкали кольца с сапфирами и рубинами. Когда Кандар, гневно взглянув на Ко-

нана, открыл рот, чтобы что-то сказать, женщина без вуали заговорила низким музыкальным голосом:

— Как приятно увидеть тебя, Кандар. Я думала, что ты избегал меня в последнее время.

Вендийский князь внезапно напрягся. Мгновение его глаза все еще жестко смотрели на Конана, после чего он резко сказал:

— Мы еще поговорим, варвар, ты и я.

Даже не взглянув на женщин, Кандар ударил свою лошадь шпорами и, пустив ее в галоп, поскакал к павильону *вазама*, который уже начали сворачивать слуги. Конан не слишком огорчился, увидев, что *вазам* ушел, особенно когда вместо него появилось такое чудесное создание, как эта украшенная драгоценностями женщина. Ее кожа была темно-смуглой и гладкой, а темные глубокие глаза были настоящими озерами, в которых любой мужчина мог легко «утонуть», причем с большой охотой. И эти темные влажные глаза изучали киммерийца с таким же интересом, с каким он наблюдал за владелицей этих глаз. Она улыбнулась, и Конан тоже ответил ей улыбкой.

— Кажется, что этот Кандар не очень-то любит вас, — сказал он. — Я думаю, что мне понравится любой, кто не нравится ему.

Смех женщины был таким же мелодичным, как и ее голос.

— Совсем наоборот, я чересчур нравлюсь Кандару. — Она увидела замешательство киммерийца и снова засмеялась. — Он хочет меня для своей *пардоханы*. Однажды он зашел так далеко, что попытался меня даже похитить.

— Когда я хочу женщину, я не скачу в сторону, даже не взглянув на нее. — Конан смотрел в эту минуту на нее, так что она могла понять, что он говорил о Кандаре.

— У него есть на это причина. Моя служанка, Алина... — Незнакомка небрежно махнула рукой в сторону покрытой вуалью женщины. — Его сестра.

— Его сестра! — воскликнул Конан, и женщина снова засмеялась. Покрытая вуалью девушка безмолвно зашевелилась в седле.

— А-а, понимаю, ты удивляешься, что сестра знатного человека может быть рабыней. Дело в том, что Алина была замешана в деле со шпионами и ее ожидал топор палача, но я выкупила ее жизнь. Затем я дала бал у себя во дворце, на который был приглашен и Кандар. Он собирался снова грубо давить на меня, мужлан! Но когда он увидел Алину среди моих танцовщиц, он почему-то бросился бежать из моего дворца. Видишь, как легко можно избавиться от этого надоедливого дурня?

Конан уставился на это красивое смеющееся лицо, которое казалось таким открытым и даже невинным, и только то, что он услышал и увидел в это утро, заставило его поверить ее словам.

— Вы, вендийцы, похоже, любите наносить удары по своим врагам через других. Неужели ни один из вас никогда не встречается лицом к лицу с противником?

Ее смех напоминал звенящие колокольчики.

— Вы, с Запада, так прямолинейны, Патил. Ах, эти Туранцы! Они думают о себе, как о хитрых и искусственных в интриге. Они совсем как дети, простодушны и наивны.

Конан моргнул при этих словах. Простодушны? Туранцы? Затем что-то еще из того, что она сказала, кольнуло его.

— Ты знаешь, как меня зовут.

— Я знаю, что ты тот, кто называет себя Патилом. Человек должен быть абсолютно глухим, чтобы не услышать о таком чужеземце, как ты, который называет себя вендийским именем. Ты меня заинтересовал.

Ее пристальный взгляд был как нежное прикосновение руки, скользнувшей по широким плечам и груди киммерийца, до его бедер и пояса. Очень многие женщины смотрели на него похожим взглядом, и иногда ему это даже нравилось. Но сейчас Конан чувствовал себя, как жеребец в конюшне, выставленный на продажу.

— И ты тоже хочешь, чтобы я шпионил за кем-то? — спросил он резко.

— Как я уже сказала прежде, — улыбнулась она. — Прямолинейный. И непосредственный, как дитя.

— Я не ребенок, женщина, — прорычал он. — И мне не нужны ваши вендийская хитрость и коварство.

— Знаешь ли ты, почему так много придворных царя Бандаркара сопровождали *вазама* в Туран? Это была не только его свита, как, кажется, думали туранцы. Я нашла в Туране хороших жонглеров и акробатов, которые делают свои трюки иначе и которые очень придутся ко двору в моем дворце в Айдохье. Я также привезла оттуда танцующего медведя и несколько ученых мужей. Хотя я должна заметить, что философов Турана нельзя сравнить по учености с их коллегами из Кхитая.

— Неужели никто из вас никогда не говорит прямо? Какое отношение имеют все эти вещи ко мне?

— В Вендии, — сказала незнакомка, — наслаждение жизнью — это сама жизнь. Так мы живем. Люди при дворе устраивают охоты и пиры, хотя последние очень часто превращаются просто в пьяные дебоши. Но в любом случае ни то ни другое не подходит для женщины знатного происхождения. Однако на каждое решение, принятое мужчинами

верхом на лошади на охоте за дикими кабанами, приходится два решения, которые он сделал во дворце знатной женщины. Ты можешь спросить, каким образом обычные, даже знатные женщины могут соперничать с принцами и князьями? Мы собираем вокруг себя философов, мыслителей, ученых, самых лучших музыкантов, самых талантливых поэтов, самых лучших актеров и ремесленников, которые делают свои чудесные вещи из металла или камня. Все новые пьесы тут же играют в наших дворцах, и у нас всегда можно найти странных, необычных путешественников из далеких, загадочных стран. Не мешает и то, что наши служанки и рабыни выбраны за их красоту, хотя, в отличие от мужчин, мы требуем аккуратности в обращении с ними.

Лицо Конана мрачнело все больше и больше по мере того, как он слушал ее. Теперь же он взорвался:

— Так вот какой у тебя интерес ко мне? Я должен стать твоим танцующим медведем, пляшущим под дудку?

— Я не думаю, что женщины при дворе царя считают тебя танцующим медведем, — сказала она, — хотя ты почти такой же большой, как и медведь. — Внезапно она посмотрела на Конана сквозь свои густые ресницы, и кончик ее языка коснулся полных губ. — Я также не хотела бы видеть тебя на доске, где медведь стоит, — добавила она гортанным голосом.

— Ко... Патил! — донесся крик, и Конан увидел, что Ордо направил свою лошадь вверх по реке.

— Я должен идти, — грубовато сказал киммериец женщине, и она кивнула, как бы говоря, что ее вполне удовлетворяет его манера говорить.

— Приходи ко мне сегодня ночью, о великан, который зовет себя Патилом. Мой интерес к тебе еще не пропал. — Улыбка смахнула жадный взгляд соблазнительницы, и ее лицо снова приняло невинное выражение. — Ты не спросил моего имени. Меня зовут леди Виндра. — И взмахом своего украшенного золотом хлыста она направила лошадь вперед. Женщина с вуалью последовала следом за ней.

Позади Ордо слуги Канг-Хоу уже вели на берег верблюдов торговца, которых сопровождали вооруженные контрабандисты. Одно из горбатых животных уже прыгнуло на берег, в то время как Хасан и Шамил с явным желанием и возбуждением помогали Чин-Коу и Кай-Ше садиться в покрытые навесом *каджавы* — своеобразные сиденья, укрепленные на боках верблюдов.

— Красивая девка, — заметил Ордо, уставившись вслед удаляющейся Виндре. — И неплохо сидит в седле. — Он осмотрелся вокруг, чтобы проверить, нет ли кого-нибудь

поблизости, после чего понизил голос. — Ты нашел эти сундуки?

Конан отрицательно покачал головой.

— Но они здесь, я знаю это. Кто-то пытался сегодня убить меня.

— Это всегда недурной способ, чтобы начать очередного дня, — сказал сухо Ордо. — Узнал ли ты вообще хоть что-нибудь?

— Трое людей пытались нанять меня как шпиона, и эта «красивая девка» хотела добавить меня к своей коллекции диких животных.

— Я никогда не понимал твоего юмора, киммериец.

— Я также узнал, что мои глаза являются порождением демона, и помимо этого понял, что Вендия — это сумасшедший дом.

Одноглазый хмыкнул, когда сел в седло лошади.

— Первое я уже говорил тебе сам — и не один раз. Что касается второго, это известно всем. Похоже, что мы наконец начали двигаться.

Отряд и свита *вазана* (Конан вспомнил, как Торио сказал, что они должны быть первыми на марше) растянулись в длинную линию по направлению к юго-востоку; вендийские копейщики, разделенные на две колонны, охраняли свиту слева и справа. Сам Карим Сингх сидел в богатого украшенных носилках из золота и черного дерева, которые несли четыре лошади. Арочный навес из блестящего белого шелка раскинулся над паланкином, и длинные прозрачные полотна из золотистого туранского газа драпировали его края. Кандар скакал позади носилок, низко наклонившись к человеку внутри и что-то горячо говоря ему.

— Если они пытались убить тебя, — продолжал Ордо, — то по крайней мере, ты расшевелил их.

— Да, пожалуй, ты прав, — сказал Конан. Он оторвал свой взор от носилок *вазана*. — Нам пора присоединиться к Канг-Хоу и остальным, Ордо. Впереди еще много часов похода.

Глава 13

Ночь и глубины земли были необходимы для некоторых вещей. Некоторые вещи просто не могли вытерпеть света дня или открыть себя светлomu голубому небу. Как уже часто случалось в последнее время, ночь застала Найпала в комнате с серым куполом, глубоко под дворцом. Сам воздух в этом зале пах колдовством, слабый сладковатый запах тления, смешивавшийся с непонятным, неопределенным, но явным дьявольским запахом зла.

Этот запах пропитал все вокруг и мог свести с ума. Но чародей старался не вспоминать о том, что случилось в этом зале в прошлый раз, да и не хотел об этом даже думать. Он взглянул на ожившего воина, который стоял неподвижно, как камень, у блестящей, мерцающей стены, на том самом месте, где Найпал приказал ему встать в прошлую ночь. Глаза колдуна метнулись к рабочему столу, пробежав мельком по ларцу из резной слоновой кости. Там, в хрустальных флаконах, находились пять необходимых ингредиентов для передачи жизни, и у него теперь были все составные части.

В гробнице царя Ориссы под затерянным городом Махарастра стояли двадцать тысяч бессмертных воинов. Неумирающая, всепобеждающая армия. И он может дать жизнь примерно двадцати из них. С диким рычанием Найпал принялся ходить взад и вперед по комнате. Старые колдуны, которые подготовили гробницу Ориссы, в точности выполнили приказ царя, чтобы создать его вечных телохранителей в полном соответствии с его инструкциями. Но эти маги и специалисты по изготовлению мумий боялись, что применение для этих телохранителей может быть ужасным, если кто-нибудь сумеет их разбудить от вечного сна, и они придумали одну хитрость. Только один из пяти необходимых ингредиентов можно было найти в Вендии, да и тот был очень редким. Что касается остальных четырех, то их можно было отыскать в землях, само существование которых было не больше чем легендой даже спустя две тысячи лет после гибели Ориссы. Эти ингредиенты были также выбраны еще и потому, что их почти не употребляли маги и чародеи.

Наипал конечно же позаботился о том, чтобы их получить, но какой в них будет толк, если катастрофа разразится над головой чародея до того, как он их получит? Силой заставив себя взглянуть на резной ларец, Найпал сжал пальцы в кулаки и гневно посмотрел на сундучок, как если бы он задумал разбить его. Когда прошлой ночью Найпал вышел наконец из зала, это скорее напоминало бегство. Крадясь по коридорам своего собственного дворца, как вор, он говорил себе, что это не оцепенение, не страх вернулись к нему. Он уже давно победил в себе эти чувства. Ему просто нужен был отдых, вот и все. Ему нужно было встряхнуться и отвлечься. Были вызваны музыканты, столы были накрыты вином и едой, но даже самые изысканные блюда в этот день напоминали колдуну по вкусу древесные опилки, а игра цитры и флейты действовала на нервы. Он приказал высечь и поваров, и музыкантов. По двое и по трое приводили к нему женщин из его *пардханы*, и они все вернулись назад, плача от того, что не сумели его развеселить. Пять раз в

этот день Найпал приказывал раздавать по десять тысяч *пайсов* бедным от его имени, но даже это не улучшило настроения. И вот он снова пошел в свою колдовскую залу глубоко в подземелье. Здесь он по крайней мере смог встретиться лицом к лицу с опасностью, чем бы она ни была и от кого бы она ни исходила. Его руки коснулись плоского резного ларца из слоновой кости... и он вдруг остановился от звука мелодичного колокольчика. Колдун нервно дернул головой по направлению звука. На самом краю столика из красного дерева, заполненного хрустальными пробирками и ретортами, в которых находились странного цвета жидкости и порошки, причудливо мерцающие зеленоватым и желтым огнем, запечатанные свинцовыми пробками бутылки, покоился плоский сундучок, на этот раз из полированного мореного дуба с серебряным колокольчиком, стоящим на нем. Колокольчик был покрыт причудливой нитью старинных букв и символов. Пока Найпал смотрел на него, колокольчик снова зазвенел.

— Ага, значит, этот дурак все же нашел достаточно мужества, чтобы использовать его, — пробормотал Найпал.

Чародей помедлил несколько секунд, пытаясь разобраться в своих собственных мыслях, но колокольчик зазвонил опять. Тяжело дыша, колдун обошел стол и встал рядом с сундучком из тикового дерева. Колдун откинул крышку сундука и уставился на зеркало, в котором увидел свое отражение и отражение всего того, что было в зале, как в любом другом зеркале. Зеркало было установлено на шарнирах и роликах таким образом, что его можно было передвинуть влево и вправо и установить под любым углом. Найпал передвинул его почти перпендикулярно столу. Затем поставил восемь крошечных костяных подносов на серебряные столбики, которые выходили из отверстий на краю сундучка, — по одному отверстию в каждом углу и один в самом центре. Снова зазвенел колокольчик, и колдун выругался. Зеленоватого цвета пудра, приготовленная заранее и поставленная в коробочке рядом с зеркалом, была аккуратно ссыпана маленькой золотой ложкой на костяные подносы. Наконец Найпал достал из шкатулки маленькую серебряную колотушку, украшенную теми же письменами и орнаментом, что и колокольчик.

— *Са-а-ре!* — нараспев протяжно сказал Найпал.

Голубая искра сорвалась с колотушки и коснулась колокольчика. Колокольчик зазвенел. Одновременно с этим порошок на четырех подносах вспыхнул голубым пламенем. Но еще до того, как эти крошечные языки огня потухли, чародей снова заговорил:

— *Ка-а-ре!*

И снова колокольчик зазвенел от прикосновения голубого пламени.

— *Ма-а-рел! Ди-ин-дар!*

После третьего звонка колокольчика отражение Найпала в зеркале задрожало и исчезло, превратившись в разноцветную пляску цветных линий и искорок. Медленно, очень медленно какофония красок стала преобразоваться в образ узколицего человека в тюрбане из дорогого, прошитого золотыми нитями шелка, обернутого несколькими золотыми цепочками и украшенного большими рубинами.

— Найпал? — сказал человек. — Хвала Асуре, что это ты.

— Ваше Сиятельство, — сказал Найпал, подавив в себе раздражение, — чем я могу служить Советнику Слона, который вскоре *будет* Слоном?

Карим Сингх вздрогнул и быстро посмотрел по сторонам, как бы опасаясь, что кто-нибудь может услышать его. Этот человек не мог быть настолько глупым, подумал Найпал, чтобы разрешить кому-нибудь помимо него присутствовать в комнате, когда он смотрит в живое зеркало. Разве он мог такое допустить?

— Ты не должен говорить подобные вещи, — сказал *вазам*. — Один Асура знает, кто может нас подслушать. Возможно, другой колдун. Особенно в это время.

— Ваше Сиятельство, я уже объяснял, что только те, кто находятся рядом с одним из зеркал... — Найпал остановился и глубоко вздохнул. Объяснять этому дураку в сотый раз было абсолютно бесполезным занятием и потерей времени. — Я, Найпал, придворный маг царя Вендии Бандаркара. Я планирую заговор и убийство Бандаркара и плюю на него. Я собираюсь помочь Вашему Сиятельству сесть на трон Вендии. Ваше Сиятельство все понимает. Я бы не говорил всего этого, если бы кто-нибудь мог нас услышать.

Карим Сингх кивнул, соглашаясь, хотя лицо его было смертельно бледным.

— Я полагаю, я должен... доверять тебе, Найпал. В конце концов, ты преданно служишь мне. Я также полагаю, что ты знаешь, что тебе лучше выказать мне больше преданности, чем та, что ты оказывал Бандаркару.

— Я слуга Вашего Сиятельства, — поклонился колдун. Найпал подумал, имел ли этот человек хоть какое-то представление о том, насколько его восхождение к власти было делом рук колдуна. — И чем же я могу служить сейчас Вашему Сиятельству?

— Я... точно не знаю, — неуверенно сказал *вазам*. — Впереди может быть катастрофа. Договор разрушен, в этом нет никакого сомнения. Наши головы могут полететь с плеч. Я предупреждаю тебя, Найпал, я не пойду на плаху один.

Найпал раздраженно вздохнул. Договор с Тураном следовал тем простым формулам, которые он вложил в голову Карима Сингха и которые тот считал своими собственными. Чтобы захватить трон Бандаркара после его смерти чародею необходимы были беспорядки и хаос в стране. Внешние враги, как правило, только объединяли людей. Поэтому все страны, которые могли угрожать Вендии — Туран, Иран, Иран, города-государства Китая, Утгара Кору и Камбия, — все они должны были быть умиротворены, чтобы не чувствовали опасности со стороны Вендии, а также чтобы в свою очередь не угрожали войной. Колдун предпочитал всему прочему метод манипуляции людьми, занимающими ключевые позиции, иногда используя и магию, где это было необходимо. Только Карим Сингх думал, что одними договорами можно чего-то добиться. И все-таки именно путешествие в Туран *держало* его в безопасности от длинных рук Найпала в течение некоторого времени.

— Ваше Сиятельство, если Илдис не подпишет договор, это не будет иметь большого значения. Конечно же, даже если Бандаркар и будет недоволен этой неудачей и рассердится на Ваше Сиятельство, у него не хватит времени на то, чтобы...

— Слушай меня, идиот! — Глаза Карима Сингха вылезли из орбит в припадке истерии. — Договор *был* подписан! И в течение всего нескольких часов после этого Высший Адмирал Турана был убит! Погиб от рук вендийских асасинов! Кто еще, как не сам Бандаркар, осмелится на такое? И если это действительно его рук дело, то что это за игра, в которую он играет? Действительно ли мы идем против него незамеченными, или же он просто играет с нами, как кошка с мышкой?

Пот выступил на ладонях Найпала, пока он слушал *вазamu*, но чародей не вытирал соленых капель, так как его собеседник мог это увидеть. Его глаза скользнули по ларцу из слоновой кости. Армия? Возможно, под командой колдуна? Но каким образом она могла быть собрана без его ведома?

— Бандаркар не может ничего знать, — сказал он наконец. — Уверено ли Ваше Сиятельство во всех фактах? Слухи и сплетни иногда бывают искажены и раздуты.

— Кандар казался убежденным во всем. И этот Патил, который все ему рассказал, не был похож на человека, искушенного в интриге. Да что там говорить, он простодушен и наивен, как новорожденный младенец.

— Опиши мне внешность... этого Патила, — сказал мягко колдун.

Карим Сингх нахмурился.

— Варвар. Высокий варвар с бледной кожей и глазами *пан-кора*. Куда ты исчез? Эй, Найпал!

Прежде чем *вазам* успел описать наружность Конана, колдун подскочил к столу и схватил резной ларец из слоновой кости. Он откинул крышку, отмахнул рукой шелковые платки и уставился в зеркало, которое показывало ему ту же картину, что и прежней ночью, — огромное море огней в темноте. Это была не армия, как чародею тогда показалось. Просто большой караван. Внезапно кусочки мозаики сошлись вместе, хотя на каждый вопрос еще предстояло найти надлежащий ответ. Найпал вдруг сообразил, что Карим Сингх проклинает его исчезновение и ругается всеми святыми.

— Найпал! Чтоб тебя испепелила Катар! Где ты? Вернись немедленно или клянусь Асурой!..

Колдун снова подошел близко к зеркалу, в котором виднелось обезумевшее от волнения и покрасневшее лицо Карима Сингха.

— Ага, ты вернулся как раз, чтобы спасти свою дурную голову! Как ты посмел уйти, даже не спросив у меня разрешения? Я не потерплю такого!..

— Ваша Светлость, простите меня. Ваша Светлость должна выслушать меня. Этот человек, который зовет себя Пантилом, этот гигант варвар с глазами *пан-кора*...

Найпал невольно содрогнулся при этих словах — возможно, это было дурным предзнаменованием или даже хуже?

— Он должен умереть и все, кто находится вместе с ним. Сегодня же ночью, Ваша Светлость.

— Почему? — требовательно спросил Карим Сингх.

— Его описание, — сочинил на ходу колдун. — Различные откровения и видения, которые снизошли на меня, дали мне знать, что человек, соответствующий этому описанию, может разрушить все наши планы. И еще одна угроза для нас состоит в том, что в том же самом караване, где находится и Ваша Светлость, есть люди, которые могут нам помешать. Я узнал об этом только что. В караване есть группа вендийских купцов. Их глава, человек, которого зовут Сах-Ба, хотя он может использовать и другое имя. У них есть вьючные животные вместо верблюдов с тюками, похожими на те, что перевозят шелк.

— Я полагаю, что и эти люди также должны умереть, — сказал Карим Сингх, и Найпал кивнул.

— Ваша Светлость понимает все очень хорошо.

Колдун отдал приказы, которые явно не были выполнены до конца. Ему не повиновались. Найпал терпеть не мог неповиновения, и виновные должны быть сурово наказаны.

— Я снова спрашиваю, почему?

— Искусство пророчества и божественного откровения непонятно во всех деталях, Ваша Светлость. Все, что я могу сказать определенно и наверняка сейчас, это то, что каждый день, каждый час жизни этих людей создают угрозу восхождения Вашей Светлости на трон. — Колдун выдержал паузу, осторожно подбирая слова. — Есть еще кое-что, что я должен вам сказать, Ваша Светлость. Внутри тех тюков, которые похожи на тюки шелка, которые везут с собой вендийские торговцы, находятся сундуки, запечатанные свинцовыми печатями. Эти сундуки должны быть доставлены ко мне с нетронутыми печатями. И я должен добавить, что последнее более важно для того, чтобы Ваша Светлость взошла на трон, чем все остальное, чем все, что мы пока сделали и предприняли. Сундуки должны быть доставлены ко мне с нетронутыми печатями.

— Мое восхождение на трон, — сказал бесцветно Карим Сингх, — зависит от сундуков, которые должны быть доставлены тебе? От сундуков, которые были в том же караване, где нахожусь и я? От сундуков, о существовании которых ты ничего до этого не знал?

— Клянусь Асурой, это правда, — ответил Найпал. — Пусть будет проклята моя душа, если это неправда.

Ему было легко произнести слова этой клятвы — его душа была проклята уже давно.

— Ну что ж, хорошо. Пусть будет так. Все эти люди будут мертвы еще до восхода солнца. И сундуки будут также доставлены к тебе. Мир тебе.

Серебряный колокольчик зазвенел опять, и, отразившись таким же звоном, зазвенел его близнец далеко отсюда, в шатре *вазама*. Лицо в зеркале дрогнуло и исчезло, а для Карима Сингха его зеркало также стало обычным зеркалом.

— И мир тебе, самый лучший из всех глупцов, — пробормотал колдун.

Его ладони все еще были мокры от пота, но по крайней мере смерть даст ему все ответы, которые он искал. Улыбаясь, он вытер вспотевшие ладони о свой шелковый халат.

Глава 14

Полная темнота была разбита на большом расстоянии сотнями костров погруженного в ночь лагеря, которые были разбиты среди более чем тысячи палаток и шатров. Многие из этих палаток мерцали желтым огнем от ламп, зажженных внутри, которые отбрасывали дрожащие загадочные тени на стены из шелка или хлопко-

вой ткани, делая их почти невидимыми. Звон цитар и люти наполнял воздух, и над лагерем разносился аромат шафрана и корицы от еды, которую недавно поели их обитатели за ужином. Конан приблизился к шатру Виндры с неуверенностью, которая была непривычна для него. В течение всего дня похода он избегал ее, и если это заключалось в основном в том, чтобы находиться с верблюдами Канг-Хоу, вместо того чтобы встретиться с ней, то это было далеко не так легко сделать, как это могло показаться. Вполне возможно, что она хотела его только как забавную, странную игрушку для своих знатных друзей в Айодхье, этого чудачковатого варвара с глазами демона, на которого можно любоваться как на странную заморскую диковину или дикого зверя, но с другой стороны, женщина не смотрела кокетливо на диковину сквозь свои густые длинные ресницы. В любом случае, она была красива, а он был молод, и поэтому он пришел, как она и просила его. Наклонившись над входом-пологом в шатер, он столкнулся с Алиной, которая внимательно и остро посмотрела на него. Он едва мог различить ее глаза сквозь вуаль.

— Твоя госпожа... — начал было он и оборвал свою фразу, когда гневная вспышка мелькнула в глазах девушки. Но она исчезла так же быстро, как и появилась, и девушка низко поклонилась ему, уступив дорогу. Шатер Виндры был, конечно, меньше по размерам шатра Карима Сингха, но он точно так же был разделен на перегородки-комнаты шелковыми тонкими занавесками. В центральной «комнате», которая была устлана тончайшей работы вендийскими коврами и освещена золотыми лампами, стояла, ожидая его, Виндра.

— Ты пришел, Патил. Я очень этому рада.

Конан стиснул зубы, чтобы не открыть рот от изумления. Золото, рубины и изумруды все еще украшали ее прическу, но те одежды, которые она носила до этого, сменились прозрачной материей из тончайшего газа. Она была покрыта тканью от шеи до щиколотки, и в то же время ее поза у лампы отбрасывала завораживающие, чарующие тени ее гибкого красивого тела, а сильный запах жасмина, исходивший от ее умощенной кожи, казалось, был самым символом безнравственности и коварства.

— Если бы это был Туран, — сказал он наконец, обретая дар речи, — или Заморра, или Немедия, и в комнате были бы две женщины, одетые, как ты и твоя служанка, Алина была бы на свободе, а ты была бы рабыней. Для мужчины, разумеется, к его вящему удовольствию.

Виндра улыбнулась и прикоснулась пальцем к губам.

— Как глупо со стороны этих женщин давать возмож-

ность своим рабыням затмевать их красоту. Но если ты хочешь увидеть Алину, я прикажу ей танцевать для тебя. Боюсь, что, кроме нее, у меня нет больше других девушек-танцовщиц. В отличие от Карима Сингха и других мужчин, я не считаю их такой уж необходимостью.

— Я с гораздо большим удовольствием увидел бы, как ты плясешь для меня, — сказал он ей, и она тихо засмеялась.

— Вот этого не увидит ни один мужчина.

И в то же время она обвила руками в воздухе и подняла их, как настоящая танцовщица, и одно это заставило пересохнуть горло Конана. Ткань почти не скрывала ее округлые бедра и острую грудь.

— Я хотел бы хлебнуть немного вина, — сказал он хрипло.

— Разумеется. Алина, принеси вина и сладостей. Но сядь, Патил. Отдохни.

Она легонько толкнула его на подушки из шелка и бархата. Он так и не понял, каким образом ей это удалось, так как ей пришлось поднять свои маленькие руки, чтобы положить их на его плечи, но он подозревал, что ее жасминовые духи имели к этому какое-то отношение. Он попытался обнять ее обеими руками, после того как она так соблазнительно наклонилась к нему, но она гибко ускользнула от него, как угорь, и откинулась на подушки в двух шагах от него. Он наполовину поднялся на локтях и принял бокал душистого вина от Алины. Бокал был таким же тяжелым золотым бокалом, как и тот, какой предложил ему *вазам*, но вместо аметистов он был украшен полированным кораллом.

— Вендия, похоже, очень богатая страна, — сказал он после того, как выпил вино, — хотя я еще не достиг ее, чтобы все это увидеть своими глазами.

— Это правда, — сказала Виндра. — А что еще тебе известно о Вендии, до того как ты попадешь туда?

— Вендийцы делают ковры, — сказал он, — и они опрыскивают духами свое вино и своих женщин.

— А что еще? — захихикала она.

— Женщины из *пардхана* считают большим позором обнажить свои лица, хотя обнажать все остальное считается в порядке вещей.

Эти слова вызвали откровенный громкий смех, хотя легкая краска выступила на лице Алины сквозь ее вуаль. Конану нравился смех Виндры, хотя он уже стал уставать от шуток и игры.

— Если не считать всего этого, Вендия, похоже, знаменита еще своими шпионами и асассианами-убийцами.

Обе женщины широко раскрыли в ужасе рты, и лицо Виндры побелело.

— Мой отец был убит катари. Как и отец Алины.

— Катари?

— Это асассины, которыми так знаменита Вендия. Ты хочешь сказать, что даже не знаешь их имени. — Виндра покачала головой и содрогнулась от страха. — Они убивают людей, иногда за золото, иногда просто ради каприза, но всегда смерть жертвы посвящена жестокой, страшной богине Катар.

— Я где-то слышал это имя, — сказал он, — где-то слышал.

Виндра презрительно фыркнула.

— Несомненно, что это имя сорвалось с губ мужчины. Это излюбленное проклятие у вендийских мужчин. Ни одна женщина не могла быть настолько глупой, чтобы назвать имя богини, посвященной вечной смерти и крови.

Она явно дрожала при этих словах, и он мог чувствовать, как она замыкается в себе от страха. Он быстро сменил разговор, переключившись на тему, куда более приятную для женских ушей. «Один из ее поэтов, несомненно, тут же сочинил бы подходящие к месту стихи», — подумал с горечью он, но вся поэзия, которую он знал, была переложена на слова песни, и большинство из них были такими, от которых могла покраснеть и портовая шлюха.

— Человек из твоей страны сказал сегодня что-то очень необычное, — сказал он медленно и произнес слова, которые не могли бы ее расстроить.

— Он сказал, что мои глаза выдают во мне порождение демона, *пан-кора*, как он его называл. Ты явно не веришь этому, иначе ты с криками ужаса бросилась бы бежать от меня, вместо того чтобы пригласить меня выпить глоток вина.

— Я могла бы в это поверить, — сказала она, — если бы не говорила со знающими людьми, которые сказали мне о далеких землях, где все мужчины — высокие силачи с глазами, которые горят, как сапфиры. И кроме того, я очень редко бегу от чего-либо с криком страха. — Легкая улыбка вернулась на ее лицо, и ее губы слегка дрогнули. — Конечно, если ты действительно утверждаешь, что являешься *пан-кором*, я никогда не сомневалась бы и в человеке, который зовет себя Патилом.

Конан слегка покраснел. Похоже что каждый в караване знает, что это имя ему не принадлежит, но он не мог заставить себя сказать, что это не его имя и что он сказал неправду.

— Я прежде уже сражался с демонами, — сказал он, — но я не из их породы.

— Ты сражался с демонами? — воскликнула Виндра. — Правда? Я видела демонов однажды, около двух десятков, но я не могу даже себе представить, что *кто-то* действительно может сразиться с ними, что бы ни говорили легенды.

— Ты видела демонов?

Несмотря на то, что он встречал этих адских созданий и прежде, Конан также знал, что демоны, да и колдуны, если уж на то пошло, встречаются в мире не так уж часто, как полагает большинство людей. Просто киммерийцу очень «везло» с ними, хотя Ордо настаивал на том, что на Конане лежит какое-то проклятие.

— Целая свора в одном месте?

Темные глаза Виндры сверкнули яростным огнем.

— Ты не веришь мне? Там было много свидетелей, не только одна я. Пять лет назад во дворце царя Бандаркара тот, кто тогда был придворным магом, был унесен на глазах у всех придворных демонами. Его звали Заил Бал. Демонов звали *раджайе*, они выпивают жизнь, как вино из тел своих жертв. Теперь ты видишь, что я знаю, о чем говорю.

— Разве я сказал, что не поверил тебе? — сказал Конан. Он мог поверить в то, что двадцать демонов могут появиться одновременно в одном месте. Гораздо меньше он мог поверить в то, что кто-то мог спастись в такой ситуации. Если бы Конан увидел это своими собственными глазами, наверное, его удача все-таки осталась бы при нем.

Легкая морщинка пролегла между бровями Виндры, как если бы женщина сомневалась в искренности киммерийца.

— Если ты действительно сражался с демонами... Ты видишь, что я не сомневаюсь в правдивости *твоих* слов... тогда ты безусловно просто обязан остановиться в моем дворце в Айодхье. Да что я говорю, даже сам Найпал захочет встретиться с человеком, который сражался с демонами. Какое это будет торжество!

Это было очень приятно слушать, подумал Конан уныло, если бы она не упомянула имя другого мужчины.

— Ты хочешь, чтобы там был я или этот Найпал?

— Разумеется, я хочу чтобы вы оба были там. Подумай о том, какое это будет развлечение и изумление для всех присутствующих. Ты, великан воин, который явно прибыл из дальних и загадочных стран и сражался там с демонами. И он, придворный маг и чародей Вендии, человек, который...

— Колдун, — тяжело выдохнул Конан. Ордо решил бы,

что он сделал это нарочно, иначе он пробормотал бы ругательство.

— Да, чародей, — сказала Виндра. — Это самый загадочный, самый таинственный человек во всей Вендии. Не больше, чем горсть людей, за исключением царя Бандаркара (и, пожалуй, Карима Сингха), знают его в лицо. Женщины желали побывать в его личных покоях только для того, чтобы потом сказать, что видели его лицо.

— Я никогда не встречал этого человека, — сказал Конан, — да и не стремлюсь к этому.

Ее смех был глухим и развратным.

— О, он довольно часто встречается с женщинами, с теми, которые достаточно красивы. Они исчезают на несколько дней и возвращаются совершенно утомленные, рассказывая о невероятной силе страсти, но когда их спрашивали описать его внешность, это описание делалось туманным. Его лицо, по их словам, вполне могло подходить любому красивому мужчине. И все же любовный экстаз и наслаждение, испытываемое ими, было столь велико, что даже я сама думала о...

Конан пробормотал ругательство и отшвырнул в сторону золотой бокал. Виндра взвизгнула, когда киммериец вскочил, схватив ее лицо ладонями.

— Я совсем не хочу, чтобы тебя привлекал какой-то там колдун, — горячо сказал Конан. — Я не потому хочу тебя, что ты из страны, которая находится далеко от моей родины, или потому что ты кажешься странной для людей моей страны. Я хочу тебя, потому что ты прекрасная женщина и ты заставляешь мою кровь кипеть, как расплавленная медь.

В ее глазах было одобрение и приглашение не останавливаться на словах, и когда Конан поцеловал ее, она спрятала свои руки в волосах киммерийца, как будто это она держала его, а не наоборот. Когда наконец Виндра прижалась со вздохом к груди Конана, в ее больших темных глазах была хитрая искорка, маленькие белые зубы прикусили полную нижнюю губу.

— Ты собираешься взять меня сейчас? — спросила она мягко и добавила, когда Конан что-то зарычал в ответ: — Сейчас, когда Алина стоит рядом и наблюдает?

Конан не отвел глаз от ее лица.

— Она все еще здесь?

— Алина предана мне по-своему и очень редко оставляет меня.

— И ты не собираешься отослать ее на время...

Эта фраза была не просто вопросом.

— Неужели ты хочешь отделить меня от моей преданной служанки? — спросила Конана Виндра с широкой улыбкой.

Прочистив горло, Конан вскочил на ноги. Алина стояла рядом, и в ее светлых глазах, сверкавших под вуалью, читалось удивление, смешанное с весельем.

— Я не имел бы ничего против того, чтобы связать вас спина к спине веревками в седле, как тюки с шелком. Но вместо этого я лучше поищу хорошую, честную шлюху в этом караване, так как ваши игры уже начинают мне надоедать.

Конан быстро вышел из шатра, думая, что обрезал все связующие нити раз и навсегда, но веселые слова проводили киммерийца прежде, чем он опустил за собой полог шатра.

— Ты очень грубый и неистовый человек, о тот, кто называет себя Патилом. Ты будешь хорошей забавой и развлечением для моих друзей.

Глава 15

Рядом с лагерем было немало сводников. Конану было хорошо известно, что в таких больших караванах они всегда должны быть. Все они делились на два типа. У Карима Сингха конечно же были с собой рабыни и наложницы из гарема, так же, как и у других людей вендийской знати и даже у многих богатых купцов, но что касается остальных (стражников, солдат, погонщиков верблюдов и мулов), то от Хоарезма до Секандерама был долгий путь — и без женщин. И вот тут на помощь и приходили сводники. Они установили свои столики, сделанные из досок, поставленных на бочки у своих палаток, сидели и потягивали вино, пока солдаты и конюхи ждали своей очереди войти в палатки. Они давали бесплатно дешевое вино, которое подносили своим клиентам столь желанные ими женщины, худые и полные проститутки, низкие и высокие девицы, совсем еще юные и уже не первой свежести. Мягкая, доступная плоть. И если их позолоченные пояса висели низко на бедрах, а полосы из толстого шелка покрывали тело лучше, чем тот газ, что носили девушки-танцовщицы из *пардханы*, то вся эта одежда могла быть сброшена за одну серебряную монету, так женщины *были* товаром, который продавался здесь. Конан понял, что не женщины ему сейчас нужны.

Он сидел на пустой бочке перед палаткой второго купца-сводника, потягивая из глиняной кружки дешевое разбавленное вино, с девушкой, у которой была очень тонкая талия и которая сидела на его колене. Она шутливо укусила

маленькими белыми зубами его за шею. Он даже не делал вид, что она его не интересует, но она была развлечением, и довольно приятным, от событий сегодняшнего дня. Грудастая девка, сидевшая у первой палатки, была точно такой же. Хотя ему не стукнуло и двадцати лун, он давно уже научился сдерживать свой гнев, когда это было необходимо, но в этот день он сдержал его, когда разговаривал с Каримом Сингхом, и выплеснул его на Кандара. А теперь еще и Виндра. В настоящую минуту он хотел выместить на ком-то свою ярость, разрядить ее, ударить кого-то... Он хотел, чтобы один из мужчин, ищущих женщину, бросил ему вызов, пытаясь отобрать девку у него на коленях, или даже двое, или четверо. Ударить кого-то кулаком, даже выбить искры сталью, скрестив мечи с противником, — все это могло охладить его гнев, который бурлил у него в груди, как змея, у которой яд капал с острых клыков. Худенькая девушка довольно прижалась к нему, когда он сжал ее в своих объятиях, и уставилась сердито на него, когда он хлопнул ее по задку и посадил на винную бочку.

— Я не вендиец, — сказал он ей, бросив несколько монет в ее ладонь. — Я не люблю выплескивать свой гнев на других, я делаю это только с теми, кто этого заслужил.

Ее взгляд выразил полное непонимание, но Конан говорил эти слова не для нее, а для самого себя. Веселый смех из палаток проституток провожал его, пока он шел назад в лагерь.

Многие из палаток купцов уже были темными, и тишина окружала даже ряды животных позади каждой из них, хотя легкие звуки цитары, флейты и тамбурина все еще звучали из шатров знати. Спать, подумал он. Спать, а потом — снова в поход, снова спать и снова в поход. Он должен найти противоядие в Вендии и вопросы, ответы на которые он хотел найти, но сейчас он хотел заснуть и избавиться от гнева. Костер уже почти совсем погас перед одинокой палаткой, в которой жили Канг-Хоу и его племянницы. Кхитайский слуга сидел у костра и ворошил угли суковатой палкой. Он был единственным, кто еще двигался среди закутанных в одеяла спящих контрабандистов, лежащих у палатки купца. Но Конан резко остановился, не дойдя до костра, услышав странные звуки, которые сказали ему, что что-то тут было не так. Он напряг свой слух больше, чем обычно, а его глаза пробежали по теням, которые сгрудились у других палаток. Звуки окружали его, и он внимательно слушал. Шорох кожи о кожу, мягкий звон металла и легкий стук сандалий и сапог о землю. Тени передвигались там, где они должны были быть неподвижными.

— Ордо! — заорал Конан, взмахнув своим могучим ме-

чом. — Поднимайтесь, или вы все подохнете в собственных постелях!

Прежде чем предупреждение успело сорваться с его губ, контрабандисты уже вскакивали на ноги с саблями в руках. И вендийцы тоже, на конях и с оружием в руках, обрушились на них. Пробриться к друзьям было чистейшим сумасшествием, и киммериец знал это. Они сражались не для того, чтобы удержать позицию, а чтобы спастись, и каждый человек будет пытаться пробиться сквозь кольца звенящей стали. Но у него было не слишком много времени для размышлений. Он уже убил одного из врагов и скрестил меч с другим к тому времени, когда он крикнул свое предупреждение.

Выдернув меч из тела второго трупа, Конан почти отсек голову еще одному вендийцу, одновременно пытаясь найти лазейку для спасения и не обращая внимания на дикие крики и лязг железа вокруг него, по мере того как пробивался от палатки кхитайца. Украшенный шлемом и тюрбаном всадник появился перед ним. Его копье было потеряно или сломано, но его тулвар был высоко занесен под головой Конана. Жестокая, страшная усмешка вендийца превратилась в выражение шока, когда Конан взвился в воздух, напав на врага. Будучи не в состоянии использовать свою саблю на таком близком расстоянии, всадник ударил Конана рукоятью своего оружия, пока его лошадь плясала кругами. Великан киммериец также не мог использовать свой меч и просто обхватил рукой вендийца, но другая его рука выхватила кинжал из ножен, и он легко вошел в щель между металлическими пластинами кольчуги. Всадник застонал и свалился с седла на землю. Конан вскочил на его место, схватив руками поводья и ударив сапогами в бока коня. Лошадь, привычная к кавалерийским упражнениям, пошла быстрым галопом, и Конан, низко пригнувшись в седле, направил ее в щель между палатками. Купцы и их слуги, поднятые шумом и суматохой, отскакивали с криками в сторону от быстро скачущего всадника.

Внезапно перед ним очутился человек, который не отскочил в сторону. Это был один из караванных стражников, который опустился на одно колено и уперся в землю древком своего копья, направив его на Конана. Лошадь дико заржала от боли, когда длинное лезвие вонзилось ей в грудь, и Конан перелетел через голову падающей на землю лошади. Он почти потерял сознание и с трудом дышал от сильного падения, но все же пытался встать. Стражник поспешил к нему, думая, что без труда убьет человека, стоящего на коленях. Он высоко занес над его головой тулвар. С тем последним, отчаянным усилием, которое еще оставалось от

его силы, Конан вонзил меч в грудь врага. Скорость атакующего вендийца была так велика, что меч киммерийца вошел ему в грудь по рукоять, и он повалил Конана на землю. Все еще еле переводя дыхание, Конан отбросил умирающего в сторону, освободил лезвие и юркнул в темноту. Чуть не упав на землю, он откинулся спиной на одну из палаток. Разбуженные купцы кричали возбужденно со всех сторон:

— Что случилось?

— Нас атакowali?

— Бандиты!

— О боги, мои товары!

Вендийские солдаты отталкивали в сторону купцов, ко-
лотя их древками копий.

— Возвращайтесь в свои палатки! — кричали они. — Мы ищем шпионов! Возвращайтесь в свои палатки, и вы не пострадаете! Все, кто будет снаружи палаток, будет арестован!

Лазутчики, подумал Конан. Он все-таки получил ту схватку, о которой мечтал, но часть прежней ярости еще сохранилась в нем, и эта частица гнева становилась все сильнее и сильнее. Несколько секунд назад все, что он хотел, — это спастись из лагеря, и больше он ни о чем не мечтал. Но сейчас он подумал, что неплохо бы навестить человека, который считал всех чужеземцев шпионами.

Как охотящийся леопард, высокий киммериец мягко, по-кошачьи передвигался от тени к тени, сливаясь с темнотой. Он легко избегал любопытных глаз, но их становилось все меньше и меньше. Никто не двигался в промежутках между палатками, за исключением солдат, о приближении которых говорили лязг доспехов и звон оружия, а также проклятия и ругательства, что им нужно искать каких-то дурацких лазутчиков, когда все нормальные люди спят. Конан бесшумно передвигался в более густые, глубокие тени при появлении недалеко от него вендийцев, наблюдая с мрачной усмешкой, как они проходят мимо него, иногда всего лишь на расстоянии вытянутой руки, и все же он оставался невидимым. Шатер Карима Сингха был освещен изнутри светом, и два больших костра пылали перед навесом-входом в его шатер. Пламя костров делало легкий свет, струившийся сквозь шелк сзади шатра, почти таким же темным, как и окружающая его темнота. Около двадцати вендийских всадников стояли неподвижно, как статуи, на лошадях вокруг шатра. Он уже собирался распороть мягкую ткань своим кинжалом, когда голоса внутри остановили его.

— Оставьте нас одних, — приказал Карим Сингх.

Конан располор только маленькую щель, раздвинув ее

своими пальцами. Последний вендийский солдат низко поклонился и вышел из шатра. Карим Сингх стоял с кавалерийской саблей в руках, а перед ним на коленях скорчился вендиец. Его лодыжки и руки были туго стянуты веревками. Он был одет в одежду купца, хотя она явно не подходила к его жестокому, суровому лицу и длинному шраму, пересекавшему его нос и щеку.

— Ты тот, кого зовут Сах-Ба? — мягко спросил *вазам*.

— Меня зовут Амаур, Ваша Светлость, и я честный торговец, — сказал стоящий на коленях человек. — И даже у вас нет права конфисковывать мои товары без всякой причины.

Грубый, жесткий голос заставил Конана напрячься от недавнего воспоминания. Всадник в дюнах. Он, пожалуй, послушает немного, прежде чем убьет Карима Сингха. *Вазам* прижал острие сабли к горлу вендийца.

— Тебя зовут Сах-Ба?

— Меня зовут Амаур, Ваша Светлость. Я не знаю никого, кого зовут...

Стоящий на коленях человек широко раскрыл рот, когда острие сабли продвинулось чуть дальше, оцарапав кожу. Тонкая струйка крови потекла по его шее.

— Честный торговец? — тихо рассмеялся Карим Сингх и двинул лезвие сабли еще дальше. Человек, сидящий на земле, откинулся назад, но острие сабли следовало за ним. — Внутри тюков с шелком, которые находятся на твоих вялых мулах, я нашел сундучки, запечатанные свинцовыми печатями. Ты по меньшей мере контрабандист. Кому предназначены эти сундуки?

С диким воплем пленник опрокинулся на спину. Он устоялся на приближающееся лезвие расширенными глазами. Лезвие все еще касалось его шеи, и ему некуда было больше отступать. Жесткое выражение его лица сменилось маской ужаса.

— Я... Я не могу этого сказать, Ваша Светлость. Клянусь Асурой, я не могу!

— Ты скажешь это или очень скоро увидишь своими глазами Асуру. Или, что более вероятно, Катар. — Голос *вазама* стал заговорщическим. — Я знаю это имя, Амаур. Но я должен услышать его от тебя, если ты хочешь жить. Говори же, Амаур, и ты будешь жить.

— Ваша Светлость, он... он убьет меня. Или даже хуже, чем просто убьет.

— Убью тебя я, Амаур. Эта сабля стоит у твоего горла в эту минуту, а он — далеко отсюда. Говори!

— Н... Найпал! — выдохнул вендиец. — Найпал, Ваша Светлость!

— Отлично, — сказал мягко Карим Сингх. Но он не отвел лезвия сабли. — Видишь, как это было легко сделать? Так. Но зачем? Скажи мне, зачем ему нужны эти сундуки?

— Я не могу этого сказать, Ваша Светлость! — Слезы текли по щекам Амаура, он дрожал от рыданий. — Клянусь Асурой, клянусь Катар, я бы сказал вам, если бы мог, но я ничего не знаю! Мы должны были встретить корабль, убить всех на борту и доставить эти сундуки в Айдохью. Возможно, Сах-Ба знал больше, но он мертв. Клянусь всеми богами, Ваша Светлость! Я говорю правду, клянусь вам!

— Я верю тебе, — вздохнул Карим Сингх. — Какая жалость.

И он налег на саблю всем весом тела. Попытка Амаура вскрикнуть превратилась в булькающее клокотание, когда сталь впиалась ему в горло. Карим Сингх устоял на него, как будто пораженный видом крови, пузырящейся у Амаура во рту, и конвульсиями, которые сотрясали его тело. Внезапно *вазам* выпустил саблю из рук. Она осталась в почти вертикальном положении, с лезвием, которое пронзило насквозь горло Амаура и вонзилось в землю, дрожа от агонии несчастного вендийца.

— Стража! — позвал Карим Сингх, и Конан опустил свой кинжал, которым он уже собирался распороть всю стену шатра. — Стража!

Около десятка солдат быстро вбежали в шатер с обнаженными саблями. Уставившись на жуткую сцену и стоящего перед ними повелителя, они торопливо вложили оружие в ножны.

— Другие лазутчики, — сказал *вазам*. — В особенности великан с бледной кожей. Его взяли в плен? Его нельзя ни с кем спутать из-за его роста и больших голубых глаз.

— Нет, Ваша Светлость, — сказал с большим уважением в голосе один солдат. — Четверо из этого отряда мертвы, но не великан. Мы рыщем по лагерю в поисках остальных.

— Значит, он все еще там, — сказал Карим Сингх, как бы разговаривая с самим собой. — Он, кажется, довольно прямой человек. Прирожденный воин. Он теперь будет ис-
кать меня.

Он вздрогнул и пронзил гневным взглядом солдат, как бы рассердившись на то, что они услышали его.

— Его *надо* найти во что бы то ни стало! Тысяча золотых тому, кто доставит его, живым или мертвым! Вы все и десять остальных останетесь здесь, охраняя меня, пока варвар не будет мертв или не закован в цепи. А тот, кто не умрет, пытаясь остановить варвара, который попытается пробить-

ся ко мне, будет молить о быстрой смерти. А теперь унесите отсюда эту пададь, — добавил он, кивнув головой в направлении труп Амаура. После этого *вазам* быстро вышел из комнаты, окруженный солдатами, а Конан тяжело опустился на землю. Сражаться против двадцати солдат... Он даже сумеет пробиться к Кариму Сингху прежде, чем его зарубят солдаты. Конан знал людей, которые бросались в объятия смерти мужественно, но бессмысленно; он не принадлежал к их числу. Он давно уже встречался со смертью и не раз чувствовал ее ледяное дыхание рядом с собой. Конан встречался с ней задолго до того, как узнал, что в крови находится яд Патила. Он не боялся смерти, но и не рвался к ней, и когда он встречался лицом к лицу с ней, эта встреча должна была иметь какой-то смысл для него. Кроме того, теперь Конан знал одно имя — Найпал, человек, который начал все это дело. Это был еще один человек, который должен был умереть, так же, как и Карим Сингх. Конан бесшумно растворился в темноте ночи.

Глава 16

Конь и бурдюк с водой — вот что неплохо иметь в эту минуту, подумал Конан. В этой земле человек без лошади и без воды был умирающим или уже мертвым. В караване было больше верблюдов, чем лошадей, и многие лошади годились больше для парада, чем для человека, который собирался путешествовать быстро и далеко. Более того, слух о вознаграждении за его голову распространился очень быстро, так как солдаты очень оживленно искали Конана. Дважды он нашел подходящих коней и вынужден был оставить их, когда рядом появлялись патрули солдат в шлемах и тюрбанах. Наконец он очутился в той части лагеря, где размещалась вендийская знать. Большинство шатров и палаток были неосвещенными, и тишина в лагере была такой же, как и в лагере купцов. Конан подумал о том, что солдаты, возможно, были куда более всеживы и осторожны здесь, чем в отношении с купцами. Что-то двигалось в темноте; он заметил, как тень переместилась влево, и он замер на месте. От темной массы до него донеслось громкое сопенье и звон цепи. Конан подошел поближе, внимательно вглядываясь в темноту, и вдруг едва подавил смех. Это был танцующий медведь Виндры. Внезапно он импульсивно опустил свой кинжал. Медведь, сидевший на всех четырех лапах, наблюдал за ним, пока он осторожно прибли-

жался к зверю. Он не двинулся с места, когда увидел кожаный ошейник у него на шее.

— Это суровая земля, — прошептал он, — и в ней есть множество способов встретить смерть.

Он подумал, что наврное выглядит очень глупым, разговаривая с животным, но в этом также была необходимость.

— Ты можешь встретить охотников или более сильных медведей. Если ты не убежишь на достаточно большое расстояние, они снова прикуют тебя к цепи и заставят тебя танцевать для Виндры. Выбор остается за тобой — умереть свободным или танцевать для твоей госпожи.

Медведь уставился на него, когда его ошейник растянулся, и он удержал наготове свой кинжал. Только потому, что он еще не атаковал его, не означает, что он этого не сделает вообще, а косматое чудовище было чуть ли не вполосину больше размерами, чем он сам. Очень медленно медведь поднялся и пошел в темноту.

— Лучше всего умереть на свободе, — усмехнулся ему вслед Конан.

— А я все-таки говорю тебе, что что-то двигалось в темноте.

Конан замер, прокляв свои импульсивные желания.

— Возьми десять человек, и посмотри, что там такое.

Одним быстрым движением киммериец распорол материю шатра и юркнул внутрь, прислушиваясь. Осторожные шаги солдат прозвучали за его спиной, пока они огибали палатку с двух сторон. Внутри помещения было почти так же темно, как и снаружи, хотя цепкие глаза Конана, уже привычные к темноте, могли различить тени-формы людей и коней, падающие на ковры, устилавшие пол. Шаги замерли на другой стороне тонкой шелковой стенки, и голоса что-то невнятно забормотали. Одна из теней сдвинулась в сторону. Проклятье, подумал Конан. Надеюсь на то, что это не был еще один медведь, он бросился к ней сам. Вдох, который раздался, когда он опустился на темную фигуру, совсем не был похож на сопенье медведя. Мягкое, гибкое тело извивалось под тонким полотняным одеялом, которое Конан сжал обеими руками, и его рука отчаянно зажала рот как раз в тот момент, когда из него был готов вырваться крик. Приблизив к темной фигуре лицо, он посмотрел в большие глаза, в которых была смесь страха и ярости.

— Алины нет с тобой, Виндра, — прошептал Конан и отвел свою руку от ее рта.

Когда ее рот открылся еще раз, чтобы закричать, Конан заткнул его локоном ее волос, которые замотал себе на руку.

Он быстро ощупал рукой ее постель, пока не нашел длинный шелковый шарф, которым обмотал ее волосы вокруг рта, чтобы девушка не сумела выплюнуть их. Связанная и с кляпом во рту, подумал киммериец, она не сможет поднять тревогу до тех пор, пока он не будет далеко отсюда. Если ему повезет, ее не найдут до самого утра. Сорвав ее льняную рубашку, он невольно замер в восхищении. Даже в полумраке палатки красивые формы тела заставили Конана задержать на мгновение дыхание. Но он едва успел отдернуть свое лицо от ее острых ногтей, которыми она уже собиралась впиться ему в лицо.

— На этот раз не ты будешь выбирать игру, — сказал он мягко, схватив ее за руку.

Он нашел еще один шарф и использовал для того, чтобы связать ей запястья за ее спиной.

— Ты, возможно, и не будешь плясать для меня, — усмехнулся он, — но это доставляет мне почти столько же удовольствия.

Конан почувствовал, как она задрожала, и ему не нужно было слышать сердитые приглушенные звуки из-под кляпа, чтобы знать, что это была ярость. Пока он искал что-нибудь, чем можно было связать ее лодыжки, он услышал снова голоса перед входом в палатку. Он торопливо пододвинул свою сопротивляющуюся пленницу поближе, чтобы он смог лучше слышать их.

— Зачем вам нужно видеть мою госпожу? — донесся до Конана голос Алины. — Она спит.

Мужчина ответил усталым, но терпеливым голосом:

— *Вазаму* сообщили, что твоя госпожа развлекала этого лазутчика несколько часов назад. Возможно, она знает, где он.

— Неужели нельзя подождать до утра? Она будет очень рассержена, если вы ее разбудите.

Конан не стал ждать окончания этого разговора. Если Виндру найдут в эту минуту, солдаты сразу поймут, что он находился рядом, еще до того, как ее освободят от кляпа. Наполовину неся извивающуюся женщину, он метнулся к черному ходу в задней части шатра и осторожно вгляделся в щель, через которую пробрался внутрь. Солдаты уже ушли. Вполне возможно, что они были теми же самыми людьми, которые сейчас стояли у входа.

— Прости меня, — сказал Конан. Он был рад, что заткнул ей рот кляпом. Гневные протестующие звуки, которые Виндра издавала, и без того были более чем ясны. Несмотря на сопротивление, он подхватил ее на руки и пошел так быстро, как только умел, одновременно желая убедиться, что не столкнется в темноте с патрулем или не наткнется в

сумерках ночи на один из шатров или веревки, натянутые на колышки для палаток. Когда Конан отошел на достаточное расстояние от шатра, он поставил Виндру на ноги, одновременно крепко держа ее за руку. Если их обнаружат, он по крайней мере сумеет сражаться и женщина не будет слишком уж большой обузой. И в этом случае ему не нужно будет пресекать возможную попытку к бегству. Поиски лошади все еще оставались первостепенной задачей, но когда Конан снова начал искать коня, то обнаружил, что волочит за собой скорчившуюся женщину, которая, казалось, пыталась съежиться в маленький комочек, одновременно отказываясь передвигаться.

— Вставай и иди, — сказал Конан хрипло, но она только яростно затрясла головой. — Кром, женщина, у меня нет времени наслаждаться твоими прелестями.

Виндра снова покачала головой. Он быстро оглянулся по сторонам и не заметил никого, кто был бы рядом и не спал. Все близлежащие палатки были погружены в темноту. Сильная рука Конана хлопнула Виндру по заду громче и сильнее, чем он рассчитывал, не говоря уже о возмущенных звуках, которые женщина издала, но этот удар поднял ее на ноги. Когда же Виндра вновь попыталась сесть на корточки, он удержал свою открытую ладонь перед ее лицом.

— Иди, — прошептал Конан угрожающе. Ее гневный взгляд смог бы, наверное, поразить насмерть льва, но она медленно выпрямилась. Даже не посмотрев на ее чудесное тело, Конан подтолкнул Виндру вперед. Конан не был настолько юн, чтобы сойти с ума из-за женщины, особенно в такую минуту. Осторожно обходя палатки, они несколько раз чуть было не наткнулись на обшаривающих лагерь вендийских солдат.

Сначала Конан был удивлен тем, что Виндра не сделала ни малейшей попытки спастись, когда солдаты в шлемах и тюрбанах были рядом, и даже не пыталась привлечь их внимания шумом и сопротивлением Конану. Если уж на то пошло, она двигалась так же бесшумно, как и он, а ее глаза все время шарили вокруг, смотря за тем, что может выдать их или помешать. И вдруг он все понял. Спастись от него было одно, но быть спасенной, в то время как она была покрыта только двумя тонкими шарфами, это было совсем другое. Он с благодарностью улыбнулся, принимая все, что делало его собственное спасение легче.

Он снова очутился в лагере купцов, в котором стояла такая мертвая тишина, будто купцы и их слуги сидели, не дыша, в своих палатках, боясь привлечь лишнее внимание, не осмеливаясь даже громко дышать, чтобы только не потревожить солдат. Конан решил, что, кажется, нашел хоро-

шее место, где он смог бы раздобыть лошадей, и место, где солдаты не будут рыскать, если ему хоть немного повезет. Движение теней впереди снова заставило Конана спрятаться, потянув за собой покорную Виндру. Это был не патруль, как Конан успел заметить, а только одинокий человек, тихо крадущийся в темноте. Медленно-медленно тень превратилась в Канг-Хоу, который наполовину сидел на корточках, спрятав руки в полах своего халата. Конан уже открыл рот, чтобы позвать его, когда еще две тени появились позади купца. Это были вендийские кавалеристы; правда, теперь они двигались пешими и держали копыя наперевес.

— Ты кого-то ищешь, кхитаец? — спросил один из них и угрожающе поднял копьё.

Канг-Хоу гибко и быстро повернулся, его руки молниеносно выскочили из рукавов. Что-то просвистело в воздухе, и оба вендийца беззвучно рухнули на землю. Купец тут же подскочил к ним и склонился над телами солдат.

— Для простого торговца коврами ты довольно опасный человек, — проговорил Конан и вышел из своего укрытия.

Канг-Хоу резко повернулся, держа по метательному ножу в каждой руке, затем он медленно спрятал ножи в полости длинных рукавов.

— Купцу часто приходится путешествовать в опасной компании, — сказал он мягко. Он бросил взгляд на Виндру и приподнял левую бровь. — Я слышал, что некоторые воины предпочитают женщин всей добыче и трофеям, но в данных обстоятельствах я нахожу это довольно странным.

— Я не хочу ее, — сказал Конан. Виндра зарычала сквозь свой кляп. — Вся беда в том, что я нигде не мог оставить ее и быть абсолютно уверенным в том, что ее не обнаружат прежде, чем я найду лошадь и покину это место.

— М-да, довольно затруднительная ситуация, — согласился кхитаец. — Ты уже решил, где будешь искать лошадь? Солдаты проверяют ряды животных постоянно, и пропажа коня очень скоро будет обнаружена.

— Самое последнее место, куда они заглянут в поисках нас, это туда, где стоят кони и верблюды позади твоей палатки.

Канг-Хоу улыбнулся:

— Логика, достойная восхищения. Я выманил своих преследователей из лагеря и теперь возвращаюсь туда. Ты пойдешь со мной?

— Да, подожди одну секунду. Подержи ее.

Ткнув Виндру ошеломленному кхитайцу, Конан побежал к мертвым вендийцам. Он быстро оттащил их в более

глубокую тень позади палатки (нет никакого смысла оставлять их тела там, где их легко могут найти) и вернулся к торговцу, неся с собой один из плащей убитых солдат. На лице Канг-Хоу блуждала легкая улыбка, а глаза Виндры были закрыты так плотно, что даже веки ее дрожали.

— Что случилось? — спросил киммериец. Он набросил плащ на плечи женщины и постарался сделать это как можно лучше, как вообще было возможно сделать в ее положении — с руками, связанными за спиной. Глаза Виндры резко открылись, и она посмотрела на Конана взглядом, в котором смешались удивление и благодарность.

— Я не могу быть абсолютно уверенным, — сказал купец, — но похоже, что она верит в то, что если она не может увидеть меня, то и я, в свою очередь, не смогу увидеть ее.

Даже в темноте краска, выступившая на лице женщины при этих словах, была более чем очевидной.

— У нас нет времени для глупостей, — сказал Конан. — Пошли.

Тысяча золотых были достаточной наградой, особенно когда ее посулил такой могущественный человек, как Карим Сингх, но даже эта награда потеряла свою привлекательность, когда солдаты стали верить, что их жертва ускользнула из лагеря. Патрулей вендийцев становилось все меньше и меньше, а те, кто еще продолжал поиски, делали это очень вяло. Многие даже не бродили вокруг, а просто собирались вместе в маленькие группки и тихо разговаривали друг с другом. Недалеко от лагеря кхитайца Конан остановился, все еще спрятанный в темноте между палатками других купцов. Виндра повиновалась ему с кажущейся покорностью, когда он сжал ее руку, как клещами, но Конан даже не ослабил своей хватки. Костер у палатки Канг-Хоу уже почти потух, и только несколько красноватых углей еще тлели в нем. Несколько разорванных тюков шелка и бархата валялись на песке. Если кто-нибудь и был убит здесь (киммериец вспомнил донесение Кариму Сингху о том, что четыре человека были убиты), то их тела были унесены. Группа животных кхитайца была единственной темной массой, но некоторые из теней двигались так, что Конану это совсем не понравилось. Канг-Хоу подался было вперед, но Конан схватил его за руку.

— Лошади передвигаются даже ночью, — прошептал кхитаец, — а солдаты не стали бы прятаться. Нам надо спешить.

Конан покачал головой. Сжав губы трубочкой, он подал сигнал, закричав голосом птицы, которую можно встретить только в степях Заморры. На мгновение воцарилась тиши-

на, после чего раздался ответный птичий крик с той стороны, где стояли животные.

— Вот теперь нам надо спешить, — сказал Конан и побежал к лошадям, таща за собой Виндру.

Ордо сделал шаг вперед, подав сигнал, чтобы все поспешили.

— Я очень надеялся, что ты уцелеешь, киммериец, — сказал он хрипло. — Похоже, что сам ад разверзся сегодня под нашими ногами.

Две тени, стоявшие рядом, материализовались в людей. Это были Энам и Пританис.

— Я слышал, что четверо погибли, — сказал Конан, — кто?

— Балис! — сплюнул Пританис. — Вендийский солдат изрубил его на куски. Я ведь говорил, что ты принесешь всем нам гибель.

— Он следовал за мной, — согласился Конан к явному удивлению безносого. — И это еще один долг, который я должен оплатить.

— Балис умер, сражаясь, как настоящий мужчина, — сказал Ордо, — и убил при этом одного из сильных стражников. Человек не может просить у судьбы лучшей смерти, чем эта. Что касается остальных трех, — добавил он, обращаясь к кхитайцу, — то это были твои слуги. Я не видел твоих племянниц.

— Мои слуги не были воинами, — вздохнул Канг-Хоу, — но я надеялся... Ну что ж, это уже не имеет значения. Что касается моих племянниц, то Кай-Ше вполне сможет и сама позаботиться о себе и о своей сестре так же хорошо, как и я. Позволено ли мне будет заметить, что нам лучше взять лошадей и продолжать наш разговор в другом месте?

— Хороший совет, — сказал Конан.

Жеребец все еще был на месте; Конан боялся, что такой хороший конь привлечет внимание вендийцев. Киммериец прыгнул в седло, захватив его одной рукой, но для того, чтобы закрепить подпругу, требовалось две руки. Бросив Виндре предупреждающий взгляд, Конан развязал ей руки, но внимательно следил за женщиной, пока подтягивал подпругу и лямки седла. К его удивлению, Виндра даже не шелохнулась. Вне всякого сомнения, подумал Конан, она все еще опасалась, что ее найдут в таком одеянии, даже если это и означало для нее спасение.

— Девка, — сказал с любопытством Ордо. — У тебя есть какая-то важная причина, чтобы взять ее с собой, или она просто сувенир на память об этом месте?

— Да, на это есть причина, — сказал Конан, объяснив, почему он ее еще не мог оставить. — Возможно, что я даже

возьму ее в дорогу до самой Вендии, хотя сомневаюсь, что она уцелеет, если я оставлю ее одну в степи. — Он выдержал паузу и спросил с той небрежностью, которая у него еще оставалась: — А что с Гурраном?

— Я не видел старика с момента, когда на нас напали, — ответил с сожалением Ордо. — Прости, киммериец.

— Что случилось — случилось, — мрачно сказал Конан. — Мне нужно оседлать лошадь для женщины. Боюсь, что тебе придется ехать верхом, так как у нас нет женского седла.

Виндра только уставилась отсутствующим взглядом на киммерийца.

Тихая, безмолвная процессия медленно, но твердо выходила из лагеря, скользя между палатками. Все вели своих лошадей под уздцы. Животные могли идти куда более тихо и спокойно, если они не были отягощены грузом, и кроме того, их было куда труднее заметить, когда контрабандисты не сидели верхом на лошадях. Вендийские патрули, уже изрядно усталые от поисков и очень шумные, казалось, заранее предупреждали о своем появлении. Конан, который вел отряд, держал поводья своей лошади и лошади Виндры. Если их обнаружат, то ему не нужно будет больше удерживать ее с собой (и он был уверен, что ей это было хорошо известно), но он не мог полностью доверяться ее видимой покорности, которую она пока показывала. Вскоре они подошли к самому краю каравана, и врожденная осторожность заставила его остановиться. Пританис начал было что-то говорить, но Конан сердито заставил его замолчать, резко махнув рукой. Недалеко от них раздался какой-то слабый шум, который был почти не слышен для человеческого уха. Мягкое движение лошадей. Возможно, не все вендийцы сдались в своей охоте на них. Быстрый взгляд сказал Конану, что другие тоже услышали эти звуки. Все тихо вытащили свои мечи (Канг-Хоу держал наготове свои метательные ножи), и каждый человек шел бок о бок со своей лошадей, готовый в любую минуту вскочить на нее. Киммериец напрягся, готовый отбросить Виндру в сторону, чтобы она была в относительной безопасности, и прыгнул в седло, когда увидел приближение других лошадей. Перед ними появились пятеро лошадей, и Конан почти засмеялся с облегчением, когда увидел, кто вел их. Это были Шамил и Хасан (каждый держал настороже руку на плече одной из племянниц Канг-Хоу) и старый Гурран, ковыляющий в темноте, в хвосте отряда.

— Очень рад увидеть всех вас, — сказал мягко и тихо Конан.

Двое молодых парней резко повернулись к нему, хвата-

ясь за свои сабли. Хасан слегка замешкался, когда Чин-Коу судорожно схватила его за плечи, но Кай-Ше уже стояла наготове с метательным ножом. Опасная семейка, подумал киммериец. Что касается Гуррана, то он только наблюдал без всякого выражения на лице за всем происходящим, как будто в нем не было никакого страха. Две группы людей соединились, и каждый собирался что-то обрадованно прошептать друг другу, но Конан, грозно прошипев, заставил их замолчать.

— Мы поговорим, когда будем в безопасности, — сказал он тихо, — а это место лежит далеко отсюда.

Подняв Виндру и посадив ее в седло, Конан поправил солдатский плащ на плечах женщины, чтобы придать ей облик приличия и пристойности.

— Я найду что-нибудь, чтобы тебя одеть, — пообещал он. — Возможно, ты еще будешь танцевать для меня.

Виндра уставилась на киммерийца, но он не мог прочесть выражения в ее глазах. Когда Конан прыгнул в седло, волна слабости прошла по всему телу и он вынужден был ухватиться за высокую луку седла, чтобы не упасть. Гурран тут же поспешил к нему.

— Я сделаю настойку как можно скорее, — сказал старик. — А пока постарайся удержаться, хорошо?

— Я и не собираюсь ничего другого делать, — с трудом выдавил Конан сквозь стиснутые зубы. Ведя под уздцы лошадь Виндры, он также дернул за поводья своего жеребца, пустив его легким шагом вперед, в глубину ночи. Он не сдастся так легко. У него впереди были неоплаченные долги... и двое людей, которых он сначала должен убить.

Глава 17

Найпал взглянул на человека, стоявшего перед ним. Худой, с жесткими, холодными глазами вендиец был похож на солдата. Колдун размышлял о том, какие мотивы руководят сейчас этим человеком. Похоже, что ни личная прибыль, ни жажда власти не слишком привлекают его. В лице и жестах нельзя было прочесть ни одного признака ненависти, гордости или каких-либо других эмоций. Это создавало некоторую неловкость для колдуна, потому что это был первый человек, которым нельзя было манипулировать.

— Ты понимаешь, что я сказал? — вновь спросил Найпал. — Когда Бандаркар будет мертв, тирания закончится. Святыни Катар будут разрешены в каждом городе.

— Разве я уже не говорил тебе, что понял твои слова? — сказал тихо безымянный представитель *катари*.

Они были одни в этой круглой комнате, с маленьким куполом и барельефом на потолке, изображающим старинных героев из легенд. Золотые светильники на стенах давали мягкое освещение. В комнату не было принесено ни еды, ни вина, так как катары никогда не будут есть в помещении и в присутствии того, кто решил воспользоваться их услугами. Они оба стояли на мягком ковре, так как катары не сел в кресло, а колдун не хотел, чтобы его гость, стоя, нависал над ним. Стоящий во весь рост человек имел преимущество над сидящим из-за своего роста и позиции.

— Ты не сказал, что это будет сделано.

Найпал сделал все, чтобы подавить раздражение в своем голосе. Сегодня нужно было сделать очень много, но эта часть была так же важна, как и другие, и ее нужно было выполнить очень деликатно. Не считая других вещей, которые не произвели впечатления на катары, была сила колдовства и магии. Заклинания, конечно, могли убить катары так же легко и быстро, как и всякого другого человека, но это ничего не говорило и ничего не значило для того, кто верил в смерть, как основу своего учения, каким бы способом она ни пришла, так как это означало, что после смерти катары автоматически соединяется со своей богиней, которой они поклонялись. Из-за всего этого виски колдуна разламывались от боли.

— Это будет сделано, — сказал катары. — В обмен на то, что ты обещал. Бандаркар, даже на своем троне, будет посвящен *богине*. Но если обещания не будут выполнены...

Найпал не обратил внимания на эту угрозу. Это был тот аспект сделки, с которым он смог бы разобраться и позже. Но конечно же не намеревался давать дополнительную власть культу, который мог впоследствии попытаться подмять чародея под себя. Ладно, посмотрим, кто кого, подумал Найпал. *Корасани*, безусловно, смогут защитить его против кинжала убийцы-ассасина. Или же это сделает его телохранитель — воин из гробницы царя Ориссы.

— Ты понимаешь также, — продолжил колдун, — что это должно быть совершено, когда я подам сигнал? Не раньше этого. Даже ни на час раньше.

— Разве я уже не сказал, что понял тебя? — повторил катары.

Найпал вздохнул. У катары была репутация убивать своих жертв тогда, когда они считали это нужным, и делать это своими способами, но даже если Бандаркар не сумел защитить себя от злых чар и заклинаний, его смерть не

имела бы ничего общего с чарами и колдовством. Для Найпала было особенно важно выйти из этого дела с чистыми руками, так как он хотел, чтобы страна добровольно объединилась под будущим вождем — Каримом Сингхом, а не была бы разодрана на части гражданской войной. И кто поверит тому, что колдун будет использовать катары для своих целей, когда он мог легко поразить свою жертву колдовством или другими методами?

— Очень хорошо, — сказал Найпал. — По моему сигналу Бандаркар погибнет от рук катары на своем троне, прямо на глазах у своей знати и советников.

— Бандаркар умрет.

Найпал был удовлетворен этими словами. Он предложил мешочек с золотом катары, и тот принял его без слов благодарности и не изменив выражения лица. Золото осядет в казне и ларцах катары, и поэтому не было никакой нити, которой можно было связать этого человека, но колдун сделал это все равно — по старой привычке. Когда ассасин ушел, Найпал задержался только на одно мгновение, чтобы схватить золотой ларец, в котором находился дьявольский кинжал демона, и поспешил к подземному залу. Оживший воин по-прежнему неподвижно стоял, прислонившись к стене, неумолимый, не нуждающийся во сне солдат. Найпал не смотрел на него. Новизна уже исчезла, и что такое был один-единственный воин, по сравнению с теми тысячами, которых Найпал поднимет из их вечного сна? Он пошел сразу к ларцу из слоновой кости, без колебаний отбросил крышку и откинул шелковую ткань. В зеркале теперь отражался всего лишь один костер, видимый с большой высоты. В течение семи дней зеркало показывало костер ночью и маленькую группу всадников днем, сначала в степях, а потом уже в горах. И почти всегда чародей видел всех всадников одновременно. Они передвигались гораздо медленнее, чем могли бы, и Найпалу потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что они в действительности следовали за караваном, который должен был доставить колдуну его сундуки. Спасение и возможная катастрофа могли случиться одновременно. Семь дней наблюдения за неудачей Карима Сингха, однако, слегка приглушили боль. Она уже не давила, как раньше, когда колдун наблюдал за приближающимся концом. В действительности, если только не считать адской боли в висках, которая пришла, когда он разговаривал с катары, чувства Найпала почти оцепенели. Впереди было еще столько дел, подумал Найпал, закрывая ларец, а оставалось так мало времени. Напряжение было просто невыносимым. Но он должен был одержать победу, как всегда это делал. Найпал вновь быстро расставил *кора-*

сани на золотых треножниках. И вновь произнес слова заклинания. Вспышки пламени, которые, казалось, были ярче огня самого солнца, снова метнулись к серебряной паутине и образовали огненную клетку. После слов, которые вызывали демона, раздался раскат грома и внутри клетки появился Масрок, повиснув в воздухе и потрясая оружием в пяти из своих восьми рук.

— Прошло так много времени, о Человек, — гневно закричал демон, — с тех пор как ты вызывал меня! Разве ты не чувствовал, как камень пульсирует о твою плоть?

— Я был занят. Возможно, я этого не заметил.

Несколько дней назад Найпал снял кулон с черным опалом, чтобы избавиться от отчаянного пульса камня. Он должен был дать некоторое время демону, чтобы тот «созрел» для предстоящего дела.

— И кроме того, ты и сам сказал, что время не имеет никакого значения для таких, как ты.

Огромная масса демона задрожала, как будто он собирался перепрыгнуть через огненный барьер, сдерживающий его.

— Не будь глупцом, о Человек! Я был заключен в тюрьму, и только пустота в твоих знаниях спасла меня. Другие отражения уже знают, что один из Сивани исчез! Как ты думаешь, как долго я смогу избежать кары?

— Возможно, тебе уже не придется больше спасаться. Я думаю, что день твоей свободы уже совсем близко и ты сможешь оставить остальных демонов в их тюрьме, где они будут пребывать вечно. В тюрьме, которая будет отгорожена от тебя так же хорошо, как и от всего мира.

— Каким образом, о Человек? И когда?

Найпал улыбнулся, как он делал, когда человек, которого он довел до полного отчаяния и безнадежности, стал показывать первые трещинки, прежде чем расколоться.

— Сообщи мне местоположение гробницы царя Ориссы, — сказал он тихо. — Где находится затерянный в веках город Махарастры?

— Нет! — Слово отозвалось глухим эхом, в то время как Масрок закрутился черным смерчем и огненные стены его клетки изогнулись от ярости демона. — Я никогда не выдам секрета! Никогда!

Колдун сидел, не говоря ни слова, пока ярость чудовища не улеглась.

— Расскажи мне о гробнице, Масрок, — приказал он.

— Никогда, о Человек! Я уже сказал тебе, что есть пределы твоих пут на мне. Возьми кинжал, который я дал тебе, и порази меня. Убей меня, о Человек, если ты этого хочешь. Но я никогда не выдам секрета.

— Никогда? — наклонил голову Найпал, и жестокая улыбка тронула его губы. — Может быть и так. — Он коснулся золотого ларца, но только на мгновение. — Нет, я не буду убивать тебя. Я всего лишь отошлю тебя назад и оставлю тебя там навеки.

— Это еще что за глупость, о Человек?

— Я отправлю тебя не назад в те пространства, где я тебя держал, а в ту тюрьму, которую ты делил со своими двойниками-демонами. Даже демон, возможно, узнает, что такое страх, если его преследователи — тоже демоны? Я могу только уничтожить тебя, Масрок. Убьют ли они тебя, когда ты наконец попадешь им в руки? Или же у демонов есть пытки для своих братьев? Убьют ли они тебя, или же ты останешься жить, жить до того, как исчезнет само время, под пытками, которые заставят тебя подумать о твоей тюрьме, как о сладком рае? Итак, Масрок?

Громадный демон с яростью посмотрел на колдуна. Его глаза не мигали, и весь он, казалось, был высечен из камня, так неподвижна была его огромная фигура. И все же Найпал знал, о чем демон сейчас думал. Если бы Масрок был человеком, он бы сейчас обливался потом и облизывал пересохшие губы. Найпал *знал*!

— Моя свобода, о Человек? — сказал наконец демон. — Свобода, и я перестану также служить тебе?

— Когда я найду гробницу, — ответил Найпал, — и когда армия, похороненная в ней, будет в моих руках — тогда ты получишь свою свободу. Разумеется, со связывающим тебя заклинанием, чтобы быть уверенным в том, что ты не сможешь ни причинить мне зла, ни помешать мне в будущем.

— Разумеется, — медленно сказал Масрок.

То, что я сказал о связывающих заклинаниях, было хорошей выдумкой, подумал Найпал. Забота о собственной безопасности в будущем, безусловно, будет достаточно убедительна, чтобы демон поверил, будто чародей сдержит условия их сделки.

— Хорошо, о Человек. Руины Махарастры лежат в десяти лигах к западу от Гвандиакана, поглощенные лесами Гендали.

Победа! Найпал хотел подпрыгнуть в воздух и заплескать от радости. Гвандиакан! Это, должно быть, было доброе предназначение, так как первым городом, через который будет проходить караван Карима Сингха и где он остановится на отдых, после Гимелеев, будет именно Гвандиакан. Надо немедленно же связаться с *вазамом* с помощью магического зеркала. Он должен скакать со всей возможной скоростью, чтобы получить свои сундуки и немедленно идти в гробницу. Неудивительно, что гробницу до сих пор

никто не мог найти. Ни одна дорога не была прорублена в лесах Гендаи, и очень немногие вообще пытались проникнуть в лес, чтобы срубить несколько могучих, высоких деревьев. Огромные тучи крошечных, жалящих мух атаковали людей и животных, а те, кто сумел избежать жестоких насекомых, получал одну из тех страшных неизвестных болезней, которые иссушали тело болью и ознобом, прежде чем человек умирал в страшных мучениях. Некоторые люди скорее согласились бы умереть, чем войти в эти леса.

— Карты, — сказал Найпал неожиданно. — Мне нужны карты, чтобы мои люди не шли наугад. Ты нарисуешь их для меня.

— Как тебе угодно, о Человек. — Усталое поражение демона звучало как триумфальная музыка в ушах Найпала.

Глава 18

С вершины холмов, нависших над Гвандиаканом, Конан в изумлении уставился на город. Башни из белого алебаstra и позолоченные луковичные купола храмов, колоннады дворцов и святынь, созданные людьми холмы из камня и кирпичей — все это поражало взгляд. Размеры же города превосходили всякое воображение.

— Он больше, чем Султанапур, — сказал пораженный Энам.

— Он больше чем Султанапур и Агранур, вместе взятые, — сказал Ордо.

Канг-Хоу и его племянницы, казалось, принимали размеры города, как само собой разумеющееся, в то время как Хасан и Шамил смотрели во все глаза только на девушек-кхитайнок.

— Вы смотрите на него только в сравнении с крошечными размерами ваших стран, — с издевкой сказала Виндра. Она сидела свободно на лошади, так как Конан не видел никакого смысла держать женщину связанной, как только они отошли на достаточное расстояние от каравана. Она была одета в плащ из зеленого шелка из той кучи одежды, которую сумели взять с собой кхитайские женщины. Они были гораздо меньше ее по росту и размерам, и теснота новой одежды теперь подчеркивала ее бедра и грудь, вероятно, гораздо больше, чем Виндра этого хотела.

— Многие города в Вендии такого же размера или даже больше, — продолжала она. — Да что там говорить, Айодхья по меньшей мере в три раза больше Гвандиакана.

— Мы что же, собираемся сидеть весь день на этом месте? — ворчливо сказал Гурран. По мере того как другие уставали от путешествия, гербариус, казалось, черпал откуда-то энергию, но вся она уходила почему-то в раздражение.

Пританис вмешался в разговор, используя еще более резкий тон:

— А что это за дворец, о котором она нам говорила? После многих дней, когда мы ели только то, что могли поймать на охоте, и пили одну только воду, я просто рвусь вперед выпить кувшин хорошего вина и поесть вкусной еды, которую будет мне подавать угодливая, доступная девка. Особенно когда киммериец хочет держать эту вот девушку для себя.

Лицо Виндры вспыхнуло, но она сказала только:

— Я приведу вас туда.

Конан дал ей возможность показывать дорогу, держа свою лошадь чуть позади, на расстоянии нескольких шагов, по мере того как они спускались с холмов, направляясь к городу. Конан был далек от мысли, что до конца понимает поступки вендийской женщины и ее характер. Она не сделала ни малейшей попытки улизнуть и ускакать к каравану, даже когда знала, что он находится совсем недалеко, поскольку следы каравана явно указывали его направление. Киммериец часто ловил ее пристальный взгляд, странное, непонятное выражение ее темных глаз ставило Конана в тупик. Он не делал ни малейшей попытки ухаживать за ней; после того, как он силой взял ее с собой, это казалось ему очень жестоким и неправильным поступком. Она могла увидеть угрозу в любых словах, которые он мог сказать, и она не сделала ничего, чтобы заслужить это. Поэтому он, в свою очередь, наблюдал за ней настороженно и думал о том, когда же это ее странное спокойствие кончится. Их путь к городу был очень недолгим, и потом он резко повернул на запад. Прежде чем они спустились с холмов, Конан увидел множество дворцов, расположенных в этом направлении, больших блоков бледного мрамора, усыпанных колоннами, сияющими в свете лучей солнца в открытых местах, разбросанных на десяток лиг. Большие куски девственного леса уходили зелеными пятнами на север и юг. А еще дальше на запад деревья становились все выше и выше, и в той части не было совсем никаких дворцов, насколько он мог видеть. Внезапно перед ними появился громадный дворец с острыми белоснежными шпилями и сверкающими куполами башен, с вздымающимися вверх террасами флейтообразных колонн и мраморными ступенями у входа, которые были шириной не меньше, чем в сто шагов. Слева и справа от ступенчатой лестницы располагался длинный

бассейн с мраморными ступенями, в кристальных водах которого отражался белоснежный мрамор дворца. Пока они ехали ко дворцу, Виндра внезапно заговорила:

— Когда-то Гвандиакан был любимым летним курортом знати и придворных вендийских царей, но многие стали опасаться лихорадки, которая гнездится в лесах на западе. Я не была здесь с тех пор, когда мне было семь лет, но я знаю, что тут еще осталось несколько слуг, так что, возможно, в нем еще можно жить.

Она прыгнула с седла и побежала вверх по широким ступеням лестницы. Ей приходилось делать два шага, чтобы пройти каждую ступень. Конан гораздо медленней, чем Виндра, слез с лошади. Ордо сделал то же самое.

— Она что, опять с нами играет в какую-то вендийскую игру? — спросил одноглазый.

Конан молча покачал головой — его так же, как и одноглазого друга, терзали сомнения и неопределенность. Внезапно около двадцати человек в белых тюрбанах и белых хлопковых туниках появились на вершине лестницы. Рука киммерийца скользнула на рукоять меча, но люди даже не обратили внимания на тех, кто стоял у подножия лестницы, и склонились, почти согнувшись пополам, в поклоне Виндре, бормоча какие-то слова, которые не достигли ушей Конана. Виндра повернулась к слугам спиной.

— Они помнят меня. Все получилось так, как я и опасалась. Здесь только несколько слуг, а сам дворец уже не в очень хорошем состоянии, но все же мы сможем получить здесь минимальные удобства и комфорт.

— Я знаю, какой комфорт мне нужен, — громко объявил Пританис. — Три самых красивых девушки, каких я только могу найти. Скинуть с них одежду, и я выберу самую лучшую.

— Я не позволю грубого отношения к моим служанкам, — гневно сказала Виндра.

— Ты забываешь, что ты пленница, девка! — закричал безносый. — Если бы киммериец не находился здесь, я бы уже давным-давно...

— Но я *нахожусь* здесь, — сказал резко Конан. — И если она хочет, чтобы к ее служанкам относились мягко, значит ты будешь относиться к ним, как к своим собственным сестрам.

Пританис встретил железный взор Конана только на секунду, после чего отвел в сторону свои темные глаза.

— Держу пари, что в городе есть шлюхи, да и в тавернах тоже, — пробормотал он. — Или ты хочешь, чтобы я и к ним относился, как к своим сестрам?

— Поберегись, если ты собираешься идти в город, — ска-

зал ему Конан. — Помни о том, что в этой стране всех чужеземцев считают лазутчиками и шпионами.

— Я могу и сам позаботиться о себе, — прорычал немец. Резко дернув за поводья, он повернул лошадей назад и галопом поскакал в направлении Гвандиакана.

— Нам нужно послать туда еще кого-нибудь, — сказал Конан, глядя вслед удаляющемуся Пританису. — Я не думаю, что он найдет то, что нам нужно, но информация нам просто необходима. Караван вошел в город, но как долго он будет в нем оставаться? И что делает Карим Сингх? Ордо, проследи за тем, чтобы ни один из слуг Виндры не убежал и не сообщил никому, что здесь остановились чужеземцы. Пока ничто не говорит о том, что Карим Сингх знает о нашем присутствии здесь, а также, что мы следуем за ними, поэтому нам нужно постараться сделать так, чтобы эта ситуация не изменилась. А я пойду в...

— Прошу прощения, — вмешался Канг-Хоу. — Потребуется довольно долгое время для такого явного чужеземца, как вы, чтобы узнать что-нибудь нужное для нас, так как разговоры, как правило, стихают в вашем присутствии. С другой стороны, моя племянница Кай-Ше очень часто сходила за вендийку, когда нужно было помочь в моих делах. Если они сумеет найти здесь вендийскую одежду...

— Я не могу послать вместо себя женщину, — сказал Конан, но кхитаец только улыбнулся.

— Могу заверить вас, что я не послал бы ее, если бы не думал, что опасность будет слишком велика.

Конан взглянул на Кай-Ше, которая стояла прямо и невозмутимо рядом с Шамилем. В своем украшенном драконами и цаплями халате она, несомненно, выглядела как кхитайка, но ее смуглое лицо, почти лишенные раскосости глаза делали предстоящую вылазку вполне возможной.

— Ну хорошо, — неохотно сказал Конан. — Но пусть она только наблюдает и слушает. Если она будет задавать вопросы, это только может привлечь недобрые глаза к ней, а я не хочу, чтобы она так рисковала.

— Я передам ей о том, что вы о ней беспокоитесь, — сказал купец.

Вскоре к ним подошли слуги (молчаливые люди в тюрбанах) и, низко поклонившись, взяли за поводья лошадей, после чего, поклонившись еще раз и улыбаясь, предложили гостям серебряные бокалы вина и золотые подносы с влажными полотенцами, чтобы обтереть запыленные лица и руки. Мужчина с круглым лицом и порядочным животом появился перед Конаном и, быстро отвесив поклон, сказал:

— Меня зовут Панджар, мой господин. Я старший над

слугами во дворце. Моя госпожа приказала мне лично выполнять все ваши пожелания.

Конан огляделся по сторонам в поисках Виндры, но нигде не мог найти ее. Слуги окружили отряд киммерийца тесной толпой, спрашивая, чем они могут служить господам, не угодно ли им будет принять ванну и хотят ли они, чтобы им постелили постель... Мысль о хитрых ловушках и западнях тут же мелькнула в голове у Конана. Но Канг-Хоу уже пошел следом за служанкой в одном направлении, в то время как племянницы ушли со слугами в другом, а Конан хорошо знал, насколько опытен был купец в том, как можно избежать ловушки и коварства. Гурран, однако, не слез со своей лошади.

— Ты не доверяешь этому месту, гербариус? — спросил его Конан.

— Гораздо меньше, чем ты, это несомненно. Конечно же она одновременно и женщина и вендийка, что означает, что она или будет охранять тебя ценой своей жизни, или убьет тебя во время сна.

Многие дни, проведенные во время похода, в степи и в лесах, сделали кожу старика темной и обветренной, и теперь она уже меньше напоминала пергамент, а его зубы сверкнули белым блеском, когда он улыбнулся, видя неловкость Конана.

— Я собираюсь поехать в Гвандиакан. Вполне возможно, что я найду в городе ингредиенты для твоего противоядия.

— Этот старик, — проворчал Ордо, когда гербариус отъехал на большое расстояние, — похоже, питается одним солнечным светом и водой, как дерево. Я не думаю, что он даже спит.

— Ты просто ревнуешь его бодрости, по мере того как приближаешься к его возрасту, — сказал Конан и засмеялся, когда одноглазый зарычал сквозь зубы.

Коридоры, по которым их вел Панджар, заставили Конана удивиться, вспомнив слова Виндры о том, что дворец был едва обитаем. Разноцветные ковры были разбросаны по полированному мраморному полу, и огромные гобелены висели на стенах. Они были великолепнее, чем те, которые он видел во дворцах Немедии и Заморры, — земель, которые славились на западе своей роскошью. Золотые светильники, оправленные аметистами и опалами, свисали на серебряных цепях с потолков, украшенных фресками и картинами, изображавшими античных героев, охоту на леопарда и загадочных крылатых существ. Искусно сделанные орнаменты из тонкого хрусталя и золота украшали столики из черного дерева, выложенные бирюзой и серебром. Ван-

ные комнаты были бассейнами, украшенными мозаикой с геометрическими узорами, но среди плиток разноцветного мрамора можно было встретить полированный агат и голубой лазурит. В одном бассейне была теплая вода, в другом — холодная. Покрытые вуалями служанки в белых туниках и платьях сновали взад и вперед, наливая из кувшинов душистое масло в бассейны и подавая Конану мыло и мягкие полотенца. Он держал свой длинный меч рядом, передвигая его от одной стены бассейна до другой, по мере того как вода меняла температуру, и это заставляло женщин что-то шептать друг другу из-под своих вуалей. Он не обращал внимания на шокированное выражение их лиц — остаться безоружным означало для него показать этому месту больше доверия, чем оно заслуживало. Отказавшись от замысловатых шелковых одежд, которые они принесли, чтобы сменить его запыленную, пропотевшую одежду, Конан выбрал простую тунику из темно-синего мягкого полотна и повесил свой пояс с мечом поверх нее. Панджар снова появился перед ним, низко поклонившись.

— Прошу вас следовать за мной, господин, — сказал он. Круглолицый слуга выглядел нервным и немного испуганным, но Конан продолжал держать руку на рукоятке меча, идя следом за ним. Зал, в который слуга привел Конана, был помещением с высоким купольным потолком и узкими колоннами, покрытыми искусными, с позолотой, фресками. Эти колонны конечно же были слишком тонкими, чтобы поддерживать потолок, и служили, скорее всего, декоративным убранством зала. На потолке и стенах были сделаны изящные кружевные узоры из мрамора; маленькие отверстия в узоре были действительно небольшими, отметил про себя Конан, но возможно, были достаточными для стрелы арбалета. Пол, покрытый плитками красного и белого мрамора в виде ромбов, был почти пустым, за исключением множества шелковых подушек, сложенных у одной из стен. Позади подушек стояли низенькие столики из чеканной бронзы, на которых лежали золотые подносы с фигами и грушами, покрытый рубинами золотой бокал и высокий хрустальный кувшинчик с вином. Конан подумал, что, возможно, вино отравлено, и чуть не рассмеялся при мысли о том, что можно отравить человека, которого уже отравили.

— Пожалуйста, садитесь, господин, — сказал Панджар, указывая рукой на подушки.

Конан опустился на мягкие подушки, но спросил требовательно у Панджара:

— Где Виндра?

— Моя госпожа отдыхает от своего долгого путешествия,

но она приказала вас всячески развлекать. Моя госпожа просит вас извинить ее отсутствие и также просит вас, чтобы к ее служанкам относились вежливо.

Поклонившись еще раз, он ушел. Внезапно мягкая музыка полилась через кружевной узор мрамора у самого потолка — звонкая музыка гитар, нежная музыка флейт и ритмичные удары тамбуринов с колокольчиками. Три девушки появились в зале, стали быстро плясать почти на одном месте, в центре зала. Только их руки и ступни не были покрыты толстым слоем разноцветного шелка, а темные вуали покрывали их лица от подбородка до самых глаз. Они начали танцевать, как только зазвучала музыка, аккомпанируя себе колокольчиками и кастаньетами, укрепленными на пальцах рук. Маленькие золотые колокольчики, привязанные к их щиколоткам, нежно звенели в такт движениям. Даже для вендийцев, подумал Конан, такой способ убийства был бы уж слишком замысловатым. Наполнив бокал вином, он откинулся на подушки и стал лениво наблюдать за танцовщицами. Сначала шаги танцовщиц были медленными, но постепенно, па за па, их скорость возросла. Они крутились в танце и под плавную мелодию подпрыгивали в воздух или крутились волчком, и с каждым прыжком, с каждым волчком кусочек шелка отделялся от их тела. Грациозные прыжки были сделаны каждый раз синхронно; танцовщицы растягивали в шпагате свои стройные ноги или же извивались гибким телом и ногами. Руки вздымались вверх в плавных движениях над их головами. Танцовщицы подпрыгивали в изящном танце, не останавливаясь ни на секунду, то приближаясь к нему, то снова отдаляясь от него. Внезапно их шелка одним неуловимым движением сползли на мраморный пол и три стройные женщины продолжали плясать, но теперь уже их красивые смуглые тела не покрывало ничего, за исключением только их темных вуалей. На их быстрых телах серебрились капельки пота. Конан резко хлопнул в ладоши, и танцовщицы замерли на месте, их округлые груди поднимались и опускались от усталости. Музыканты, по-прежнему невидимые и не знающие, что они остановились, продолжали играть.

— Вы, двое, можете идти, — приказал Конан, указывая рукой на двух девушек. — А ты останься и продолжай плясать.

Темные глаза женщин неуверенно переглянулись друг с другом из-под своих вуалей.

— Ваша госпожа приказала вам развлечь меня, — продолжал он. — Неужели я должен тащить вас волоком по всему дворцу в ее поисках, чтобы сказать ей, что вы не повиновались?

На этот раз взгляд женщин был испуганным, а не недоуменным. Две девушки, на которых он указал рукой, выбежали из зала, а третья уставилась им вслед, как бы тоже думая о том же.

— Танцуй для меня, — сказал Конан.

Неуверенно, с явной неохотой, она начала танцевать. До этого танцовщицы внимательно прислушивались к ритму музыки, но сейчас эта женщина постоянно поворачивала голову, будучи более независимой в своем танце, чтобы держать свои темные глаза на его лице. Она гибко плыла над полом, извиваясь и подпрыгивая так же грациозно, как и прежде, но сейчас в ее движениях и выражении лица чувствовалась какая-то напряженность и неуверенность, как будто она осязаемо чувствовала его пристальный взгляд, скользкий по ее обнаженному телу. Когда она оказалась совсем близко от него, Конан схватил рукой за ее худенькую лодыжку. Она взвизгнула и повалилась на подушки, уставившись на него поверх вуали своими расширенными глазами. В течение нескольких, казавшихся вечностью мгновений единственными звуками в комнате была музыка и ее тяжелое, напряженное дыхание.

— Умоляю вас, господин, — прошептала она наконец. — Моя госпожа просила, чтобы ее служанок не обижали, и...

— А-а, тогда я, значит, твой господин сейчас? — спросил Конан. Он небрежно провел пальцем от колена девушки до ее бедра, и она вздрогнула. — А что, если я позову Панджара и скажу ему, что ты не доставила мне удовольствия? Что, если я потребую, чтобы он отхлестал тебя кнутом, прямо здесь?

— Тогда я... Тогда меня отстегают, господин, — прошептала она и судорожно глотнула воздух.

Конан покачал головой.

— Вы, вендийцы, и вправду сумасшедшие. Неужели ты действительно пойдешь так далеко, чтобы утаить от меня правду?

И прежде, чем она успела отшатнуться, он дернул с ее лица вуаль. На секунду Виндра ошеломленно уставилась на него, и краска смущения залила ее лицо. Затем ее глаза закрылись, и она отчаянно попыталась закрыться руками.

— Эта уловка не сработала с Канг-Хоу, — засмеялся Конан. — И она также не действует на меня.

Ее лицо покраснело еще больше, и веки сжались еще плотнее.

— На этот раз твоя игра не получилась, — сказал он, склонившись над ней. — Я тебе дам один-единственный,

последний шанс убежать, и тогда я покажу тебе, что делают мужчины и женщины, которые не играют в игры.

Краска не оставила ее щек, но ее глаза открылись как раз настолько, чтобы она сумела взглянуть на него сквозь свои длинные густые ресницы.

— Ты глупец, — прошептала она. — Я могла убежать от тебя в любое время, начиная с того дня, когда мои руки были развязаны.

Обвив его руками за шею, она потянула его к себе и медленно опустилась на подушки.

Глава 19

Когда тени стали длиннее, а солнце стало быстро таять на горизонте, Конан оставил на мягкой лежанке спящую Виндру и пошел поискать вина.

— Да, господин, я принесу вам кувшин через минуту, — ответил слуга в ответ на его просьбу, добавив несколько слов, отвечая и на его следующий вопрос: — Нет, господин, двое мужчин еще не вернулись из города. Я также ничего не слышал и о кхитайской женщине, господин.

Найдя комнату с высокими арокными окнами, выходящими на запад, Конан уселся на подоконник и посмотрел наружу. Солнце, кроваво-красное в темном небе, повисло большим зловещим шаром над высокими деревьями далеко от него. Это было жуткое зрелище, как раз под стать его настроению. День был абсолютно выброшенным. Ожидание во дворце, даже занимаясь любовью с Виндрой (как бы это ни было приятно для него), теперь казалось потерянным временем. По крайней мере, следуя до сих пор за караваном, он создавал некоторую иллюзию того, что он что-то делал, чтобы избавиться от яда в своей крови, или охотясь за людьми, чью смерть он должен был увидеть прежде, чем умрет сам. По крайней мере, один из этих людей находился в городе, всего на расстоянии какой-то лиги, а он сидел сложа руки здесь и просто ждал.

— Патил?

Услышав мягкий женский голос, он огляделся вокруг. Женщина-вендийка, не покрытая вуалью, стояла у входа в комнату. Ее простое хлопковое платье не принадлежало ни служанке, ни знатной женщине.

— Ты не узнал меня, — сказала она с улыбкой, и внезапно он понял, кто стоит перед ним.

— Кай-Ше, — широко раскрыл от изумления рот Конан. — Я не мог поверить, что ты могла так полностью... —

Он нетерпеливо оборвал свою фразу на середине. — Что ты разузнала?

— Очень много и очень мало. Караван оставался в городе всего несколько часов, так как купеческие рынки находятся в Айодхье, а знать и придворные также горят желанием присоединиться ко двору царя. Карим Сингх, однако, — добавила она, и он мгновенно вскочил на ноги, — все еще находится в Гвандиакане, хотя я и не узнала, где именно.

— Он не улизнет от меня, — зарычал Конан. — И этот Найпал тоже, хотя он и колдун. Но почему *вазам* остался здесь, вместо того чтобы отправиться к царю вместе с придворными?

— Возможно, потому, что, судя по слухам, Найпал уже два дня как прибыл в Гвандиакан. Однако так как его лицо известно очень немногим, подтвердить этот слух невозможно.

Конан ударил кулаком по своему бедру.

— Кром, это не может быть ничем, как судьбой и хорошим предзнаменованием. Они оба теперь в моих руках. Я покончу с ними сегодня же ночью.

Женщина-кхитайка схватила его за руку, когда он уже собирался выбежать из комнаты.

— Если ты хочешь идти в Гвандиакан, то будь осторожен, так как в городе очень неспокойно. Солдаты арестовывают детей-бродяг и беспризорных на улицах, как говорят, по приказу самого *вазана*. Многие очень озлоблены этим, а самые бедные районы города сидят, как на вулкане, ожидая только искры, чтобы взорваться пламенем. Улицы Гвандиакана могут быть залиты кровью из-за этого.

— Я видел кровь и раньше, — сказал он мрачно и побегал по увешанному гобеленами коридору. — Панджар! Мне нужна моя лошадь и немедленно!

Наполовину проснувшись, Виндра потянулась на подушках, заметив лениво, что лампы уже зажжены и что стало темно. Она внезапно нахмурилась. Кто-то покрыл ее тонким шелковым покрывалом. Она изумленно открыла рот и плотнее завернулась в покрывало, увидев приближающуюся к ней Чин-Коу. Кхитайка держала в руках стопку разноцветного шелка.

— Я принесла вам одежду, — сказала Чин-Коу. Виндра надела длинную рубашку через голову.

— А что заставило тебя подумать, что мне нужна одежда? — надменно и требовательно спросила она.

— Прошу прощения, — сказала Чин-Коу и встала, чтобы уйти. — Без сомнения, когда вы захотите одеться, вы смо-

жете позвать своих слуг. Я оставляю вам шелковую рубашку, так как похоже, что вы именно это хотите сделать.

— Подожди! — Виндра, покраснев, схватила рубашку и нервно смяла мягкую материю. — Я не знала этого. Поскольку ты принесла мне одежду, ты вполне можешь оставить ее здесь.

Чин-Коу приподняла бровь.

— Вам совсем ни к чему говорить со мной таким тоном. Я очень хорошо знаю, чем вы занимались с ченг-ли, который зовет себя Патилом.

Виндра простонала, и краска смущения еще больше залила ее лицо. Через секунду дочь купца смягчилась.

— Я занималась тем же с ченг-ли, который зовет себя Хасаном. Теперь я знаю твой секрет, а ты знаешь мой. Ты боишься только позора, который будет известен твоим слугам. Плетка моего дяди наказывает гораздо больше и сильнее, чем просто стыд.

Виндра устала на кхитайнку, как будто увидела ее в первый раз. И не то что она совершенно не замечала раньше Чин-Коу, но она была племянницей торговца, а племянницы купцов конечно же не могли чувствовать так же, как женщина, в жилах которой течет кровь Кшатриев. Или она чувствовала то же самое?

— Ты любишь его? — спросила она. — Я имею в виду Хасана.

— Да, — сказала горячо Чин-Коу. — Хотя я не знаю, чувствует ли он такую же любовь ко мне. Ты любишь человека, которого зовут Патил?

Виндра отрицательно покачала головой.

— С таким же успехом можно любить и тигра. Но, — добавила она с лукавством, которого не смогла скрыть, — когда тигр занимается любовью с тобой — это очень приятная вещь.

— Хасан, — сказала серьезно Чин-Коу, — также очень сильный и пылкий.

Внезапно обе женщины захихикали, и вскоре их хихиканье перешло в веселый громкий смех.

— Спасибо за одежду, — сказала Виндра, когда они снова были в состоянии говорить. Отбросив в сторону покрывало, она поднялась с постели. Чин-Коу помогла ей одеться, хотя она и не просила ее об этом, и, когда Виндра оделась, она сказала:

— Пойдем. Мы выпьем бокал вина и поговорим о мужчинах, тиграх и других странных животных.

Когда кхитайнка открыла рот, чтобы что-то сказать, дикий крик пронесся эхом по дворцу, перекрытый криками

людей и звоном стали, ударяющейся о сталь. Чин-Коу схватила Виндру за локоть.

— Нам надо скорее спрятаться.

— Спрятаться? — возмущенно воскликнула Виндра. — Это мой дворец, и я не буду забиваться в нору, как заяц.

— В тебе говорит глупая гордыня, — сказала маленькая девушка. — Подумай о том, какого рода бандиты атакуют твой дворец. Неужели ты думаешь, что твоя «голубая кровь» защитит тебя от них?

— Да, ты права. И ты тоже подвергаешься опасности. Даже бандиты знают, что за тебя (и за твою сестру тоже) может быть получен выкуп, как только они узнают, кто я такая.

— Узнают, кто ты такая, а? — раздался голос от двери комнаты, и Виндра подскочила от ужаса.

— Кандар! — выдохнула она. Гордость помогла ей стоять прямо и с вызовом, но она не смогла удержаться от того, чтобы не отступить на шаг в сторону, когда князь, с жестокими, холодными глазами, ввалился в комнату, сжимая в руке окровавленную саблю. Позади него в коридоре теснились солдаты в шлемах и тюрбанах, держа в руках окровавленное оружие. Он наклонился и поднял с пола вуаль, которую она надевала во время танца и задумчиво помял ее в руках.

— Возможно, ты считаешь себя знатной женщиной, — сказал он. — Возможно, что ты даже являешься знаменитой леди Виндрой, хорошо известной за свой острый ум и блистательное общество знаменитых поэтов, художников, философов и знати, которые собираются в ее дворцах? Ну что ж, всем уже давно известно, что леди Виндра пала жертвой в Гимелеях, когда дикий варвар украл ее, возможно, на встречу ее гибели или рабства.

— Что ты можешь получить от этого фарса? — требовательно спросила Виндра, но ее слова оборвались, когда она увидела, что шестеро покрытых вуалью женщин, одетых в плотные сари из шелка, вошли в комнату. И вместе с ними в комнату вошел Пританис. Ухмыльнувшись, немедиец облокотился спиной к стене и скрестил руки на груди.

— Боги добры сегодня ко мне, девка, — сказал он, — так как я нашел в Гвандиакане никого другого, как самого князя Кандара, которому было весьма приятно узнать о местонахождении некоей женщины недалеко от него. За безымянную шлюху был предложен целый увесистый кошелек с золотом — со ста золотыми! — и я мог только согласиться и принять его щедрость.

Раздражение мелькнуло на лице Кандара, но в целом бы-

ло очевидно, что он даже не обращал внимания на присутствие Пританиса.

— Подготовьте ее, — приказал он. — Подготовьте их обоих. Я не откажусь еще от одной мелочи, когда ее принесут мне на подносе.

— Нет! — вскрикнула Виндра. Она извернулась, чтобы убежать, но прежде чем она успела сделать три шага, три женщины в вуалях бросились к ней и повалили ее на пол. Уголкем глаза она заметила, что остальные три женщины удерживали Чин-Коу. Отчаяние заполняло ее душу. Отчаянно, зная бесполезность своих попыток, она все же сопротивлялась, но женщины держали ее в руках, срывая с нее остатки одежд с уничтожающей ее гордость легкостью. Даже когда она оказалась полностью обнажена, они не дали ей возможности встать на ноги и потащили по полу свою извивающуюся жертву, бьющую ногами в своих отчаянных попытках высвободиться. Они силой поставили ее на колени у ног Кандара, и его пристальный взгляд пронзил ее и пробрал холодом до костей, подавляя ее последнюю попытку к сопротивлению. Чин-Коу стояла в таком же положении рядом с ней, тоже обнаженная и всхлипывающая от ужаса, но Виндра не могла отвести глаз от Кандара.

— Тебе это так даром не пройдет, — прошептала она. — Я не какая-то безымянная...

— Ты и есть безымянная, — щелкнул он ее, как бичом, своими словами. — Я уже сказал тебе, что леди Виндры больше нет (он медленно закрепил вуаль на ее лице крошечной серебряной застежкой)... а вместо нее появилась новая наложница, новое добавление к моей *пардохана*. Я думаю, что я назову тебя Мириам.

— Твоя сестра, — выдохнула Виндра. Ей было нетрудно танцевать с вуалью на лице, но сейчас ей, казалось, было тяжело дышать. — Я освобожу Алину. А...

От его сильной пощечины ее лицо дернулось влево.

— У меня больше нет никакой сестры! — прорычал он.

— А как насчет моего золота? — внезапно потребовал Пританис. — Девка теперь твоя, и я хочу получить свою оплату.

— Разумеется.

Кандар снял кошелек с пояса и швырнул его в руки безносому.

— Теперь ты удовлетворен?

Пританис жадно раскрыл шелковые завязки кошелька и высыпал с десяток золотых монет себе на ладонь.

— Я удовлетворен, — сказал он довольно. — Если бы только Конан мог видеть...

Его слова оборвались стоном, когда сабля Кандара вошла

ему по рукоять в грудь. Золото со звоном посыпалось на пол, когда он схватился за лезвие обеими руками. Кандар спокойно встретил неверящий, недоуменный взгляд немедийца.

— Ты смотрел на непокрытые вуалью лица двух женщин из моей *пардохана*, — пояснил он. Лезвие его сабли легко выскользнуло из рук умирающего человека, и Пританис рухнул лицом вниз на свое золото. Лицо Виндры было ровным, когда она собирала остатки своего мужества.

— Убить своего наемника и забрать назад золото — это так похоже на тебя, Кандар. Ты всегда был глупцом и червяком.

Его мрачный взгляд заставил ее понять, что это *было* последними остатками ее мужества. Она стиснула зубы усилием воли, чтобы встретить его мрачный взгляд.

— Он видел твое лицо без вуали, — сказал князь, — и кхитайской женщины тоже, и потому он должен был умереть, чтобы моя честь осталась незапятнанной. Но он честно заработал свое золото, и никто не может назвать меня вором. За эти слова тебя отхлестают плетьюми, а также еще раз за каждое из нанесенных мне оскорблений.

— В моих жилах течет кровь Кшатриев, — сказала Виндра. Она говорила больше для себя, как бы отрицая все случившееся, но никто, казалось, даже не заметил этого.

— Это был последний из твоих странных попутчиков, — продолжал Кандар. — Остальные уже убиты. Все до единого мертвы.

Стон раздался из груди Виндры. Крошечная, слабая надежда, которая еще теплилась у нее в душе, теперь исчезла, надежда на то, что великан варвар спасет ее из лап Кандара, и теперь вся ее жизнь действительно рухнула, как картонный домик под дуновением ветра.

— Ты никогда не сломаешь меня, — прошептала она, и знала пустоту этих слов даже до того, как они сорвались с ее губ.

— Сломать тебя? — сказал с издевкой Кандар. — Ну конечно же нет. Но впереди, несомненно, должно быть небольшое обучение покорности и послушанию. Небольшое обучение, которое слегка пощипает твою неумеренную гордыню.

Виндра хотела с вызовом покачать головой, но его глаза удерживали ее, как змея, гипнотизирующая птицу.

— Завтра тебя посадят на лошадь, и ты будешь «одета», как в эту минуту, после чего эту лошадь проведут по улицам Гвандиакана, так что все смогут увидеть красоту моего нового приобретения. Уведите их! — рявкнул он женщинам-служанкам.

Виндра пыталась гневно и вызывающе крикнуть, но она

знала, когда ее тащили к лошадям, что это был вой полного отчаяния, когда он прокатился по гулким коридорам ее дворца.

Глава 20

Сидя за длинным столом из грубо острутанных досок в углу таверны, Конан вспомнил о Султанапуре, когда он поправил капюшон своего темного плаща, одолженный у дворецкого во дворце Виндры. Капюшон низко опускался на лоб, закрывая его лицо. Таверна, где он сидел, была не из лучших, с земляным полом и колченогими стульями. Не зная, что ему делать в городе без того, чтобы не привлекать любопытных взглядов прохожих своей высокой фигурой, Конан осушил одним длинным глотком половину большой кружки дешевого вина. Остальные посетители таверны были вендийцами, хотя они стояли далеко от богачей и знати Гвандиакана. Носильщики и погонщики буйволов, от которых пахло соломой и кожей животных, подмастерья каменщиков в туниках, запачканных пятнами сухой штукатурки и цемента. Неопределенного вида и не поддающиеся вообще никакому описанию мужчины в тюрбанах склонились над своим вином или говорили приглушенными, негромкими голосами, бросая быстрые взгляды своих черных глаз вокруг, опасаясь, чтобы их не подслушали. Запах кислого вина смешивался с духами и благовониями, и тихий гул голосов не мог окончательно покрыть звон колокольчиков на запястьях и лодыжках проституток с масляными, призывными глазами, которые бродили по таверне. В отличие от своих товарок на Западе, они носили платья и сари, покрывающие их с шеи до самых лодыжек, но зато эти одежды были сделаны из самого прозрачного газа, который абсолютно ничего не скрывал. Однако сегодня у девиц было совсем немного клиентов, и обычная фривольность, легкость и непринужденность таверны отсутствовали в этот день. В воздухе висела напряженность, которая была темнее, чем ночь за стенами таверны. Киммериец был далеко не единственным человеком, который скрывал свое лицо. Конан махнул рукой, чтобы ему принесли еще вина. Служанка, одетая в платье, которое было чуть темнее, чем одеяния проституток, принесла ему кувшин вина, взяла монету и поспешила назад, не сказав ни слова, явно желая снова возвратиться в свою нору и спрятаться там, не привлекая лишнего внимания. Эта атмосфера страха и взвинченного напряжения чувствовалась во всем городе с момента

та его прибытия и стала еще более напряженной, по мере того как сгущались сумерки. Солдаты все еще не успели забиться в норы, как преследуемые охотниками лисицы, и доставляли арестованных в тюрьму форта, которая стояла в центре Гвандиакана. Но даже солдаты чувствовали настроение мрачной толпы людей. Патрули теперь часто насчитывали до ста человек, и они передвигались так настороженно, как будто ожидали атаки в любой момент. На улицах, когда еще было светло, было много разговоров и слухов, и киммерийцу было нетрудно узнать о людях, которых он хотел найти. Он быстро узнал местоположение дворца Карима Сингха, один из тех нескольких, что стояли к востоку от города и где, как говорили, остановился Карим Сингх. Однако, прежде чем он успел пройти сто шагов, он узнал, что *вазам* остановился в *другом* дворце, а еще через пятьдесят шагов — в третьем, и все они находились на изрядном расстоянии друг от друга. На каждом перекрестке он узнавал новые слухи. Говорили, что чуть ли не в половине дворцов в Гвандиакане остановился Карим Сингх. Некоторые говорили, что в городе остановился и Найпал, и называли *каждый* дворец в городе, где он якобы находится в эту минуту, а некоторые даже утверждали, что колдун соорудил невидимый дворец за одну ночь, в то время как другие утверждали, что колдун наблюдает за городом сверху, сидя на облаках. Под конец раздражение завело Конана в таверну. Волна головокружения (которая не имела ничего общего с вином) прошла по его телу. Это уже было не в первый раз за эту ночь. Его глаза помутнели. С мрачным упорством он переборол слабость, и когда его зрение прояснилось, он увидел стоящего перед ним Ордо, который тут же опустился на скамью у его стола.

— Я тебя ищу уже несколько часов, — сказал одноглазый. — Кандар с сотней копейщиков атаковал дворец Виндры и захватил Виндру и племянницу кхитайца, Чин-Коу. Пританис был с ними, подлый ублюдок.

Конан зарычал и швырнул свою глиняную кружку на пол, разбив ее вдребезги. В комнате тут же воцарилась мертвая тишина, и каждое лицо повернулось к нему. Затем, так же быстро, люди снова начали беседовать. Это была не та ночь, чтобы вмешиваться в гневную вспышку незнакомца.

— А люди?

— Несколько царепин, и ничего больше. Мы сумели добраться до лошадей, и Кай-Ше нашла для нас место, где мы сумели укрыться. Это заброшенный храм на улице... как ее там зовут?.. Ах да, что-то вроде Улицы Снов, хотя я думаю, что эти сны должны быть очень невеселыми. День или

два отдыха и немного подлечить порезы, и мы подумаем, что можно сделать для спасения девок.

Конан покачал головой, одновременно возражая Ордо и чтобы стряхнуть слабость.

— Мне не нужно день или два. Лучше всего тебе вернуться в этот разрушенный храм. Они понадобятся тебе, если ты захочешь вернуться в Туран.

— О чем ты тут бормочешь? — требовательно спросил его Ордо, но киммериец только хлопнул своего друга по плечу и выбежал из таверны. Пока Конан неся большими прыжками по темной улице, он слышал, как Ордо кричал ему вслед, но он не остановился и даже не повернул головы. Бхалканийский жеребец был оставлен в конюшне недалеко от городских ворот, через которые он вошел в Гвандиакан, и за медную монету, брошенную в руки сторожа, он получил назад своего коня. Городские ворота были массивными, а высотой превышали человеческий рост раз в десять. Они были сделаны из толстых железных плиток очень своеобразной формы и с красивым рельефом и чеканкой. Их было бы нелегко сдвинуть с места, а судя по пыли, которая накопилась у подножия ворот, прошло много лет с тех пор, как их закрыли. Напряженность в городе наложила свой отпечаток и на стражников в тюрбанах и шлемах, стоящих у ворот. Они нервно и настороженно смотрели за ним, ошупывая свои копья, когда он галопом проскакал мимо них в открытые настежь ворота. Единственный клочок информации, который он получил в эту ночь слухов и сплетен, единственный слух, который не изменился (и тот, который он считал наименее полезным из всех слухов и разговоров) был тот, в котором упоминалось местонахождение дворца Кандара. Ярость кипела в нем, но это была холодная ярость. Умереть с мечом в руках было бы намного более предпочтительнее, чем сдать какой-то яду в его жилах, но сначала ему нужно было освободить женщин. Только когда они будут в безопасности, он сможет позволить себе думать о своих бедах и заботах. Недалеко от дворца он въехал в рошу деревьев и привязал жеребца к ветке одного из них. Ловкость и хитрость, которым он научился, будучи вором, помогут ему в этом деле больше, чем холодная сталь меча. Дворец князя Кандара, который был даже больше по размерам, чем дворец Виндры, горел в ночи, освещенный светом тысяч ламп и светильников, сверкающий узор переплетенных между собой алебастровых террас, шпилей и куполов. Отражаясь от света ламп, между ними тянулись темные холодные полосы бассейнов, а в промежутке между полосами воды лежали сады и густые подстриженные кустарники с розой и шиповником, которые заполняли пространство пе-

ред дворцом и подходили к самым его стенам. Распустившиеся цветы наполняли темноту мириадами душистых запахов, к которым примешивался терпкий, сладковатый запах духов из дворца. Духи и запахи цветов не очень интересовали Конана, но кустарники очень помогли ему, скрыв его бесшумное приближение. Он был сейчас всего лишь одной из тысяч многочисленных теней, не больше. Пальцы, приспособленные к тому, чтобы карабкаться по скалистым острым утесам его родных киммерийских гор, находили щели и выбоины в казалось абсолютно гладкой поверхности больших мраморных блоков, и он лез по стене дворца так же хорошо, как другой человек поднимался бы по лестнице. Вскрабавшись на широкую стену, Конан распластался на ней и наблюдал за дворцом, пытаясь уловить все его детали — небольшие дворы с журчащими фонтанами, искусно сложенные, покрытые орнаментом высокие башни, рвущиеся к небу, и проходы в колоннадах, освещенные лампами с горящим маслом или жиром. Лампы и светильники были сделаны из изумительной работы чеканного золота. Затаив дыхание, он вперился в фигуру человека в желтой с красным одежде, идущего между колоннами рядом с другим, одежда которого, казалось, была из темно-серого шелка. Рука Конана непроизвольно легла на рукоятку меча. Это был Карим Сингх. И если боги не забыли его, Найпал был вторым человеком. Он с сожалением вздохнул и отпустил рукоять меча, наблюдая за двумя мужчинами, которые вскоре исчезли из вида. Женщины, сказал он самому себе. Женщины должны быть его первой задачей, все остальное — потом. Вскочив на ноги, он побежал по стене. Высота была главным в этом деле, как научили его города Немедии и Заморры. Человек, который находился на самой верхней части здания, часто не привлекал ничьего внимания, даже если он явно не должен был находиться там. В конце концов, если бы у него не было на это права, разве он смог бы туда попасть? Кроме того, поднимаясь на самые высокие части здания, означало то, что каждый шаг делал человека гораздо ближе к земле и к его пути к спасению.

Спасение было особенно важно для него в эту ночь, особенно для двух женщин, если не для него самого. Карнизы, фризы и тысячи замысловатых узоров из камня и алебастра помогали великану киммерийцу без труда скользить по крыше. Скользнув сквозь узкое окно у самого основания крыши, он очутился в душной темной комнате. Он на ощупь убедился, что находится в кладовой, в которой лежали ковры и постельные принадлежности. Узкая дверь вела в коридор, который был освещен тусклым светом бронзовых светильников. Здесь не было золотых и

серебряных украшений и дорогих гобеленов и ковров, это были помещения слуг, располагавшиеся в верхних этажах дворца. Из некоторых комнат до него доносилось храпенье. Бесшумный и мрачный, как охотящийся дикий кот, Конан осторожно ступал по полу длинного коридора, а затем стал спускаться вниз по лестнице. Другие звуки донеслись до него из другой части дворца, звуки, которые ни с чем другим нельзя было спутать, — топот людей, музыка флейт и цитар. Густой звон гонга печально отзывался эхом во дворце. Киммериец почти не обращал на них внимания, его глаза и уши внимательно следили за происходящим, так как легкая тень или неосторожный шаг могли сказать ему, где находится человек, который мог поднять тревогу. Он искал спальни покои, в этом он был абсолютно уверен. Из того, что он знал о Кандаре, можно было сделать вывод, что его первым желанием будет остановиться в комнате с женщинами, и ему безусловно будет приятно навестить их несколько раз, когда они будут ожидать со страхом его возвращения. Вполне возможно, что он все еще находился там. Конан очень надеялся на это. Карим Сингх и Найпал, несомненно, улизнут от него в эту ночь, но по крайней мере он сумеет рассчитаться с Кандаром. Первые три спальни комнаты, которые он обнаружил, были пустыми, хотя золотые светильники давали мягкий ровный свет в ожидании тех, кто должен в них появиться позже. Когда он, однако, вошел в четвертую, только пятое чувство (которое ничем рациональным нельзя было объяснить) заставило его прыгнуть вперед и покатиться по полу, избежав лезвия меча, который обрушился на то место, где он только что стоял. Конан тут же вскочил на ноги с мечом в руке, и яростный удар заставил его противника отскочить, как кошка, назад. Киммериец уставился на своего врага, так как он еще не видел такого человека прежде, даже в этой странной, загадочной стране. Украшенный и защищенный носовой перегородкой шлем с толстым, острым металлическим стержнем наверху сидел на голове незнакомца. Его темное, безжизненное и ничего не выражающее лицо было очень странным. Его доспехи были сделаны из толстой кожи, покрытой бронзовыми пластинками. Длинный прямой меч был в его руке, покрытой металлической перчаткой, и еще один, более короткий кривой меч был в другой, левой руке. Воин передвигался с быстротой и держал оружие в обеих руках уверенно, что говорило о большом, долгодетнем опыте.

— Я пришел, чтобы освободить только женщин, — сказал Конан угрожающим голосом.

Если он сумел бы заставить своего противника обменяться с ним несколькими словами, тот, возможно, не сумел бы сообразить того, чтобы подать сигнал тревоги, пока они сражались бы друг с другом.

— Скажи мне, где они находятся, и я не убью тебя.

Молчаливая атака воина заставила его резко поднять свой меч, защищаясь. И это действительно была защита, сообразил опеломленный киммериец. Его длинный меч сверкал и метался так же быстро, как и всегда, но это была только отчаянная попытка не допустить, чтобы его противник поразил его своим мечом. Впервые за всю свою жизнь он столкнулся с человеком, который двигался быстрее, чем он сам. Удары мечей, которые наносились с быстротой атакующей змеи, следовали один за другим и заставили его отступить. Зарывав, он решился на хитрость, продолжая отражать удары врага и одновременно нанося ему удар кулаком в лицо зажатой в нем рукоятью эфеса. Воин в странных доспехах был отброшен назад, и столик, украшенный орнаментом, разлетелся вдребезги при его падении, но прежде чем Конан успел сделать один шаг, чтобы продолжить свою атаку, воин пружинисто вскочил на ноги. Конан встретил его в середине комнаты, и искры от их мечей, ударяющих друг о друга, образовали смертоносное кружево в темноте комнаты. Киммериец обрушил всю свою ярость — на Кандара, Найпала и Карима Сингха — и вложил всю свою силу в эту атаку, отказываясь на этот раз отступать. Сильным ударом он обрушил меч на врага и почувствовал, как лезвие прошло через плоть и кости, но даже в эту минуту он вынужден был уклониться от удара, который чуть не попал ему в лицо. Приготовившись к обороне, Конан почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Его последний удар остановил противника (да так оно и должно было случиться, когда его кривой меч лежал теперь на ковре, вместе с рукой, сжимавшей его), но это была явно только временная передышка. Безжизненное лицо даже не изменило своего выражения, и его темные глаза даже не посмотрели на отрубленную кисть левой руки. Из его раны не пролилось ни одной капли крови. Колдовство, подумал киммериец. Внезапно молчание, с которым сражался его противник, приобрело новое жуткое качество. И снова началась смертоносная схватка. Если этот колдовской воин знал, как сражаться двумя мечами одновременно, то и одним мечом он действовал не менее уверенно. Конан отражал каждый быстрый удар, но и его собственные выпады отражались воинском без труда. Киммериец знал, что он сможет теперь сравняться с противником, одним мечом на один, но как долго плоть смертного сможет удержаться против колдовства?

Внезапно отрубленная рука врага ударила Конана по голове с силой, которую он считал просто невозможной, опрокинув его на спину, как ребенка. Теперь наступил его черед лежать на спине, на обломках стола, но прежде чем он успел подняться, атакующий противник уже навис над ним. Конан отчаянно пытался отразить удар меча, который мог развалить его череп надвое. Его рука, шарящая вокруг, нашла в обломках стола рукоять какого-то оружия, и он нанес им удар по врагу, вонзив острое лезвие по самую рукоятку. Его противник извернулся, как змея, и лезвие прошло через его кожаные доспехи, скользнув сквозь ребра. Темный воин рухнул на Конана, как будто его кости расплавились и превратились в труху. Конан быстро отпихнул от себя тело воина и вскочил на ноги, держа наготове свой собственный меч, опасаясь какого-то подвоха. Но покрытая кожаными доспехами фигура осталась неподвижной — глаза воина остекленели. Конан с изумлением посмотрел на оружие, которым он поразил врага, и, выругавшись, чуть было не уронил его на пол. Это был короткий меч, но рукоять его была такой большой, что годилась, скорее, для двуручного меча. Рукоятка и лезвие оружия были сделаны из какого-то странного серебристого металла, который мерцал странным потусторонним светом. Отвратительный запах заставил его ноздри дернуться и, он снова выругался. Это была вонь от разложения. Труп его врага под кожаными доспехами уже наполовину сгнил, и белые кости проглядывали сквозь гнилое, разложившееся мясо. Заколдованный воин был сражен явно заколдованным оружием. Часть его мозга говорила ему, чтобы он выбросил эту жуткую вещь, в то время как другая шептала, что это оружие может быть полезно против такого колдуна, как Найпал. Колдунов всегда было гораздо труднее убить, чем других людей. Сунув свой меч в ножны, он быстро оторвал кусок шелка от покрывала на постели и обмотал им серебристый кинжал, сунув его себе за пояс. Пока он это делал, Конан услышал множество топчущих ног, приближающихся к комнате. Опрокинутые разбитые столы, разбросанные ларцы и разбитые зеркала и хрусталь были молчаливыми свидетелями того, что схватка была не такой уж бесшумной. Бормоча проклятия, он поспешил к окну, как раз вовремя, потому что как только он очутился на карнизе, около двадцати вендийских солдат ввалились в комнату. И снова алебастровые украшения помогли ему ползти по стене здания, но позади себя он услышал тревожные крики. Он стал карабкаться вверх, схватившись за балюстраду, чтобы вскочить на балкон... и замер при виде еще одной дюжины солдат в шлемах и тюрбанах. Копье просвистело рядом с ним, и Конан отпрянул назад, так как обе его

руки были заняты. Даже спружинив и согнув колени, он почувствовал силу и шок от приземления, которые сотрясли все его тело. Еще больше голосов выкрикнули крики тревоги, и тяжелый топот сапог послышался слева и справа от него. Копье просвистело у него над головой и вонзилось, дрожа, в землю, всего в одном метре от него. Он подпрыгнул в воздухе, отскочив от стены, и еще одно копье впилося в землю на то место, где он только что стоял. Согнувшись чуть ли не наполовину, он побежал к саду, который был разбит между отражавшимися в свете факелов бассейнами, слившимися с одной из сотен теней.

— Стража! — раздался громкий голос. — Стража! Обыщите сады! Найдите его!

Конан наблюдал за ними от самого края деревьев, и его зубы оскалились в злом рычании. Солдаты бегали вокруг дворца, как муравьи из разворошенного муравейника. Похоже, что в эту ночь ему не удастся больше попасть во дворец. Боль пробежала по его телу, и мышцы свело спазмой, заставив его перегнуться пополам. Широко раскрыв рот и хватая судорожно воздух, он силой воли заставил себя распрямиться. Его рука сжала покрытую шелком рукоять странного оружия.

— Я еще жив, — прошептал он, — и я не умру, пока не придет мой час.

Производя не больше шума, чем ветер, гоняющий сухие листья, он растворился в темноте.

Найпал устался, не веря своим глазам, на свою спальню, превращенную в обломки, делая все, что возможно, чтобы не обращать внимания на страшную вонь от разложения, которая висела удушливым смрадом в воздухе. Крики солдат, ищущих непрошеного гостя, не дошли еще до его ушей. Только то, что было сейчас в этой комнате, имело значение и было реальностью, и такой, которая наполнила холодом его живот от страха и раскалывала его виски от головной боли. Он все еще с жутким восхищением смотрел на воина в кожаных доспехах. Череп ухмылялся ему из-под старинного шлема. Кости и труха — вот все, что осталось от его воина. Его воина, который не мог быть убит. Первый солдат армии, которая не могла погибнуть. Во имя всех богов, как это могло случиться? С усилием он оторвал свой взор от скелета в кожаных доспехах, но неизбежно его глаза упали на длинный золоченый ларец, который лежал на боку среди обломков слоновой кости, которая была столиком, открытый и пустой. Пустой! Обломки искусно вырезанной слоновой кости были единственным, что осталось от оправы колдовского зеркала, предупреждающего об опасности, а от самого зеркала оста-

лись одни осколки. Крякнув, он наклонился, чтобы подобрать с десятков осколков зеркала, лежащих на полу. Однако в каждом осколке, независимо от его размера, отражалось лицо человека, лицо, которое теперь уже не менялось. Он с удивлением изучал это мрачное лицо на осколках, его густую гриву черных волос, удерживаемых кожаным ремешком, его странные глаза цвета сапфира и суровое, злое рычание варвара, обнажившее его зубы. Колдун знал, кому принадлежит это лицо. Человеку, который называл себя Патилом. Тот самый простой варвар, о котором говорил Карим Сингх. Но зеркало, даже его осколки, могли показывать только то, что угрожало его планам. Неужели «простой» варвар мог это сделать? Неужели простой варвар смог найти его так быстро? Смог разбить стекло и украсть оружие демона? Убить того, кого было невозможно убить? Осколки зеркала выпали из пальцев Найпала, когда он прошептал слово, которому не верил, не хотел верить. «Пан-кор».

— Что ты сказал? — спросил его Карим Сингх, входя в комнату.

Вазам старался не смотреть на жуткий скелет в кожаных доспехах, лежащий на полу.

— Ты выглядишь очень изможденным, Найпал. Слуги Кандара наведут здесь порядок, а его солдаты найдут и расстреляются с этим чужаком. Тебе надо отдохнуть. Я не хочу, чтобы ты рухнул без сил, прежде чем ты сможешь служить мне, как своему царю.

— Мы должны выступать немедленно, — сказал Найпал.

Он потерял виски кончиками пальцев. Напряжение этих последних дней уже стало показываться на его лице, и ему теперь пришлось сделать большое усилие над собой, чтобы изобразить подчинение.

— Скажите Кандару, чтобы он собрал своих солдат.

— Я тут кое о чем думал, Найпал. Какое будет иметь значение, если мы подождем несколько дней? Скоро начнутся дожди, и кусающие мухи, говорят, не так жалят после дождей.

— Глупец! — зарычал колдун, и челюсть Карима Сингха отвисла. — Ты будешь служить мне, как царь? Если ты будешь ждаты, ты не будешь царем, ты будешь пищей для собак!

Глаза Найпала снова упали на осколки стекла.

— И скажи Кандару, что нам нужно больше солдат. Скажи ему, пусть оголит гарнизон форта, если нужно. Что касается твоих «страшных» мух, то обычное легкое заклинание сумеет справиться с ними.

— Губернатор не очень надежен и нервничает, — сказал дрожащим голосом Карим Сингх. — Он повинует, но я

знаю, что он не поверил моим доводам о том, что надо арестовать детей-беспризорников. Зная напряженное настроение в городе, он может отказаться выполнить этот приказ, и даже если он повинется ему, он, без сомнения, пошлет гонцов в Айодхью, к Бандаркару.

— Не бойся Бандаркара. Если ты и должен бояться кого-нибудь...

Голос Найпала был мягким, но глаза его горели таким огнем, что Карим Сингх отступил на шаг назад и, казалось, с трудом дышал.

— Скажи губернатору, что если он бросит мне вызов, я иссушу его плоть, отстегую его плетью и брошу его на улицу с отрезанным языком, как бродягу, чтобы он мог увидеть, как его жен и дочерей продадут в бордели. Скажи ему это!

И вазам Вендии побежал, как послушный, покорный слуга. Найпал снова с усилием вернул свой взор к осколкам стекла, повторяющим сотней изображений лицо варвара.

— Ты не сумеешь победить, пан-кор, — прошептал он. — Я еще одолею тебя и выйду из боя победителем.

Глава 21

Ордо был прав, когда говорил об улице Снов, подумал Конан, впервые увидя ее в бледном сером свете рассвета. Его жеребец медленно шел по грязной дороге, пробираясь между грязными лужами нечистот и отбросов, поросших сорняком и чертополохом. Дома были как черепа, смотревшие пустыми глазами окон на прохожих. Крыши просели на многих домах, и еще больше крыш рухнуло от времени внутрь, ломая сгнившие стропила. Стены скособоились и накренились, а многие просто рухнули на землю и лежали кучей щебня и кирпича, обнажив внутренние помещения, заселенные крысами и тараканами. Время от времени оборванные, крадущиеся фигуры появлялись у дверей или пробегали по улице позади него. Люди на улице Снов напоминали суеящихся мышей и крыс, сидящих в своих норах, опасаящихся высунуть свой нос на улицу, на солнечный свет. Вонь от гниения и плесени наполняла воздух. Да уж, сны здесь действительно были ужасные, подумал Конан. Ужасные, кошмарные сны. Ему было нетрудно найти заброшенный храм. Это было здание с куполом, в котором зияли большие отверстия, сквозь которые порхали голуби. Когда-то колоннада из восьми флейтообразных мраморных колонн стояла перед входом в храм,

теперь же три из них лежали, поваленные, на земле. Две колонны разлетелись на куски по всей улице, и сорняки буйно росли, покрывая густой растительностью края обломков. От третьей колонны остался один толстый обломок. Часть внешней стены также рухнула, обнажив то, что когда-то было похоже на мраморные блоки, но на самом деле было камнем, покрывающим обычные глиняные кирпичи. Отверстие в стене было достаточно широким, чтобы внутрь помещения мог въехать человек верхом на лошади. Ничто не напоминало ему о присутствии контрабандистов, но мрачный интерьер помещения говорил о том, что им было нетрудно здесь спрятаться. Или даже количество людей, превышающее отряд Ордо в десять раз. Конан обнажил свой меч. Ему пришлось наклонить голову, когда он въехал внутрь сквозь темную зияющую брешь в стене. Он очутился в большом зале, в котором царил полумрак. Треснувшие плитки пола были покрыты пылью, сломанными кирпичами и щебнем. Толстые колонны и столбы, подпирающие потолок, были сделаны из дерева, но уже наполовину сгнили от времени. В самом дальнем углу помещения находился мраморный алтарь. Его края потрескались и были сбиты, но какому богу он был посвящен — сказать было невозможно. Прежде чем жеребец успел сделать три шага вперед, Ордо появился перед ним, выйдя из-за одной из деревянных колонн.

— Уже давно пора тебе появиться здесь, киммериец. Я уже почти решил, что на этот раз тебе пришел конец.

Энам и Шамил тоже вышли из укрытия с луками наготове. У обоих были свежие повязки на голове и на руке.

— Мы не знали, что это был ты, — сказал молодой туранец. — В следующей, дальней комнате на костре жарятся голуби, так что закуси, если ты проголодался.

— Мы попытались утаить запах голубей от нежеланных гостей, — сказал, сплюнув, Энам. — Люди здесь, как настоящие змеи. Они готовы наброситься на любого человека с едой, как стая голодных злых крыс.

Конан кивнул и спрыгнул с седла. Как только он коснулся ногами пола, он вынужден был удержаться за кожаное стремя, чтобы не упасть; боль и головокружение не вернулись, но их место заняла слабость.

— Я не видел еще таких людей, как они, — сказал он. — В Туране или Заморре от нищего до обитателя дворца — немалое расстояние, но здесь... Здесь, похоже, это как две непохожие друг на друга страны.

— Вендия — страна резких контрастов, — сказал Канг-Хоу, приближаясь с тыльной части полуразрушенного здания.

— Она похожа на дыню, гниющую изнутри, — сказал Конан.

— Это слива, которая уже перезрела и которую давно пора сорвать.

Слабость уже почти прошла.

— Возможно, когда-нибудь я вернусь сюда с армией за своей спиной и сорву ее.

— Многие уже так говорили, — ответил кхитаец, — но кшатрии все еще правят здесь. Простите мою поспешность, но Ордо сказал мне, что вы были во дворце Кандара в эту ночь. Вы не нашли там мою племянницу? Или леди Виндру?

— Я не сумел их найти в этот раз, — сказал мрачно Конан. — Но я сделаю это прежде, чем мне придет конец.

Лицо Канг-Хоу не изменило своего обычного выражения, и все, что он сказал, было:

— Хасан говорит, что нужно вытащить голубей из огня. Он сказал, что их надо съесть, пока мясо не остыло.

— У этого человека сердце, наверное, сделано из камня, — пробормотал Ордо, когда остальные контрабандисты последовали за кхитайцем к костру.

— М-да, он довольно крепкий человек для купца, — согласился Конан.

Он развернул шелк на странном оружии, которым он убил воина во дворце Кандара, и передал его другу.

— Что ты думаешь об этом?

Ордо широко разинул рот, когда шелковая материя упала на пол, обнажив серебристое лезвие, мерцающее в темноте помещения.

— Колдовство! Как только я услышал об этом твоим колдуне, я должен был сразу же повернуть лошадь в противоположном направлении.

Его единственный глаз прищурился, когда он внимательно взгляделся в оружие.

— Это оружие не имеет никакого смысла, киммериец. Рукоять двуручного меча для короткого лезвия?..

— Этот клинок поразил человека или какую-то вещь, которую не мог задержать мой меч, — сказал Конан.

Одноглазый вздрогнул и поспешно обернул шелк вокруг меча.

— Я ничего не хочу знать об этом. На, держи.

Он пожевал губами, когда киммериец снова сунул его себе за пояс, и сказал:

— Я так и не знаю, что случилось с Гурраном. Как ты провел целую ночь без его лекарства?

— Я провел ее отлично и куда лучше, чем раньше, когда я пил эту гадость, — хмыкнул Конан. — Пошли. Я так го-

лоден, что смогу съесть дюжину этих голубей. Пора съесть парочку птичек прежде, чем они исчезнут в желудках наших друзей.

В задней части храма находились две большие комнаты без окон; в одной из них не было крыши. В этой комнате и был разведен костер, другая комната была использована как стойло. Энам и Шамил сидели на корточках перед огнем, жадно глотая куски поджаренного голубя. Кхитаец ел куда более аккуратно, в то время как Хасан сидел, нахмурившись, облокотившись на стену спиной и обхватив ноги коленями и как бы зло рыча на весь мир.

— Где Кай-Ше? — спросил Конан.

— Она ушла задолго до первых лучей солнца, — сказал Ордо с набитым ртом, — чтобы узнать, что еще происходит в городе.

— Я уже вернулась, — сказала Кай-Ше, стоя у двери в комнату, — и снова узнала много и мало. Мне потребовалось некоторое время, чтобы вернуться, потому в городе очень опасно и люди озверели, как животные. Разъяренные толпы бродят по улицам, и бандиты используют хаос, чтобы грабить и насиловать. Так как я — женщина и была без сопровождающего, меня дважды чуть не атаковали.

— Ты передвигаешься совершенно бесшумно, — похвалил ее Конан. Он мог поклясться на что угодно, что те люди, которые «чуть ли» не атаковали ее, могли забыть об этом навсегда... если они вообще остались в живых после этого.

— Так что ты узнала из многого и немногого сегодня?

Все еще одетая в свое вендийское платье, Кай-Ше неуверенно взглянула на Канг-Хоу, который просто вытер губы шелковой салфеткой и ждал.

— На рассвете, — начала она медленно, — Карим Сингх вступил в город. Вместе с ним в городе появились колдун Найпал и князь Кандар. Они забрали солдат из форта, увеличив число своих солдат почти до тысячи, и покинули город, отправившись на запад. Я слышала, как один солдат говорил, что они пошли к Лесам Гендали. Сундуки, которые тебя так интересуют, были упакованы на вьючных мулах, которых они взяли с собой.

Несколько секунд Конана раздражала неопределенность и неуверенность. Карим Сингх и Найпал могут спастись от его мести. Было невозможно наверняка сказать, как много времени у него осталось, прежде чем яд полностью охватит его тело. И в то же время он знал, что была только одна возможность и только одно решение.

— Если они взяли с собой такое количество солдат, —

сказал он, — то очень небольшое количество солдат сможет остаться во дворце Кандара, чтобы сторожить Виндру и Чин-Коу.

Глаза Кай-Ше опустились к полу, а ее голос стал простым шепотом.

— С ними были две женщины, покрытые вуалями, но полностью обнаженные и привязанные к седлам мулов. Одна из них была Чин-Коу, другая — вендийской женщиной... Прости меня, дядя. Я видела ее, но ничего не могла сделать.

— Тут нечего прощать, — сказал Канг-Хоу, — так как ты не допустила никакого промаха. Любой промах в этом случае — только мой.

— Возможно и так, — сказал тихо Конан, — но я думаю, что обе женщины очутились в лапах этих зверей только по моей вине. И это значит, что я должен сделать все, чтобы спасти их. Я не имею права просить любого из вас идти со мной на это дело. Не говоря уже о том, что на пути к их спасению стоит тысяча солдат, вы также знаете, что в этом деле замешан колдун, а он будет там, куда я направляюсь.

— Не будь глупцом, — зарычал Ордо, а Энам добавил:

— Береговое Братство не бросает своих в беде. Пританис никогда этого не понимал, но я понимаю, и очень хорошо.

— У него в руках Чин-Коу! — вырвалось у Хасана. — Неужели вы думаете, что я буду сидеть здесь сложа руки, в то время как Митра знает, что он может сделать с ней?

Казалось, что он готов был сразиться с Конаном, если нужно.

— Что касается меня, — сказал Канг-Хоу, мягко улыбуясь Хасану, — она, конечно, всего-навсего моя племянница.

Лицо молодого туранца залилось краской смущения.

— Это вопрос семейной чести.

Шамил нервно засмеялся.

— Ну что ж, я не буду единственным, кто останется здесь. Я хотел приключений, и никто не может сказать, что это маленькое приключение.

— Тогда нам пора отправляться в путь, — сказал Конан, — прежде чем они успеют удрать от нас.

— Терпение, — сказал серьезно и строго Канг-Хоу. — Леса Гендали находятся на расстоянии десяти лиг отсюда, а тысяча людей путешествует гораздо медленней, чем шесть человек. Пусть же нас не постигнет неудача из-за отсутствия подготовки. В лесах множество жалящих мух, но я могу приготовить мазь, которая поможет нам.

— Мухи? — пробормотал Ордо. — Жалящие мухи? Кол-

дуна для нас недостаточно, киммериец? Когда мы покончим с этим, ты должен мне за этих мух.

— Возвращение в Гвандиакан может быть опасным делом, — посоветовала Кай-Ше. — Вскоре в городе начнется бунт. На расстоянии одной лиги от леса есть, по словам людей, колодец; когда-то это было место остановки для караванов, в старые времена, но с тех пор он давно заброшен. Там я буду поджидать вас с едой и одеждой для Чин-Коу и Виндры. И с новостями о том, спокойно ли в городе. Я нарисую для вас карту.

Конан знал, что они были правы. Как часто он сам (в свои былые дни, когда он был вором) усмехался над другими, когда они недостаточно подготавливались к делу — и в результате их ожидала неудача?.. Но сейчас он только мог стиснуть зубы и заскрипеть ими от раздражения и бессильного гнева, что ему приходится снова ждать, хотя бы и несколько минут. Время и знание того, что яд все еще находится в его жилах, давили на него. Но он должен был увидеть Виндру и Чин-Коу свободными (а Карима Сингха и Найпала — мертвыми), прежде чем он сам умрет. Он поклялся себе в этом именем Крома.

Глава 22

Когда он ехал на лошади среди высоких деревьев Лесов Гендали, Конан не был уверен в том, что мазь Канг-Хоу была не хуже, чем укусы жалящих мух, которых она должна была отгонять. В ней, правда, не было никакого неприятного запаха, но ощущение от ее прикосновения было таким, как если бы его окунули в ванну с нечистотами. Лошадям, которых помазали этой мазью, она нравилась не больше, чем людям. Он хлопнул одну из мух, которая не испугалась даже едкой мази (укус насекомого был похож на раскаленную иглу, которую ему воткнули в руку), и скорчил физиономию, увидев несколько маленьких роев, которые окружали их крошечный отряд. Если вдуматься, возможно, эта мазь была не такой уж и плохой. Покров леса вздымался и часто смыкался листвой над их головой. Многие деревья достигали в высоту более тридцати — тридцати пяти метров. Их высокие толстые ветви были покрыты густой листвой, почти не пропуская внутрь солнечный свет, а тот, который все же пробивался сквозь них, казалось, был зеленоватого оттенка. Стаи длинноногих юрких обезьян прыгали с дерева на дерево, цепляясь за лианы

и ветви. Казалось, что тысячи «ручьев» коричневой шерсти перекатывались по деревьям во всех направлениях. Многочисленные стайки пестрых птиц (у некоторых из них были длинные, очень красивые разноцветные, переливающиеся, как у фазанов, хвосты) громко кричали с высоких веток, в то время как другие перелетали, как красивые цветные молнии на фоне зеленой листвы вверх и вниз.

— В степях Заморры нет таких мух, — проворчал Ордо, хлопнув себя по щеке. — Я мог бы быть сейчас там, вместо того чтобы быть здесь, если бы у меня была голова на плечах. В степях Турана тоже нет таких мух. Я мог бы быть там...

— Если ты не заткнешься, — пробормотал Конан, — то единственное место, где ты будешь, это где-нибудь рядом с этой прогалиной. И ты будешь мертвецом, скорее всего оставшись лежать там, где ты упадешь, на объедение мухам. Или ты думаешь, что солдаты Кандара глухие?

— Они не услышат ничего, кроме ветра и этих проклятых Митрой птиц, — ответил одноглазый, но замолчал.

Если говорить начистоту, то Конан не знал, насколько близко (или далеко) от них находятся вендийцы. Тысяча человек оставили бы тропу, которую невозможно было бы не заметить, но земля была влажной и болотистой, впитывающей воду, как губка. Почва была скользкой от тысяч лет медленного, непрерывного гниения, и следы в такой почве было невозможно отличить от тех, что были сделаны пять часов тому назад или пять минут назад. Однако киммериец знал, что день уже почти закончился, так как он уже не мог больше видеть солнца. То, что они потратили изрядное количество времени на езду, делало это очевидным, и зеленоватый свет уже тускнел. Конан не думал, что солдаты смогли бы идти в темноте. Внезапно он резко осадил лошадь, заставив и остальных сделать то же самое, и напряженно вглядывался в то, что находилось впереди них. Громадные блоки из камня, заросшие плющом и диким виноградом, толциной в руку взрослого мужчины, образовали широкую стену высотой до двадцати метров. Стена тянулась на север и юг, насколько ее мог охватить глаз в сумеречном зеленоватом свете. Прямо перед ним вырос вход с двумя башнями справа и слева, хотя сами ворота, которые когда-то закрывали его, давно уже исчезли. Свидетельством того, что с тех пор, когда стояли эти ворота, прошло много веков, было громадное баньяновое дерево, которое выросло прямо посередине. Киммериец видел и другие тени зданий среди буйной растительности, поглотившей крепость и город, массивные руины среди деревьев. И тропа, ведущая внутрь крепости, шла именно через эти ворота.

— Неужели они проведут здесь ночь? — спросил Ордо. — Даже сами боги не знают, что может скрываться в таком месте.

— Я думаю, — сказал медленно Канг-Хоу, — что это может быть то место, куда они собирались идти.

Конан взглянул на него с любопытством, но щуплый купец больше ничего не сказал.

— Тогда мы пойдем вперед, — сказал киммериец, соскочив с седла. — Но мы оставим лошадей здесь.

Он продолжал говорить, увидев, что рты его друзей протестующе открылись.

— Человеку куда легче будет спрятаться, если он пеший, а мы должны быть как хорьки, прячущиеся в кустах. В этом месте — тысяча вендийских солдат, не забывайте об этом.

Это сразу отрезвило их. Оставить хотя бы одного человека с животными, решил Конан, будет хуже, чем бесполезно. Это уменьшит их небольшой отряд на одну саблю, а человек, оставшийся позади, не сможет сделать ничего, если вендийский патруль появится перед ним. Они все войдут одновременно в город. Конан с мечом в руке был первым, кто вошел в старинные ворота. Ордо шел следом за ним. Энам и Шамил прикрывали тыл со стрелами, лежащими наготове на тетивах их луков. Стоявший в середине отряда Канг-Хоу казался безоружным, но киммериец мог поклясться на что угодно, что метательные ножи купца лежали наготове в его длинных рукавах. Конан видел разрушенные города и прежде, некоторые были покинуты много веков назад, другие — даже более тысячи лет. Некоторые стояли на вершинах гор, пока земля не затряслась и не похоронила их. Другие стояли в пустыне, под вечными ветрами, которые медленно точат камни, так что тысячу-две лет чьи-то глаза смогут увидеть только обломки камней и подумают, что эти камни — всего лишь игра природы, напоминающая творение человека. Однако этот город был совсем иным, как будто какой-то жестокий бог, не желающий ждать, пока город медленно разрушается дождями и ветром, приказал лесу атаковать и поглотить все созданное человеком. Если они и шли по остаткам улицы, было совершенно невозможно сказать, действительно ли это была улица города, так как грязь, пыль и тысячи всевозможных растений покрыли все вокруг, и деревья росли на каждом шагу. Большая часть города вообще исчезла под ковром растительности, и не оставалось ни одного знака, что тут некогда находился большой могущественный город. Только самые массивные здания сохранились — дворцы и храмы. И даже они сражались с лесом, заранее зная, что эту битву они проигрывают. Колонны храма были настолько густо покрыты плющом и

лианами, что только их регулярность и равномерное расположение говорили о их существовании вообще. В одном месте мраморные плитки дворцового портика заросли корнями гигантского дерева, в другом — стена из белого алебастра, теперь уже зеленая от плесени и мха, накренилась от растущего под ней другого массивного дерева. Шпильки лежали, поваленные, на земле, и обезьяны, весело вереща, резвились на треснувших куполах храмов и дворцов, когда-то сверкающих позолотой, а теперь обвитых зеленой, лишайниками и лианами. Все в отряде чувствовали давящее напряжение и подавленность, исходившие от руин, но ни Конан, ни Канг-Хоу не позволили себе дать это почувствовать, по крайней мере внешне. Киммериец просто не мог себе позволить такую роскошь, как слабость в эту минуту. Время было дорого, да и кроме того, он не был уверен, что у них его осталось достаточно. Он брел по руинам в сгущающихся сумерках, напряженно вглядываясь в окружающую местность, его глаза пытались пронзить зеленые сумерки и тени, лежащие впереди.

И вот впереди показалось кое-что. Огни. Сотни рассеянных, разбросанных огней, сверкающих в сумерках таинственного леса, как гигантские бабочки. Конан почти ничего не видел с земли, но ближайšie лианы, как лестницы, свисали с балкона здания, которое когда-то, вероятно, было дворцом. Сунув меч в ножны и привязав колдовской меч за спину, киммериец стал карабкаться по одной из самых толстых лиан вверх. Другие последовали за ним так же ловко, как и обезьяны в лесу. Присев на корточках позади позеленевшей от времени и мха балиюстрады, Конан внимательно вглядывался в огни. Это были факелы, установленные на вершине копий и шестов, воткнутых в землю, и они образовывали большой круг. Большая группа всадников-вендийцев окружала каждый факел, спешившись и нервно ощупывая рукоятки своих мечей, одновременно напряженно вглядываясь в стену растительности и леса, окружающую их. Как ни странно, ни одно из насекомых не было привлечено светом факелов.

— Похоже, что их мазь действует лучше, чем твоя, кхитаец, — пробормотал Энам, хлопнув себя по лбу и расплющив еще одного слепня.

Все остальные молчали. Всем было ясно, что охраняли солдаты. Большое кольцо факелов окружало здание, которое было более массивным, чем все, которые Конан видел до сих пор в мертвом городе. Покрытые колоннами террасы и огромные купола вздымались на высоту, которая превышала в два раза самые высокие деревья-великаны в лесу, и в то же время многие большие деревья, в свою очередь, тя-

нулись из щелей в этих террасах, превращая громадный комплекс зданий в маленькую гору.

— Если они находятся там, — сказал мягко Ордо, — то как, во имя Девяти Адов Зандру, мы найдем их в этом месте? Тут не меньше ста лиг коридоров и больше помещений, чем может сосчитать человек.

— Они находятся здесь, — сказал Канг-Хоу. — И я боюсь, что мы найдем там больше, чем только этих людей.

Конан резко посмотрел на купца.

— Ты знаешь то, чего не знаю я, не так ли?

— Я *ничего* не знаю, — ответил Канг-Хоу, — но я очень многого опасуюсь.

После этих слов он схватился за лиану и стал спускаться вниз. Конану ничего больше не оставалось делать, как только последовать за ним. Очутившись на земле, киммериец снова возглавил отряд. Две женщины были с Кандаром, а Кандар, вне всякого сомнения, был с Каримом Сингхом и Найпалом. В этом громадном здании, сказал Канг-Хоу, и несмотря на все отрицания и отговорки, Конан был уверен, что этот человек что-то знает. Ну что ж, будь что будет, подумал он. Между рядами солдат большие щели, в которые легко проникнуть, и можно было бы легко избежать тех немногих солдат, которые на конях патрулировали около факелов. Кусты и ползучие растения росли в щелях между мраморными блоками громадной лестницы дворца и приподняли плитки широкого портика у его основания. Высокие бронзовые двери стояли широко раскрытыми, покрытые толстыми листьями и корнями плюща, которые говорили о многих веках, с той поры когда их сдвинули с места. С мечом в руке Конан пошел вперед. Позади себя он услышал тихие, хриплые звуки, когда его друзья открыли рот от изумления, но он знал, что послужило им причиной, и поэтому даже не оглянулся. Его глаза смотрели прямо перед ним. От огромного портала широкий проход, выложенный красными плитками с золотыми листьями, шел между толстыми колоннами к огромному центральному залу под куполом, который вздымался в высоту. Киммериец подумал, что высота купола была не меньше ста метров. В самом центре этого зала стояла мраморная статуя, нетронутая временем. Кожа Конана покрылась гусиной кожей, а по спине побежал холодок при виде кожаных доспехов этой фигуры, которые были вырезаны с большой детальностью, чтобы жизненность статуи была абсолютно совершенной. Однако вместо шлема с носовой перегородкой сияющая корона увенчивала громадную голову.

— Неужели это золото? — вырвалось у Шамила, когда он уставился на статую.

— Думай о том, что надо делать в эту минуту, — зарычал Ордо, — иначе ты не проживешь достаточно долго, чтобы думать о золоте.

Однако его глаза также блеснули, как если бы он подсчитал вес этой короны до легкого пера.

— Я думал, что это была только легенда, — выдохнул Канг-Хоу. — Я надеялся, что это была только легенда.

— О чем это ты тут говоришь? — требовательно спросил Конан. — Это уже не первый раз, когда ты даешь нам понять, что ты знаешь что-то об этом городе. Я думаю, что пора рассказать нам всем, что тебе известно.

На этот раз кхитаец согласно кивнул.

— Две тысячи лет назад Орисса, первый царь Вендии, был похоронен в склепе, построенном в его столице, городе Махарастра. В течение пяти веков после его смерти ему поклонялись, как богу, в храме, который был построен на месте его гробницы и где была сооружена большая статуя Ориссы с золотой короной на голове. По преданию она была сделана из корон и скипетров всех царств и стран, которые он покорил. Потом в войне за трон Махарастра была захвачена одной из враждующих стран, разграблена и покинута жителями. С течением времени само место, где находился город, было забыто. До этого момента.

— Это все очень интересно, — сказал сухо Конан. — Но это не имеет никакого отношения к тому делу, из-за которого мы очутились здесь.

— Напротив, — сказал ему Канг-Хоу. — Если моя племянница погибнет, если мы все погибнем, то прежде, чем это случится, мы должны остановить Найпала, иначе он развяжет мешок с дьявольскими силами, с тем, что находится в гробнице под храмом. Легенда, которую я слышал, говорит очень смутно об ужасе, который не должен быть выпущен на свободу, но предсказание, пророчество связано с ним. И я помню эти слова: «..Армия, которая не может погибнуть, снова пойдет в поход в тот момент, когда окончится само время и настанет страшный суд Богов».

Конан взглянул на каменные доспехи статуи и покачал головой.

— Я пришел сюда, чтобы освободить женщин, это главное. А потом я разберусь с Найпалом и теми двумя.

Сапоги, дробящие камушки, послышались слева от него в зале, и киммериец резко извернулся с мечом, который как будто сам просился ему в руки. Вендийский солдат с выпученными от боли глазами схватился за нож в его горле и медленно осел на каменный пол. Канг-Хоу поспешил к мертвецу и вытащил свой метательный нож из его горла.

— Хитайские купцы, похоже, крепкие орешки, — сказал скептически Ордо. — Возможно, мы должны включить его в долю, когда будем делить эту корону.

— Сначала то, что надо сделать в этот момент, — хмыкнул Конан. — Помнишь?

— Я не говорю, что надо забыть о женщинах, — проворчал одноглазый, — но почему бы нам заодно не прихватить с собой и корону?

Конан не обратил внимания на его слова. Он куда больше интересовался тем, откуда пришел этот солдат. Только одно отверстие (и оно находилось близко от трупа) вело к ступеням, ведущим вниз, в подвальные помещения храма. У самого основания этих ступеней он видел маленький огонек, похожий на факел.

— Спрячьте вендийца, — приказал он. — Если кто-то начнет искать его, они сразу поймут, что рана на его груди нанесена отнюдь не обезьяной.

Нетерпеливо поигрывая мечом, он ждал, пока Хасан и Энам унесут труп в темный коридор и вернуться назад. Не говоря ни слова, он стал спускаться в подземелье по широком ступеням.

Глава 23

В громадном помещении с высокими потолками глубоко под храмом, когда-то посвященном Ориссе, Найпал снова задержался в своих приготовлениях, чтобы взглянуть с напряженным ожиданием и нетерпением на проход, на дверь, ведущую к его *власти*. Многие двери вели в это помещение, и тысячи переходов и тоннелей пересекались по несколько раз в лабиринте под храмом. Эта огромная мраморная арка, на каждом камне которой были начертаны символы колдовства и заклинаний, была загромождена гигантской массой того, что казалось на первый взгляд гладким камнем. Это действительно было похоже на камень, но меч отскакивал от стены, как от стали, и оставлял даже меньше царапин на ней, чем на металле. А весь проход к гробнице, который был не менее ста шагов в длину, был закрыт адамантиновой массой, как говорила старинная карта, начертанная Масроком. Колдун покачнувшись от усталости, но сладкий запах успеха, который был так близко, заставил его идти вперед, подавляя даже страшную головную боль. Он расположил пять *корасани* на их золотых треножниках на края аккуратно вычисленного актагона, который он начертил на мраморных плитках пола углем, приготовленным

из сожженных костей девственниц. Установив самый большой из гладких черных камней на треножнике, он широко развел руки в черных рукавах и начал нараспев читать первое заклинание:

— *Кама-ин да-эль! Да-ин-вар хой-лар! Кора мар! Кора мар!*

Все громче и громче звучало его заклинание, отражаясь эхом от стен, звеня колоколами в ушах, раскалывая большой череп. Карим Сингх и Кандар зажали свои уши ладонями и застонали. Две женщины, полностью обнаженные (если не считать их вуалей), сидели у стены, связанные по рукам и ногам, и выли от боли. Только Найпал держался и не издал ни одного стога, наслаждаясь реверберацией, которая коснулась даже его костей. Это была музыка силы. Его Силы. Огненные полосы метнулись с самого большого *корасани* к остальным камням, а затем с маленьких камней — к своим пылающим собратьям, образовав октаграмму ослепительно сияющего огня. Воздух между горящими струями пламени дрожал и перекачивал волнами, как будто пламя было растянuto до толщины газовой материи, и все оно гудело и трещало от ярости.

— Ну вот — сказал Найпал. — Теперь охраняющие гробницу демоны, Сивани, отгорожены от этого мира, пока они не будут вызваны по имени.

— Все это замечательно, — пробормотал Кандар. Но в действительности зрелище колдовской силы Найпала весьма умерило его дерзость и заносчивость. — Но каким же образом мы попадем в гробницу? Мои солдаты не смогут пробить тоннель через эту стену. Сможет ли пламя твоих камней расплавить то, что чуть не сломало лезвие моей сабли?

Найпал уставился на человека, который должен был возглавить армию, которая была похоронена в гробнице в ста шагах от них (или, по крайней мере, человек, о котором мир будет думать, что он ее возглавляет), и наблюдал с удовлетворением, что его самоуверенность съезжилась еще больше. Колдуну не нравились те, кто не мог сосредоточить свои мысли на главном. Настоячивость Кандара в том, что женщины должны были наблюдать момент триумфа — *его* триумфа! — раздражала Найпала. В эту минуту Кандар был нужен ему, но (Найпал уже решил про себя это) в будущем ему придется заменить Кандара кем-то другим. А Кандар... Ну что ж,

он сделал свое дело, и его гибель будет тихой и незаметной. Этот надменный петух уже давно раздражал колдуна. По крайней мере, Карим Сингх, стоявший в эту минуту с пепельным от страха лицом, покрытым бисеринками пота, был более послушен и внимателен. Вместо того чтобы ответить на его вопрос, Найпал спросил его острым как бритва тоном:

— Ты уверен, что мои приготовления выполнены тобой, как я приказал? Телеги, наполненные беспризорными детьми, должны уже прибыть сюда в эту минуту.

— Они придут, — ответил мрачно Кандар. — Скоро. Я послал своего телохранителя, чтобы он убедился в этом, не так ли? Но на это требуется время, чтобы собрать столько телег. Губернатор может...

— Молись, чтобы он выполнил только то, что ему приказано, — прорычал Найпал.

Колдун потерял свои виски. Все его замечательные планы теперь брошены в водоворот спешки и импровизации из-за этого проклятого *пан-кора*. Он быстро схватил последние четыре *корасани* из ларца из черного дерева и поставил их на золотые треножки. Они были так близко от тюрьмы демона, что вполне сгодятся для того, чтобы вызвать его. Он был достаточно осторожен и поставил треножки на большом расстоянии от остальных пяти камней, чтобы они не пересекли их своими лучами. Резонанс мог оказаться в этом случае смертельным. Но резонанса не будет, не будет никакой ошибки. Этот проклятый голубоглазый варвар, это порождение демона будет побеждено.

— *Э'лас злойхим! Марраф савиндай! Кора мар! Кора мар!*

Конан был очень рад лучам света, струившимся от дымных факелов, каждый из которых мерцал в темноте. В подземелье было больше сотни темных тоннелей, образующих громадный лабиринт, в котором было легко заблудиться, но факелы делали его дорогу более легкой и указывали ему путь. И в конце этого пути было то, что он искал. Внезапно киммериец напрягся. Позади него послышался топот ног. Множество стучащих по камню сапог.

— Они, должно быть, нашли тело, — сказал Ордо и бросил гневно-презрительный взгляд на Энама и Хасана.

Конан колебался только одну секунду. Оставаться здесь означало попасть в одним богам известную какую переделку.

— Рассыпаться, — приказал он. — Каждый должен найти свою дорогу, как может. И пусть удача самого Ханнумана будет с нами всеми.

Великан киммериец подождал только до того момента, пока его товарищи не исчезли в каждом из темных тоннелей, а потом выбрал сам один из них. Последние искорки света потухли позади него. Он замедлил свои шаги и пошел медленнее, ощупывая гладкую стену и осторожно ступая ногами на пол тоннеля, который он уже больше не видел. С мечом в руке он шел, вытянув вперед лезвие своего оружия, и как бы пронзая им плотную темноту. Внезапно, густая темнота перестала быть таковой... На мгновение он подумал, что это просто следствие того, что его глаза привыкли к перемене освещения, но потом он понял, что впереди снова появился источник света. Источник, который приближался к нему. Прислонившись спиной к стене, он ждал его приближения. Медленно, но верно источник света становился все ближе и ближе, и было ясно, что он горит как факел. Фигура человека становилась все четче и четче. Но в руке его был не факел (хотя он и нес его так же, как факел), а скорее всего то, что было похоже на металлический стержень, увенчанный пылающим шаром. Челюсть Конана сжалась при виде этого явного колдовства. Но человек, приближающийся к нему, был не похож ни на одного из тех, кого он видел во дворце Кандара, он не был похож на того, кто, как он думал, был Найпалом. Но он сразу же узнал его, когда незнакомец остановился, вглядываясь в темноту перед собой, как бы чувствуя присутствие Конана. Это был Гурран, но Гурран, чей возраст уменьшился чуть ли не наполовину. Ему было не больше пятидесяти лет на вид.

— Это я, гербариус, — сказал киммериец, отступив от стены, — Конан. И у меня есть к тебе несколько вопросов.

Человек, который уже не был таким старым, отшатнулся и уставился в недоумении на него.

— Ты действительно сумел получить один из этих кинжалов? Как?.. Впрочем, это не имеет значения. Этим оружием я смогу поразить демона, если нужно. Дай его мне!

Часть шелковой материи, должно быть, развернулась от ходьбы, понял Конан, и обнажил слабо мерцающий металл серебристой рукояти. Он снова покрыл материей оружие.

— Мне оно нужно, гербариус. Я не буду спрашивать

о том, каким образом ты стал моложе и как ты сделал свой «факел», но что ты делаешь здесь, в эту минуту? И почему ты бросил меня умирать от яда после того, как мы очутились в самом центре Вендии?

— В тебе нет никакого яда, — пробормотал нетерпеливо Гурран. — Ты должен отдать мне кинжал. Ты не знаешь, насколько опасно это оружие.

— Никакого яда? — Конан сплюнул. — Он мучил меня уже не один день. Я не провел даже одной ночи без боли, которая выворачивала наизнанку мой желудок, и мои мышцы горели огнем, как от пытки. Ты сказал, что ищешь противоядие, но ты оставил меня там — умирать!

— Глупец! Я дал тебе противоядие еще в Султанапуре! Все, что ты чувствовал после этого, — это просто твое тело пыталось избавиться от настоек, которые я давал тебе, чтобы ты думал, что ты все еще отравлен.

— Зачем? — спросил Конан.

— Потому что ты был нужен мне. Мое тело было слишком дряхлым, чтобы предпринять в одиночку это путешествие, но как только я увидел содержимое этих сундуков, я знал, что *должен* это сделать. Найпал собирается выпустить на свободу величайшее зло и страшную дьявольскую силу, и только я один могу остановить его. Но я должен получить этот кинжал!

Расширенные глаза Гуррана предупредили Конана так же, как и то, что свет в тоннеле стал ярче. Киммериец присел на корточки, быстро уйдя влево, после чего извернулся, как змея, и выбросил вперед лезвие своего меча. Вендийский тулвар рассек воздух над его головой, но его собственный меч впился до середины лезвия в живот врага. Умиравший солдат упал, а двое его товарищей, бегущих со всех ног к нему, прыгнули сверху на Конана. Могучий киммериец схватился с ними в свете их упавших факелов. Гурран исчез вместе со своим магическим факелом. Конан и оба солдата катались, ревя от злобы, по полу. Один из вендийцев кричал от боли, когда факел, лежащий на полу, зажег его одежду, а потом снова дико крикнул, когда лезвие кинжала вонзилось ему в спину. Руки Конана сомкнулись, как клещи, на шее солдата, который убил своего приятеля, в темноте приняв его за противника. Треск переломанных позвонков шеи был громким, сухим звуком в темной тишине подземелья. Но Конану не нужно было много света, чтобы

подняться на ноги. Он без колебания развернул шелк, покрывающий странную материю, и взглянул на диковинное оружие. Гурран назвал его кинжалом, но какая чудовищная рука могла использовать его, подумал с недоумением киммериец. И оно могло убить демона. Какого демона? Но для какой бы руки или предназначения не было сделано это серебристое оружие, его мерцающее сияние было тусклым, но достаточным светом в темноте тоннеля, хотя этот свет был жутким голубым мерцанием, на который было нелегко смотреть. С его помощью Конан поднял с пола свой меч и снова медленно двинулся по тоннелю. Вскоре он услышал голоса, гулко отдававшиеся эхом в других проходах. Он с большим трудом определил их направление и мрачно пошел к ним.

Гром потряс помещение, и обсидиановая блестящая форма Масрока возникла в центре огненной клетки. Пятеро из восьми рук держали серебристое оружие и выглядели абсолютно идентичными, и все же было похоже, что их использовали совсем недавно. Эта мысль пульсировала в глубине человеческого мозга и шептала о жестокости и смерти. Карим Сингх и князь Кандар отступили от гигантской фигуры демона, хотя он и не мог коснуться их. Связанные женщины, казалось, окаменели от ужаса и шока при виде этого чудовища.

— Ты слишком тонко разрезал материю, о Человек! — загремел Масрок. Его рубиновые глаза метнулись к горящей пентаграмме, и этот взор, казалось, был нервным. Впрочем, возможно, это только показалось? — Задержка на один удар человеческого сердца, и остальные демоны бросились бы на меня. Кто тогда служил бы тебе, о Человек?

— Масрок, я приказываю тебе... — начал было Найпал, когда с десяток вендийских солдат ворвались в зал.

— Князь Кандор! — кричал один из них. — Кто-то сумел...

— Ты осмеливаешься прерывать меня? — завыл Найпал. Он произнес слово, которое заставило содрогнуться даже его самого, и молния сверкнула с самого большого из *корасани*. Одиноким вскриком пронзил воздух, и копоть, только отдаленно напоминающая солдата, который кричал, упала на каменный пол. Солдаты с тюрбанами на голове и тулварами в руках бросились прочь из зала, крича от

ужаса. Карим Сингх и князь Кандар пытались заговорить одновременно.

— Я не люблю, когда моих солдат убивают просто так, под руку! — крикнул зло Кандар.

— Донесение, должно быть, было важным! — вторил ему *вазам*.

Оба они плотно сжали зубы, когда темные глаза Найпала повернулись к ним.

— Умрет тот, кого я считаю нужным умертвить, и важно будет то, что я считаю важным. Вот *это* важно!

Колдун снова переключил свое внимание на демона, который равнодушно наблюдал за происходящим.

— Ты откроешь мне дорогу к гробнице, Масрок. Мне безразлично, как ты это сделаешь.

— Находясь в этой клетке? — ответил Масрок с остатками прежнего сарказма.

— Открой ее! Сейчас же!

На мгновение красные глаза демона встретились с глазами цвета черного дерева, и звук, который издал демон, заставил содрогнуться человеческую плоть. Однако это длилось только одно мгновение. Звук перешел в тончайшую вибрацию, которая пронзила уши людей острой болью, после чего его вообще не стало слышно. И в то же времядвигающиеся челюсти Масрока говорили о том, что он продолжал свой зов. Внезапно его зов был услышан. В зале были... было *что-то*. Что именно и сколько их находилось в зале, было просто невозможно сказать, так как было даже больно и страшно смотреть на них прямо и даже беглый взгляд не мог дать точного описания существ, так как их тела передвигались, не останавливаясь ни на секунду. Это были словно тени, но жуткие, страшные тени, которые могли бы вызвать кошмары на всю жизнь у увидевшего их человека. Клыки, с которых капала слюна и шипела на камне, как расплавленное железо, и тонкие как иглы шипы, напоминающие хрустальные иглы. Отражающиеся в свете факелов пластины их чешуи и крылья чудовищ, которые, казалось, растягивались в бесконечность, — все это производило жуткое впечатление. Казалось, что их тела, когти и крылья уходили далеко-далеко отсюда (гораздо дальше, чем стены этого зала, это уж наверняка). Кандар стоял с посеревшим лицом, дрожа почти так же сильно, как и женщины, которые извивались в своих путах и были от страха и отчаяния. Губы Карима Сингха двигались бы-

стро и молчаливо; Найпал вдруг с некоторым удовлетворением и весельем понял, что *вазам* читает молитву. Колдун также понял, что жуткие чудовища, столь страшные для человеческого глаза, послушно склонились перед Масроком, который пригвоздил их к месту своим огненным взором. Возможно, подумал колдун, он вызвал и держал на цепи более могущественные силы, чем планировал вызвать. Это только усилило его желание вернуть демона в темницу, которую он делил с остальными своими собратьями. Человеческие черепа, служащие орнаментом Масроку, застучали друг о друга, когда он поднял одно из своих серебристых пылающих копий и указал им на забитый странным камнем проход. Жуткие существа бросились к алмазной глыбе и стали царапать ее когтями, кусать и пожирать большие куски камня своими страшными острыми зубами. Масса дьявольских созданий постепенно, медленно прогрызала камень, оставляя за собой щель, достаточно большую, чтобы в нее вошел человек.

— Очень впечатляюще, — произнес чей-то голос от одного из входов в зал.

Наипал резко повернулся, готовый произнести слово, которое бы снова бросило молнию в дерзкого человека с одного из *корасани*, и казалось, что сердце в его груди превратилось в кусок льда от ужаса.

— Заил Бал, — выдохнул он и широко раскрыл рот. — Ты ведь мертв!

— Ты никогда неверишь своим глазам, Найпал, — сказал незнакомец, — когда ты хочешь верить только тому, что хочешь видеть. Разумеется, у тебя есть на это причина. Ты видел, как меня унес *раджайе* прямо на глазах у царя и придворных. — Темные глаза Заил Бала сузились. — И многие из моих амулетов были хитро подменены или заморожены. И все же я сумел убить всех напавших на меня демонов, хотя и не без труда для себя, это правда, это стоило мне немало. Я очутился на берегах Вилайета в дряхлом теле старика и слишком старым, чтобы пройти даже одну лигу.

Его огненный взор упал на заключенного в клетку Масрока, который молчаливо смотрел на смертных людей, а потом на проход, в котором исчезли дьявольские создания.

— Ты неплохо справлялся со своими делами в мое

отсутствие, мой ученик. Я не мог найти это место до моего... м-мм... происшествия.

— Я больше не являюсь твоим учеником, — зарычал Найпал. — Я — придворный маг! Я — повелитель!

— Ты — повелитель? — Голос Заил Бала был сухим и жестким. — Карим Сингх может сесть на свой трон, а Кандар может называть себя генералом, но армия, которая лежит там, внизу, будет сражаться для меня, Найпал, а не для тебя. Демон будет служить мне.

Глаза Найпала метнулись к *корасани*. Неужели он осмелился на это? Он даже не подозревал, что Заил Бал тоже искал место гробницы Ориссы, и этот факт поднял много неприятных гипотез. Ему не стоит рисковать тем, что бывший придворный маг, возможно, тоже знал заклинание власти... Стоит ли ему также рисковать вступить в борьбу с ним, не зная наверняка этого факта? Ну что ж. Если один из них начнет произносить слова заклинания, то другой тоже сделает это. Природа этих камней такова, что они могли подчиняться только одному повелителю. Если ни один из колдунов не сумеет достаточно быстро получить контроль над ними, оба мага погибнут, как, впрочем, и все живое в радиусе десятка лиг. Найпал отнюдь не собирался забирать с собой в могилу своего противника. Ему нужна была победа, а не гибель.

— Ты сказал, что твое тело было дряхлым, — сказал внезапно Карим Сингх, и голос его задрожал, — однако ты выглядишь моложе меня. Тебе не больше, чем сорок лет. Я хорошо помню тебя, и ты был старше, чем сейчас, когда...

Его голос прервался, когда Заил Бал усмехнулся в ответ на эти слова. На этот раз его смехок был сухим, как песок на могиле.

— Да, я моложе, чем я был раньше, и я стану еще моложе в будущем. Ну, а как насчет тебя, Найпал? Не страдаешь ли ты от страшного утомления, которое не может излечить даже крепкий сон? Нет ли у тебя головной боли у висков, раскалывающей на куски череп?

— Что ты сделал? — прошептал Найпал, и потом закричал те же слова: — *Что ты сделал?*

Второй колдун засмеялся, когда заговорил. И в его голосе все еще слышался веселый тон, он явно наслаждался собой.

— Неужели ты думал, что я не оставил никаких связей-ниточек со своим учеником? Они были бесполезны

на большом расстоянии, когда я находился в Туране, но как только я пересек Гимелеи... а-га. С того момента я мог черпать жизненную силу из твоего тела через эти нити, Найпал, хотя и не совсем так, как это делали *рад-жайе* со мной. Ты не станешь стариком. О нет. Просто ты будешь очень усталым. Таким усталым, что ты не сможешь стоять на ногах или даже поднять голову. Но не бойся, что я оставлю тебя умирать, Найпал. Я не сделаю такую вещь с моим *преданным* учеником. Нет, я дам тебе вечную жизнь. Я брошу тебя в сухое безопасное место, где только бесконечная жажда будет отвлекать тебя от головной боли и укусов крыс. Разумеется, крысы перестанут кусать тебя, когда ты достаточно состаришься и съежишься, как сухой лист. Ты будешь высохшим каркасом, в котором будет теплится жизнь, пока ты не рассыпешься в пыль. И я могу заверить тебя, что это потребует очень долгого времени.

Найпал не сделал ни одного движения и не произнес ни одного слова во время речи Заил Бала. Этот дурень должен был усыпить его, подумал он. Теперь же ему нужно начать игру. Наступит момент, когда *бывший* придворный маг ослабит свое внимание, и тогда Найпал начнет читать заклинания тихим шепотом. К тому времени, когда Заил Бал поймет, что происходит, будет уже слишком поздно. Это *должно* случиться слишком поздно для него. Карим Сингх задохнулся и раскрыл рот, судорожно хватая ртом воздух. Найпал взглянул на стену. Движущаяся масса адских созданий, вызванных Масроком, вернулась из горла прохода, сделанного ими в гробницу.

— Все сделано, о Человек, — произнес восьмирукий демон. — Путь в гробницу открыт.

Глаза всех присутствующих обратились к проходу. Заил Бал прошел мимо клубящегося ужаса, даже не взглянув на него, но не так, как будто ему было страшно смотреть на них, а как если бы он не хотел себя беспокоить такой «мелочью» в этот момент. Даже Кандар и Карим Сингх преодолели страх и подошли ближе. Найпал начал яростно шептать заклинания.

Сидя на корточках в конце одного из тоннелей, которые вели в подземный зал, Конан прикинул на вес себистое оружие в своей руке. Кинжал, как его называл Гурран. Или Заил Бал, как он себя называл. И киммериец видел теперь, как близнец этого кинжала был схвачен

громадной восьмирукой фигурой. О многом из того, что было сказано в этом зале, можно будет поразмыслить и позже, но было еще кое-что из того, что сказал Гурран — Заил Бал, что было очень важно. Оружие могло поразить демона, и судя по всему, подумал Конан, он имел в виду эту громадную обсидиановую массу. Кажется, его называли Масрок. Возможно, этим оружием удастся одолеть и других демонов. Конан попытался еще раз взглянуть на демонов и понял, что его взгляд остался незамеченным. Их внезапное появление из второго прохода, как раз когда он собирался войти внутрь, пока Заил Бал и Найпал спорили, было своеобразным шоком. Но сейчас все глаза присутствующих впились в проход, ведущий к гробнице, откуда появились эти жуткие создания, и, возможно, он сумеет добежать до женщин, прежде чем его заметят. Что касается того, что случится после этого... С фаталистическим, мрачным чувством он поднял свой меч в одной руке и серебристый кинжал в другой. А потом он должен был задержать погоню, как можно дольше, чтобы женщины сумели спастись. Передвигаясь быстро и бесшумно, он вступил в подземный зал. Его глаза все время перемещались с женщин на остальных. Виндра и Чин-Коу, обнаженные и связанные в лодыжках и запястьях, лежали, дрожа от страха. Их глаза были плотно закрыты. Найпал бормотал что-то себе под нос, наблюдая за остальными людьми, которые смотрели только на тоннель, пробитый демонами. Тоннель вел к армии, как утверждал Гурран, или Заил Бал, так? Армия, о которой говорил Канг-Хоу, армия, которая должна прийти в конце времени? Воины, вроде того, с которым он уже сражался во дворце Кандара? Он не станет терять времени, думая об этих тревогах в эту минуту. Демоны, которые вышли из тоннеля, казалось, смотрели в одну точку — на громадную черную массу, которая висела в воздухе, в центре зала, в то время как она... Конан на секунду задержал дыхание. Эти красные жуткие глаза теперь уставились на него. Он ускорил свои шаги по направлению к женщинам. Если демон выкрикнет сигнал тревоги, он все еще сможет... Массивные руки, держащие длинные пылающие копья, отошли назад. Конан зарычал про себя. Схватив серебристое оружие за рукоять, он метнул длинный кинжал в демона, после чего бросился к женщинам. Огромная вспышка огня и сильный взрыв потряс зал до основания, и Конан приземлился прямо на женщин, когда

земля затряслась под его ногами. Ошеломленный, он схватился отчаянно за свой собственный кинжал, наблюдая за жуткой сценой. Люди неуклюже поднимались на ноги там, где взрыв бросил их на землю. Расколотые обломки черных камней лежали в маленьких лужицах расплавленного золота. И Масрок стоял на каменном полу с двумя кинжалами, мечами и копьями в руках.

— Свободен! — громовым голосом закричал Масрок, и с диким воем жуткие создания, которых он вызвал, поднялись к потолку или ушли в камень пола.

Красные, горящие ненавистью глаза сверкнули, посмотрев на Найпала

— Ты угрожал мне этим кинжалом, о Человек. — Громовой голос был тяжелым и едким от насмешки. — Как я хотел, чтобы ты поразил меня им. Изнутри твой барьер был непреодолимым, но снаружи... Любой неживой предмет мог пересечь его с легкостью, и этот кинжал, созданный демоном, в котором было могущество, о котором ты даже не мог и мечтать, разрушил все твои пути, сковывающие меня. *В с е!*

Сначала надо перерезать ремни на лодыжках, сказал самому себе Конан, когда кинжал очутился в его руке. Женщины могут бежать и с руками, связанными за спиной, если это необходимо.

— Я всегда хотел дать тебе свободу, — сказал хрипло Найпал. — Мы заключили договор.

— Глупец! — зарычал демон. — Ты связал меня, посадил в клетку, сделал одного из Сивани своим слугой. И *ты!* — Огненные рубиновые глаза пригвоздили к месту Заил Бала, который сделал было попытку юркнуть в один из проходов-тоннелей. — Ты собирался сделать то же самое. Теперь вы оба узнаете, какую цену вы заплатите за то, что осмелились сделать это!

Оба колдуна отчаянно выкрикнули заклинания, но пылающие голубые копья метнулись с рук Масрока, пронзив каждого из колдунов насквозь в грудь. Почти в тот же момент серебристые копья метнулись назад в руки демона, неся на себе все еще живые жертвы. Крики боли прорезали воздух, и их руки бесполезно сжимали копья, пронзившие их и теперь уже ставшие красными от крови.

— Теперь вы будете вечно со мной, дерзкие смертные! — громовым голосом пророкотал Масрок.

Демон закрутился волчком, исчезнув на секунду в темном обсидиановом вихре, пронизанном искорками себребра. Еще через мгновение он снова появился в зале, но на этот раз колдуны уже исчезли. Но по одному

свежему черепу свешивалось теперь с каждого из его копий, черепу, чьи пустые глазницы еще говорили о жизни, которая была в них за секунду до этого, и крики колдунов, отдаваясь слабым эхом, как будто с большого расстояния, все еще были слышны здесь. Перерезав последний ремень, стягивающий запястья женщин, Конан поднял одним рывком женщин на ноги. Стеная и всхлипывая, они прижались к нему, но он оттолкнул их к ближайшему из проходов, в котором мелькал огонек факела. В этом тоннеле был отмеченный мелом путь наружу, тот, который они смогли бы использовать даже без его помощи.

— И ты тоже, — зарычал демон, и Конан понял, что глаза демона теперь смотрели на него.

Не отрывая глаз от чудовища, он начал отступать по направлению к женщинам, но медленно. Если самое страшное случится, то между ним и женщинами будет какое-то расстояние.

— Ты хотел убить меня, жалкий смертный, червяк, — сказал демон. — Ты тоже узнаешь... — Звук, похожий на то, как если бы все ветры мира завывали сквозь лабиринт тоннелей в эту секунду, наполнил громадный зал, но даже легкого ветерка не появилось в помещении. Дикий вой внезапно затих, и два демона, бывших точной копией Масрока, стояли справа и слева от него в зале.

— Предатель! — закричал один из них, и было похоже, как если бы заговорил раскат грома. — Гробница, которая должна быть открыта в конце времени, открылась до этого момента!

Масрок слегка отодвинулся, и его огромная голова дернулась, переводя взгляд с одного демона на другого.

— Убийца! — закричали оба демона одновременно. — Один из Сивани мертв, сраженный рукой другого Сивани!

Масрок поднял свое оружие, приготовившись защищаться. Ни один из демонов теперь не обращал внимания на Конана. Киммериец резко повернулся и поспешил вслед за женщинами, но он обнаружил их стоящими неподвижно у выхода из зала. Кандар стоял перед ними с обнаженным кривым тулваром и не пропускал их дальше. Лицо князя было пепельным и блестящим от пота, а его глаза перебежали с одного демона на другого. Он с трудом сдерживал свой ужас.

— Можешь забирать себе кхитайскую шлюху, — хрип-

ло сказал он, — но Виндра принадлежит мне. Респай быстро, варвар. Если мы останемся здесь, когда начнется их битва, никто из нас не уйдет отсюда живым.

— Я уже решил, — сказал Конан, и его меч метнулся вперед. Дважды сталь ударила со звоном о сталь, и вендийский князь рухнул на каменный пол со страшной рваной кровавой раной на своем горле. — Бегите! — командовал Конан женщинам.

Он не смотрел назад, когда они побежали изо всех сил в тоннель. Земля колыхалась и гудела у них под ногами. Битва демонов началась. Звуки боя преследовали их на протяжении всего утомительного бега. Треск молний и удары грома гулко отдавались в лабиринте подземелья. Земля вздрагивала и колыхалась, и песок и камешки стали осыпаться с потолка. Сунув меч в ножны, Конан схватил под мышки обеих женщин и увеличил скорость, стараясь как можно скорее уйти от яркого источника голубого света и от наполненной падающими камнями темноты. Пламя факелов, висевших далеко от них на стенах, колебалось, когда перед ними появились ступени. Он перепрыгивал через три ступени сразу. Массивные колонны в громадном зале дрожали и колебались, а громадная статуя Ориссы качалась и, казалось, рухнет в любую минуту. Не замедлив свои шаги ни на секунду, Конан пробежал мимо высоких бронзовых ворот и слился с темнотой ночи. Снаружи дворца кольцо факелов все еще оставалось на прежнем месте, качаясь по мере того, как земля дрожала и колыхалась, как море в порывах ветра, но солдаты уже убежали. Пятидесятиметровые деревья раскалывались, как будто это были тонкие тростинки. Конан бежал по лесу, пока он не зацепился ногой за толстый корень и не свалился на землю вместе со своей ношей. Он не смог подняться сразу, а вместо этого только прижался плотнее к земле, которая сотрясалась и дрожала от волн, как во время землетрясения, но наконец он посмотрел назад. Огромные молнии прорезали небо со стороны храма, подбросив огромные куски камней в воздух и осветив голубыми вспышками беснующийся лес. И купол за куполом, колоннада террас за колоннадой, огромный храм рухнул, осев внутрь, погрузившись в землю, как живое существо. Вспышки молнии осветили руины, которые были теперь не выше деревьев, окружающих их, затем они стали не выше половины деревьев, и наконец всего-навсего холм обломков и щебня остался

от некогда могучего храма. И также внезапно, как и начались, молнии погасли. Земля еще раз, как бы в агонии, покачнулась и осталась неподвижной. Конан неуверенно поднялся. Даже холма уже не было перед ним. По правде говоря, перед ним вообще ничего не было, за исключением ровной поверхности земли и щебня.

— Их поглотила земля, — сказал он мягко, — и вход снова закрылся.

Внезапно на его руках повисли обнаженные плачущие женщины, но его мысли были уже заняты совсем другими вещами. Лошади. Похоронены ли демоны вместе с гробницей или нет, он не собирался оставаться здесь достаточно долго, чтобы узнать это.

Эпилог

Конан скакал до самого рассвета, мрачно сжав зубы и думая о том, не встретятся ли на его пути несколько вендийских солдат, которые, возможно, захотят узнать, откуда он появился, или, возможно, спросят о происхождении кавалерийского вендийского седла на его лошади. Это было бы лучше, чем холодное молчание тех, кто шел на лошадях за его спиной — Виндры и Чин-Коу. Он крепко держал в руке поводья их лошадей, и это было необходимо — иначе эти глупые женщины могли бы отказаться от того, чтобы покинуть лес.

— Ты должен найти нам одежду, — внезапно сказала Виндра. — Я не должна показываться в таком виде.

— Это постыдно и так не подобает нам, — добавила Чин-Коу.

Конан вздохнул. Это был уже не первый раз, когда они предъявляли ему это требование, хотя у них не было ни малейшего представления, как и где он сможет раздобыть им одежду. Они молчали уже больше часа, и это объяснялось тем, что, раздраженный их глупыми жалобами, он отпарировал, что их уже видела как минимум половина жителей Гвандиакана. Он повернулся в седле, чтобы взглянуть на их лица. Лица обеих женщин все еще были покрыты вуалями, но это было единственной их «одеждой». Он уже спросил их, почему они все еще носят их, так как они явно ненавидели эти кусочки материи, но они забормотали, непонимающе глядя на него, что могут быть узнаны людьми, и они пришли в

такое сумасшедшее состояние, что кто-то может увидеть их (хотя в лесу было темно, хоть глаз выколи), что он решил больше не поднимать эту тему. Они устали на него своими темными яростными глазами, пронзая его взором из-под своих вуалей, хотя каждая из женщин сидела прямо в своих седлах, явно не осознавая своей наготы.

— Мы уже почти дошли до старого колодца, — сказал он им. — Кай-Ше должна быть там с одеждой для вас.

— Колодец? — воскликнула Виндра, явно пытаясь спрятаться за высокой лукой седла. — О боже!

— Там могут быть люди! — простонала Чин-Коу, тоже шокированная этими словами.

Прежде чем они сумели соскочить со своих седел и спрятаться (а они уже сделали это один раз), Конан ударил пятками в бока своей лошади, пустив ее в галоп и таща за собой их лошадей, не слушая их стоны и протесты. Стена вокруг старого колодца еще стояла, окруженная деревьями, которые были куда более меньшими, чем те, что росли в лесу. Сам же колодец давно уже обрушился. Кусок каменной стены все еще стоял неподалеку от него, возможно, когда-то это было караван-сараем. И рядом с колодцем были люди. Конан улыбнулся, когда пробежал по ним глазами. Ордо и Энам, играющие в кости. Хасан и Шамил, прислонившиеся спиной к стене. Канг-Хоу, пьющий какой-то дымящийся напиток из крошечной чашки, деликатно держа ее в руках, в то время как Кай-Ше сидела на корточках перед костром, над которым висел металлический чайник, попискивающий паром. Одежда их была изрядно потрепана, некоторые из них были покрыты повязками, но они вскочили на ноги с радостными криками при появлении Конана и женщин. Кай-Ше не сказала ни слова, но вместо этого побежала с тюком одежды в каждой руке. Обе женщины, как заметил Конан, соскочили со своих седел и спрятались за своими лошадьми. Он соскочил с коня, оставив их, чтобы они могли спокойно одеться, и пошел встречать мужчин.

— Я думал, что на этот раз тебе уже точно пришел конец, — пробормотал ворчливо одноглазый.

— Но я жив, — засмеялся Конан, — да и все остальные тоже, похоже на то. Наша удача была, в конце концов, не такой уж плохой.

Улыбки исчезли с их лиц и он нахмурился.

— Что случилось?

— Очень многое, — ответил Канг-Хоу. — Моя преимица доставила нам много новостей. Во-первых, царь Бандаркар убит руками катари. К счастью, принц Джхарим Кар сумел объединить знать под командой Бханды Канда, младшего сына Бандаркара. Его короновали вчера, таким образом восстановив порядок. Если взглянуть, однако, на мрачную сторону дела, мой друг *ченг-ли*, то ты приговорен к смерти особым царским эдиктом, подписанным лично Бхандой Кандой. Тебе ставится в вину участие в заговоре и убийстве его отца.

Конан только недоуменно покачал головой.

— Проклятье! Каким образом появилась на свет эта чепуха?

Кхитайский купец объяснил:

— Одним из первых шагов Джхарима Кара после коронации (а похоже, она была проделана в большой спешке) был тот, что он поехал в Гвандиакан с юным царем и всей кавалерией, которую они только смогли набрать. Предположим, что он нашел свидетельство того, что Карим Сингх был вождем заговора и таким образом должен быть арестован и казнен, прежде чем он сумеет поднять мятеж в смутное время. Однако слухи говорят о том, что принц Джхарим Кар винит *вазама* за инцидент, в который были вовлечены двое из его жен. Но какой бы ни была правда, Бханда Кханд и его отряд встретили на своем пути караван, в котором путешествовали мы и *вазам*. И Алина, служанка и рабыня леди Виндры, дала показания, в которых она заявила, что ее госпожа, бледнокожий варвар по имени Патил строили козни и заговор с Каримом Сингхом и говорили в ее присутствии о том, что хотят убить Бандаркара.

Дикий крик ярости, донесшийся до них, сообщил им, что Виндра только что получила ту же информацию от Кай-Ше. Вендийская женщина выскочила из-за лошадей, сжимая руками наполовину завернутое вокруг себя шелковое сари.

— Я сдеру с нее кожу! Эта дрянь скажет правду, или я вырву ее у нее кнутами!

— Боюсь, что уже слишком поздно для таких действий с вашей стороны, — сказал Канг-Хоу. — Алина (возможно, правильнее мне будет называть ее госпожа Алина) уже получила от царя все ваши титулы и земли. Царский эдикт, который говорит о вас, не только лишает вас всей

вашей собственности, но также отдает ей вашу жизнь и дает ей право делать с вами все, что ей угодно.

Виндра молчаливо шевелила губами несколько секунд и вдруг гневно обрушилась на Конана:

— Это все из-за тебя! Ты — причина всех моих бед! И что ты собираешься делать сейчас, а?

— Ты винишь меня? — зарычал Конан. — Я обратил в рабство Алину?

Глаза Виндры чуть не выскочили из глазниц от ярости, и он вздохнул.

— Ну, ладно. Я возьму тебя с собой в Туран.

— Туран? — дико вскрикнула она, выбросив патетически вверх обе руки. — Это свиной хлев, недостойный для цивилизованной женщины! Это...

Внезапно до нее дошло, что ее движение обнажило ее до пояса. Вскрикнув, она подхватила все еще сползающий с ее тела шелк и побежала к лошадям.

— Женщина, чей темперамент и горячность равняются ее большой красоте, — сказал Канг-Хоу. — И чья хитрость и жажда мести превосходят оба качества.

Конан отмахнулся от его слов. А что же с Гвандиаканом? Будет ли безопасно укрыться в нем в течение одного-двух дней, чтобы прийти в себя?

— Я не думаю, что это будет возможно, — сказала Кай-Ше, присоединившись к ним. — Жители Гвандиакана приняли землетрясение как знак богов, особенно когда они обнаружили, что в городе были собраны телеги, чтобы отправить детей из города в неизвестном направлении. Стена форта рухнула. Горожане ворвались в форт, освободив детей. Солдаты, которые пытались их остановить, были разорваны буквально на кусочки. Джхарим Кар обещал разобраться в этом деле и восстановить справедливость, но в настоящий момент солдаты усиленно патрулируют городские улицы, и поверьте мне, что эти патрули очень большие. Я не думаю, что любой чужеземец сможет избежать их пристального внимания.

— Я рад, что они освободили детей, — сказал Конан, — хотя это и не имеет никакого отношения ко мне. Но это также означает, что мы должны ехать к горам отсюда. И чем скорее, тем лучше, мне кажется. А как насчет тебя, Канг-Хоу? Ты тоже попал в черный список?

— Я всего только бедный торговец, — ответил кхитаец. — И потому, вне всякого сомнения, избежал внимания Алины. К моей великой радости и удаче. Что касается

твоего путешествия по горам, то боюсь, что не все, кто пришел с тобой сюда, вернутся в Туран. И потому, с вашего позволения...

Поклонившись, он ушел, прежде чем Конан успел спросить его, что это означает, но вместо него к нему подошел Хасан.

— Я должен поговорить с тобой, — сказал молодой туранец. — Наедине.

Все еще хмурясь, не зная, как понимать слова кхитайца, Конан позволил Хасану отойти в сторону. Хасан сунул маленький листок пергамента в руку киммерийца.

— Когда ты вернешься в Султанапур, Конан, доставь это письмо в «Дом Душистых Голубей» и скажи, что это письмо адресовано господину Калиду.

— Ага, так значит, это будешь ты, кто не вернется в Туран, — сказал Конан, вертя в руках квадратный лист пергамента. — И какое же донесение ты посылаешь начальнику шпионов Илдиза? Ты знаешь, кто он такой?

— На улицах Султанапура известно больше, чем думают повелители Турана.

— Но ты не ответил на мой вопрос.

Туранец глубоко вздохнул.

— Я был послан расследовать, есть ли связь между вендийцами и смертью Высшего Адмирала. Ни один из вопросов, которые я задавал, не имеет к этому отношения, в то же время я уже хорошо знаю, что эта страна настолько погрязла в интригах (которые, в свою очередь, являются частью других интриг и хитросплетений), что точный ответ на это никогда не будет найден. Именно это я написал в письме. Я также написал, что я не нашел никаких подтверждений того, что «рыбаки» Султанапура имеют к этому хотя бы малейшее отношение, и что слухи о том, что северный варвар находился на службе у вендийцев — только слухи и ничего больше. Господин Калид узнает мою руку и почерк и поэтому поймет, что это правдивое донесение. Ты можешь прочитать его, если хочешь. Письмо не запечатано моей печатью.

Конан сунул пергамент в свой кисет-пояс. Для чтения у него еще будет впереди время — как и для того, чтобы решить, навестить ли ему «Дом Душистых Голубей». Но все это он сделает позже.

— Почему ты решил остаться? — спросил он. — Чин-Коу?

— Да. У Канг-Хоу нет никаких возражений против

того, чтобы чужеземец вошел в его семью. — Хасан усмехнулся. — После того, как многие годы я пытался избежать этого, кажется, что я все-таки стану торговцем пряностями.

— Будь осторожен, — сказал ему Конан, и в его голове была легкая тревога. — Я желаю тебе добра, но я не думаю, что кхитайцы менее хитрые и скользкие, чем вендийцы.

Оставив молодого туранца, Конан пошел искать Канг-Хоу. Купец сидел у обвалившейся стены колодца.

— Вскоре ты уйдешь из Вендии, — сказал кхитаец, увидев приближающегося Конана. — А как насчет твоих планов пограбить Вендию с армией за твоей спиной?

— Когда-нибудь в будущем, возможно. Но Вендия — странная страна, возможно, слишком скользкая и хитрая для такого простого северянина, как я. Мои мысли начинают скакать в самых разных направлениях, и от них кружится голова.

Канг-Хоу приподнял дугой тонкую бровь.

— Почему это так, о человек, называющий себя Патилом?

— М-мм, это просто отдельные фрагменты, крутящиеся волчком. Станные воспоминания. Валаш, сидящий в «Золотом Полумесяце» в утро того дня, когда был убит Высший Адмирал. Очень жесткий крепкий человек, этот Валаш. Он никогда бы не позволил двум таким красавицам, как твои племянницы, покинуть свой корабль, разве что только на невольничий рынок. Если только кто-то не заставил его сделать это, возможно, кто-то припугнул его. Хотя, с другой стороны, ты тоже очень крепкий жесткий человек для того, чтобы называть себя бедным торговцем, не так ли, Канг-Хоу? А твоя племянница, Кай-Ше, она очень способная, талантливая женщина. Например, то, как она оделась и действовала, как вендийская женщина, в Гвандиакане. И то, что она узнала Найпала среди тех, кто ехал в Леса Гендали, хотя, как я слышал, его лицо было известно не больше, чем горсти людей. Знаешь ли ты, Канг-Хоу, что вендийская женщина была доставлена Высшему Адмиралу, как подарок, в день, когда он был убит? Я так понимаю, что она исчезла вскоре после его смерти. Но я никак не мог понять, почему вендийцы подписали договор с Тураном и убили Высшего Адмирала на следующий же день. Кандар был

искренне шокирован этой новостью, да и Карим Сингх тоже. Странно все это, ты не находишь, Канг-Хоу?

На протяжении всего этого разговора кхитаец слушал Конана с выражением вежливого интереса на лице. Теперь же он улыбался, держа руки в своих широких рукавах.

— Ты сочинил довольно замысловатую историю для того, кто называет себя простым северянином.

Улыбнувшись ему в ответ, Конан положил руку на рукоятку кинжала.

— Ты поставишь на то, что ты быстрее меня?

В течение секунды Канг-Хоу явно колебался, и лицо его дрогнуло. Затем очень медленно он вынул руки из рукавов и раскрыл пустые ладони.

— Я всего-навсего бедный торговец, — сказал он, как будто ничего не произошло. — Если тебе интересно послушать, возможно, я сумею рассказать такую же замысловатую историю, как и твоя. Разумеется, если считать, что эта история не имеет ничего общего с реальностью.

— Я слушаю тебя, — сказал осторожно Конан, но не снял руки с рукояти кинжала.

— Я родился в Чио-Хьен, — начал кхитаец, — маленьком городе-государстве на самой границе Вендии. Жизненные соки и сама основа жизни Чио-Хьен — это торговля, а его армия невелика. Наша страна может уцелеть только в балансе, когда один из наших более сильных соседей спорит с другим. Самый крупный, сильный и враждебный из соседей Чио-Хьен — это Вендия. Возможно, эта страна и прогнила изнутри, как ты говоришь, но правящая каста, Кшатрии — жестокие и властные люди, у которых горящие, жадные глаза, стремящиеся к новым землям. Если эти глаза повернутся к северу, первой жертвой будет Чио-Хьен. Потому Чио-Хьен должен делать так, чтобы Кшатрии обращали свой взор на восток или на запад. Договор с Тураном, например, будет означать то, что амбиции и жажда новых земель у Кшатриев будут обращены не в сторону Вилайета, а в сторону Кхитая. Но моя история, боюсь, слишком фантастична, как, впрочем, и твоя, за исключением того, что ты, возможно, нашел ее забавной.

— Забавной, — согласился Конан. — Но у меня есть один вопрос. Имеет ли Чин-Коу таланты Кай-Ше? Разумеется, — добавил он с улыбкой, — если у Кай-Ше есть способности и таланты, выходящие за пределы обычных.

— Основной талант Чин-Коу состоит в том, что она помнит и может повторить каждое слово из того, что она слышит или может прочесть. За исключением этого, она не больше, чем любящая племянница, которая утешает и помогает стареющему дяде. Хотя, как мне кажется, сейчас она будет утешать другого.

— И это наводит на другой вопрос. Знает ли Хасан обо всем этом?

— О моей замысловатой сказке? Нет.

Широкая улыбка прорезала лицо кхитайца.

— Но он знал, кто я такой, еще до того, как мы достигли Гимелеев. Он будет хорошим добавлением к нашей семье. Будучи чужеземцем, я хочу сказать, он воляется в наш клан без труда. А теперь я задам тебе вопрос, — сказал он, и его улыбка исчезла. — Что ты собираешься делать, услышав мою фантастическую историю?

— Сказка, рассказанная северянином, и еще одна, придуманная кхитайским купцом, — сказал задумчиво Конан. — Кто в Туране поверит, если я им это расскажу? И даже если бы я и рассказал кому бы то ни было эту историю, они нашли бы десять других причин для войны или близкого к этому. Так как, если будет настоящий мир между Тураном и Вендией, Вилайет должен пойти дальше и проглотить Секандерам, возможно, достаточно, чтобы разделить две страны на вечные времена. Да и кроме того, настоящий мир и настоящая война одинаково плохи для контрабандистов.

— Ты не так прост, как утверждаешь, северянин.

— Вендия все еще остается странным местом, — ответил Конан со смехом. — И это та страна, которую я должен покинуть. Счастливого тебе пути, Канг-Хоу из Чио-Хьен.

Кхитаец поднялся и поклонился ему, хотя он был осторожен и на этот раз держал свои руки в стороне от рукавов.

— Желаю тебе тоже счастливого пути... Конан из Киммерии.

Конан смеялся все время, пока шел к лошадям.

— Ордо! — заорал он — Мы трогаемся в путь, или ты уже так состарился, что пустил корни, как дерево? Энам, прыгай в седло! И ты тоже, Шамил. Ты едешь с нами или останешься здесь, как Хасан?

— Я уже получил свою долю приключений и путешеств-

вий, — ответил убежденно и горячо Шамил. — Я возвращаюсь в Султанапур и стану рыбаком. Настоящим рыбаком!

Виндра пробилась сквозь группу стоящих людей, садясь в седла, и подошла к Конану.

— А как насчет меня? — требовательно спросила она.

— Ты не хочешь идти в Туран, — сказал ей Конан. — И ты не можешь оставаться в Вендии. Если ты, конечно, не захочешь быть... гостем Алины. Возможно, Канг-Хоу возьмет тебя с собой, в Чио-Хьен.

— Чио-Хьен? Лучше уж Туран, чем это!

— Ну что ж, раз ты так вежливо попросила меня об этом, если ты будешь согревать меня в холодные ночи в горах, я найду тебе работу — танцевать в таверне в Султанапуре.

Ее щеки порозовели, но она протянула ему руки, чтобы он помог ей сесть в седло. Но когда он это сделал, она на секунду прижалась к нему и прошептала:

— Я бы с большой радостью предпочла танцевать только для тебя одного.

Конан передал ей поводья и повернулся, пряча улыбку. С этой женщиной будут еще тревоги и проблемы, подумал он. Впрочем, мелькнуло у него в голове, они будут довольно приятными.

— А что с противоядием? — спросил его Ордо. — И Гурраном?

— Я видел его, — ответил Конан. — И ты можешь сказать, что он спас всех нас тем, что он сказал мне.

Не обращая внимания на его вопросительный взгляд, он продолжал:

— Мы что, собираемся сидеть здесь, пока вендийцы не насадят наши головы на пики? Вперед! Красивая девка по имени Таша ждет меня в Султанапуре.

И ухмыльнулся, увидев гневное шипение Виндры. Он ударил сапогами в бока своей лошади, послав ее галопом по направлению к горам, которые вздымали свои высокие вершины на севере.

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Говард, Л. Спрэг де Камп	
БОГИ ТЬМЫ. Новеллы. (Пер. Е. Хаецкой)	7
Поединок в гробнице	9
Слоновая башня	21
Бог из чаши	47
Багряный жрец	66
В зале мертвецов	91
Рука Нергала	113
Город Черепов	135
 Лин Картер, Л. Спрэг де Камп	
КОРОНА КОБРЫ. Роман. (Пер. А. Чеха)	161
 Роберт Говард, Роберт Джордан	
ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕМОНА. Роман	
(Пер. А. Вейтскина)	273

Литературно-художественное издание

КОНАН И БОГИ ТЬМЫ

Перевод с английского

Ответственный редактор *Геннадий Белов*

Художник *Владислав Асадулин*

Форзац *Сергея Троицкого*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Раткевич*

Корректоры: *Людмила Быстрова, Виктория Листова*

Верстка *Антонины Помазовой*

Подписано к печати с оригинал-макета 18.02.93.

Формат изд. 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Тираж 100 000 экз.

Печать офсетная. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 25,2. Изд. № 96.

Заказ № 27. С 28.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад»

Издательство «Северо-Запад»,
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии
«Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.